

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Аторин Р.Ю., Докукин К.Ю. Актуальные вызовы цифровой трансформации общества и роль Личности в становлении нового цифрового миропорядка	5
Березнев А.В. Социально сберегающие факторы противодействия преступной субкультуре «Колумбайн»	8
Васильев Н.А. Креативные индустрии: социокультурные особенности и основные выводы	11
Ли Вэньцзэ. Организационно-педагогические условия реализации академических обменов между китайскими и российскими университетами	18
Соколова А.Г., Германович Т.В., Лобов Д.А. Кинематографическое наследие Серпухова	22
Сорокин К.А. Египетская тьма Слотердайка. Философско-культурный анализ работ П. Слотердайка, написанных в память о Ж. Деррида	27
Танова А.Г., Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И., Тучкевич Е.И. Вовлеченность российской молодежи в экологические практики	33
Ван Хао. Выявление социальных причин миграционных намерений студентов регионального вуза: на примере Иркутска	37
Гвоздева М.А., Сокольская М.В. Влияние социальной рекламы на жизненные ценности молодых людей	41
Долгорукова И.В., Шавырина И.В. Развивающие активности в учреждениях детского отдыха: удовлетворенность родителей	46
Егорычева Т.В. Влияние государственной финансово-правовой политики на эффективность деятельности органов местного самоуправления: на примере Новосибирска	50
Захаров М.Ю., Шишкова А.В. Ученость управленца в старом Китае: пути достижения и значение для современного общества	54
Кириенко Я.Ю. Современное состояние управленческой деятельности младших командиров Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации	59
Крутько Е.А. Социальные процессы развития профессиональной креативности преподавателей иностранного языка: на примере применения средств арт-терапии	63
Савинов Ю.И. Организационные аспекты реализации сотрудничества в публичных проектах	67

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Мионов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Мионова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО)

РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Владимирова**

Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов

России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских

наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва);

Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор,

заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша);

Криволюков Виктор Владимирович – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск);

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленко Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская**

Наталья Анатольевна – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев**

Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев**

Николай Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ,

заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.04.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Серержко Т.А., Гармашов Д.О.</i> Роль образования в преодолении цифрового неравенства.....	71
<i>Чиндоти Спинкс.</i> Влияние социальных факторов на развитие физической культуры и спорта в Республике Зимбабве.....	74
<i>Юлдашев А.Ю., Ивонина О.Г.</i> Индикаторы терроризма как девиации: социальные аспекты.....	79
<i>Савинов Ю.И.</i> Теоретические подходы к исследованию сотрудничества в публичных проектах.....	82

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Бусов С.В.</i> «Суператтрактор В.П. Бранского» и проблема свободы: методологический анализ.....	86
<i>Котелевская А.С.</i> Субъектная позиция учащегося высшей школы в контексте философии образования.....	92
<i>Левченкова Т.А., Симонова М.М., Камнева Е.В.</i> Мультикультурализм: различия против однообразия.....	98
<i>Петрухин А.С.</i> Социально-философский анализ эволюции сущностного содержания образа воина России.....	102
<i>Полозова И.В.</i> Ризома и «система»: концептуальное подобие и структурное сходство.....	106
<i>Петрова Г.И., Пономарева С.А.</i> Трансформационные сдвиги ценностной парадигмы российской молодежи.....	110
<i>Равочкин Н.Н., Леопа А.В., Мельникова Т.В., Рахинский Д.В.</i> Позитивные сценарии развития человечества в контексте цифровой цивилизации: социально-философский анализ.....	116
<i>Сирин С.А.</i> Взаимовлияние концептов правовой культуры и правового нигилизма в российском обществе.....	120
<i>Тазов П.Ю.</i> Ценностные основания направленности социальной активности студенческой молодежи.....	123
<i>Хачатрян А.А., Шафигуллин В.А.</i> Философия цифрового общества.....	129

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Болдырев А.А.</i> Содержание гимнографии богослужебной книги «Постная Триодь» как источник богословского дискурса: на примере службы Великого Вторника.....	133
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Связь онтологии сетевой теории с исследованием социально-политических отношений (материалы круглого стола).....	137
<i>Николенко А.А.</i> Мегаполизация и культурная экспансия. Анализ и прогнозы.....	152
<i>Романов Ю.А.</i> Трансформация феномена терроризма в условиях глобализации: аспекты воздействия на политические процессы.....	156

<i>Сайфатова А.Р.</i> Проявление когнитивных искажений в процессе принятия политических (государственных) решений.....	159
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Ермаков К.А.</i> Информационно-коммуникационные технологии как источник формирования новых мегатрендов.....	164
<i>Николенко А.А.</i> Геополитические тенденции развития российской локальной цивилизации.....	168
<i>Сизов А.А.</i> Политические инструменты разрешения международных проблем водопользования: на примере Центральной Азии.....	171
<i>Фань Тяньян, Маркушина Н.Ю.</i> Ближневосточная политика США подвергается серьезному испытанию.....	176
<i>Юй Хань.</i> Дипломатическая стратегия России в контексте санкций США и Европы: анализ и перспективы.....	180

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>До Тхи Ван Фьонг, Нгуен Тхи Тхьонг, Ле Хуинь Дык.</i> Формирование и развитие концепции «мягкой силы» в политической науке.....	184
<i>Жарков А.А.</i> К вопросу об оригинальности теории «мягкой силы».....	189
<i>Самородов А.И.</i> Понятие «заинтересованной стороны» в политическом маркетинге: особенности и классификация.....	193
<i>Панкеева А.А., Свердлык Е.А., Мясников А.Е.</i> Возможности и ограничения развития института общественной дипломатии в контексте международного политического процесса.....	202
<i>Чжан Госюань, Лю Сюаньцзя, Сунь Гуаня.</i> Сотрудничество в области «климатической повестки» Китая и США в контексте глобальной конкуренции.....	208
<i>Чэнь Дуйдуй.</i> Влияние миграции на развитие процессов межнационального сотрудничества.....	212

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Лысова О.В., Абдуллина А.Ш., Нигматуллина Л.А.</i> Прецедентные тексты А.С. Пушкина как отражение аксиосферы молодежного лингвокультурного сообщества в виртуальной (сетевой) среде.....	216
<i>Гусева Е.В.</i> Особенности развития корпоративного волонтерства в России в 2020–2023 годы.....	220
<i>Кучерина И.А.</i> Особенности геополитических и общественных процессов, происходящих на территории Украины.....	225
<i>Аверьянов А.С.</i> Новый формат политической коммуникации через геймификацию избирательных кампаний.....	231

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Atorin R.Yu., Dokukin K.Yu.</i> Current challenges of the digital transformation of society and the role of the Individual in the formation of a new digital world order.....	5
<i>Bereznev A.V.</i> Socially saving factors of counteracting the criminal subculture “Columbine”	8
<i>Vasiliev N.A.</i> Creative industries: sociocultural features and main conclusions	11
<i>Li WENZE.</i> Organizational and pedagogical conditions for the implementation of academic exchanges between Chinese and Russian universities	18
<i>Sokolova A.G., Germanovich T.V., Lobov D.A.</i> Cinematographic heritage of Serpukhov	22
<i>Sorokin K.A.</i> Sloterdijk’s Egyptian darkness. A philosophical and cultural analysis of P. Sloterdijk’s works written in memory of J. Derrida	27
<i>Tanova A.G., Pozdeeva E.G., Evseeva L.I., Tuhkevich E.I.</i> Involvement of young Russians in ecological practices	33
<i>Wang Hao.</i> Identification of social reasons for migration intentions of students at a regional university: the example of Irkutsk	37
<i>Gvozdeva M.A., Sokolskaya M.V.</i> The influence of social advertising on the life values of young people.....	41
<i>Dolgorukova I.V., Shavyrina I.V.</i> Developmental activities in children’s recreation institutions: parents’ satisfaction	46
<i>Egorycheva T.V.</i> The influence of state financial and legal policy on the efficiency of local governments: the example of Novosibirsk	50
<i>Zakharov M.Yu., Shishkova A.V.</i> Scholarship of a public administrator in old China: paths to achievement and implications for modern society	54
<i>Kirienko Ya.Yu.</i> The Current state of management activity of junior commanders of the Ground Forces of the Armed Forces of the Russian Federation	59
<i>Krutko E.A.</i> Social processes in the development of professional creativity of foreign language teachers: the example of the use of art therapy tools.....	63
<i>Savinov Yu.I.</i> Organizational aspects of implementation of cooperation in public projects	67
<i>Serezhko T.A., Garmashov D.O.</i> The role of education in overcoming the digital inequality	71
<i>Chindoti Spinks.</i> The influence of social factors on the development of physical culture and sports in the Republic of Zimbabwe	74
<i>Yuldashev A.Yu., Ivonina O.G.</i> Indicators of terrorism as deviation: social aspects.....	79
<i>Savinov Yu.I.</i> Theoretical approaches to cooperation in public projects	82

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), proroctor of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.04.2024. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ “On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development”.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Busov S.V.. “V.P. Bransky’s super-attractor” and the problem of freedom: methodological analysis 86

Kotelevskaya A.S.. Subjective position of a higher school student in the context of the philosophy of education 92

Levchenkova T.A., Simonova M.M., Kamneva E.V.. Multiculturalism: differences versus monotony 98

Petrukhin A.S.. Social and philosophical analysis of the evolution of the essential content of the image of a Russian warrior 102

Polozova I.V.. Rhizome and “system”: conceptual similarity and structural similarity 106

Petrova G.I., Ponomareva S.A.. Transformational shifts in the value paradigm of russian youth 110

Ravochkin N.N., Leopa A.V., Melnikova T.V., Rakhinsky D.V.. Positive scenarios for the development of humanity in the context of digital civilization: socio-philosophical analysis 116

Sirin S.A.. Mutual influence of the concepts of legal culture and legal nihilism in russian society 120

Tazov P.Yu.. The value bases of the orientation of the social activity of the student youth 123

Khachatryan A.A., Shafigullin V.A.. Philosophy of the digital society 129

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Boldyrev A.A.. The content of the hymnography of the liturgical book “Lenten Triodion” as a source of theological discourse: using the example of the Holy Tuesday service 133

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Connection of the ontology of network theory with the study of socio-political relations (round table materials) 137

Nikolenko A.A.. Megapolization and cultural expansion. Analysis and forecasts 152

Romanov Yu.A.. Transformation of the phenomenon of terrorism in the context of globalization: aspects of the impact on political processes 156

Sayfatova A.R.. The manifestation of cognitive distortions in the process of making political (state) decisions 159

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Ermakov K.A.. Information and communication technologies as a source of formation of new megatrends 164

Nikolenko A.A.. Geopolitical trends in the development of Russian local civilization 168

Sizov A.A.. Political instruments for resolving international water use problems: the example of the Central Asia 171

Fan Tianyang, Markushina N.Yu.. US Middle East policy is being seriously tested 176

Yu Han.. Russia’s diplomatic strategy in the context of US and European sanctions: analysis and prospects 180

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Do Thi Van Phuong, Nguyen Thi Thuong, Le Huynh Duc. Formation and development of the concept of “soft power” in political science 184

Zharkov A.A.. On the originality of “soft power” theory 189

Samorodov A.I.. The concept of “stakeholder” in political marketing: features and classification 193

Pankeeva A.A., Sverdlyk E.A., Myasnikov A.E.. Opportunities and limitations for the development of the institution of public diplomacy in the context of the international political process 202

Zhang Guoxuan, Liu Xuanjia, Sun Guangya. Cooperation on the “climate agenda” of China and the United States in the context of global competition 208

Chen Duidui. The influence of migration on the development of processes of interethnic cooperation 212

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Lysova O.V., Abdullina A.Sh., Nigmatullina L.A., Lysov O.I.. Precedent texts A.S. Pushkin as a reflection of the axiosphere of youth linguocultural community in a virtual (network) environment 216

Guseva E.V.. Features of the development of corporate volunteering in Russia in 2020–2023 220

Kucherina I.A.. Features of geopolitical and social processes occurring on the territory of Ukraine 225

Averyanov A.S.. A new format of political communication through gamification of election campaigns 231

Актуальные вызовы цифровой трансформации общества и роль Личности в становлении нового цифрового миропорядка

Аторин Роман Юрьевич,

к.ф.н., доцент кафедры философии ГУУ
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Докукин Константин Юрьевич,

аспирант кафедры философии ГУУ
E-mail: kodooff@yandex.ru

Настоящая статья посвящена выявлению вызовов, связанных с цифровой трансформацией современного общества. Предпринята попытка определить роль Личности в процессе становления нового миропорядка, в котором все меньше места для таких понятий, как гуманизм, сострадание и творческая свобода. На смену им приходят идеи трансгуманизма – идеологии, которая не рассматривает человека в качестве Личности, относя его к несовершенному существу, которое должно быть заменено идеальным сверхразумом. Анализируется влияние цифровых технологий на различные сферы жизни общества – экономику, образование, социальную коммуникацию и культурные изменения, а также выявляется потенциал существования в новых условиях Личности традиционной, которую упорно стремятся заменить на Личность цифровую.

Ключевые слова: цифровая трансформация, феномен цифровизации, трансгуманизм, Личность, перспективы, угрозы, смена акцентов.

Цифровизация является неотъемлемой частью жизни современного человека, все глубже проникая во все сферы его существования. От активности в социальных сетях до повсеместного использования мобильных приложений, от онлайн-образования до путешествий в виртуальной реальности – технологии все более совершенствуются, превращаясь в часть повседневного опыта. Вещи, которые до недавнего времени расценивались как научная фантазия, сегодня превратились в обыденность и часть привычной жизни, порождая все большую зависимость общества от цифровых технологий и инфраструктуры.

Анализируя интерпретации, которые отечественные и зарубежные исследователи дают определению «цифровая трансформация», необходимо отметить, что данное явление раскрывается, прежде всего, с точки зрения бизнеса, усовершенствования организаций и оптимизации процессов. Однако, с этим сложно согласиться, в контексте феномена цифровизации, охватившего каждого пятого жителя Земли.

В соответствии с мнением широкого круга исследователей [2, 3, 4, 5], цифровизация представляется как процесс, состоящий из четырёх основных этапов. Первый этап – это процесс развития технологий оцифровки объективной реальности (документов, изображений, звуковых дорожек, карт, схем и т.д.), который влечет за собой процесс полной оцифровки данных об окружающей среде. Второй этап – существенное увеличение объема данных, что требует более быстрой их обработки и передачи. Третий этап – это последовательный спонтанный (или преднамеренный) переход к внедрению цифровых данных взамен аналоговых. И, наконец, четвёртый этап – это активное пользование цифровыми технологиями всеми участниками социума.

Учитывая гетерохронность процессов цифровой трансформации, следует отметить, что перечисленные этапы весьма условны, поэтому могут развиваться различными темпами в разных условиях – экономических, культурных, социальных и др.; более того, один процесс может продолжаться параллельно с последующим.

Особого внимания заслуживает четвертый этап, на котором происходит смена приоритетов: аналоговая реальность, ранее доминировавшая над цифровой, как приоритетная в традиционной жизни человека, уходит на второй план, уступая первенство ранее вспомогательной реальности [7]. Таким образом, цифровую трансформацию можно представить, как процесс последовательного смещения акцентов в сторону цифровых технологий, роль которых из сервисной превращается в сущностную.

Цифровая трансформация охватила сегодня все классические сферы общества:

- политическую, где цифровые технологии используются для создания рекламы, которая моментально находит отклик у целевой аудитории. Цифровые технологии активно задействуются в процесс выборов: помимо подсчета голосов, они обеспечивают безопасность системы, достоверность результатов и точную идентификацию избирателей;

- экономическую: в частности, наиболее развитых цифровых сфер сегодня можно назвать бизнес, что связано с высокой конкуренцией на современных рынках. Здесь следует говорить не о цифровой трансформации производственных или сбытовых процессов, а о цифровизации менеджмента, с целью оперативного анализа удовлетворенности клиентов, оценки и прогнозирования бизнес-показателей, выявления пробелов в корпоративной культуре и разработки путей их устранения.

Отдельное направление цифровой трансформации – это финансы. Цифровизация мобильного банка, онлайн-покупок и удаленной оплаты, а также повышение эффективности и безопасности безналичных расчетов (платежные карты, которые не так давно представляли собой не просто средство оплаты, но и некий бренд, самопрезентацию, определение собственного статуса, успешно заменили новые цифровые финансовые инструменты) и блокчейн, функции которого значительно расширились, – цифровые технологии в области финансов за последние годы сделали стремительный рывок в своем развитии.

Цифровая трансформация банков выражается в постепенном переходе от клиентоцентрированной модели работы к полностью виртуальному взаимодействию.

- Клиентам банковской системы намного удобнее решать вопросы через приложение, выполняя необходимые операции дистанционно, нежели искать ближайшее отделение кредитной организации. Здесь мы наблюдаем постепенную замену человека искусственным интеллектом, прежде всего, это касается банковского персонала, в котором, по сути, в скором времени не будет надобности: робот поможет пользователю выпустить карту, приобрести ценные бумаги или разработать инвестиционный портфель с желаемой доходностью и риском.
- Социальную – наиболее губительным эксперты находят влияние цифровой трансформации в сфере образования, поскольку это именно та система, которая отвечает за формирование базисов и ценностных ориентиров человека, становление его мировоззрения и социализацию в обществе.
- Цифровые технологии активно охватывают и область здравоохранения: причем, если этот процесс для Запада вполне закономерен, то в России последствия трансформации здесь не так заметны, однако успешные примеры имеются: это и пресловутый ЕМИАС, и многочисленные частные медицинские базы хранения и учёта данных о состоянии здоровья граждан страны.
- Духовную – цифровые технологии активно проникают в такие сферы, как культура и досуг, туризм и даже религия (роботы и чат-боты, которые позволяют разобраться в канонах и подобрать необходимую молитву, заказать обряд и т.д.). Цифровая трансформация способствовала сближению общества с перечисленными сферами. Успешными примерами можно считать появление таких сервисов и платформ как Яндекс-афиша и Молитвослов-Азбука (сборник православных мотивов).

Иными словами, процесс цифровой трансформации нельзя однозначно назвать позитивным или негативным: прежде всего, он органично вписывается в эволюцию человечества, относясь к естественным импульсам развития. Однако, в контексте настоящего исследования важен иной вопрос: необходимо ли этот процесс искусственным образом акселерировать и сопровождать. Отвечая на него, хочется акцентировать внимание на недостаточное внимание, которое уделяется важнейше-

му аспекту феномена цифровизации – цифровой трансформации Личности [1].

Какова роль Личности в новом Цифровом миропорядке, который априори слабо коррелирует с гуманизмом, пропагандируя идеи трансгуманизма? Последний, в свою очередь, представляет собой современную форму мировоззрения, специально созданную для цифрового общества. Кандидат исторических наук О. Четверикова отмечает, что трансгуманизм, то есть процесс перехода несовершенного существа к идеальному, делая из него «киборга и на место человека ставит искусственный интеллект, или сверхразум, основанный на цифре. И это действительно религия, это сакрализация цифры, искусственного интеллекта» [6].

При этом вопрос о том, каково участие Личности в цифровых трансформационных изменениях и какова ее реакция на них (в отличие от положительной реакции бизнеса, логистики и финансовой сферы), практически не поднимается. Само по себе понятие «цифровая трансформация Личности» также встречается крайне редко, вместо него принято употреблять такую форму как «цифровая социализация», которую А.М. Кондаков понимает как процесс «...интеграции личности в высокотехнологичную социальную цифровую экосистему общества, овладение и воспроизводство его ценностей, норм и правил поведения, знаний, навыков и компетенций в смешанной (конвергентной) онлайн и офлайн реальности, формирующей идентичность личности, обеспечивающей ее становление и непрерывное развитие...» [8].

Аналогичной точки зрения придерживается Г.У. Солдатова, утверждающая, что «цифровая социализация – это опосредованный всеми доступными инфокоммуникационными технологиями процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн контекстах и формирующего его цифровую личность, как часть реальной личности» [7]. Таким образом, от традиционной социализации цифровую отличает только то, что в данном процессе Личность взаимодействует с акторами Цифровой реальности – «мегалюдьми» нового, гораздо более высокого порядка, нежели типичные представители несовершенного общества.

Наиболее емко влияние цифровой трансформации на Личность раскрывает В.В. Гордеев, выделяющий ряд психологических проблем, возникающих в данном процессе. В своих исследованиях он делает акцент на следующих проблемах: не все люди одинаково вовлечены в процессы цифровой трансформации из-за того, что считают их слишком сложными и недоступными; стремление избежать экспоненциальных изменений, которые повлекут за собой вытеснение спроса на людские ресурсы в большинстве профессий (то есть огромное высвобождение рабочей силы); инертность как одна из ключевых характеристик современного человека: большинство людей не готовы жить в обществе, где требуется такая скорость обработки информации и принятия решений, которая неподвластна человеческим возможностям; отрицание того, что цифровая трансформация – процесс, который происходит здесь и сейчас, а не является отдаленной перспективной и научной фантазией; отсутствие желания преодолевать препятствия, которые являются неотъемлемым условием наступления позитивных изменений; переориентация процессов обучения – цифровая личность не нуждается в большом объеме теоретических знаний, ей необходимы практические навыки и способность принимать оперативные решения в условиях неопределенности; социально-этические аспекты, связанные со смещением акцентов в различных сферах человеческой жизни (в общении, сервисе, выборе профессии и т.д.).

Стоит отметить, что общим признаком, объединяющим все перечисленные проблемы, является страх, что цифровая трансформация, как и любая другая, предполагает кардинальные изменения и масштабные нововведения. Она дает большие перспективы и делает жизнь современного человека более комфортной и удобной, экономя его время и силы и максимально заменяя человеческие ресурсы автоматизированными решениями.

При этом, мало кто задумывается о негативных последствиях трансформации, среди которых развитие зависимости от технологий, негативное влияние на способность концентрироваться и внимание человека, потеря эмоционального благополучия за счет постоянного сравнения себя с другими (прежде всего, в социальных сетях и «придуманной» жизни), «обезличивание» и «обесчеловечивание» практически всех сфер современной жизни (это обусловлено тем, что сторонники и активисты цифровизации – это прагматики с четким математическим мышлением, которые придерживаются позиции: «владеющий информацией (как можно большего количества людей) – владеет миром»), страх за безопасность личных данных и многое другое.

Заслуживает внимание духовный анализ вышеописанных тенденций, отображённый в документе «Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных» [10], где полностью раскрывается смысл и отношение к данному явлению. Целью труда человека, в первую очередь, было повысить значимость личности, а роль машины (цифровизации как явления; информационных продуктов и ресурсов) поставить личность на её собственный уровень – уровень вещей. Точка зрения, представленная в документе, основывается на православном понимании того, как Бог уважает свободу каждого человека, как Он помогает человеку на своём его жизненном пути состояться как Личности. Без свободы не может быть любви, без свободы не может быть творчества. Та мировоззренческая концепция, которая заложена в основы цифровизации по всему миру (в её глобальном контексте) ведёт к самоуточнению человечества и к тому, что описано в книге апостола Иоанна Богослова «Апокалипсис».

Литература

1. Вознесенский И.С. Человек в цифровой экономике: управление временем / И.С. Вознесенский // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 1–2.
2. Гарифуллин Б.М., Зябриков В.В. Цифровая трансформация бизнеса: модели и алгоритмы / Б.М. Гарифуллин, В.В. Зябриков // Креативная экономика. 2021. Том 12. № 9.
3. Гордеев В.В. Психологические проблемы цифрового общества [Электронный ресурс] / сайт психологов «В17.ru». 2023. – URL: <https://www.bru/article/123269/> (дата обращения) 01.03.2024).
4. Городнова Н.В., Самарская Н.А. Проблемы современного человека и качество его жизни в цифровой экономике / Н.В. Городнова, Н.А. Самарская // Креативная экономика. 2019. Том 13. № 7. С. 1313–1327.
5. Грибанов Ю.И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции: автореф. дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Грибанов Юрий Иванович. – Санкт-Петербург, 2019.
6. Одержимость цифровизацией [Электронный ресурс] / Бизнес-онлайн. Общество. 2022. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/422591> (дата обращения: 01.03.2024).
7. Ракитов А.И. Человек в оцифрованном мире / А.И. Ракитов // Философия искусственного мира. 2022.
8. Цифровая личность как феномен 21 века: встреча с «новой нормальностью» [Электронный ресурс] / Психологическая газета. 2021. – URL: <https://psy.su/feed/9511/> (дата обращения: 01.03.2024).
9. Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви (2–5 февраля 2013 года): «Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных» // Документ принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 04 февраля 2013 года.

CURRENT CHALLENGES OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY AND THE ROLE OF THE INDIVIDUAL IN THE FORMATION OF A NEW DIGITAL WORLD ORDER

Atorin R.Yu., Dokukin K.Yu.
GUU

This article is devoted to identifying the challenges associated with the digital transformation of modern society. An attempt has been made to define the role of Personality in the process of formation of a new world order, in which there is less and less room for such concepts as humanism, compassion and creative freedom. They are replaced by the ideas of transhumanism, an ideology that does not consider a person as a Person, referring him to an imperfect being who must be replaced by an ideal supermind. The article analyzes the impact of digital technologies on various spheres of society – the economy, education, social communication and cultural changes, and also reveals the potential for the existence of a traditional Personality in new conditions, which they persistently strive to replace with a digital Personality.

Keywords: digital transformation, the phenomenon of digitalization, transhumanism, Personality, prospects, threats, change of emphasis.

References

1. Voznesensky I.S. Man in the digital economy: time management / I.S. Vonesensky // Greater Eurasia: Development, security, cooperation. 2022. No. 1–2.
2. Garifullin B.M., Zyabrikov V.V. Digital transformation of business: models and algorithms / B.M. Garifullin, V.V. Zyabrikov // Creative Economy. 2021. Vol. 12. No. 9.
3. Gordeev V.V. Psychological problems of digital society [Electronic resource] / site of psychologists “V17.ru”. 2023. – URL: <https://www.bru/article/123269/> (access date) 03/01/2024).
4. Gorodnova N.V., Samarskaya N.A. Problems of modern man and the quality of his life in the digital economy / N.V. Gorodnova, N.A. Samara // Creative Economy. 2019. Vol. 13. No. 7. pp. 1313–1327.
5. Gribanov Yu.I. Digital transformation of socio-economic systems based on the development of the institute of service integration: abstract of thesis. diss. ... doc. econ. Sciences: 08.00.05 / Gribanov Yuri Ivanovich. – St. Petersburg, 2019.
6. Obsession with digitalization [Electronic resource] / Business online. Society. 2022. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/422591> (access date: 03/01/2024).
7. Rakitov A.I. Man in a digitized world / A.I. Rakitov // Philosophy of the artificial world. 2022.
8. Digital personality as a phenomenon of the 21st century: meeting with the “new normal” [Electronic resource] / Psychological newspaper. 2021. – URL: <https://psy.su/feed/9511/> (access date: 03/01/2024).
9. Consecrated Council of Bishops of the Russian Orthodox Church (February 2–5, 2013): “The position of the Church in connection with the development of technologies for recording and processing personal data” // Document adopted by the Council of Bishops of the Russian Orthodox Church on February 04, 2013.

Социально сберегающие факторы противодействия преступной субкультуре «Колумбайн»

Березнев Алексей Владимирович,
старший преподаватель кафедры физической подготовки
Воронежского института МВД России
E-mail: ber132007@yandex.ru

Актуальность настоящего исследования обосновывается запросом общества на решение важной остро стоящей социальной проблемы, имеющей социальные основания. Проблема не может быть решена юридически, равно как и политически: в правовой системе российского общества скулшутинг квалифицируется как разновидность террористической деятельности, но совершенствование, лишь, законодательной системы не видится перспективным. Для России данное явление актуализировалось сравнительно недавно, однако за последнее десятилетие отмечается значительное количество инцидентов, каждый из которых повлек за собой значительные деструктивные последствия. При этом, имеет место тенденция обострения ситуации, что свидетельствует о необходимости совершенствования мер по противодействию скулшутингу. Целью настоящей публикации является определение проблемного поля в рамках социологической науки и выявление социально сберегающих факторов противодействия преступной субкультуре «Колумбайн».

Ключевые слова: терроризм, скулшутинг, «Колумбайн», деструктивная идеология, социально сберегающие факторы.

Введение

В современном российском обществе зачастую актуализируются проблемы, имеющие явно зарубежное происхождение. К таковым относится деструктивное сообщество так называемых «скулшуттеров», в основе деятельности которых лежит противоправная идеологическая модель. Современные исследователи [5] указывают, что в качестве ценностных оснований, оправдывающих девиантное поведение, деструктивные идеологии используют различные антиценности. Анализ того, насколько эпизодичное распространение проявлений крайних форм агрессии в образовательных учреждениях детерминирован антиценностной идеологией опирается на подход, емко выраженный в следующей методологической позиции. «Социальное познание в целом призвано реализовывать три функции: объяснять социальные процессы, выявляя их необходимое и существенное содержание, прогнозировать социальные процессы на основании экстраполяции принципа социального детерминизма в ближайшее будущее и, наконец, формировать методологию управления социальными процессами на основании практического использования принципов предсказуемых последствий малого воздействия на социальную систему» [4].

Обсуждение

Многие исследователи склонны рассматривать скулшутинг как разновидность терроризма [3]. Это определяет статус данного явления в ряду угроз общественной безопасности, и одновременно с этим задает простор для осмысления природы скулшутинга, его социальных предпосылок, процессов, лежащих в основе возникновения и распространения данного явления. В частности, в настоящее время присутствует значительная доля исследований, рассматривающих проблему скулшутинга в контексте проблемного поля развития экстремизма [1] (что особенно актуально с учетом информационного аспекта скулшутинга, реализуемого на уровне сетевых сообществ, прямо призывающих к повторению модели осуществления массового насилия). Таким образом, формируется тенденция, связанная с вписыванием проблемы скулшутинга в общую теоретическую матрицу исследования терроризма и экстремизма. Однако данная тенденция в настоящее время реализуется преимущественно на уровне правового знания, ориентированного на определение статуса конкретного преступления по факту его осуществления. И здесь реализуются конкретные, строго определенные цели и задачи, связанные с уже свершившимися происшествиями. Вместе с тем, если ставить вопрос о профилактике скулшутинга, борьбе с его распространением – необходима принципиально отличная постановка вопроса, которая рассматривает «школьную стрельбу» не как свершившийся факт, но как явление, обладающее внутренней динамикой, в котором конечный акт массового насилия является лишь завершающим элементом.

Результаты

Попытаемся зафиксировать базовую ценность каждой из перечисленных выше деструктивных идеологий. Так,

для идеологии криминального суицида такой фундаментальной антиценностью является саморазрушение личности. Наркотические субкультуры и идеологии опираются на эскапистские ценности, связанные с уходом от реального мира, важнейшей из которых служит чрезмерное чувственное удовольствие. В свою очередь, главной антиценностью идеологии педофилов является удовлетворение извращенной сексуальной потребности. Базовой антиценностью идеологии движения «Колумбайн» следует признать ненависть.

Специфика деструктивной идеологии заключается в неразвитости таких доктринальных структурных элементов, как мировоззрение, социальный идеал и социальная программа преобразования общества. Однако нельзя сказать, что данные элементы в деструктивных идеологиях отсутствуют полностью, например, в идеологии движения «Колумбайн» присутствует нигилистическая картина мира, близкая к вульгарному прочтению философии жизни и атеистического экзистенциализма. Кроме того, в данной идеологии присутствует и негативный социальный идеал, который можно определить, как «мир без людей», который реализуется посредством совершения массовых убийств.

Социальное пространство образовательных учреждений представляет собой среду взаимодействия, на уровне которой учащиеся проходят социализацию и получают опыт взаимодействия с другими людьми [2]. При этом, в зависимости от личностных качеств, способностей, социального статуса родителей и ряда иных факторов стартовые условия включения в коммуникативную среду образовательного учреждения в значительной мере различаются. При этом, коль скоро мы говорим о *процессе* социализации, одной из особенностей образовательных коллективов является то, что в них учащиеся еще не обладают (как минимум, не все) развитыми нормами поведения, ценностными ориентациями и ограничениями, определяющими корректное поведение в отношении ближайшего социального окружения. При этом, на уровне общеобразовательных школ реализуются процессы, связанные с выяснением места учащихся в неформальной иерархии, нередко связанные с проявлением агрессии и применением насильственных практик. Все это в совокупности определяет достаточно напряженную обстановку, имеющую место на уровне образовательной среды.

Одним из значимых факторов выстраивания отношений между учащимися является то, что они зачастую не имеют возможности получить поддержку, поскольку обращение за помощью может расцениваться как проявление слабости. При этом, если обратиться к возрастным характеристикам преступников, осуществляющих акты скулшуттинга – преимущественно от 14 до 20 лет, несложно заметить, что речь идет об этапе личностного становления, в рамках которого у молодых людей существенно осложняются отношения с членами семьи, в связи с чем нередко актуализируется проблема отсутствия поддержки. В этих условиях одним из возможных путей решения проблем подростка могла бы стать школьная психологическая служба, но, по факту, для большинства подростков обращение к психологу равносильно признанию собственной неспособности справиться с ситуацией, а доверие к специалисту-психологу сравнительно невысоко.

Анализ текущих случаев осуществления скулшуттинга свидетельствует о том, что в большинстве случаев субъектом преступной деятельности становится молодой человек, испытывающий значительные проблемы с социальной адаптацией в школьном коллективе. Зачастую в роли палача выступает жертва буллинга, ранее

претерпевшая существенные страдания от своих одноклассников и не встретившая достаточной поддержки со стороны учителей. В этом контексте становится понятно, что от способа организации социального взаимодействия между учащимися и, в том числе, от мер по их социальной адаптации в значительной степени зависит предрасположенность учащихся к осуществлению актов крайней агрессии. В данном случае закономерным является то, что для героизации людей, осуществляющих массовое насилие, картина мира подростка уже должна быть в значительной степени деформированной. Соответственно, недопущение подобного рода деформации социального мировоззрения учащихся является одним из важных аспектов профилактики скулшуттинга.

Противодействие скулшуттингу требует комплексного подхода, включая разнообразные меры. Наиболее эффективными мерами являются следующие.

Раннее выявление и предотвращение. Отслеживание признаков агрессивного поведения, радикальных идеологий, изоляции или насилия среди учеников. Работа с учениками, показывающими такие признаки, и предоставление им психологической поддержки.

Создание безопасной и поддерживающей среды. Создание атмосферы уважения, взаимопонимания и поддержки в образовательных учреждениях. Разработка и внедрение программ по предотвращению травли, дискриминации и насилия.

Обучение учителей и персонала. Проведение обучения для учителей и персонала, направленное на выявление признаков агрессивного поведения, радикализации и насилия среди учеников. Обучение методам превентивной работы и реагирования на такие случаи.

Взаимодействие с родителями. Вовлечение родителей в процесс образования и разработка стратегий поддержки детей с проблемами агрессии или насилия. Обеспечение обратной связи и сотрудничества между школой и семьей.

Психологическая поддержка учеников. Наличие в школах квалифицированных психологов и социальных работников, готовых помочь ученикам с проблемами, связанными с агрессией, насилием или радикализацией.

В ходе экспертного опроса (в рамках авторского исследования) было определено, что распространение скулшуттинга в российском обществе представляет собой процесс, имеющий комплексную обусловленность на уровне структуры образовательных учреждений, специфики работы психологических служб и правоохранительных органов с «трудными» подростками, состояния взаимодействия на уровне семейных групп. Еще одним определяющим фактором становится характер социальных установок и ценностных ориентаций учащихся. Значительным фактором риска становится взаимодействие западных ценностей лидерства и индивидуалистических установок, порождающих дистанцию между людьми, способствующих снижению эмпатии и альтруизма во взаимодействии, облегчающих безразличное или жестокое отношение к окружающим. Эффективное противодействие скулшуттингу должно охватывать сферы предпосылок данного явления, что предполагает необходимость принятия мер по снижению уровня конфликтности в образовательной среде, изменению социокультурных установок учащихся, повышению уровня их психологической поддержки, формированию в среде учащихся конструктивных ценностных установок, основанных на принципах сотрудничества и взаимопомощи. В этой связи, в качестве перспективной и потенциально эффективной системы мер видится осуществление:

- 1) превентивной работы;
- 2) сотрудничество с правоохранительными органами;

- 3) усиление и оптимизация контроля доступа к оружию;
- 4) улучшение безопасности на территории образовательных учреждений (сюда входит обеспечение физической безопасности, оптимизация системы видеонаблюдения, ограничение доступа на территорию школы, регулярные тренировки по эвакуации и реагированию на чрезвычайные ситуации);
- 5) мониторинг интернет-пространства для выявления возможных угроз, связанных с скулшуттингом и радикальной идеологией;
- 6) раннее выявление и предотвращение фактов агрессии и аутоагрессии;
- 7) создание безопасной и поддерживающей среды;
- 8) обучение учителей и персонала;
- 9) взаимодействие с родителями;
- 10) психологическая поддержка учеников.

Заключение

Общим выводом проведенного исследования может служить утверждение, что эффективное противодействие феномену скулшуттинга требует реализации целостной программы, предполагающей детальную разработку мировоззренческого, психологического и правового обеспечения мероприятий по профилактике, предупреждению, пресечению, расследованию и раскрытию преступлений, связанных с актами насилия и с применением оружия в образовательных организациях.

Литература

1. Волженин В.В. К проблеме профилактики проявлений экстремизма несовершеннолетних // Аграрное и земельное право. 2020. № 12(192). С. 160–162.
2. Волчецкая Т.С., Козырева И.Е., Осипова Е.В. Криминалистические и психологические особенности проявления насилия в общеобразовательных школах // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-i-psihologicheskie-osobennosti-proyavleniya-nasiliya-v-obsheobrazovatelnyh-shkolah> (дата обращения: 27.02.2024).
3. Вторушина В.В. Квалификация уголовной ответственности за вооруженные нападения на образовательные учреждения в России // Юридическая наука. 2023. № 2. С. 95–97.
4. Гришай Е.В., Плотников В.В. Социальный детерминизм и его прогностический потенциал в отношении девиантных социальных процессов // Общество и право. 2018. № 4 (66). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-determinizm-i-ego-prognosticheskiy-potentsial-v-otnoshenii-deviantnyh-sotsialnyh-protsessov> (дата обращения: 17.04.2024).

[berleninka.ru/article/n/sotsialnyy-determinizm-i-ego-prognosticheskiy-potentsial-v-otnoshenii-deviantnyh-sotsialnyh-protsessov](https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-determinizm-i-ego-prognosticheskiy-potentsial-v-otnoshenii-deviantnyh-sotsialnyh-protsessov) (дата обращения: 17.04.2024).

5. Самойлов С.Ф., Плотников В.В., Каспаров А.Р., Лапсарь М.В. Идеологические и правовые аспекты противодействия деструктивной субкультуре «Колумбайн». – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2021. – 133 с.

SOCIALLY SAVING FACTORS OF COUNTERACTING THE CRIMINAL SUBCULTURE “COLUMBINE”

Bereznev A.V.

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The relevance of this study is justified by the demand of society to solve an important pressing social problem that has social grounds. The problem cannot be solved legally, as well as politically: in the legal system of Russian society, school shooting is classified as a type of terrorist activity, but improving the legal system alone does not seem promising. For Russia, this phenomenon became actual relatively recently, but over the last decade there has been a significant number of incidents, each of which entailed significant destructive consequences. At the same time, there is a tendency for the situation to worsen, which indicates the need to improve measures to counter school shooting. The purpose of this publication is to define the problem field within the framework of sociological science and to identify socially saving factors in countering the Columbine criminal subculture.

Keywords: terrorism, school shooting, Columbine, destructive ideology, socially saving factors.

References

1. Volzhenin V.V. On the problem of preventing manifestations of extremism among minors // Agrarian and land law. 2020. No. 12(192). pp. 160–162.
2. Volchetskaya T.S., Kozyreva I.E., Osipova E.V. Forensic and psychological features of violence in secondary schools // News of Tula State University. Economic and legal sciences. 2022. No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-i-psihologicheskie-osobennosti-proyavleniya-nasiliya-v-obsheobrazovatelnyh-shkolah> (date of access: 02/27/2024).
3. Vtorushina V.V. Qualification of criminal liability for armed attacks on educational institutions in Russia // Legal science. 2023. No. 2. P. 95–97.
4. Grishay E.V., Plotnikov V.V. Social determinism and its prognostic potential in relation to deviant social processes // Society and Law. 2018. No. 4 (66). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-determinizm-i-ego-prognosticheskiy-potentsial-v-otnoshenii-deviantnyh-sotsialnyh-protsessov> (date of access: 04/17/2024).
5. Samoilov S.F., Plotnikov V.V., Kasparov A.R., Lapsar M.V. Ideological and legal aspects of countering the destructive Columbine subculture. – Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. – 133 p.

Васильев Николай Александрович,

руководитель Исследовательского Центра Ассоциации коммуникационных агентств России, Российской ассоциации маркетинговых услуг, Российской ассоциации развития интерактивной рекламы, магистр социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН), магистр социологии Манчестерского университета, старший научный сотрудник сектора исследований социокультурных и медиакоммуникаций Института социологии РАН ФНИСЦ РАН
E-mail: nikolay.a.vasilyev@gmail.com

Современная политическая, социальная, экономическая ситуация предполагает переосмысление многих процессов, происходивших в стране и мире. Создаются новые смыслы, формируется иное видение устоявшихся за многие годы стандартов и правил. Креативные индустрии, как одна из наиболее популярных тем в недавнем прошлом, также нуждается в новой оценке. С креативными индустриями связывали большие надежды, предполагалось, что развитие креативных индустрий приведет к новому росту мировой экономики, произойдет новый цивилизационный рывок [Клоудова, 2010: 110–125]. В России адепты креативных индустрий считали, что развитие этого направления создаст дополнительную возможность перехода от сырьевой к инновационной экономике. Но ничего из этого не было осуществлено и, наверное, необходимо искать новые смыслы и новые решения. Нужны ли сейчас в России креативные индустрии в том виде, в котором они существовали до СВО? Нужны ли нам сейчас рейтинги креативных индустрий, основанные на параметрах, разработанных в Великобритании, используемых в Соединенных Штатах Америки и Евросоюзе? Креативные индустрии, выросшие из культурных индустрий, сформировали новое отношение к национальным культурам, предлагая оценить и стандартизировать «культурные продукты». Нуждается ли российское общество в этих преобразованиях, возможно, серьезный вопрос, требующий решения на уровне Государственной Думы и Правительства РФ.

Ключевые слова: культура; индустрии культуры; счет; креативные индустрии; субъекты креативных индустрий; творчество, искусство; факторы креативных индустрий.

Методологические аспекты

Креативные индустрии – это отрасли экономики, основанные на создании и продаже интеллектуальной собственности. К ним относятся дизайн, мода, реклама, архитектура, кино и многие другие. Креативные индустрии возникли в середине XX века в Европе и Америке как ответ на потребность в новых рабочих местах и развитии культуры после Второй мировой войны. В России креативные индустрии начали активно развиваться в 1990-х годах после распада СССР.

Одним из основоположников теории креативных индустрий является американский экономист Ричард Флорида [Флорида, 2002: 434]. Он написал несколько книг по этой теме, в том числе “The Rise of the Creative Class” (1995) и “The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent” (2005). Также стоит отметить британского социолога Чарльза Лэндри [Landry, 2008: 298], автора книги “The Creative City. A Toolkit for Urban Innovators” (2008) и Джона Хокинса [Howkins, 2013: 288], написавшего популярную во всем мире книгу “The Creative Economy: How People Make Money from Ideas” (2001). Несомненно, важный вклад в развитие креативных индустрий внесли Терри Флю [Flew, 2013: 96], Дэвид Хезмондалш [Хезмондалш, 2014: 14–16], Хосе ван Дейк [Dijk, 2013: 240], Питер Кой [Coy, 2024: Электронный ресурс] и другие ученые.

В России наибольший вклад в развитие креативных индустрий вносит Национальный исследовательский университет «Высшая школа Экономики». Можно выделить следующих авторов, специализирующихся на этой теме: Хестанов Р.З. [Хестанов, 2018: 173–196], Абанкина Т.В. [Абанкина, 2020: 98–117], Николаенко Е.А. [Николаенко, 2020: 75–79], Романова В.В., Щербакова И.В., Власова В.В. [Власова, 2021: 108], Зеленцова Е.В. [Зеленцова, 2021: 209], Долгин А.Б. [Долгин, 2024: Электронный ресурс], Черная И.П. [Черная, 2015: 53–58] и многие другие сотрудники ВШЭ, РАНХиГС, ВШСЭН и других научных центров. Одной из последних значимых работ по теме «креативные индустрии» на российском рынке является «Рейтинг инвестиционной привлекательности мировых городов – 2023» [Рейтинг, 2023: Электронный ресурс], созданная в Центре «Российская кластерная обсерватория» ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

При всей значимости указанной работы, к ней есть ряд вопросов, которые, на самом деле, свойственны при рассмотрении большинства материалов по теме креативных индустрий. Прежде всего, наблюдается использование разных источников данных, выбор в пользу тех или иных источников не аргументируется. Например, для оценки числа публикаций используется только база Scopus и не используется Web of Science и другие крупные международные базы научных публикаций. Например, если взять параметр «Исполнители музыкальных треков – лидеров по числу скачиваний с сайта Spotify», то в нем оцениваются только скачивания с сайта Spotify, в то время как доля Spotify среди подписчиков музыкальных стриминговых сервисов во всем мире составляет 30%.

Spotify – глобальная стриминговая онлайн платформа, позволяющая прослушивать музыку, аудиокниги и другой аудиоконтент, не скачивая его на устройство.

Spotify доступен в виде веб-сайта, приложения для всех ОС, смартфонов и медиасистем. В 2023 году на платформе Spotify было 11 млн артистов и создателей аудиоконтента. Месячная мировая аудитория составила 574 млн, 226 млн являются премиум-подписчиками. До ухода из России, в 2021 году, Spotify был на втором месте (36%) после Яндекс.Музыка (59%) среди музыкальных онлайн-платформ. На 3 месте располагался YouTube Music, на 4 – ВКонтакте Boom, а на 5 месте Apple Music с долей 14%. После ухода большая часть аудитории (82%) перешла на отечественные музыкальные платформы, осталось не более 0,5 млн ежемесячных активных пользователей (MAU), которые могут подключиться к Spotify только через VPN, который де-факто запрещен в РФ, а оплатить подписку – только через иностранные платежные системы и карты, которые перестали оказывать услуги в России. Фактически с 2021 года использовать Spotify [Стриминговые сервисы, 2023: Электронный ресурс] для оценки стриминга в России невозможно, однако это происходит по данным рейтинга инновационной привлекательности 2023 (рис. 1).

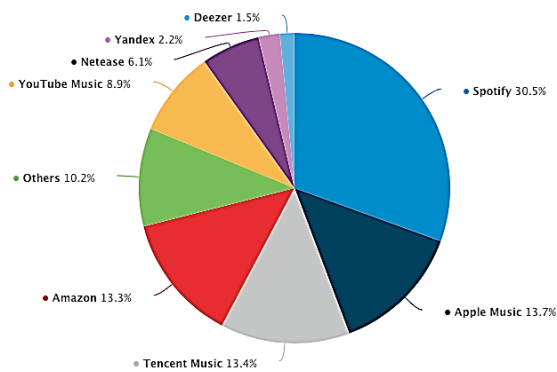

Рис. 1. Стриминговые сервисы в 2024 году

Устаревшие, потерявшие актуальность данные используются и в других параметрах исследования. Например, рекламные показатели «2.5. Реклама и пиар-индустрия»:

- Effie Awards за 2020–2021 год;
- PRovoke Media за 2021 год;
- Cannes Lions International Festival of Creativity за 2021 год;
- D&AD за 2021 год.

При этом следует учитывать, что фактически в самих фестивалях учитываются данные по агентствам и рекламным кампаниям за предшествующий период, в нашем примере это 2019–2020 год. Использование в 2023 году данных пятилетней давности вызывает вопросы. Еще больше вопросов вызывает смысл этих «упражнений» – что мы хотим получить в результате и как это можно использовать для развития России?

В рейтинге не отражен вклад креативных индустрий в ВВП страны, скорее всего, нет методики вычленения креативных индустрий из экономики в целом, что приводит к сложности оценки.

В Разделе «3.2 Доступность жизни в городе». Все индикаторы – «Стоимость питания», «Аренда квартиры», «Чашка кофе», «Обед в ресторане» и т.д., рассчитаны в долларах США. Это не только некорректно для разных стран с учетом разницы в ППС, но и некорректно по отношению к России, в которой доллар не является средством платежа.

В расчете рейтинга нигде не учитывается международный политический контекст. Российская Федерация,

начиная с 2022 года, подверглась рекордному количеству международных санкций – сейчас их насчитывается более 18 тысяч. Это превышает количество санкций против Ирана и других стран вместе взятых. В этих условиях многие компании, а также международные площадки (стриминговые сервисы, международные фестивали, международные рейтинги, и т.д.) исключили российский бизнес и российских пользователей. Этот фактор не только не учитывается в рейтинге, но и по каким-то непонятным причинам воспроизводится из года в год, хотя данные иностранных компаний официально использовать нельзя.

В рейтинге также не учитывается, что до сих пор не выработана единая оценка показателей креативных индустрий. Единого перечня (реестра) креативных индустрий на сегодняшний момент не существует. Чаще всего используется реестр Организации объединенных наций и реестр Департамента культуры, медиа и спорта Великобритании (DCMS). Помимо этого, ведутся дискуссии по поводу того, можно ли в принципе прогнозировать затраты на культурные продукты, т.е. насколько креативная экономика поддается логике экономического прогноза. Например, кассовые сборы высокобюджетного фильма могут оказаться низкими, по различным причинам, в том числе и потому, что кино не соответствует культурным предпочтениям и вкусам граждан того или иного государства. Понимание культуры как экономического продукта в рамках парадигмы культурных индустрий не учитывает национальных культурных традиций и суверенитета. Пример с рейтингом приведен не для критики продукта, а как наглядное пособие по несовершенству и противоречивости понятия креативных индустрий как предмета сравнительного анализа.

Еще одним значимым исследовательским продуктом является «Индекс креативного капитала» [Индекс, 2023: Электронный ресурс] – система оценки реализованного и скрытого потенциала городов в сфере новой экономики. В пилотную версию Индекса, запущенную в 2016 году, вошли девять российских городов (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Екатеринбург, Казань, Краснодар, Нижний Новгород, Новосибирск и Тюмень), а к 2019 году количество городов Индекса достигло двадцати пяти. Индекс креативного капитала – это индекс, который оценивает развитие креативной экономики не только столичных городов, но и региональных центров. При подсчете используется официальная статистика, а также результаты кабинетных и полевых исследований (анкетирования креативных специалистов и экспертных опросов), данные геолокационных сервисов, социальных сетей и других интернет-платформ. К сожалению, Индекс имеет те же недостатки, как и другие исследовательские продукты по теме креативных индустрий.

Основные выводы

1. Креативные индустрии не смогли оформиться как отдельный, стандартизированный блок отраслей. Не смотря на многочисленные попытки, которые предпринимали социологи, экономисты, политики и даже правительства некоторых стран, так и не был создан единый для большинства стран список (реестр) креативных индустрий. В следствие чего так и не произошло возникновение универсального понятия креативных индустрий.
2. Сформировалось несколько научных направлений по систематизации креативных индустрий, одновременно появилась дюжина моделей креативных индустрий (американская, китайская, скандинавская, т.д.), основанных на базовом реестре креативных

индустрий. Сторонники «креативных индустрий» так и не создали единую систему параметров, которая позволяла бы проводить объективную оценку креативных индустрий разных стран. Предпринимались попытки перейти на единые экономические параметры с применением определенных экономических показателей, таких как «экспорт креативных индустрий», «доля креативных индустрий в ВВП страны», т.д. Однако единой системы измерений не получилось. Кроме этого, данные по креативным индустриям собираются с использованием разных методологий и корректный сравнительный анализ невозможен.

3. Креативные индустрии, по сути дела выросшие из «культурных индустрий», натолкнулись на серьезную проблему – возможна ли объективная оценка культуры с точки зрения товарно–рыночных отношений? Возможно ли оценить культуру в деньгах? Отдельные направления культурной деятельности достаточно легко подвергнуть монетизации, это касается популярных направлений или иначе – эртейнмента во всех его современных проявлениях, прежде всего, шоу бизнес, видео и аудио контент, гейминг, в том числе предметы ремесел и сувенирная продукция. Более того, многочисленные предметы интеллектуального искусства, например, кинопродукция, может быть монетизирована неоднократно и приносить прибыль на протяжении длительного срока.
4. Культурные индустрии, в отличие от креативных индустрий, обладают достаточно четкой классификацией и определением – продукты культурных индустрий – это результаты интеллектуального труда. Именно поэтому развитие темы культурных индустрий привело к росту количества патентов на интеллектуальную собственность и, в целом, на качественный и количественный рост законодательства и бизнеса в этой области. Однако, есть и «другая сторона медали» – невозможно заранее определить коммерческую успешность культурного продукта – он может быть очень успешным или, наоборот, совсем неуспешным. Это хорошо видно на примере кинопродукции – художественный фильм может стать бестселлером, заработать миллионы на прокате и последующих продажах сопутствующей креативной продукции, а может провалиться в прокате, принести убытки своим создателям. Также важнейшей частью культурных продуктов, в том числе относящихся к широкому эртейнменту, является национальная, цивилизационная принадлежность, которая накладывает глубокий отпечаток на популярность, и, соответственно, прибыльность. На всё том же примере кинопродукции очевидно, что индийское, африканское, скандинавское, российское, китайское, т.д. кино настолько специфично, что часто имеет коммерческий успех только в рамках своих национальных, цивилизационных границ.
5. Кроме этого, существуют предметы искусства, например, живопись, архитектура, которые невозможно оценить в каких–либо денежных единицах. Фактически, большинство исследователей креативных индустрий пришли к выводу, что полностью культура не может быть коммерциализована как товар, следовательно ее невозможно оценить.
6. Еще один важным выводом по поводу деятельности креативных индустрий является разнородность оценки количества креативных профессий и количества сотрудников креативных индустрий, например, по принятым в Великобритании параметрам к креативным индустриям относятся люди, основная профессия которых не является креативной. Подданный британской короны может иметь основную профессию «водитель–таксист», а по выходным заниматься живописью, соответственно, он причисляется к представителям креативного класса, креативного сообщества. В России, Китае представителем креативного класса может являться человек, чья основная профессия относится к креативным индустриям, например, дизайнер, фотограф, иллюстратор, т.д. Кроме этого, возникает несогласованность в оценке креативности сотрудников промышленных и сельскохозяйственных отраслей.

7. Еще один вывод из двадцатилетней истории креативных индустрий заключается в отсутствии единых данных и единых определений исследуемых объектов. В научной и экспертной среде отсутствует консенсус по основополагающим понятиям, например, понятие «инновации», «городская среда», «урбанизированная территория». Также наблюдается дефицит надежных исследовательских источников для корректного сопоставления данных по уровню развития креативных индустрий. Разнородность, разнокалиберность исследовательских данных разных стран приводит к значительному снижению достоверности сравнений креативных индустрий разных стран и городов.

Например, в уже упоминавшемся выше одном из наиболее фундаментальных за последнее время исследований креативных индустрий «Рейтинг инновационной привлекательности мировых городов» [Рейтинг, 2023: Электронный ресурс], отмечается, что для оценки креативности городов используется «учет Функциональных городских территорий» (FUA) для стран ОЭСР, одновременно используются «национальные подходы» к определению агломераций для Бразилии, ЮАР и Индии, а для 98 стран определение агломераций происходит «на основе доступных сведений из открытых источников». Таким образом, используются разные исследования и подходы для определения единой оценки, что заведомо понижает уровень достоверности результатов.

Сильная дифференциация стран и их рынков в зависимости от сложившейся структуры экономики, часто продиктованной в том числе ресурсной базой, числом жителей (граждан), происхождением и цивилизационным развитием стран, политической разнородностью, серьезными различиями в формировании государственного аппарата и государственности как таковой, что приводит к разному пониманию роли государства в обществе, а главное – роли государства в культуре, особенно, когда влияние государства на культуру неразрывно связано с понятием национального суверенитета. Коммерциализация культуры может иметь разные задачи, которые можно толковать по–разному, в том числе как попытку ликвидации национальных государств через потерю этими государствами возможности контроля над национальной культурой, а значит над национальным самосознанием.

Следствием коммерциализации культуры, в таком случае, является отказ от «неоценочных» параметров культурного наследия, а, значит, отказ от сверхценности национальной культуры с последующей утратой культурного кода и потерей национальной идентичности для дальнейшего беспрепятственного расширения рынка товаров и услуг международных корпораций от P&G до McDonalds. Захват культурного пространства является главным компонентом экономического и политического захвата.

Важным моментом является не только коммерциализация как таковая, а коммерциализация по оценочным параметрам других государств, прежде всего, Великобритании и США, то есть используются параметры, которые изначально делают указанные страны эталоном для подражания, лидерами «культурных» и «креативных» индустрий, а все остальные государства находятся в процессе «соревнования» друг с другом за попадание в список, за близость к эталону, ориентиру, образцу для подражания, т.д. Процесс глобализации конца XX начала XXI века сопровождался программами культурного переустройства мира, национальные культуры рассматривались как наиболее сильное препятствие на пути массовой культуры в виде глобального американского эртертейнмента. Креативные индустрии, возможно, являлись одной из программ этого процесса. Одним из главных средств глобализации выступает сетевая культура – эртертейнмент, непрерывный, разнообразный и бесплатный поток развлекательного контента, включающий в себя миллиарды ежедневных просмотров видеороликов, многомиллионную аудиторию онлайн гейминга и миллиарды просмотров эротики [Rodeschini, 2021: 76–91] и порно [Twenty-five facts, 2023: Электронный ресурс]. Сетевая культура способна подменить гуманистически–созидательную миссию культуры гедонистически–потребительской функцией развлечения, отвлечения от реальной действительности, сопровождающейся тотальным контролем и управляемым потребительским, социальным, культурным поведением людей.

На основе анализа социологических данных можно утверждать, что стремительное развитие международных социальных сетей, прежде всего, продуктов компании Meta Platforms (Facebook¹, Instagram², Threads, WhatsApp) также является инструментом для навязывания потребительских предпочтений, а также для пропаганды определенных политических взглядов и норм поведения. Поэтому социальные сети, неразрывно связанные с креативными индустриями, могут негативно повлиять на социокультурные основы суверенных государств, оказать деструктивное воздействие на сознание и поведение людей, их культурные, духовно–нравственные ориентиры, социальные нормы, моральные, религиозные установки.

Гейминг и киберспорт, как важная часть эртертейнмента в процессе глобализации, стали неотъемлемой частью жизни миллионов людей, увеличивается не только количество игроков, но и время, которое они проводят в играх, растет количество игроманов (hard users), игроков, которые имеют игровую зависимость, проявляющуюся в навязчивом увлечении видеоиграми, прежде всего, сетевыми онлайн видеоиграми. Игровая зависимость является формой психологической зависимости, которую Всемирная организация здравоохранения включила в 11-й перечень международной классификации болезней [ВОЗ, 2021: Электронный ресурс]. Производство и распространение информационного и развлекательного контента, совершенствование рекомендательных алгоритмов и других манипулятивных механизмов, которые направлены на привлечение граждан суверенных государств и на навязывание им глобалистских, а по сути, американских социокультурных установок и ценностей. Современное отношение к креативным индустриям в России можно оценить как неоднозначное. В целом, существует три разных подхода.

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

² Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Первый подход – это продвижение старой повестки, как будто ничего не поменялось в стране и мире. Эта позиция продиктована разными мотивационными предпосылками. Одна из них заключается в том, что Россия продолжает быть частью мировой экономики и все существующие сейчас изменения закончатся возвратом в лоно мирового глобализма. Вторая мотивационная болезнь – просто не замечать существующие изменения в стране и мире, так как принятая система оценки все равно является «единственно верной», а расчеты показывают реальное соотношение креативных индустрий в разных странах, что остается показателем развития стран и их экономик в любой период времени. В этом подходе главное – изначально признание лидерства других государств и оправдание низкого уровня развития креативных индустрий в России и «объективной отсталостью» страны.

Второй подход – продвижение модернизированной повестки. При сохранении «креативных индустрий» как общего понятия, трансформация в подходе, изучение отдельных отраслей без обобщенных выводов. То есть переход к оценке не креативных индустрий как некоего общего, плохо структурированного понятия, а множества конкретных параметров развития, например, развитие городской среды, т.д. без последующего объединения значений. Это подход характеризуется тем, что креативные индустрии – это просто обобщенное понятие, объединяющее набор отраслей, давайте говорить о конкретных отдельных отраслях, отдельных направлений в развитии экономики и не надо всё это объединять в одно понятие.

Третий подход – неиспользование понятия креативных индустрий, замена этого словосочетания другими определениями, возвращение к использованию традиционных оценочных параметров экономических процессов, отказ от оценки коммерциализации культуры, выделение в отдельное рассмотрение тех секторов культуры, которые в современном обществе отождествляются с коммерческими, например, производство видеоконтента в виде кинофильмов и сериалов, документально–кино и мультипликации.

Важным моментом современного состояния креативных индустрий является информирование граждан о реальных предпосылках внедрения коммерческого отношения к культуре и, особенно, к искусству. Можно предположить, что до сих пор значительная часть граждан искренне считают, что перевод культурных организаций, например, музеев, на коммерческую основу, то есть на извлечение прибыли от показа накопленных поколениями произведений искусства, является благом для всех акторов – музеев, сотрудников музеев, государственных органов, посетителей, т.д. При этом забываются основополагающие подходы к национальной культуре, возникшее еще в позапрошлом веке – культура создана для развития всех граждан страны вне зависимости от их кошелька. Именно поэтому Третьяков завещал, чтобы вход в художественную галерею был бесплатным [Бесплатное посещение, 2024: Электронный ресурс]. Для уточнения этих принципов отметим, что сопутствующие продажи сувенирной продукции не являются предметом коммерциализации, это элемент продвижения культуры и поддержка малого национального бизнеса.

Заключение

В ноябре прошлого года Госдума приняла в первом чтении законопроект о развитии креативных (творческих) индустрий в России [Госдума, 2024: Электронный ресурс], однако дальнейшее рассмотрение законопроекта

было перенесено без точного указания срока [Законопроект, 2024: Электронный ресурс]. По мнению инициаторов данного документа, необходимо ввести основы правового регулирования креативных индустрий «как базового сектора креативной экономики в РФ». Сейчас в РФ существует около двадцати законов, регулирующих отрасли, которые относят к креативным индустриям: кинопроизводство, архитектура, информационные технологии, т.д. В документе предлагается закрепить понятия «креативные индустрии», «субъекты креативных индустрий», «креативный кластер» и другие.

Законопроект также направлен на закрепление понятия «креативного продукта», под которым понимается результат интеллектуальной деятельности, а также продукты и услуги, стоимость которых в значительной степени обусловлена использованием результатов интеллектуальной деятельности, обладающих уникальностью и экономической ценностью. Может ли принятие такого закона эффективно повлиять на развитие культуры и экономики России, на сколько введение новых понятий позволит оптимизировать отрасли, относящиеся к креативным, как будет обоснован процесс принятия в реестр креативных индустрий новых отраслей – остается предметом обсуждения депутатов Госдумы. В статье представлены выводы, которые, возможно, будут способствовать правильным решениям в этой области.

В сегодняшней ситуации в стране и мире, возможно, стоит пересмотреть все существующие подходы к креативным индустриям и выработать национальную модель оценки культурных и творческих отраслей. При этом нет необходимости объединять их под общими параметрами и индикаторами. Оценка культурных и творческих отраслей может быть целостной и без их искусственного объединения. Также важной составляющей этого процесса является формирование списка культурных и творческих отраслей, а также классификатор профессий этих отраслей для детального анализа в том числе и человеческого потенциала развития этих отраслей. Возможно, в процессе развития национальной экономики и культуры можно будет отказаться от повсеместного использования иностранного словосочетания «креативные индустрии» в пользу российского «культурные и/или творческие отрасли».

Современное состояние страны также предполагает обсуждение данной темы с дружественными государствами, в том числе и в рамках БРИКС. Организация единой системы параметров с последующим проведением методологически единых исследований позволят дать правильную оценку уровню развития культурных и творческих отраслей разных стран. Совместно выбранные и одобренные стандарты, в том числе в области исследований, позволят присоединиться к новому формату новым государствам, а также отказаться от сравнения с «креативными индустриями» недружественных государств. Это важный момент, который является важным и приоритетным направлением развития отношений внутри БРИКС и других дружественных стран для увеличения их взаимной интеграции.

Литература

1. Абанкина Т.В., Николаенко Е.А. Перспективы развития креативных индустрий в России // В кн.: IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Том XV. Тематическая конференция «Экономика культуры» (сборник материалов) / Сост.: Т.В. Абанкина, А.В. Мацкевич, В.Ю. Музычук. Т. XV: Тематическая конференция «Экономика культуры». – М.: [б.и.], 2020. – С. 75–79.
2. Абанкина Т.В., Николаенко Е.А., Романова В.В. Экономический потенциал сферы культуры и досуга в России и странах ОЭСР // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. Т. 46. № 2. С. 98–117.
3. Бесплатное посещение художественных музеев Москвы. – Текст: электронный // Youfrom: [сайт]. – URL: https://youfrom.ru/post_initiative/na-blago-russkogo-iskusstva-tretyakov/ (дата обращения: 27.02.2024).
4. Долгин, А.Б. Прагматика культуры / Текст: электронный // Ruthenia: [сайт]. – URL: https://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/06.htm (дата обращения: 29.02.2024).
5. Законопроект № 474016–8. – Текст: электронный // СОЗД: [сайт]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/474016-8#bh_hron (дата обращения: 28.02.2024).
6. Зеленцова, Е.В. Творческие индустрии: теории и практики / Е.В. Зеленцова, Н.В. Гладких. – 2-е изд. – Москва: Т8 RUGRAM, 2021. – 209 с. – Текст: непосредственный. ISBN: 978–5–517–05487–6
7. Индекс креативного капитала. – Текст: электронный // Creativecapitalindex: [сайт]. – URL: https://creativecapitalindex.com/about_index (дата обращения: 29.02.2024).
8. Клоудова, Й. Влияние развития креативной экономики на экономически отсталые регионы / Текст: непосредственный // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – № 5. – С. 110–125.
9. Креативная экономика Москвы в цифрах / В.В. Власова, М.А. Гершман, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 108 с.
10. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ). – Текст: электронный // ВОЗ: [сайт]. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/spotlight/international-classification-of-diseases?ref=dtf.ru> (дата обращения: 04.06.2023).
11. Принят в первом чтении законопроект о развитии креативных индустрий. – Текст: электронный // Госдума: [сайт]. – URL: <http://duma.gov.ru/news/58384/> (дата обращения: 28.02.2024).
12. Рейтинг инновационной привлекательности мировых городов. – Текст: электронный // GCII: [сайт]. – URL: <https://gcii.hse.ru> (дата обращения: 15.02.2024).
13. Российские региональные столицы: Развитие, основанное на культуре: сборник статей. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – 460 с. – Текст: непосредственный. ISBN 978-5-94380-372-7
14. Хезмондалш, Д. Культурные индустрии / Пер. с англ. И. Кушнарева / Под науч. ред. А. Михалева / Д. Хезмондалш. – Текст: непосредственный. Москва: Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2014. – С. 14–16.
15. Хестанов Р.З. Креативные индустрии–модели развития // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3. С. 173–196.
16. Черная, И.П. Креативные технологии приграничного сотрудничества: проблемы использования для усиления конкурентных позиций России. – Текст: непосредственный // Инновации. 2015. № 4 (198). С. 53–58.
17. Department for Digital, Culture, Media & Sport. – Текст: электронный // Gov.uk: [сайт]. – URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/department-for-digital-culture-media-sport> (дата обращения: 19.02.2024).
18. Dijck, J.V. The culture of connectivity: A critical history of social media / Dijck, J. Van. – 198 Madison Avenue

- New York NY 10016: Oxford University Press, 2013. – 240 с. – Текст: непосредственный.
19. Flew, T. Creative industries and urban development: creative cities in the 21st century / T. Flew. – 605 Third Avenue New York NY 10017: Routledge, 2013. – 96 с. – Текст: непосредственный.
 20. Florida, R. The rise of the creative class / R. Florida. – New York: Basic books, 2002. – 434 с. – Текст: непосредственный.
 21. Freeman, A. Twilight of the machinocrats: creative industries, design and the future of human labour / A. Freeman. – Handbook of the International Political Economy of Production. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. – 352–375 с. – Текст: непосредственный.
 22. Higgs, Peter Creative Industries Mapping: Where have we come from and where are we going? / Peter Higgs. – Текст: электронный // Tandfonline: [сайт]. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1386/cij.1.1.7_1 (дата обращения: 19.02.2024).
 23. John, Howkins The Creative Economy: How People Make Money from Ideas / Howkins John. – First published 2001. Revised 2007. Second Edition 2013. – London: Allen Lane (Penguin Books Ltd.), 2001. – 288 с. – Текст: непосредственный.
 24. Landry, C. The Creative City. A Toolkit for Urban Innovators / C. Landry. – 2nd ed. (First Edition published by Earthscan in the UK & USA in 2000). – London & Sterling, VA: Earthscan, 2008. – 298 с. – Текст: непосредственный.
 25. Music Streaming – Worldwide. – Текст: электронный // Statista: [сайт]. – URL: <https://www.statista.com/outlook/dmo/digital-media/digital-music/music-streaming/worldwide> (дата обращения: 27.02.2024).
 26. Peter, Coy The Creative Economy Which companies will thrive in the coming years? Those that value ideas above all else / Coy Peter. – Текст: электронный // Bloomberg: [сайт]. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2000-08-27/the-creative-economy> (дата обращения: 19.02.2024).
 27. Rodeschini, S. New standards of respectability in contemporary pornography: Pornhub's corporate communication / S. Rodeschini. – Текст: непосредственный // Porn Studies. – 2021. – Т. 8. – № 1. – С. 76–91.
 28. Twenty-five facts about porn. – Текст: электронный // Rambler: [сайт]. – URL: https://woman.rambler.ru/other/40012017/?utm_content=woman_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 24.03.2023).

CREATIVE INDUSTRIES: SOCIOCULTURAL FEATURES AND MAIN CONCLUSIONS

Vasiliev N.A.

Institute of Sociology FNIS RAS

The modern political, social, and economic situation requires a rethinking of many processes taking place in the country and the world. New meanings are created, a different vision of standards and rules that have been established over many years is formed. Creative industries, as one of the most popular topics in the recent past, also need a new assessment. Great hopes were pinned on creative industries; it was assumed that the development of creative industries would lead to new growth in the world economy and a new civilizational breakthrough would occur.

In Russia, adherents of creative industries believed that the development of this area would create an additional opportunity for the transition from a resource-based to an innovative economy. But none of this was implemented and, probably, it is necessary to look for new meanings and new solutions. Do Russia need creative industries in the form in which they existed before the SMO? Do we need ratings of creative industries based on parameters developed in the UK, used in the United States of America and the European Union?

The creative industries, which grew out of the cultural industries, formed a new attitude towards national cultures, offering to value and standardize “cultural products”. Whether Russian society needs these transformations is probably a serious question that requires resolution at the level of the State Duma and the Government of the Russian Federation.

Keywords: culture; cultural industries; bill; creative industries; subjects of creative industries; creativity, art; factors of creative industries.

References

1. Abankina T.V., Nikolaenko E.A. Prospects for the development of creative industries in Russia // In the book: IV Russian Economic Congress “REC-2020”. Volume XV. Thematic conference “Economics of Culture” (collection of materials) / Compiled by: T.V. Abankina, A.V. Matskevich, V. Yu. Muzychuk. T. XV: Thematic conference “Economics of Culture”. – M.: [b.i.], 2020. – P. 75–79.
2. Abankina T.V., Nikolaenko E.A., Romanova V.V. Economic potential of the sphere of culture and leisure in Russia and OECD countries // Journal of the New Economic Association. 2020. T. 46. No. 2. P. 98–117.
3. Free visits to art museums in Moscow. – Text: electronic // Youfrom: [site]. – URL: https://youfrom.ru/post_initiative/na-blago-russkogo-iskusstva-tretyakov/ (access date: 02/27/2024).
4. Dolgin, A.B. Pragmatics of culture / Text: electronic // Ruthenia: [website]. – URL: https://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/06.htm (access date: 02.29.2024).
5. Bill No. 474016–8. – Text: electronic // SOZD: [website]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/474016-8#bh_hron (access date: 02/28/2024).
6. Zelentsova, E.V. Creative industries: theories and practices / E.V. Zelentsova, N.V. Gladkikh. – 2nd ed. – Moscow: T8 RUGRAM, 2021. – 209 p. – Text: direct. ISBN: 978–5–517–05487–6
7. Creative capital index. – Text: electronic // Creativecapitalindex: [website]. – URL: https://creativecapitalindex.com/about_index (access date: 02/29/2024).
8. Kloudova, J. The impact of the development of the creative economy on economically backward regions / Text: immediate // Journal of the New Economic Association. – 2010. – No. 5. – P. 110–125.
9. Creative economy of Moscow in figures / V.V. Vlasova, M.A. Gershman, L.M. Gokhberg et al.; National research University “Higher School of Economics”. M.: National Research University Higher School of Economics, 2021. – 108 p.
10. International statistical classification of diseases and related health problems (ICD). – Text: electronic // WHO: [website]. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/spotlight/international-classification-of-diseases?ref=dtf.ru> (access date: 06/04/2023).
11. The bill on the development of creative industries was adopted in the first reading. – Text: electronic // State Duma: [website]. – URL: <http://duma.gov.ru/news/58384/> (date of access: 02/28/2024).
12. Rating of innovative attractiveness of world cities. – Text: electronic // GCII: [website]. – URL: <https://gcii.hse.ru> (access date: 02/15/2024).
13. Russian regional capitals: Development based on culture: collection of articles. – St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2023. – 460 p. – Text: direct. ISBN 978-5-94380-372-7
14. Hezmondhalsh, D. Cultural industries / Transl. from English I. Kushnareva / Under scientific. ed. A. Mikhaleva / D. Hezmondhals. – Text: direct. Moscow: Nat. Research University “Higher School of Economics”, 2014. – pp. 14–16.
15. Khestanov R.Z. Creative industries–models of development // Sociological Review. 2018. T. 17. no. 3. pp. 173–196.
16. Chernaya, I.P. Creative technologies of cross-border cooperation: problems of use to strengthen Russia's competitive position. – Text: direct // Innovations. 2015. No. 4 (198). pp. 53–58.
17. Department for Digital, Culture, Media & Sport. – Text: electronic // Gov.uk: [website]. – URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/department-for-digital-culture-media-sport> (access date: 02/19/2024).

18. Dijck, J.V. The culture of connectivity: A critical history of social media / Dijck. J.Van. – 198 Madison Avenue New York NY 10016: Oxford University Press, 2013. – 240 p. – Text: direct.
19. Flew, T. Creative industries and urban development: creative cities in the 21st century / T. Flew. – 605 Third Avenue New York NY 10017: Routledge, 2013. – 96 p. – Text: direct.
20. Florida, R. The rise of the creative class / R. Florida. – New York: Basic books, 2002. – 434 p. – Text: direct.
21. Freeman, A. Twilight of the machinocrats: creative industries, design and the future of human labor / A. Freeman. – Handbook of the International Political Economy of Production. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. – 352–375 p. – Text: direct.
22. Higgs, Peter Creative Industries Mapping: Where have we come from and where are we going? / Peter Higgs. – Text: electronic // Tandfonline: [website]. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1386/cij.1.1.7_1 (access date: 02/19/2024).
23. John, Howkins The Creative Economy: How People Make Money from Ideas / Howkins John. – First published 2001. Revised 2007. Second Edition 2013. – London: Allen Lane (Penguin Books Ltd.), 2001. – 288 p. – Text: direct.
24. Landry, C. The Creative City. A Toolkit for Urban Innovators / C. Landry. – 2nd ed. (First Edition published by Earthscan in the UK & USA in 2000). – London & Sterling, VA: Earthscan, 2008. – 298 p. – Text: direct.
25. Music Streaming – Worldwide. – Text: electronic // Statista: [website]. – URL: <https://www.statista.com/outlook/dmo/digital-media/digital-music/music-streaming/worldwide> (access date: 02/27/2024).
26. Peter, Coy The Creative Economy Which companies will thrive in the coming years? Those that value ideas above all else / Coy Peter. – Text: electronic // Bloomberg: [website]. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2000-08-27/the-creative-economy> (access date: 02/19/2024).
27. Rodeschini, S. New standards of respectability in contemporary pornography: Pornhub's corporate communication / S. Rodeschini. – Text: direct // Porn Studies. – 2021. – T. 8. – No. 1. – P. 76–91.
28. Twenty-five facts about porn. – Text: electronic // Rambler: [site]. – URL: https://woman.rambler.ru/other/40012017/?utm_content=woman_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (access date: 03/24/2023).

Организационно-педагогические условия реализации академических обменов между китайскими и российскими университетами

Ли Вэньцзэ,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 1107313071@qq.com

С углублением глобализации обучение за рубежом стало для многих людей важным способом достижения личного развития и расширения своих международных перспектив. Будучи страной с богатой историей и культурным наследием, Россия привлекает все больше и больше китайских студентов. Обучение в другом государстве – это, по сути, транснациональный обмен: обучаясь в России, китайские студенты могут иметь более глубокие контакты с российскими студентами и укреплять взаимопонимание и культурные связи. Это не только поможет укрепить дружественные отношения между Китаем и Россией, но и заложит хорошую основу для будущего развития и сотрудничества между двумя странами. Иностранные студенты могут получить образование высокого уровня в авторитетных российских вузах, получить более широкое академическое видение и профессиональные знания. В то же время российские образовательные концепции и методы преподавания несколько отличаются от китайских. Обучаясь в России, китайские студенты могут накопить ценный опыт и навыки во время учебы и проживания в неродной стране, а также развить свои способности в межкультурном общении и сотрудничестве. Таким образом, академические обмены могут стать важным связующим звеном сотрудничества между Китаем и Россией и будут способствовать обмену научными кадрами и сотрудничеству между этими странами в иных областях. В статье с разных точек зрения будет рассмотрена роль обучения в России в развитии образовательных обменов и сотрудничества между КНР и РФ.

Ключевые слова: академический обмен, российско-китайское сотрудничество, иностранные студенты, обучение за границей, партнеры, высшее образование, соглашение.

Введение

В сфере международного академического сотрудничества многие страны взаимодействуют и обмениваются опытом в различных областях образования, однако особое внимание отдается области высшего образования. Особенности взаимодействия и сотрудничества часто обусловлены национальной политикой. Китай и Россия тесно взаимосвязаны в области академического обмена и считают друг друга ключевыми партнерами в этой сфере. Обмен студентами – это долгосрочная и основанная на традициях инициатива в области образовательного сотрудничества между двумя государствами.

В 2019 году более 100 тысяч студентов из Китая и России учились во взаимных учебных заведениях в рамках программы обмена студентами. Влияние пандемии COVID-19 и связанные с ней ограничения затронули такой формат международного обмена, однако даже в 2020 году более 42 тыс. студентов из КНР обучались в России, в то время как около 14 тыс. студентов из России учились в Китае. Из-за пандемии университеты в России и Китае были вынуждены серьезно обдумать возможность перехода на дистанционное обучение. Согласно планам Правительства России на учебные годы 2023–2024 должно быть предоставлено 1011 место в учебных заведениях Китая, которые финансируются государством [1].

Важно подчеркнуть, что обмены в академической сфере между Россией и Китаем играют значительную роль, поскольку способствуют не только укреплению культурного и образовательного взаимопонимания, но также расширяют формат международных научных связей, обогащают процесс обмена передовыми знаниями.

Методы

В данном исследовании применялись методы анализа и синтеза литературных источников, дедукция и индукция, обобщение, классификация и конкретизация, а также сравнение, анализ нормативной и методической документации, теоретическое обобщение информации.

Результаты

Сотрудничество между Россией и Китаем в области образования и науки имеет длительную историю, простирающуюся на многие десятилетия, и с течением времени количество совместных проектов и исследований постепенно увеличивается.

Установление дипломатических отношений между двумя государствами в конце 1980-х – начале 1990-х годов послужило началом нового этапа сотрудничества в сфере образования. В декабре 1992 года между Китаем и Россией было подписано соглашение о культурном сотрудничестве, что стало значительным шагом в укреплении взаимоотношений между обеими странами. Данный документ о культурных обменах установил прочные основы для обмена высшим образованием между Китаем и Россией в новой эпохе. Стремительно нарастающие дружественные отношения между Китаем и Россией в XXI веке способствовали укреплению сотрудничества

в сфере образования и создали благоприятные условия для развития обучающих программ, студенческих обменов и научных исследований между университетами обеих стран. Это касается зеркальных процессов, которые связаны с установлением инфраструктуры для сотрудничества между Россией и Китаем в гуманитарной сфере [2]. Тем не менее, недостаточное законодательное регулирование и недостаток надзора за деятельностью Институтов Конфуция на территории РФ могут создать угрозу тому, что эти организации станут средством для осуществления интересов Китая [3, с. 29–31].

С начала 2001 года для расширения и улучшения «качества образовательного обмена между Россией и Китаем на регулярной основе внедрена практика организации выставок китайских и российских университетов. Первая такая выставка прошла в Пекине и собрала около 40 университетов» [4, с. 7]. Организация этого мероприятия подтвердила заинтересованность китайцев в обучении в российских учебных заведениях высшего образования.

В последние годы отношения между Россией и Китаем становятся все более тесными. Важным аспектом такого партнерства является сотрудничество в сфере образования, наряду с сотрудничеством в политической, экономической сферах, и в рамках инициативы «Пояс и путь». В 2018 году страны заключили «Соглашение о взаимном обмене и сотрудничестве в области образования» (далее – Соглашение), направленное на поддержку обмена и сотрудничества между университетами [5].

Согласно вышеупомянутому соглашению, высшие учебные заведения России и Китая планируют сотрудничать друг с другом, в рамках проведения совместных исследовательских проектов, создания совместных лабораторий, организации научных конференций, а также по обмену студентами и преподавателями. Последним это предоставляет больше возможностей изучать культуру, язык и традиции друг друга. В данном процессе повышение качества образования, продвижение международного образования и совершенствование учебных программ высшего образования ставятся в центр внимания всех университетов.

Подписание данного Соглашения имеет большое значение для развития высшего образования обеих стран. Это способствует российско-китайскому академическому обмену. В российских университетах по данным конца 2022 года учились 37 081 студент из Китая, при этом 1729 студентов учились на бюджетной основе. Среди китайских студентов наибольшей популярностью пользуются следующие российские университеты: МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ Петра Великого, РГПУ им. А.И. Герцена, УрФУ им. Б.Н. Ельцина, СПбГУ и др.

По данным на 2022/23 учебный год, в КНР обучалось 1640 российских студентов в очной форме. Приблизительно 20% из них получают образование по стипендиальным программам, которые частично или полностью покрывают расходы на учебу и проживание. Большинство российских студентов обучаются в университетах Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Чунцина, а также в провинциях Хэйлунцзян, Ляонин, Шаньдун и Гуандун [6]. По приведенной статистике можно отметить, что существует значительный дисбаланс между числом граждан Китая, обучающихся в России, и гражданами России, обучающимися в Китае.

В Китае считается, что учеба за рубежом имеет особую престижность; выпускники зарубежных университетов могут иметь более высокий уровень владения английским языком. Это повышает шансы на трудоустройство на высокооплачиваемую должность.

Российские университеты привлекают студентов из КНР своей относительно низкой стоимостью обучения в сравнении с учебными заведениями Европы и Америки. Необходимо отметить, что качество высшего образования в России является важным аспектом для КНР. Такое сотрудничество способствует обмену талантами, повышает уровень качества высшего образования, развивает технологический обмен, культуру, способствует углублению межкультурного взаимопонимания.

Стороны установили двусторонние механизмы взаимодействия в интерактивном формате, включая Китайско-российский комитет по гуманитарным наукам, Подкомитет по образованию. Они активно претворяют в жизнь международные инициативы в образовании, такие как встречи министров образования из стран-членов ШОС и БРИКС.

Результат Соглашения создает условия для дальнейшего укрепления и развития сотрудничества России и Китая в сфере образования. За последние несколько лет эти страны подписали ряд образовательных соглашений, таких как «Российско-китайский год науки и технологических инноваций», который представляет собой взаимодействие между двумя странами в области науки, технологий и инноваций. Качественные образовательные ресурсы привлекут больше китайских студентов и преподавателей в Россию для учебы и работы, а также больше российских студентов и преподавателей в Китай [7].

Также, в рамках условий Соглашения формируются условия, которые способствуют развитию инициативы «Один пояс, один путь». С постепенным ее продвижением обмен кадрами между Китаем и Россией становится все более тесным.

В то же время есть и некоторые вопросы, требующие особого внимания. Несмотря на то, что отношения между Китаем и Россией постоянно укрепляются, языковой барьер является проблемой, для решения которой в рамках академической мобильности требуются новые способы, идеи. Поэтому в процессе развития образовательных обменов необходимо уделить внимание популяризации и совершенствованию языкового образования.

В процессе межкультурной интеграции необходимо сосредоточить внимание на взаимном понимании и адаптации к культурам и образовательным моделям. Основные различия: Китай фокусируется на результатах тестов, а Россия – на творчестве и независимом мышлении учащихся. Поэтому при формулировании планов академического обмена необходимо сосредоточиться на понимании и интеграции культур и особенностей образовательных систем двух стран [8, с. 22].

Успех образовательной мобильности требует совместных усилий обеих сторон. Подписание Соглашения является важной вехой в сотрудничестве России и Китая в сфере образования, но это лишь отправная точка. В процессе достижения целей сотрудничества необходимо активно участвовать и уделять внимание инновационности и гибкости взаимоотношений. Только так академические обмены между Россией и Китаем способны успешно развиваться.

Университеты России и Китая активно сотрудничают в области программы «двойной диплом». Например, Казанский национальный исследовательский технологический университет (КНИТУ-КХТИ) и Пекинский университет химической технологии заключили договор о запуске такого проекта. Это означает, что студенты обоих университетов могут получить два диплома – один от КНИТУ-КХТИ, а другой от Пекинского университета химической технологии, что дает им возможность получить образование высокого уровня и богатый межкультурный опыт.

Студенты, изучающие специальность «Технология и переработка полимеров» имеют возможность перейти на третий и четвертый курсы учебных заведений в Китае после успешного окончания первых двух годов обучения в РФ. Программа обучения проводится на английском языке. По завершении студенты получают два диплома (России и Китая). Студентам с выдающимися успехами в учебе и отличным владением английским языком может быть предоставлена стипендия, которая поможет покрыть затраты на обучение и проживание в студенческом общежитии [9].

Необходимо отметить сотрудничество колледжей и университетов в управлении средними школами. Университеты из Китая и России активно проводят исследования и эксперименты по разработке совместных программ развития талантов, которые поэтапно внедряются. Сформировали: «Московский художественный институт Вэйнаньского педагогического университета (организованный совместно с Московским педагогическим университетом)», «Высшая школа перевода Хэйлунцзянского университета – Российского Московского государственного университета», «Китайско-российский колледж Хэйлунцзянского университета (совместно с Новым Московским педагогическим университетом, Сибирским университетом)» и другие учебные заведения, которые направлены на развитие отраслей, являющихся стратегически важными для России (культура, язык, наука). Тем самым происходит активное взаимодействие путем проведения совместных учебных программ, проектов и политики «двойной диплом».

На базе высококвалифицированных университетских платформ обеих стран были учреждены совместные институты для научно-исследовательской работы: Российский исследовательский центр Университета Жэньминь Китая и Санкт-Петербургский государственный университет, Китайско-Российский биомедицинский исследовательский центр Харбинского медицинского университета и Санкт-Петербургский государственный университет [10].

Сотрудничество между Китаем и Россией в области студенческого управления приводит к положительным результатам и конструктивным достижениям. Данный проект, являющийся типичным примером углубленного сотрудничества в области высшего образования между Китаем и Россией, уже получил широкое признание.

Обсуждения

Стало очевидно, что взаимоотношения между двумя странами стали более стабильными. Подписание документа «Российско-китайского соглашения об обмене и сотрудничестве в области образования» является значимым шагом в укреплении сотрудничества двух стран в сфере образования, что символизирует дальнейшее развитие этой сферы. Положительные результаты совместной работы способствуют продвижению академического обмена и способствуют инициативе «Пояс и Путь», что может привести к качественному общему развитию и процветанию.

Несмотря на укрепление связей между КНР и РФ языковая разница остается препятствием в сфере академической мобильности. В связи с этим, при проведении образовательных обменов необходимо обращать внимание на распространение и повышение качества языкового образования.

Литература

1. Ван Ф. Основные направления развития отношений КНР и Российской Федерации в сфере образова-

ния / Ф. Ван // Беларусь в современном мире: Материалы XIX Международной научной конференции, посвященной 99-летию образования Белорусского государственного университета, Минск, 29 октября 2020 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2020. – С. 20–24.

2. Распоряжение Правительства РФ от 27.10.2005 N 1797-р «О заключении Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в Китайской Народной Республике и китайского языка в Российской Федерации»
3. Самойлова М.П. и Лобанова Е.А. «Правовое регулирование институтов Конфуция в России», *Juvenis Scientia*, № 6, 29–31 (2017).
4. Касимова А.Р. Российско-китайские отношения в области науки и образования на современном этапе // *Статистика и Экономика*. 2013. № 4. – С. 6–9.
5. Министерство просвещения Российской Федерации. Россия и Китай договорились развивать сотрудничество в области образования [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/press/6204/rossiya-i-kitay-dogovorilis-razvivat-sotrudnichestvo-v-oblasti-obrazovaniya/> (дата обращения 28.02.2024)
6. Майер А., Кулагин В. В российских вузах обучается 37081 китайский студент [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/22/967543-v-rossiiskih-vuzah-obuchaetsya-37-081-kitaiskii-student> (дата обращения 28.02.2024).
7. Распопова Н.В. Реализация российско-китайских академических обменов на современном этапе / Н.В. Распопова // Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию высшего языкового образования в Забайкальском крае. В 2-х частях, Чита, 16 сентября 2022 года. Том Часть 2. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2022. – С. 51–53.
8. Борисенков В.П. Российско–китайский диалог в образовании как проблема и ресурс научно–образовательной политики / В.П. Борисенков, Х. Мэй // Перспективы развития исследований в сфере наук об образовании: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 06–07 декабря 2021 года. – Москва: Российская академия образования, 2022. – С. 21–24.
9. Россия и Китай продолжают укреплять сотрудничество в сфере науки и образования [Электронный ресурс]. URL: <https://ruskiymir.ru/publications/302764/> (дата обращения 28.02.2024).
10. Алексеенко О.А. Взаимодействие России и Китая в области академических обменов / О.А. Алексеенко // *Экономика и управление: проблемы, решения*. – 2017. – Т. 2, № 9. – С. 51–55.

ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF ACADEMIC EXCHANGES BETWEEN CHINESE AND RUSSIAN UNIVERSITIES

Li Wenzhe

St. Petersburg State University

With increasing globalization, studying abroad has become an important way for many people to achieve personal development and expand their international perspectives. As a country with a rich history and cultural heritage, Russia is attracting more and more Chinese students to study abroad. Studying abroad is essentially a transnational exchange: by studying in Russia, Chinese students

can have deeper contacts with Russian students and strengthen mutual understanding and friendship. This will not only help strengthen the friendly relations between China and Russia, but also lay a good foundation for future development and cooperation between the two countries. Foreign students can receive a high-level education at reputable Russian universities, gaining a broader academic vision and professional knowledge. At the same time, Russian educational concepts and teaching methods are somewhat different from Chinese ones. By studying in Russia, Chinese students can gain valuable experience and skills while studying and living in Russia, as well as develop their abilities in intercultural communication and cooperation. These talents will become an important link of cooperation between China and Russia, and will promote talent exchange and cooperation between China and Russia in various fields. This article will examine the role of education in Russia in the development of educational exchanges and cooperation between China and Russia from different perspectives.

Keywords: academic exchange, Russian-Chinese co-operation, foreign students, study abroad, partners, higher education, agreement

References

1. Wang F. Main directions of development of relations between the PRC and the Russian Federation in the field of education / F. Wang // Belarus in the modern world: Proceedings of the XIX International Scientific Conference dedicated to the 99th anniversary of the Belarusian State University, Minsk, 29 October 2020. – Minsk: Belarusian State University, 2020. – С. 20–24.
2. Order of the Government of the Russian Federation of 27.10.2005 N 1797-r «On the conclusion of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the study of the Russian language in the People's Republic of China and the Chinese language in the Russian Federation»
3. M.P. Samoilova and E.A. Lobanova, «Legal Regulation of Confucius Institutes in Russia», *Juvenis Scientia*, No. 6, 29–31 (2017).
4. Kasimova A.R. Russian-Chinese relations in the field of science and education at the present stage // *Statistics and Economics*. 2013. № 4. – С. 6–9.
5. Ministry of Education of the Russian Federation. Russia and China agreed to develop co-operation in the field of education [Electronic resource]. URL: <https://edu.gov.ru/press/6204/rossiya-i-kitay-dogovorilis-razvivat-sotrudnichestvo-v-oblasti-obrazovaniya/> (date of circulation 28.02.2024).
6. Ministry of Education of the Russian Federation. Russia and China agreed to develop cooperation in the field of education [Electronic resource]. URL: <https://edu.gov.ru/press/6204/rossiya-i-kitay-dogovorilis-razvivat-sotrudnichestvo-v-oblasti-obrazovaniya/> (date accessed 02/28/2024).
7. Mayer A., Kulagin V. There are 37 081 Chinese students studying in Russian universities [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/03/22/967543-v-rossiiskih-vuzah-obuchaetsya-37-081-kitaiskii-student> (date of address 28.02.2024).
7. Raspopova N.V. Realisation of Russian-Chinese academic exchanges at the present stage / N.V. Raspopova // Cross-border cooperation: historical events and modern realities: Materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 70th anniversary of higher language education in the Transbaikalian Territory. In 2 parts, Chita, 16 September 2022. Volume Part 2. – Chita: Transbaikalian State University, 2022. – С. 51–53.
8. Borisenkov V.P. Russian-Chinese dialogue in education as a problem and resource of scientific and educational policy / V.P. Borisenkov, H. Mei // Prospects for the development of research in the field of educational sciences: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, 06–07 December 2021. – Moscow: Russian Academy of Education, 2022. – С. 21–24.
9. Russia and China continue to strengthen cooperation in science and education [Electronic resource]. URL: <https://russkiymir.ru/publications/302764/> (accessed 28.02.2024).
10. Alekseenko O.A. Interaction between Russia and China in the field of academic exchanges / O.A. Alekseenko // *Economics and Management: problems, solutions*. – 2017. – Т. 2, № 9. – С. 51–55.

Соколова Алла Германовна,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: as.falconi@yandex.ru

Германович Татьяна Вадимовна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: tangerm068@rambler.ru

Лобов Денис Александрович,

ООО «Олд Грэндж»
E-mail: dshn@bk.ru

Данное исследование посвящено систематизации и классификации богатого кинематографического наследия города Серпухова и его окрестностей, которое является неотъемлемой частью истории и культуры и может сыграть важную роль в развитии тематического туризма в регионе. Задача исследователей – привлечь внимание общественности к сохранению культурного и исторического наследия Серпухова, подчеркнуть важность и необходимость передачи непреходящих ценностей будущим поколениям не только серпуховичей, но и жителей других регионов России.

Ключевые слова: историческое и культурное наследие, фильмография, систематизация, актерский состав, кинематографические традиции.

Введение

На территории Большого Серпухова, в состав которого согласно закону № 1/2023–03 от 30.01.2023 года «О преобразовании городского округа Протвино Московской области, городского округа Пущино Московской области и городского округа Серпухов Московской области, о статусе и установлении границы вновь образованного муниципального образования» вошли Протвино, Пущино и Серпухов, находится более 40 объектов культурного наследия федерального значения, большая часть которых расположена непосредственно в городской черте города Серпухова. Из 27 объектов, включающих в себя городища, селища, храмы, монастыри и городские постройки, 23 объекта находятся на левом берегу реки Нары, а 4 – на правом. Не случайно Серпухов многократно привлекал внимание кинорежиссеров своей колоритной фактурой, неповторимой старинной красотой и индивидуальностью, доброжелательностью и открытостью его жителей и часто становился не только съемочной площадкой для большого кино, но и ожившим героем художественных и документальных фильмов. По данным отдела краеведения Центральной городской библиотеки им. А.П. Чехова, на территории Серпухова и Серпуховского района, а ныне городского округа Серпухов, в разные периоды советской и российской кинематографической истории было снято более 70 фильмов, наиболее значимые из которых будут упомянуты в данной статье. Так, в разные периоды своего творчества к Серпухову обращали свои взоры именитые режиссеры Алла Сурикова, Павел Лунгин, Вадим Абдрашитов, Родион Нахапетов, Никита Михалков, Борис Дуров и многие другие [1].

Целью данного исследования является привлечение внимания к объектам культурного и исторического наследия, находящимся на территории Серпухова и окрестностей, а также к их современному состоянию. Кинематографическое наследие Серпухова может стать основой для развития тематического туризма в регионе, организации новых интересных пеших и автобусных маршрутов по историческим местам съемок кино- и телефильмов. Систематизация кинематографического наследия Серпухова является сложной и трудоёмкой задачей ввиду разрозненности и противоречивости имеющихся немногочисленных сведений, достоверность которых зачастую требует дополнительной проверки и верификации. Ввиду многообразия жанров, авторских коллективов фильмов и калейдоскопа сюжетов авторы статьи сгруппировали материал согласно исторической хронологии, разделив фильмы по десятилетиям, начиная со второй половины XX века.

Результаты и обсуждение

1950-е годы

50-е годы прошлого столетия запечатлены в двух фильмах, вышедших в один и тот же 1959 год, – «Зимняя сказка» режиссёрского дуэта Алексея Сахарова и Эльдара Шенгелая по книге Виктора Витковича «Сказка среди белого дня» и «Отчий дом» Льва Кулиджанова. К сожалению, судьба первого фильма оказалась не очень удачной, он не прошел строгой цензуры, усмотревшей в нем сатиру на Хрущёва, и получил четвертую категорию проката,

фактически пролежав «на полке» много лет. Молодые режиссеры в своем фильме замахнулись на прорыв в кинематографических традициях, их герои легко перемещались между сказочными и современными мирами, что было революционно для того времени. Действие сказки разворачивается в деревенской школе, в лесу и в городе, и именно не городские сцены снимались в деревеньках под Серпуховом. Ради съёмок дети, задействованные в фильме, вставали каждый день в 6 утра, гримировались, одевались и переодевались, так как намокшие от снега рукавицы и валенки приходилось неоднократно менять, а после 5 часов вечера отправлялись в школу на занятия.

Ленту «Отчий дом» режиссера Льва Кулиджанова ожидала куда более завидная судьба, она попала в программу XXII Каннского фестиваля, была номинирована на «Золотую пальмовую ветвь» и удостоена Премии молодым кинематографистам КФ трудящихся в Чехословакии и ряда других международных наград. По сюжету героиня фильма, студентка педагогического института Тая, выросшая в приемной семье состоятельных москвичей, отправляется в деревню, чтобы познакомиться с родной матерью и дедом. В деревне девушку ожидает совсем иной мир, встречи с самыми разными людьми, непростая сельская работа, и конечно, первая безответная любовь. Многие лирические сцены фильма снимали в селе Иванова Гора Серпуховского района, которое знаменито своей Колокольней при храме Святого пророка Иоанна Предтечи, построенной в 1895 году по проекту архитекторов М.Я. Кульчицкого и А.А. Нетыксы. Удивительной красоты колокольня была только на 2 аршина ниже колокольни Ивана Великого в Московском Кремле. Колокольня сильно пострадала в годы лихолетья, крест, венчавший колокольню, рухнул 15 августа 1985 года, сильно повредив строение семейной усыпальницы фабриканта Диомиды Хутарева. В здании богадельни в советские годы располагалась психиатрическая лечебница, а храм, занимавший центральное место в комплексе, был и вовсе снесен. В настоящее время колокольня восстанавливается, на её территории обосновалось монастырское подворье.

1960-е годы

В 1964 году на большие экраны выходит черно-белый художественный фильм режиссера Михаила Калика «До свидания, мальчики» по одноименной повести Бориса Балтера. Несмотря на то, что по сюжету действие этого патристического фильма разворачивается в Евпатории конца 1930-х годов, ряд сцен снимался в Серпухове, и поэтому город на них выглядит неузнаваемым. Фильм рассказывает о жизни трех закадычных друзей в приморском городе, об их ежедневных буднях, мечтаниях, первой любви, поиска своего места в жизни накануне приближающейся войны, которая перевернет их жизни.

1970-е годы

В 1971 году киностудия «Ленфильм» снимает в Серпухове мелодраму Сергея Микаэляна о суровой женской доле «Расскажи мне о себе», которую в год выхода на советские экраны посмотрели более 18 миллионов зрителей. Фильм рассказывает о простой истории жизни и любви женщины, потерявшей на фронте возлюбленного. После долгих лет одиночества и неудачного замужества героиня наконец-то обретает личное счастье в лице капитана дальнего плавания, который готов стать другом и её взрослому сыну.

В 1977 году режиссёр Никита Михалков выбирает для съёмок экранизации драмы «Неоконченная пьеса для механического пианино» со звёздным актерским составом великолепную усадьбу Пушино-на-Оке, расположенную на живописном берегу реки Оки. Действие

картины, ставшей классикой советского кинематографа, разворачивается в усадьбе Арцыбашевых в двухэтажном каменном особняке XVIII века, окруженном затянутыми ряской прудами и зелеными аллеями. Изначально сценарий фильма, основанный на произведениях А.П. Чехова, писался именно с расчетом на этот забытый уголок старины, который должен был предстать воплощением обветшалого дворянского гнезда. По замыслу режиссера Никиты Михалкова и соавтора сценария Александра Адабашьяна все артисты, независимо от объёма роли, должны были провести весь съёмочный период в Пушино со своими семьями и детьми, для того чтобы стереть грань между работой и отдыхом, между «делом» и «не делом» и добиться полного погружения в атмосферу, что несомненно передано в картине.

1980-е годы

В 80-е годы прошлого столетия Серпухов и его окрестности становятся одним из излюбленных мест известного советского и российского кинорежиссера Вадима Абдрашитова, по словам которого благодаря богатству фактур, уникальному рельефу, примыкающему к городу сосновому бору, а также живописным рекам Оке, Наре, Серпейке в городе можно снимать экранизации любых пьес, начиная от классической «Матери» А.М. Горького до художественных произведений современности. В 1980 году на советские экраны вышла социальная драма «Охота на лис», в которой были задействованы такие известные актеры, как Ирина Муравьева, Дмитрий Харатьян, Владимир Гостюхин. Для натурных съемок был необходим небольшой провинциальный городок, в котором перекликались бы вокзалы и скверы, новые и старые заводские помещения, парки, и даже свалки. Режиссеру Серпухов показался идеальной натурой, сцены снимали в привокзальном ресторане, в местном СИЗО, и, конечно, кульминацией фильма послужил грандиозный спортивный праздник с парашютами, лучниками, байдарками, мотоциклетным кроссом и той самой «охотой на лис», которая отражена в названии фильма.

Следует упомянуть, что режиссер Абдрашитов неоднократно возвращался в Серпухов, образ города запечатлен в фильмах по сценариям Александра Миндадзе «Остановился поезд» (1982), «Парад планет» (1984) (рис. 1), и более позднего периода «Магнитные бури» (2003), который был удостоен множества отечественных и международных наград. Кроме того, Вадим Абдрашитов посвятил городу документальный фильм под названием «Город как съёмочная площадка», который был также снят в Серпухове специально для программы «Документальная камера», выходящей на телеканале «Культура» с 2004 года.

Рис. 1. Кадр из фильма «Парад планет», 1984, г. Серпухов

В 1981 году на телевизионные экраны выходит трехсерийный художественный фильм режиссера Геннадия Полоки «Наше призвание», в котором в полной мере запечатлена магия и естественная эстетика Серпухова. В фильме раскрывается диалектика развития идей советской педагогики на основе воспоминаний заслуженного учителя Николая Гудкова о годах его юности (1920-е годы). Действие фильма разворачивается на протяжении трёх вечеров, в течение которых учитель ведёт философский диалог с журналисткой Верой. На экране создан замечательный образ педагога-наставника, стремящегося к коллективизму, развитию общественной активности, поскольку именно в таких условиях, по замыслу создателей фильма, возможно формирование самостоятельно мыслящей и действующей личности.

Одним из лидеров советского кинопроката в 1982 году стала трогательная сентиментальная мелодрама режиссера Бориса Дурова «Не могу сказать «прощай»». Многие кинокритики обречали данный фильм на провал, поскольку в начале 80-х годов в прокат вышел блокбастер того же режиссёра «Пираты XX века», имевший феноменальный кассовый успех у зрителя. Тем не менее, предсказания не оправдались, и только в 1982 году фильм посмотрели 34 миллиона советских зрителей. Кадров с изображением города Серпухова в картине множество: запечатлена площадь Ленина с Гостиным двором, парк имени Олега Степанова, где происходит завязка взаимоотношений главных персонажей фильма, деревенскую жизнь героев снимали в деревне Зиброво городского округа Серпухов и в деревне Ершово Жуковского района Калужской области по свидетельствам непосредственных участников съемок. Интересный факт, что сцену на знаменитой танцплощадке «Клетка» снимали не в Серпухове, а в Москве.

1990-е годы

90-е годы прошлого столетия были самыми сложными для российской киноиндустрии, тем не менее с середины 1990-х начинают появляться сюжеты, интересные и зрителям, и кинопродюсерам. Так, например, мистический триллер с элементами детектива «Змеиный источник» режиссёра Николая Лебедева был снят в Серпухове в 1997 году за рекордные 26 дней. Получился стопроцентно российский фильм ужасов, действие которого происходит в маленьком провинциальном городке с тёмными тропинками и мрачными улочками. В картине задействован блестящий актёрский состав – Евгений Миронов, Сергей Маховиков, Ольга Остроумова, Дмитрий Марьянов, а также дебютировавшие в этом фильме Екатерина Гусева и Екатерина Вуличенко. Фильм считают первым психологическим триллером российского производства, и на данный момент он остаётся одним из лучших в этом жанре.

2000-е годы

В 2001 году свой взор на Серпухов обращает именитый режиссёр Алла Сурикова. Авантюрно-приключенческий сериал «Идеальная пара» состоит из 10 отдельных теленовелл, связанных только главными персонажами. Картина, в которой в главных ролях задействованы Александр Балув и Алла Клюка, снята в характерном для Аллы Суриковой жанре комедии, повествующей о двух элегантных образованных мошенниках, занимающихся феерическими авантюрами.

Весьма примечательно, что режиссёр Борис Дуров (1937–2007) возвращается в окрестности Серпухова спустя 20 лет в 2002 году для съемок сериала «Тайный знак», действия которого разворачиваются в провинциальном городе (съемки происходили в Протвино). Фильм

посвящен актуальной проблеме вовлечения российской молодежи в различные деструктивные секты. На три дня съёмочной площадкой сериала стала Центральная городская библиотека города Протвино, где читатели во время съемок могли взять автографы у известных актеров Марины Яковлевой и Александра Белявского. По сюжету фильма в городе разворачиваются очень странные события, связанные с серией массовых смертей при весьма странных обстоятельствах. Сериал имел несколько сезонов, но только первый сезон 2002 года оказался успешным у зрителя и заслужил высокие рейтинги.

Придерживаясь хронологии, можно упомянуть вышедший в 2004 году сериал «Самара-городок» о жизни студентов в провинциальном городе. К сожалению, стремясь запечатлеть образ провинциального города, создатели фильма выбирали не самые удачные ракурсы и уголки Серпухова. Сюжет фильма достаточно банальный – молодая героиня, уехавшая покорять Москву, возвращается в провинцию и сталкивается с «тенями» своего прошлого, которые ставят под угрозу её благополучие и перспективу удачного замужества.

Восьмисерийный телесериал «Офицеры» режиссёра Мурада Алиева, премьерный показ которого состоялся на Первом канале с 10 по 20 июля 2006 года, и получивший высокие зрительские рейтинги, также имеет непосредственное отношение к окрестностям Серпухова. Фильм снимали в трёх странах – России, Таджикистане и Тунисе, часть съёмок с участием легендарного Василия Семёновича Ланового прошла на территории закрытой воинской части в Протвино. Лановой играет небольшую роль генерала Осоргина, одного из руководителей легендарного подразделения спецназа «Вымпел». Его приезд в провинциальную гостиницу в Протвино накануне съёмок произвел настоящий фурор, поскольку народному артисту по статусу положен номер люкс, и персоналу гостиницы пришлось срочно освобождать единственный имеющийся номер данной категории. После окончания съёмочного дня терпеливое ожидание поклонников было вознаграждено подписанием автографов.

В 2008 году режиссер Геннадий Сидоров приступает к съёмкам захватывающего остросюжетного десятисерийного фильма «Апостол», в котором много массовых натуральных сцен. Одной из съёмочных площадок, показанных в 9-й части телесериала, становится усадьба Воронина, находящаяся на пересечении улиц Пролетарской и переулка Кадомского. Несмотря на статус «Объекта культурного наследия федерального значения», присвоенного указом Президента России 20 февраля 1995 года, пилоны ворот и сама усадьба на момент съёмок находились в упадке. Более того, позднее в 2020 году произошло обрушение потолка, по счастливой случайности не приведшее к человеческим жертвам. По замыслу режиссера в фильме усадьба превратилась в публичный дом, в который периодически наведывались герои фильма в исполнении актеров Евгения Миронова и Александра Баширова [2].

Серпухов был выбран одной из площадок для съёмки детективного сериала «Новая жизнь сыщика Гурова» с Сергеем Маховиковым в роли знаменитого сыщика МУРа. Режиссёр картины Фёдор Петрухин взял за основу сюжет произведения Николая Леонова. Сериал длился несколько сезонов (2008–2011 годы), действие картины разворачивалось также в Севастополе, Ярославле и подмосковном Ступино. В Серпухове съёмки, в частности, проходили непосредственно в здании городской администрации, и для работы на съёмочной площадке были привлечены корреспонденты и операторы «РТВ-Подмосковье».

В 2009 году на экраны выходит концептуальный фильм-концерт театрального режиссера Ивана Вырыпаева «Кислород» на основе одноименной пьесы, имеющей 50 постановок в 20 странах мира. Съёмки фильма, представляющего собой 10 композиций в стиле прозаического ропа на музыкальные темы, проходили в Москве, Лондоне, Гонконге, Кубе, Риме, Дамаске, Париже и, в том числе, в Серпухове, поскольку главный герой серпухович Санёк приезжает в Москву и влюбляется там с первого взгляда в девушку Сашу с огненными волосами. Фильм, ставший призером фестиваля «Кинотавр», представляет собой десять заповедей и блаженств на фоне современной молодежи и пороков.

2010-е и по настоящее время

В 2010 году режиссёром Фуадом Шабановым в Серпухове снимается киноистория под рабочим названием «Первая весна» с исполнителями главных ролей Ириной Лачиной и Александром Арсентьевым. Фильм, вышедший в прокат под названием «Я подарю себе чудо», изобилует натурными съёмками в Серпухове, зритель легко узнаёт в кадре и парк культуры и отдыха имени Олега Степанова, и площадь Ленина, и городскую больницу им. Семашко. По сюжету фильма героиня разводится с мужем и отправляется в город юности на поиски своей первой любви, а случайное знакомство в поезде оборачивается для персонажей картины целым водоворотом ярких и непредсказуемых событий. Фуад Шабанов возвращается в Серпухов в 2011 году для съёмки минисериала «Яблоневый сад» (на экраны вышел в 2012 году) про жизнь учительницы, которая выходит на пенсию и покупает дом в небольшом посёлке. Кино получилось очень реалистичным, деревенская жизнь на фоне замечательной осенней природы показана правдоподобно.

В 2011 году на экраны выходит мелодрама Владимира Фатьянова «Предсказание», где задействованы актёры Дмитрий Исаев, Светлана Антонова и Андрей Руденский, и также запечатлены полюбившиеся режиссёрам мелодрам всё тот же парк, больница, ЗАГС и другие узнаваемые места Серпухова. Главная героиня светская львица Лена, разочаровавшись в своей «идеальной» жизни, встречает в музее мужчину, который с первой минуты вызывает в ней сильнейшие чувства. В этот момент она вспоминает предсказание, много лет назад услышанное от случайной гадалки.

Отдельного упоминания заслуживает уникальный во многом фильм, снятый в жанре «шок-драмы» российско-таджикского режиссёра Фархота Абдуллаева «Презумпция согласия». Первый показ фильма состоялся в 2011 году на IX кинофестивале «Московская премьера», жюри фестиваля высоко оценило картину. Фильм снят за рекордный срок – полтора месяца при ничтожном по меркам российской кинематографии бюджете. В картине снялись актёры Серпуховского музыкально-драматического театра с Рамилем Азимовым в главной роли, то есть труппа одного театра, единый творческий коллектив. Фильм основан на реальной истории из жизни провинциального врача, азербайджанца по национальности, который работает в российской глубинке и рассказывает о столкновении различных менталитетов, культур и традиций, происходящих сегодня на всех уровнях российского социума.

Последнее десятилетие историческое наследие Серпухова в основном запечатлено в многочисленных телесериалах, среди которых следует упомянуть криминальную мелодраму «Дурная кровь» 2013 года режиссера Сергея Боброва. Согласно сюжету фильма Серпухов – это родной город, «малая родина» героини Марии Козаковой, из которого она уезжает покорять столицу. Для

натурных съёмки тщательно подбирались красивые старинные деревянные дома пятидесятилетней давности. В фильме также запечатлён Венев-Никольский монастырь, первое упоминание о котором относится к XVI веку. Именно в этот монастырь героиня приходит просить совета у настоятельницы храма. По замыслу продюсера фильма Юрия Сапронова сериал преподносит урок о неизбежности наступления наказания за совершенное преступление.

В том же 2013 году снимается комедийный боевик с элементами чёрного юмора молодого режиссёра Романа Каримова «Всё и сразу» о судьбе двух незадачливых друзей, мечтающих разбогатеть любой ценой. Фильм изобилует погонями, перестрелками, драками, которые также разворачиваются на фоне городских пейзажей Серпухова, например, перекрёстка улиц Ворошилова и Фирсова. Сейчас благодаря усилиям подольских художников дом на этом перекрёстке украшает павлин на фоне храма Илии Пророка вместо рекламных баннеров, запечатленных в фильме. Также съёмки проходили в микрорайоне Ивановские дворики во дворе дома № 12 на Юбилейной улице, на площади Ленина, а молодые актёры, снимавшиеся в фильме, Никита Ост, Антон Шурцов и Андрей Муравьёв, побывали летом 2014 года на предпремьерном показе картины в центре «Корстон» в Серпухове.

Для съёмки восьмисерийного телесериала «Крылья» о знаменитом советском лётчике Валерии Чкалове режиссёр Игорь Зайцев, известный также своими работами «Каникулы строгого режима», «Есенин», «Диверсант-2», выбрал одной из площадок подмосковный аэродром Дракино в окрестностях Серпухова. Сериал рассказывает о самых ярких годах жизни знаменитого лётчика с 1924 года, о времени его обучения в Серпуховской лётной школе, вплоть до трагической гибели в 1938 году.

Традиционно именно в летний период Серпухов и окрестности становятся локацией для киносъёмки, и лето 2018 года не стало исключением. Для сериала «Челночницы», повествующего о нелёгкой судьбе женщин, начавших в 90-е годы прошлого столетия свой «челночный» бизнес, было выбрано старинное здание Гостиного двора и магазин «Круглый» [3]. Расположение магазина позволило производить съёмки с двух ракурсов для создания эффекта трёх разных исторических периодов: дом быта из 80-х, отремонтированный магазинчик одежды и в конце фильма – современный стильный магазин конца 90-х. Ярким моментом съёмки стало сжигание автомобиля напротив магазина «Круглый». Примечательный факт – силами декораторов на площади Ленина рядом с памятником В.И. Ленину даже появился вход в метро.

Тему мистического Серпухова продолжает один из последних сериалов «Вампиры средней полосы», первый сезон которого вышел в 2021 году. Сериал повествует о жизни семьи вампиров, проживающих в тихом российском городке. Съёмки проходили в Смоленске, в разных городах Подмосковья, включая Серпухов, запечатлённый площадью Ленина, территорией Ситценабивной фабрики и других местах. По сюжету фильма вампиры мирно сосуществуют с местными жителями, не наносят вреда людям, употребляют в пищу только донорскую кровь, трудятся наряду с обычными людьми и приносят пользу обществу.

Завершает наш список авторское кино «Большая секунда» (2021) режиссёра, сценариста, а также исполнителя главной роли Виктора Шамирова. Название фильма означает музыкальный термин, интервал в две ступени, и напоминает зрителю о быстротечности жизни и воз-

никающей иногда необходимости принимать спешные, но судьбоносные решения. Примечательно, что уютную небольшую музыкальную школу съёмочная группа искала не только по всей Московской области, но и за её пределами – в Туле, Твери, Ярославле, и в результате подходящий антураж нашёлся на территории музыкальной школы № 3 на 1-й Московской улице в Серпухове.

Заключение

Результаты проведённого исследования показали несомненную притягательность Серпухова и окрестностей для отечественных кинематографистов, а следовательно, и для зрительской аудитории, которой всегда приятно и интересно узнавать на экране знакомые места и зачастую утраченные объекты архитектуры в непривычном ракурсе или в другой исторической эпохе. Представленные кино- и телефильмы, включающие также авторское кино, сняты в самых разнообразных жанрах, от авантурных детективов, комедий, боевиков, фильмов ужасов, социальных драм до экранизаций классических произведений и историко-биографических фильмов. Данное исследование стремится привлечь внимание общественности к сохранению культурного и исторического наследия Серпухова, подчеркнуть важность и необходимость передачи непреходящих ценностей будущим поколениям, способствовать развитию тематического туризма.

Литература

1. Маршалов, В.С. Главный художник Мосфильма // Маршалов, В.С. Серпухов: Рассказы и были / В.С. Маршалов. – Серпухов, 1999. – С. 31–32.

2. Конева, Л. Кино – в Серпухов, а Серпухов – в кино! / Любовь Конева. – Мы и город. – 2008. – 28 авг. – С. 10.
3. Соколова, А.Г., Лобов, Д.А. Топонимы как ценное наследие культуры на примере города Серпухов // Современное педагогическое образование. 2023. № 10. С. 410–414.

CINEMATOGRAPHIC HERITAGE OF SERPUKHOV

Sokolova A.G., Germanovich T.V., Lobov D.A.

National Research Moscow State University of Civil Engineering, Old Grange Ltd

The present study is dedicated to systematization and classification of the rich cinematographic heritage of the city of Serpukhov and its surroundings, which is the integral component of history and culture and can play a vital role in promotion of the thematic tourism in the region. The task of the research is to draw public attention to preservation of cultural and historical culture of Serpukhov, to highlight the importance and necessity of passing on the enduring values to future generations of not only the local residents but also of other Russian citizens.

Keywords: historical and cultural heritage, filmography, systematization, cast, cinematographic heritage.

References

1. Marshalov, V.S. The main artist of Mosfilm // Marshalov, V.S. Serpukhov: stories and tales. – Serpukhov, 1999. – Pp. 31–32.
2. Koneva, L. Movies into Serpukhov, and Serpukhov in movies! / Lyubov Koneva. – Town and us. – 2008. – August, 28th. – P. 10.
3. Sokolova, A.G., Lobov, D.A. Toponyms as invaluable cultural heritage exemplified by Serpukhov // Modern pedagogical education. 2023. Issue 10. Pp. 410–414.

Египетская тьма Слотердайка. Философско-культурный анализ работ П. Слотердайка, написанных в память о Ж. Деррида

Сорокин Константин Алексеевич,

аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского федерального университета
E-mail: Konstantin.sorokin1@gmail.com

Обзорная статья направлена на ознакомление с тремя концепциями, представленными П. Слотердайком в работе под названием «Деррида-египтянин, о проблеме еврейской пирамиды». Отсутствие перевода на русский язык является одной из причин недостаточного представления работы П. Слотердайка в Российской научно-культурной среде. Цель данной статьи заключается в привлечении внимания специалистов, занимающихся современной западной философией, к идеям, связанным с творчеством Ж. Деррида через призму П. Слотердайка. Он осуществляет ряд деконтекстуализаций в трудах Ж. Деррида, используя работы Г. Гегеля, З. Фрейда и Т. Манна. Такой постмодернистический коктейль может представлять новый взгляд на прочтение уже известных текстов.

Ключевые слова: П. Слотердайк, Ж. Деррида, Пирамида, Египет, З. Фрейд, Г. Гегель, Т. Манн.

Введение

В 2007 году вышла книга как дань уважение своему французскому коллеге под названием «Деррида-египтянин, о проблеме еврейской пирамиды». Основой для вышеупомянутых размышлений стало высказывание Ж. Деррида (1930–2004), сделанное им летом 2004 г. перед смертью. Он признался, что в отношении своего посмертного «существования» проникнут двумя совершенно противоречивыми убеждениями – с одной стороны, уверенностью в том, что со дня смерти он будет полностью забыт, а с другой – уверенностью в том, что культурная память все-таки сохранит что-то из его творчества. Оба убеждения, по словам П. Слотердайка: «Существовали рядом, как бы не связанные между собой. Каждое из них сопровождалось ощущением полной доказательности, и каждое было по-своему убедительным, без учета противоположного тезиса» [Sloterdijk P., 2013, s. 151].

В тексте П. Слотердайк предлагает серию реконструкций или правильной сказать деконтекстуализаций работ мыслителя Ж. Деррида, исследуя связи между Дерридой и крупнейшими мыслителями, такими как Г. Гегель, З. Фрейд и Т. Манн. Лейтмотивом этого исследования является роль, которую Египет и египетская пирамида играют в философском восприятии Запада, от исхода Моисея и евреев до концептуализации пирамиды как архетипа громоздких объектов. «Египетский» – это термин, обозначающий все конструкции, которые могут быть подвергнуты деконструкции, за исключением пирамиды, этого самого египетского сооружения, которое стоит на своем месте, непоколебимое во все времена, потому что его форма – это неразрушимый остаток конструкции, которая построена так, чтобы выглядеть так, как она выглядела бы после собственного крушения.

3. Фрейд и Ж. Деррида

Можно предположить, что, ироничное название текста «Деррида Египтянин» отсылает к последней работе З. Фрейда (1856–1939) под названием «Этот человек Моисей и монотеистическая религия», в которой З. Фрейд одну из глав называет «Моисей – Египтянин». Это была поздняя работа З. Фрейда, которую психолог написал на пороге смерти в первом варианте в 1937 году и в переработанном виде в 1939 году. Работа является спорной, если не сказать провокационной, и остается постоянным камнем преткновения как для евреев, так и для европейцев. Сам Ж. Деррида родился в Эль-Биаре (Алжир), в богатой еврейской семье, что так же способствовало выбору для ироничного названия текста.

Возвращаясь к эссе на вышеуказанную тему П. Слотердайк развивает мысль в следующем ключе. По его мнению, З. Фрейд углубляет «чудовищную идею» о том, что человек Моисей, который был освободителем, законодателем и основателем религии для еврейского народа действительно был египтянином по культуре и национальности. Как пишет З. Фрейд: «Я добавил к этому, что анализ мифа о рождении с необходимостью приводит к выводу, что он был египтянином, в котором народ

хотел видеть еврея» [Фрейд З., 2021, с. 22]. Во втором разделе, который находится под плавающим заголовком, «Если Моисей был египтянином...», З. Фрейд, тщательно взвешивая и безрассудствуя, развивает тезис о том, что благовоспитанный египтянин Моисей должен был быть последователем солнечно-монотеистической религии Атона, введенной в XIV в. до н.э. Ахенатеном, который после реакции жрецов Аммона на его родине и среди его собственного народа уже не видел перспектив внедрения непопулярной новой веры. З. Фрейд развивает мысль следующим образом: оказывается, можно все-таки думать, что Моисей дал евреям некую свою тоже египетскую религию – хотя это не обязательно была господствующая религия Египта.

Как заявляет З. Фрейд «Во времена великой Восемнадцатой династии, когда Египет впервые стал мировой державой примерно в 1375 году до н.э., на трон взошел некий молодой фараон, который поначалу взял себе имя Аменхотеп (IV), по примеру своего отца, а затем сменил это имя – да и не только одно имя. Этот фараон задался целью навязать своим подданным новую религию, которая отличалась от их древних традиций и всех знакомых обычаев» [Фрейд З., 2021, с. 28]. Истоки Египетского монотеизма, представленного в новой религии, сопровождалась доктринами, которые впервые в истории человечества проповедовали веру в единого Бога. Такое представление о божественности неизбежно вызывало сложности, связанные с несогласием и неприятием других божеств, прежде неизвестных этому народу. Вследствие этого возникла нетерпимость и конфликты, которые ранее не были характерны для египетской культуры. Правление Аменхотепа продолжалось лишь 17 лет, и вскоре после его смерти новая религия была отвергнута, в то время как сам фараон стал объектом проклятия. По мнению Д. Брестеду (1865–1935), продолжателем идей монотеизма стал фараон Эхнатон, который взял себе имя удалив из него все упоминание Бога Амона. «Атон стал единым Богом не только в мыслях Эхнатона, но и фактически» [Брестед Д., Тураев Б., 2003, с. 353]. Вскоре Эхнатон покидает Фивы и создает новую столицу назвав ее Ахетатон (Горизонт Атона). Но культ Атона особо не привлекал людей и не был популярен. Поклонение было элитарно и ограничено среди немногих приближенных к фараону. В последствии его сын Тутанхамон возвращает столицу в Фивы, а также восстанавливает прежние религиозные культы. Далее З. Фрейд предполагает, что: «Моисей был знатным аристократом, возможно даже членом царской семьи, как и утверждает миф. Будучи тесно связан с фараоном, он стал убежденным сторонником новой религии, которые он глубоко постиг, стали его жизненными убеждениями. После смерти фараона и наступившей реакции он увидел, что все его мечты и планы развеялись как дым. Активная натура Моисея изобрела план создание новой империи» [Фрейд З., 2021, с. 36]. Тогда он выбирает народ из провинции Гесем, чтобы увести их из Египта – с намерением возобновить монотеистический эксперимент в другом месте и с другими людьми. З. Фрейд делает вывод, что: «Если Моисей был египтянином и передал евреям свою религию, то религия эта была эхнатоновой, т.е. культом Атона» [Фрейд З., 2021, с. 32].

Еще один момент, который подчеркивает З. Фрейд – это обряд обрезания, говоря о том что он заимствован у египтян и массово его вводит Моисей среди своих последователей, хотя в Библии можно прочесть, что ранее патриарх Авраам заключает завет с Богом на этом основании: «Аврам был девятию годами девяти лет» (Бытие 17:1), «Сей есть завет Мой, который вы должны соблюдать между Мною и между вами и между потомками тво-

ими после тебя [в роды их]: да будет у вас обрезан весь мужеский пол; обрезывайте крайнюю плоть вашу: и сие будет знамением завета между Мною и вами» (Бытие 17:10–11). Но, З. Фрейд настаивает на том, что: «Все эти библейские детали – на самом деле искажение исходного текста, которые не должны нас смущать» [Фрейд З., 2021, с. 34]. Таким образом, заключает З. Фрейд, Моисей способствовал внедрению египетского обычая обрезания среди евреев, привычке к религиозному высокомерию и строгости к себе, которую монотеистическая религия должна требовать от своих последователей, или, лучше сказать, испытуемых. Способность быть строгим к самому себе – источник тех психических трансформаций, которые З. Фрейд обобщил в формуле «прогресс одухотворения».

В контексте фантазий основателя психоанализа мы имеем определенное право вспомнить этот «чудовищный» по мнению П. Слотердайка, пересмотр З. Фрейдом еврейской истории, поскольку он представляет собой своего рода прелюдию к тому, что впоследствии будет обозначено ключевым термином Д. Деррида – РазличАние (differAnce), понятие, которое, по мнению Н. Автономовой, имеет принципиальное значение в философии Ж. Деррида: «Этот термин, опору всей деконструкции, у нас теперь часто вообще не переводят: либо транслитерируют русскими буквами, либо просто пишут латиницей. И это естественный соблазн, поскольку определить разницу между обычным difference и необычным differAnce можно только на письме. Однако мы решили подкрепить зрительное различие слуховым и предложили свой вариант: различие, различение (difference), и различАние (differance). Этот последний термин передает смысловую динамику дерридианского неографизма» [Автономова Н., 2000, с. 18]. «Как увидеть различие? Это значит увидеть в наличном неналичное, а в тождественном – нетождественное. Достаточно сосредоточиться на настоящем, и мы увидим трещины, свидетельствующие о том, что настоящее и наличное не тождественны самим себе, отличны от самих себя, внутренне дифференцированы: в них “еще” сохраняется прошлое, но “уже” предначертывается будущее. Итак, различие – это противоположность наличию как тождеству и самодостаточности» [Автономова Н., 2000, с. 22].

В соответствии с понятием differAnce, можно предположить, что З. Фрейд, обозначает не только и не столько разрыв с полным настоящим, сколько, прежде всего, сдвиг в пространстве и перераспределение ролей в телологической пьесе под названием «Исход». Согласно Фрейду, с этого момента собственно египетская драма никогда не разыгрывается в присутствии реальных египтян. Начиная с Моисеева вмешательства, сам Египет «происходит» в другом месте, а буквальный Египет, с точки зрения эмигрантов, означает всего лишь мертвую оболочку, служащую исключительно для обозначения места, с которого должно было начаться бегство в собственную инаковость. С приходом в Египет старых устоев он воспринимается евреями как и ранее – мертвая земля. Египет (Кеме), воспринимается как преисподняя, в которой вновь возродился бог Осирис, становясь враждебной землей, жители которой не вполне освободились от связи с животным миром.

Для понимания монотеистических убеждений, схожих с Ахенатоновскими, необходимо вступить в религиозный эксперимент, согласно задумке Моисея, и принять участие в иудаизме в будущем. Начиная с момента Исхода, народ Моисея, совершивший своеобразную пародию, оказался перед необходимостью решения своей неопределенной территории, или, чтобы использовать термины Деррида, стал жертвой хронической «преследующей»

его проблемы. Как подчеркивает П. Слотердаик: «Таким образом, исходное содержание *hantologie*¹, т.е. науки о преследовании незавершенного прошлого, очевидно не может заключаться ни в чем ином, как в навязчивых следах еврейско-египетских амбивалентностей. Их истоки следует искать в том, что Моисей, по словам З. Фрейда, хотел вывести евреев из страны и через обрезание навязал им обычай, который в некотором смысле сделал их египтянами» [Sloterdijk P., 2013, s. 153]. В своей работе «О грамматологии» Деррида вводя понятие «След» определяет его следующим образом: «След есть нечто записанное независимо от способа записи: это протофеномен памяти, который следует мыслить до всех противопоставлений (например, природы и культуры)» [Деррида Ж., 2000, с. 37]. Анализируя, Ж. Деррида формализует идею, высказанную З. Фрейдом, согласно которой нельзя быть евреем, не воплощая в себе в какой-то мере Египет – или призрак Египта.

Поздняя работа З. Фрейда впечатляет тем, что немолчаливая последовательность, с которой он «деконструирует» миф об Исходе. Как отмечает П. Слотердаик: «Прочитанный в рамках фрейдистских спекуляций, термин «исход» теперь обозначает не отделение иудаизма от египетского иноземного владычества, а реализацию самого радикального египтизма еврейскими средствами» [Sloterdijk P., 2013, s. 155]. Если додумать размышления Фрейда о чудовищной фабрикация еврейской идентичности до конца, то необратимый эффект Исхода становится ощутимым. Согласно З. Фрейду, исход из Египта породил евреев Моисея как гетеро-египетский народ, который ни при каких обстоятельствах не смог бы вернуться в прежние владения, даже если бы захотел. В самой глубине их души неизгладимо запечатлелся след Другого, как бы его ни делали неузнаваемым и ни прикрывали новыми программами. Этот след был настолько глубоким, что даже знак, обозначающий наиболее характерные черты своего, был заимствован у чужаков. Если обрезание действительно означало избранность, как не уставал подчеркивать Фрейд, то этот знак был заимствован у тех, от кого человек хотел отличаться как эмигрантский народ в будущем для всего мира.

Т. Манн и Ж. Деррида

В удивительной синхронности с З. Фрейдом Т. Манн (1875–1955) создает роман – тетралогия под названием «Иосиф и его братья», написанный в период с 1933–1943. Роман считают ключевым произведением в литературе. Ему можно приписать ключевое место в истории литературы и идей XX века – с одной стороны, как тайному крупному произведению современной теологии, а с другой стороны как крупному параллельному действию Фрейда, озвучивающего неизмеримые последствия психоаналитической и новеллистической диверсии нарратива Исхода. П. Слотердаик отмечает: «Если исход евреев из Египта действительно означал продолжение Египтизма иными средствами – а Томас Манн по-своему приходит к выводам, аналогичным Фрейдовским, – то вопрос о пересмотре отношений евреев-гетеро-египтян с гомо-египтянами, если их можно так назвать, мог быть лишь вопросом времени» [Sloterdijk P., 2013, s. 160]. Т. Манн нашел ключевой момент между исходом из Египта и иммиграцией в него в истории молодого Иосифа. Известно, что Иосиф был любимым сыном Иакова, что вызывало ненависть его братьев. Однажды они напали на него и продали мадианитянам, занимающимся торговлей людьми, чтобы избавиться от него. Это преступление, как указывает

рассказчик, имеет глубокий философский смысл. Оно не только позволяет показать тайну несправедливости, связанную с преференциальной любовью и ревностью, но и затрагивает проблему пересмотра отношений евреев с Египтом, которые изначально можно представить только в кощунственном свете.

Ирония Т. Манна дает читателю, готовому уловить намек, скрытую подсказку, согласно которой с одаренным сыном прародителя Иакова за всю его жизнь не могло произойти ничего лучшего, чем быть проданным в Египет. Даже если этот Иосиф, оставленный братьями в одиночестве, мог бы стать уважаемым владельцем отары овец в Ханаанских землях или селекционером маслин, с благочестивой собранностью прислушивающимся к росту деревьев, в Египте были открыты другие возможности. Прежде всего Иосиф обретает новые свойства через особый вид инициации. Для него смертью становится трехдневное пребывание в колодце, куда он брошен обезумевшими от ярости братьями. Иосиф находясь в колодце говорит: «Я лежу в могиле» [Манн Т., 1987, с. 455], «В его уме понятия “оголение” и “смерть” находились в близком соседстве» [Манн Т., 1987, с. 463]. Во время символической смерти в колодце, Иосиф претерпевает инициацию, которая заканчивается его возрождением в мире живых, воспринимаемым героем как второе рождение. Т. Манн пишет: «Выражение “чувствовать себя заново родившимся” можно было отнести к Иосифу с большим правом, чем, вероятно, к любому другому человеку на свете, начиная от сотворения мира и кончая нашими днями» [Манн Т., 1987, с. 529]. В романе присутствует двусмысленность, в которой П. Слотердаик отсылает к знаменитому анализу Деррида слова «*pharmakon*», определение которое объясняет явления и вещи, те что выходят за рамки привычной бинарной системы антиномий, где все разделяется на «хорошо» или «плохо», «полезно» или «вредно». Они одновременно творческие и разрушительные, граница между их противоположными качествами неустойчива, их значение неоднозначно. Ж. Деррида пишет: «фармакон, эта “микстура”, это зелье, разом лекарство и отравы» [Деррида Ж., 1968]. Деррида через диалог Платона «Федр» совместно с Т. Манном утверждает, что преступление, которое случилось с Иосифом может оказаться лучшим, что могло случиться с его жертвой. В своем повествовании Т. Манн глубоко анализирует и обсуждает концепцию «удачи в несчастье». Действительно, Иосиф, ставший рабом после того, как его братья продали его в Египет, обладал способностью лучше понимать самих египтян, чем они сами. Это особое герменевтическое превосходство, возникшее из-за его маргинального статуса, оказалось ключом к успеху Иосифа в Египте.

По мнению П. Слотердайка, толкование Иосифом снов фараона в романе Т. Манна является тонкой пародией на психоанализ, поскольку роман построен по следующей аналогии, Иосиф для египтян – то же, что З. Фрейд для своих пациентов: «Как известно, единственный путь к египетскому успеху для людей с пустыми руками лежит через тонкую грань искусства чтения знаков, которые египтяне читать не умели, – в данном случае через толкование снов. Т. Манн имел в виду карьеру З. Фрейда, который благодаря своим предложениям по созданию науки о чтении снов сумел поставить в зависимость от своих толкований позднефеодальное общество австро-египетских Габсбургов» [Sloterdijk P., 2013, s. 163]. В наше время проникнуть в логико-психологическую цитадель человека можно лишь столь же изощренным способом, как и во времена Иосифа, а именно с помощью науки о знаках и снах, которые изучает психоанализ.

¹ Подробнее см.: [Деррида Ж., 2006].

Для того чтобы уяснить влияние герменевтических интервенций, П. Слотердаjk обращается к текстам мыслей; Э. Блох (1885–1977) и В. Беньямин (1892–1940), называя их «марксистские интерпретаторы мессианизма» [Sloterdijk P., 2013, s. 164], которые являются второй волной интерпретации сновидений после Фрейда и придают политическую окраску фрейдовскому подходу к интерпретации. Если говорить про концепцию Э. Блоха, то Сфера бессознательного раскрывается у него через понятие «темнота». И.А. Болдырев делает акцент на то, что: «Темнота – это не только красивая метафора, это, прежде всего, категория антропологии, а не теории познания, хотя и раскрывается через такие характеристики, как “инкогнито”, “загадка”, “скрытое”, “невывыказываемое” и т.д.» [Болдырев И.А., 2012, с. 34]. Потенциал развития человека заложен в неизвестности, где сознание хранит неопределенные намерения, а окружающий мир наполнен намеками на истинные тенденции. Намерения, потенциалы и тенденции – это загадочные и требующие разгадки следы в предрассветной темноте подсознания.

В. Беньямин не успевший закончить свою работу под названием «Пассажи» все-таки оказал большое влияние на различные направления гуманитарного знания. Образ спящего общества был широко распространен в литературе и средствах массовой информации в начале двадцатого века. В вышеупомянутой работе В. Беньямин говорит о состоянии сна, в котором находится общество. Это состояние сна – результат погружения людей в мир суеты и потребительства, созданного капиталистическим обществом. По мнению В. Беньямина: «Капитализм был естественным явлением, посредством которого сон, заполненный мечтой, объял Европу и реактивировал мифические силы» [Buck-Morss S., 1991, s. 47]. «Спящее общество по В. Беньямину есть общество массовое, а его «сон» синонимичен господствующему типу рациональности. Находясь в рамках этой рациональности, люди подвержены гипнозу различного рода, производимого индустриями масс-медиа и развлечений, политического и коммерческого пиара. В «спящем» обществе индустриальной цивилизации, по В. Беньямину, восприятие и память менее чувствительны к индивидуальным впечатлениям и легче подвержены манипуляциям, чем в традиционном обществе» [Травников С.К., 2015, с. 29–34]. В этой связи иронично замечает П. Слотердаjk что: «Стержнем второго толкования снов стала интерпретация знаков и следов, с помощью которых человечество со времен античности предвосхищало коммунизм, согласно мессианскому толкованию. Примечательно, что терапевтическое ограничение ночных сновидений было отменено, и теперь в дело новой герменевтики должны были включиться прежде всего дневные сновидения и осознанные утопические конструкции» [Sloterdijk P., 2013, s. 166]. Пример с В. Беньямином демонстрирует, как непредсказуемо может складываться карьера Иосифа на фоне этого. В свою очередь, Э. Блох преподносит урок, что истолкователю снов, обладающему сильным пророческим даром, в итоге не имеет значения, интересуются ли люди политическим или теологическим толкованием своих снов.

При таком взгляде на связи становится ясным, почему деконструкцию Деррида можно рассматривать как третью фазу интерпретации сновидений с “Иосифлянской” перспективы. Для него было очевидно, что она может быть успешной только в том случае, если выходит за пределы привычных моделей психоанализа и мессианской герменевтики. П. Слотердаjk подводит итог своих размышлений высказыванием: «Деррида интерпретировал Иосифлянскую возможность, показав, как смерть грезит в нас – или, другими словами, как Египет действу-

ет в нас. “Египетский” – это предикат всех конструкций, которые могут быть подвергнуты деконструкции, за исключением самой египетской из всех конструкций – пирамиды» [Sloterdijk P., 2013, s. 167]. Это наблюдение возвращает нас к проекту П. Слотердаjка, который исследует взаимодействие с нашим современным жильем – центральной проблемой его философского мышления. П. Слотердаjk серьезно относится не только к метафорам строительства и деконструкции, но и к архитектурным реалиям жилища, которые формируют различные модели нашего современного психосоциального существования, как положительные, так и отрицательные. Пирамида – непоколебимо стоит на месте во все времена, потому что ее форма есть не что иное, как не поддающийся деконструкции остаток сооружения, которое, по замыслу архитектора, построено так, как оно будет выглядеть после своего разрушения.

Г. Гегель и Ж. Деррида

Продолжая рассматривать понятие деконструкции Ж. Деррида, П. Слотердаjk приглашает нас сыграть в игру и стать наблюдателями третьего порядка, что позволит нам стать свидетелями глубокой драматической операции. Это предоставляет нам возможность взглянуть на события с философской высоты. В части взаимосвязи Г. Гегеля и Ж. Деррида, П. Слотердаjk, выступая в роли третьестепенного свидетеля, осмысляет идеи последнего, выраженные им в работе «Колодец и пирамида: введение в семиологию Г. Гегеля». Авторами первого и второго порядка в диалоге становятся Г. Гегель (1770–1831) и Ж. Деррида. П. Слотердаjk в своем стиле образно описывает взаимоотношение между Г. Гегелем и Ж. Деррида в виде сеанса похожего на психоанализ: «Это похоже на заключительный сеанс затянувшегося психоанализа, в ходе которого последний фараон метафизики лечится у своего последнего Иосифа. Ж. Деррида, как и положено, занимает место за спиной Г. Гегеля, не издавая ни звука, и позволяет развернуться его свободному монологу. Конечно, философ не говорит горизонтально, он стоит прямо за пюпитром своего берлинского кресла, где на пике концептуальной мощи декламирует «Энциклопедию философских наук», слегка наклоняясь вперед в знак признания своей рукописи и серьезности дела. Пока же деконструктивный аналитик только и делает, что прислушивается к метафорам, скачкам, пробелам, паузам и недомолвкам, которые могут показать, что в изложении готового знания присутствуют мотивы, препятствующие его полному замыканию в себе» [Sloterdijk P., 2013, s. 198].

Интерес Ж. Дерриды к Г. Гегелю, который впервые проявился в его книге «О грамматологии» затем, становится еще более явным в его статьях «От экономии ограниченной к экономии всеобщей: гегельянство без утайки» и «Эпоха Гегеля», в которых Ж. Деррида предлагает тонкую и глубокую критику диалектики. В статье «Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук» Ж. Деррида обращает внимание на два различных подхода к критике тотализации. Один из них основан на понятии «конечности» и используется Г. Гегелем, в то время как другой подход основан на понятии «игры» и применяется Ж. Дерридой. «Тотализацию можно расценить как невозможную, исходя из классических соображений: в этом случае имеется в виду эмпирическое усилие субъекта или конечного дискурса, тщетно стремящегося к бесконечному богатству, которым он никогда не сумеет завладеть. Всегда есть слишком много того, о чем никогда не сможешь сказать» [Деррида Ж., с. 461].

Однако главная дискуссия, на которую П. Слотердаjk хотел обратить внимание, развернулась между

Ж. Дерридой и Г. Гегелем на страницах эссе «Колодец и пирамида: введение в семиологию Гегеля». Как отмечает Ю.О. Азарова: «Деррида на примере разбора гегелевской теории знака дезавуирует главный методологический принцип, предваряющий работу *Aufhebung*, – принцип перехода между двумя моментами полного присутствия (моментами чувственного и умопостигаемого)» [Азарова Ю.О., 2015, с. 82–111]. Необходимо начать что говорит о знаке Г. Гегель. Знак, по его словам: «Есть непосредственное созерцание, представляющее совершенно другое содержание, чем то, которое оно имеет само по себе; – пирамида, в которую переносится и в которой сохраняется чья-то чужая душа» [Гегель Г.В.Ф., 1974, с. 294]. В основе рассуждения Гегеля лежит идея, что «знак» в своей сущности не привязан к конкретному обозначаемому объекту или значению. Согласно Гегелю, воображение обладает тремя формами раскрытия своей силы: воспроизводящей силой, которая является чисто формальной деятельностью, деятельностью ассоциирования образов. Воспроизводящая сила воображения представляет собой способность воображения воспроизводить уже существующие образы и идеи, придавая им новую форму и смысл. Эта форма воображения является чисто формальной, поскольку она не требует творческого вмешательства и преобразования. Она служит основой для последующих форм раскрытия силы воображения. Деятельность ассоциирования образов – это способность воображения соединять различные образы и идеи в новые комбинации и ассоциации. В результате этой деятельности возникают новые представления и понятия, которые расширяют наше понимание и восприятие мира. Эта форма воображения является активной и креативной, поскольку она требует умения и способности созидать новое из уже существующего.

Таким образом, воображение раскрывается через воспроизводящую силу и деятельность ассоциирования образов, обогащая наш опыт и позволяя нам воспринимать мир в новых и неожиданных контекстах. «относит их друг к другу и, таким образом, поднимает их до всеобщих представлений» [Гегель Г.В.Ф., 1974, с. 288], и «та, на которой интеллигенция отождествляет свои всеобщие представления с тем, что есть особенного в образе, и тем самым дает им образное наличное бытие. Это чувственное наличное бытие имеет двоякую форму – символа и знака. «Поскольку <...> освободившееся от содержания образа всеобщее представление становится чем-то созерцаемым в произвольно избранном им внешнем материале, оно порождает то, что в отличие от символа следует называть знаком» [Гегель Г.В.Ф., 1974, с. 294]. Можно утверждать, что различие между символом и знаком по Г. Гегелю заключается в том, что символ обладает мотивацией, в то время как знак является произвольным относительно объекта и представляет собой пирамиду, в которую передается и сохраняется индивидуальная душа.

Деррида в эссе «Колодец и пирамида: введение в семиологию Гегеля» обращает внимание, что семиология Г. Гегеля вдохновлена платонизмом и если знаки имеют смысл, то только потому, что их духовная сторона наполняет душу, вселившуюся в тело. Как пишет Ж. Деррида: «Тело знака становится, таким образом, памятником, в котором душа как будто заключается, хранится, поддерживается, удерживается в настоящем, в тепер, означается» [Деррида Ж., 2004, с. 175]. Знак – это место, где живое встречается с мертвым непосредственно, без того, чтобы мертвое перестало быть мертвым, а живое перестало быть живым – правда, только в умерщвленном виде, а именно в виде посмертной души. Знаки, были бы бессмертными душами после их погребения.

П. Слотердайк на это остроумно замечает что: «если знаки – это памятники, в которых пребывают увековеченные живые души, то знак всех знаков можно увидеть в гробнице фараона – пирамиде» [Sloterdijk P., 2013, s. 200]. Возвращается привычная схема *soma/sema*, которая олицетворяет тело как гробницу души, в соответствии с вечным рефреном платонизма. П. Слотердайк обращает внимание на то, что: «Но если знаки – это памятники, в которых пребывают увековеченные живые души, то знак всех знаков можно увидеть в гробнице фараона – пирамиде» [Sloterdijk P., 2013, s. 203]. Решающим моментом здесь является не только введение учения о произвольности знаков, но и его философская обоснованность. Ибо именно через произвольный выбор знаков философия обретает свою суть – свободу духа, освобождаясь от ограничений символов и симптомов.

П. Слотердайк завершает серию деконтекстуализаций и реконтекстуализаций работ личным замечанием. «Я никогда не забуду тот момент, когда Раймунд Феллингер, мой редактор в Suhrkamp Verlag, спросил меня во время моего визита на Франкфуртскую книжную ярмарку в октябре 2004 года: “Вы знаете, что Деррида умер?” Я не знал. У меня было ощущение, будто опустился занавес. Шум выставочного зала вдруг оказался в другом мире. Я оказался наедине с именем покойного, наедине с призывом к преданности, наедине с ощущением, что мир вдруг стал тяжелее и несправедливее, и с чувством благодарности за то, что этот человек показал. Что это было в итоге? Наверное, то, что восхищаться, не становясь снова ребенком, все-таки можно. Предлагать себя в качестве объекта для восхищения на вершине познания – не это ли величайший дар, который интеллект может преподнести своим адресатам и партнерам? Эта благодарность не покидает меня с тех пор. Она сопровождается мыслью о том, что погребальная камера этого человека касается высокого неба. С тех пор я открыл для себя счастье не быть наедине с этим образом» [Sloterdijk P., 2013, s. 206].

Литература

1. Автономова Н. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. М.: Изд. «Ad Marginem», 2000. С. 7–110.
2. Азарова Ю.О. Гегель и Деррида: философия, язык, рефлексия // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 82–111.
3. Болдырев И.А. Время утопии: проблематические основания и контексты философии Эрнста Э. Блоха. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 296 с.
4. Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта. Мн.: Изд. Харвест, 2003. 832 с.
5. Гегель Г. В.Ф. Энциклопедия философский наук: в 3 т. М.: Изд. «Мысль», 1974. Т. 3. 470 с.
6. Деррида Ж. Колодец и пирамида: введение в семиологию Гегеля // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. 2004. № 615. С. 175.
7. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Изд. «Ad Marginem», 2000. 511 с.
8. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. с франц. Б. Скуратова; под общ. ред. Д. Новикова. М.: Logos-altera, «Ессе homo», 2006. 256 с.
9. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук. С. 461.
10. Деррида Ж. Фармация Платона // Tel Quel. 1968. № 32–33.
11. Манн Т. Юный Иосиф // Манн Т. Иосиф и его братья. М.: Правда, 1987. Т. 1. С. 455.

12. Травников С.К. Роль произвольной памяти в диалектике сна и пробуждения Вальтера Бенямина (проект «Пассажи») // *Артикульт*. 2015. 19(3). С. 29–34.
13. Фрейд З. *Этот человек Моисей*. М.: Изд. «Ломоносовъ», 2021. 192 с.
14. Buck-Morss S. *The Dialectics of Seeing*. Chicago: Walter Benjamin and the Arcades Project, 1991. 493 p.
15. Sloterdijk P. *Mein Frankreich*. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2013. 248 s.

**SLOTERDIJK'S EGYPTIAN DARKNESS.
A PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS OF
P. SLOTERDIJK'S WORKS WRITTEN IN MEMORY OF
J. DERRIDA**

Sorokin K.A.

Ural Federal University

The review article is aimed at familiarising with three concepts presented by P. Sloterdijk in the work entitled "Derrida-Egyptian, on the problem of the Jewish pyramid". The lack of translation into Russian is one of the reasons why P. Sloterdijk's work is underrepresented in the Russian scientific and cultural environment. The purpose of this article is to draw the attention of specialists engaged in contemporary Western philosophy to the ideas associated with the work of J. Derrida through the prism of P. Sloterdijk. He performs a number of decontextualisations in the works of J. Derrida, using the works of G. Hegel, Z. Freud and T. Mann. This postmodern cocktail may represent a new way of reading already known texts.

Keywords: P. Sloterdijk, J. Derrida, Pyramid, Egypt, Z. Freud, G. Hegel, T. Mann.

References

1. Avtonomova N. Derrida and Grammatology // Derrida J. *On Grammatology*. Moscow: Ad Marginem, 2000. С. 7–110.
2. Azarova Y.O. Hegel and Derrida: Philosophy, Language, Reflexion // *Philosophical Journal*. 2015. Т. 8. № 2. С. 82–111.
3. Boldyrev I.A. *Vremya utopii: problematic foundations and contexts of the philosophy of Ernst E. Bloch*. М.: NAU VSE, 2012. 296 с.
4. Brested D., Turaev B. *History of Ancient Egypt*. Мн.: Изд. Harvest, 2003. 832 с.
5. Hegel G.V.F. *Encyclopaedia of philosophical sciences: in 3 vol.* Moscow: Izd. "Mysl", 1974. Т. 3. 470 с.
6. Derrida J. The Well and the Pyramid: Introduction to Hegel's *Semiology* // *Visnik Kharkivskogo natsional'nogo un'tu im. V.N. Karazin*. 2004. № 615. С. 175.
7. Derrida J. *On Grammatology*. Moscow: Ad Marginem, 2000. 511 с.
8. Derrida J. *The Ghosts of Marx. The State of Duty, the Work of Sorrow and the New International* / per. from Fr.B. Skuratov; ed. by D. Novikov. Moscow: Logos-altera, "Esse homo", 2006. 256 с.
9. Derrida J. *Structure, sign and game in the discourse of humanities*. С. 461.
10. Derrida J. *Plato's Pharmacia* // *Tel Quel*. 1968. № 32–33.
11. Mann T. *Young Joseph* // Mann T. *Joseph and his brothers*. М.: Pravda, 1987. Т. 1. С. 455.
12. Travnikov C.K. The role of involuntary memory in Walter Benjamin's dialectic of sleep and awakening (project "Passages") // *Artikult*. 2015. 19(3). С. 29–34.
13. Freud Z. *This man Moses*. Moscow: Izd. "Lomonosov", 2021. 192 с.
14. Buck-Morss S. *The Dialectics of Seeing*. Chicago: Walter Benjamin and the Arcades Project, 1991. 493 p.
15. Sloterdijk P. *Mein Frankreich*. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2013. 248 s.

Танова Анна Гераклитовна,

к.с.н., доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: tanova_ag@spbstu.ru

Поздеева Елена Геннадиевна,

к.с.н., доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: pozdeeva_eg@spbstu.ru

Евсеева Лидия Ивановна,

к.ф.н., доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: evseeva_li@spbstu.ru

Тучкевич Евгения Ивановна,

старший преподаватель Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: tuchkevich_ei@spbstu.ru

В данной статье исследуются экологические практики молодежи и степень вовлеченности молодых людей в экологическую деятельность в своей повседневной жизни. В этом возрасте у людей формируются основные личностные установки, и важно понять, насколько они направлены в сторону формирования именно экологических практик, а также экологической культуры в целом, что в дальнейшем может повлиять на формирование знаний, умений и навыков в сфере экологического образования. Авторы провели исследование методом анкетирования с целью выявить готовность молодых людей принимать участие в реализации тех или иных экологических практик. Результаты исследования показали, что несмотря на знание этих практик и понимание их важности для решения экологических проблем, представители молодого поколения не готовы нести ответственность за состояние окружающей среды и экологические практики не стали детерминантой их поведения в повседневной жизни.

Ключевые слова: молодежь, экологические практики, экологические проблемы, экологическое поведение, экологическая культура.

Постановка проблемы

Экологические проблемы стали актуальны для человечества довольно давно. Ведущие государства планеты, их правительства и общественность обратили внимание на необходимость регулирования нагрузки на природную окружающую среду уже в конце XIX века. Так, например, в далеком 1897 году было заключено трехстороннее соглашение между Россией, США и Японией об охране морских котиков в Тихом океане [10]. В годы после Второй мировой войны сотни стран подписали десятки соглашений и договоров для предотвращения загрязнения водной и воздушной среды.

Возникает следующий вопрос: многие ли сейчас осознают проблемы экологии как важные и готовы ли лично внести свой вклад в их разрешение? Мы будем фокусироваться в первую очередь на вовлеченности молодого поколения, так как именно на молодежь ложится бремя решения экологических проблем и преодоления экологических рисков [7]. Именно в группе молодежи сильные социальные связи, которые способствуют вовлеченности ее в различные социальные практики, в том числе и в практики экологической направленности. Так, некоторые исследователи отмечают, что современное молодое поколение отличается активной жизненной позицией, в том числе и относительно преобразования того места, где оно проживает, что помогает его представителям формировать и приобретать новые социальные роли и статусы [1]. Поэтому, становится очевидным, что именно единение с природой, окружающими людьми и самим собой, по мысли Э. Фромма, может послужить источником сил для дальнейшей человеческой деятельности [11].

Молодежь можно рассматривать еще и как «социологический концепт для обозначения слоя в обществе, который в силу возраста не в полной мере выступает носителем принятых в обществе статусов и ролей, точнее – имеет свои статусно-ролевые модификации или невоспроизводимые другими возрастными группами статусы и роли, социальные и культурные практики» [9].

Молодежь является самой открытой и подвижной группой населения, способной активно приспосабливаться к условиям окружающей среды и изменять их [3]. С одной стороны, она является очень нестабильной и пластичной, непредсказуемой и расположенной к постоянным изменениям. К тому же, в промежуток от 18 до 30 лет представители социальной группы могут изменить свой социальный статус несколько раз. В этом возрасте формируются основные установки, основы и ориентации личности, делается выбор в пользу тех или иных траекторий социального развития. При этом, с другой стороны, она наиболее податлива влиянию с внешней стороны, в частности на еще не полностью укорененные социальные практики. Так, появляется возможность оказать воздействие на паттерны экологического поведения, которые в будущем будут передаваться и станут определяющими для следующих поколений.

Именно формирование экологической культуры может в дальнейшем сформировать те или иные паттерны экологического поведения. Под экологической культурой понимается «совокупность материальных и духовных ценностей, на основе созданной человеком систе-

мы знаний, умений и навыков в сфере экологического образования, а также определенного опыта экологической деятельности» [2]. Некоторые авторы видят в основе экологической культуры личности ее экологическую направленность, «которая характеризует уровень усвоения базовых компонентов экологического образования, сформированности мотивационной сферы» именно в рамках процесса социализации молодежи [4]. Именно экологическая культура способствует формированию установок поведения, которые помогают реализовывать те или иные экологические практики. Кто же склонен демонстрировать экологические практики в своем поведении, кто он – экологический активист?

Алексей и Светлана Гегер в своем исследовании попытались составить портрет экологического активиста в России на основе данных Всемирного исследования ценностей и по результатам статистического анализа отмечается, что молодежь (18–29 лет) является наиболее обеспокоенной проблемами экологии и активной группой [6]. В европейских странах уровень экологической культуры и активизма заметно выше и начал формироваться намного раньше, чем в России. Если там проэкологическое поведение формировалось уже в течение нескольких поколений, то в России, именно молодежь подхватывает западные течения и является фактически первым поколением, выросшим при постсоветском устройстве.

Беря во внимание характеристики молодежи как социальной группы, стоит учитывать влияние экологических субкультур и распространение моды на проэкологические практики и товары. Глобализация, характеризующаяся информационной открытостью, коммуникационной близостью, интернационализацией, позволяет молодежи подхватывать глобальные тренды, которые, в частности, направлены на экологизацию.

Сейчас наблюдается изменение паттернов экологического поведения, двигателями которого является молодежь как инновационный потенциал будущего общества. Если ранее основная деятельность была направлена на экологичную утилизацию, то сейчас, во времена стремительно возрастающей технологизации и диджитализации, акцент делается на сокращение потребления, экономию и использование возобновляемых ресурсов.

Решить поставленный вопрос о готовности индивидов лично внести свой вклад в разрешение экологических проблем поможет исследование вовлеченности молодежи в повседневные экологические практики, осознание ею, насколько личное участие каждого может приблизить решение экологических проблем.

К практикам повседневности в контексте рутинизации привычных действий обращались Ю. Хабермас при описании взаимодействия и жизнедеятельности индивидов [12] и Л. Витгенштейн, теоретически обосновывая новые практики через категории повседневности, типичных, рутинных действий, составляющих основу социальной жизни [5].

Другие исследователи указывают на то, что экологические практики «являются структурным элементом экологического поведения, представляя собой целенаправленные и осмысленные действия индивидов, направленные на преобразование природной среды либо на поддержание в состоянии, достаточном для естественного воспроизведения её основных параметров» [8].

Ряд авторов, например, Ахметова М.Х., Бобкова Е.Ю. и др. отмечают, и это подтверждается данными исследований, что получаемые индивидом знания об экологической опасности не становятся личностно значимыми, т.е., не могут побудить к деятельности по решению эко-

логических проблем. Индивиды, в том числе и молодые люди, не соотносят экологическую деятельность со своей личной деятельностью. Даже наличие информации о об экологических проблемах практически не вызывает готовность к практически действиям по их решению. В результате исследования авторы приходят к выводу, что «в основе формирования экологической компетентности лежат экологическое образование (самообразование) и проэкологические практики, которые помогают сформировать у молодежи чувство личной ответственности за решение экологических проблем» [3].

Исследование

Для ответа на вопрос о готовности молодежи участвовать в реализации тех или иных экологических практик обратимся к данным социологического исследования, проведенного в 2023 году на базе Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

В рамках исследования было проведено онлайн-анкетирование 328 студентов СПбПУ (при ошибке выборки 5% и доверительном интервале 95%).

На вопрос «Считаете ли вы, что каждый может внести свой вклад в решение экологических проблем?» были получены следующие ответы.

Большинство студентов, ответивших утвердительно (53% – «точно да»), уверены, что каждый может внести свой вклад в решение экологических проблем. Это указывает на их оптимистическое отношение к возможности изменений и активного участия в экологических практиках. 42% респондентов выбрали вариант ответа «скорее да, чем нет», соответственно, они менее склонны считать, что каждый может внести свой вклад в решение экологических проблем. В целом, результаты опроса указывают на то, что потенциал готовности реализовывать экологические практики существует и, хотя у отдельного индивида может быть ограниченное влияние на решение экологических проблем, он все же может сделать полезный вклад в экологическую ситуацию. 5% студентов в сумме высказали скептицизм (3%) относительно того, что каждый может внести свой вклад в решение проблем экологии («скорее нет, чем да»), а 2%, ответив «точно нет» полностью отвергли возможность внести свой вклад в решение экологических проблем. Это малочисленная группа, которая, скорее всего, не верит в эффективность индивидуальных действий в этой области (рис. 1).

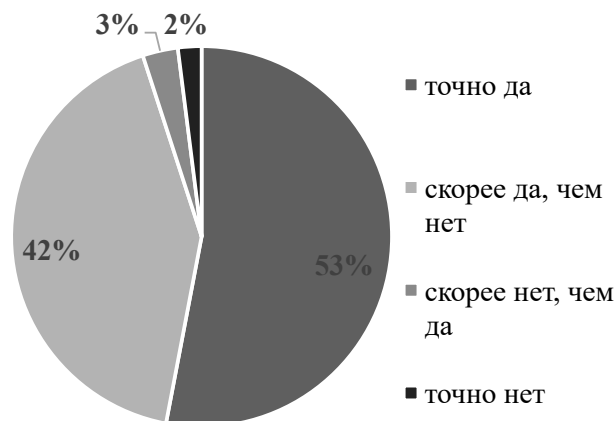

Рис. 1. Считаете ли вы, что каждый может внести свой вклад в решение экологических проблем?

Большинство студентов положительно настроены и считают, что каждый может внести свой вклад в решение экологических проблем. Это указывает на потенциал для развития экологических практик среди студентов СПбПУ.

При этом, из ответов на другой вопрос – «Кто должен решать экологические проблемы в стране?» видно, что 71% опрошенных считает, что экологические проблемы существуют и требуют совместных усилий как со стороны государства, так и со стороны граждан. Это указывает на то, что большинство студентов СПбПУ признают значимость участия как государственных органов, так и личной ответственности в решении экологических проблем. 19% опрошенных отмечают, что экологические проблемы должны решаться на уровне государства и специальных организаций, что свидетельствует о том, что эти студенты склоняются к уверенности в необходимости централизованного подхода к решению экологических проблем со стороны органов власти. И 10% опрошенных считают, что каждый человек должен внести свой вклад в решение экологических проблем. Эти студенты верят в силу индивидуальных действий и отдельных граждан в вопросах экологии (рис. 2).

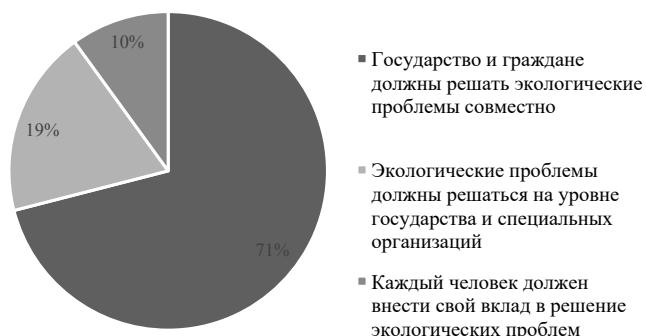

Рис. 2. Кто должен решать экологические проблемы в стране?

В целом, результаты говорят о том, что студенты видят необходимость совместных действий со стороны государства, специальных организаций и каждого отдельного человека для их решения, но при этом они не готовы решать их в одиночку (только 10% считают, что «каждый человек должен внести свой вклад в решение экологических проблем»). Это позволяет сделать вывод о настрое студентов играть активную роль в решении экологических проблем.

И, наконец, при ответе респондентов на вопрос «Какие их перечисленных экологических практик вы знаете, а какие применяете или применяли когда-либо?» были получены следующие результаты.

38% опрошенных знают о раздельном сборе отходов и применяют эту практику, однако большинство (58%) знают о раздельном сборе отходов, но не применяют данную практику. Половина опрошенных (50%) знают и применяют шеринговые практики, что говорит об их распространенности среди студентов, однако 46% знают о шеринге, но не применяют его. Большинство опрошенных (71%) знают об экологических способах передвижения и используют их, что является положительным результатом. Это указывает на то, что студенты обладают осознанностью в выборе транспортных средств. Тем не менее, 28% знают о них, но не применяют. Большая часть респондентов (69%) экономит ресурсы, такие как вода и электроэнергия. Это указывает на осознанное отношение к эффективному использованию ресурсов. Однако 30% осведомлены о ней, но не используют. 41% опрошенных знают принцип покупки только самого необходимого и применяют его. Это указывает на осознанное потребление и более экономичное отношение к покупкам. Однако большинство (56%) знают, но не применяют данную практику. 38% опрошенных покупают более экологичные товары, обращая внимание на упаковку и другие составляющие. Это указывает на осознанное потребление

и стремление к более экологически дружелюбным выборам. Однако 57% знают о ней, но не применяют. Почти все опрошенные (99%) знают о практике уборки мусора за собой на природе и применяют ее. Этот результат указывает на высокий уровень экологической ответственности студентов по отношению к природе. 51% опрошенных знают и сдают опасный мусор в специальные места, что свидетельствует об осознанном отношении к правильной утилизации опасных отходов. Однако 45% респондентов несмотря на то, что знают о практике, не используют ее. 74% применяют практику многоразового использования товаров, например, замену полиэтиленовых пакетов многоразовыми сумками-шопперами, или пластмассовых трубочек – металлическими, что говорит об осознанном отношении к уменьшению использования одноразовых предметов. Но 23% опрошенных знают эту практику, но не применяют ее. Больше половины опрошенных (64%) пользуются сервисами купли-продажи бывших в употреблении товаров, что говорит о предпочтении студентов использовать товар повторно, чем покупать новый (рис. 3).

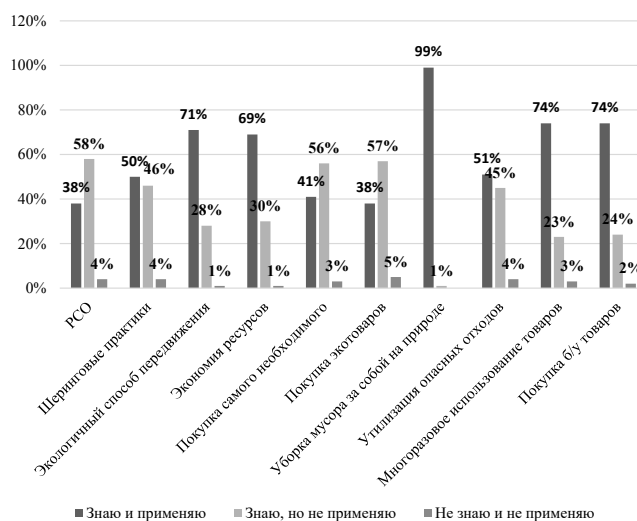

Рис. 3. Какие их перечисленных экологических практик вы знаете, а какие применяете или применяли когда-либо?

По результатам ответов на данный вопрос можно выделить наиболее распространенные экологические практики среди студентов: уборка мусора за собой на природе, практика многоразового пользования товарами, покупка бывших в употреблении товаров, выбор экологичного способа передвижения. Практики, которые пользуются наименьшей популярностью (о них знают, но ими пренебрегают): раздельный сбор отходов, покупка только самого необходимого, покупка более экологичных товаров. Можно сделать предварительные выводы, требующие дальнейшей эмпирической проверки, что, в первую очередь, студенты охотнее используют те практики, которые еще и выгоднее для них с экономической точки зрения. В целом, на основе полученных данных можно выделить основные области, где необходимо усилить информационную работу и проводить меры по преодолению преград для использования экологических практик.

Выводы

Знание о существовании тех или иных экологических практик и об их пользе еще не означает их использование индивидом в рамках своей повседневной деятельности. Также немногие считают, что каждый человек должен внести свой вклад в решение экологических проблем.

При этом респонденты отмечают, что каждый может внести свой вклад в решение экологических проблем. Соответственно, полученные результаты исследования перекликаются с результатами упомянутых выше авторов, говорящих о том, что молодые люди «не соотносят экологическую деятельность со своей личной деятельностью». Это свидетельствует о том, что молодые люди еще не готовы брать на себя ответственность за состояние окружающей среды. Их экологические практики еще не приобрели системный характер, не включены в повседневную деятельность и не стали основной детерминантой экологического поведения.

Литература

1. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б. Городской активизм молодёжи: практики и барьеры // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 96–103. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-2/96-103>.
2. Асатрян Л. Основы управления экологическим образованием (на армянском языке). – Ереван: «Артагерс», 2009. – 335 с.
3. Ахметова М.Х., Бобкова Е.Ю., Магсумов Т.А., Максимов Я.А. Экологические практики как способ интериоризации экологической модели поведения учащейся молодёжи // Современные исследования социальных проблем. 2017. Том 8. № 7. С. 330–346. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-7-330-346>.
4. Багдасарян А.А., Овсепян А.Ю. Экологическое сознание как компонент экологической культуры // Вопросы науки и образования. 2018. № 10 (22). С. 167–170.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования / Людвиг Витгенштейн; [пер. с нем. Л. Добросельского]. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 352 с.
6. Гегер А.Э., Гегер С.А. Факторы экоактивизма // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 65–76. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.cbap-7544>.
7. Захарова В.А. Роль молодежи в преодолении экологических рисков и развитии экологической культуры // Гуманитарий юга России. 2019. Т. 8 (40). № 6. С. 201–210. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.6.13>.
8. Захарова В.А. (2022). Экологические практики молодежи в сфере потребления: аспекты актуализации проблемы. *Caucasian Science Bridge*, 5 (4). С. 120–125. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.12>.
9. Луков В.А. Молодежная организация в контексте своего времени и субъективность социокультурных изменений // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5 / под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В., д.с.н., Ростовской Т.К., д.с.н., Зубок Ю.А. – М.: Изд-во ИСПИ РАН, 2019. – С. 36–47.
10. Саранкина Ю.А. Глобальные экологические проблемы современности: характеристика и основные направления преодоления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 3. С. 193–199.
11. Фромм Э. Пути из больного общества / Проблема человека в западной философии: Сб. пер. с англ., нем., фр. / сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – 544 с.
12. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.

INVOLVEMENT OF YOUNG RUSSIANS IN ECOLOGICAL PRACTICES

Tanova A.G., Pozdeeva E.G., Evseeva L.I., Tuchkevich E.I.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

This paper focuses on the environmental practices of young people and the degree of involvement of young people in environmental activities in their daily lives. At this age, people form basic personal attitudes, and it is important to understand to what extent they are directed towards the formation of environmental practices, as well as environmental culture in general, which can further affect the formation of knowledge, skills and abilities in the field of environmental education. The authors conducted a questionnaire survey to identify the willingness of young people to participate in the implementation of environmental practices. The results of the study showed that despite the knowledge of these practices and understanding of their importance for solving environmental problems, representatives of the young generation are not ready to take responsibility for the environment and environmental practices have not become a determinant of their behavior in everyday life.

Keywords: youth, environmental practices, environmental problems, environmental behavior, environmental culture.

References

1. Antonova N.L., Abramova S.B. Urban youth activism: practices and barriers // Oikumena. Regional studies. 2021. No. 2. pp. 96–103. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-2/96-103>.
2. Asatryan L. Fundamentals of environmental education management (in Armenian). – Yerevan: “Artagers”, 2009. – 335 p.
3. Akhmetova M.Kh., Bobkova E.Yu., Magsumov T.A., Maksimov Ya.A. Ecological practices as a way of internalizing the ecological model of behavior of students // Modern studies of social problems. 2017. Vol. 8. No. 7. pp. 330–346. <https://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-7-330-346>.
4. Bagdasaryan A.A., Hovsepyan A. Yu. Ecological consciousness as a component of ecological culture // Questions of science and education. 2018. No. 10 (22). pp. 167–170.
5. Wittgenstein L. Philosophical Research / Ludwig Wittgenstein; [transl. with him. L. Dobroselsky]. – M.: AST Publishing House, 2018. – 352 p.
6. Geger A.E., Geger S.A. Factors of environmental activism // St. Petersburg sociology today. 2018. No. 10. pp. 65–76. <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-10.cbap-7544>.
7. Zakharova V.A. The role of youth in overcoming environmental risks and developing environmental culture // Humanitarian of the South of Russia. 2019. T. 8 (40). No. 6. pp. 201–210. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.6.13>.
8. Zakharova V.A. (2022). Environmental practices of young people in the sphere of consumption: aspects of actualizing the problem. *Caucasian Science Bridge*, 5(4). pp. 120–125. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.12>.
9. Lukov V.A. Youth organization in the context of its time and the subjectivity of sociocultural changes // Youth and youth policy: new meanings and practices. Series “Demography. Sociology. Economy”. Volume 5 / ed. Corresponding member RAS Ryazantseva S.V., Doctor of Scientific Sciences, Ros-tovskoy T.K., Doctor of Scientific Sciences, Zubok Yu.A. – M.: Publishing House ISPI RAS, 2019. – P. 36–47.
10. Sarankina Yu.A. Global environmental problems of our time: characteristics and main directions for overcoming // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2017. T. 3 (69). No. 3. pp. 193–199.
11. Fromm E. Ways out of a sick society / The problem of man in Western philosophy: Sat. lane from English, German, French / Comp. and after. P.S. Gurevich; General ed. Yu.N. Popova. – M.: Progress, 1988. – 544 p.
12. Habermas Yu. Philosophical discourse about modernity / trans. with him. – M.: Publishing house “Ves Mir”, 2003. – 416 p.

Выявление социальных причин миграционных намерений студентов регионального вуза: на примере Иркутска

Ван Хао,

аспирант кафедры социологии и психологии Иркутского
национального исследовательского технического
университета
E-mail: soc_sor@ex.istu.edu

На протяжении последних 20 лет в России наблюдается соревнование между регионами за талантливую и активную молодежь, которая переходит уже в фазу жесткой конкуренции. При этом проигравшими становятся не только небольшие города, но и областные центры с развитой экономической системой и системой образования. Выигрывают, как правило, мегаполисы (Москва, Санкт-Петербург) и быстро развивающиеся города (Краснодар, Казань и др.). В Сибирском федеральном округе это Красноярск и Новосибирск. Выявление факторов, которые способствуют миграции молодых людей в крупные города, важно для местных политиков, чтобы поддерживать и повышать привлекательность своих регионов. Эта статья направлена на изучение того, почему студенты крупного иркутского вуза (ИРНИТУ) готовы/не готовы уезжать из Иркутской области и развиваться в крупных городах страны после окончания учебы. Результаты исследования показывают, что на миграционные намерения студентов больше всего влияли такие их убеждения, как реализация будущих мечтаний, лучшие возможности трудоустройства и более высокая заработная плата.

Ключевые слова: студенческая молодежь, миграционное поведение, миграционное поведение студентов, миграционные намерения студентов.

Введение

Процессы активного перемещения населения Земли позволили назвать период конца XX – начала XXI века «эпохой миграции» [10]. Большинство авторов сосредоточили свое внимание на вопросах международной миграции. Однако по мере расширения области исследований появляются работы, в которых анализируются и другие аспекты феномена «миграция». Такие как миграционное поведение населения внутри границ своей страны, получившее название внутренней миграции. По данным английского ученого Р. Кинга вопросам международной миграции по сравнению с вопросами внутренней миграции в научной литературе обычно уделяется гораздо меньше внимания. Он даже предположил, что изучение «миграции» на определенном временном этапе стало означать «международную миграцию» [12, р. 2], несмотря на более ранние научные традиции, которые фокусировались на внутренней миграции, и несмотря на тот факт, что в глобальном масштабе внутренняя миграция с точки зрения численности мигрирующих существенно больше, чем международная миграция. Р. Кинг и его соавторы считают, что научные издания, посвященные международной миграции и внутренней миграции, представляют собой два совершенно разных подхода к изучению миграции, и призывают «преодолеть теоретический разрыв» [12, р. 1]. В российской же исследовательской традиции нами не обнаружено существенных несоответствий в изучении внешней и внутренней миграции.

Одним из направлений в изучении миграции является миграция молодежи [1, 2, 4, 8, 9, 13], в частности студенческой молодежи [3, 6, 7, 11, 14], так как для развития любого региона важно не только количество населения, но и его качественный состав. Студенты представляют собой активную и образованную социальную группу, которая по окончании обучения в вузе будет играть ведущую роль во всех областях жизни своего региона. Поэтому удержание такой качественно важной социальной группы задача для системы управления конкретной территорией. Чтобы создать привлекательные условия для деятельности молодежи необходимо обладать знанием о ее миграционном поведении миграционных настроениях.

На наш взгляд, самое точное определение миграционного поведения дано в «Демографическом понятийном словаре» под редакцией проф. Л.Л. Рыбаковского: «Миграционное поведение – вид социального поведения, включающий определенные действия и поступки, связанные с пространственным перемещением населения. Оно включает опирающуюся на миграционный опыт деятельность по подготовке перемещений и отказ от таковых, сам миграционный акт (реальное поведение), а также деятельность в процессе приживаемости» [5, с. 177]. Однако, миграционное поведение включает не только деятельность по смене места жительства, но и намерения людей, которые ведут или не ведут к переезду. Понятие «миграционные намерения относятся к когнитивному уровню личности. Они носят более раци-

ональный характер и связаны, прежде всего, с планами по переезду. Намерения, как правило, непосредственно предшествуют действиям» [7, с. 234]. Таким образом намерения являются важным предиктором реализации миграции, так как показало, что молодые люди, которые проявили намерение мигрировать будучи еще студентами, с большей вероятностью мигрируют, чем те, кто не проявил такого намерения.

Данная статья призвана внести вклад в исследовательскую копилку о миграционных намерениях сибирских студентов.

Материалы и методы исследования

Методом получения первичных эмпирических данных исследования выступает анкетирование. Опрос проводился в Иркутском национальном исследовательском техническом университете (ИРНИТУ) в феврале 2024 года.

Генеральная совокупность студентов ИРНИТУ на 1 декабря 2023 года 8978 человек, в связи с этим объем выборки с доверительной вероятностью 95%, в доверительном интервале 5% по методике В.Я. Ядова составляет 382 человека. Квотирование проводилось по программе обучения (бакалавриат, специалитет, магистратура), квотирование по полу и возрасту не велось. Обучающиеся по программам бакалавриата составили 80%, специалитета 17%, магистратуры 3%.

Результаты

Среди опрошенной студенческой молодежи 33% родились в г. Иркутске, 56,6% приехали из других районов Иркутской области, родились в других регионах страны 9% опрошенных, 1,4% респондентов иностранцы.

41% студентов выбрали обучение в г. Иркутске, так как это ближайший город от места их проживания. У 23% респондентов отсутствовали финансовые возможности для получения высшего образования в другом городе, 18% респондентов посчитали, что в вузах областного центра можно получить востребованную профессию, 13% студентов заявили, то Иркутск их родной город и им нравится в нем жить. 5% опрошенных затруднились объяснить свои мотивы.

На вопрос о том в каком городе РФ студенты мечтали бы жить, автор получил следующие ответы: Москва – 34,2% опрошенных, Санкт-Петербург – 28,3%, Новосибирск – 12%, Иркутск – 8,1%, Красноярск – 7%, Краснодар – 6,4%, другие города – 4,1%.

При этом среди респондентов не отмечено миграционной активности, так как анализ вопросов о планах молодежи на переезд из региона показал, что 84,3% опрошенных не собираются, в ближайшем будущем (горизонт планирования 2–3 года) менять место жительства. Из них 47% ответили, что им нравится Иркутск, привязанность к семье отметили 23% респондентов, желание продолжить обучение – 18,7%, 11,3% опрошенных студентов не смогли определиться со своими планами.

Однако на вопрос: «Если бы переехала ваша семья/друзья, вы согласились бы на переезд?» большинство опрошенных ответили утвердительно – 69,6%, только 9% респондентов отказались бы в такой ситуации от переезда, а 21,4% затруднились дать точный ответ.

Все опрошенные респонденты не склонны к переезду во время обучения. 39,5% желают осуществить свои планы сразу после завершения обучения, 41% – в течение последующих пяти лет после окончания вуза и 19,5% пока не задумывались о времени переезда.

Не все опрошенные желают переехать на новое место жительства постоянно. Так 44,3% респондентов не определились на какое время они готовы остаться на новом месте проживания, 29,7% – рассматривают из-

бранную территорию для переезда как постоянное место жительства, 12,4% предпочли бы переехать на срок от 5 до 10 лет, 9,5% – от 1 года до 5 лет, 4,1% – более 10 лет. Такая неопределенность может быть связана как с недостаточностью оформления миграционных намерений студентов, так и с большим количеством работ выполняемых вахтовым методом, а так же общей нестабильностью рынка труда в стране.

Из 15,7% респондентов, которые имели планы на переезд 30% хотели бы жить в Москве, 17,3% в Санкт-Петербурге, 12% в Новосибирске, 5% в Краснодаре, 6% желали бы уехать на постоянное место жительства в другую страну (Китай, Южная Корея, США) 8,1% хотели бы вернуться в родной город и 35,9% пока не определились с выбором направления для переезда.

Самый высокий процент студентов мечтающих о переезде среди опрошенных бакалавров, самый низкий среди магистров (большинство уже имеют постоянное место работы в регионе).

Основными мотивами переезда среди опрошенных студентов являются: желание найти работу с высоким заработком, сделать карьеру, жить в большом городе. Ведущими выталкивающими мотивами для респондентов стали: низкий уровень заработной платы – 47%, отсутствие карьерных перспектив – 24,1%, плохой климат – 3,4% и другие.

Основные факторы, которые сдерживают студентов от переезда следующие: привязанность к семье и друзьям – 31,9%, недостаток материальных средств для переезда – 26,4%, отсутствие жилья на новом месте жительства – 12,4% и другие.

Автором исследования был задан вопрос респондентам: «Есть ли в вас молодые друзья, знакомые, которые планируют переехать из Иркутска?». Оказалось, что в окружении студентов есть такие знакомые, об этом заявили 61% респондентов, у 30% таких знакомых нет, остальные затруднились с ответом на данный вопрос.

Проведенное исследование показало, что большинство опрошенных студентов не хотят уезжать из Иркутской области, многие привязаны к своим семьям и родному региону. Однако часть опрошенных все же готовы переехать. Выявлено, что в намерениях студентов важное место занимает ожидаемый образ жизни «ярких огней» в крупных городах, в которых открываются как карьерные, так и финансовые возможности.

Стоит отметить, что, удовлетворенность качеством получаемого образования в ИРНИТУ так же приводит к задержке студентов в г. Иркутске для получения образования на следующей ступени. Так же «сдерживающими» факторами являются любовь к семье и материальные проблемы, которые могут помешать осуществить переезд.

Обсуждения

Представленное исследование показало, что студенты, которые проживают в Иркутске высказывали намерения о переезде чаще, чем респонденты, которые приехали в областную центр учиться. Хотя известно, что люди, которые имеют сильную привязанность к месту проживания, а также имеют много друзей, имеют повышенную вероятность остаться на территории проживания. При этом люди, у которых нет сильной привязанности к месту и мало друзей, склонны к миграции. Лица с более низкой привязанностью к месту положительно относятся к миграции.

Возможно, такое положение связано с тем, что студенты, выросшие в большом городе, который представляет много возможностей, имеют более высокие карьерные притязания, требования к уровню заработной платы

и развитию социально-досуговой инфраструктуры, т.е. в данном случае мы наблюдаем то, что иркутяне чувствуют себя неспособными достичь своих потребностей, которые они считают приоритетными в родном городе.

Таким образом, в исследовании было обнаружено, что привязанности к месту недостаточно для того, чтобы студенты оставались в том месте, где они выросли. Для уточнения позиции студенческой молодежи г. Иркутска необходимо проведение дальнейших исследований с использованием качественных методов (бесед, глубинного интервью и т.д.).

Заключение

Процессы глобализации и технический прогресс облегчили возможности людей менять место жительства. При этом все больше людей перемещаются не только по миру (внешняя миграция), но и внутри своих стран (внутренняя миграция). Одной из самых активных групп в миграционных процессах является молодежь. В итоге некоторые регионы оказываются с молодыми и перспективными трудовыми ресурсами, а другие со стареющим трудовым населением и пенсионерами. Следовательно, понимание того, почему молодые люди решают мигрировать, должно стать одним из главных вопросов миграционной политики как в России в целом, так и в отдельных регионах.

Результаты, представленные в данной статье, подчеркивают значимость миграционных намерений студенческой молодежи, которые представляют собой многообразный и сложный процесс требующий дальнейшего изучения.

Обобщив результаты исследования можно составить портрет студента, который не имеет намерений покинуть свой регион. Как правило, это молодой человек/девушка приехавшие из небольшого города или поселка в Иркутской области, довольные выбором профессии и вуза, рассчитывающие на достойный уровень заработной платы. При этом они не претендуют сразу после окончания вуза на высокооплачиваемую работу. Данные респонденты привязаны к своей семье, часто не имеют материальных средств для смены места жительства.

Образ студента имеющего намерения переехать представляет собой молодого человека/девушку живущего в г. Иркутске, мечтающего о возможности получить высокооплачиваемую работу и высокий уровень дохода, который позволить не только самореализоваться, но увлекательно проводить время в месте насыщенном различными мероприятиями.

В качестве рекомендаций для того чтобы выпускники вузов не уезжали из Иркутской области можно предложить расширение возможностей для трудоустройства в высокодоходных производствах, открытие новых высокотехнологичных предприятий, создание возможностей для функционирования креативных индустрий в регионе.

Литература

1. Атаева А.Г., Уляева А.Г. Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 44. С. 38–57
2. Габдрахманов Н.К. Молодежная миграция как индикатор региональной аттрактивности // Географический вестник. 2020. Т. 1, № 52. С. 96–107.
3. Гайфуллин А.Ю. Миграционные установки выпускников вузов республики Башкортостан // Уфим-

ский гуманитарный научный форум. 2023. № 1 (13). С. 130–140.

4. Гольцова Е.В. Миграционное поведение молодежи Иркутской области // Социологические исследования. 2017. № 5 (397). С. 103–109.
5. Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского – М.: ЦСП, 2003. – 352 с. с. 177.
6. Журавлев Н.Ю. Миграционное поведение студенчества северного города // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 182–193.
7. Зайков К.С., Каторин И.В., Тамицкий А.М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 3. С. 230–247 с 234
8. Лобова С.В., Долженко Р.А., Илюшников К.К. Модели и детерминанты миграционного поведения молодежи г. Барнаула // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2020. № 1. С. 46–58.
9. Сизганова Е.Ю., Кайдашова А.К. Демографическое поведение молодежи как фактор социально-экономического развития региона // Экономика и предпринимательство. 2023. № 1 (150). С. 587–591.
10. De Haas, H., Castles, S., & Miller, M.J. Age of migration, sixth edition: International population movements in the modern world. N-Y, London: Guilford Publications, 2020. 443 p.
11. Donnelly M., Gamsu S. Spatial structures of student mobility: Social, economic and ethnic «geometries of power» // Population, Space and Place. 2020. 26(3) [электронный ресурс]. Дата обращения 07.02.2024. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.1002/psp.2293>.
12. King R., Skeldon R., Vullnetari J. Internal and international migration: Bridging the theoretical divide. Sussex: Sussex Centre for Migration Research, University of Sussex, 2008: [электронный ресурс]. Дата обращения 17.02.2024. URL: <https://www.researchgate.net/publication/238714010>.
13. Knapp T.A., White N.E., Wolaver A.M. The Returns to Migration: The Influence of Education and Migration Type // Growth and Change. 2013. Vol. 44, Is. 4. P. 589–607.
14. Smith D.P., Rerat P., Sage J. Youth Migration and Spaces of Education // Children's Geographies. 2014. Vol. 12, Is. 1. P. 1–8.

IDENTIFICATION OF SOCIAL REASONS FOR MIGRATION INTENTIONS OF STUDENTS AT A REGIONAL UNIVERSITY: THE EXAMPLE OF IRKUTSK

Wang Hao

Irkutsk National Research Technical University

Over the past 20 years in Russia there has been competition between regions for talented and active youth, which is already moving into a phase of fierce competition. At the same time, not only small cities, but also regional centers with a developed economic system and education system become losers. As a rule, megacities (Moscow, St. Petersburg) and rapidly developing cities (Krasnodar, Kazan, etc.) win. In the Siberian Federal District these are Krasnoyarsk and Novosibirsk. Identifying the factors that contribute to the migration of young people to large cities is important for local policymakers to maintain and increase the attractiveness of their regions. This article is aimed at studying why students of a large Irkutsk university (IRNTU) are ready/not ready to leave the Irkutsk region and develop in large cities of the country after graduation. The results of the

study show that students' migration intentions were most influenced by their beliefs such as the realization of future dreams, better job opportunities and higher wages.

Keywords: student youth, migration behavior, migration behavior of students, migration intentions of students.

References

1. Ataeva A.G., Ulyaeva A.G. Interregional youth migration as a threat of loss of human capital of the territory (based on materials from the Republic of Bashkortostan and regions of the Volga Federal District) // *Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2018. No. 44. pp. 38–57
2. Gabdrakhmanov N.K. Youth migration as an indicator of regional attractiveness // *Geographical Bulletin*. 2020. Vol. 1, No. 52, pp. 96–107.
3. Gaifullin A. Yu. Migration attitudes of university graduates of the Republic of Bashkortostan // *Ufa Humanitarian Scientific Forum*. 2023. No. 1 (13). pp. 130–140.
4. Goltsova E.V. Migration behavior of young people in the Irkutsk region // *Sociological studies*. 2017. No. 5 (397). pp. 103–109.
5. *Demographic Conceptual Dictionary* / Ed. prof. L.L. Rybakovsky – M.: TsSP, 2003. – 352 pp. 177.
6. Zhuravlev N. Yu. Migration behavior of students in a northern city // *DEMIS. Demographic studies*. 2021. T. 1. No. 2. P. 182–193.
7. Zaikov K.S., Katorin I.V., Tamitsky A.M. Migration attitudes of students studying in educational programs of higher education with an Arctic focus // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2018. T. 11, No. 3. P. 230–247 p. 234
8. Lobova S.V., Dolzhenko R.A., Ilyushnikov K.K. Models and determinants of migration behavior of youth in Barnaul // *News of higher educational institutions. Sociology. Economy. Policy*. 2020. No. 1. P. 46–58.
9. Sizganova E.Yu., Kaydashova A.K. Demographic behavior of youth as a factor in the socio-economic development of the region // *Economics and Entrepreneurship*. 2023. No. 1 (150). pp. 587–591.
10. De Haas, H., Castles, S., & Miller, M.J. *Age of migration, sixth edition: International population movements in the modern world*. N-Y, London: Guilford Publications, 2020. RUR 443.
11. Donnelly M., Gamsu S. Spatial structures of student mobility: Social, economic and ethnic “geometries of power” // *Population, Space and Place*. 2020. 26(3) [electronic resource]. Date of access: 02/07/2024. URL: <https://doi.org/https://doi.org/10.1002/psp.2293>.
12. King R., Skeldon R., Vullnetari J. *Internal and international migration: Bridging the theoretical divide*. Sussex: Sussex Center for Migration Research, University of Sussex, 2008: [electronic resource]. Date of access: 02/17/2024. URL: <https://www.researchgate.net/publication/238714010>.
13. Knapp T.A., White N.E., Wolaver A.M. The Returns to Migration: The Influence of Education and Migration Type // *Growth and Change*. 2013. Vol. 44, Is. 4. P. 589–607.
14. Smith D.P., Rerat P., Sage J. Youth Migration and Spaces of Education // *Children's Geographies*. 2014. Vol. 12, Is. 1. P. 1–8.

Влияние социальной рекламы на жизненные ценности молодых людей

Гвоздева Мария А.,

магистрант, ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова»

E-mail: marie.1996@list.ru

Сокольская Марина Вячеславовна,

д.п.н., доцент, профессор кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова»

E-mail: mvsokolskaya@mail.ru

В статье раскрываются значимые аспекты социальной рекламы, ориентированной, главным образом, на молодежь России. Изучен материал об истории и реалиях социальной рекламы. Важное место в статье занимает социальная реклама жизненных ценностей и приоритетов молодежи. Поднимается проблема ценностей здоровья и здорового образа жизни, семьи и деторождения, взаимопомощи и поддержки незащищенных слоев населения и иных ценностей. Выявляется актуальность интернет-рекламы, поскольку компьютеризация охватывает большие массы, особенно молодые люди хорошо осваивают новейшими технологиями. Исследование также выявляет влияние на общечеловеческие и гуманитарные ценности посредством социальной рекламы. Подчеркивается устаревшие в современном мире методы распространения социально-значимой информации через полиграфические мелкие издания, например, листовки и брошюры и т.д. Анализ результатов исследования, которые основываются на онлайн-опросе молодых людей позволяет сделать вывод о том, что социальная реклама в целом справляется со своей функцией и имеет довольно широкое распространение.

Ключевые слова: Ценности, реклама, здоровье, патриотизм, многодетность, семья, гуманизм, уважение, помощь, нравственность, забота, самореализация, наука.

Актуальность

Актуальность работы обусловлена распространенностью социальной рекламы в интернет-пространстве, на улицах городов России и на телевидении. Несомненно, молодежь, будучи активной частью населения часто сталкивается с социальной рекламой, которая пытается, в свою очередь, привить людям определенные нравственные черты, жизненные ориентиры и ценности. Влияние социальной рекламы именно на молодых людей – это вопрос первостепенного значения, поскольку именно от морального облика молодежи зависит будущее нашей родины. Будем ли мы жить счастливо и процветать, либо же нас ждет застой и кризис?!

Социальная реклама прививает такие ценности как: сохранения здоровья и поддержание здорового образа жизни, создание семьи и рождение детей, полезность труда и творчества, общественная солидарность и взаимопомощь, а также толерантность. Молодых людей России очевидно ждет большое будущее и широкий круг возможностей, но на пути могут встать различного рода препятствия, такие как: вредные привычки, опасности и стереотипы массовой культуры, несущей в себе материалистические ценности или даже ценности получения любых удовольствий от жизни несмотря ни на что. Для поддержания истинных, истинных установок, господствующих в российском обществе, и создается социальная реклама. Социальная реклама, может быть представлена в виде коротких роликов или аудиодорожки в интернете, может быть листовкой или заметкой в журналах, может «висеть» на билборде или красоваться даже на стене подъезда. По большому счету, форма ее преподнесения не так важна, важно донести смысл до человека. Учитывая то, что молодые люди активно вовлечены в процесс компьютеризации и редко встретишь того, у кого нет компьютера, то основной упор при работе с молодежью надо делать именно на интернет-рекламу. Хорошо работает контекстная реклама: при поиске определенного продукта, например, алкоголя может появляться социальная реклама о вреде алкоголя и последствиях его употребления. Аналогично проводится работа и с курением, и иными людскими пристрастиями.

Цель

Целью исследования является изучение влияния социальной рекламы на жизненные ценности молодых людей. Важно ответить на следующие вопросы: насколько успешно социальная реклама справляется со своей функцией – выполняет ли ее? Поскольку основной смысл социальной рекламы – заставить человека задуматься о себе, о своей жизни и своих приоритетах. Оказывает ли социальная реклама воздействие на человека при его выборе жизненных установок или не оказывает?

Материалы и методы исследования

Данное исследование было реализовано посредством проведения анкетирования респондентов – молодежи от 18 до 35 лет, которые проходят обучение в вузах города Москвы. Анкета состояла из открытых и закрытых

вопросов на заявленную тематику. Во времени респонденты не были ограничены и отвечали исходя сугубо из своего желания. В опросе участвовали 40 человек – студенты РНИМУ им. Н.И. Пирогова, МГТУ им. Баумана, НИУ ВШЭ и некоторые другие вузы были представлены незначительным количеством опрашиваемых. Опрос проводился в дистанционном формате, созданный при помощи гугл-формы.

Основной материал исследования – результаты опроса. В качестве методов изучения и структурирования результатов выступили анализ и синтез.

Результаты

Социальная реклама – это вид некоммерческой рекламы, создающийся для актуализации общественных проблем и изменения моделей поведения, а социальная реклама, специализирующаяся на ценностях, способствует распространению и привитию в обществе гуманности, морали и нравственности. Представленное исследование посвящено социальной рекламе, которая имеет целью влияние на молодых людей как на особую социальную группу, в связи с чем такая реклама имеет ряд отличительных особенностей: например, близка стилистически для молодых людей, либо более яркая и эффектная, либо даже может использоваться особый молодежный сленг. Все это используется разработчиками рекламы в качестве особых инструментов, наиболее сообразных в данном конкретном случае [4].

Термин «Социальная реклама» сформулирован в ФЗ РФ от 13 марта 2006 года № 38 «О рекламе». «Социальная реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства» [5]. Можно выделить отличительные закономерности социальной рекламы, основываясь на Ст. 10 указанного закона. Во-первых, социальная реклама всегда должна иметь в составе пометку «Социальная реклама». Во-вторых, в социальной рекламе никогда не упоминается о знаковой единице товара, его логотипе или иных начертаний. В-третьих, в аудиальной рекламе голосовое сообщение о спонсоре не должно продолжаться более трех секунд.

Реклама имеет довольно древнее происхождение, и изначально она предполагала собой донесение до масс какой-либо полезной информации при помощи устной речи. Часто при помощи своего громкого голоса на древних рынках начинающие предприниматели привлекали потенциальных клиентов, поэтому корнями современного обрусевшего слова «реклама» является латинское «*resclamare*», что дословно переводится как «кричать», «выкрикивать». Такого специалиста, которого сегодня называют «промоутер», в далекой древности называли «глашатай».

Глашатаи – это специально обученные люди, которые на протяжении всего дня стояли на публичном месте и громко привлекали внимание горожан к какой-либо проблеме, товару или услуге. В Средневековье профессия глашатая набирает популярность, многие голосистые юноши и девушки заняты этой деятельностью. Голосовая реклама в Западной Европе того времени, можно сказать, процветает. Но наступает и пора ограничений для данной деятельности – в обиход глашатая вводится свод правил, по которому, например, нельзя бранить товары конкурентов, прикасаться к простым прохожим, «затаскивать» их в лавку и даже просто быть надоедливым [2].

Постепенно рекламщики осваивают новые технологии и на службу рекламе приходит визуальное искусство, созданию красивых шрифтов посвящена такая наука, как каллиграфия. Надпись располагается внизу или вверху, а большую часть пространства занимает красочный рисунок, поэтому можно говорить, что задействованы в сфере рекламы и художники-рисовальщики.

Еще в Античные времена стали выделять – афишу и вывеску. Последняя несёт в себе символизм. Например, там, где продавалось вино, часто можно было увидеть рисунок виноградной ветви, либо привлекательный натюрморт, в центре которого, конечно, виноград. А афишу использовали для приглашения на крупные мероприятия, в ней, как правило, гармонично сочетается текстовое сообщение с визуальным представлением – картинкой. Самой известной древнейшей рекламой ценители мирового художественного искусства называют афишу толкователя сновидений из города Мемфис, что в Египте (рис. 1) [3].

Рис. 1. Афиша толкователя сновидений из города Мемфис

Но после падения Римской империи реклама на бумажных носителях утрачивает свою популярность. И восстановила она свою значимость лишь в эпоху Возрождения с изобретением типографии и печати. Бумага больше не роскошь, её могут легко приобретать и простые люди. Появляется газета, как основной источник актуальной информации. Печатная продукция приносит производителям прибыль, а для того, чтобы прибыль была еще больше, на страницы изданий помещают рекламу. В Англии впервые был введён налог на рекламу. Но несмотря на принятые государством меры, реклама всё же является прибыльным делом. И всё там же, в Великобритании открываются первые рекламные агентства. Правда, некоторые историки считают, что в первых рядах создателей рекламных агентств был отнюдь не англичанин, а американец – Волни Палмер в 1842 году.

На смену привычным газетам, буклетам и визиткам пришло массовое радио и телевидение, при которых реклама сразу же заняла свою нишу. Впервые рекламный ролик прозвучал в радиоприемниках на территории Америки в 1920 году. Радио на тот момент уже имела практически каждая обеспеченная семья, поэтому для рекламы открылся широкий путь возможностей. Что касается телевизионной рекламы, то и тут лидирующая позиция отошла Соединенным Штатам, ведь именно там в 1941 году зрители увидели и оценили первый рекламный ролик [1]. Хотя, объективно развитие телевизионной рекламы произошло уже после Второй Мировой войны. Стоит отметить, что с развитием телевидения полиграфическая и радиореклама теряют первенство. Но и ТВ вскоре заменит Всемирная мировая паутина, неоспоримой составляющей которой, будет реклама. Самым первым способом рекламирования на просторах интернета были баннеры, который порой занимали часть монито-

ра, а иногда и весь. На различных сайтах, которые посещает обычный пользователь в зависимости от своих интересов, предлагаются соответствующие товары и услуги. Реклама учитывает интересы и пожелания человека: если Вы интересуетесь спортом, то увидите расценки спортзалов в своем районе или кружки по фитнесу, а возможно спортивное питание. Некоторым интересно шитьё и вязание и вот уже вашему вниманию предлагаются цветные клубки ниток со спицами. Особенностью интернет-рекламы является автоматический поиск конкретной целевой аудитории.

С появлением социальных сетей реклама проникла и в них. Многие продвинутые блогеры пользуются возможностью заработать и размещают в своем раскрученном аккаунте рекламные посты.

Обратимся к истокам социальной рекламы в нашей стране. Ее зарождение можно найти на советских плакатах, знакомой всем тематике: это и призывы к ведению здорового образа жизни, и полезному труду, и отличной учебе, и морали, и нравственности. Например: «К новым победам в труде и спорте!» (рис. 2).

Рис. 2. Советский плакат

В 2010 году уже в Российской Федерации появился новый проект социальной рекламы, который имел название – «Всё равно?!» Деятельность организации развернулась в сфере графического дизайна, поскольку в основном информация доносилась до масс посредством постеров, которые не могли оставить свою целевую аудиторию равнодушной. Яркие рисунки, фотографии и слоганы привлекали к конкретным и «вечным» проблемам – это и курение, и алкоголизация населения, и опасные ситуации на дорогах по вине нетрезвых или невнимательных водителей, и сбор натуральной помощи бездомным лицам, а также многое другое.

В январе 2014 года по заказу Министерства здравоохранения РФ была разработана программа социальной рекламы «Пройди диспансеризацию», призывающая россиян регулярно проверять свое здоровье, чтобы сохранить его на долгие годы. Такие постеры можно было увидеть в крупных городах России – Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке, Челябинске и т.д.

Примером социальной рекламы, которая находит отклик у молодых людей может достоверно являться результат работы специалистов, работающих над проектом «Все равно?!», посвящающих свою деятельность освещению разных социальных проблем, от бесплодия среди молодежи России до загрязнения природы. Проект очень удачный, а их социальная реклама очень креативна (рис. 3–4).

Рис. 3. Реклама «Всё равно?!»

Рис. 4. Реклама «Всё равно?!»

Приведем классификацию ценностей, которые могут быть пропагандированы социальной рекламой:

- семья; здоровье; дети; душевный комфорт;
- карьера; финансовое благополучие; успех;
- развитие; образование; независимость;
- свобода; покой; активность; решительность;
- честность; самопожертвование;
- стабильность; благотворительность; щедрость;
- любовь; дисциплина и самодисциплина;
- мир; порядок; открытость; дружба; слава;
- традиции; счастье; красота.

Обсуждение результатов исследования

Для изучения влияния социальной рекламы на жизненные ценности молодых людей респондентам была предложена анкета, в состав которой входили вопросы о респондентах: пол, возраст и образование, а также изучено мнение респондентов о социальной рекламе. Первый блок вопросов посвящен сбору информации об опрашиваемых и начальный вопрос был таков: укажите ваш пол? Мы видим, что в опросе участвовало 16 мужчин и 24 женщины. Всего 40 человек. (рис. 5).

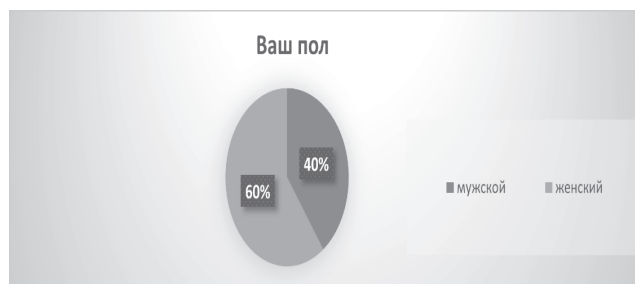

Рис. 5. Диаграмма распределения респондентов по полу

Следующий вопрос касался возраста, и ответы на него имели следующие результаты (рис. 6).

Результаты исследования были распределены следующим образом: половина из респондентов встречает социальную рекламу довольно часто, и обращает на нее свое внимание. Четверть встречает очень редко, и четверть очень часто. Результаты представлены на диаграмме ответов на вопрос: как часто вы встречаете социальную рекламу? (рис. 7).

Рис. 6. Диаграмма распределения респондентов по возрасту

Рис. 7. Диаграмма распространенности социальной рекламы

Следующий вопрос звучал так: справляется ли, по вашему мнению, социальная реклама со своей функцией? Около половины опрошенных считают, что социальная реклама ценностей справляется со своей важнейшей функцией и так или иначе влияет на формирование у человека определённого приоритета в жизни. Четверть участников исследования приходят к мнению о том, что деятельность рекламы не эффективна. А остальные считают, что частично (рис. 8).

Рис. 8. Диаграмма распределения эффективности социальной рекламы

Если говорить об основополагающих жизненных установках и ценностях, то тут по голосам молодых людей можно утверждать, что лидирующее положение занимает социальная реклама ценности здоровья и здорового образа жизни, затем семьи, любви, верности и детей, а некоторые из участников опроса большее значение придают рекламе о сохранении чистоты и красоты природы. Также вопросы патриотизма часто поднимаются молодыми людьми – потребность трудиться для благополучия страны, благоустройства родного города или района – вот, что тревожит молодое поколение России сегодня. Это особенно актуально, поскольку государство заинтересовано в успешной трудовой деятельности молодых кадров.

Тема заботы о домашних животных также очень близка респондентам, многие отмечают социальную рекламу о помощи бездомным животным, находящимся в трудном положении на улице. Большую значимость приобретает социальная реклама о проблемах мало защищённых людей: инвалидов, пенсионеров, малообеспеченных, или людей, оставшихся без определённого

места жительства. Общественная солидарность и взаимопомощь близка опрашиваемым.

Что же касается формы представления социальной рекламы, то молодые люди предпочитают знакомиться с ней в виртуальном пространстве, просматривая тематические веб-сайты, социальную рекламу при просмотре кинофильмов, или даже в социальных сетях. А вот полиграфический раздаточный материал, такой как листовки у метро или в почтовом ящике, менее привлекает молодых людей. Все же не стоит забывать, что мы живем в «эпоху доступного интернета», каждый носит в кармане смартфон, и почти не представляет без него своей жизни.

Проблема зависимости от гаджетов и Всемирной паутины также часто затрагивается социальной рекламой, поскольку эти, уже ставшие обыденными для нас, вещи оказывают серьезное влияние на здоровье человека, от снижения зрения до психической зависимости и расстройства.

Оформление социальной рекламы, по мнению респондентов, не должно быть навязчивым, либо же, наоборот, иметь шокирующий контент. Нечто среднее между этими понятиями идеально войдет в сознание юной и девушки.

Таким образом, можно сделать выводы о специфичности социальной рекламы для молодых людей, она должна отвечать духу современности, молодые люди хотят видеть эстетичный и необычный дизайн, важнейшие проблемы, которые касаются лично их.

Особое значение имеет то, что компьютерные системы играют важную роль в жизни молодежи. И именно актуальность компьютерной интернет-рекламы выходит на первый план. Тем не менее, наши респонденты подчеркнули, что довольно часто сталкиваются с социальной рекламой и разделяют, что ее феномен очень важен для общества, для социального благополучия.

Выводы

Всемирная мировая паутина охватила многие страны, и наша страна не исключение. Именно при помощи интернет-технологии теперь распространяется социальная реклама. На смену полиграфической продукции – листовкам и газетам, пришел один клик по иконке... И вот вся необходимая информация о какой-либо социальной проблеме перед вами всего лишь при помощи компьютера или мобильного телефона. Но также мы видим, что над современной социальной рекламой в том числе и рекламной ценностей работают не только директора социальных или благотворительных фондов, но и целая группа специалистов: дизайнеры, программисты, социологи и специалисты по социальной работе.

Безусловно, реклама всегда является источником информации, при её помощи люди узнают о проблемах, с которыми сталкиваются россияне. Реклама стала частью постоянно меняющегося информационного потока и ее создатели: социологи и дизайнеры должны руководствоваться спецификой психического восприятия, особенностями визуального и аудиального восприятия, должен уметь подать сведения кратко, доступно и в то же время интересно. Эти навыки могут пригодиться и специалисту социальной сферы, поэтому теоретическое изучение для будущего практического применения их непосредственно в профессии является важным на сегодняшний день.

Стоит отметить, что к социальной рекламе можно отнести и пропаганду здорового образа жизни, призывы отказаться от курения и распития алкоголя, распространение тенденций моды на спорт, любую физическую ак-

тивность – будь это ходьба или бег по утрам, охрану своего здоровья и его диагностику, а также формирование бережного отношения к природе.

Социальная реклама разнообразна и многочисленна. Но зачастую, она может вызвать и грусть, и жалость. Например, все видели видеоролики, показывающие заступающую жизнь тяжелобольных детей, которым срочно требуется дорогостоящее лечение. Даже беду стоит показывать с надеждой на светлое будущее, на помощь людей. Ведь от беспросветного негатива иногда хочется закрыться, и люди просто переключают канал вместо того, чтобы поддержать. Но это уже задача создателей социальной рекламы, а ими могут быть и специалисты по социальной работе, и социологи, и дизайнеры.

Литература

1. Бакеева Д.А. Социальная реклама как инструмент социального пиара. Структура и классификация ценностей. – Саранск, 2017.
2. Гусаров Ю.В. Менеджмент рекламы. – М.: Экономика, 2007. – 377 с.
3. Калмыков С.Б. Социальная реклама: конструирование эффективного взаимодействия с целевой аудиторией. Монография. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 229 с.
4. Тулупов В.В. Коммуникация в современном мире, ВГУ, 2017.
5. Федеральный закон РФ от 13 марта 2006 года № 38 «О рекламе».

THE INFLUENCE OF SOCIAL ADVERTISING ON THE LIFE VALUES OF YOUNG PEOPLE

Gvozdeva M.A., Sokolskaya M.V.

Russian National Research Medical University named after. N.I. Pirogov

The article reveals the significant aspects of social advertising aimed mainly at the youth of Russia. The material on the history and realities of social advertising has been studied. An important place in the article is occupied by social advertising of life values and priorities of young people. The problem of the values of health and a healthy lifestyle, family and childbearing, mutual assistance and support for vulnerable segments of the population and other values is being raised. The relevance of online advertising is revealed, since computerization covers large masses, especially young people are well-equipped with the latest technologies. The study also reveals the impact on universal and humanitarian values through social advertising. It highlights the outdated methods of distributing socially significant information in the modern world through small print publications, for example, leaflets and brochures, etc. Analysis of the research results, which are based on an online survey of young people, allows us to conclude that social advertising as a whole copes with its function and is quite widespread.

Keywords: values, advertising, health, patriotism, having many children, family, humanism, respect, help, morality, care, self-realization, science.

References

1. Bakeeva D.A. Social advertising as a tool for social PR. Structure and classification of values. – Saransk, 2017.
2. Gusarov Yu.V. Advertising management. – M.: Economics, 2007. – 377 p.
3. Kalmykov S.B. Social advertising: designing effective interaction with the target audience. Monograph. – Moscow: INFRA-M, 2019. – 229 p.
4. Tulupov V.V. Communication in the modern world, VSU, 2017.
5. Federal Law of the Russian Federation of March 13, 2006 No. 38 “On Advertising”.

Развивающие активности в учреждениях детского отдыха: удовлетворенность родителей

Долгорукова Ирина Владимировна,

д.с.н., доцент, профессор кафедры социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета
E-mail: div0607@gmail.com

Шавырина Ирина Валерьевна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета
E-mail: shavyrina_77@mail.ru

Целью статьи является изучение и анализ развивающих активностей в учреждениях детского отдыха. Авторами была проанализирована нормативно-правовая база, стандарт качества предоставления услуг и условий по организации детского отдыха, основные тренды организации отдыха для детей и подростков. Опираясь на результаты проведенного в 2023 г. Всероссийского социологического исследования, направленного на изучение организации отдыха и оздоровления детей, оценки качества и удовлетворенности детским отдыхом (N = 4534), авторы констатируют имеющуюся неудовлетворенность родителей организацией развивающих активностей в учреждениях детского отдыха, которая связана с недостаточностью и неактуальностью проводимых мероприятий, неудовлетворительную оснащенность необходимым оборудованием и инвентарем. Авторами предложены мероприятия по повышению эффективности развивающих активностей в учреждениях детского отдыха.

Ключевые слова: детский отдых и оздоровление, организация детского отдыха, учреждение детского отдыха и оздоровления, качество услуг детского отдыха, развивающие активности.

Организация детского отдыха является одной из приоритетных задач, стоящей перед государством и осуществляемой Министерством просвещения РФ на государственном уровне, а также органами исполнительной власти на уровне субъектов Российской Федерации. Нормативно-правовую основу регулирования вопросов детского отдыха составляют ведомственные целевые программы «Развитие сферы отдыха и оздоровления детей» от 28 ноября 2019 г. № Р-121 с внесением изменений от 07 мая 2020 года № Р-41 [3, 10], программы развития Федеральных государственных бюджетных образовательных учреждений на 2021–2025 годы, таких как «Всероссийский детский центр «Смена» [6], «Всероссийский детский центр «Орлёнок» [7], «Всероссийский детский центр «Океан» [8], «Международный детский центр «Артек» [9], Приказа Минобрнауки России от 13 июля 2017 года № 656 «Об утверждении примерных положений об организациях отдыха детей и их оздоровления» [4] и т.д.

В ведомственной целевой программе «Развитие сферы отдыха и оздоровления детей» прописаны основные мероприятия по реализации отдыха и оздоровления детей, направленные на увеличение численности детей в организациях детского отдыха. Основной целью данной программы является увеличение численности отдохнувших детей до 7,2 млн человек к 2025 г. относительно 6,8 млн человек, отдохнувших в 2019 г.

К числу первоочередных задач в сфере отдыха и оздоровления детей относятся:

1. разработка законодательных и иных нормативно-правовых актов в сфере организации отдыха и оздоровления детей;
2. модернизация инфраструктуры организаций отдыха детей и их оздоровления;
3. создание новых мест для отдыха детей и их оздоровления с использованием механизма государственно-частного партнерства;
4. обеспечение организации отдыха и оздоровления детей, в том числе детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [3].

Приказ Минобрнауки России от 13 июля 2017 года № 656 «Об утверждении примерных положений об организациях отдыха детей и их оздоровления» регулирует деятельность организаций отдыха детей и их оздоровления сезонного действия и круглогодичного действия независимо от организационно-правовых форм. К числу организаций отдыха детей, согласно Примерным положениям, относятся детские центры (7–17 лет включительно), школьный лагерь (обучающиеся в образовательных организациях), трудовой лагерь (лица, достигшие 14 летнего возраста), палаточный лагерь (от 10 до 18 лет, регулярно занимающиеся в детских туристических объединениях и имеющие физическую подготовку), детские специализированные (профильные лагеря), детские лагеря различной тематической направленности (7–18 лет). Перечисленные формы организаций отдыха детей имеют свой четкий предмет, цели и направленность организации отдыха детей [4].

Сама деятельность по организации детского отдыха и оздоровления в РФ регламентируется Национальным

стандартом «Услуги детям в учреждениях отдыха и оздоровления (ГОСТ Р 52887–2018), действующим с 01 марта 2019 года. Стандартом установлены виды и формы предоставляемых услуг, их состав и порядок предоставления, а само «качество услуг обеспечивается наличием и состоянием документации; укомплектованностью организации отдыха и оздоровления специалистами, уровнем их квалификации; условиями размещения организации отдыха и оздоровления; техническим оснащением; наличием системы внутреннего контроля» [5]. Стандартом, в качестве услуг и условий жизнедеятельности детей, определена «необходимость всестороннего развития детей, в том числе, физического, интеллектуального, психического, духовного и нравственного, воспитания патриотизма и гражданственности» [5].

В 2023 году основными трендами, на которых основывались программы организации отдыха и оздоровления детей, явились программы и проекты Общероссийского движения детей и молодежи «Движение Первых», а также реализация национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства».

Площадками «Движения Первых» в этом году стали 89 регионов страны. В рамках программы «Движение Первых» в регионах были реализованы профильные смены «Время первых» по направлениям спорт и здоровье, медиа и коммуникации, культура и искусство, туризм и дипломатия, наука и технологии, экология, волонтерство и патриотизм [11].

В реализации национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» (проект бесплатных путешествий для детей-школьников 5–9 классов по родному краю, с целью ознакомления с его достопримечательностями, историей, культурой) в 2023 году приняли участие 29 регионов РФ.

В соответствии необходимостью всестороннего развития детей в организациях отдыха и оздоровления, проводятся мероприятия различной направленности, в том числе развлекательные, образовательные, спортивно-оздоровительные и др. Качество проводимых мероприятий должно обеспечиваться заявленными в Национальном стандарте «Услуги детям в учреждениях отдыха и оздоровления (ГОСТ Р 52887–2018)» требованиями к услугам и условиям реализации детского отдыха. С целью повышения эффективности проводимых мероприятий в организациях детского отдыха в 2023 г. Министерством просвещения Российской Федерации был проведен Всероссийский конкурс программ и методических кейсов «Лучшая программа организации отдыха детей и их оздоровления», организатором которого явилось федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования «Федеральный центр дополнительного образования и организации отдыха и оздоровления детей» [2]. К участию в конкурсе было допущено 325 работ из 62 субъектов Российской Федерации. По итогам конкурса победителями признаны 40 программ в разных номинациях в соответствии с организационно-правовой формой организации.

В 2023 г. на базе Российского государственного социального университета было проведено Всероссийское социологическое исследование, направленное на изучение организации отдыха и оздоровления детей, оценки качества и удовлетворенности детским отдыхом при поддержке Совета по попечительству в социальной сфере Правительства РФ. Были опрошены граждане Российской Федерации, имеющие детей/внуков, которые побывали в учреждениях детского отдыха и оздоровления в 2022–2023 гг. Исследование было проведено в 88 регионах Российской Федерации. Объем выборки соста-

вил 4534 респондентов. Метод исследования – онлайн-опрос. В ходе исследования были проанализированы наиболее популярные форматы детского отдыха и оздоровления, ключевые показатели качества организации рекреационной деятельности для детей на каникулах, а также методы и практики работы с детьми.

Одним из параметров изучения явилась удовлетворенность качеством развивающих мероприятий в организациях отдыха и оздоровления детей. Так, качество развлекательных мероприятий в учреждениях детского отдыха и оздоровления, по мнению 57,7% опрошенных, является удовлетворительным. Основными параметрами организации развлекательных мероприятий, вызвавшими наибольшее недовольство, оказались плохая организация мероприятий (44,1%), недостаточность развлекательных мероприятий (40,2%), а также несовременность развлекательных программ (29,4%), содержание мероприятий не соответствовало возрасту ребенка (22,4%) (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какие параметры организации развлекательных мероприятий вызвали недовольство?» (в % от общего числа опрошенных, неудовлетворенных качеством развлекательных программ)

Качество реализуемых во время отдыха образовательных и других развивающих программ, по мнению 51,6% опрошенных, является удовлетворительным. К числу основных параметров организации образовательных и других развивающих программ, которые вызвали недовольство, респондентами были отнесены несоответствие занятий интересам ребенка (35,3%), отсутствие необходимого оборудования и наглядных материалы и др. (22,8%), а также простота занятий (20,2%). При оценке данного параметра максимальная неудовлетворенность была связана с отсутствием образовательных и других занятий (36,5%) (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какие параметры организации образовательных и других развивающих программ вызвали недовольство?» (в % от общего числа опрошенных, неудовлетворенных качеством образовательных программ)

Удовлетворенность качеством проводимых во время отдыха спортивно-оздоровительных мероприятий выразили 57,1% опрошенных. В зависимости от типа детского лагеря, 62% респондентов, чьи дети отдыхали в заго-

родных лагерях высказали большую удовлетворенность качеством проводимых во время отдыха спортивно-оздоровительных мероприятий, а те, чьи дети отдыхали в лагерях организации труда и отдыха (43,9%), а также санаторно-оздоровительных лагерях (39,9%) в большей степени высказали недовольство (рис. 3).

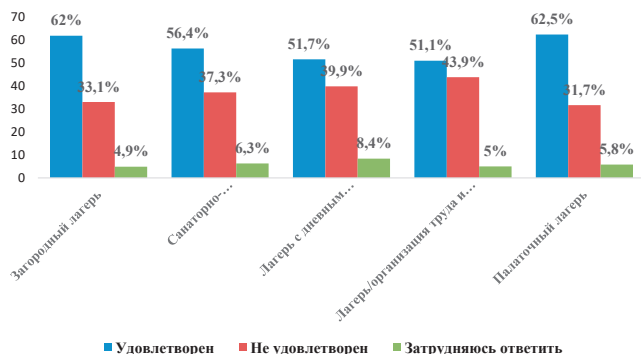

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «В какой мере ребенок удовлетворен качеством проводимых во время отдыха спортивно-оздоровительных мероприятий?» в зависимости от типа учреждения детского отдыха (в % от общего числа опрошенных)

В основном недовольство родителей качеством проводимых во время отдыха спортивно-оздоровительных мероприятий связано с незначительным временным отрезком, выделенным для проведения спортивных занятий (36,2%), отсутствием спортивных объектов (бассейн, спортивный зал, спортивная площадка и др.) (31,9%), несоответствием занятий спортивным интересам ребенка (27,7%), а также отсутствием на занятиях необходимого спортивного инвентаря (20,6%) (рис. 4).

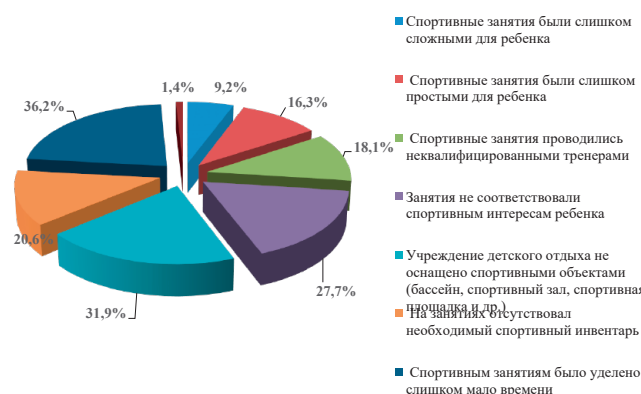

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Какие параметры организации спортивно-оздоровительных мероприятий вызвали у ребенка недовольство?» (в % от общего числа опрошенных, неудовлетворенных качеством спортивно-оздоровительных мероприятий)

Таким образом, как показали результаты проведенного исследования, только каждый второй из опрошенных выразил удовлетворенность качеством проводимых мероприятий в организациях отдыха и оздоровления детей. Недовольство остальных респондентов связано с недостаточностью и неактуальностью проводимых мероприятий, неудовлетворительную оснащенность необходимым оборудованием и инвентарем. В соответствии с выявленными проблемными зонами организации развивающих активностей в учреждениях детского отдыха возникает определенное противоречие, заключающееся, с одной стороны, в целевых установках повышения качества услуг и условий детского отдыха, выделение финансовых средств на реализацию лучших развивающих практик, закупки необходимого оборудования, внедрение программных практик и кейсов, направленных

на повышение эффективности развивающих мероприятий, и, с другой стороны, выявленной неудовлетворенностью родителей существующей организацией развивающих практик в учреждениях детского отдыха.

Несмотря на то, что в настоящий момент организации детского отдыха, его качества уделяется достаточное внимание со стороны субъектов организации детского отдыха, тем не менее, выявленные проблемы требуют внесения существенных корректив в организацию отдыха детей, в том числе, возникает необходимость актуализации развлекательных, образовательных и спортивных мероприятий в соответствии с возрастными особенностями детей, а также современными тенденциями их развития, включение и расширение профориентационных мероприятий, направленных на выявление профессиональных интересов и установок подростков [1], обеспечения необходимым оборудованием и наглядными материалами для проведения мероприятий соответствующего уровня. Необходимо непрерывно работать над разработкой и обновлением программ и мероприятий, направленных на популяризацию новых, современных, актуальных для подростков видов отдыха, отвечающих вызовам цифровых технологий.

Литература

1. Демененко И.А., Шавырина И.В. Детерминанты профессионального выбора молодежи: опыт эмпирического изучения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 9. С. 103–108.
2. Минпросвещения России. Детский отдых [Электронный ресурс]. – URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/child_relaxation/ (дата обращения: 18.03.2024).
3. Распоряжение Минпросвещения России от 28 ноября 2019 г. № Р-121 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Развитие сферы отдыха и оздоровления детей» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/07e1c10ff2e06ca6a-371de3c5154e718/> (дата обращения: 14.03.2024).
4. Приказа Минобрнауки России от 13 июля 2017 года № 656 «Об утверждении примерных положений об организациях отдыха детей и их оздоровления» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/d5680bb6923c31681d07411edef1a45a/> (дата обращения: 18.03.2024).
5. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 июля 2018 г. № 444-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/550966408> (дата обращения: 14.03.2024).
6. Программа развития федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Всероссийский детский центр «Смена» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/8cab947eefdda9524246f7cd-5c46a38e/> (дата обращения: 14.03.2024).
7. Программа развития федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Всероссийский детский центр «Орлёнок» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/0fdcf0162580079063ea6bd316230aeb/> (дата обращения: 17.03.2024).
8. Программа развития федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Всероссийский детский центр «Океан» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://>

docs.edu.gov.ru/document/4a52dad14c41d9411f2b-605635c0465b/ (дата обращения: 17.03.2024).

9. Программа развития федерального государственного бюджетного образовательного учреждения «Международный детский центр «Артек» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/4a48e076cbc06b643004afd8b3ab4b03/> (дата обращения: 17.03.2024).
10. Распоряжение Минпросвещения России от 07 мая 2020 года № Р-41 «О внесении изменений в ведомственную целевую программу «Развитие сферы отдыха и оздоровления детей» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/7d119febd57eb309a9952835bfb97242/> (дата обращения: 17.03.2024).
11. Российское движение детей и молодёжи «Движение Первых» [Электронный ресурс]. – URL: <https://будьвдвижении.рф/shifts> (дата обращения: 21.03.2024).

DEVELOPMENTAL ACTIVITIES IN CHILDREN'S RECREATION INSTITUTIONS: PARENTS' SATISFACTION¹

Dolgorukova I.V., Shavyrina I.V.
Russian State Social University

The purpose of the article is to study and analyze developmental activities in children's recreation institutions. The authors analyzed the regulatory framework, the quality standard for the provision of services and conditions for organizing children's recreation, and the main trends in organizing recreation for children and adolescents. Based on the results of the All-Russian sociological study conducted in 2023, aimed at studying the organization of recreation and health improvement for children, assessing the quality and satisfaction of children's recreation (N = 4534 respondents), the authors state the existing dissatisfaction of parents with the organization of developmental activities in children's recreation institutions, which is associated with the insufficiency and irrelevance of the activities being carried out, unsatisfactory provision with the necessary equipment and inventory. The authors proposed measures to increase the effectiveness of developmental activities in children's recreation institutions.

Keywords: children's recreation and health improvement, organization of children's recreation, establishment of children's recreation and recovery, quality of children's recreation services, developmental activities.

References

1. Demenenko I.A., Shavyrina I.V. Determinants of professional choice of youth: experience of empirical study // *Social and humanitarian knowledge*. 2018. No. 9. pp. 103–108.
2. Ministry of Education of Russia. Children's recreation [Electronic resource]. – URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/child_relaxation/ (access date: 03/18/2024).
3. Order of the Ministry of Education of Russia dated November 28, 2019 No. R-121 "On approval of the departmental target program "Development of the sphere of recreation and health improvement for children" [Electronic resource]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/07e1c10ff2e06ca6a371de3c5154e718/> (date of access: 03.14.2024).
4. Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated July 13, 2017 No. 656 "On approval of approximate provisions on organizations for children's recreation and their health improvement" [Electronic resource]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/d5680bb6923c31681d07411edef1a45a/> (date of access: 03/18/2024).
5. Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated July 31, 2018 No. 444-st "On approval of the national standard of the Russian Federation" [Electronic resource]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/550966408> (date of access: 03/14/2024).
6. Development program of the federal state budgetary educational institution "All-Russian Children's Center "Smena" for 2021–2025 [Electronic resource]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/8cab947eefdda9524246f7cd5c46a38e/> (date of access: 03.14.2024).
7. Development program of the federal state budgetary educational institution "All-Russian Children's Center "Orlyonok" for 2021–2025 [Electronic resource]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/0fdcf0162580079063ea6bd316230aeb/> (date of access: 03/17/2024).
8. Development program of the federal state budgetary educational institution "All-Russian Children's Center "Ocean" for 2021–2025 [Electronic resource]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/4a52dad14c41d9411f2b605635c0465b/> (date of access: 03/17/2024).
9. Development program of the federal state budgetary educational institution "International Children's Center "Artek" for 2021–2025 [Electronic resource]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/4a48e076cbc06b643004afd8b3ab4b03/> (date of access: 03/17/2024).
10. Order of the Ministry of Education of Russia dated May 7, 2020 No. R-41 "On introducing changes to the departmental target program "Development of the sphere of recreation and health improvement of children" [Electronic resource]. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/7d119febd57eb309a9952835bfb97242/> (date of access: 03/17/2024).
11. Russian movement of children and youth "Movement of the First" [Electronic resource]. – URL: <https://budvdvzheniye.rf/shifts> (date of access: 03/21/2024).

¹ The study was carried out with the financial support of the Council for Trusteeship in the Social Sphere of the Government of the Russian Federation within the framework of research on the topic: "Analysis of the organization of recreation and health improvement for children, assessment of the quality and satisfaction of children's recreation."

Влияние государственной финансово-правовой политики на эффективность деятельности органов местного самоуправления: на примере Новосибирска

Егорычева Татьяна Валерьевна,

студент, магистрант, Государственное и муниципальное управление, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
E-mail: tatanaserg80@mail.ru

В статье исследованы особенности влияния государственной финансово-правовой политики на работу органов местного самоуправления в городе Новосибирск.

Актуальность обусловлена тем, что финансовое обеспечение деятельности структур местного самоуправления оказывает влияние на качество жизни населения и реализацию правовой политики государства. При этом в настоящее время материальная поддержка работы данных органов имеют невысокую эффективность. Особенно остро это отмечается в период неопределенности и кризисов.

Целью исследования является изучение аспектов влияния государственной финансово-правовой политики на функционирование органов местного самоуправления на примере работы мэрии города Новосибирск.

В результате исследования произведен обзор литературных сведений по представленной тематике, даны авторские выводы. Был сделан вывод о том, что государственным органам следует более рационально вести финансово-правовую политику, выделять финансирование на нужды региона, ужесточать законы в отношении работы органов местного самоуправления, что позволит повысить эффективность целевого использования финансовых ресурсов. В настоящее время требуется модернизация механизмов и инструментов финансово-правовой политики в отношении деятельности мэрии города Новосибирск.

Ключевые слова: финансово-правовая политика, органы местного самоуправления, бюджет, ресурс, мэрия, Новосибирск, муниципальное образование, реализация, правовая политика, государство, авторские выводы, законы, модернизация

Введение

В Конституции Российской Федерации (далее РФ) закреплены основы проведения финансово-правовой политики (далее ФПП), которая должна ориентироваться на реализацию законодательных норм и положений в отношении финансовой деятельности органов муниципального самоуправления (далее ОМС). ФПП представляет собой особый сегмент правовой политики государства в целом, а также является подвидом публичной деятельности, которая выражается в определении векторов и принципов реализации финансовых целей страны в отношении муниципальных и иных образований [1, С. 4503–4515].

Актуальность

Эффективность функционирования системы бюджетных отношений оказывает прямое воздействие на результаты реформ, которые проводятся в финансовом законодательстве. Поскольку в настоящее время мировая экономика находится в нестабильном состоянии, это влияет на ситуацию в системе национального хозяйствования РФ, что обуславливает недостаточность количества ресурсов для распределения по всем уровням бюджетной системы. Поэтому вопрос построения грамотной ФПП требует особого внимания государственных властей. Именно на ОМС возложена ответственность за планомерность формирования и распределения потока бюджетного капитала.

Целью исследования является изучение аспектов влияния государственной ФПП на функционирование ОМС на примере работы мэрии города Новосибирск.

Материалы и методы исследования

Основаны на анализе научных, экономических, статистических данных, графической интерпретации результатов, синтезе мнений и показателей.

Результаты исследования

Сегодня работа ОМС г. Новосибирска не имеет совершенной финансовой стабильности и независимости. Большой процент собственных средств, распределяемых в бюджете городских округов, в процессе внесения поправок в налоговое и бюджетное законодательство постоянно снижается, и приблизительно составляет от 5% до 50%, в соответствии с положением городского округа [2, С. 69–75].

ФПП является составной частью ведения правовой политики РФ и определенным типом публичной деятельности, которая имеет собственные ориентиры и способы реализации поставленных задач в сфере финансов от руководства страны и руководителей ОМС. Все положения ФПП закреплены в нормах финансового права, в нем отражены категории ответственности за выявленные несоответствия и нарушения законодательной базы, касающиеся нерационального расходования бюджетных средств муниципалитетами [5].

Финансовая независимость ОМС г. Новосибирска предполагает получение ими статуса муниципальных образований, что состоит в получении возможности самостоятельного определения собственных доходов и расходов. Если создаются условия, в которых местная власть неспособна пользоваться собственными финансами, она не в состоянии решать текущие проблемы в рамках местного самоуправления. Поэтому необходимо грамотно вести политику в области управления муниципальным бюджетом (далее МБ), что повысит эффективность работы ОМС [6].

Основные принципы работы и состав правовой базы ОМС представлены на рисунке 1 и 2 (рисунок 1, 2).

Рис. 1. Основные принципы работы ОМС [10]

Рис. 2. Состав правовой базы ОМС [10]

Работа мэрии в г. Новосибирск состоит в следующем:

- Рассмотрение основ и составление плана распределения бюджетных средств города.
- Утверждение и исполнение поставленной программы, контроль за их реализацией.
- Установление, изменение и отмена местных налогов и сборов.
- Использование вверенного в распоряжение имущества, которое находится в собственности мэрии города.
- Организация процессов водо-, тепло-, газо- и электроснабжения граждан.
- Снабжение граждан топливными и иными видами ресурсов, в соответствии с полномочиями, установленными законодательной политикой РФ.

- Осуществление дорожной политики и муниципального контроля над состоянием автомобильных дорог местного значения в черте города.
- Создание условий по обеспечению жильем населения, организация строительства и содержания муниципального жилищного фонда.
- Другие виды работ по организации качества жизни населения и обеспечения региональной социально-экономической политики [8].

На сегодняшний день в Новосибирской области (далее НО) существуют более 450 ОМС. Каждое отделение работает на базе совета депутатов, удельный вес расходов на их содержание составляет более 65% в собственных доходах местного бюджета (это применимо для малочисленных муниципалитетов). Для реализации других важных целей остается не более 35%. Одной из актуальных задач в рамках организации работы ОМС является модернизация территориальной организации, решением чего является комплексная трансформация ФПП в рамках оценки финансовых рисков возможных последствий территориальных преобразований. В рамках действующего законодательства сейчас плотно рассматривается необходимость объединения малочисленных муниципальных поселений НО. Это позволит объединить имеющиеся финансовые потоки, исключив из них определенную часть на содержание ОМС и на их избирательные кампании. В результате подобных действий улучшится процесс рационализации использования налогооблагаемой базы территории. Кроме того, произойдет полная трансформация системы управления муниципальными образованиями, что в несколько раз повысит качество оказания услуг гражданам. Расширение муниципальных поселений следует рассматривать в комплексной взаимосвязи с расходами на содержание ОМС и усилиями местных властей по улучшению положения собственной базы доходов. В 2017 году Правительственные структуры НО, в том числе мэрия г. Новосибирск, приняли постановление, по которому были выделены новые ориентиры по формированию расходного бюджета на обеспечение работы ОМС. Они основаны на введении повышенного финансового норматива и увязке с доходами местной казны. Это касается работы именно малочисленных муниципальных объединений, которые хотят создать единое крупное образование. Министерство финансов и налоговой политики области понимает и принимает во внимание необходимость следования перспективам соединения между собой муниципалитетов в НО, и это требует рассмотрения вопросов соблюдения баланса в местных бюджетах [7].

ФПП в государстве в целом требует соблюдения баланса между публичными интересами страны и подобной заинтересованностью конкретного муниципалитета. В финансовом праве четко обозначен принцип самостоятельной деятельности ОМС, которая касается формирования и использования местного бюджета. Но при этом они должны обращать внимание на федеральную ФПП, реализуя общегосударственные программы в пределах собственной территории [3, С. 47].

При рассмотрении основных характеристик М Б мэрии г. Новосибирск составим прогноз динамики доходов и расходов (рисунок 3).

ФПП в любом регионе страны, в том числе в НО, основана на финансовых документах, главным из которых является собрание положений о бюджете города. От того, сколько средств будет собрано в МБ и насколько эффективно будут распределены ресурсы, будет зависеть качество жизни всех граждан области. Половину доходов МБ составляют налоги, получаемые от физических лиц, поэтому каждый житель города фактически уча-

ствуется в соблюдении ФПП и вносит свой вклад в финансирование социально-политической сферы существования региона [9].

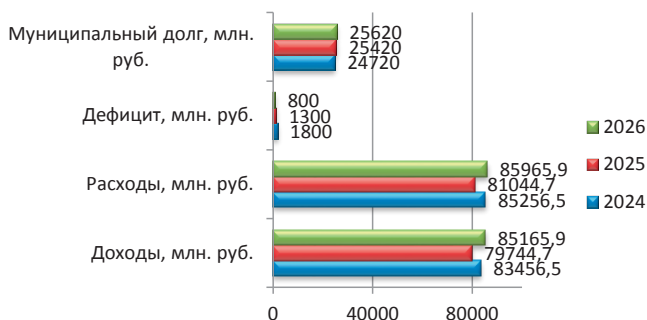

Рис. 3. Прогноз динамики доходов и расходов МБ мэрии г. Новосибирск

Основы ФПП требуют четкого разграничения между уровнями публичной власти и справедливого распределения источников их финансирования. Доход МБ растет за счет роста объема налоговых источников и увеличения процента отчислений. Это позволяет ОМС более эффективно управлять порученными им территориями. Реализация федеральными властями ФПП и применение общих принципов организации работы ОМС в г. Новосибирск в настоящее время демонстрирует следующие проблемы:

- Ограниченность финансовой базы мэрии оказывает огромное воздействие на способность эффективного решения широкого числа задач, связанных с локальным управлением. Невозможность выделения достаточного количества ресурсов затрудняет возможность муниципальных органов в обеспечении развития инфраструктуры, качества жизни населения городских поселений на местном уровне. Такая недостаточность проработки ФПП затрудняет выполнение обязанностей ОМС и препятствует реализации политики, которая будет направлена на повышение уровня социально-экономической развитости региона.
- Федеральные органы власти исключили из числа полномочий ОМС решение ряда вопросов, таких как расчет и предоставление субсидий на оплату определенных услуг, социальное обслуживание отдельных слоев населения и т.д. Это оказало негативное влияние на снижение качества оказания услуг гражданами региона.
- ОМС обязаны решать вопросы, связанные с отдельными государственными полномочиями, такими как соблюдение аспектов гражданской обороны, решение вопросов организации работы аварийно-спасательного сектора. Дополнительные источники финансирования при этом не выделяются.
- Количество поступающих финансовых ресурсов имеет объективную ограниченность, поэтому ОМС города требуется учитывать мнение населения при выборе приоритетных векторов социально-экономического развития муниципалитета [6].

На сегодняшний день в системе внебюджетных отношений мэрии г. Новосибирск наблюдается негативная тенденция влияния определенных факторов, среди которых:

- Большинство организаций требуют выделения значительной части средств из федерального бюджета.
- Муниципалитеты обременены большими финансовыми растратами, не соразмерными поступлениям.
- МБ не имеет источников дефицита.
- Между местными финансовыми структурами и другими элементами финансово-экономической системы существует слабый тип связи [1, С. 4503–4515].

Обсуждение и выводы

На мой взгляд, основной внутренней проблемой регулирования ФПП для ОМС при работе мэрии г. Новосибирска, также как и в муниципальных учреждениях других регионов, является то, что большая часть расходов МБ связана с обеспечением обязательств в сфере социальной политики. При этом особым вниманием не наделяются вопросы социально-экономического развития областного муниципалитета. Не хватает средств для полной модернизации работы промышленной, строительной, научно-инновационной, градостроительной отраслей. Поэтому очевидной является необходимость перераспределения поступающих доходов в МБ и четкое осмысление направленности вложений между потребностями муниципального образования. Конечно, это невозможно без увеличения поступлений в МБ со стороны налогового обеспечения и федеральной помощи. Следует модернизировать систему управления имуществом ОМС, в качестве решения задач повышения доходности его использования, и увеличения процента налоговых поступлений. Необходима разработка и реализация новых целевых программ и проектов, а также поддержка существования отрасли среднего и малого бизнеса.

МБ мэрии г. Новосибирск характеризуется отсутствием баланса между доходами и расходами, что связано с имеющимися долгами. Для улучшения финансово-правовых взаимоотношений между органами власти различного уровня следует разработать определенные меры, которые позволят осуществлять действенное финансовое планирование. Учитывая давление социальной нагрузки на бюджет, основной задачей государства при проведении ФПП является оказание влияния на повышение эффективности расходования МБ. Основными мерами влияния и улучшения ситуации являются:

1. Применение основ стратегического планирования и распределения бюджета на основе муниципального проекта, с учетом уже достигнутых результатов и запланированных мероприятий.
2. Постановка конкретных задач для сотрудников и руководства мэрии по оказанию муниципальных услуг, а также более строгий контроль за их ответственным выполнением.
3. Выполнение уже существующих обязанностей, расходных обязательств.
4. Не допущение принятия новых расходных обязательств, которые не входят в план и не обеспечены финансированием извне.
5. Повышение качества финансового управления в регионах и в рамках соблюдения ФПП в стране в целом.
6. Модернизация системы менеджмента и внедрение контрактной службы в целях повышения эффективности работы всего персонала муниципальных учреждений.

Изучая вопрос обеспечения эффективности проведения ФПП, следует также отметить, что согласно Конституции РФ, ОМС имеют самостоятельные полномочия в вопросах распоряжения собственностью и формирования МБ. Мэрия г. Новосибирск также имеет проблемы с эффективностью и прозрачностью распределения финансов, о чем свидетельствуют данные из средств массовой информации. В последнее время в новостной ленте выделяются статьи, в которых сообщается о коррупционных действиях представителей ОМС, связанных с нерациональным распределением денежных средств из МБ. На мой взгляд, подобная тенденция не является новой, но все также остается главной проблемой соблюдения законодательной базы в сфере превышения

чиновниками своих полномочий. Необходимо внесение корректировки в конституционные положения и ужесточение норм, которые касаются распределения ОМС местного финансирования не по целевому назначению [4].

Таким образом, в рамках исследования был рассмотрен вопрос влияния ФПП на работу ОМС, в качестве примера была проанализирована работа мэрии г. Новосибирск. Следует сделать вывод о том, что государственным органам следует более рационально вести ФПП, выделять финансирование на нужды региона, ужесточать законы в отношении работы ОМС, что позволит повысить эффективность целевого использования финансовых ресурсов. В настоящее время требуется модернизация механизмов и инструментов ФПП в отношении деятельности ОМС в НО, что приведет к стабильности и устойчивости проведения социально-экономической политики в регионе и конкретно в городе Новосибирск.

Литература

1. Зинич Л.В. Проблемы формирования финансовых основ местного самоуправления / Л.В. Зинич // Креативная экономика. – 2022. – Т. 16, № 11. – С. 4503–4515. – DOI 10.18334/ce.16.11.116521. – EDN RY-FUIN.
2. Лукьянова З.А. Роль местных налогов в формировании доходов местных бюджетов (на примере города Новосибирск) / З.А. Лукьянова, Е.И. Синицын // Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – № 5. – С. 69–75. – DOI 10.34755/IROK.2020.66.86.043. – EDN JNJBOI.
3. Миронова С.М. Влияние государственной финансово-правовой политики на муниципальные образования // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 44–53. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.044-053.
4. Из новосибирской мэрии после проверки на коррупцию уволились 10 сотрудников // URL: <https://news.ru/regions/iz-novosibirskoj-merii-posle-proverki-na-korrupciyu-uvolilis-10-sotrudnikov/> (дата обращения: 12.04.2024).
5. МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55410/1/m_th_n.v.kultikov_2017.pdf (дата обращения: 08.04.2024).
6. МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ на тему Финансовые основы местного самоуправления // URL: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/doc/y0V0oXzq6PuY.pdf> (дата обращения: 08.04.2024).
7. Минфин региона комментирует применение правовой базы формирования нормативов расходов на содержание органов местного самоуправления // URL: <https://mfns0.nso.ru/news/2682> (дата обращения: 08.04.2024).
8. Мэрия Новосибирска // URL: https://novo-sibirsk.ru/municipal/competency/?special_version=Y (дата обращения: 08.04.2024).
9. Основные характеристики бюджета города Новосибирска на 2024–2026 гг. // URL: <https://gorsovetnsk.ru/budgetgoroda/> (дата обращения: 08.04.2024).
10. ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ // URL: <https://flectone.ru/printsipiy-pravovogo-regulirovaniya-polnomochiy-organov.html> (дата обращения: 08.04.2024).

THE INFLUENCE OF STATE FINANCIAL AND LEGAL POLICY ON THE EFFICIENCY OF LOCAL GOVERNMENTS: THE EXAMPLE OF NOVOSIBIRSK

Egorycheva T.V.

The Russian Academy of National Economy and Public Service at President of the Russian Federation, Siberian Institute Management – Branch – RANEPА

The article examines the peculiarities of the influence of state financial and legal policy on the work of local governments in the city of Novosibirsk.

The relevance is due to the fact that financial support for the activities of local government structures has an impact on the quality of life of the population and the implementation of the legal policy of the state. At the same time, financial support for the work of these bodies is currently of low efficiency. This is especially acute in times of uncertainty and crises.

The purpose of the study is to study the aspects of the influence of state financial and legal policy on the functioning of local governments using the example of the Novosibirsk City Hall.

As a result of the research, a review of literary information on the presented topic was made, and the author's conclusions were given. It was concluded that state bodies should conduct financial and legal policy more rationally, allocate funding for the needs of the region, tighten laws regarding the work of local governments, which will increase the efficiency of targeted use of financial resources. Currently, it is necessary to modernize the mechanisms and instruments of financial and legal policy in relation to the activities of the Novosibirsk City Hall.

Keywords: local government, municipalities, local government, democracy, powers, functions, powers, society, need, security, transformation.

References

1. Zinich L.V. Problems of forming the financial foundations of local self-government / L.V. Zinich // Creative Economy. – 2022. – Т. 16, No. 11. – P. 4503–4515. – DOI 10.18334/ce.16.11.116521. – EDN RYFUIN.
2. Lukyanova Z.A. The role of local taxes in the formation of local budget revenues (on the example of the city of Novosibirsk) / Z.A. Lukyanova, E.I. Sinityn // Current issues of modern economics. – 2020. – No. 5. – P. 69–75. – DOI 10.34755/IROK.2020.66.86.043. – EDN JNJBOI.
3. Mironova S.M. The influence of state financial and legal policy on municipalities // Current problems of Russian law. – 2020. – Т. 15. – No. 2. – P. 44–53. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.111.2.044-053.
4. 10 employees resigned from the Novosibirsk City Hall after a corruption check // URL: <https://news.ru/regions/iz-novosibirskoj-merii-posle-proverki-na-korrupciyu-uvolilis-10-sotrudnikov/> (date of access: 04/12/2024).
5. MASTER'S THESIS PROBLEMS OF FORMATION AND EXECUTION OF THE BUDGET OF A MUNICIPAL EDUCATION // URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55410/1/m_th_n.v.kultikov_2017.pdf (date of access: 04/08/2024).
6. MASTER'S THESIS on the topic Financial foundations of local self-government // URL: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/doc/y0V0oXzq6PuY.pdf> (access date: 04/08/2024).
7. The regional Ministry of Finance comments on the application of the legal framework for the formation of cost standards for the maintenance of local governments // URL: <https://mfns0.nso.ru/news/2682> (date of access: 04/08/2024).
8. Novosibirsk City Hall // URL: https://novo-sibirsk.ru/municipal/competency/?special_version=Y (access date: 04/08/2024).
9. Main characteristics of the budget of the city of Novosibirsk for 2024–2026. // URL: <https://gorsovetnsk.ru/budgetgoroda/> (date of access: 04/08/2024).
10. PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF THE POWERS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES // URL: <https://flectone.ru/printsipiy-pravovogo-regulirovaniya-polnomochiy-organov.html> (date of access: 04/08/2024).

Ученость управленца в старом Китае: пути достижения и значение для современного общества

Захаров Михаил Юрьевич,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии
Государственного университета управления
E-mail: my_zakharov@guu.ru

Шишкова Анастасия Викторовна,

к.ф.н., доцент кафедры философии Государственного
университета управления
E-mail: av_shishkova@guu.ru

В статье рассматривается учёность управленцев в старом Китае, анализируются пути её достижения и значение для современного общества. Авторами рассмотрены социокультурные установки, положенные в основу исторически трансформируемой системы подготовки управленцев, исследована история развития системы обучения государственных служащих в Китае, начиная с древних времён и заканчивая современностью. Особое внимание уделяется идеям Конфуция, которые оказали значительное влияние на формирование представлений об учёности управленца и о роли бюрократии в жизни общества. В статье проанализированы качества и навыки, считающиеся необходимыми для эффективного управления государством в старом Китае и их соотношение с современными требованиями к государственным служащим. Рассматривается современный этап развития институтов управленческого образования и системы приема на государственную службу. Сделан вывод о том, что изучение опыта старого Китая может быть полезным для формирования современных подходов к обучению управленцев.

Ключевые слова: государственное управление, государственная служба, управленческое образование, старый Китай, КНР.

В старом Китае понятия «ученый», «чиновник», «мудрец» объединял единый смысл, связанный с высокой степенью учености, которая говорила о владении человеком сложным иероглифическим письмом, наличии у него определенного комплекса знаний, не доступных рядовым гражданам, а также об образцовом поведении и умении грамотно исполнять ритуалы. Все это так или иначе свидетельствовало о высоком качестве жизни данного человека и в общественном сознании формировало зависть, непреодолимое желание стать государственным служащим. Государство правильно понимало сложившуюся ситуацию: оно поддерживало данную тенденцию, формировало и совершенствовало систему отбора, обучения, распределения, аттестаций и переобучения управленцев различного уровня. В основу исторически трансформируемой системы подготовки управленцев были положены следующие социокультурные и организационные постулаты.

1. Люди по природе своей обладают примерно одинаковыми познавательными способностями и задатками к поиску знаний, но будущих управленцев отличает непреодолимое стремление к приобретению нового, воля к достижению истины, желание получить требуемое мышление и соответствующие навыки, пройти суровый путь обучения, начинающийся в раннем возрасте и заканчивающийся лишь с выходом на пенсию. Поэтому в старом Китае особо почиталась необъяснимая потребность человека осуществлять любую деятельность, полезную государству, ибо в личном плане речь шла о социальном лифте для любого гражданина, желающего обучаться, о будущем его семьи, рассчитывающей на обеспеченную старость родителей. Также ученость, полученная в ходе образования, всегда воспринималась как хороший способ интеграции в профессиональную управленческую среду, ту среду, которая и гарантирует высокое качество жизни. В социальном плане желание учиться управлению приветствовалось и всячески поддерживалось государством, ведь это позволяло уравновесить социальные отношения в обществе, сделать их справедливыми и комфортными, а Поднебесную хорошо управляемой.

2. Китайское государство не может быть не управляемым [4], а для управления необходимо большое количество хорошо обученных людей, как управленцев-практиков, так и более продвинутых служащих – управленцев-теоретиков (или мудрецов). Для реализации государственной потребности в управленцах требуется усреднить, сделать унифицированным процесс обучения и ориентироваться на абстрактного человека, что значительно менее затратно, чем дорогостоящее индивидуальное обучение, которое никогда нельзя сделать массовым обучением, сближающим, а не разделяющим людей, делающих общество монолитнее [5, с. 425]. В силу данных обстоятельств в старом Китае практически до Нового времени не вводилось индивидуальное обучение в процесс образования, считалось также не эффективным и домашнее обучение, которое никогда не было доминирующим и всегда сводилось лишь к обучению таким правилам общественного поведения, как особенности исполнения того или иного ритуала, формы

почтительности к различным категориям старших и другие коммуникационные приемы. Государственное управленческое образование было направлено на достижение классической учености, которая была доступна лишь ограниченному кругу лиц, образующих своеобразную национальную касту государственных управленцев. Учитывая это, государство всегда стимулировало государственное образование, выступало своеобразным гарантом качества жизни человека, который смог пройти вступительные испытания, успешно закончить процесс обучения и быть готовым к постоянному процессу аттестаций и переобучения.

Государственное управленческое образование требовало концентрации знаний в руках специально отобранных людей, по своим природным качествам способных к обучению и достойных получения статуса чиновника. Эти люди должны иметь потребность постоянно находиться в обучающем состоянии, всю жизнь двигаться по пути, имеющему множество преград, ограничений и как следствие преимуществ по отношению к другим жителям Поднебесной. В «Беседах и Суждениях» Конфуций определил главную цель такого обучения – постоянный процесс самосовершенствования не всех граждан, а лишь особых людей, тех, кто ищет знание и способен его освоить, у них должна быть особая форма образованности (учености), а не просто объем знаний. Это должно уменьшить различия между верхами и низами путем, с одной стороны, формирования в общественном сознании уважительного отношения к управленческому труду, с другой – расширения возможностей для простого человека получить образование и стать благородным мужем.

3. Ученость государственных служащих должно строиться по определенным правилам и нормам, которые в первую очередь касались статуса и особенностей взаимоотношений в паре «учитель – ученик». В истории Китая обучение никогда не было односторонним процессом, оно представляло собой двусторонний особым образом организованный коммуникативный путь, половину которого предстояло пройти учителю, а половину его ученику.

В старом Китае всегда поддерживали высокое положение учителя в обществе, отдавая ему лидирующее положение в обучающем процессе и наделяя его правом определять статус учащихся как «просто обучающийся» или «личный ученик», порой для подчеркивания важности момента перехода в ученики даже вводя специальные ритуалы «преклонить колено», «поклониться учителю» и другие не менее важные процедуры и атрибуты. В общественном сознании искусственно поддерживалась мысль о прямой зависимости между почтением учителя, уважением его учености в обществе и управляемостью самого общества, а, следовательно, его процветанием и гибелью. В старом Китае говорили, что даже император не зовет учителя, а приглашает и правилом хорошего тона чиновника считалась дружба с учеными, ведь она подчеркивала ученость самого государственного служащего.

Свою половину пути в обучении, получая и усваивая определенные знания и навыки для специализированной деятельности, проходил ученик. Второстепенная роль не наделяла его пассивной внимающей позицией, напротив, он должен постоянно расти, для чего обязан стремиться к нахождению в благодатном поле учителя, копировать его, жадно внимать каждое слово. Это нужно, для формирования учености обучающегося, которая в идеале должен быть копией учителя. Путь в ученики тернист и труден, требовал особого усилия и прилежания, искренней любви к учителю, ибо обучающий всегда

учитель, а учеником нужно становиться. Другими словами, можно долгие годы быть обучающимся у конкретного учителя, но так и не стать его учеником и не получить ту ученость, которая требуется для управленца.

4. Государственный служащий – особый управленец, это совершенный государственный разум, синтез нравственности и политической культуры, совокупность различных добродетелей. Великий Конфуций, будучи сам чиновником, хорошо понимал роль и значение бюрократии (благородных мужей) в жизни китайского общества, возвеличивал бюрократию, но только бюрократию высоко моральную, хорошо управляемую и обучаемую, проходящую через сито экзаменов, систему чиновничьих рангов и даже соответствующих одеяний.

Для дифференциации степеней учености управленцев в старом Китае разработали систему деления чиновников на различные разряды. Это поистине знаковая историческая китайская находка, которая постоянно совершенствовалась и пестовалась государством. Так, в период «воюющих царств» (221–206 до н.э.) всех государственных служащих Поднебесной разделили на десять разрядов, каждому из которых вменялись определенные служебные обязанности и конкретное материальное вознаграждение начиная от меры зерна, а в последствии аренды земельных участков и заканчивая выплатой денежных средств. Во времена Цинской династии (1644–1912) ранги мандаринов разделили на военных и гражданских служащих, ограничив их количество десятью с двумя подрангами в каждом. Это были секретари, магистры округов, сборщики налогов и т.д.

Ранговая система – великий управленческий феномен старого Китая. Она давала возможность не только поддерживать ученость действующего чиновника, организовывать его служебную деятельность и качество жизни, но и позволяла влиять на жизнь последующих поколений, например, высокий ранг чиновника давал возможность потомкам после успешной сдачи экзаменов занять более высокую ступень на карьерной лестнице, причем при следующих поколениях эта подпорка сохранялась, уменьшалась лишь ее сила. Поэтому задача каждого чиновника не просто почивать на лаврах, а активно совершенствовать свою ученость, чтобы обеспечить поддержку в государственной службе для последующих поколений. Следовательно, ранговая система Китая не только структурирует государственных управленцев, она максимально активизирует их жизненный потенциал на качественное исполнение своих должностных обязанностей, что дает возможность определенной трансляции управленческого статуса в последующих поколениях.

Согласно специалистам, управленческое образование старого Китая – самая ранняя известная мировой практике система подготовки кадров для государственного управления. Она решила множество проблем, не только связанных с управляемостью Китая, но и с расширением круга возможностей для простого гражданина получить требуемую степень учености и занять соответствующее место в государственной структуре.

Как свидетельствует историческая наука, уже в III–II тысячелетия до н.э. появляются первые упоминания об управленческом образовании для жителей Поднебесной. Это была информация о различных видах, формах и школах обучения в рамках конкретного географического места. Во II тысячелетии до н.э. (эпоха династии Шан) в старом Китае появляется первое официальное учебное заведение, а в I тысячелетии до н.э. формируются уже целые университеты. С этого момента разрозненные школы стали уступать свое место сети национальных учебных заведений, которые развивались в двух

направлениях. С одной стороны, столичные учебные заведения, которыми руководило правительство. Эти учебные заведения объединяли два уровня школ: начальная школа с семилетним сроком обучения и высшая школа с девятилетним сроком обучения. С другой стороны, под началом местных органов управления функционировали провинциальные учебные заведения.

Знаковым для управленческого образования стал 124 г. до н.э. В этот год император повелел отобрать во всех провинциях Поднебесной молодых людей, способных для управленческой деятельности и обучать их азам государственного управления, путем передачи специализированных конфуцианских знаний. Обучение осуществлялось в течение года, затем следовал выпускной экзамен, по результатам которого человек назначался на должность, соответствующую уровню его управленческих знаний [2]. Но, пожалуй, самым важным событием управленческой жизни 124 г. до н.э. стало решение императора об учреждении университета, целью которого была подготовка профессиональных администраторов. С этого момента в разы расширяется социальная база государственных управленцев, огромное количество абитуриентов получают равные стартовые условия, которые реализуются на вступительных экзаменах, где приоритет знаний является неоспоримым. Как результат, уже к концу I в. до н.э. в университете учился около трех тысяч студентов, а в эпоху правления династии Поздняя Хань в десять раз больше. Две тысячи лет система управления империи была в руках людей знания [1, с. 192].

Независимо от названия, этапа, уровня управленческого обучения, решалась одна единая задача – достичь определенной учености, для чего требовалось уяснить ценности государственной службы, грамотно понимать политическую и управленческую теорию, приобрести навыки исполнения служебных обязанностей.

Но даже закончив обучение, выпускник не мог приступить к исполнению должностных обязанностей, новым этапом на пути его становления выступал испытательный срок, который ставил окончательную точку на пути подготовки государственного служащего и открывал перед ним возможности найти свое место в управленческом аппарате страны, начиная от составителя (комментатора) императорских указов и хроник и кончая пулом управленческой элиты, каковыми являлись советники при дворе правителя или евнухи. Параллельно с образовательным путем существовала и другая возможность для рядового гражданина получить первичную (низшую) должность чиновника. Он мог легализовать свое желание, успешно пройти государственные испытания и заключив соответствующий контракт поступить на государственную службу, где его ожидал испытательный срок и система повышения профессиональной квалификации.

Независимо от выбранного пути, став государственным служащим, человек автоматически включался в сложный государственный механизм непрерывного обучения, совершенствования своей учености. Всю жизнь его сопровождала государственная система административного контроля, которая четко вела учет заслуг и стажа, различных показателей, что определяло управленческий рейтинг чиновника, его место в административной системе и в конечном итоге относило управленца к лучшему или худшему в какой-то области. Например, в ханьскую эпоху изготавливались цзюйяньские таблички с указанием фамилии, имени, возраста, срока службы, удаленности места службы от его родины, степени заслуг (высокая, средняя, низкая). На табличке также отражалась стандартная формула: «Обучен грамоте, уме-

ет считать, хорошо управляет подчиненными и народом, сведущ в законах» [3, с. 93].

Со временем даже такая отлаженная сеть национальных учебных заведений перестала справляться с возрастающей потребностью в управленческих кадрах. Развитие Китая требовало все больше и больше управленцев, причем не только для органов государственной власти, но и для крупных негосударственных хозяйств. Маятник образования опять качнулся в сторону расширения количества частных школ, участвующих в первичной подготовке управленцев. Теперь наряду с государственными учебными заведениями обучение проводилось в негосударственных школах различного профиля, в некоторых из них вводится даже степень знатока Пятиканония «У цзин». Расширение образовательной базы повлекло за собой изменение требований к учителям, их практическому, профессиональному, производственному опыту, знанию специфики отдельных видов управленческой деятельности. Порой требования ужесточались и приобретали форму запрета преподавания для лиц не из числа профессиональных чиновников, учителю требовался опыт государственной службы.

Огромный образовательный механизм государства, который в истории Китая называется периодом «Ста школ и ста цветов» не мог остаться без управленческого начала. Сложившаяся к этому времени методическая система предполагала, что преподаватель самостоятельно выбирал объем, педагогические методы, приемы и способы обучения, нес полную ответственность за качество учебной дисциплины. Теперь под руководством ведомства церемоний в стране началось централизованное управление профессиональной деятельностью, первым шагом стала выработка единых методических требований к преподавателям, обучаемым и процессу обучения в целом. В дальнейшем эти требования привели к специализации преподавателей по конкретному конфуцианскому канону, и как следствие к определенной систематизации самих конфуцианских знаний, совершенствованию в учебных заведениях библиотечного дела, созданию крупных библиотек, аккумулировавших большие объемы национальных когнитивных ресурсов.

К началу XV века сформировалась единая и целостная система образования Китая, в которой главенствующую роль играло управленческое образование, решавшее две основные задачи.

Во-первых, сформировать в ходе обучения определенную степень учености будущего управленца, что достигалось совершенствованием теоретической и методической базы, усилением требований к учебному процессу (например, вводились дополнительные контрольные мероприятия, в частности экзамены для перехода от одной ступени образования к другой).

Во-вторых, воспитать будущих чиновников, попытаться сократить до минимума все, что дала природа человеку, его уникальность и индивидуальность, личностные переживания и оценочные суждения, т.е. обезличить обучающего, сделать его типичным управленцем, лишенным объективного критического мышления. Воспитание фокусировалось на формировании исполнительной дисциплины даже на личностном ментальном уровне. Все это достигалось с помощью специально подобранных методов, таких как заучивание больших объемов текста, комментирование традиционных конфуцианских произведений «Сы шу» (Четыре книги), ритуализирование всего процесса обучения, подавление любой личной инициативы.

Следует заметить, что воспитание не является дополнительной функцией управленческого образования, это фундаментальная задача, которая решалась на всех эта-

пах развития китайского общества и сегодня Коммунистическая партия Китая уделяет самое пристальное внимание данной проблеме. Так, в 2006 году были утверждены правила нравственного поведения для представителей партийной и государственной власти, а лидер КНР Си Цзиньпин сформулировал восемь пунктов кодекса нового облика чиновника и внёс их в устав партии [6].

Таким образом сформировалась национальная система образования со своими преподавателями, студентами, материальной базой, централизованной системой управления образованием, едиными образовательными программами и целым комплексом нормативных документов, которая просуществовала вплоть до 1949 года. Специалисты по-разному оценивают ее эффективность, так как статистика дает неутешительные результаты, с которыми старый Китай пришел к образованию Китайской народной республики. Так, уровень грамотности населения составлял 20–40%, еще меньший процент составляли носители высшего образования, а управленческие вузы Поднебесной вплоть до начала 90-х годов даже не учитывались в международных рейтинговых системах. КНР пришлось приложить значительные усилия, чтобы сломать и модернизировать сложившуюся образовательную систему, оставив при этом все положительное, что накопилось в ходе истории при подготовке государственных служащих

В конце 1997 года в Китае насчитывалось 5,3 миллиона государственных служащих, из которых только 43,7% имели диплом о высшем образовании, 9,9% – диплом колледжа и 0,35% – диплом аспиранта. Очень немногие государственные менеджеры проходили систематическую подготовку по государственному управлению [9, с. 108].

Таким образом, несмотря на сложившуюся историческую традицию обучения государственных служащих и огромную историю административной практики, современной системе государственного управления в высшем образовании меньше 100 лет. За эти годы китайское правительство и научные круги создали курсы по государственному управлению в колледжах и университетах, перевели и внедрили учебники и системы государственного управления из Европы и США, изучили множество проблем в китайской административной практике. Однако это развитие было приостановлено с установлением нового социалистического режима в Китае и корректировкой учебных дисциплин в высших учебных заведениях на несколько лет, вплоть до периода реформ и открытости Китая [8].

Во время великих социальных преобразований и потрясений, происходивших в Китае с 1950-х по 1970-е годы, преподавание и исследования в области административной науки игнорировались, однако уже в 1988 году было создано Китайское общество государственного управления (Chinese Public Administration Society или CPAS), а в 1994 году была официально учреждена Китайская академия управления (ранее называвшаяся Китайской национальной школой управления).

Государственное управление было выделено в самостоятельную дисциплину, колледжи и университеты активно создавали программы государственного управления, а центральные и местные органы власти – школы управления для подготовки государственных служащих. В общей сложности 223 высших учебных заведения получили право предлагать степень магистра государственного управления (MPA), а в настоящее время около 1000 университетов предлагают соответствующие программы бакалавриата более 50 университетов предлагают программы докторантуры по государственному управлению [7, 8].

Сегодня в Китае функционирует эффективная система управленческого образования, включающая различные ступени, начиная от первичной подготовки кадров для государственной службы и заканчивая переподготовкой административных кадров высшего уровня. Главным национальным научным и методическим центром управленческого образования выступает созданная в 1993 году Государственная административная академия для подготовки высших управленческих кадров. В ее задачи входит курирование базовых элементов образовательной системы, начиная с административных институтов на уровне провинций, где проходят обучение служащие среднего и нижнего звена, заканчивая высшими учебными заведениями, осуществляющими подготовку кадров для управленческого аппарата страны. Параллельно с образовательной системой функционирует национальная система приема на государственную службу, имеющая свою нормативную базу. Ежегодно через СМИ доводится информация о наборе на государственную службу, публикуются правила приема, требования к абитуриентам, особенности управленческих должностей, правовые гарантии чиновников и материальное вознаграждение. По статистике ежегодно до полумиллиона претендентов принимают участие в испытаниях и конкурс в среднем составляет около 50 человек на одно место.

Система приема на государственную службу осуществляет предварительную проверку личных данных претендентов, которые заранее предупреждаются, что за подачу ложных документов или списывание во время испытаний могут быть привлечены не только к административной, но и к более серьезной ответственности, вплоть до тюремного заключения. После анализа документов претенденту предстоит проверка знаний в форме экзамена, который, как правило, с целью минимизации злоупотреблений осуществляется в тестовом режиме. Проверяются знания по математике, логике, китайскому языку, используется даже такая форма контроля как написание эссе по заданной тематике. Итогом подобных испытаний является собеседование с претендентом на управленческую должность и опубликование информации об успешно прошедших конкурсный отбор. Вся процедура, начиная с опубликования информации о конкурсе и заканчивая заключением трудового договора с новоиспеченными чиновниками, осуществляется около года, но итоговая точка в приеме на государственную службу будет поставлена лишь по результатам испытательного срока (как правило, осуществляется в течение года), который является обязательным для любой управленческой должности.

Ученость государственного служащего по-прежнему остается приоритетным направлением управленческого образования, без образованного и компетентного чиновника сложно говорить о реализации стратегического национального плана: к 2035 году построить в Китае общество среднего достатка, а к 2050 году – богатое, цивилизованное современное социалистическое государство, занимающее лидерские позиции в мировом развитии.

Литература

1. Елисеефф В., Елисеефф Д. Цивилизация классического Китая / пер. с фр. Д. Лоевского. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 640 с.
2. Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики [Текст]: монография. – М.: Наука, 1982. – 262 с.
3. Малявин В.В. Империя ученых [Текст]: монография / В.В. Малявин. – М.: Европа, 2007. – 384 с.

4. Малявин В.В. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. Серия: «Формы правления». – М.: Европа, 2007. – 304 с.
5. Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй» Исслед. / Пер. с кит., коммент. Факсимильный «Лунь Юя» с коммент. Чжу Си. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 588с.
6. Экзамены для чиновников: опыт Китая [Электронный ресурс]. – URL: <https://profiok.com/news/detail.php?ID=6746#ixzz6iwd4BkJE> (дата обращения: 04.01.2021).
7. Kim P.S. The development of modern public administration in East Asia // *International Review of Administrative Sciences*. 2017. 83(2). P. 225–240. <https://doi.org/10.1177/0020852316685162>
8. Li X., Han Y., & Kim P.S. (2018). The development of China's public administration education // *Teaching Public Administration*. 2018. 36(2) P. 163–177. <https://doi.org/10.1177/0144739418764537>
9. Yang K. Globalization and Public Affairs Education: The Case of China // *Journal of Public Affairs Education*. 2005. 11(2). P. 105–120. <https://doi.org/10.1080/15236803.2005.12001384>

SCHOLARSHIP OF A PUBLIC ADMINISTRATOR IN OLD CHINA: PATHS TO ACHIEVEMENT AND IMPLICATIONS FOR MODERN SOCIETY

Zakharov M.Yu., Shishkova A.V.
State University of Management

The article examines the scholarship of managers in old China, analyzes the ways of achieving it and its significance for modern society. The authors examined the sociocultural attitudes that form the basis of the historically transformed system of training managers, and explored the history of the development of the system of training civil servants in China, from ancient times to the present. Particular attention is paid to the ideas of Confucius, which had a significant

influence on the formation of ideas about the erudition of a manager and the role of bureaucracy in the life of society. The article analyzes the qualities and skills considered necessary for effective government in old China and their relationship with modern requirements for civil servants. The current stage of development of management education institutions and the system of admission to the public service is considered. It is concluded that studying the experience of old China can be useful for the formation of modern approaches to training managers.

Keywords: public administration, civil service, management education, old China, PRC.

References

1. Eliseeff V., Eliseeff D. Civilization of classical China / trans. from fr. D. Loevsky. – Ekaterinburg: U-Factoria, 2007. – 640 p.
2. Confucianism in China: problems of theory and practice [Text]: monograph. – М.: Nauka, 1982. – 262 p.
3. Malyavin V.V. Empire of Scientists [Text]: monograph / V.V. Malyavin. – М.: Europe, 2007. – 384 p.
4. Malyavin V.V. China controlled. Good old management. Series: "Forms of Government". – М.: Europe, 2007. – 304 p.
5. Perelomov L.S. Confucius: "Lun Yu" Research. / Per. from China, comment. Facsimile "Lun Yu" with commentary. Zhu Xi. – М.: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 1998. – 588 p.
6. Exams for officials: the experience of China [Electronic resource]. – URL: <https://profiok.com/news/detail.php?ID=6746#ixzz6iwd4BkJE> (access date: 01/04/2021).
7. Kim P.S. The development of modern public administration in East Asia // *International Review of Administrative Sciences*. 2017. 83(2). P. 225–240. <https://doi.org/10.1177/0020852316685162>
8. Li X., Han Y., & Kim P.S. (2018). The development of China's public administration education // *Teaching Public Administration*. 2018. 36(2) P. 163–177. <https://doi.org/10.1177/0144739418764537>
9. Yang K. Globalization and Public Affairs Education: The Case of China // *Journal of Public Affairs Education*. 2005. 11(2). P. 105–120. <https://doi.org/10.1080/15236803.2005.12001384>

Современное состояние управленческой деятельности младших командиров Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации

Кириенко Ярослав Юрьевич,

соискатель, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Jarik25101987@yandex.ru

В статье рассматривается современное состояние управленческой деятельности младших командиров Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации. Авторы анализируют основные задачи, функции и требования, предъявляемые к младшим командирам, а также факторы, влияющие на эффективность их управленческой деятельности. Особое внимание уделяется вопросам подготовки и профессионального развития младших командиров, а также совершенствования системы управления в подразделениях. Ознакомительно представлена «Социологическая модель управленческой деятельности младших командиров в практике военного руководства» и раскрыты формальный и личностный критерий как ее составляющие компоненты.

Ключевые слова: Вооруженные Силы Российской Федерации, младший командир, подготовка, профессиональное развитие, система управления, социологическая модель, управленческая деятельность, младших командиров в Сухопутные войска, управленческая деятельность.

Младшие командиры являются первичным звеном офицерского состава Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации. Они непосредственно руководят личным составом, отвечают за его воспитание, обучение и подготовку к выполнению боевых задач [4]. От профессиональной компетентности и управленческих навыков младших командиров во многом зависит боеспособность подразделений.

Младшие командиры – сержанты и старшины, возглавляющие в армии и во флоте первичные подразделения (отделения, расчеты, экипажи боевых машин и др.) и являющиеся по своему служебному положению непосредственными начальниками подчиненных солдат и матросов [5].

В современных условиях, в связи с повышением требований к боевой готовности и мобильности войск, роль младших командиров еще более возрастает.

Основными задачами младших командиров являются:

- обеспечение выполнения боевых задач подразделениями;
- воспитание и обучение личного состава;
- поддержание воинской дисциплины;
- организация повседневной жизни и быта военнослужащих.

Младшие командиры выполняют следующие функции:

- *Руководящая.* Организация и руководство деятельностью подчиненных;
- *Воспитательная.* Формирование у военнослужащих высоких морально-боевых качеств;
- *Учебная.* Обучение личного состава военной специальности, тактике и ведению боевых действий;
- *Дисциплинарная.* Поддержание воинской дисциплины;
- *Контрольная.* Контроль за выполнением подчиненными своих обязанностей.

К младшим командирам в Вооруженных Силах РФ предъявляются следующие требования:

- профессиональная компетентность: знание военной техники и оружия, тактики и ведения боевых действий, методики обучения и воспитания;
- организаторские способности: умение ставить задачи, планировать работу, распределять обязанности между подчиненными;
- коммуникативные навыки: умение налаживать деловые отношения с подчиненными, командирами и другими должностными лицами;
- воспитательные качества: личный пример в соблюдении воинской дисциплины, норм морали и этики;
- стрессоустойчивость: способность принимать решения в сложных и быстро меняющихся условиях обстановки.

На эффективность управленческой деятельности младших командиров влияют следующие факторы:

- уровень профессиональной подготовки: чем выше уровень подготовки младшего командира, тем эффективнее он будет управлять своим подразделением;
- опыт военной службы: младшие командиры, имеющие опыт участия в боевых действиях или миротвор-

ческих операциях, как правило, более эффективно управляют своими подразделениями;

- мотивация к военной службе: младшие командиры, которые мотивированы к военной службе, более эффективно выполняют свои задачи;
- взаимоотношения с подчиненными: младшие командиры, которые умеют налаживать деловые отношения с подчиненными, добиваются более высоких результатов;
- материально-техническое обеспечение: чем лучше обеспечено подразделение материально-техническими средствами, тем эффективнее будет работать младший командир.

В.В. Капустин в своем диссертационном исследовании пишет по вопросу подготовки младших командиров: «Модернизация подготовки сержантов требует ее ускоренной профессионализации и включает три уровня формализации: (1) сфера компетенции, (2) специализация, (3) профиль, где сфера компетенции МКС – развитие у личного состава (рядовых) моральных, физических и нравственных качеств» [3, с. 10].

Подготовка младших командиров в Вооруженных Силах РФ осуществляется в военных учебных центрах и учебных воинских частях. В процессе обучения они изучают: основы военной службы; тактику и ведение боевых действий; вооружение, специальную и военную технику; методику обучения и воспитания; основы управления подразделениями.

Профессиональное развитие младших командиров осуществляется в ходе повседневной служебной деятельности. Для этого используются различные формы:

- самостоятельное изучение военной литературы, наставлений и руководств;
- участие в практических занятиях, учениях и тренировках;
- стажировка на вышестоящих должностях;
- посещение курсов повышения квалификации.

Вместе с тем, считаем важным отметить, что среди младших командиров существует специфическая сфера служебной деятельности, а именно – военный вуз. Как пишет Д.С. Сизов: «Традиционно сержант военного вуза выполняет функции по управлению подразделением, обусловленные его должностными обязанностями. В то же время ему делегирован и ряд других функций. Так, по отношению к учебной деятельности отдельных курсантов и курсантских коллективов он реализует организационную, управленческую, контрольную, обучающую, воспитательную, поддерживающую и другие функции. Сержант является субъектом реализации педагогических технологий, помощником педагога и командира, наряду с которыми он непосредственно участвует в процессе обучения и воспитания курсантов» [8].

В последние годы в системе подготовки и профессионального развития младших командиров произошли следующие изменения:

- увеличение продолжительности обучения: программы подготовки младших командиров стали более насыщенными, что позволяет повысить уровень их профессиональной компетентности;
- внедрение новых методов обучения: в процессе обучения используются активные методы обучения, такие как деловые игры, ситуационные задачи и тренинги;
- использование современных информационных технологий: в образовательный процесс внедряются компьютерные тренажеры и электронные учебные пособия.

Однако, несмотря на принимаемые меры, система подготовки и профессионального развития младших ко-

мандиров нуждается в дальнейшем совершенствовании. Необходимо:

- повысить престиж сержантской службы: для привлечения на сержантские должности наиболее подготовленных и мотивированных военнослужащих;
- улучшить материально-техническое обеспечение учебных заведений: для создания современных условий обучения;
- разработать программы обучения, учитывающие специфику боевых задач: которые будут готовить младших командиров к действиям в современных условиях вооруженных конфликтов;
- увеличить количество практических занятий: для отработки навыков управления подразделениями в полевых условиях.

Для повышения эффективности управленческой деятельности младших командиров необходимо совершенствовать систему управления в подразделениях. В частности, необходимо:

- внедрять современные методы управления: такие как ситуационное управление, процессный подход и управление по целям;
- развивать информационно-коммуникационные системы управления: для обеспечения оперативного обмена информацией между командирами и подчиненными;
- делегировать полномочия младшим командирам: что позволит им принимать самостоятельные решения и повысит их ответственность;
- улучшить психологический климат в подразделениях: что будет способствовать сплочению коллектива и повышению эффективности работы.

Несмотря на принимаемые меры, в управленческой деятельности младших командиров существуют ряд проблем:

- недостаточный уровень подготовки некоторых младших командиров: что негативно сказывается на эффективности их работы;
- высокая нагрузка на младших командиров: из-за нехватки личного состава им приходится выполнять несвойственные им функции;
- формализм в системе воспитательной работы: необходим переход к индивидуальному подходу к воспитанию военнослужащих;
- отсутствие системы мотивации младших командиров: для повышения их заинтересованности в качественном выполнении своих служебных обязанностей.

Однако перспективы развития управленческой деятельности младших командиров являются положительными. Мотивировать военнослужащих стремиться стать младшими командирами можно по следующим направлениям:

- Повышение престижа военной службы: делает службу по контракту более привлекательной для молодых людей, что позволит привлечь на сержантские должности более качественный контингент военнослужащих.
- Реализация программ модернизации вооруженных сил: позволит оснастить подразделения современным вооружением и военной техникой, что потребует от младших командиров новых знаний и навыков управления.
- Развитие системы подготовки и профессионального развития младших командиров: повысит их уровень профессиональной компетентности и позволит им эффективно выполнять свои задачи в современных условиях.

В настоящее время проводится ряд мероприятий по совершенствованию подготовки и профессионально-

го развития младших командиров, а также по внедрению современных методов управления в подразделениях. Реализация этих мероприятий позволит повысить эффективность управленческой деятельности младших командиров и обеспечить успешное выполнение боевых задач.

Изучение зарубежного опыта подготовки и деятельности младших командиров позволяет выявить эффективные методы управления, которые могут быть адаптированы к российским реалиям.

- В странах НАТО подготовка младших командиров осуществляется в специализированных учебных центрах по программам, ориентированным на развитие лидерских качеств, навыков принятия решений в сложных ситуациях и управления подчиненными в условиях современного боя. Большое внимание уделяется практическим занятиям, в том числе с использованием компьютерных тренажеров и имитационных моделей.

- В армии США сержантский состав пользуется высоким авторитетом и уважением. Сержанты активно участвуют в воспитательной работе с личным составом, проводят занятия по боевой подготовке и руководят подразделениями в повседневной деятельности. Система мотивации сержантского состава включает в себя дополнительные денежные выплаты, льготы по поступлению в военные вузы и карьерный рост.

Как пишет в своей работе А.В. Брыт: «В вооруженных силах армии США сержанты-инструктора обучают не только солдат, но и, что весьма необычно, вторых лейтенантов (выпускников военных училищ, которые до поступления на учебу не проходили действительной военной службы). Сержантский корпус действительно является «становым хребтом армии США». Профессиональность сержантов очень высока. Однако в чрезмерной требовательности и жесткости к подчиненным проявляется цинизм и изощренное глумление над человеческой личностью. Необходимо учитывать, что работа сержанта осуществляется при постоянном общении личного состава подразделения» [2].

В ходе нашего исследования были выделены следующие пути совершенствования управленческой деятельности младших командиров:

- разработка системы непрерывного профессионального образования [6] для младших командиров, которая позволит им своевременно повышать квалификацию и осваивать новые знания и навыки.
- внедрение системы оценки деятельности [1] младших командиров, основанной на объективных критериях, таких как уровень подготовки подчиненных, сплоченность коллектива, дисциплина и боеспособность подразделения.
- создание системы социальной поддержки [7] младших командиров, которая будет включать в себя достойное денежное довольствие, льготы по жилищному обеспечению, медицинскому обслуживанию и отдыху.
- повышение роли общественных организаций [9] в работе с младшими командирами, таких как Советы сержантов, которые могут способствовать решению социальных проблем младшего командного состава и повышению его общественного статуса.

В ходе нашего исследования, нами была разработана и апробирована социологическая модель управленческой деятельности младших командиров в практике военного руководства (см. рис. 1).

Данная модель позволяет проанализировать факторы, влияющие на эффективность управления, определить пути повышения эффективности управления, подобрать и подготовить младших командиров, осуществить контроль за их деятельностью.

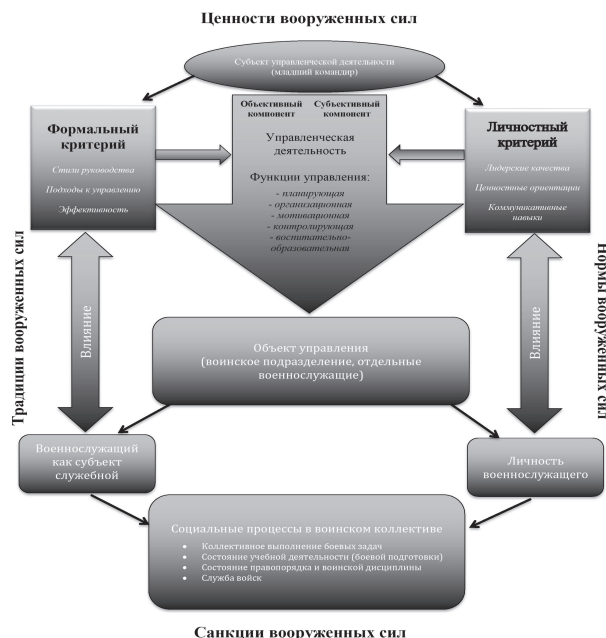

Рис. 1. Социологическая модель управленческой деятельности младших командиров в практике военного руководства

Осветим некоторые из элементов модели, а именно **формальный критерий** и **личностный критерий**.

Как мы видим, формальный критерий включает в себя **стили руководства**, **подходы к управлению** и **эффективность**. Раскроем их подробнее.

Стили руководства. *Авторитарный:* командир единолично принимает решения, отдает приказы, не поощряет инициативу подчиненных. *Демократический:* командир привлекает подчиненных к обсуждению, делегирует полномочия, поощряет инициативу. *Либеральный:* командир предоставляет подчиненным большую свободу действий, но при этом может страдать дисциплина.

Подходы к управлению. *Системный:* командир учитывает все факторы, влияющие на деятельность, и планирует работу на основе системного анализа. *Ситуационный:* командир выбирает стиль руководства и методы работы в зависимости от конкретной ситуации. *Личностный:* командир учитывает индивидуальные особенности подчиненных и строит работу с учетом их психологии.

Эффективность. *Достижение целей:* командир должен ставить перед собой и подчиненными четкие цели и добиваться их выполнения. *Мотивация:* командир должен мотивировать подчиненных на выполнение задач. *Дисциплина:* командир должен поддерживать дисциплину в подразделении и сам быть дисциплинированным.

Личностный критерий включает в себя **лидерские качества**, **ценностные ориентации** и **коммуникативные навыки**. Раскроем подробнее.

Лидерские качества. *Целеустремленность:* командир должен иметь четкие цели и быть настойчивым в их достижении. *Решительность:* командир должен уметь принимать решения в сложных ситуациях. *Ответственность:* командир должен отвечать за свои решения и действия. *Справедливость:* командир должен быть справедливым по отношению к подчиненным.

Ценностные ориентации. *Патриотизм:* командир должен любить свою Родину и быть готовым защищать ее. *Честность:* командир должен быть честным и справедливым. *Добросовестность:* командир должен добросовестно выполнять свои обязанности. *Ответственность:* командир должен быть ответственным за своих подчиненных.

Коммуникативные навыки. *Вербальные качества:* командир должен уметь ясно и четко выражать свои

мысли, ставить задачи однозначно и доходчиво. *Умение слушать*: командир должен уметь слушать и понимать своих подчиненных. *Умение убеждать*: командир должен уметь убеждать подчиненных в правильности задач старшего начальника и своих задач. *Умение налаживать отношения*: командир должен уметь налаживать отношения с подчиненными, коллегами и старшими командирами, стремиться выступать в роли формального и неформального лидера одновременно.

Разработанная нами Социологическая модель управленческой деятельности младших командиров в практике военного руководства является ценным инструментом для научных исследований в области военной социологии и для практической работы по совершенствованию системы военного управления.

В заключение следует отметить, что эффективность управленческой деятельности младших командиров является одним из важнейших факторов боеспособности Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации. Необходимо продолжать работу по совершенствованию системы подготовки и профессионального развития младших командиров, внедрять современные методы управления и повышать их социальный статус.

Литература

1. Гусейнов Р.Д., Гусейнова И.С. Профессиональные и жизненные проекты студентов как значимый показатель личностного развития // Современное общество: к социальному единству, культуре и миру. Материалы международного форума. Ставрополь, 21–22 апреля 2016 г. – Ставрополь: Издательский дом «Тэсэра», 2016. – С. 18–21.
2. Брыт А.В. Основные направления деятельности младших командиров в обеспечении безопасности военной службы // Организация повседневной деятельности в соединениях, воинских частях и организациях Министерства обороны Российской Федерации. Проблемные вопросы и пути их решения: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 09 апреля 2021 года. – Омск: Омский автобронетанковый инженерный институт, 2021. – С. 186–194.
3. Капустин В.В. Социально-управленческие проблемы подготовки сержантов в системе военного среднего специального образования: автореферат дис. ... канд. социол. наук. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 27 с.
4. Колединов А.И. Вооруженные Силы Российской Федерации: их состав и предназначение. Состав, структура и руководство Вооруженных Сил Российской Федерации // Армейский сборник. 2022. № 1. – С. 120.
5. Младшие командиры [Электронный ресурс] // Энциклопедия Министерства обороны Российской Федерации – Режим доступа: https://xn--d1abichglj9dyd8a.xn-90anlfbebar6i.xn-p1ai/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=8193@morfDictionary (дата обращения: 11.03.2024).
6. Мусорина О.А., Сорокина С.Г. Организация воспитательной работы в вузе на уровне кафедры: концепция, содержание, методы оценки эффективности // Образование: опыт и перспективы развития / Чувашский республиканский институт образования. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2019. – С. 72–81.
7. Орлова А.В., Шагбанова Х.С. Оптимизация патриотической работы в вузах России на современном этапе // Образование и право. 2023. № 5. – С. 53–58.
8. Сизов Д.С. Совершенствование практической подготовки сержантов как субъектов учебно-воспитательного процесса в военном вузе: автореферат дис. ... пед. наук. Ульяновск: Омский ГПУ, 2017. – 30 с.
9. Шагбанова Х.С. Патриотизм как социокультурная доминанта // Общество и государство. 2023. № 1 (41). – С. 56–60.

THE CURRENT STATE OF MANAGEMENT ACTIVITY OF JUNIOR COMMANDERS OF THE GROUND FORCES OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kirienko Ya.Yu.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article examines the current state of management activities of junior commanders of the Ground Forces of the Armed Forces of the Russian Federation. The authors analyze the main tasks, functions and requirements for junior commanders, as well as factors influencing the effectiveness of their management activities. Particular attention is paid to the issues of training and professional development of junior commanders, as well as improving the management system in units. The «Sociological model of management activities of junior commanders in the practice of military leadership» is introduced and the formal and personal criteria as its constituent components are revealed.

Keywords: Armed Forces of the Russian Federation, junior commander, training, professional development, management system, Sociological model of management activities of junior commanders in the practice of military leadership, Ground Forces, management activities.

References

1. Guseinov R.D., Guseinova I.S. Professional and life projects of students as a significant indicator of personal development // Modern society: towards social unity, culture and peace. Materials of the international forum. Stavropol, April 21–22, 2016 – Stavropol: Tesera Publishing House, 2016. – pp. 18–21.
2. Bryt A.V. The main activities of junior commanders in ensuring the security of military service // Organization of daily activities in formations, military units and organizations of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Problematic issues and ways to solve them: Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Omsk, April 09, 2021. – Omsk: Omsk Automotive and Armored Engineering Institute, 2021. – P. 186–194.
3. Kapustin V.V. Social and managerial problems of training sergeants in the system of military secondary specialized education: abstract of thesis. ...cand. sociol. Sci. – M.: MGIMO-University, 2015. – 27 p.
4. Koledinov A.I. Armed Forces of the Russian Federation: their composition and purpose. Composition, structure and leadership of the Armed Forces of the Russian Federation Armed Forces // Army collection. 2022. No. 1. – P. 120.
5. Junior commanders [Electronic resource] // Encyclopedia of the Ministry of Defense of the Russian Federation – Access mode: https://xn--d1abichglj9dyd8a.xn-90anlfbebar6i.xn-p1ai/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=8193@morfDictionary (date of access: 03/11/2024).
6. Musorina O.A., Sorokina S.G. Organization of educational work in a university at the department level: concept, content, methods for assessing effectiveness // Education: experience and development prospects / Chuvash Republican Institute of Education. – Cheboksary: Sreda Publishing House LLC, 2019. – P. 72–81.
7. Orlova A.V., Shagbanova Kh.S. Optimization of patriotic work in Russian universities at the present stage // Education and Law. 2023. No. 5. – P. 53–58.
8. Sizov D.S. Improving the practical training of sergeants as subjects of the educational process in a military university: abstract of thesis. ...ped. Sci. Ulyanovsk: Omsk GPU, 2017. – 30 p.
9. Shagbanova Kh.S. Patriotism as a sociocultural dominant // Society and State. 2023. No. 1 (41). – P. 56–60.

Социальные процессы развития профессиональной креативности преподавателей иностранного языка: на примере применения средств арт-терапии

Крутько Елена Александровна,

кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель
Кафедры английского языка и профессиональной
коммуникации, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: eakrutko@fa.ru

В рамках данной статьи представлена разработка модели развития профессиональной креативности преподавателей иностранного языка за счет проектной деятельности в рамках арт-терапии и арт-педагогике. Обращается внимание на связь арт-терапии и арт-педагогике с развитием креативности педагогов, и общую значимость развития профессиональной креативности для реализации педагогами современных педагогических технологий, в частности в рамках иноязычного образования. Результаты диагностики профессиональной креативности свидетельствуют о том, разработанная модель имеет высокую эффективность, обеспечивая существенную динамику развития заявленных параметров и равномерность их развития.

Ключевые слова: креативность, профессиональная креативность, арт-терапия, арт- педагогика, иноязычное обучение.

Развитие профессиональной креативности преподавателей иностранного языка является актуальным текущему моменту вопросом поскольку креативность на текущем этапе выступает как фундамент возможности реализации современных педагогических технологий, в частности проектного метода, геймификации и т.п. Тем самым развитие данного параметра совершенно необходимо для педагога иностранного языка, для которого применение таких технологий становится данностью [6,8]

Проблема формирования и совершенствования креативности преподавателей иностранного языка, а также влияние креативности на эффективность их профессиональной деятельности рассматривалась в различных аспектах, например, формирование творческой компетенции рассмотрено В.В. Мороз [4,5], коммуникативную креативность педагогов изучал А.В. Козикин, но при этом крайне слабо рассмотрена проблема профессиональной креативности, которая необходима при реализации педагогических технологий. На наш взгляд это возможно с помощью арт-технологий, включенных в профессиональную деятельность или ее имитацию, с чем согласны М. Куликова [3] и Д.Б. Богоявленская [1].

Использование арт-технологий для развития креативности диктует необходимость разработки модели развития креативности педагогов в рамках использования арт-технологий в профессиональной деятельности, конкретизации влияния креативности на педагогическую деятельность.

На базе высказанных тезисов мы предлагаем модель развития профессиональной креативности педагогов через за счет реализации тренинговых программ и арт-технологий в профессиональной деятельности

Весь комплекс экспериментальной деятельности решал задачи апробации модели педагогического сопровождения развитию возможностей развития профессиональной креативности педагогов, а также подтверждения эффективности выявленных педагогических условий её применения. При этом проведенный предварительно анализ результатов первого этапа эксперимента, учёт основных идей авторской педагогической модели обусловили включение в формирующий эксперимент не только практической, но и методико-консультативной компоненты. Это обусловлено:

- признанием (по итогам первоначального этапа эксперимента) необходимости расширения представлений преподавателей о роли и возможностях целенаправленного педагогического содействию развития возможностей развития профессиональной креативности педагогов в рамках профессиональной деятельности;
- значением мотивации самих педагогов к расширению арсенала методических средств и приёмов развития возможностей развития профессиональной креативности педагогов, так как уровень низкой мотивации педагогов к творческой деятельности, возможен, обусловлен отсутствием интереса к развитию внеклассной деятельности у самих педагогов.

Развитие мотивации педагогов, целенаправленную работу по их методическому консультированию, помощь в создании собственных творческих кейсов для работы с педагогами мы определили, как содержание первого, методико-консультативного направления эксперимента.

С целью реализации данного направления были проведены с педагогами два практико-ориентированных методических семинара.

На первом были рассмотрены возможности использования во внеурочной профессиональной деятельности с учениками интерактивных технологий. Эти технологии в рамках активизации творческой дополнительного образования базируются на идеях педагогики сотрудничества Ш.А. Амонашвили, И.П. Волкова, Е.Н. Ильина, С.Н. Лысенковой, В.А. Сухомлинского, В.Ф. Шаталова и др. Их применение способствует такой организации деятельности ребёнка, которая максимально задействует возможности коммуникативной и рефлексивной функций творческой работы по группам. Как справедливо подчёркивает Т.А. Печенёва, в отличие от традиционных технологий деятельности, технология интерактивного взаимодействия ориентирует ребят на совместные поведенческие процессы, общие переживания по достижимости и совместную ответственность за результат.

Этому способствовало применение после семинаров педагогами (в ходе практической части формирующего этапа эксперимента) ведение дневников успешности по творческим подгруппам. При этом роль педагогического сопровождения заключалась не только в организации профессиональной деятельности (компонент тьюторства в рамках субъект-субъектного взаимодействия), но в грамотной рефлексии по её окончании, так как подведение итогов, обсуждение по подгруппам успехов, достижений педагогов очень стимулирует их активность. Учёными-психологами, дидактами придаётся большое значение именно эмоциональному аспекту совместной деятельности, так как он обеспечивает её качество, а также своего рода «творческое озарение» ребёнка, одновременно его эффекта

Целью статьи является теоретическое и эмпирическое изучение эффективности модели развития профессиональной креативности преподавателя иностранного языка средствами арт-терапии. Для достижения поставленной цели был проведен комплексный эксперимент. Исследование эффективности модели развития профессиональной креативности преподавателя иностранного языка средствами арт-терапии осуществлялось на базе Финансового университета при Правительстве РФ. Были сформированы экспериментальная и контрольная группы. Каждая группа состояла из 35 человек.

В экспериментальном исследовании были использованы следующие диагностические методики:

- интеллектуальная креативность: модифицированный и адаптированный вариант набора креативных тестов Вильямса;
- индивидуальная креативность: диагностика личностной креативности Е.Е. Туник;
- эмоциональная креативность: адаптированный вариант опросника Дж. Эйврилл;
- социальная креативность: моделирование социальных ситуаций Д. Кейфера.

В рамках формирующего этапа эксперимента в рамках развития креативности педагогов средствами арт-терапии в профессиональной деятельности являлось стимулирование творческой проектной деятельности социально-ориентированной направленности. В данном направлении прикладным решением явилась разработка программы «Проектная деятельность как средство

формирования творчески-познавательной активности педагогов методами арт-педагогики»

В программу входит теоретический материал с рисунками, схемами и т.п.; списки литературы по теме; ссылки на презентации, видео; ссылки на тематические сайты, площадки, профессиональные блоги и т.п.

Проектная работа с педагогами в рамках процесса активизации их творческого потенциала средствами арт-педагогики в профессиональной деятельности характеризовалась следующими особенностями:

1. Была ориентирована на развитие не только креативности, креативного мышления, но и качеств гражданственности, ответственности, чувства сопричастности к реализуемым общественно-полезным делам в своей стране (районе, городе, регионе и т.п.). В данном направлении выбирались темы проектов экологической, социально-коммуникативной, социально-творческой и т.п. направленности.
 2. Отдельные проекты по согласованию педагогов являлись интегративными, общая тема разрабатывалась педагогами, занимающимися в кружках, студиях, секциях и т.п. творческой (изобразительное искусство, музыка, народное творчество и т.п.), технической (робототехника, конструирование и т.п.), естественнонаучной (юные друзья природы и т.п.) направленности. Примером такого проекта можно назвать: «Дружба и сотрудничество», «Возрождение». По итогам месяца совместной работы, интегрированные проектные группы обучающихся составили свои мини проекты и провели вечер творческих достижений.
 3. Отдельные проекты (по согласованию педагогов) реализовывались на основе взаимосвязи урочной и дополнительного образования по двум-трём смежным дисциплинам (русский язык, история, изобразительное искусство). При этом преподаватели дисциплин (не задействованные в рамках профессиональной деятельности) выступали консультантами и модераторами проектов. Примером такого проекта, на наш взгляд, можно считать «Обучая учимся сами».
 4. Проектная деятельность осуществлялась по творческим группам в 4–6 человек. При её организации использовались дифференцированно-групповой и личностно-ориентированный подходы. При этом всемерно был реализован принцип творческой самостоятельности педагога (для этого им первоначально был предложен специализированный опросник
 5. В ходе творческой проектной деятельности педагог выступал, в первую очередь, тьютором, содействуя пониманию и анализу решаемой социально-ориентированной проблемы; выявлению необходимых для работы ресурсов, в том числе, и интернет-ресурсов; проведению элементарного творческого исследования и оформлению материалов (в виде презентаций, видеороликов)
- Мы предполагаем, что интегральным условием развития креативности должна выступать включенность в деятельность, в случае педагогов профессионально-ориентированные ситуации. Определение и уточнение факторов, способствующих развитию креативности, являются одним из направлений проведенного нами экспериментального исследования.

Далее обратим внимание на эффективность модели формирования творческих способностей преподавателей иностранного языка, за счет реализации арт-технологий [2].

Диагностика осуществлялась по методикам, указанным ранее. Сравнительные результаты диагностики креативности представлены на Рис. 1.

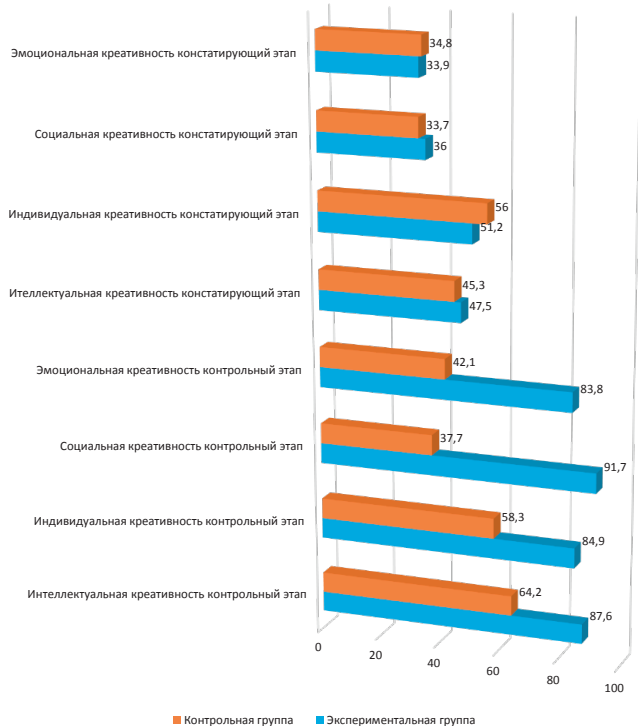

Рис. 1. Результаты экспериментального исследования профессиональной креативности педагогов

Полученные данные позволяют сделать однозначный вывод о том, что показатели экспериментальной группы, после реализации программы существенно выше показателей контрольной группы, экспериментальная группа демонстрирует позитивную динамику изменений более чем на 50%. Особенно следует подчеркнуть различия в уровне развития эмоциональной и социальной креативности, показатели которой почти не изменились в контрольной группе, на фоне значимых изменений в экспериментальной, это на наш взгляд связано с эффективностью арт-технологий и проектной деятельности в русле развития именно эмоциональной и социальной сфер личности [6,7].

Полученные результаты говорят о высокой эффективности представленной модели. Данные показывают, что уровень динамики развития компонентов профессиональной креативности в экспериментальной группе испытуемых в среднем составляет 42%. При том, что в контрольной группе уровень динамики развития в целом незначителен и неравномерен. Стоит обратить внимание на то, что в контрольной группе существенна лишь динамика развития интеллектуальной креативности, при этом в экспериментальной группе заметен равномерный рост всех параметров.

В ходе проведенного исследования была разработана модель развития профессиональной креативности преподавателя иностранного языка средствами арт-терапии.

Результаты диагностики профессиональной креативности свидетельствуют о том, разработанная модель имеет высокую эффективность, обеспечивая существенную динамику развития заявленных параметров и равномерность их развития.

Литература

1. Богоявленская Д.Б. К проблеме соотношения общих, специальных и творческих способностей (на примере математической одарённости), Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 14. № 2. С. 277–297

2. Казикин А.В. Воспитание коммуникативной креативности у будущих педагогов: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Казикин Андрей Владимирович; [Место защиты: Юж.-Ур. гос. гуманитар.-пед. ун-т]. – Магнитогорск, 2017. – 220 с
3. Куликова К.М. Самостоятельная работа студентов экономических специальностей в неязыковом вузе как метод повышения уровня профессиональных компетенций, Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1(92). С. 226–229.
4. Мороз, В.В. Развитие креативности студентов: монография / В.В. Мороз; Оренбургский гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2011. – 183 с.
5. Мороз В.В. Креативный подход к преподаванию профессионально-ориентированного иностранного языка // Вестник ОГУ. 2017. № 2 (202). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-podhod-k-prepodavaniyu-professionalno-orientirovannogo-inostrannogo-yazyka> (дата обращения: 10.07.2023).
6. Boden, Margaret A. The creative mind: myths and mechanisms / Margaret A. Boden. – 2nd ed. – NY: Sage, 2016. – 344 p.
7. Creativity Theories and Themes: Research, Development, and Practice Mark / A. Runco. – San Diego: Elsevier Inc., 2015. – 492 p.
8. Egah, Mary G. Creativity and Invention in Teaching and Learning of English Language in the Department of English Language College of Education, Akwanga / Mary G. Egah // Journal of Teacher Perspective. – Volume 10. – No. 1. – December, 2015. – ISSN 2006-0173
9. Ivcevic, Z. Emotional intelligence and emotional creativity / Z. Ivcevic, M.A. Bracckett, J.D. Mayer [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: <http://oxbow.sr.unh.edu/zivcevic>

SOCIAL PROCESSES IN THE DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL CREATIVITY OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS: THE EXAMPLE OF THE USE OF ART THERAPY TOOLS

Krutko E.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This article presents the development of a model for the development of professional creativity of foreign language teachers through project activities within the framework of art therapy and art pedagogy. Attention is drawn to the connection of art therapy and art pedagogy with the development of creativity of teachers, and the general importance of the development of professional creativity for the implementation of modern pedagogical technologies by teachers, in particular within the framework of foreign language education. The results of the diagnosis of professional creativity indicate that the developed model has high efficiency, providing significant dynamics of the development of the declared parameters and uniformity of their development.

Keywords: creativity, professional creativity, art therapy, art pedagogy, foreign language education.

References

1. Bogoyavlenskaya D.B. On the problem of correlation of general, special and creative abilities (on the example of mathematical giftedness), Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2017. Vol.14. No.2. pp.277–297
2. Kazikin A.V. Education of communicative creativity among future teachers: dissertation... Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.08 / Kazikin Andrey Vladimirovich; [Place of protection: South.-Ur. state humanities.-ped. un-t]. – Magnitogorsk, 2017. – 220 s
3. Kulikova K.M. Independent work of students of economic specialties in a non-linguistic university as a method of increasing the level of professional competencies, the world of science, culture, education. 2022. No.1(92). pp. 226–229.

4. Moroz, V.V. Development of students' creativity: monograph / V.V. Moroz; Orenburg State University. Orenburg: OSU, 2011. – 183 p.
5. Moroz V.V. Creative approach to teaching a professionally oriented foreign language // Bulletin of OSU. 2017. No.2 (202). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnyy-podhod-k-prepodavaniyu-professionalno-orientirovannogo-inostrannogo-yazyka> (date of application:10.07.2023).
6. Boden, Margaret A. The creative mind: myths and mechanisms / Margaret A. Boden. –2nd ed. – NY: Sage, 2016. – 344 p.
7. Creativity Theories and Themes: Research, Development, and Practice Mark / A. Runco. – San Diego: Elsevier Inc., 2015. – 492 p.
8. Egah, Mary G. Creativity and Invention in Teaching and Learning of English Language in the Department of English Language College of Education, Akwanga / Mary G. Egah // Journal of Teacher Perspective. – Volume 10. – No. 1. – December, 2015. – ISSN 2006-0173
9. Ivcevic, Z. Emotional intelligence and emotional creativity / Z. Ivcevic, M.A. Bracckett, J.D. Mayer [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: <http://oxbow.sr.unh.edu/zivcevic>

Организационные аспекты реализации сотрудничества в публичных проектах

Савинов Юрий Игоревич,

аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет
E-mail: Savinov.y8@gmail.com

В статье рассмотрен терминологический аппарат, затрагивающий механизмы сотрудничества сторон в реализации публичных проектов. Выявлены признаки публичного проекта. Обозначены модели публично-частного партнерства и стадии зрелости систем ПЧП. Представлены формы взаимодействия сторон в реализации публичных проектов. Обозначена роль оценочных критериев в совершенствовании системы ПЧП в стране.

Ключевые слова: публичный проект, публично-частное партнерство, государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство, инвестиции.

Реализация публичных проектов является относительно новой и в значительной мере прикладной практикой, которая все еще не получила достаточного освещения в научном дискурсе [5, с. 37]. В данной связи исследование различных аспектов реализации публичных проектов представляется нам теоретически значимой и актуальной тематикой.

Проблема выработки эффективной стратегии полноценного сотрудничества сторон в контексте реализации публичных проектов должна быть решена в ближайшее время, ведь налаженные механизмы взаимодействия выступают одним из важнейших условий модернизации национальной социально-экономической системы и формирования стабильной обстановки в стране. Интеграция государственного сектора в систему рыночных отношений состоялась в нашей стране относительно недавно, а далеко не все возможные схемы сотрудничества введены в реальную практику [6, с. 364].

Еще одним аргументом в пользу важности и актуальности рассматриваемой тематики выступает наличие дефектов в существующих отечественных практиках сотрудничества общества, бизнеса и государства. Речь идет об отсутствии адекватного взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти, о коррупционных проявлениях при освоении бюджетных средств, об отсутствии единой системы органов публичной власти в России, об игнорировании мнений и интересов массовой общественности [7, с. 253].

Публичный проект можно без преувеличения назвать одним из важнейших феноменов третьего тысячелетия. С начала XXI в. законы, регламентирующие правоотношения, возникающие в ходе реализации публичных проектов, принимают Япония, страны Африки и Латинской Америки, Центральной, Восточной и Западной Европы, США и Великобритания. Разработкой руководств и стандартов в рассматриваемой нами области занимаются авторитетные международные организации – Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли, Комиссия Европейского Союза, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международный банк и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и др. [3, с. 17].

Следует отметить, что в зарубежной науке и практике форма партнерства, включающая участие государства, частного бизнеса, инвесторов и граждан в реализации публичных проектов, именуется термином *Public Private Partnership* (публично-частное партнерство). В отечественной научной литературе и в законодательном нормативном массиве используются категории «государственно-частное партнерство», «муниципально-частное партнерство». В данной связи исследователи, в попытках адаптировать мировой опыт и унифицировать терминологию, предлагают обобщенно именовать все подобные практики «частно-общественным партнерством», «публично-частным партнерством» и др. терминами – более широкими, чем преобладающие на российском пространстве термины «государственно-частное партнерство» (ГЧП) и «муниципально-частное партнер-

ство» (МЧП) [3, с. 17]. В рамках данной статьи будет использоваться термин «публично-частное партнерство» как наиболее семантически широкий в отношении всех вышеперечисленных категорий.

Прежде чем проанализировать ключевые организационные аспекты взаимодействия сторон в реализации публичных проектов, требуется обозначить конституирующие признаки публично-частного партнерства:

- 1) Уникальный круг субъектов (участников партнерских отношений): государство с одной стороны и разнообразные частные акторы – с другой;
- 2) Публичный характер продуцируемых в ходе осуществления совместной деятельности объектов или услуг;
- 3) Консолидация ресурсов публичных и частных акторов;

- 4) Опора на преимущества и сильные стороны, которыми располагает каждый из участников партнерских отношений;
- 5) Обмен ресурсами, которыми наделен каждый из участников партнерства;
- 6) Распределение рисков и ответственности между участниками партнерства;
- 7) Наличие законодательного базиса и методологической составляющей, позволяющей обеспечить эффективность проекта [8, с. 221].

Как показывает обзор зарубежной и отечественной практики, взаимодействие между частными предпринимателями, государством, финансовыми (инвестиционными) структурами и общественностью распространяется на широкое количество форматов совместной работы, и ГЧП/МЧП является лишь одним из них (Рисунок 1).

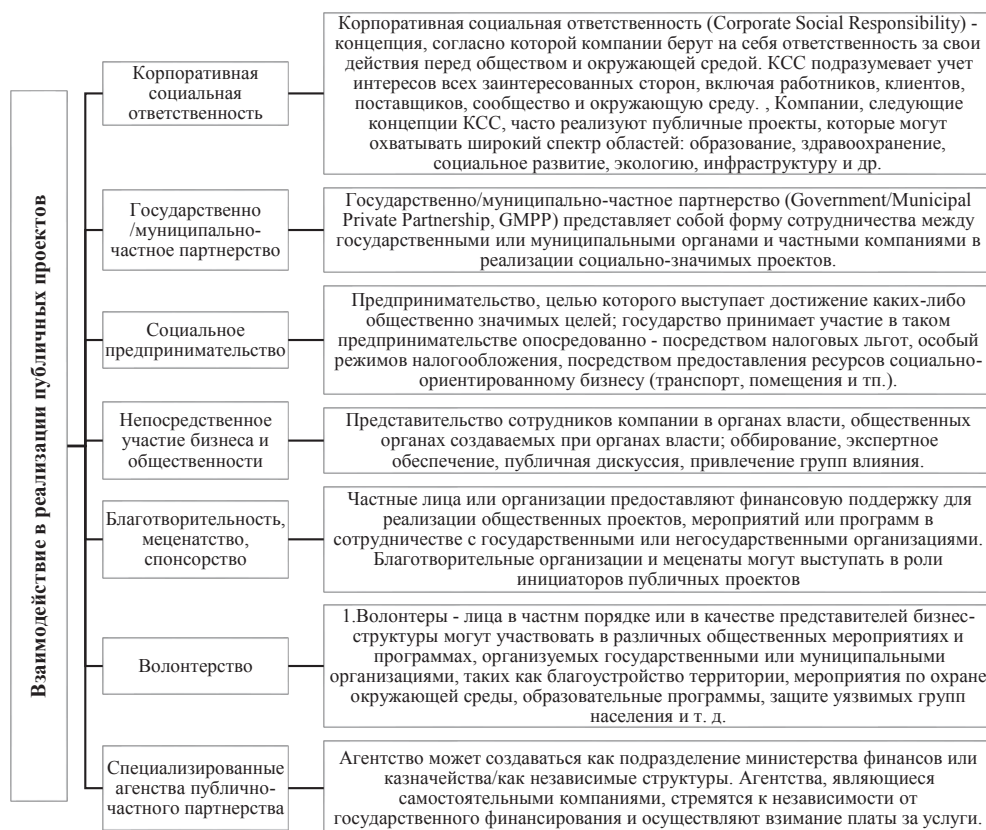

Рис. 1. Формы взаимодействия сторон в реализации публичных проектов

Примечание: источник – собственная разработка с использованием данных [1, с. 4502]

Агентства (см. Рис. 1) являются относительно новой формой взаимодействия между сторонами реализации публичных проектов. Агентства можно классифицировать на основании различных критериев – к примеру, по уровню управления и по объему выполняемых функций. По объему выделяемых функций можно выделить агентства, имеющие исключительно полномочия по контролю над реализуемым проектом, и агентства с широким кругом полномочий, включая разработку стратегий развития и управления рынком публично-частного партнерства. Такие агентства могут оказывать консультационные услуги, сопровождать сделки, распределять финансовые потоки и т.п. [2, с. 46].

Агентство может создаваться либо в качестве подразделения министерства или другого ведомства, либо в качестве отдельной бизнес-структуры. В первом случае преимуществами являются лучшая координация деятельности агентства с государственными органами,

а во втором – отсутствие конфликта интересов между публичным и частным партнерами.

Как показывает зарубежная практика, большинство агентств публично-частного партнерства не имеет отраслевой «привязки». Среди исключений отметим Highways Agency (Великобритания), которое реализует публичные проекты исключительно в области дорожного строительства, Transnet (ЮАР), которое действует в области коммерческих железнодорожных перевозок, морских портов и трубопроводов. Более эффективными являются агентства с широкими полномочиями, имеющего технические и финансовые ресурсы.

В России некоторое время назад зарубежный опыт был успешно адаптирован под специфику местных реалий: в стране появились собственные агентства. Тем не менее, большинство из них находится в фазе становления или реализовано в незначительном масштабе, не соответствующем объемам национальной экономики (Таблица 1).

Таблица 1. Институциональные акторы (агентства), занятые вопросами публично-частного партнерства в России

Агентство	Год создания	Функциональный спектр
Центр ГЧП Внешэкономбанка	2007	Обслуживание деятельности органов государственного управления по применению инструментов партнерства для реализации отраслевых и региональных проектов.
Центр развития ГЧП	2009	Сопровождение проектов, НИОКР, экспертиза законодательства, подготовка кадрового резерва, информационная поддержка.
Институт развития ГЧП	2012	Повышение квалификации и профессиональная переподготовка, разработка и внедрение профессиональных и образовательных стандартов в области публично-частного партнерства, исследования, развитие инфраструктуры, механизмов проектного финансирования, модернизация нормативно-правовой базы.
Дирекция государственного заказчика по реализации ФЦП «Модернизация транспортной системы России» при Минтрансе	2004	Подготовка предложений по привлечению инвесторов для реализации проектов, совершенствованию нормативной базы, разработка и внедрение новых механизмов взаимодействия и реализации публичных проектов (в сфере транспорта и транспортной инфраструктуры).
Координационный совет по ГЧП при Министерстве экономического развития	2014	Совершенствование соответствующего сегмента законодательного массива, разработка предложений по формированию и реализации государственной политики, а также предложений по реализации крупных инфраструктурных проектов.

Примечание: источник – собственная разработка с использованием данных [2, с. 49]

Как показывает анализ текущей практики – российской и зарубежной, в развитии организационной структуры публично-частного партнерства можно выделить

несколько типов систем. Ключевым критерием для подобной классификации могут стать стадии зрелости механизмов публично-частного партнерства (Таблица 2).

Таблица 2. Типы моделей публично-частного партнерства по степени оформленности механизмов сотрудничества

Тип модели	Характерные черты модели ПЧП	Примеры стран
Модель на стадии становления	Формирование законодательства и рамочных условий механизмов ПЧП. Инициатором реализации публичных проектов выступает государство. Создание органов управления публичными проектами, формирование рынка проектов ПЧП.	Страны Восточной Европы, Латинской Америки, Азии, в т.ч. Индия, Бразилия, Россия и др.
Модель на стадии формирования	Развитие форм сотрудничества в рамках реализации публичных проектов, возникновение «гибридных» форм финансирования, создание агентств и специальных департаментов и комиссий в отраслевых органах государственной власти.	Страны Западной Европы, США, Канада, Япония, Новая Зеландия.
Модель на стадии зрелости	Совершенствование форм сотрудничества и появление комплексных программ, активное и непрерывное взаимодействие государственного и частного секторов. Расширение спектра лиц, участвующих в ПЧП: пенсионные фонды, фонды прямых инвестиций, отраслевые фонды и др. Передача управленческого опыта частного сектора государственному. Повышение доли физических лиц в управлении и финансировании публичных проектов.	Великобритания, Австралия.

Примечание: источник – собственная разработка с использованием материалов [8, с. 227]

Для того, чтобы переходить от одной из стадий к другой и внедрять, таким образом, более совершенную модель публично-частного партнерства в реализации публичных проектов, требуется иметь в распоряжении четкий набор оценочных параметров и критериев для определения качества исполнения конкретного публичного проекта. Тщательная и глубокая оценка публично-частного проекта позволяет учесть допущенные ошибки и недочеты в будущем и закрыть законодательные, нормативные, организационные, методологические пробелы в реализации проектов. В данной связи неудивительно, что определение критериев является одной из важнейших теоретико-методологических проблем реализации публично-частного-партнерства.

Оценка успешности реализации публичного проекта осуществляется, как правило, на основании следующих критериев:

1) Достижение целей и задач проекта: измерение фактических достижений и их сравнение с запланированными показателями.

2) Эффективность распределения бюджета проекта и степень перерасхода. То, каким образом были использованы выделенные средства, является важным критерием успешности проекта.

3) Соответствие срокам: сроки реализации проекта крайне важны, ведь во многих крупных инфраструктурных/социальных проектах любой день простоя или задержки влечет за собой выход за рамки бюджета проекта.

4) Качество исполнения проекта: оценка качества выполненных работ является ключевым критерием успешности публичного проекта. Это включает в себя анализ соответствия выполненных работ установленным стандартам, оценку удовлетворенности заказчика и конечных пользователей проекта.

5) Качество взаимодействия между заинтересованными сторонами: оценка должна учитывать качество сотрудничества между участниками проекта.

6) Социальная значимость публичного проекта. В отношении последнего из вышеперечисленных пунктов следует отметить следующее: отличием оценки

публичного проекта от других видов проектной деятельности выступает преобладающая значимость социального критерия. На первый план выходит степень общественной полезности – улучшение качества предоставляемых общественности благ и услуг, совершенствования систем управления государственной собственностью. Анализ эффективности реализации публичного проекта должен учитывать значимость для роста обязательного потребления данного блага всем населением и обуславливаемую ею необходимость обеспечения равного доступа к его потреблению [4, с. 10].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- 1) В зарубежной науке участие государства, частного бизнеса, инвесторов и граждан в реализации публичных проектов именуется Public Private Partnership. В отечественной научной литературе и в законодательном массиве используются категории «государственно-частное партнерство», «муниципально-частное партнерство».
- 2) Ключевыми признаками публично-частного партнерства выступают: уникальный круг субъектов (государство и разнообразные частные акторы); публичный характер, консолидация государственных и частных ресурсов; распределение рисков и ответственности; наличие законодательного базиса и методологической составляющей.
- 3) Существуют разные формы взаимодействия сторон в реализации публичных проектов: корпоративная социальная ответственность, прямые инвестиции, волонтерство, меценатство, спонсорства и проч. Агентства являются относительно новой формой взаимодействия между сторонами реализации публичных проектов.
- 4) В развитии организационной структуры публично-частного партнерства можно выделить несколько типов систем. Ключевым критерием для подобной классификации могут стать стадии зрелости механизмов публично-частного партнерства.
- 5) Для того, чтобы внедрить более совершенную модель публично-частного партнерства в реализации публичных проектов, требуется иметь в распоряжении четкий набор оценочных параметров и критериев для определения качества исполнения конкретного публичного проекта. Тщательная и глубокая оценка публичного проекта позволяет учесть допущенные ошибки и недочеты в будущем.

Литература

1. Вашаломидзе, Е.В. Оценка социальной эффективности механизмов взаимодействия органов публичной власти и бизнеса в целях повышения социальной защиты населения / Е.В. Вашаломидзе, И.А. Чаленко // КЭ. –2021. –№ 12. – С. 4499–4520.
2. Горяинова, Л.В. Институты управления взаимодействием публичных и частных партнеров при реализации инфраструктурных проектов / Л.В. Горяинова // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 7. – С. 45–50.
3. Золотников, Н.В. Публично-частное партнерство как более совершенный механизм реализации общественно значимых проектов / Н.В. Золотников // Вестник ГУУ. – 2016. – № 9. – С. 16–23.
4. Игнатова, Т.В. Критерии и инструменты оценки общественной эффективности проектов государственно-частного партнерства / Т.В. Игнатова, В.Ф. Марадудина // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 4. – С. 7–12.

5. Митасов, П.А. Использование инструментария государственно-частного партнерства в рамках реализации социально-ориентированных проектов / П.А. Митасов, Б.М. Мусаева // Деловой вестник предпринимателя. – 2022. – № 4 (10). – С. 36–42.
6. Мяснянкина, О.В. Взаимодействие власти и бизнеса в формате государственно-частного партнерства / О.В. Мяснянкина // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 2 (36). – С. 362–368.
7. Полтавченко, И. Г. практическая реализация отдельных полномочий органами публичной власти в регионах / И.Г. Полтавченко // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 251–254.
8. Родионова, О.Ю. Зарубежный опыт и модели правового регулирования публично-частного партнерства / О.Ю. Родионова // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 2. – С. 221–229.

ORGANIZATIONAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF COOPERATION IN PUBLIC PROJECTS

Savinov Yu.I.
Baikal State University

The article considers the terminology that affects the mechanisms of cooperation between the parties in the implementation of public projects. Signs of a public project have been identified. Models of public-private partnerships and stages of maturity of PPP systems are outlined. The forms of interaction between the parties in the implementation of public projects are presented. The role of evaluation criteria in improving the PPP system in the country is outlined.

Keywords: public project, public-private partnership, public-private partnership, municipal-private partnership, investments.

References

1. Vashalomidze, E.V. Assessment of the social effectiveness of mechanisms of interaction between public authorities and business in order to increase social protection of the population / E.V. Vashalomidze, I.A. Chalenko // KE. –2021. –No. 12. – pp. 4499–4520.
2. Goryainova, L.V. Institutes for managing the interaction of public and private partners in the implementation of infrastructure projects / L.V. Goryainova // Theory and practice of social development. – 2017. – No. 7. – P. 45–50.
3. Zolotnikov, N.V. Public-private partnership as a more advanced mechanism for the implementation of socially significant projects / N.V. Zolotnikov // Vestnik GUU. – 2016. – No. 9. – P. 16–23.
4. Ignatova, T.V. Criteria and tools for assessing the social effectiveness of public-private partnership projects / T.V. Ignatova, V.F. Maradudina // News of universities. Sociology. Economy. Policy. – 2016. – No. 4. – P. 7–12.
5. Mitasov, P.A. Using the tools of public-private partnership in the framework of the implementation of socially oriented projects / P.A. Mitasov, B.M. Musaeva // Business Bulletin of the Entrepreneur. – 2022. – No. 4 (10). – P. 36–42.
6. Myasnyankina, O.V. Interaction between government and business in the format of public-private partnership / O.V. Myasnyankina // Innovative economics: prospects for development and improvement. – 2019. – No. 2 (36). – pp. 362–368.
7. Poltavchenko, I. G. practical implementation of certain powers by public authorities in the regions / I.G. Poltavchenko // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 1. – pp. 251–254.
8. Rodionova, O. Yu. Foreign experience and models of legal regulation of public-private partnership / O. Yu. Rodionova // Bulletin of RUDN University. Series: Legal sciences. – 2014. – No. 2. – pp. 221–229.

Роль образования в преодолении цифрового неравенства

Серезко Татьяна Алексеевна,

к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: serezhko@mail.ru

Гармашов Денис Олегович,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: garm799@gmail.com

Нарастающий уровень цифровизации требует достаточно низкого уровня цифрового неравенства. С помощью проведенного исследования автор статьи доказал, что образование является эффективным инструментом преодоления цифрового неравенства, оно способно увеличивать цифровые компетенции лиц, приближая их к уже обученным индивидам. Итогом работы является предложение широкого распространения на практике программы повышения цифровой компетенции населения, которая будет основана на предложенном автором курсе, позволяющем решить проблему цифрового неравенства в нашей стране.

Ключевые слова: цифровое неравенство, цифровой разрыв, цифровые компетенции, обучение цифровым компетенциям, цифровая свобода.

Цифровое неравенство по мере увеличения, как объективного, так и субъективного уровня цифровизации в России, становится все более значимой проблемой. Как отмечает А.В. Гурьянова, если цифровое неравенство сохранится на высоком уровне, многие государственные цели не будут реализованы наиболее эффективно, качество жизни лиц с низкими цифровыми возможностями постоянно будет снижаться, а практически все сферы жизнедеятельности человека не будут иметь желаемой результативности [2]. Кроме того, часть населения, имеющая низкую цифровую доступность, может считать себя «отрезанной» от мира, который стремительно переводится в цифровую реальность, что формирует в том числе эмоционально-психологические проблемы. Несмотря на наличие обозначенных трудностей, на сегодняшний день реализуется недостаточно мер по их преодолению. При этом основная проблематика заключается не столько в недоступности технических средств, гарантирующих цифровое равенство, сколько в отсутствии умений ими воспользоваться. Опросы ВЦИОМ [5] показывают, что в 2018 году 19% респондентов не пользовались Интернетом, в 2023 – уже лишь 16%. При этом именно у старшего поколения возникают наибольшие проблемы – в 2018 году 50% респондентов в возрасте старше 60 лет не пользовались Интернетом, в 2023 году число сократилось до 41%, но все равно этот показатель остается существенным. Таким образом, поддержки и развития требует образование, способное наделить человека нужными знаниями в современном цифровом мире, что обуславливает актуальность темы исследования.

В наиболее развитых в цифровом отношении странах, вопросом цифрового неравенства занялись еще в конце двадцатого века. Так, например, уже в 1995 г. в США начали выходить регулярные статистические отчеты Национального управления по телекоммуникациям и информации Министерства торговли США, в которых изучалась проблема включения граждан в цифровую сферу. За несколько лет исследователи пришли к выводу, что «цифровой разрыв» (аналог понятия «цифровое неравенство») – одна из важнейших проблем, которая находится в рамках не только экономических прав человека, но и гражданских. Уже в то время было установлено, что, традиционно, такой разрыв существует между городскими и сельскими жителями. Отметим, что проблема сохраняется до сих пор, но уже является менее существенной. Дополнительно отчеты содержали следующие факторы, выявленные в ходе корреляционного анализа, на которых акцентирует внимание И.А. Троян, и согласно которым, цифровое неравенство усугубляется при [4]:

- 1) низких доходах граждан;
- 2) пенсионном возрасте индивида;
- 3) недостаточно высоком уровне образования;
- 4) географических особенностях, к которым можно отнести, либо проживание на отдаленных территориях, или причисление себя к малым коренным народам, обитающим на специфической местности.

Отчеты привлекли значительное внимание общественности и политиков и стали основой для дальнейших исследований. В 2002 г. Э. Харгиттай [6] вывел определение второго уровня цифрового неравенства, под ко-

торым он подразумевал разницу, существующую у лиц в отношении их цифровых навыков. А.А. Гладкова [1] верно указывает, что это было крайне важным открытием для сферы образования, так как было доказано, что само обладание объектом, формирующим цифровую свободу, недостаточно для констатирования ликвидации цифрового неравенства – лицо обязано уметь владеть этим объектом, грамотно его использовать, то есть обладать определенной цифровой компетентностью.

В начале двадцать первого века цифровое неравенство стало проблемой даже для развитых стран, грозящей настоящим социальным потрясением, расслоением и расколом общества. Причина заключается в том, что, помимо прочего, цифровое неравенство может быть обусловлено возрастом. До сих пор многие российские пенсионеры не предполагают, как реализовать элементарные действия, которыми владеют их внуки-дошкольники, например, запустить компьютер, создать личный аккаунт, отправить СМС-сообщение неизвестному адресату и так далее. Современные поколения «Альфа» и «Зуммеры» выросли в цифровом мире, потому их цифровые компетенции крайне высоки, в противоположность им находятся «буммеры» и некоторые «иксы», посередине – «миллениалы», которые являют собой некий соединяющий элемент в изучаемой сфере сразу между четырьмя поколениями. Таким образом, именно цифровые навыки являются проблемой, без решения которой цифровое неравенство не сможет быть преодолено. В рамках одной семьи может жить бабушка («буммер»), мать («икс») и сын («зуммер»). По объективным (современное обучение требует наличие персонального компьютера и смартфона) и субъективным («зуммер» крайне заинтересован в новых технологиях) причинам в семье есть технические средства и первый уровень цифрового неравенства ликвидирован – у каждого одноклассника «зуммера» есть персональный компьютер и смартфон. Однако, если мать является начинающим пользователем таких гаджетов, сын – продвинутым пользователем, то бабушка – не имеет отношения к такой технике. В результате, колоссальное цифровое неравенство второго уровня демонстрируется в рамках одной семьи.

Я. ван Дейк отмечал, что нельзя указывать лишь на неумение применять цифровые средства [7]. Ученый выделил четыре фактора, от которых больше всего зависит цифровое неравенство населения: мотивация, физические возможности, цифровые компетенции и уровень пользования. В первом случае индивид отвечает для себя на вопрос – желает ли он по собственной воле применять цифровые технологии. Отметим, что, без должного образовательного воздействия, это вновь вопрос поколений. Физическая возможность, как уже было продемонстрировано, с каждым годом в большинстве случаев увеличивается – даже «буммер» может получить доступ к компьютеру. Цифровые компетенции – это навыки для реализации ряда функций, например, индивид может отправить сообщение, найти информацию в Интернете и пр. Уровень пользования отображает, насколько такие компетенции глубоки. Предположим, пользователь знает не только, как отправить сообщение, но и как изменить в нем шрифт, добавить изображение и так далее. Таким образом, на три фактора из четырех может и должно оказывать влияние образование.

С помощью образовательных программ человек может овладеть необходимым уровнем управления тем или иным цифровым устройством. На данный момент занятия в школах по информатике, призванные предоставлять базовые знания, необходимо совершенствовать. Наиболее важной проблемой является недостаточность раздела по информационной безопасности, низкий уро-

вень которой неблагоприятно влияет на цифровое неравенство.

После завершения формального образования (обучение в общеобразовательной школе, колледже или университете) доступны курсы, которые способны развивать цифровые навыки по желаемым направлениям до нужного уровня. На данный момент такие курсы достаточно распространены, среди них есть бесплатные занятия, что является крайне важным аспектом.

Нельзя не отметить, что часть населения, особенно «буммеры», намеренно отказываются от пользования цифровыми технологиями вследствие отсутствия гибкости мировоззрения. Их позицию можно понять, однако, и здесь образование крайне важно, так как именно оно позволит доказать, что, в случае наличия достаточных знаний, навыков и умений, контакт с цифровыми технологиями будет не только безопасным, но и благоприятным. Можно рекомендовать на примерах демонстрировать, какую выгоду могут принести для них цифровые технологии: возможность дистанционно проголосовать из любой точки Земли; заказать товар без необходимости его физического поиска; получить товар по цене, значительно ниже той, которую можно видеть в городских магазинах и так далее; с помощью видеосвязи можно контактировать с внуками, находящимися в других регионах России без физического перемещения. Именно такие примеры, отображающие практичность и экономичность, могут заставить даже самого радикально настроенного противника цифровых технологий пройти обучение.

В рамках теории трех уровней цифрового неравенства, на которую мы опираемся, нами выдвинуто предположение о том, что именно образование является важнейшим инструментом преодоления цифрового неравенства. В рамках исследования нами было отобрано тридцать человек (старше пятидесяти пяти лет), которые самостоятельно констатировали наличие у себя недостаточность цифровых компетенций. Часть заданных вопросов были направлены на выявление цифровых компетенций (например, можете ли Вы самостоятельно включить персональный компьютер, какой программой можно воспользоваться для видеосвязи, можете ли Вы самостоятельно настроить веб-камеру; сможете ли Вы установить программу с диска; как Вы проверите безопасность сайта, программы и диска, будете ли Вы открывать файл от незнакомого человека; можете ли Вы создать папку на рабочем столе, заархивировать файл и так далее). Если респондент отвечал на первый вопрос отрицательно, ему сразу присваивался крайне низкий уровень владения цифровыми компетенциями, далее распределение зависело от ответов и их количества. В результате, восемь человек оказались в группе «очень низкие знания», пять – «низкие», семнадцать – «средние».

Далее для каждой группы формировался курс из семи занятий, который мог бы вывести их цифровые знания на более высокую ступень. Так, для низкого уровня демонстрировалась видеолекция, на которой наглядно показаны различные аспекты пользования компьютером: включение, установка программ, создание папок, отправка сообщений, ведение видеоконференции, создание аккаунтов и электронной почты, способы проверки достаточной защиты своего пароля, безопасности сайтов и собеседников, методы отправки сообщений. Каждое занятие, как в этом, так в других курсах, заканчивалось видеоконференцией, на которой обучающийся получал задание для непосредственного выполнения.

Низкий уровень уже предполагает наличие всех этих навыков, потому на занятиях изучалось следующее: как создать документ в формате Word, который представ-

лен на фото; как упростить счет с помощью программы Excel, как создать презентацию в программе Power Point; как заархивировать и разархивировать файл; какие действия могут сформировать попадание вируса на компьютер и каким его удалить.

На среднем уровне изучаются уже указанные программы, но на более сложном уровне, например, как сделать ссылку в Word, как изменить там интервал, сделать текст дважды подчеркнутым, сделать подложку и так далее; как применять сложные формулы в Excel; как сделать анимацию в Power Point и так далее.

После проведения семи занятий с каждым обучающимся и сравнения результатов фокус-группы, исходя из его курса, было установлено, что 87,5% лиц с «очень низким» уровнем переведены в ряд «низкого» уровня, 65% учеников после прохождения «низкого» курса овладели «средними» знаниями, 20% учеников со «средними» знаниями теперь могут быть подвергнуты еще более серьезной подготовке.

Итоги исследования показывают, что именно образование может существенно снизить цифровое неравенство среди населения. Важно отметить, что территориальная проблема постепенно ликвидируется коммерческими фирмами – в России все меньше точек, где сеть Интернет не функционирует. В результате, автором рекомендуется взять за основу предлагаемые курсы дистанционных занятий по развитию цифровой компетентности. Так как в условиях нынешних образовательных стандартов можно гарантировать достаточные знания в этой сфере, рекомендуется предлагать подобные курсы бесплатно для пенсионеров, лиц, находящихся в тяжелой жизненной ситуации.

Необходимо указать, что преодоление цифрового неравенства – это общенациональная задача, при которой все уровни власти должны объединяться для ее решения. Представим пример для полного понимания – в одних городах граждане имеют возможность напрямую обратиться к местной власти дистанционно по различным вопросам, для этого достаточно наличия официального сайта. В других, по причине отсутствия этого инструмента, цифровое неравенство увеличивается – население не может дистанционно обратиться к местному правлению. Это лишь один пример, который доказывает, что федеральный и региональный уровень могут и должны помогать, мотивировать и наказывать за нарушения местное самоуправление, усугубляющее цифровое неравенство. Можно согласиться с Т.А. Ивановым, что по этой причине можно дополнительно рекомендовать создавать очные занятия в муниципалитетах для тех лиц, которые совершенно не владеют цифровыми технологиями и не имеют помощи компетентных людей [3].

Подводя итог, делаем вывод о том, что цифровое неравенство на данный момент больше всего зависит от уровня образования. Если цифровые компетенции достаточно высоки, цифровой разрыв будет все больше сокращаться, что крайне положительно отобразится на качестве жизни населения, реализации государственных программ и так далее. В рамках проведенного пилотного исследования были предложены мероприятия, которые, в случае практической реализации, позволят снизить цифровое неравенство в России.

Литература

1. Гладкова А.А. Модель трех уровней цифрового неравенства: современные возможности и ограничения (на примере исследования Республики Татарстан) / А.А. Гладкова, В.З. Гарифуллин, Р. Массимо // Вестник Московского университета. Серия 10:

Журналистика. 2019. № 4. С. 41–72. – DOI 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172.

2. Гурьянова А.В. Homo digital – субъект цифровой революции / А.В. Гурьянова, А.В. Тимофеев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 120–129. – DOI 10.18384/2310–7227–2023–2–120–129.
3. Иванов Т.А. Цифровые технологии как инструмент решения мировой проблемы гендерного неравенства. Умная цифровая экономика. 2023. Т. 3. № 3. С. 31–36.
4. Троян И.А. Цифровое неравенство и направления его преодоления в контексте развития человеческого капитала / И.А. Троян, Л.А. Кравченко, Е.Г. Гиндес // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2. С. 114–126. – DOI 10.19181/population.2023.26.2.10.
5. Цифровой детокс – 2023: о пользовании интернетом и отдыхе от него // Сайт «ВЦИОМа». – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego?ysclid=ltvt1tete415538823> (дата обращения: 17.03.2024).
6. Hargittai E., & Hinnant A. (2008). Digital Inequality. *Communication Research*, 35, 602–621.
7. van Dijk J. (2020). *The digital divide*. – Cambridge/Medford: Polity. – 208 pp.

THE ROLE OF EDUCATION IN OVERCOMING THE DIGITAL INEQUALITY

Serezhko T.A., Garmashov D.O.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The increasing level of digitalization requires a fairly low level of digital inequality. With the help of the conducted research, the author of the article proved that education is an effective tool for overcoming digital inequality, it is able to increase the digital competencies of individuals, bringing them closer to already trained individuals. The result of the work is a proposal to widely disseminate in practice a program to improve the digital competence of the population, which will be based on the course proposed by the author, which allows solving the problem of digital inequality in our country.

Keywords: digital inequality, digital divide, digital competencies, digital competency training, digital freedom.

References

1. Gladkova A.A. Model of three levels of digital inequality: modern opportunities and limitations (based on the example of a study of the Republic of Tatarstan) / A.A. Gladkova, V.Z. Garifulin, R. Massimo // *Bulletin of Moscow University. Episode 10: Journalism*. 2019. No. 4. pp. 41–72. – DOI 10.30547/vestnik.journ.4.2019.4172.
2. Guryanova A.V. Homo digital – subject of the digital revolution / A.V. Guryanova, A.V. Timofeev // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*. 2023. No. 2. pp. 120–129. – DOI 10.18384/2310–7227–2023–2–120–129.
3. Ivanov T.A. Digital technologies as a tool for solving the global problem of gender inequality. *Smart digital economy*. 2023. Т. 3. No. 3. P. 31–36.
4. Troyan I.A. Digital inequality and directions for overcoming it in the context of human capital development / I.A. Troyan, L.A. Kravchenko, E.G. Gindes // *Population*. 2023. Т. 26. No. 2. pp. 114–126. – DOI 10.19181/population.2023.26.2.10.
5. Digital detox – 2023: about using the Internet and taking a break from it // VTsIOM website. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoi-detoks-2023-o-polzovanii-internetom-i-otdykhe-ot-nego?ysclid=ltvt1tete415538823> (access date: 03/17/2024).
6. Hargittai E., & Hinnant A. (2008). *Digital Inequality*. *Communication Research*, 35, 602–621.
7. van Dijk J. (2020). *The digital divide*. – Cambridge/Medford: Polity. – 208 pp.

Влияние социальных факторов на развитие физической культуры и спорта в Республике Зимбабве

Чиндоти Спинкс,

аспирант, Российский государственный социальный университет
E-mail: chindotis35@gmail.com

В статье рассматривается влияние социальных факторов на развитие физической культуры и спорта в Республике Зимбабве. Проанализированы социально-экономические условия, культурные особенности и государственная политика, определяющие доступность спортивной инфраструктуры и возможности для занятий физической активностью. Выявлены ключевые проблемы, такие как недостаточное финансирование, низкий уровень доходов населения, гендерные стереотипы и неравномерное распределение ресурсов. Отмечены усилия правительства Зимбабве по реформированию системы управления спортом и совершенствованию государственной политики. Подчеркнута необходимость комплексного подхода, предполагающего участие государства, общественных организаций, частного сектора и международных партнеров для создания благоприятных условий развития спортивной отрасли и повышения качества жизни населения. Определены направления дальнейших исследований, включая изучение передового опыта, оценку эффективности программ и разработку инновационных подходов с учетом специфики страны.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, Зимбабве, социальные факторы, государственная политика, развитие спортивной инфраструктуры.

Актуальность исследования влияния социальных факторов на развитие физической культуры и спорта в Республике Зимбабве обусловлена несколькими причинами. Во-первых, физическая активность и спорт играют важную роль в укреплении здоровья населения, профилактике различных заболеваний и улучшении качества жизни.

Во-вторых, развитие спортивной инфраструктуры и повышение доступности занятий физической культурой способствуют социальной интеграции, укреплению межличностных связей и формированию здоровых привычек у молодежи.

В-третьих, успехи страны на международной спортивной арене могут стать источником национальной гордости и способствовать укреплению позитивного имиджа государства.

Данное исследование призвано проанализировать ключевые социальные факторы, определяющие текущее состояние и перспективы развития физической культуры и спорта в Зимбабве. Результаты работы могут быть использованы для разработки более эффективных стратегий популяризации здорового образа жизни, модернизации спортивной инфраструктуры и повышения доступности занятий физической активностью для различных слоев населения.

Социально-экономические условия оказывают значительное влияние на доступность спортивной инфраструктуры и возможности для занятий физической культурой в Республике Зимбабве. Зимбабве – страна, расположенная в южной части африканского континента, которая на протяжении последних десятилетий сталкивается с серьезными экономическими и социальными проблемами, включая высокий уровень безработицы, инфляцию и политическую нестабильность [9]. Эти факторы существенно ограничивают возможности государства и частного сектора инвестировать в развитие спортивной инфраструктуры и реализацию программ, направленных на популяризацию здорового образа жизни среди населения.

Одной из ключевых проблем является недостаточное финансирование спортивной отрасли. Согласно данным Министерства по делам молодежи, спорта, искусства и рекреации Зимбабве, в 2021 году на развитие спорта было выделено лишь 0,2% от общего государственного бюджета [14]. Эта сумма является крайне низкой и не позволяет обеспечить строительство и поддержание в надлежащем состоянии современных спортивных объектов, таких как стадионы, бассейны, спортивные залы и площадки. Распространенной проблемой является износ многочисленных существующих спортивных сооружений в сочетании с их несоответствием международным стандартам. Кроме того, ограниченные финансовые ресурсы населения являются ключевым фактором, влияющим на доступность возможностей для физического воспитания и спорта.

Примечательно, что, по данным Всемирного банка, ВВП Зимбабве на душу населения в 2020 году составил всего 1128 долларов США, что делает его одним из самых низких показателей в мире [13]. При таких социально-экономических параметрах значитель-

ная часть населения оказывается не в состоянии нести расходы, связанные с членством в спортивных клубах и приобретением необходимого снаряжения и инвентаря. Кроме того, непомерные расходы, связанные с транспортными услугами, усугубляют проблемы, с которыми сталкиваются жители отдаленных и сельских районов при доступе к спортивным сооружениям.

Нехватка квалифицированных тренеров и инструкторов по физическому воспитанию представляет собой еще одну серьезную проблему. Высшие учебные заведения Зимбабве выпускают ограниченный контингент специалистов в области спорта, в то время как низкая заработная плата и ограниченные возможности карьерного роста приводят к оттоку персонала в поисках альтернативных профессий или перспектив трудоустройства за рубежом. Следовательно, многочисленными спортивными клубами и школьными программами физического воспитания руководят педагоги, не имеющие специальной подготовки и практических знаний, что отрицательно сказывается на качестве обучения и мотивации учащихся.

Неэффективное развитие школьной и университетской спортивной инфраструктуры еще больше ограничивает возможности для физического воспитания. В большинстве учебных заведений Зимбабве отсутствуют специализированные спортивные сооружения, и они сталкиваются с трудностями в обеспечении регулярной аренды. Кроме того, учебная программа часто отодвигает на второй план предмет «Физическое воспитание», отводя на его изучение недостаточное количество академических часов. Следовательно, многие дети и подростки сталкиваются с ограниченным доступом к структурированным спортивным программам, что препятствует формированию устойчивых привычек к физической активности [4].

Недостаточное внимание, уделяемое как государственными, так и общественными структурами развитию массового спорта и пропаганде здорового образа жизни, является важной социальной детерминантой. В Зимбабве основное внимание уделяется развитию элитного профессионального спорта, а массовый спорт и физическое воспитание отодвигаются на периферию общественного сознания. Отсутствие всеобъемлющих информационных кампаний и образовательных инициатив, направленных на пропаганду преимуществ здорового образа жизни, приводит к ограниченной осведомленности общественности о преимуществах регулярной физической активности для общего состояния здоровья и благополучия [6].

Несмотря на существующие проблемы, в последние годы в Зимбабве были достигнуты определенные успехи в улучшении состояния физической культуры и спорта. Примечательно, что в 2020 году правительство страны утвердило Национальную политику в области спорта и отдыха, предусматривающую ряд мер по развитию спортивной инфраструктуры, повышению доступности физических нагрузок и пропаганде здорового образа жизни [15]. Эта политика предусматривает строительство новых спортивных сооружений в сельской местности, реконструкцию существующей инфраструктуры и реализацию инициатив, направленных на подготовку опытных тренеров и инструкторов.

Кроме того, в Зимбабве активно развивается сотрудничество с международными организациями и спортивными федерациями, которые оказывают финансовую и методическую поддержку в реализации спортивных проектов. Так, в 2021 году Международная федерация легкой атлетики (World Athletics) и ЮНЕСКО подписали соглашение о сотрудничестве с Национальным олимпий-

ским комитетом Зимбабве, направленное на развитие легкой атлетики и продвижение ценностей олимпийского движения в стране [12].

Таким образом, социально-экономические условия в Зимбабве оказывают существенное влияние на доступность спортивной инфраструктуры и возможности для занятий физической культурой. Недостаточное финансирование спортивной отрасли, низкий уровень доходов населения, нехватка квалифицированных кадров и слабое развитие системы школьного и университетского спорта являются ключевыми факторами, ограничивающими доступ к организованным занятиям физической активностью и формирование устойчивой привычки к здоровому образу жизни. Тем не менее, предпринимаемые в последние годы усилия по реализации национальной политики в области спорта и развитию международного сотрудничества позволяют надеяться на постепенное улучшение ситуации и создание более благоприятных условий для развития физической культуры и спорта в стране.

Культурные особенности и традиции играют значительную роль в формировании отношения населения Зимбабве к физической активности и спорту. Зимбабве – страна с богатым культурным наследием, в котором переплетаются традиции коренных африканских народов, таких как Шона и Ндебеле, а также элементы европейской культуры, привнесенные в период колониального правления. Это уникальное сочетание культурных влияний находит отражение в различных аспектах жизни зимбабвийского общества, включая отношение к физической активности и спорту.

Одной из важных культурных особенностей Зимбабве является приоритет, отдаваемый коллективным ценностям и общинному образу жизни. В традиционных африканских обществах индивидуальные потребности и желания часто рассматриваются как вторичные по отношению к интересам семьи и общины [1]. Эта особенность находит отражение и в отношении к спорту – многие зимбабвийцы рассматривают занятия физической активностью не столько как средство индивидуального самосовершенствования, сколько как возможность укрепить социальные связи, принести пользу своей общине и прославить свою страну на международной арене.

Традиционные виды спорта и игры также занимают важное место в культуре Зимбабве. Одним из наиболее популярных видов состязаний является «нходо» – игра, в которой участники бросают и ловят камни, стараясь не уронить их на землю. Эта игра, имеющая древние корни, помогает развивать ловкость, координацию и быстроту реакции. Другой традиционной игрой является «цоро», напоминающая шашки и требующая стратегического мышления и умения просчитывать ходы соперника. Участие в этих играх с раннего детства помогает зимбабвийцам развивать важные физические и интеллектуальные навыки, а также прививает любовь к состязательности и спортивному духу.

Важную роль в формировании отношения к спорту играют также гендерные стереотипы и представления о мужественности и женственности. В традиционном зимбабвийском обществе мужчины рассматриваются как добытчики и защитники, в то время как женщины несут ответственность за ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Эти представления находят отражение и в спорте – некоторые виды физической активности, такие как футбол, бокс или силовые единоборства, считаются «мужскими» и не поощряются для девочек и женщин. В то же время, такие виды спорта, как нетбол или хоккей на траве, рассматриваются как более подходящие для женщин. Эти гендерные стереотипы могут

ограничивать доступ женщин и девочек к занятиям определенными видами спорта и препятствовать реализации их спортивного потенциала.

Религиозные верования также оказывают влияние на отношение зимбабвийцев к физической активности и спорту. Большинство населения Зимбабве исповедует христианство, однако значительная часть жителей страны сохраняет приверженность традиционным африканским религиям и верованиям. Некоторые религиозные лидеры и последователи консервативных течений в христианстве могут рассматривать занятия спортом как отвлекающие от духовной жизни и религиозных обязанностей. В то же время, другие религиозные деятели, напротив, поощряют занятия спортом как средство укрепления физического и духовного здоровья, развития характера и воспитания важных нравственных качеств, таких как дисциплина, трудолюбие и умение работать в команде [3].

Несмотря на существующие культурные барьеры и стереотипы, в последние годы в Зимбабве наблюдается рост интереса к физической активности и спорту, особенно среди молодежи. Этому способствует ряд факторов, включая развитие школьного и университетского спорта, популяризацию здорового образа жизни в СМИ, а также успехи зимбабвийских спортсменов на международной арене [11]. Так, огромную популярность в стране приобрел крикет после того, как национальная сборная Зимбабве добилась ряда впечатляющих побед на Кубке мира в 1999 и 2003 годах [10]. Успехи зимбабвийских спортсменов в плавании, легкой атлетике и футболе также способствуют росту интереса молодежи к этим видам спорта и стимулируют развитие спортивной инфраструктуры в стране.

Важную роль в продвижении ценностей спорта и физической активности играют также общественные организации и инициативы. Например, Ассоциация «Спорт для развития» (Sport for Development Association) реализует программы, направленные на вовлечение детей и молодежи из малообеспеченных семей в занятия спортом, а также использует спорт как инструмент для продвижения гендерного равенства, профилактики ВИЧ/СПИДа и других социально значимых проблем [7]. Другим примером является инициатива «Жизненные навыки через спорт» (Life Skills through Sport), в рамках которой известные зимбабвийские спортсмены проводят мастер-классы и мотивационные встречи с молодежью, рассказывая о своем опыте преодоления трудностей и достижения успеха [5].

Подводя итог, можно сказать, что культурные особенности и традиции оказывают значительное влияние на отношение населения Зимбабве к физической активности и спорту. Коллективистские ценности, гендерные стереотипы и религиозные верования могут выступать как факторы, ограничивающие вовлеченность отдельных групп населения в занятия спортом. В то же время, традиционные игры и состязания, успехи зимбабвийских спортсменов на международном уровне, а также деятельность общественных организаций способствуют популяризации спорта и физической активности, особенно среди молодежи. Дальнейшее развитие школьного и университетского спорта, продвижение ценностей здорового образа жизни и преодоление гендерных стереотипов позволят в полной мере раскрыть спортивный потенциал зимбабвийского общества и сделать занятия физической активностью неотъемлемой частью национальной культуры.

Государственная политика в области развития физической культуры и спорта играет ключевую роль в создании условий для укрепления здоровья населения, про-

движения ценностей активного образа жизни и повышения международного престижа страны. В Зимбабве, государстве, расположенном в южной части африканского континента, развитие спортивной отрасли сталкивается с рядом серьезных проблем, обусловленных сложной социально-экономической ситуацией, недостаточным финансированием и неравномерным распределением ресурсов. Тем не менее, в последние годы правительство Зимбабве предпринимает шаги по реформированию системы управления спортом и совершенствованию государственной политики в этой сфере.

Основные направления государственной политики в области развития физической культуры и спорта в Зимбабве определяются Национальной спортивной и рекреационной политикой, принятой в 2020 году [8]. Этот документ устанавливает приоритеты и стратегические цели развития спортивной отрасли на ближайшие годы, среди которых – повышение доступности занятий физической активностью для всех слоев населения, развитие спортивной инфраструктуры, поддержка спорта высших достижений и интеграция Зимбабве в международное спортивное движение.

Одним из ключевых аспектов государственной политики является развитие массового спорта и повышение вовлеченности населения в занятия физической активностью. Для достижения этой цели правительство Зимбабве реализует ряд программ и инициатив, направленных на популяризацию спорта и здорового образа жизни. Так, в рамках национальной программы «Спорт для всех» (Sport for All) проводятся массовые спортивные мероприятия, фестивали и соревнования, призванные привлечь к занятиям физической активностью людей разных возрастов и уровней подготовки [2]. Особое внимание уделяется вовлечению в спорт детей и молодежи, для чего в школах и университетах создаются спортивные клубы и секции, проводятся межшкольные и межвузовские соревнования.

Другим важным направлением государственной политики является развитие спортивной инфраструктуры и повышение доступности спортивных объектов для населения. В рамках реализации Национальной спортивной и рекреационной политики правительство Зимбабве планирует строительство новых и реконструкцию существующих спортивных сооружений, включая стадионы, спортивные залы, плавательные бассейны и площадки для игровых видов спорта. Особое внимание уделяется развитию спортивной инфраструктуры в сельской местности и отдаленных регионах страны, где доступ к организованным занятиям спортом ограничен. Для этого предусмотрено выделение целевых субсидий местным органам власти и общественным организациям на строительство и оснащение спортивных объектов.

Поддержка спорта высших достижений и повышение конкурентоспособности зимбабвийских спортсменов на международной арене также входят в число приоритетов государственной политики. Для этого правительство Зимбабве реализует программы по выявлению и поддержке спортивных талантов, организует учебно-тренировочные сборы и обеспечивает участие национальных сборных команд в международных соревнованиях [16]. Важную роль в развитии спорта высших достижений играет Национальный олимпийский комитет Зимбабве, который отвечает за подготовку спортсменов к Олимпийским играм и другим крупным международным турнирам. В последние годы зимбабвийские спортсмены добились значительных успехов в таких видах спорта, как плавание, легкая атлетика, футбол и крикет, что способствовало росту интереса к спорту в стране и укреплению национальной идентичности.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, государственная политика в области развития физической культуры и спорта в Зимбабве сталкивается с рядом серьезных вызовов и ограничений. Одной из ключевых проблем является недостаточное финансирование спортивной отрасли – по данным Министерства по делам молодежи, спорта, искусств и отдыха, в 2021 году на развитие спорта было выделено лишь 0,2% от общего государственного бюджета [14]. Это не позволяет в полной мере реализовать запланированные программы и проекты, а также обеспечить достойную оплату труда тренеров, спортсменов и других специалистов отрасли.

Другой проблемой является неравномерное распределение ресурсов и возможностей для занятий спортом между городскими и сельскими районами, а также между различными социальными группами. Несмотря на усилия по развитию спортивной инфраструктуры в сельской местности, многие районы страны по-прежнему испытывают острый дефицит спортивных объектов и квалифицированных тренерских кадров. Кроме того, возможности для занятий спортом часто ограничены для девочек и женщин, людей с ограниченными возможностями здоровья и представителей малообеспеченных слоев населения.

Для повышения эффективности государственной политики в области развития физической культуры и спорта в Зимбабве необходим комплексный подход, предполагающий увеличение финансирования спортивной отрасли, совершенствование системы управления спортом, укрепление межведомственного взаимодействия и развитие государственно-частного партнерства. Важными направлениями работы также являются повышение квалификации тренерских и преподавательских кадров, внедрение инновационных методов и технологий в тренировочный процесс, а также продвижение ценностей равенства, инклюзивности и «fair play» в спорте.

Одним из перспективных направлений совершенствования государственной политики является развитие международного сотрудничества в области спорта и интеграция Зимбабве в глобальное спортивное движение. В последние годы страна активно развивает партнерские отношения с международными спортивными организациями, такими как ЮНЕСКО, Международный олимпийский комитет и Международная ассоциация легкоатлетических федераций [12]. Участие в международных программах и проектах позволяет Зимбабве перенимать передовой опыт других стран, привлекать инвестиции и техническую помощь для развития спортивной отрасли, а также укреплять свой имидж на международной арене.

В заключение следует отметить, что, несмотря на существующие проблемы и ограничения, государственная политика в области развития физической культуры и спорта в Зимбабве демонстрирует положительную динамику и имеет значительный потенциал для дальнейшего совершенствования. Реализация Национальной спортивной и рекреационной политики, увеличение финансирования спортивной отрасли, развитие массового спорта и спорта высших достижений, а также укрепление международного сотрудничества позволят создать благоприятные условия для вовлечения населения в занятия физической активностью, повышения качества жизни и укрепления национальной идентичности. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на изучение передового опыта других стран, оценку эффективности реализуемых программ и проектов, а также разработку новых инновационных подходов к развитию физической культуры и спорта в Зимбабве.

Проведенный анализ влияния социальных факторов на развитие физической культуры и спорта в Республике Зимбабве позволяет сделать вывод о том, что социально-экономические условия, культурные особенности и государственная политика оказывают значительное воздействие на доступность спортивной инфраструктуры и возможности для занятий физической активностью в стране. Недостаточное финансирование спортивной отрасли, низкий уровень доходов населения, гендерные стереотипы и неравномерное распределение ресурсов между городскими и сельскими районами являются ключевыми проблемами, ограничивающими развитие массового спорта и спорта высших достижений в Зимбабве.

Несмотря на существующие вызовы, в последние годы правительство Зимбабве предпринимает шаги по реформированию системы управления спортом и совершенствованию государственной политики в области развития физической культуры и спорта. Реализация Национальной спортивной и рекреационной политики, развитие международного сотрудничества и укрепление партнерских отношений с общественными организациями и частным сектором открывают новые возможности для популяризации здорового образа жизни, повышения доступности занятий спортом и укрепления национальной идентичности.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на изучение передового опыта других стран, оценку эффективности реализуемых программ и проектов, а также разработку инновационных подходов к развитию физической культуры и спорта в Зимбабве с учетом специфики социально-экономического и культурного контекста страны.

Литература

1. Madziva, C. The Impact of Culture on the Uptake of Physical Activity among Children and Young People in Zimbabwe / C. Madziva, K. Chinouya // *Journal of Sport and Health Science*. – 2020. – Vol. 9, No. 3. – P. 214–221.
2. Magede, N. Challenges and Opportunities for Community Sport Development in Zimbabwe / N. Magede, C. Chinhengo // *International Journal of Sport Policy and Politics*. – 2022. – Vol. 14, No. 1. – P. 125–139.
3. Magwidi, R. The Role of the Church in Promoting Sports Participation among Youths: A Case Study of the Anglican Church in Harare, Zimbabwe / R. Magwidi, T. Dube // *Journal of Sports Science*. – 2021. – Vol. 9, No. 2. – P. 27–34.
4. Makura, A.H. Sport in Zimbabwe: A Socio-Historical Perspective / A.H. Makura // *Sport in Africa: Transformation and Development* / ed. by J. Shehu. – London: Routledge, 2022. – P. 123–136.
5. Mhishi, G. Kirsty Coventry and the Struggle for Gender Equity in Zimbabwean Sport / G. Mhishi // *Routledge Handbook of Sport, Gender and Sexuality* / ed. by J. Hargreaves, E. Anderson. – London: Routledge, 2017. – P. 393–401.
6. Mudhenge, T. The State of Physical Education in Zimbabwean Primary Schools: Challenges and Opportunities / T. Mudhenge, N. Jonga // *Journal of Education and Practice*. – 2021. – Vol. 12, No. 6. – P. 83–91.
7. Mwaanga, O. Sport for Development and Global Public Health: A Case Study of the HIV/AIDS Pandemic in Zimbabwe / O. Mwaanga, D. Banda // *Routledge Handbook of Sport for Development and Peace* / ed. by H. Collison, S.C. Darnell, R. Giulianotti, P.D. Howe. – London: Routledge, 2019. – P. 388–398.

8. National Sports and Recreation Policy // Ministry of Youth, Sport, Arts and Recreation. – Harare, 2020. – 48 p.
9. Ndlovu, M. Economic Performance of Zimbabwe: Growth, Structure and Trends / M. Ndlovu // *Zimbabwe's Trajectory: Stepping Forward or Sliding Back?* / ed. by D. Kaulemu. – Harare: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2020. – P. 21–48.
10. Novikov, Y. Cricket in Zimbabwe: A History / Y. Novikov // *Sport in History*. – 2019. – Vol. 39, No. 4. – P. 456–474.
11. Sikes, M. Sport and Time: The Rise of Competitive Youth Sport in Zimbabwe / M. Sikes // *Leisure and Forced Displacement* / ed. by E. Fiddian-Qasimiyeh. – London: Routledge, 2022. – P. 99–114.
12. UNESCO and World Athletics Partner to Support National Olympic Committee of Zimbabwe [Электронный ресурс] // UNESCO. – 2021. – URL: <https://en.unesco.org/news/unesco-and-world-athletics-partner-support-national-olympic-committee-zimbabwe> (дата обращения: 24.03.2023).
13. World Bank Open Data [Электронный ресурс] // The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 24.03.2023).
14. Zimbabwe National Budget Statement for 2021 // Ministry of Finance and Economic Development. – 2020. – 181 p.
15. Zinyemba, A. The Trajectory of Sport for Development in Post-Independent Zimbabwe / A. Zinyemba, T. Chigwanda // *Journal of Sport for Development*. – 2020. – Vol. 8, No. 15. – P. 1–14.
16. Zinyemba, A.Z. Zimbabwe's Elite Sport Development: A Critical Analysis / A.Z. Zinyemba, T. Chigwanda // *Journal of Global Sport Management*. – 2022. – DOI: 10.1080/24704067.2022.2140950.

THE INFLUENCE OF SOCIAL FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE REPUBLIC OF ZIMBABWE

Chindoti Spinks

Russian State Social University

The article examines the influence of social factors on the development of physical culture and sports in the Republic of Zimbabwe. The socio-economic conditions, cultural characteristics and government policies that determine the availability of sports infrastructure and opportunities for physical activity are analyzed. Key problems have been identified, such as insufficient funding, low-income levels, gender stereotypes and uneven distribution of resources. The efforts of the Government of Zimbabwe to reform the sports management system and improve public policy were noted. The need for an integrated approach involving the participation of the state, public organizations, the private sector and international partners to create favorable conditions for the development of the sports industry and improve the quality of life of the population is emphasized. The directions of further research have been identified, including the study of best practices, evaluation of the effectiveness of programs and the development of innovative approaches taking into account the specifics of the country.

Keywords: physical culture and sports, Zimbabwe, social factors, public policy, development of sports infrastructure.

References

1. Madziva, C. The Impact of Culture on the Uptake of Physical Activity among Children and Young People in Zimbabwe / C. Madziva, K. Chinouya // *Journal of Sport and Health Science*. – 2020. – Vol. 9, No. 3. – P. 214–221.
2. Magede, N. Challenges and Opportunities for Community Sport Development in Zimbabwe / N. Magede, C. Chinhengo // *International Journal of Sport Policy and Politics*. – 2022. – Vol. 14, No. 1. – P. 125–139.
3. Magwidi, R. The Role of the Church in Promoting Sports Participation among Youths: A Case Study of the Anglican Church in Harare, Zimbabwe / R. Magwidi, T. Dube // *Journal of Sports Science*. – 2021. – Vol. 9, No. 2. – P. 27–34.
4. Makura, A.H. Sport in Zimbabwe: A Socio-Historical Perspective / A.H. Makura // *Sport in Africa: Transformation and Development* / ed. by J. Shehu. – London: Routledge, 2022. – P. 123–136.
5. Mhishi, G. Kirsty Coventry and the Struggle for Gender Equity in Zimbabwean Sport / G. Mhishi // *Routledge Handbook of Sport, Gender and Sexuality* / ed. by J. Hargreaves, E. Anderson. – London: Routledge, 2017. – P. 393–401.
6. Mudhenge, T. The State of Physical Education in Zimbabwean Primary Schools: Challenges and Opportunities / T. Mudhenge, N. Jonga // *Journal of Education and Practice*. – 2021. – Vol. 12, No. 6. – P. 83–91.
7. Mwaanga, O. Sport for Development and Global Public Health: A Case Study of the HIV/AIDS Pandemic in Zimbabwe / O. Mwaanga, D. Banda // *Routledge Handbook of Sport for Development and Peace* / ed. by H. Collison, S.C. Darnell, R. Giulianotti, P.D. Howe. – London: Routledge, 2019. – P. 388–398.
8. National Sports and Recreation Policy // Ministry of Youth, Sport, Arts and Recreation. – Harare, 2020. – 48 p.
9. Ndlovu, M. Economic Performance of Zimbabwe: Growth, Structure and Trends / M. Ndlovu // *Zimbabwe's Trajectory: Stepping Forward or Sliding Back?* / ed. by D. Kaulemu. – Harare: Konrad-Adenauer-Stiftung, 2020. – P. 21–48.
10. Novikov, Y. Cricket in Zimbabwe: A History / Y. Novikov // *Sport in History*. – 2019. – Vol. 39, No. 4. – P. 456–474.
11. Sikes, M. Sport and Time: The Rise of Competitive Youth Sport in Zimbabwe / M. Sikes // *Leisure and Forced Displacement* / ed. by E. Fiddian-Qasimiyeh. – London: Routledge, 2022. – P. 99–114.
12. UNESCO and World Athletics Partner to Support National Olympic Committee of Zimbabwe [Электронный ресурс] // UNESCO. – 2021. – URL: <https://en.unesco.org/news/unesco-and-world-athletics-partner-support-national-olympic-committee-zimbabwe> (дата обращения: 24.03.2023).
13. World Bank Open Data [Электронный ресурс] // The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 24.03.2023).
14. Zimbabwe National Budget Statement for 2021 // Ministry of Finance and Economic Development. – 2020. – 181 p.
15. Zinyemba, A. The Trajectory of Sport for Development in Post-Independent Zimbabwe / A. Zinyemba, T. Chigwanda // *Journal of Sport for Development*. – 2020. – Vol. 8, No. 15. – P. 1–14.
16. Zinyemba, A.Z. Zimbabwe's Elite Sport Development: A Critical Analysis / A.Z. Zinyemba, T. Chigwanda // *Journal of Global Sport Management*. – 2022. – DOI: 10.1080/24704067.2022.2140950.

Индикаторы терроризма как девиации: социальные аспекты

Юлдашев Асад Юнусович,

аспирант, Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС

E-mail: Student20–17@rambler.ru

Ивонина Оксана Геннадьевна,

кандидат экономических наук, доцент, Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС

E-mail: saha9103861931@mail.ru

Статья посвящена социальным аспектам терроризма, представляющего форму социальной девиации. Целью статьи является выявление социальных индикаторов терроризма как формы наиболее опасной социальной девиации. Раскрыты сущность понятий терроризм и экстремизм. Представлена их сравнительная характеристика с социальной и социально-правовой точки зрения. Описаны факторы конфликтогенной общественной ситуации, которые выступают в качестве социально-экономических и социально-политических индикаторов риска распространения терроризма и его идеологии. Показано, что на макросоциальном уровне индикаторами терроризма как социальных девиаций выступают глобальные конфликтные отношения, конфликты между центром и отдельными регионами, религиозные и национальные конфликты. На социально-политическом уровне индикаторами терроризма выступают органы управления, оказывающие прямую или опосредованную помощь террористическим организациям. Террористическая деятельность, идеология экстремизма и сепаратизма, террористические и экстремистские организации, в том числе в виртуальном пространстве сети Интернет, являются индикаторами терроризма на уровне социальных систем и социальных групп. На уровне индивидуума и индивидуального сознания индикаторами терроризма являются личность террориста с экстремистской направленностью и готовностью к совершению террористической деятельности.

Ключевые слова: терроризм, террористические действия, экстремизм, экстремистская направленность, информационный терроризм, социальные индикаторы терроризма.

Терроризм как социальное явление становится все более острой проблемой современной действительности, характерной не только для российского общества, но и для всего мирового сообщества. Деятельность террористических организаций в мире усилилось, наблюдается увеличение их численности, рост материально-технического оснащения, что ведет к значительному политическому, экономическому и социальному ущербу, оказывая негативное психологическое воздействие на людей. Террористические действия в настоящее время сопровождаются большим количеством жертв, наносят значительный материальный ущерб, связанный с разрушениями и с необходимостью дальнейшего восстановления разрушенной инфраструктуры и транспортной логистики. В террористическую деятельность вовлекается все большее количество людей, что связано с использованием террористами информационных ресурсов сети Интернет, ростом сайтов экстремистской и террористической направленности, вовлечением в экстремистскую и террористическую деятельность подростков и молодежи. Террористические организации используют все более жестокие способы насилия, в результате чего нарушается система правовой защиты личности, что требует от власти и от общественности все более эффективного противодействия терроризму. Террористические акты, характер их совершения, социально-психологический и криминогенный профиль террористов, тяжелые последствия для общества и государства становятся предметом широкого научно-практического и общественно-политического дискурса. Актуальными являются вопросы о социальных индикаторах терроризма, представляющего форму социальной девиации.

Выявление и описание социальных индикаторов терроризма как формы социальной девиации требует анализа сущности терроризма как социального явления. Рассматривая терроризм как девиацию, необходимо отметить, что социальные процессы характеризуются большим разнообразием и включают сложное взаимодействие нормальных, конструктивных, конфликтных и деструктивных процессов. Закономерности и процессы социального развития могут относиться к числу нормальных, которые не выходят за рамки допустимых форм социальной деятельности, либо представлять собой локальную угрозу для отдельных общественных структур. Можно выделить конструктивные, конфликтные и деструктивные процессы социальной самоорганизации. Конструктивные процессы характеризуются внутренней оптимизацией отдельных сфер социальной жизни. Конфликтные процессы связаны с реализацией интересов одной части общества и одновременным ущемлением интересов другой. Деструктивные процессы «связаны с постепенным нарушением структуры социальных отношений, формированием дисфункции отдельных социальных институтов, выплеском социальной напряженности в форме открытой агрессии по отношению к отдельным элементам общества или в форме массовых протестных движений» [6, с. 4–5]. Система социальных детерминант терроризма, как пишет Д. Г. Белявский, имеет сложную и многоуровневую структуру, в которую входят факторы объективного и субъективного характера. К объективным факторам относятся «длительно не разрешаемые социальные конфликты, отсутствие механизмов

легального достижения социально-политических целей, отсутствие эффективных правовых, административных и организационных мер противодействия терроризму, маргинализация части населения» [2, с. 7]. Субъективные факторы отражаются на уровне индивидуального сознания и включают «наличие психической и физической агрессивности, дезадаптацию и социальное отторжение личности, фанатизм» [2, с. 7–8].

Терроризм является междисциплинарным предметом исследования. До настоящего времени в науке нет единого понимания и единых критериев терроризма, его типологии, объективных и субъективных признаков. Терроризм связан с идеологией экстремизма и сепаратизма. В основе терроризма лежит идеология насилия как инструмента «для достижения устрашающего эффекта и достижения целей террористической деятельности» [5, с. 333]. Терроризм связан с экстремизмом, однако данные понятия имеют различия. Экстремистская деятельность имеет идеологическую составляющую, целью которой выступает «пропаганда вражды и ненависти к представителю противоположной национальности, конфессии, определенной социальной группы или представителям определенных политических взглядов и убеждений [5, с. 333]. Социологический подход трактует экстремизм «в качестве одной из многочисленных патологий социальной системы на современном постиндустриальном этапе ее развития... как дисфункциональный элемент социальной системы» [4, с. 10]. Экстремизм представляет собой, по мнению Д.А. Лазарева, «проявление кризисных тенденций в обществе, который характеризуется выходом социальной деструктивности на уровень активного конфликта различных элементов общественной структуры, выходящего за рамки социально допустимых форм деятельности» [6, с. 52]. Основой идеологического содержания экстремизма является «насилие, проявляющееся в разжигании межнациональной, межконфессиональной, межрасовой розни» [4, с. 22]. Описывая экстремизм как сложное социальное явление, Е.Л. Кудрина, В.С. Кудрин классифицируют его по видам направленности и по степени сформированности экстремистских установок, в первом случае выделяют «этнический экстремизм, религиозный экстремизм, политический экстремизм, социальный экстремизм, экстремизм в молодежных субкультурах. Во втором случае выделяют два его вида: стихийный экстремизм и организованный экстремизм» [3, с. 206].

Основу терроризма составляет «насильственное воздействие радикальных политических групп и их приверженцев и последователей на сознание широких народных масс и структуру органов власти для продвижения, в том числе силовыми методами, своей идеологии» [5, с. 333]. С социально-правовой точки зрения «терроризм – это социально-правовое явление, проявляющееся как негативная форма социального протеста на кризисное общественно-политическое состояние, заключающееся в нарушении общественной безопасности, сопряженной с применением насилия либо с угрозой его применения, для устрашения населения с целью оказания давления на властные структуры» [2, с. 7]. Терроризм выступает как форма экстремизма, для которого характерны применение насилия с целью создания страха и паники в обществе. В отличие от экстремизма, который выражен в рамках различных идеологий и подходов, терроризм связан с антиобщественным поведением и насильственными действиями. Сходства между терроризмом и экстремизмом заключаются в их стремлении к дестабилизации общества и возможности использования насилия в достижении своих целей. Однако, в отличие от экстремизма, терроризм характеризуется ис-

пользованием насилия для создания страха и паники в обществе, а также для привлечения внимания со стороны общественности и средств массовой информации. Отличительной характеристикой терроризма является его публичный характер для устрашения населения, что позволяет дифференцировать терроризм от похожих видов преступлений.

Таким образом, терроризм характеризуется всеми признаками экстремизма. В основе терроризма лежит идеология насилия как инструмента достижения политических целей. Экстремизм и терроризм отличаются друг от друга «по цели, способам реализации и степени общественной опасности» [7, с. 112]. Терроризм выступает как более опасная форма экстремизма. Преступления террористической направленности являются более тяжкими по сравнению с преступлениями экстремистской направленности, поскольку характеризуются максимальной степенью общественной опасности.

Предпосылки идеологии и практики экстремизма и терроризма находятся в политической сфере и направлены на воздействие на органы политической власти. Терроризм, несмотря на наличие многих видов его проявления – политический, религиозный, национальный, информационный, всегда связан с применением насилия. Политический экстремизм и политический терроризм являются средством в достижении политических целей радикальных группировок, стремящихся с применением насилия повлиять на решения, принимаемые органами власти. В последнее время широкое распространение получил информационный терроризм, связанный с телекоммуникационными технологиями, с деятельностью экстремистских сайтов и групп в сети Интернет. Понимание информационного терроризма как одного из методов воздействия на разнообразные слои населения с помощью информационных ресурсов носит дискуссионный характер. Терроризму в информационной сфере присущи все признаки терроризма, к которым относятся «идеологически обоснованная практика воздействия населения, устрашающая направленная на принятие решения или совершение действия (бездействия) органом публичной власти, международной организацией, социальной группой, юридическим лицом или физическим лицом» [1, с. 135]. Терроризм в информационной сфере «порождает опасность, возникающую в результате совершения общеполитических действий либо угрозы таковыми, характеризуется публичностью исполнения, преднамеренным созданием атмосферы паники, страха, подавленности» [1, с. 135].

Развитию конфликтной общественной ситуации, которая вызывает риски проведения террористических актов, способствуют ряд факторов, среди которых можно назвать «глубокий экономический кризис, хроническую политическую нестабильность, общий структурный кризис государства и его институтов, разрушение исторических, культурных, нравственных, гуманитарных ценностей, рост национализма, национальной нетерпимости, религиозного экстремизма и сепаратистских настроений, слабость государственного аппарата, и, прежде всего, коррумпированность чиновников, низкий профессионализм спецслужб, падение авторитета власти» [2, с. 21]. Данные факторы можно рассматривать как социально-политические и социально-экономические индикаторы риска распространения терроризма и его идеологии на социально-экономическом и социально-политическом уровнях функционирования общества.

Террористическая опасность в обществе является многофункциональным и многоуровневым феноменом. Источниками террористической опасности выступают «террористическая деятельность, экстремизм и сепара-

тизм, террористические и экстремистские организации, общественная опасность личности, основным критерием которой является совершение ею преступлений террористического характера или террористической акции, официальные и самопровозглашенные органы управления и должностные лица, опасность которых может состоять как в прямой или опосредованной помощи террористической деятельности, так и в принятии ошибочных решений или проведении в целом неверной политики, регионально-локальные, а в ряде случаев глобальные конфликтные отношения, в числе которых наиболее распространены конфликты между центром и отдельными регионами, религиозные и национальные (этнические) конфликты» [2, с. 8].

Таким образом, терроризм является опасным общественным явлением, имеющим сложную, многофункциональную структуру, в основе которого лежит готовность к преступным насильственным действиям для устрашения и создания паники среди населения для достижения политических целей. На макросоциальном уровне индикаторами терроризма как социальных девиаций выступают глобальные конфликтные отношения, конфликты между центром и отдельными регионами, религиозные и национальные конфликты; на социально-политическом уровне – официальные и самопровозглашенные органы управления, оказывающие прямую или опосредованную помощь террористической деятельности; на уровне социальных систем и социального сознания – террористическая деятельность, идеология экстремизма и сепаратизма; на уровне социальных групп – террористические и экстремистские организации, в том числе в виртуальном пространстве сети Интернет; на уровне индивидуума и индивидуального сознания – личность террориста с экстремистской направленностью и готовностью к совершению преступлений террористического характера.

Литература

1. Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе // Сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – 200 с.
2. Белявский Д.Г. Детерминанты терроризма как социально-правового явления: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – М., 2007. – 32 с.
3. Кудрина Е.Л. Основные тенденции молодежного экстремизма в современной социально-культурной ситуации / Е.Л. Кудрина, В.С. Кудрин. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 32. – С. 205–212.
4. Лазарев Д.А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04. – Краснодар, 2017. – 169 с.
5. Настуев Э.Б. Экстремизм и терроризм: дифференцированный подход к соотношению понятий // Образование и право. – 2021. – № 6. – С. 330–335.

6. Плотников В.В. Экстремизм как феномен современной социальной реальности: институциональные, системные и социоструктурные факторы: дис. ... доктора социологических наук: 22.00.04. – Краснодар, 2016. – 329 с.
7. Ситникова М.П. Экстремизм и терроризм: соотношение понятий // Вестник российской правовой академии. – 2020. – № 1. – С. 109–113.

INDICATORS OF TERRORISM AS DEVIATION: SOCIAL ASPECTS

Yuldashev A.Yu., Ivonina O.G.

Nizhny Novgorod institute of management, Branch of RANEPA

The article is devoted to the social aspects of terrorism, which is a form of social deviation. The purpose of the article is to identify social indicators of terrorism as the most dangerous form of social deviation. The essence of the concepts of terrorism and extremism is revealed. Their comparative characteristics are presented from a social and socio-legal point of view. The factors of a conflict-prone social situation are described, which act as socio-economic and socio-political indicators of the risk of the spread of terrorism and its ideology. It is shown that at the macrosocial level, indicators of terrorism as social deviations are global conflict relations, conflicts between the center and individual regions, religious and national conflicts. At the socio-political level, indicators of terrorism are government bodies that provide direct or indirect assistance to terrorist organizations. Terrorist activities, the ideology of extremism and separatism, terrorist and extremist organizations, including in the virtual space of the Internet, are indicators of terrorism at the level of social systems and social groups. At the level of the individual and individual consciousness, indicators of terrorism are the personality of a terrorist with an extremist orientation and readiness to commit terrorist activities.

Keywords: terrorism, terrorist actions, extremism, extremist orientation, information terrorism, social indicators of terrorism.

References

1. Current problems of countering extremism and terrorism at the present stage // Collection of scientific articles of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation. – Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute of the Order of Zhukov named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, 2023. – 200 p.
2. Belyavsky D.G. Determinants of terrorism as a social and legal phenomenon: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.08. – M., 2007. – 32 p.
3. Kudrina E.L. Main trends of youth extremism in the modern socio-cultural situation / E.L. Kudrina, V.S. Kudrin. // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. – 2015. – No. 32. – P. 205–212.
4. Lazarev D.A. Youth extremism in the conditions of a transforming Russian society: problems of prevention and counteraction: dissertation ... candidate of sociological sciences: 22.00.04. – Krasnodar, 2017. – 169 p.
5. Nastuev E.B. Extremism and terrorism: a differentiated approach to the relationship of concepts // Education and Law. – 2021. – No. 6. – P. 330–335.
6. Plotnikov V.V. Extremism as a phenomenon of modern social reality: institutional, systemic and sociostructural factors: dis. ... Doctor of Sociological Sciences: 22.00.04. – Krasnodar, 2016. – 329 p.
7. Sitnikova M.P. Extremism and terrorism: relationship between concepts // Bulletin of the Russian Legal Academy. – 2020. – No. 1. – P. 109–113.

Теоретические подходы к исследованию сотрудничества в публичных проектах

Савинов Юрий Игоревич,

аспирант, кафедра международных отношений и таможенного дела, институт мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет
E-mail: Savinov.y8@gmail.com

В статье обозначена сущность понятий «публичное управление» и «публичный проект». Описаны свойства публичного проекта. Сделан вывод о том, что публичный проект предполагает наличие разнообразных форм и методов взаимодействия между различными акторами – властными структурами, бизнесом, обществом, международными организациями, инвесторами, наукой. Представлены некоторые проблемные аспекты сотрудничества сторон в публичных проектах: несогласованность и дублирование мероприятий, включенных в различные публичные проекты, отсутствие действенных механизмов общественного участия, слабое участие научного сообщества, неразработанность практик привлечения частных инвестиций в реализацию публичных проектов.

Ключевые слова: публичный проект, проект, проектное управление, публичное управление, инвестор, общественное участие, общественный контроль.

Термин «проект» на сегодняшний день являет собой одну из наиболее употребительных категорий, применяемых в отношении множества различных отраслей и сфер деятельности. Уже несколько десятилетий назад проект перестал быть исключительной прерогативой традиционных проектно-ориентированных отраслей – строительства, дизайна, программного обеспечения и т.д. Методы проектного управления применяются сегодня в производстве продукции и сырья, в разработке и внедрении сложных социально-технических систем, при формировании или реинжиниринге процессов организации, в реализации маркетинговых и рекламных кампаний, в рамках обучения и развития человеческих ресурсов и даже в области личностного развития. Со временем управление проектами обрело актуальность и в отношении менеджмента и модернизации больших и сложных социально-экономических систем – отраслей, городов, регионов.

Учитывая тот факт, что проектные методы работы проникли в сферу государственного управления относительно недавно, далеко не все аспекты этой предметной области исследованы в достаточной мере. Так, к примеру, многие исследователи обращаются к вопросу классификации проектов и выработке формальных критериев для выделения различных типов проектов: бюджет, продолжительность, количество задач, масштаб и проч. Кроме того, специалисты проводят сравнительный анализ проектного управления в социальной сфере за рубежом и в нашей стране. Ведется работа по анализу законодательной базы в области проектного управления на уровне государства. Исследователи предпринимая попытки представить принципы и подходы, характерные для управления крупными проектами национального или регионального масштаба [9, с. 384]. При этом вопрос о сторонах, заинтересованных или задействованных в реализации публичных проектов, а также о формах сотрудничества между ними остается нераскрытым.

Публичное управление и публичный проект

Прежде чем перейти к вопросу направлений и форм сотрудничества сторон в реализации публичных проектов, следует определить, что именно следует понимать под терминами «публичное управление» и «публичный проект».

Еще в середине XX в. исследователи стали приходить к осознанию того, что развитие общества можно представить в виде последовательности взаимосвязанных проектов. Публичный проект есть одна из форм проявления государственной власти, при этом властные отношения должны иметь двунаправленный характер: государство оказывает влияние на общество, а общество влияет на государство. Государственное управление можно назвать публичным в том случае, если оно отличается высоким уровнем открытости волеизъявлению граждан. Публичное управление представляет собой, с одной стороны, управление государства обществом, и, с другой, участие общества в собственном структурировании и развитии [7, с. 235]. Публичное управление, таким образом, выступает результатом переосмысления и уточнения понятия «государственное управле-

ние» в отношении повышения роли и полномочий граждан в государственных делах [7, с. 236]. Общественное участие выступает отличительной чертой публичного управления и выражается в конкретном воздействии общества на функционирование государственных и общественных структур.

Обобщив представленные в современной научной литературе и периодике подходы к дефиниции терми-

на «публичный проект», представим следующую интерпретацию: публичный проект – это инициатива или программа, осуществляемая, как правило, государственными органами или с их участием для решения определенных общественных проблем или достижения определенных социально значимых целей. Ключевыми параметрами публичного проекта выступают следующие (Рисунок 1).

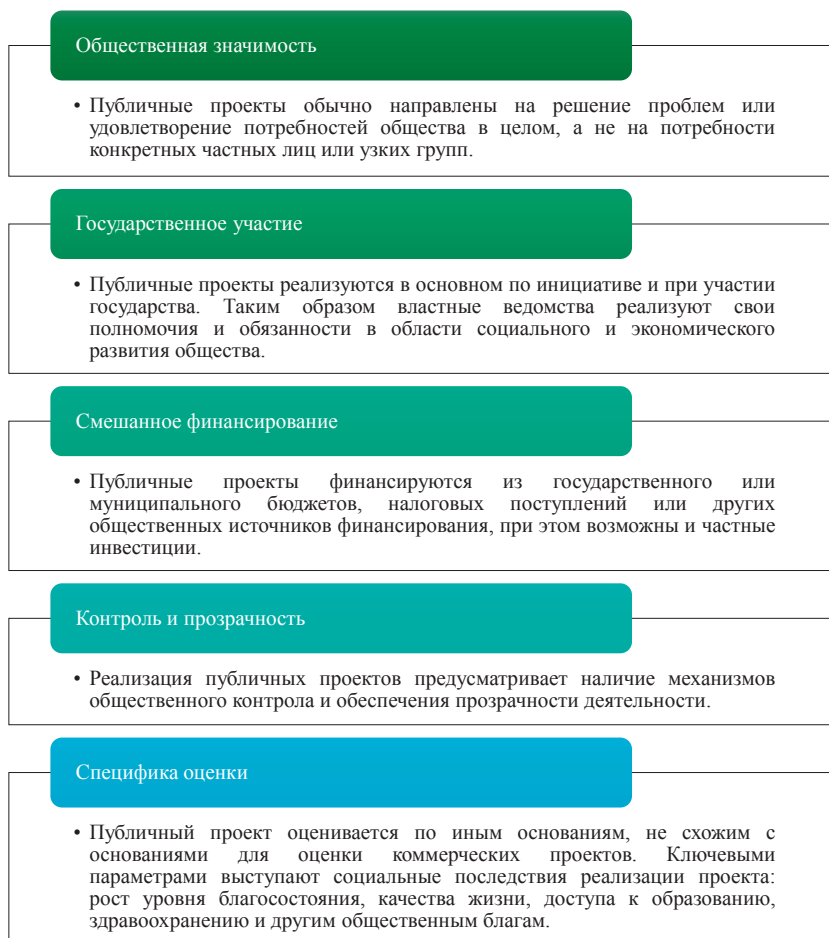

Рис. 1. Свойства публичного проекта

Примечание: источник – собственная разработка

В нашей стране активная фаза внедрения проектного менеджмента в систему публичного управления началась лишь в 2016 г. Согласно официальным источникам, проектно-ориентированное публичное управление должно быть направлено на эффективную и результативную реализацию социально значимых проектов. Выполнение публичных проектов регулируется как законами, так и посредством технического нормирования (ГОСТ Р 54869–2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом»; ГОСТ Р 54870–2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов»; ГОСТ Р 54871–2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению программой» и проч.) [3, с. 207]. При этом предполагалось, что проектные методы управления будут применяться в различных социально значимых сферах: в промышленном секторе, в строительстве, сельском хозяйстве, в образовании, в медицине и проч. В данной связи само понятие «проект» определяется в национальных стандартах (ГОСТ Р 54869–2011, ГОСТ Р 54870–2011) достаточно общо: «комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленный на создание уникального продукта или услуги в условиях временных и ресурсных ограничений» [3, с. 207]. Дефиниции тер-

мина «публичный проект» в нормативном массиве пока не представлено.

Стороны, принимающие участие в реализации публичных проектов

Публичный проект предполагает наличие разнообразных форм и методов взаимодействия между различными акторами. Рассмотрим подробнее специфику данного взаимодействия. По мнению многих исследователей, для эффективной реализации публичного проекта требуется иметь четкое представление обо всех заинтересованных сторонах, а также о характере взаимосвязей между этими сторонами [4]. Фиксация сторон и связей между ними позволяет (1) определить позицию каждой из сторон по отношению к ходу и результатам публичного проекта, (2) проанализировать возможности в плане воздействия на каждую из сторон, (3) выработать превентивные меры по предупреждению конфликтов интересов сторон [4].

Таким образом, как следует из вышеизложенного, важным свойством публичного проекта выступает наличие нескольких сторон, каждая из которых имеет собственные интересы и потребности и в разной степени участвует в реализации проекта (Таблица 1).

Таблица 1. Стороны, принимающие участие в реализации публичных проектов

Участник публичного проекта	Функции
Исполнительные органы государственной, региональной, муниципальной власти	Властные ведомства выступают ключевыми участниками в реализации публичных проектов, поскольку они обладают полномочиями и ресурсами для организации и управления проектами на уровне государства/региона.
Общественность	Участие общества является важным аспектом успешной реализации публичных проектов. Местные жители могут предоставлять обратную связь, выражать свои потребности и интересы, а также участвовать в процессе принятия решений посредством механизмов общественных собраний, консультаций, голосований, анкетирования, волонтерства и др.
Международные организации	Некоторые публичные проекты могут иметь трансграничный характер, поэтому участие в них принимают международные организации. Имеются случаи реализации внутристрановых публичных проектов при участии зарубежных участников. Международные структуры оказывают информационную, техническую поддержку, выступают источником финансирования.
Научное сообщество	Исследователи и научные институты могут вносить свой вклад в реализацию публичных проектов посредством проведения научных исследований, консультаций по техническим вопросам или предлагая инновационные решения.
Бизнес	Предприятия предоставляют свои услуги, продукцию, необходимые в реализации публичных проектов. Представители бизнес-сообщества могут принимать участие в реализации проектов в рамках практики государственных контрактов (госзаказ).
Инвесторы	Инвесторы играют важную роль в финансировании публичных проектов. Инвесторами могут выступать частные лица, бизнес-структуры, финансовые институты, фонды, международные организации.

В целом следует сказать, что сотрудничество и взаимодействие между всеми сторонами, а также координация их усилий и ресурсов для достижения поставленных целей выступают важнейшими условиями для эффективной реализации публичных проектов.

Сотрудничество в публичных проектах может принимать различные формы, которые зависят от характера проекта, его целей и участников. *Государственно-частное партнерство* – такая форма сотрудничества, при которой государственные органы и частные компании взаимодействуют в целях реализации публичных проектов. Частные компании могут вносить финансовые, технические и операционные ресурсы, в то время как государство обеспечивает законодательную и институциональную поддержку проекта. В рамках *международного сотрудничества* различные страны могут объединять свои усилия для реализации общих проектов. *Межведомственное партнерство* предполагает объединение усилий федеральных, региональных, муниципальных органов власти для реализации проектов, которые касаются конкретных районов или городских инфраструктурных потребностей. Межведомственное взаимодействие может протекать по вертикальному вектору – речь идет о взаимодействии разных уровней управления (федеральные органы и органы региональной власти и т.п.), либо по горизонтали – когда сотрудничающие стороны находятся на одном уровне иерархии власти [3, с. 210]. *Сетевой формат сотрудничества* имеет место в ситуациях, когда различные акторы объединяют свои ресурсы и усилия для достижения общих целей проекта. Все эти формы сотрудничества могут сочетаться и адаптироваться в зависимости от конкретных условий реализации публичного проекта.

Проблемные аспекты сотрудничества сторон в публичных проектах

Специалисты, которые обращаются к вопросам сотрудничества сторон в публичных проектах, отмечают наличие ряда неразрешенных проблем ([1]; [2]; [5]; [9] и др.). Так, в частности, отмечается *несогласованность и дублирование мероприятий*, включенных в различные публичные проекты, что приводит к *диффузии ресурсов и снижению целесообразности реализации проектов*.

Кроме того, при выработке проектов не всегда учитываются реализуемые или планируемые проекты, поэтому **содержание выполняемых одновременных публичных проектов не всегда коррелирует между собой**.

Важным проблемным аспектом остается **отсутствие действенных механизмов общественного участия**. Общественное участие является составным компонентом и инструментом реализации крупных общественных проектов [8, с. 79]. Понятие «общественное участие» в нашей стране, как правило, сужается до понятия «учет мнения граждан». Тем не менее, общественное участие гораздо шире, чем принятие во внимание мнений представителей общественности [7, с. 237].

Формально граждане нашей страны могут и должны быть вовлечены в процесс реализации публичных проектов. На текущий момент имеется нормативная правовая база общественного контроля, повсеместно сформированы субъекты общественного контроля – общественные палаты и советы. Де юре в арсенале общественного контроля и участия имеются разнообразные инструменты – общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, общественные обсуждения и слушания [5, с. 160]. Де факто все эти мероприятия носят формальный характер или же игнорируются в принципе. Предусмотрено, к примеру, право гражданина участвовать в осуществлении общественного контроля и лично, и в составе общественного объединения. Тем не менее, **личное участие граждан в реальной практике является, скорее, исключением** [5, с. 161].

Еще одним проблемным аспектом выступает **слабое участие научного сообщества в реализации публичных проектов**. Наблюдается отсутствие четкого определения роли научного сообщества в публичном проектировании. Как показывает зарубежная практика, представители науки могут быть участниками партнерства, обеспечивать кадровый потенциал или непосредственно участвовать в управлении публичными проектами [2, с. 695].

Наконец отметим проблему, связанную с **неразработанностью практик привлечения частных инвестиций в реализацию публичных проектов** [6, с. 37]. Как правило, **сотрудничество между бизнесом и государством сводится лишь к исполнению государственных контрактов**. Тем не менее, бизнес может инвестировать

в крупные публичные проекты, ведь далеко не все они являются априори убыточными (как это свойственно многим проектам социальной направленности). Для привлечения большего количества частных инвестиций в публичные проекты в России необходимо проведение мероприятий по улучшению инвестиционного климата, упрощению процедур частных вливаний в реализуемые государством проекты, развитию системы финансовых инструментов и повышению прозрачности процесса реализации проектов.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Публичное управление представляет собой результат переосмысления и уточнения понятия «государственное управление» в отношении повышения роли и полномочий граждан в государственных делах. Общественное участие выступает важной чертой публичного управления и выражается в конкретном воздействии представителей общественности на развитие общества.
2. Публичный проект – инициатива или программа, осуществляемая, как правило, государственными органами или с их участием для решения определенных общественных проблем или достижения определенных социально значимых целей. Ключевыми параметрами публичного проекта выступают: социальная значимость, участие государства, смешанные источники финансирования, общественный контроль и прозрачность, оценка на основании социально значимых критериев.
3. Публичный проект предполагает наличие разнообразных форм и методов взаимодействия между различными акторами, среди которых выделим следующие: исполнительные органы государственной, региональной, муниципальной власти, общественность, международные организации, научное сообщество, бизнес, инвесторы.
4. Среди проблем в сотрудничестве сторон в реализации публичных проектах можно отметить несогласованность и дублирование мероприятий, включенных в различные публичные проекты, отсутствие действенных механизмов общественного участия, слабое участие научного сообщества в реализации публичных проектов, неразработанность практик привлечения частных инвестиций в реализацию публичных проектов.

Литература

1. Еремина, И.А. Проблемы внедрения комплексного публичного проекта развития территории региональными органами управления в условиях неопределенности / И.А. Еремина, Х.М. Мусаева // Деловой вестник предпринимателя. – 2022. – № 3 (9). – С. 52–61.
2. Игнатова, Т.В. Участие научного сообщества в публичном управлении проектами государственно-частного партнерства / Т.В. Игнатова, В.Ф. Марадудина // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2016. – № 11–3. – С. 695–699.
3. Лапина, М.А. Концептуальные и финансово-правовые аспекты публичного управления национальными проектами / М.А. Лапина, А.Г. Гуринович, А.В. Лапин // Право и политика. – 2020. – № 9. – С. 206–221.
4. Марадудина, В.Ф. Оценка значимости и прозрачности проектов государственно-частного партнерства как инструмент публичного управления / В.Ф. Марадудина // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2015. – № 2. – С. 288–293.
5. Михеев, Д.С. Общественный контроль в механизме реализации национальных проектов / Д.С. Михеев // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2022. – № 2 (30). – С. 159–163.
6. Овсянникова, Я.А. Источники финансирования проектов публично-частного партнерства / Я.А. Овсянникова // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2012. – № 1 (14). – С. 33–37.
7. Ревякин, С.А. Понятийно-категориальный аппарат проектов общественного участия / С.А. Ревякин // АНИ: экономика и управление. – 2017. – № 2 (19). – С. 235–238.
8. Скалабан, И.А. Общественное участие: завершение или кризис модернистского проекта? / И.А. Скалабан // Идеи и идеалы. – 2015. – № 2 (24). – С. 78–87.
9. Титов, С.А. Открытый проект как особый тип проектов / С.А. Титов, Н.В. Титова // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 9–2. – С. 384–388.

THEORETICAL APPROACHES TO COOPERATION IN PUBLIC PROJECTS

Savinov Yu.I.
Baikal State University

The article defines the concepts “public administration” and “public project”. The essential parameters of a public project are described. It is concluded that a public project presupposes the presence of various forms and methods of interaction between various actors – government structures, business structures, society, international organizations, investors, scientific institutions. Some issues of cooperation between the parties in public projects are presented: inconsistency and duplication of activities included in various public projects, lack of effective mechanisms for public participation, weak participation of the scientific community, undeveloped practices for attracting private investment in the implementation of public projects.

Keywords: public project, project, project management, public management, investor, public participation, public control.

References

1. Eremina, I.A. Problems of implementing a comprehensive public project for the development of territory by regional authorities in conditions of uncertainty / I.A. Eremina, Kh.M. Musaeva // Business Bulletin of the Entrepreneur. – 2022. – No. 3 (9). – P. 52–61.
2. Ignatova, T.V. Participation of the scientific community in public management of public-private partnership projects / T.V. Ignatova, V.F. Maradudina // Russia: trends and development prospects. – 2016. – No. 11–3. – pp. 695–699.
3. Lapina, M.A. Conceptual and financial and legal aspects of public management of national projects / M.A. Lapina, A.G. Gurinovich, A.V. Lapin // Law and Politics. – 2020. – No. 9. – pp. 206–221.
4. Maradudina, V.F. Assessing the significance and transparency of public-private partnership projects as an instrument of public administration / V.F. Maradudina // State and municipal management. Scientific notes. – 2015. – No. 2. – pp. 288–293.
5. Mikheev, D.S. Public control in the mechanism for implementing national projects / D.S. Mikheev // Bulletin of the Mari State University. Series “Historical Sciences. Legal sciences”. – 2022. – No. 2 (30). – pp. 159–163.
6. Ovsyannikova, Ya.A. Sources of financing for public-private partnership projects / Ya. A. Ovsyannikova // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. – 2012. – No. 1 (14). – pp. 33–37.
7. Revyakin, S.A. Conceptual and categorical apparatus of public participation projects / S.A. Revyakin // ANI: economics and management. – 2017. – No. 2 (19). – pp. 235–238.
8. Skalaban, I.A. Public participation: completion or crisis of the modernist project? / I.A. Skalaban // Ideas and ideals. – 2015. – No. 2 (24). – pp. 78–87.
9. Titov, S.A. Open project as a special type of projects / S.A. Titov, N.V. Titova // Fundamental Research. – 2015. – No. 9–2. – pp. 384–388.

«Суператтрактор В.П. Бранского» и проблема свободы: методологический анализ

Бусов Сергей Васильевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
E-mail: swbusoff@mail.ru

В статье представлена концепция суператтрактора Санкт-Петербургской школы социальной синергетики, в которой описывается ускоряющийся и усложняющийся процесс формирования фундаментального инварианта идеологии в виде общечеловеческого (абсолютного) идеала, прагматическим аспектом реализации которого является суператтрактор. Инновационная идея глобального аттрактора переосмысливает проблему предела сложности как высшей точки социального прогресса, что позволяет раскрыть это понятие в виде апогея технического и художественного развития человечества, воплотившего переход человечества в сверхчеловечество. Данная проблематика связана с «парадоксом И. Пригожина о свободе» и с рядом других парадоксов, таких как эсхатологический и экзистенциальный. Концепция суператтрактора, по нашему мнению, перспективна, хотя на пути к непротиворечивой теории она пока еще не преодолела стадии парадоксов.

Ключевые слова: свобода, ответственность, идеал, возможность, социальный отбор, суперотбор, суператтрактор, парадокс.

Теория самоорганизации считается одновременно и теорией прогресса, поскольку научно обосновывает наблюдаемые всеми процессы взаимных переходов хаоса и порядка, иерархизации и деиерархизации материальных систем, которые в результате эволюции становятся многоуровневыми и сложноорганизованными. Особой сложностью наделены процессы социобиологического и духовного характера. Современный уровень развития далеко еще не предел сложности, поскольку в исторический процесс все более и более вмешивается такой важный фактор как свобода.

Направление исследований, определяемое В.П. Бранским, лидером Санкт-Петербургской научной школы социальной синергетики, как синергетическая философия истории (СФИ), включает помимо философии истории также философию искусства, философию религии и философию человека. По мнению В.П. Бранского, проблема смысла истории и смысла человеческого существования «связана с проблемой сущности человека». «В анализе сущности человека, – пишет он, – СФИ исходит из того, что человек есть идеологическое животное, т.е. конечным мотивом поведения человека, его, так сказать, стратегическим ориентиром, является некий идеал, а конечным результатом – реализация идеала, а именно – ценность» [16, с. 33]. Проявления сущности человека в большой степени сводятся к актам выбора, к формам проявления человеческих способностей в способах трудовой деятельности. Способы действия человека формируются как ответ на его (в отдельности) и социума (в целом) растущие потребности в меняющихся условиях среды. СФИ вводит в исследование человека и общества понятия «социального отбора», «суперотбора» и «суператтрактора», внося тем самым принципиальную новизну в концепцию универсального эволюционизма (Н.Н. Моисеев, Г.Г. Малинецкий, А.П. Назаретян и др.). СФИ открывает новые методологические возможности в интерпретации старых философских проблем, таких как проблема «противоположности материалистического и идеалистического понимания истории», проблема «противоположности объективных и субъективных факторов» в истории, предполагающая ключевое значение феномена свободы, а также проблема «противоположности естественного и искусственного отбора», вылившаяся в концепцию «социального отбора» [16, с. 22–23]. Означенные проблемы на данном этапе развития представлений об обществе и человеке, действительно, не могут обойтись без их осмысления с позиций теории самоорганизации. Потому особенно важным становится понятие «диссипативной структуры» (И. Пригожин), которое является «концептуальным фундаментом синергетики» (В.П. Бранский). Существование диссипативной структуры возможно только в условиях ее обмена со средой веществом и энергией. Благодаря такому обмену система поддерживает низкую энтропию

в основном за счет «сброса» ее во внешнюю среду (так называемый «тепловой поток»). Главным в понятии диссипативной структуры оказывается соотношение «хаоса микроуровня» системы и связанного с ним процесса «автоколебаний порядка и хаоса» на макроуровне (с учетом динамики соотношения «производства энтропии» и «потока энтропии»). «...В классической термодинамике тепловой поток считался источником потерь. – Пишут И. Пригожин и И. Стенгерс. – В ячейке Бенара тепловой поток становится источником порядка» [14, с. 198]. Проще говоря, соотношение «источников» и «стоков» дает нам представление об уровне гомеостаза системы, включая человеческое общество и, в частности, указывает на «пороговые» значения величин, свидетельствующих о том, что система находится в слабо- или в сильно неравновесном состоянии, что позволяет нам получить определенное представление о перспективах ее дальнейшего развития.

Центральное положение в синергетической эссенциологии СФИ занимает учение о социальном отборе. Потому, чтобы сформировать адекватный взгляд на будущее сложной открытой системы, следует понять, как работает социальный отбор, действующий посредством системы факторов – тезауруса, детектора и селектора [17, с. 21]. «Социальный тезаурус (множество возможных социальных структур) создается социальными бифуркациями, в роли которых выступают периодически наблюдаемые в любых обществах социальные кризисы, связанные с революционными ситуациями» [1, с. 510–511]. На разных уровнях системы, находящейся в неустойчивом состоянии, возникают разные варианты дальнейшего пути. Внутреннее взаимодействие элементов социальной системы, на основании которого из тезауруса отбирается возможная «бифуркационная структура», образует то, что в СФИ получило название детектора. Отобранная из тезауруса возможная структура, «обозначает себя» в качестве «субъекта», чтобы заняться реализацией своего проекта, создавая для этого соответствующие условия. Однако другие субъекты занимаются тем же. «Как показывает история, – пишет В.П. Бранский, – специфика социального детектора состоит в том, что его функцию выполняет в конечном счете *борьба* (взаимодействие) различных (в том числе альтернативных) *социальных идеалов*» [1, с. 511]. Все социальные отношения, в которых актуализируются идеалы имеют место исключительно в сфере свободы. С точки зрения эволюции общественного производства социальный отбор осуществляется исключительно на материале изменений в способах производства сфер жизни [4, с. 36]. Следовательно, тезаурус формируется из возможностей изменения данных способов производства, а детектор, в свою очередь, представляет собой единство конкуренции и кооперации способов производства, в частности, выраженных в идеалах, носителями которых являются субъекты, будь то государство или корпорация, школа или отдельный индивид.

Субъекты, как правило, руководствуются стремлением к максимальной устойчивости своего положения. Устойчивость, понимаемая широко, есть не только гомеостазис, но также и универсализация системы, т.е. максимальное расширение ее функций. В.П. Бранский обозначает это термином «селектор». Селектор есть функция детектора, однако, в СФИ принято выделять его как отдельный фактор отбора. Селектор функционирует в виде сигнала, гештальта, руководящего принципа, образца, т.е. в виде социального идеала. Это фактор воздействия нелинейных обратных связей в социуме, причем, эти связи можно охарактеризовать, скорее, как информационные, а не энергетические: организованное

через обратную связь, резонансное воздействие селектора (сигнала) приводит к значительному усилению или, наоборот, к ослаблению процессов в социальной среде. Здесь вполне корректны аналогии с метаболическими процессами автокатализа, определяющими основу самоорганизации на молекулярно-клеточном уровне. Большую роль в таких процессах играет сигнал химической природы (для молекулярно-клеточных структур) и духовной природы (для социальных структур), который запускает механизм резонансного разветвления процессов. Селективность, по словам Г. Саймона, есть способность к отбору [15, с. 117]. Селектор, будучи фактором обратной связи, проявляется посредством взаимодействия социального целого со структурами, оказавшимися наиболее устойчивыми в период флуктуаций. Сведения о таких структурах составляет информационный багаж, которым пользуются субъекты, хранители опыта поколений, творцы науки и идеологии, создающие знание о социальных отношениях. «Неудачные выборы» отбраковываются отбором, а «удачные» сохраняют значение в качестве «принципа устойчивости»; они формируют механизм самовлияющего разветвления процессов. Так, для устойчивости экономики стран, добывающих нефть, важен тезаурус возможностей экспорта сырья; детектор в лице мирового рынка нефти, представленного конкуренцией и кооперацией стран-экспортеров (например ОПЕК+), распределяет и реализует возможности товаропроизводителей, руководствуясь селектором – кривой мировых цен на нефть, их волатильностью. Субъект (страна) способна воздействовать на селектор за счет регулирования уровня добычи, но имеют место и попытки установления «потолка цен», «ценового коридора» и т.п.

Концепция СФИ описывает все более ускоряющийся и усложняющийся процесс формирования фундаментального инварианта любой идеологии в виде общечеловеческого (абсолютного) идеала, прагматическим аспектом реализации которого может стать глобальный предел социальной самоорганизации – суператтрактор, «характеризующийся достижением меры синтеза стремления глобальной системы к хаосу (свободе, предполагающей нарушение социальных норм), с одной стороны, и к порядку (ответственности, предполагающей соблюдение социальных норм) – с другой» [3, с. 59]. Эта проблематика почти полностью вытекает из «парадокса И. Пригожина о свободе». Речь идет о перспективе свободы в нарождающемся мире «сетей» и глобализации [13]. Глобализация меняет форму и содержание. В начале XXI века она выражала глобальное доминирование Запада, в частности, США. Теперь появились другие глобальные игроки, а стало быть, другие формы названного процесса. Такие проблемы, как эсхатологическая и экзистенциальная, обострились посредством усиления противоположных тенденций в развитии человечества, а именно, с одной стороны расширились возможности социального порядка за счет процессов унификации и появления тоталитарных форм управления обществом, а с другой – неконтролируемый рост свободы за счет индивидуализации и анархизма.

Уже говорилось о творческом подходе к преобразованию селектора; здесь вполне уместна метафора «хитрости человеческого разума», употребленная классиками марксизма по аналогии с гегелевской «хитростью мирового разума». Посредством обновленного селектора субъект может повлиять на детектор, что, в свою очередь, приведет к обновлению содержания тезауруса, в котором появятся новые, порой, неожиданные и уникальные, возможности. Эти возможности, как вариационные перспективы двух экстремум, в синергети-

ке обозначены двумя видами аттракторов – странного и простого; они могут выражать не только перспективу углубления кризиса, но и возможность более сложного порядка, т.е. возможность асимптотически устойчивого функционирования целостной неравновесной системы. Странный аттрактор – это область, где, если говорить о способах воспроизводства социальных структур, даже малые флуктуации способны нарушить их устойчивость, где происходит деиерархизация диссипативных структур, разрушение целостности. Напротив, простой аттрактор характеризуется тем, что формируется иерархически сложная целостная система, при этом достигается определенный уровень устойчивости процессов ее обмена со средой. В том и другом случае выход на аттрактор приводит к необратимым изменениям системы. Фактор свободы, вмешивающийся в «балансирование» системы между простыми и странными аттракторами, значительно *убыстряет* темп самоорганизации, что, во-первых, радикально изменяет параметры как порядка, так и хаоса, извлекая и используя все новые и новые, порой, уникальные возможности, возникающие в процессе возрастающего темпа исторического развития общества, а, во-вторых, служит первой существенной характеристикой суперотбора, как отбора самих факторов отбора [17, с. 22]. Другой из характеристик суперотбора мы бы назвали элевационизм (возведение) – метод, сформулированный А.П. Назаретяном, при котором продуктивные образцы распространяются не «снизу вверх», а «сверху вниз», от эволюционно позднейших к более ранним формам взаимодействия [12]. «Вырвавшиеся вперед» прогрессивные формы существования в виде образца (селектора) оказывают преобразующее воздействие на «отставшие» и «ранние формы взаимодействия». Это особенно характерно для социальной системы, которая, согласно Назаретяну, приспособляется не столько к изменяющимся условиям среды, сколько к собственным растущим возможностям и последствиям своей деятельности, представленным, очевидно, достижениями науки и технического прогресса. В формулировке «закона техно-гуманитарного баланса» сказано: «чем выше потенциал производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для выживания общества» [11, с. 94]. Опираясь на исследуемые им исторические тенденции, Назаретян вывел феноменологическую закономерность, отражающую пропорцию между численностью населения региона за фиксированный период времени и числом жертв насилия за тот же период, что позволило рассчитать «коэффициент кровопролитности» [10, с. 95–96]. По его расчетам этот коэффициент в процессе исторического развития человечества имеет тенденцию к снижению.

Столь обнадеживающая тенденция, однако, требует разъяснения: что же лежит в ее основе? В основе ее лежит, помимо вышеозначенного действия социального отбора, феномен свободы. Рассмотрим, как проявляется управляющее воздействие субъекта на систему. Во-первых, человеку надо суметь определить объективный набор возможных «бифуркационных структур» (в терминах СФИ – это тезаурус), характерных для данного социума, во-вторых, попытаться следовать естественным тенденциям его эволюции, т.е. видеть расстановку и соотношение сил (это детектор), в-третьих, рассчитать оптимальное соотношение «источников» и «стоков» системы «социум-среда», при котором система приобрела бы наибольшую устойчивость (это селектор). Сошлемся на мнение С.П. Курдюмова и Г.Г. Малинецкого. Они полагают, что в каждом нелинейном процессе есть стадия, где сложная система особенно чувствительна

к воздействиям, согласованным с ее внутренними свойствами (резонансным воздействиям) [8]. Действительно, управляющее воздействие на процессы развития диссипативной структуры может быть эффективным лишь тогда, когда оно согласовано с внутренними свойствами системы, т.е. является резонансным. Резонансное воздействие, хотя и слабое, весьма эффективно; оно означает, что важна не величина, не сила управляющего воздействия, а его адекватная пространственная организация. По мнению Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, если мы будем «укалывать» систему в нужное время и в нужном месте, согласованно с ее внутренними структурами (то есть будем попадать с этими структурами в резонанс), то мы получим желательный вариант развертывания событий в системе [7, с. 108]. С позиций СФИ таким «желательным вариантом» является суператтрактор. Предметом теоретического исследования становится вышеназванная парадоксальная ситуация, выраженная в «парадоксе И Пригожина о свободе», пути решения которой возможны на основе осмысления предела культурного развития человечества, который заключает в себе смысл человеческого бытия, сущностно выраженный в смысле индивидуальной жизни и индивидуальной смерти.

Итак, важнейшим фактором движения к суператтрактору является свобода. В чем он может проявляться в условиях названной глобальной тенденции? Человек лишь тогда свободен, когда, зная механизмы самоорганизации, может сознательно ввести в среду соответствующую флуктуацию, т.е., если можно так выразиться, «уколоть среду» в нужных местах и тем самым направить ее движение. Но направить, опять же, не куда угодно, а в соответствии с потенциальными возможностями самой среды. Выбор всегда ограничен возможностями объекта, который не пассивен, а «обладает собственной “свободой”» [5, с. 56]. Поэтому нельзя объяснить процессы социальной самоорганизации только свободой отдельных индивидов. Так, «на микроэкономическом уровне миграция людей носит интенциональный характер (т.е. она зависит от идеалов. – С.Б.) и нелинейна (т.е. зависит от индивидуальных и коллективных взаимодействий. – С.Б.). Основной результат синергетики и в этом случае сводится к выводу о том, что эффекты внутри- и межнациональной миграции не могут быть объяснены *свободой воли* отдельных персон» [9]. Это важный уточняющий момент, касающийся проблемы свободы. В социуме все структуры представлены людьми и отношениями между ними, следовательно, любое воздействие на систему – это воздействие на людей и путем убеждений, согласований, а то и приказов, или путем прямого насилия. Но наиболее эффективный способ воздействия – это воздействие на их души, на их умы. Так, мы снова возвращаемся к понятию селектора и к идее суперотбора, поскольку только суперотбор, по сути, может привести к возникновению *уникальных* эволюционных возможностей развития человеческого сообщества, определенный набор которых, собственно, и содержит «узкий коридор в сложное», точнее говоря, в «сверхсложное» (которое определяется СФИ как суператтрактор), восхождение к которому «означает реализацию все более маловероятных событий» [7, с. 54–55].

Продуктивный анализ означенного процесса способна провести, с нашей точки зрения, социальная синергетика. «Согласно закону самоорганизации идеалов формирование общечеловеческого (абсолютного) идеала характеризуется образованием инвариантного ядра. Материальным воплощением такого идеала становится суператтрактор...» [3, с. 62]. В «абсолютном идеале» снимается исторически обусловленное противоречие

между свободой и ответственностью, а следовательно, получает свое разрешение и «парадокс И. Пригожина о свободе». С точки зрения В.П. Бранского, будущий глобальный мир должен представлять собой не только «абсолютное техническое произведение», но также и «абсолютное художественное произведение», для создания которых требуется свобода творчества; правда, субъектом такого творчества, согласно В.П. Бранскому, становится сверхчеловек [1, с. 676]. Суператтрактор как раз и должен являть собой бесконечно растущий синтез ноосферы и эстетосферы, как *единства* вышеназванных «произведений», которое создается человечеством посредством реализации общечеловеческого идеала. В соответствии с принципом *роста степени синтеза порядка и хаоса* рост социальной ответственности зависит, как это не парадоксально, от роста свободы.

Природа идеала предполагает снятие всех противоречий, присущих реальной вещи, очищение ее образа от всех свойств, затемняющий ее сущность. Сюда относится, в частности, преодоление противоположности специфического и универсального. В идеале происходит очищение предмета от его специфических черт и углубление универсальных. Так, синергетика расширенного воспроизводства общественной структуры опирается на растущую *универсальность* ресурсов; по сути, любая вещь, как и человек, знак или организация, т.е. любой продукт общественного производства может применяться и как вещь, и как организация, и как информация, и как человек. Условно выражаясь, таков принцип «*Емелиной печи*», которая и пироги печет, и разговаривает с хозяином, и организует разные увеселения. Согласно с этим принципом, универсальная вещь может быть и субъектом производства, и материальным благом, и идеей, и организацией. Функциональная универсальность заложена в способ производства, но пока лишь в возможности; ее уникальность пока не проявляется достаточно полно и широко, напротив, в современной действительности господствует довольно узкая специализация. Возможности вышеперечисленных «синтезов» и «единств» разных противоположных тенденций развития человечества как раз и относятся к разряду уникальных.

Кроме «парадокса И. Пригожина» В.П. Бранским представлен «эсхатологический парадокс» [2, с. 58]. Его суть в том, что если бы человек как биологическое существо стал бессмертным, то социальная жизнь и вместе с нею история человечества потеряли бы всякий смысл [2, с. 58]. Посылка «бессмертия человека» не выглядит на первый взгляд правдоподобной, однако речь идет о важности смены поколений людей. Если бы прекратилась смена поколений, прекратилось бы то необходимое взаимодействие человеческих идеалов, которое приводит к формированию и в конечном счете – к процессу реализации общечеловеческого идеала. Следовательно, параметры механизма смены поколений становятся важнейшим условием движения человечества к суператтрактору. С эсхатологическим парадоксом связан экзистенциальный парадокс (рост продолжительности жизни и укорочение цикла смены поколений). Так, наряду с прогрессом свободы, градиент продолжительности жизни людей является кардинальным условием формирования тезауруса уникальных возможностей, эсхатологически «привязанных» к суператтрактору. В контексте роста продолжительности жизни происходит ускоренный темп смены исторических событий, что характеризуется усилением напряженности и борьбы за свои интересы между странами, народами, социальными группами, что периодически уже подводит и будет подводить человечество к глобальной катастрофе. Циклы приближения

к общечеловеческой катастрофе будут укорачиваться, потому важным становится и укорочение цикла периодической смены поколений. Здесь следует определить масштаб «эволюционного шага», а для этого надо определиться с адиабатическими инвариантами, т.е. отыскать в историческом процессе медленные переменные и «работать» прежде всего с ними. В поиске такого рода медленных переменных мы натываемся на разные временные интервалы (итерации) эволюционных изменений. Как пишут С.П. Капица, С.П. Курдюмов и Г.Г. Малинецкий, иерархия временных интервалов примерно такова: катастрофы, стихийные бедствия, религиозные конфликты, использование вооруженных сил – все это дни-недели; решения политического руководства – недели-месяцы; изменение стереотипов массового сознания под влиянием средств массовой информации – 1–3 года; экономические реформы – 3–5 лет; изменение уровня образования, качества подготовки специалистов – 8–10 лет; технологические и технические нововведения – 10–15 лет [6]. Учитываем лишь наиболее важные для нашей концепции итерации из всех, перечисленных указанными авторами. За ними скрывается возрастающий темп отбора и суперотбора, предполагающий крушение частночеловеческих идеалов, а точнее, той значительной части их содержания, которая «уходит» вместе с исчезновением предыдущего поколения и замены его последующим поколением, ибо без этого невозможно образование инвариантного ядра общечеловеческого идеала. Парадокс в том, что, с одной стороны, жизнь человека удлиняется, а с другой – темп смены поколений возрастает, ускоряя исторический процесс. Что тогда понимать под «сменой поколений»? Постоянную ротацию людей (населения), социально-политических элит, ученых-специалистов или в конце концов, как уже говорилось ранее, смену частночеловеческих идеалов? Разрастание инвариантного ядра (в лице истинного знания, нравственной чистоты и художественной выразительности) и сбрасывание «скорлуп» (в виде разного рода отсылительных истин, утопий, моральных и эстетических девиаций) – это единственный способ формирования и, по сути, реализации общечеловеческого идеала. Этот Идеал – идеал с большой буквы – аккумулирует *истинную* информацию о возможностях, об условиях и предпосылках «удачного выбора», о главном векторе развития человечества, об «оптимальной жертве», о глобальных рисках и т.д. Суператтрактор предполагает единство двух глобально развитых сфер – технической и художественной, техносферы и эстетосферы; он является своего рода абсолютным производением искусства, в котором техническое мастерство полностью совпадает с художественной выразительностью. Связующим звеном обеих сфер становится особая мораль, присущая сверхчеловеку и сверхчеловечеству, а именно, дополняющие друг друга техноэтика и этика эстетосферы. Этические антиномии и парадоксы прежних этапов эволюции человечества могут быть преодолены. Возникнут новые антиномии сверхчеловечества. Старые антиномии предполагают то, чем Ф.М. Достоевский заставлял мучиться одного из своих героев – Ивана Карамазова: зло случается, оно даже неизбежно случается, т.е. оно существует, следовательно, оно необходимо; но оно не должно существовать! В представленном умозаключении Ивана Карамазова мы видим противоречие между сущим (то, что есть) и должным (то, что должно быть), т.е. между нормой и идеалом. Норма не может исключать того, что реально существует (зло действительно существует), а идеал, в свою очередь, как предельное представление о желаемом, может и *должен* исключить то, что нежелательно и противно убеждениям. Но поскольку люди

сами создают (или участвуют в создании) как нормы, так и идеала, то способны примирить, гармонизировать сущее и должное – и тем самым преодолеть антиномии. Сама собой такая гармония в жизни не складывается (такова уж «ирония» мировой истории), следовательно, надо к этому стремиться и этого добиваться. Там, где человек лишен возможности создавать условия собственного существования, не может быть свободы, общечеловеческой морали и ценностей. Антиномии, как правило, возникают там и тогда в познавательном и жизненном процессе, где человек ограничен, его воля ограничена, подчинена враждебным обстоятельствам, где отсутствует (или крайне недостаточен) момент творческого преобразования мира, создания условий собственного существования.

Идея суператтрактора в СФИ есть ее главный вопрос и главная проблема Санкт-Петербургской научной школы социальной синергетики; в настоящее время она является, скорее, идеологическим феноменом, чем строго научным, но нам видится в ней глубокий эвристический потенциал, требующий своего раскрытия.

Литература

- Бранский В.П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 1999. 704 с.
- Бранский В.П., Михайлова И.Г., Зобова М.Р. Проблема «смысла жизни»: общеполитическое и общенаучное значение. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. 83 с.
- Бранский В.П., Пожарский С.Д., Михайлова И.Г., Бусов С.В., Зобова М.Р. Глобальное развитие человечества с позиций синергетической философии истории // Вопросы философии. № 5. 2017. С. 55–65.
- Бусов С.В. Общественное производство и социальный отбор // Новые идеи в философии. Вып. 18. Актуальные проблемы научной философии. В 2 т. Пермь, 2009. Т. 2. 124 с.
- Интервью с С.П. Курдюмовым // Вопросы философии. № 6, 1991.
- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. URL: <https://spkurdyumov.ru/forecasting/sinergetika-i-prognozy-budushhego/6/> (время обращения: 14.04.2024).
- Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомыры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.
- Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика – теория самоорганизации. Идеи, методы, перспективы. – М.: Знание, 1983.
- Майнцер К. Сложность и самоорганизация: возникновение новой науки и культуры на рубеже веков. URL: <https://spkurdyumov.ru/what/slozhnost-i-samoorganizaciya-vozniknovenie-novoj-nauki/> (время обращения: 14.04.2024)
- Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Изд-во МБА, 2013. 440 с.
- Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. 1997, № 2. С. 91–98.
- Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории.: Синергетика, психология и футурология. – М.: ПЕР СЭ, 2001.
- Пригожин И. Творящая натура. Детерминизма нет ни в обществе, ни в природе // Эксперт. № 48 (260). 18 декабря 2000 // URL: <https://innovations2005.narod.ru/Seminars/13.htm> (время обращения: 14.04.2024)
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с. С. 198.
- Саймон Г. Науки об искусственном: Пер с англ. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2004. 144 с. (Науки об искусственном).
- Синергетическая теория ценностей / коллективная монография под ред. В.П. Бранского, С.Д. Пожарского. СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2012. 168 с.
- Синергетическая философия истории / коллективная монография под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. Рязань: Копи-Принт, 2009. 314 с.

“V.P. BRANSKY’S SUPER-ATTRACTOR” AND THE PROBLEM OF FREEDOM: METHODOLOGICAL ANALYSIS

Busov S.V.

St. Petersburg State University of Telecommunications named after Prof. M.A. Bonch-Bruевич

The article presents the concept of the super-attractor of the St. Petersburg school of social synergetics, which describes the accelerating and increasingly complicated process of forming a fundamental invariant of ideology in the form of a universal (absolute) ideal, the pragmatic aspect of which is the super-attractor. The innovative idea of the global attractor rethinks the problem of the limit of complexity as the highest point of social progress, which allows us to reveal this concept as the apogee of the technical and artistic development of mankind, which embodied the transition of mankind into super-humanity. This problem is connected with Prigogin’s “paradox of freedom” and with a number of other paradoxes, such as eschatological and existential. In our opinion, the concept of a super-attractor is promising, although it has not yet overcome the stage of paradoxes on the way to a consistent theory.

Keywords: freedom, responsibility, ideal, opportunity, social selection, super-selection, super-attractor, paradox.

References

- Bransky V.P. Art and philosophy. Kaliningrad: Yantarny skaz, 1999. 704 p.
- Bransky V.P., Mikailova I.G., Zobova M.R. The problem of the “meaning of life”: general philosophical and general scientific significance. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2017. 83 p.
- Bransky V.P., Pozharsky S.D., Mikaylova I.G., Busov S.V., Zobova M.R. Global development of mankind from the standpoint of synergetic philosophy of history // Questions of philosophy. No. 5. 2017. pp. 55–65.
- Busov S.V. Social production and social selection // New ideas in philosophy. Issue 18. Actual problems of scientific philosophy. In 2 vols. Perm, 2009. Vol. 2. 124 p.
- Interview with S.P. Kurdyumov // Questions of philosophy. No. 6, 1991.
- Kapitsa S.P., Kurdyumov S.P., Malinetsky G.G. Synergetics and forecasts of the future. URL: <https://spkurdyumov.ru/forecasting/sinergetika-i-prognozy-budushhego/6/> (time of reference: 04/14/2024).
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. The foundations of synergetics. Modes with aggravation, self-organization, tempo worlds. St. Petersburg: Aleteya, 2002. 414 p.
- Kurdyumov S.P., Malinetsky G.G. Synergetics – theory of self-organization. Ideas, methods, prospects. – M.: Znanie, 1983.
- Mainzer K. Complexity and self-organization: the emergence of a new science and culture at the turn of the century. URL: <https://spkurdyumov.ru/what/slozhnost-i-samoorganizaciya-vozniknovenie-novoj-nauki/> (time of reference: 04/14/2024)
- Nazaretyan A.P. Nonlinear future. Megahistorical, synergetic and cultural-psychological prerequisites for global forecasting. Moscow: IBA Publishing House, 2013. 440 p.
- Nazaretyan A.P. Synergetics in humanitarian knowledge: preliminary results // Social sciences and modernity. 1997, No. 2. pp. 91–98.

12. Nazaretyan A.P. Civilizational crises in the context of Universal history.: Synergetics, psychology and futurology. – M.: PER SE, 2001.
13. Prigozhin I. A creative nature. There is no determinism either in society or in nature // Expert No. 48 (260). December 18, 2000 // URL: <https://innovations2005.narod.ru/Seminars/13.htm> (time of appeal: 04/14/2024)
14. Prigozhin I., Stengers I. Order from chaos: A new dialogue between man and nature. M.: Progress, 1986. 432 p.p. 198
15. Simon G. Sciences of the artificial: Translated from English. Ed. 2-E. M.: Unified URSS, 2004. 144 p. (Artificial sciences).
16. Synergetic theory of values / collective monograph edited by V.P. Bransky, S.D. Pozharsky. St. Petersburg: Publishing house "LEMA", 2012. 168 p.
17. Synergetic philosophy of history / collective monograph edited by V.P. Bransky and S.D. Pozharsky. Ryazan: Copy-Print, 2009. 314 p.

Субъектная позиция учащегося высшей школы в контексте философии образования

Котелевская Антонина Сергеевна,

аспирант, преподаватель; кафедра английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет
E-mail: toncha0910@gmail.com

В современном образовательном дискурсе все чаще акцентируется внимание на значении субъектной позиции учащегося. Эта концепция становится особенно важной в контексте высшего образования, где процесс обучения не только направлен на передачу знаний, но и на развитие критического мышления, самостоятельности и способности к саморегуляции. Философия образования, обогащенная различными теоретическими подходами, предоставляет множество перспектив для анализа и понимания субъектной позиции учащихся. От экзистенциализма и конструктивизма до критической педагогики и теорий самоопределения – каждое из этих направлений вносит свой вклад в то, как мы понимаем роль студента в образовательном процессе.

Ключевые слова: субъект, субъектность, субъектная позиция учащегося, философия образования

Понятие «субъект» и «субъектность» в науке

Современная философия образования акцентирует внимание на субъектной позиции учащегося в образовательном процессе. Исследователи анализируют концепции «субъект» и «субъектность» в рамках психологических, педагогических и философских дискурсов. В психологии эти термины рассматриваются отдельно: «субъект» и «субъектность». Изначально понятие «субъект» было введено в немецкой классической философии и связано с идеей его эволюции и изменений в процессе развития материи, когда субъект активен и оказывает влияние на объект [1]. В психологическом смысле термин «субъект» включает в себя идею активности человека в его жизненных действиях, где он не является пассивным существом, полностью зависимым от внешних обстоятельств и требований ситуации, а выступает в роли создателя, инициатора и организатора своей деятельности. В процессе своего развития человеку становится доступно понимание и использование условий, которые его окружают, и требований, которые предъявляет окружающая среда [2].

Активность субъекта выделяется как одно из ведущих качеств. Это качество позволяет человеку инициировать действия, создавать и поддерживать условия для их реализации и преодолевать препятствия. Среди других важных характеристик субъекта выделяются ответственность, творческий подход, целеустремленность, самоанализ, саморегуляция, самоконтроль, самооценка, инициативность, внутренняя мотивация, направленность действий, автономность, внутренняя убежденность в контроле над событиями, стремление к саморазвитию, способность к самовыражению, продуктивное освоение разнообразных видов деятельности, конструктивное взаимодействие с окружением, способность к планированию действий и достижению результатов, соответствующих личным критериям успеха.

В исследованиях российских ученых наряду с термином «субъект» также анализируется понятие «субъектность». Этот термин применяется в психологии для описания способности человека активно участвовать как субъект в различных видах деятельности, включая управление собственной жизнью. Субъектность – это «особое свойство человека (личности), которое характеризует его способность к организации и осуществлению какой-либо деятельности. Чем более выражены при этом активность и самостоятельность самого человека, по сравнению с силами обстоятельств, тем более выражено у него свойство субъектности» [3].

Таким образом, термин «субъект» относится к человеку, который проявляет высокий уровень активности и обладает определенными качествами, которые позволяют ему инициировать и проводить различные виды деятельности, а также выражать себя как уникальную личность. В то время как «субъектность» описывает фундаментальное качество или набор качеств, которые определяют человека как субъект.

Стоит отметить взаимосвязь развития субъектности со способностью индивида планировать собственную активность и тем самым трансформировать свою

реальность, а также значимость позиции субъектности в обеспечении способности человека познавать и эффективно изменять материальную действительность, включая свою психику, и планировать свою жизненную деятельность. Развитие субъектности включает в себя движение от стадий восприятия и подражания, произвольного выполнения действий к стадии творческого самовыражения. При этом ключевую роль играет развитие внутренней мотивации и внутренних источников контроля за деятельностью.

Теоретические основы субъектности в образовании

Исследование человека в качестве субъекта деятельности включает формулирование теоретических принципов активности, способствующей трансформации, а также анализ факторов и механизмов этой активности. Энергичное и динамичное начало, которое объединяет и демонстрирует человеческие потенциалы, привлекает внимание ученых из областей гуманитарных наук, особенно философов, психологов и педагогов.

Концепция человека как создателя самого себя уходит корнями в древнюю философию. Сократ, через метод маевтики (искусство акушерства мыслей), подчеркивал важность активного участия ученика в процессе обучения. Сократический метод диалога направлен на стимулирование критического мышления и самопознания, где ученик становится активным субъектом, а не пассивным получателем знаний. Фридрих Ницше выделял право человека на самостоятельное творчество в собственной жизни, видя в этом условие для освобождения и подтверждения индивидуальной свободы. Философское понятие «субъект» как «самоопределяющаяся субстанция» впервые было описано Георгом Гегелем. Эта категория считается одной из ключевых в философии, как отмечают исследователи, включая Аристотеля, Декарта, Канта и Гегеля. С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что основная задача философии заключается в раскрытии различных форм и способов существования субъектов [4]. Взаимосвязь человека с миром анализируется в работах таких мыслителей, как С.Л. Рубинштейн, В.С. Соловьев, С.Л. Франк и Эрих Фромм, причем последний последовательно развивал идею о человеческой природе как о воплощении продуктивного, животворящего начала.

В.А. Сластенин [5] указывает на то, что философское осмысление субъектного бытия человека традиционно развивалось в двух направлениях:

1. В исторических философских учениях человек анализировался как активный и познающий субъект, как это видно в работах Г. Гегеля, И. Канта, Л. Фейербаха и других;
2. Философский интерес также сосредоточивался на онтологических аспектах субъекта, что исследовали такие мыслители, как Ф. Брентано, Э. Гуссерль, А. Камю, М. Хайдеггер и другие.

Особое значение в изучении онтологических вопросов субъекта имеют работы русских философов, таких как Н. Бердяев, В. Зеньковский, Н. Лосский, К. Соловьев, П. Флоренский, которые связывают субъективную активность человека с его стремлением к жизни и Богу как основанию бытия.

Иммануил Кант в своих работах подчеркивал важность автономии и способности к самоопределению как ключевых аспектов субъектности. В контексте обучения его идеи подразумевают воспитание у учащихся способности к самостоятельному мышлению и моральной

оценке, что является основой критического подхода к получаемой информации.

М.М. Бахтин обогатил понимание субъектности через концепцию диалогизма, который подразумевает, что знание формируется в процессе взаимодействия различных голосов и перспектив [6]. В образовательном контексте это подчеркивает значение многоголосия и диалога в классе, где каждый ученик вносит свой вклад в коллективное знание.

Пауло Фрейре, известный своими радикальными взглядами на образование и его освободительный потенциал, акцентировал внимание на субъектности учащихся в процессе образования. Он критиковал «банковскую» модель образования, где ученик – это пассивный сосуд для заполнения знаниями, и выступал за «проблематизирующее» образование, которое активизирует критическое мышление и трансформирует учащегося в активного участника своего образовательного и социального контекста.

Далее детально разберем философские теории, затрагивающие концепцию субъектности в процессе обучения.

Субъектность в Теории Когнитивного Развития Жана Пиаже

Жан Пиаже, швейцарский психолог и философ, сыграл ключевую роль в разработке теории когнитивного развития, которая существенно повлияла на понимание детского развития и обучения. Его теория особенно акцентирует внимание на субъектности учащихся, подчеркивая их активную роль в процессе познания.

Теория Пиаже основана на идее, что детское мышление развивается через серию стадий, каждая из которых характеризуется уникальными способностями и способами обработки информации. Пиаже видел детей как «маленьких ученых», активно исследующих мир и постоянно стремящихся понять его законы и принципы через прямое взаимодействие и экспериментирование.

Рассмотрим субъектность на разных стадиях развития человека.

Сенсомоторная стадия (рождение – 2 года) отличается отсутствием использования символов и акцентом на физическом взаимодействии с окружающей средой. В этот период дети познают мир в основном через движения и ощущения. Пиаже писал: «Интеллект возникает из деятельности и вопросительного отношения к окружающей среде, а не из пассивного получения знаний» [7].

На предоперационной стадии (2–7 лет) дети начинают использовать символы для представления объектов, но еще не способны понимать конкретные логические операции. Они руководствуются интуицией, а не логическим мышлением. Пиаже отмечает, что на этой стадии «ребенок усваивает и адаптирует информацию, взаимодействуя с окружающей его реальностью» [7].

На стадии конкретных операций (7–11 лет) дети начинают думать логически о конкретных событиях, хотя их способности все еще ограничены реальными ситуациями. В этот период развиваются понятия сохранения, последовательности и классификации. «Логическое мышление развивается из действий, осуществляемых с предметами, и это и есть суть интеллектуального роста» [7].

Наконец, стадия формальных операций (от 11 лет и старше) характеризуется способностью думать абстрактно и логически. Пиаже утверждал, что «на стадии формальных операций возникает способность к гипоте-

тическому и дедуктивному мышлению» [7]. Это позволяет личности развивать собственные теории о мире и проверять их.

Жан Пиаже считал, что прохождение этих стадий когнитивного развития позволяет индивиду стать субъектом своего познания. В каждой стадии дети активно конструируют знания, а не просто впитывают информацию из внешнего мира. Таким образом, процесс обучения по Пиаже – это не пассивное запоминание, а активная, субъектно-ориентированная деятельность.

Субъектность и Социокультурный Подход Льва Выготского

Лев Семенович Выготский, выдающийся русский психолог, оказал значительное влияние на психологическую науку своим социокультурным подходом, который существенно переосмысливает роль учащегося в образовательном процессе. Его социокультурная теория акцентирует внимание на том, как культурный и социальный контексты взаимодействуют с индивидуальным когнитивным развитием, делая учащегося активным субъектом своего образовательного пути.

Л.С. Выготский разработал понятие «зоны ближайшего развития» (ЗБР) [8], которое описывает разницу между тем, что ребенок может сделать самостоятельно, и тем, что он может сделать с помощью более опытного наставника. Эта концепция подчеркивает субъектность учащегося, так как роль наставника не в том, чтобы заменить активность ученика, а чтобы поддержать и направить ее, позволяя ученику активно участвовать в процессе обучения и принимать решения.

Лев Семенович Выготский также ввел идею о том, что высшие психические функции у детей развиваются сначала на социальном уровне, во взаимодействии с другими людьми, а затем индивидуализируются и становятся внутренними психологическими функциями. Он заявлял: «Через других мы становимся сами собой» [9]. Это утверждение подчеркивает, что субъектность формируется в процессе социальных взаимодействий, которые включают обмен идеями, языком и культурными практиками.

В контексте социокультурной теории Л.С. Выготского, ученик воспринимается как активный субъект, который совместно с другими участниками образовательного процесса создает новое знание. Этот процесс включает в себя использование культурных инструментов и символов, таких как язык и письменность, которые служат мостом между социальным опытом и индивидуальным развитием.

Применение социокультурного подхода в образовательной практике подразумевает акцент на кооперативном и диалоговом обучении, где ученики вовлечены в активный диалог с учителями и сверстниками, что стимулирует их собственную мыслительную активность и способствует глубокому пониманию учебного материала. Он утверждал, что «дети растут в интеллектуальном отношении не только благодаря тому, что учатся на личном опыте, но и благодаря тому, что переданный им опыт взрослых приводит их к овладению интеллектуальным наследием человечества» [9]. Учителя, следуя идеям Выготского, должны организовывать обучение таким образом, чтобы оно соответствовало зоне ближайшего развития ученика, обеспечивая задания, которые немного превышают текущий уровень знаний ученика и требуют интеллектуальных усилий для их выполнения.

Теория психолога Льва Семеновича Выготского о субъектности и социокультурный подход предлагают

глубокое понимание того, как учебный процесс может быть организован для максимального развития потенциала каждого ученика. Этот подход подчеркивает важность социального контекста и культурных инструментов в образовании, видя в каждом учащемся не только получателя знаний, но и активного участника, способного на самостоятельное и критическое мышление.

Субъектность в Критической Педагогике Пауло Фрейре

Критическая педагогика Пауло Фрейре представляет собой радикальный подход к образованию, который ставит в центр внимания субъектность учащегося, активно противостоящую доминирующим идейным структурам. Фрейре видел в образовании не только передачу знаний, но и инструмент освобождения и средство борьбы с социальным, политическим и экономическим подавлением.

Рассмотрим основные принципы субъектности в критической педагогике.

Диалог как средство обучения. Фрейре подчеркивал значимость диалога между учителем и учеником, где оба являются активными участниками образовательного процесса. В его представлении диалог способствует критическому осмыслению и развивает субъектность учащихся, позволяя им формулировать собственные идеи и взгляды.

Сознательное образование. Ключевым аспектом критической педагогики является пробуждение критического сознания, что позволяет учащимся видеть социальную, культурную и политическую контекстуализацию своего существования. Фрейре утверждал, что образование должно быть актом освобождения, а не инструментом подавления.

Отказ от «банковской» модели образования. Фрейре критиковал традиционную модель образования, где ученик рассматривается как пассивный получатель знаний. Вместо этого он предложил модель, в которой учащиеся активно участвуют в создании знаний, что способствует развитию их субъектности.

Темы-генераторы. Фрейре предложил использование тем-генераторов, которые связаны с жизненным опытом учащихся и вызывают у них живой интерес и желание учиться. Это способствует глубокому и смысловому обучению, активизируя учащихся как субъектов, а не объектов образовательного процесса.

Субъектность учащегося в критической педагогике Фрейре переворачивает традиционное восприятие образования, делая акцент на активном участии студентов в образовательном процессе. Это приводит к более глубокому пониманию учебного материала и развитию способностей к критическому мышлению, самостоятельности и социальной ответственности.

Критическая педагогика Пауло Фрейре значительно расширяет понятие субъектности учащегося, предоставляя ему инструменты для критического осмысления и трансформации как собственной жизни, так и общества в целом. Этот подход делает образование не просто процессом передачи знаний, а мощным средством социальных изменений и личностного роста.

Субъектность в Теории Самоопределения

Теория самоопределения (Self-Determination Theory, SDT), разработанная психологами Эдвардом Деци и Ричардом Райаном, подчеркивает важность субъектности в контексте мотивации, личностного роста и психологического благополучия. Эта теория исследует, как факторы внут-

ренней и внешней мотивации влияют на поведение человека и какие условия способствуют развитию здоровой, самоопределенной личности.

В центре теории самоопределения находится идея о том, что люди естественным образом стремятся к росту и интеграции своего опыта в единое целое. Деци и Райан выделяют три основных психологических потребности, которые необходимы для самоопределения:

1. Автономия – чувство воли и психологической свободы.
2. Компетентность – способность влиять на окружающую среду и достигать желаемых результатов.
3. Связанность – ощущение принадлежности и участия в социальных отношениях.

Субъектность в теории самоопределения тесно связана с понятием автономии. Автономия здесь понимается не как независимость от других, а как возможность действовать в соответствии со своими истинными интересами и ценностями. Райан и Деци пишут: «Когда действия человека исходят из подлинных интересов и желаний, когда они выражают его истинное «Я», мы говорим, что эти действия автономны» [10].

Теория различает два основных типа мотивации: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя мотивация проистекает из собственных интересов и удовольствия от самой деятельности. Внешняя мотивация, в свою очередь, связана с желанием достичь какой-то цели вне деятельности, например, получение награды или избежание наказания. Субъектность наиболее полно проявляется, когда индивид руководствуется внутренней мотивацией: «Внутренне мотивированные действия являются наиболее автономными и представляют собой наивысшую форму самоопределения» [10].

Деци и Райан также исследовали, как образовательные и воспитательные практики могут поддерживать или подавлять субъектность. Они подчеркивают, что обучение будет наиболее эффективным, когда оно поддерживает психологические потребности учащихся в автономии, компетентности и связанности. «Образовательные среды, которые обеспечивают поддержку автономии, способствуют большему внутреннему мотивационному ангажементу, большей уверенности в себе и лучшему усвоению знаний» [11].

Теория самоопределения предоставляет мощную рамку для понимания субъектности в контексте мотивации и развития личности. Она подчеркивает, что истинное самоопределение и субъектность возможны только тогда, когда удовлетворяются основные психологические потребности человека.

Субъектность в Теории Конструктивизма

Конструктивизм – это образовательная философия и психологический подход, который подчеркивает активную роль учащегося в процессе обучения. Согласно конструктивизму, знания не передаются ученику в готовом виде; скорее, ученик активно строит их на основе собственного опыта и взаимодействия с окружающей средой. Этот подход признает учащегося субъектом, а не объектом обучения, что делает его особенно значимым для обсуждения субъектности в образовании. Ключевым аспектом конструктивизма является идея, что знание построено лично каждым учащимся. Как указывает Джон Дьюи, один из пионеров этого направления, «Если мы определим знание как процесс активного участия и не как простое существование статичной информации, тогда четко видим, что знания образуются в процессе активного и целенаправленного участия в жизни» [12]. Конструктивизм подчеркивает, что ученики приходят к обучению со своим предыдущим опытом, который влияет на их восприятие

новой информации и на то, как они эту информацию интерпретируют и реорганизуют. Этот процесс, называемый смыслообразованием, подчеркивает субъектность учащихся.

Лев Семенович Выготский, другой ключевой фигура в развитии идей, связанных с конструктивизмом, подчеркивал важность социального контекста и диалога в образовательном процессе. Он утверждал, что знания строятся через социальное взаимодействие и язык, что делает обучение субъектно-ориентированным процессом. «Обучение должно быть ситуационным в социальном контексте, и знания должны быть построены через социальное взаимодействие» [9].

В рамках конструктивизма учитель выступает не столько в роли передатчика знаний, сколько в роли активатора или наставника, который поддерживает учащихся в их стремлении строить собственные знания. Это подчеркивает активную роль учащихся как субъектов своего обучения. Джером Брунер, еще один сторонник конструктивистского подхода, писал: «Обучение должно способствовать открытию того, что уже по существу присутствует в учащемся» [13].

Можно сделать вывод, что теория конструктивизма подчеркивает субъектность учащихся, их активное участие в процессе построения знаний, что является основой для понимания обучения как активного и динамического процесса, направленного на развитие критического мышления и глубокого понимания.

Субъектность в Теории Экзистенциализма

Экзистенциализм в образовании подчеркивает субъектность учащегося, придавая большое значение личному выбору, самоопределению и аутентичности в учебном процессе. Эта философия видит образование не просто как передачу знаний, а как путь к личностному росту и самопознанию. В контексте экзистенциализма, образовательный процесс призван способствовать развитию личности учащегося как независимого, самостоятельно мыслящего субъекта.

Ключевыми аспектами субъектности учащегося в экзистенциализме являются: автономия и свобода выбора, смыслообразование, критическое мышление и вопрошательность, ответственность.

Автономия и свобода выбора. Экзистенциализм подчеркивает, что каждый индивид должен самостоятельно принимать решения, касающиеся своего образования и жизни. В образовательном контексте это означает, что учащиеся должны иметь возможность выбирать курсы, методы изучения и даже направления своих исследований на основе собственных интересов и убеждений.

Смыслообразование. В экзистенциализме большой акцент делается на важности придания смысла своему опыту. В образовании это означает, что учащиеся должны не просто пассивно усваивать информацию, но активно интерпретировать и интегрировать её в свой личный жизненный контекст.

Критическое мышление и вопрошательность. Экзистенциалистское образование поощряет учащихся задавать глубокие, фундаментальные вопросы о предметах изучения, об обществе и о себе самом. Это развивает способность к критическому анализу и самоанализу, что является ключом к формированию осмысленной жизненной позиции.

Ответственность. Следуя идеям Жана-Поля Сартра, экзистенциализм утверждает, что человек несет полную ответственность за свои выборы и действия. В образовательной сфере это подразумевает, что учащиеся должны осознавать последствия своих образовательных и жизненных решений.

Применение принципов экзистенциализма в образовании может включать создание учебных программ, которые адаптированы к индивидуальным интересам и потребностям учащихся, а также методы обучения, которые стимулируют самостоятельное мышление и рефлексии. Профессора и учителя в такой среде выступают скорее в роли наставников, чем традиционных авторитетов, предоставляя студентам пространство для самовыражения и самоисследования.

Экзистенциализм предлагает глубокий и вдохновляющий подход к образованию, в центре которого стоит учащийся как активный субъект, стремящийся к самопознанию и личностному росту. Этот подход может радикально трансформировать как восприятие учебного процесса, так и сам процесс образования, делая его более лично значимым и жизненно важным.

Мы подробно рассмотрели различные философские подходы к субъектности в образовании, каждый из которых вносит уникальный вклад в понимание роли учащегося как активного участника образовательного процесса.

Теория когнитивного развития Жана Пиаже подчеркивает, что учащиеся не пассивно ассимилируют информацию, а активно конструируют знания через взаимодействие с окружающей средой. Это показывает важность учета возрастных и когнитивных особенностей учащихся при организации учебного процесса. Социокультурный подход Льва Семеновича Выготского расширяет рамки понимания субъектности, вводя концепцию зоны ближайшего развития и акцентируя внимание на социальном контексте и культурных инструментах, которые формируют учебный процесс и когнитивное развитие учащихся. Критическая педагогика Пауло Фрейре акцентирует внимание на необходимости преодоления «банковской» модели образования, предоставляя учащимся возможность стать критически мыслящими, осознанно действующими субъектами, способными трансформировать свою социальную реальность. Теория самоопределения выделяет важность таких психологических потребностей, как автономия, компетентность и связанность. Эта теория показывает, что удовлетворение этих потребностей способствует внутренней мотивации и активному участию учащихся в обучении. Теория конструктивизма подчеркивает роль учащихся в активном построении своих знаний через интерактивное и практическое взаимодействие с окружающим миром, что стимулирует более глубокое и смысловое понимание учебного материала. Теория экзистенциализма выделяет индивидуальный выбор и личную ответственность учащегося за свое образование, подчеркивая важность самопознания и самореализации через образовательный процесс.

В целом, все эти теории вносят значительный вклад в развитие современной педагогической мысли, подчеркивая важность восприятия учащихся не как объектов, а как полноценных субъектов образовательного процесса. Это изменение парадигмы способствует созданию образовательной среды, где учащиеся активно участвуют в своем обучении, способствуя не только приобретению знаний, но и развитию личностных качеств и социальной активности.

Вывод

Проанализировав все вышесказанное, хочется подчеркнуть многоаспектность и многогранность понятия «субъектность» в научном и образовательном контекстах. Теоретические основы субъектности в образовании обогащаются за счет вклада таких ученых, как Жан Пиаже, Лев

Выготский, Пауло Фрейре, а также через призму теории самоопределения, конструктивизма и экзистенциализма. Эти теоретические подходы не только дополняют друг друга, но и предоставляют широкий спектр методов и стратегий для развития субъектной позиции учащихся, особенно в высшем образовании.

Каждый из этих подходов способствует пониманию субъектности как активного, целенаправленного и осознанного процесса развития личности, которая не только взаимодействует с социокультурным контекстом, но и активно участвует в формировании собственного образовательного и жизненного пути. Таким образом, развитие субъектной позиции учащегося в высшей школе выступает как ключевой элемент в образовательной практике, способствующий формированию критического мышления, самостоятельности и ответственности.

В заключение, исследование субъектности в рамках различных теоретических подходов позволяет более полно осмыслить и реализовать потенциал каждого учащегося как активного участника образовательного процесса, что является основополагающим для современного образования и развития общества в целом.

Литература

1. Никольская А.В. Изучение категории «субъект» в российской и зарубежной психологии // *Человек, личность в современной психологии: материалы Междунар. конф., посв. 80-летию А.В. Брушлинского* / отв. ред. А.Л. Журавлёв, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2013. Т. 1. С. 137–140.
2. Осницкий А.К. Субъект и субъектность // *Человек, субъект, личность в современной психологии: материалы Междунар. конф., посв. 80-летию А.В. Брушлинского* / отв. ред. А.Л. Журавлёв, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2013. Т. 1. С. 140–143.
3. Корниенко А.Ф. Соотношение понятий «субъект», «субъективность», «субъектность» // *Человек, субъект, личность в современной психологии: материалы Междунар. конф., посв. 80-летию А.В. Брушлинского* / отв. ред. А.Л. Журавлёв, Е.А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2013. Т. 1. С. 208–210.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: учебное пособие / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер, 2007.
5. Слостенин В.А. Формирование личности учителя советской школы в процессе его профессиональной подготовки: диссертация ... доктора педагогических наук: 13.00.01. – Москва, 1977.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
7. Piaget, J. *The Origins of Intelligence in Children*. New York: International Universities Press, 1952.
8. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991.
9. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования: Мышление и речь. М.: АПН РСФСР, 1956.
10. Ryan, R. M., & Deci, E. L. "Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being." *American Psychologist*, 55(1), 2000, p. 68–78.
11. Deci, E. L., Vallerand, R. J., Pelletier, L. G., & Ryan, R. M. "Motivation and education: The self-determination perspective." *Educational Psychologist*, 26(3–4), 1991, p. 325–346.
12. Dewey, J. *Experience and Education*. New York: Kappa Delta Pi., 1938.
13. Bruner, J. *The Act of Discovery*. Harvard Educational Review, 1961.

14. Философия науки: хрестоматия / отв. ред./сост.: Б.Н. Бессонов, С.В. Черненкокая. Ч. II. М.: МГПУ, 2017. 236 с.
15. Философия науки: хрестоматия / ред.кол.: Б.Н. Бессонов, А.Е. Черезов, С.В. Черненкокая и др.. Ч. III. Становление философии науки в России конца XIX – начала XX века. М.: МГПУ, 2017. 157 с.
16. Философия науки: хрестоматия: в 2 ч. Ч. 1. / отв. ред. Б.Н. Бессонов, С.В. Черненкокая; сост.: Б.Н. Бессонов, С.В. Черненкокая, А.Е. Черезов, А.В. Жукоцкая и др. – М.: МГПУ, 2015. 266 с.
2. Osnitsky A.K. Subject and subjectivity // Man, subject, personality in modern psychology: materials of the International. conf., dedicated 80th anniversary of A.V. Brushlinsky / rep. ed. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2013. T. 1. P. 140–143.
3. Kornienko A.F. Correlation of the concepts “subject”, “subjectivity”, “subjectivity” // Man, subject, personality in modern psychology: materials of the International. conf., dedicated 80th anniversary of A.V. Brushlinsky / rep. ed. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. M.: Institute of Psychology RAS, 2013. T. 1. P. 208–210
4. Rubinshtein S.L. Fundamentals of general psychology: textbook / S.L. Rubinstein. – St. Petersburg: Peter, 2007
5. Slastenin V.A. Formation of the personality of a Soviet school teacher in the process of his professional training: dissertation ... Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.01. – Moscow, 1977
6. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. M.: Art, 1986.
7. Piaget, J. The Origins of Intelligence in Children. New York: International Universities Press, 1952.
8. Vygotsky L.S. Pedagogical psychology. M.: Pedagogy, 1991.
9. Vygotsky L.S. Selected psychological studies: Thinking and speech. M.: APN RSFSR, 1956.
10. Ryan, R. M., & Deci, E. L. “Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being.” *American Psychologist*, 55(1), 2000, p. 68–78.
11. Deci, E. L., Vallerand, R. J., Pelletier, L. G., & Ryan, R. M. “Motivation and education: The self-determination perspective.” *Educational Psychologist*, 26(3–4), 1991, p. 325–346.
12. Dewey, J. *Experience and Education*. New York: Kappa Delta Pi., 1938.
13. Bruner, J. *The Act of Discovery*. Harvard Educational Review, 1961.
14. *Philosophy of science: a reader* / rep. edited/compiled by: B.N. Bessonov, S.V. Little black one. Part II. M.: MGPU, 2017. 236 p.
15. *Philosophy of Science: Reader* / Editorial Team: B.N. Bessonov, A.E. Cherezov, S.V. Chernenkaya and others. Part III. The formation of the philosophy of science in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th century. M.: MGPU, 2017. 157 p.
16. *Philosophy of science: reader: in 2 parts. Part 1.* / answer. ed. B.N. Bessonov, S.V. Black; comp.: B.N. Bessonov, S.V. Chernenkaya, A.E. Cherezov, A.V. Zhukotskaya et al. – M.: MGPU, 2015. 266 p.

SUBJECTIVE POSITION OF A HIGHER SCHOOL STUDENT IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF EDUCATION

Kotelevskaya A.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation; Moscow City Pedagogical University

In modern educational discourse, attention is increasingly focused on the importance of the student's subjective position. This concept becomes especially important in the context of higher education, where the learning process is not only aimed at transferring knowledge, but also at developing critical thinking, independence and the ability to self-regulate. The philosophy of education, enriched by various theoretical approaches, provides many perspectives for analyzing and understanding the subjective position of students. From existentialism and constructivism to critical pedagogy and theories of self – determination, each of these areas contributes to how we understand the student's role in the educational process.

Keywords: subject, subjectivity, student's subjective position, philosophy of education.

References

1. Nikolskaya A.V. Studying the category “subject” in Russian and foreign psychology // Man, subject, personality in modern psychology: materials of the International. conf., dedicated 80th anniversary of A.V. Brushlinsky / rep. ed. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2013. T. 1. P. 137–140.

Мультикультурализм: различия против однообразия

Левченкова Татьяна Анатольевна,

к.ф.н., доцент кафедры истории и политологии Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева
E-mail: tatlev@yandex.ru

Симонова Маргарита Михайловна,

к.с.н., доцент Кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: MMSimonova@fa.ru

Камнева Елена Владимировна,

к.п.н., доцент Кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: EKamneva@fa.ru

В статье авторами рассмотрена теория мультикультурализма, ее особенности в сравнении с эссенциалистским подходом к интерпретации культуры. Анализируются преимущества и недостатки политики мультикультурализма, в том числе в условиях глобализации.

Ключевые слова: мультикультурализм, идентичность, эссенциализм, культура, ценности, плюрализм.

Границы термина «мультикультурализм» точно определить нелегко, обычно под ним понимают диалог между различными культурными идентичностями или между этническими идентичностями, составляющими данную культуру. Мультикультурное исследование выходит за пределы национального государства и изучает различные культуры, живущие как внутри, так и за его пределами. В отличие от понятия «культура», которое предлагает универсальную и эссенциалистскую модель, мультикультурализм предлагает ситуации гетерогенности и плюрализма в качестве альтернативы культуре, которая является однородной и, как правило, иерархической по своей природе.

В отличие от подхода, который рассматривает существование и определяет ценность других культур в сравнении с единым универсальным критерием, отождествляемым исключительно с западной культурой, мультикультурный подход стремится быть неиерархическим. Открытость «другому» означает отказ от веры в одну истину, которая может служить инструментом контроля. Возникает потребность поговорить с кем-то, кто навсегда останется для нас незнакомцем, но сама связь с ним определяет нас и нашу моральную позицию как несущую ответственность за кого-то, кто культурно отличается от нас. Об этом чем писал в своих работах Эммануэль Левинас [1].

Мультикультурный подход отвергает эссенциалистский взгляд, согласно которому идентичность рассматривается как постоянная реальность. Он отвергает универсальную классическую идентичность. Часто именно культурная идентичность индивида, его социальная группа и историческая традиция, к которой он принадлежит, формируют его взгляды, решения и поведение. Но, индивид не является «чистым листом». Он постоянно истолковывает окружающую действительность, противопоставляя и сравнивая свое видение мира с другими культурными интерпретациями.

Мультикультурный подход стремится не к универсальному культурному порядку, по отношению к которому (или внутри него) расположены другие культуры, а к континууму политических, экономических, эстетических и эмоциональных различий между индивидами и культурами. Предпочтение отдается культурному многообразию, выявленному в данной области. Цель состоит в том, чтобы описать историю существующих различий и понять их значение и смысл; обрисовать различия между культурами, анализируя при этом проблемы, связанные с «переводом» перехода от одной культуры к другой и наведения мостов между ними. Мультикультурализм отвергает тотальную, монокультурную концепцию, которая характеризует культурную победу Запада, в пользу культурного разнообразия, которое представляет собой не иерархичное множество миров. Такой подход противоречит предположению о том, что существует единый естественный порядок, основанный на универсальных разумных принципах, независимый от конкретных условий места и времени.

Более того, мультикультуризм отказывается проводить бинарное различие между природой реальности и ее культурными репрезентациями. В мультикультурной парадигме понятие «природа» не является производным от опыта, а само по себе является человеческой кон-

струкцией, созданной культурой. Вслед за Клодом Леви-Строссом мультикультурный подход утверждает, что сама «природа» претерпела процессы конструирования в рамках широкого понятия культуры и существует как вариант в рамках гетерогенной системы культуры [2]. «Природа» имеет свою собственную историю, которая присутствует в меняющихся интерпретационных контекстах, определяемых культурой. Согласно этому подходу, «все есть культура»: между нами и миром явлений стоят, помимо научного метода, который считается объективной гарантией правильности выводов, также культурные условности, которые меняются со временем.

Мультикультурные влияния связаны с различными способами создания смыслов и выводами о коммуникации между людьми, принадлежащими к разным этническим группам или «языкам» культуры.

Мультикультурная политика, выступавшая за открытие политических, социальных, эстетических и методологических границ, на заре своего существования считалась радикальной и поэтому подвергалась широкой критике с позиций различных направлений. Одним из примеров этой критики является книга Алана Блума «Истощение духа в Америке» [3]. Блум винит мультикультурный подход в интеллектуальном обнищании академических кругов в Соединенных Штатах, которое отражает общий процесс упадка культуры. По его мнению, само отрицание существования канонической истины поощряет возмутительную посредственность. Предположение о том, что истины являются контекстуальными системами дискурса, порождает модный и поверхностный плюрализм, который угрожает исторической памяти Запада. Этот плюрализм, по самой своей природе отрицающий прежние моральные нормы, способствует разрушению личности. Блум повторяет высказывание Паскаля о том, что мы знаем слишком мало, чтобы быть догматичными, и слишком много, чтобы быть скептическими.

Принятие или отвержение мультикультурного подхода зависит от нашего отношения к толерантности. Означает ли толерантность уважение к свободе других и отказ от эссенциалистского определения сущности морали и нравственности? Если мы ответим на этот вопрос отрицательно, то ясно, что мы отвергаем мультикультурную позицию. Если мы ответим утвердительно, то окажется, что мы утверждаем, что толерантность означает признание существования нескольких возможностей для определения «нравственной жизни». В соответствии с ницшеанским предположением, истина с самого начала представляет собой набор метафор [7], и, поэтому, образы, с помощью которых различные культуры стремились описать себя, необходимо рассматривать в сравнении. Культура – это совокупность «истин», созданных в меняющемся историческом контексте. Из этого следует, что мультикультурная политика – это релятивистская политика, которая сопряжена с опасностью уклонения от моральных решений на том основании, что не существует консенсуса по поводу универсальной процедуры, которая определяла бы, каким будет это моральное решение. Однако мультикультурализм не может претендовать на жесткий релятивизм, поскольку каждый релятивистский тезис терпит неудачу: можно утверждать, что его крайний скептицизм направлен прежде всего на него самого, то есть на установление такого культурного релятивизма.

Таким образом, есть те, кто утверждает, что мультикультурный подход допускает только циничное принятие данного статус-кво (интерпретируя его как «данность» в прагматической реальности), в то время как другие утверждают, что мультикультурные дебаты, скорее всего, подорвут репрессивный (однозначно доминирующий)

статус-кво. В любом случае, очевидно, что сама дискуссия об определении культуры вносит существенный вклад в создание новых сравнительных и междисциплинарных полей исследований. Эти подходы делают акцент на «локальных» исторических процессах и рассматривают их как источник создания культурных смыслов.

Мультикультурный подход критически анализирует повестку дня в различных сферах. Например, растущий интерес к «этнической музыке», которая предлагает восточный и западный музыкальный коллаж. Эта тенденция, проявляющая интерес к местному, вырастает в культуру идентичностей и различий.

Роль мультикультурного подхода состоит в том, чтобы подготовить почву для диалога между противоположными национально-социальными программами и описать гетерогенную идентичность, в которой, наряду с традиционным или либеральным подходом, будут признаваться и другие модели радикальной культурной интерпретации.

В рамках мультикультурной политики такие термины, как идентичность, различия, культурная принадлежность, служат центральным инструментом мобилизации солидарности между различными группами общества. Мультикультурный подход может служить инструментом для более справедливого распределения материальных и духовных ценностей путем сокращения разрыва между так называемой гегемонистской культурой и культурам меньшинств, как маргинализированными, так и периферийными. Такой подход, как предполагается, должен мобилизовать эффективные инструменты для постоянной борьбы с предрассудками, дискриминацией и социальной несправедливостью. Мультикультурный подход призван легитимизировать политику несогласия по отношению к могущественным и доминирующим группам в обществе, которые пытаются с помощью универсальных концепций навязать согласованную повестку дня и искусственный консенсус, который является не чем иным, как представлением их собственных интересов. Кроме того, в странах Европы, проводящих такую политику, ожидают, что мультикультурная политика, основанная на культурных различиях между компонентами общества, будет осуществляться в единстве с классовой политикой, основанной на принципе сходства и идентичности между членами класса. И такое сотрудничество может привести к положительным результатам, которые будут способствовать большей справедливости и равенству в обществе.

С другой стороны, трудно отделаться от впечатления, что мультикультурная политика, как ее артикулируют левые интеллектуалы в академических кругах и за их пределами, иногда попадает в ловушку «чрезмерной теоретизации», как выразился Ричард Рорти [4]. Эта концептуализация рутинно, циклично имеет дело с вечным «другим», демонизацией власти в стиле Фуко или хитрой гегемонией правящего класса, который направляет всех к своим целям с помощью демократических инструментов и ложного равенства возможностей. По мнению Рорти, теория мультикультурализма стала эгоцентричной в своих целях и слишком замкнутой в себе. Она часто протестует (в форме деконструкции) против неспособности репрезентовать смысл и путь, тем самым оправдывая свою собственную неспособность сформулировать значимые политические заявления, касающиеся, например, распределения ресурсов или дифференцированного налогообложения богатых и бедных слоев. По иронии судьбы чрезмерная теоретизация культурного подхода порождает социальное бессилие, против которого он протестует, превращая мультикультурный курс в чисто академическую дискуссию.

По мнению критиков, мультикультурная теория настолько влюбилась в распадающийся субъект в стиле Жака Лакана [5] или в поздний капитализм в стиле Фредрика Джеймисона [6], что отказалась от своей роли, перестала быть агентом реальных изменений и стала зрителем, привлекающим наше внимание к изощренным механизмам культурного угнетения либеральной демократии. Таким образом, мультикультурный подход ничего не говорит о реальных разрывах, которые растут внутри «общества идентичности», нового мультикультурного общества. Р. Рорти указывает на экономический разрыв между богатыми и бедными в Соединенных Штатах 1990-х годов – в Соединенных Штатах так называемого демократического либерализма. По мнению Р. Рорти, эти пробелы служат ключевым примером работы «культурных левых», которые больше заинтересованы в демонтаже механизмов культурного угнетения, чем в реальных социальных реформах.

Большая часть мультикультурной политики подчеркивает право на культурное разнообразие, сводя к минимуму классовые различия, которые являются его неотъемлемой частью. Существует необходимость в обсуждении вопросов распределительной социальной справедливости, которые формируют стереотипы, разделяющие группы идентичности в обществе.

Другим аспектом мультикультурализма является связь между глобализационными/антиглобалистскими процессами и мультикультурным обществом. С одной стороны, глобализация и прозрачность СМИ обнажают нас перед культурными различиями и релятивизмом ценностей. С другой стороны, глобализация энергично работает над созданием нового суперкласса, космополитичного, богатого, эгоистичного, который движется и странствует по земле и высмеивает границы и само существование местного культурного сообщества. Этот класс, обладающий глобальными мощными интересами, действует в направлении гомогенизации общественных процессов. Это может подвергнуть любой местный мультикультурный проект испытанию. Поэтому мультикультурная политика должна бороться с коммерческим космополитизмом и тенденцией к однородности, универсализму и размыванию различий, которые заканчиваются угнетением большинства счастливым и привилегированным меньшинством. Таким образом, мультикультурная политика имеет тенденцию поощрять гетерогенные процессы, которые борются с глобализацией и гомогенизацией.

Можно задаться вопросом, не связана ли эта опасность, с которой сегодня сталкивается мультикультурный проект (о чем шла речь выше), с его успехом. Действительно, в западном обществе «мультикультурализм» в настоящее время институционализируется в рамках систем власти и представительства, до такой степени, что можно утверждать, что мультикультурная политика стала неотъемлемой частью консенсуса: программы «мультикультурного» характера транслируются по телевидению, мультикультурные учебные программы процветают в западных учебных заведениях и т.п.

Однако стоит задаться вопросом, действительно ли эти и другие примеры отражают успех мультикультурного проекта. Следует задуматься, не является ли мультикультурализм тенденцией или пустой болтовней, используемой истеблишментом для того, чтобы укрепить себя. Даже тот факт, что многие в обществе легко принимают признаки мультикультурализма – слушают мировую или этническую музыку, любят кино стран третьего мира, открытость к альтернативному образу жизни и культуре Нью Эйдж (англ. New Age, буквально «новая эра») – не обязательно указывает на истинное принятие

культурных различий, но может указывать на их превращение в потребительский продукт.

Сторонники идеологии мультикультурализма часто говорят о плюрализме, в том числе плюрализме ценностей. Порой под поверхностной маской плюрализма проводится идея об отсутствии ценностей и убеждений как таковых, что в действительности невозможно. Любое общество и человек имеет определенную систему ценностей и убеждений. При этом наличие убеждений не означает отсутствия гибкости в отношениях между общностями с разными ценностями.

Сохранение ценностного ядра – условие существования социокультурного мира, разрушение же данного ядра грозит нарушением действия механизмов общественного воспроизводства, потерей культурной идентичности. Идеология мультикультурализма опосредованно воздействуют и на экономику, и на социальные связи и отношения, и даже на систему политического управления. Действуя через сознание человека, разрушая или искажая ценностные системы, делая людей неспособными сопротивляться деструктивным влияниям, под прикрытием идей мультикультурализма может создаваться так называемая ситуация «управляемого хаоса». В результате теряется социокультурная идентичность, происходит разрушение традиционных основ и базовых структур общества, размывается его культурный код.

Мультикультурализм требует очень осторожного подхода, поскольку содержит в себе не только созидательный, но порой и разрушительный потенциал. В этих условиях противодействовать возможным негативным последствиям политики мультикультурализма можно путем сохранения своих традиционных ценностей.

Изменчивость социальной ситуации, технологии, верования, медийные образы – все это создает глобальное пространство, в котором и против которого действует мультикультурная повестка дня. Установление реальности, основанной на уважении к различиям – реальность, которая не втягивается в борьбу за доминирование между различными социальными группами – будет оставаться в центре мультикультурных дебатов и в будущем.

Литература

1. Левинас, Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. – СПб.: Университетская книга, 2000. – 415 с.
2. Леви-Строс, К. Структурная антропология. – Москва: Наука, 1985. – 535 с.
3. Ницше, Ф. Об истине и лжи во внеэтичном смысле // Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. О философах. Об истине лжи во внеэтичном смысле. Изд-во: Харвест АСТ, 2000. – 384 с.
4. Рорти, Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века / Ричард Рорти; Пер. с англ. И.В. Хестановой и Р.З. Хестанова. – М.: Дом интеллектуал. кн., 1998. – 127 с.
5. Лакан, Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда [пер. с фр. А.К. Черноглазова, М.А. Титовой]. – М.: Русское феноменологическое о-во, 1997. – 183.
6. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Пер. с англ. Д.Ю. Краlechкина. – М.: Издательство Института Гайдара, 2019. – 799 с.
7. Allan Bloom. The Closing of the American Mind. – N.-Y.: Simon and Schuster, 1987.

MULTICULTURALISM: DIFFERENCES VERSUS MONOTONY

Levchenkova T.A., Simonova M.M., Kamneva E.V.

Russian Chemical-Technological University named after. D.I. Mendeleev,
Financial University under the Government of the Russian Federation

In the article, the authors consider the theory of multiculturalism, its features in comparison with the essentialist approach to the interpretation of culture. The advantages and disadvantages of the policy of multiculturalism, including in the context of globalization, are analyzed.

Keywords: multiculturalism, identity, essentialism, culture, values, pluralism.

References

1. Levinas, E. Favorites: Totality and the Infinite. – St. Petersburg: University Book, 2000. – 415 p.
2. Levi-Strauss, K. Structural anthropology. – Moscow: Nauka, 1985. – 535 p.
3. Nietzsche, F. On truth and lies in an extra-moral sense // Nietzsche F. On the benefits and harms of history for life. Twilight of idols, or how to philosophize with a hammer. About philosophers. About the truth of lies in a non-moral sense. Publishing house: Harvest AST, 2000. – 384 p.
4. Rorty, R. Finding Our Country: The Politics of the Left in 20th Century America / Richard Rorty; Per. from English I.V. Khestanova and R.Z. Khestanova. – M.: House of Intellectuals. book, 1998. – 127 p.
5. Lacan, J. Instance of the letter in the unconscious or the fate of the mind after Freud [trans. from fr. A.K. Chernoglazova, M.A. Titova]. – M.: Russian Phenomenological Island, 1997. – 183.
6. Jamison F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism / Trans. from English D. Yu. Kralechkina. – M.: Gaidar Institute Publishing House, 2019. – 799 p.
7. Allan Bloom. The Closing of the American Mind. – N.-Y.: Simon and Schuster, 1987.

Социально-философский анализ эволюции сущностного содержания образа воина России

Петрухин Александр Сергеевич,

адъюнкт Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: petrukhin89@mail.ru

Статья описывает один из компонентов, формирующих общественное сознание России, где воинство представлено как форма осознанной и одной и высших форм реализации социальной роли человека. В том числе, на каждом историческом этапе существовали образы и их представители, которые сохраняли свои фундаментальные устои в системе этнокультурных ценностей и кросскультурных взаимоотношений. Актуальность темы определяется современными цивилизационными противоречиями в мире, ведущейся информационной войной против России и ее армии как исторической ретроспективе, так и на современном этапе. Русофобия стала инструментом этой войны, которая используется, в том числе, и в целях фальсификации и дискредитации исторически сложившегося образа воина России, его духовного генезиса, содержания и роли.

Ключевые слова: образ воина России, информационная война, русофобия, дискредитация, фальсификация.

Генеалогия формирования образа воина России уходит в глубь истории. Этот аспект представлен в мифопоэтических комплексах и былинах восточного славянства и Древней Руси.

Базовым же источником о генезисе и содержании образа воина России является непосредственно русский язык. В русском языке сама война оценивается как негативное социальное явление – как беда всего народа (сравни с поговоркой: горе – не беда). Победа в русском языке есть следствие одоления беды. Данный факт русского языка сопрягается и фактами истории: Россия в своей истории вела в основном справедливые войны – на нее нападали и она вынуждена была защищаться [1].

В культурно-исторической динамике мы можем выделить несколько образов воина России: образ воина Древней Руси, воин воина Киевской Руси, образ воина Руси в период её феодальной раздробленности, образ воина в период Московского царства, образ воина в Петербургский имперский период, образ воина в советский период, образ воина современной России.

Что общего между ними, и есть ли это общее между этими культурно-историческими образами воина? В советском фильме «Офицеры» дается положительный ответ на этот вопрос «Есть такая профессия – Родину защищать».

В современных технологиях войны принцип «разделяй и властвуй» используется и применительно к истории: единая историческая ткань ломается и применительно к России мы получаем зоны исторического напряжения, в которых сталкиваются искусственно культурно-исторические периоды России и сформированные в эти периоды образы воинства.

В своей деятельности, в том числе в дохристианский период, воинство России ориентировалось на нравственные ценности и поведение. Концентрированным выражением данного поведения является ориентация древнерусского воинства на универсальный космический закон «рота» [2] и свод положительный нравственный установлений под названием «кон» [3]. М.С. Серяков утверждает, что «рота» являлся термином древнерусского язычества и обозначал понятие клятвы и присяги [4].

Одновременно следует отметить, что и в этот древний период истории России образ воина не был однороден. Мифопоэтические комплексы и былины говорят о нескольких типах воинства: Святогор и Волх, Микула Селянинович, богатыри Илья Муромец, Алеша Попович и Добрыня Никитич. При детальном анализе этих образов обнаруживается их генеалогическая духовная неоднородность и содержание их служения. Святого и Волх ориентированы на магическую социальную практику. Они воюют как кудесники и маги. Микула Селянинович – выражение крестьянства и его нравственного образа, в том числе и в условиях войны [5].

Богатыри Илья Муромец, Алеша Попович и Добрыня Никитич несут в себе образ всесловного, общенародного воинского служения, когда в условиях внешней веды весь народ вынужден мобилизоваться и стать единым воином в борьбе за свою независимость, веру и будущее, за самую возможность быть. Единый образ бога-

тырей Илья Муромец, Алеша Попович и Добрыня Никитич противоположен образам Святогора и Волха.

В содержательном плане каждый культурно-исторический период воплощал свой образ воина России, отражая в нем специфику мировоззрения эпохи, её технологический уровень развития. Но общей сквозной «генеральной линией» между разными культурно-историческими образами воина является их духовно-нравственный идеал, воплощающий идею защиты родной земли против внешней военной угрозы. Именно это общее нравственное содержание в образе воина России не зависимо от культурно-исторической ситуации периодически становится объектом деструкции и деформации со стороны внешнего врага.

Достаточное для аналитического и герменевтического суждений источников в отношении роли, места и ситуационного назначения воинского сословия дает нам устойчивый фундамент для выделения и рассмотрения воина в качестве структурного компонента.

Начиная с первых упоминаний о воинском сословии, как об отдельном (выделенном) сословии, мы можем отметить исторические хроники летописца Нестора [6].

Исследования И.Т. Посошков показывают, что становление уклада и жизнедеятельности воинского сословия в период XVII–XVIII веков обуславливалось самобытностью и особенностью культурных норм и традиций варягов [7], в совокупности с ассимиляционным аспектом древнерусских племен.

П.А. Атанов утверждает в своем диссертационном исследовании, что генезис непосредственно образа воина создавался путем кросс-культурной ассимиляции между приглашенными варягами и представителями племен Древней Руси [8].

Историк И.Волкова утверждает, что становление русской государственности являлось процессом, неотъемлемо связанным с применением воинского сословия. В данном случае, роль и место воинов Руси явились как деятельность по обеспечению безопасности государственного строя, так и связанного с расширением сфер и зон влияния. Именно непреложный характер применения воинского сословия практически во всех государственных делах порождает такую сущностную характеристику, как неотделимый структурный элемент общества [9].

Конкретизируя данные суждения, хотелось бы отметить, что в отношении создания государственного строя Руси, наиболее качественным отличием стоит считать принятия православия – крещения Руси в 988 году. Именно данное событие можно достоверно считать началом становления воинского сословия, как структурного элемента государственного управления. По крайней мере, такой вывод делают авторы коллективной монографии «Власть и образ: очерки потестарной имагологии» [10]. Аналогичный вывод делает и И.И. Павловский в статье «Образ князя-воина: истоки формирования образа Руси» [11].

Динамика социокультурного и политического пространства позволят нам оценить степень приверженности событий и их корреляции с понятием образа воина. Стоит отметить, что категория закономерного взаимовлияния бытия на воинское сословие и его структурные элементы – воинов, является определяющей [12].

Таким образом, мы можем отметить, что сущностная категория воина представлена нам в отношении отражения как его функциональной деятельности, так и мировоззренческой парадигмы православного мира [13]. В отношении содержательной категории образа воина мы можем отметить следующие аспекты: одежда и экипировка в зависимости от рода войск (конница, лучники, пешее войско), корреляция некоторых элементов экипи-

ровки с сакральным культом православного христианства (форма шлема в форме церковного купола), степень технического развития оружия и средств защиты в зависимости от степени общего научно-технического развития государства.

Тем не менее, развитие и изменение государственного устройства во всем его многообразии, в значительной степени трансформировали в предельном его значении сущностную характеристику образа воина. Например, междоусобные войны в купе с новым врагом в лице Золотой орды, способствовали внутрисословному деструктивному расслоению воинского сословия. Данное событие определило амбивалентное состояние воинского сословия в отношении своего структурного назначения [14]. Можно достоверно считать, что одним из значимых пунктов в формировании понятия образа воина Руси (России) сыграла междоусобная вражда, которая сгенерировала мировоззренческую «неоднозначность» в отношении института военной службы.

Именно данное продолжительное событие синтетически детерминировало антагонистическое образу воина понятия – образ врага, выраженный в данном случае, в лице своих соотечественников [15].

В случае с рассмотрением образа воина Руси (России) в отношении категории амбивалентности к образу врага мы способны детерминировать реакционные положения социально-политической части бытия того времени. В данном случае, образ воина и образ врага являются в данном случае не только антагонистическими, но и взаимодополняющими [16].

Исходя из данных суждений, мы способны выделить необходимые нам для уточнения и обобщения фиксируемые детерминанты понятия образа воина Руси (России). Во-первых, мы с высокой степенью достоверности можем сказать о том, что понятия образа воина есть не что иное, как собирательный аспект компетенций индивида и отражения его мировоззренческих рефлексий в отношении своего дела. Во-вторых, образ воина является отличающимся от образа любой другой профессии компонента общественно-политического строя в силу его самоотверженности, жертвенности и исключительной приверженности общему делу. В-третьих, образ воина, представляющий собой структурно-функциональный элемент системы государственного управления, рассмотренный в ипостасях его сущности и содержания, является собой неоднородную, но совокупную компонентарную единицу одной из высшей формы реализации социальной роли. И в-четвертых, образ воина представляет собой зависимую часть развития государственного строя, без которой не произошло ни одного значимого исторического и политического события.

Рассматривая динамику изменения структуры воинского служения и его функционального назначения в периоды княжеского правления, стоит отметить события, определяющие трансформацию и дополнения в воинском сословии. Одним из таких событий можно считать учреждение прообраза гвардии Иваном IV в формате опричнины [17]. В этот период происходит первое, зафиксированное с точки зрения учреждения, формирование альтернативной, с точки зрения применения сил и средств вооруженных людей, формы служения. Особенностью опричнины с точки зрения влияния на образ воина можно считать тот факт, что применение средств вооруженного воздействия направляется не на врагов извне, а на врагов внутри государства. С позиции мысленного эксперимента можно достоверно считать, что смещение в области мировоззренческой парадигмы явило собой определенные дополняющие факты. Такими фактами можно считать признание потенциаль-

ного врага (во всем его многообразии) в лице тех, кто находится не за пределами границ государства, а внутри. В области норм, ценностей и убеждений (сущностной категории) этот аспект мог являться рефлексивно-переломным, так как противоречит принципам военной службы. Изменения же в содержательной категории образа война выражались в создании и неформальном учреждении ряда правил, порядков и инсигний внутри отличающихся направлений применения вооружённых сословий [18].

На формировании и динамике развития феномена образа российской императорской гвардии в конце XVII – первой половине XIX в. концентрирует внимание С.В. Андриайнен в своей монографии [19].

Подход к рассмотрению различий между сущностной и содержательной категорий понятия война (России) является не столько разделяющим, сколько закономерно взаимосвязанным. В случае с многогранным понятием образа война России мы получаем строгую приверженность подчинения вкуче (и неотделимостью) с соблюдением всех религиозных (православных) постулатов [20]. Тем не менее, содержательная сторона образа война, представлена нам как внешний облик в отношении притязания к порядку, способу и форме применения оружия. В совокупности сакральная неотделимость данных категорий (сущность и содержание) в отношении понятия война, дает нам достаточную фундаментальную базу для выделения внутри категориальных аспектов как сущности, так и содержания. В отношении категории сущности можно выделить такой внутренний аспект, как взаимосвязь этнокультурного наследия и непреклонная убежденность, выражаемая в самоотверженности и обезличенности [21]. В отношении содержательной части понятия образа война России мы можем достоверно выделить тот факт, что структурно-функциональный компонент военной службы имел под собой приспособленческую функцию в отношении отражения сущностного характера военной службы. Иными словами, содержательная категория образа война в той или иной степени представляет сублимиацию категории сущности и может быть нами расценена как закономерная демонстрационная форма внутреннего состояния воинского служения.

Заключение. Резюмирую проведенный анализ категорий сущности и содержания образа война России (Руси), мы можем закономерно выявить следующие определяющие позиции. Детерминация категорий сущности и содержания формируются во взаимовлиянии от непреложного (сущности) к отражаемому (содержание); внутренние детерминанты формирования самих категорий формируются на основании институциональных аспектов этно-культурной составляющей; бытие, определяющее формирование парадигмы картины мира, является предикатом на пути к становлению самого понятия образа (в категориальной совокупности); воин, как структурный элемент воинского сословия, является предикатным представителем трансформации понятия образа война во всем его многообразии, в том числе, в динамике исторической формации. Таким образом, герменевтика понятия образа война России представляется нам в качестве предельно обобщенной категории совокупности индивидуального и общественного, совмещенного в акте реализации социальной роли структурного элемента социальной роли человека определенного исторического этапа. Данные особенности, в понимании того, что образ война России может являть полноценным предикатом (в совокупности сущности и содержания) в отношении устойчивой базы понятийно-категориального аппарата не самого война, а той социальной среды, в которой он находится, подтверждают закономерную неотдели-

мость роли и места война от социально среды. Иными словами, мы имеем определенную закономерную связь между предикатом, зависимостью от социальной среды и социально-политическим феноменом образа война России на этапе определенной исторической формации.

Литература

1. Серебрянников В.В. Войны России: Социал.-полит. анализ / В.В. Серебрянников. – Москва: Науч. мир, 1998. – 377 с.
2. Серяков М.С. Вселенский закон. Незримая ось мироздания. М.: Изд-во Яуза, изд-во Эксмо, 2005. 352 с.
3. Мокеев Г.Я. Триста рыцарей Арея. О происхождении древнерусских городов. // Новая книга России 2001 № 10. С. 52–56.
4. Серяков М.С. Вселенский закон. Незримая ось мироздания. М.: Изд-во Яуза, изд-во Эксмо, 2005. С. 83.
5. Тимофеев А.В. Микула Селянинович, представитель земли: Поэма в 12 песнях / Соч. А.В. Тимофеева. Кн. 1–2. – Санкт-Петербург: тип. и лит. кн. В.В. Оболенского, 1876. – 2 т.; 24. Кн. 2. – [6], 300 с.
6. Повесть временных лет [Текст] / пер. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова; коммент. А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича; 129 ил. Мюда Мечева. – Санкт-Петербург: Вита Нова, 2012. – 507 с.
7. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения [Текст] / И.Т. Посошков; ред., [послесл.] и коммент. д-ра ист. наук Б.Б. Кафенгауза. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 409 с.
8. Атанов П. А. К вопросу о «Призвании варягов» / П.А. Атанов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2007. – № 3.
9. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / Отв. редактор М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб.: Алетейя, 2010. 384 с.
10. Волкова И.В. Русская армия в русской истории: армия, власть и о-во: воен. фактор в политике Рос. империи / И. Волкова. – Москва: Эксмо: Яуза, 2005 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 639 с.
11. Павловский И.И. Образ князя-воина: истоки формирования образа Руси / И.И. Павловский // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 108–114.
12. Гребеньков В.Н. Военная культура русского общества. – Ставрополь: Изд-во СГУ. – 2009. – 312 с.
13. Шапошников Л.Е. История русской религиозной философии: учебное пособие для студентов вузов / Л.Е. Шапошников, А.А. Федоров. – Москва: Высш. шк., 2006 (Смоленск: Смоленская обл. тип. им. В.И. Смирнова). – 446 с.
14. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1993. Т. 5. 560 с.
15. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 18 кн. М.: Голос, 1993. Кн. 2. 768 с.
16. Дуплинская, Ю.М. Амбивалентность Предвечного и Предстоящего в христианской мистике как криптомистический подтекст философской мысли / Ю.М. Дуплинская, В.А. Фриауф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 4–8.
17. Карамзин Н.М. История Государства Российского: / Н.М. Карамзин; [подгот. текста, предисл. В.Б. Муравьева]. – Москва: Московский рабочий: Слог, 1993 г.

18. Довгополова О.А. Амбивалентность как характеристика образа чужого / О.А. Довгополова // Международный журнал исследований культуры. – 2011. – № 1(2). – С. 26–31.
19. Андрияинен С.В. Российская императорская гвардия в конце XVII – первой половине XIX в.: основные вехи истории. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 314 с.
20. Гегель Г. В.Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992. 443 с.
21. Риер Я.Г. О начальных этапах формирования древнерусской государственности // Вестник славянских культур. – 2017. – № 23. – С. 73–78.
- burg: type. or T. book V.V. Obolensky, 1876. – 2 t.; 24.Kn. 2. – [6], 300 p.
6. The Tale of Bygone Years [Text] / trans. D.S. Likhacheva, O.V. Tvorogova; comment A.G. Bobrova, S.L. Nikolaev, A. Yu. Chernov with the participation of A.M. Vvedensky and L.V. Voitovich; 129 ill. Myuda Mecheva. – St. Petersburg: Vita Nova, 2012. – 507 p.
7. Pososhkov I.T. Book about poverty and wealth and other works [Text] / I.T. Pososhkov; ed., [afterword] and comment. Dr. History Sciences B.B. Kafengauza. – Moscow: Publishing House Acad. Sciences of the USSR, 1951. – 409 p.
8. Atanov P.A. On the issue of the “Calling of the Varangians” / P.A. Atanov // Bulletin of St. Petersburg University. Story. – 2007. – No. 3.
9. Power and image: essays on potestary imagology / Rep. editor M.A. Boytsov, F.B. Uspensky. St. Petersburg: Aletheya, 2010. 384 p.
10. Volkova I.V. Russian army in Russian history: army, power and island: military. factor in Russian politics. empire / I. Volkova. – Moscow: Eksmo: Yauza, 2005 (JSC Mozhaisk Printing Plant). – 639 p.
11. Pavlovsky I.I. The image of the warrior prince: the origins of the formation of the image of Rus' / I.I. Pavlovsky // Bulletin of Moscow University. Episode 19: Linguistics and intercultural communication. – 2012. – No. 2. – P. 108–114.
12. Grebenkov V.N. Military culture of Russian society. – Stavropol: SSU Publishing House. – 2009. – 312 p.
13. Shaposhnikov L.E. History of Russian religious philosophy: a textbook for university students / L.E. Shaposhnikov, A.A. Fedorov. – Moscow: Higher. school, 2006 (Smolensk: Smolensk region typ. named after V.I. Smirnov). – 446 p.
14. Karamzin N.M. History of the Russian State. M.: Nauka, 1993. T. 5. 560 p.
15. Solovyov S.M. History of Russia since ancient times: in 18 books. M.: Golos, 1993. Book. 2. 768 pp.
16. Duplinskaya, Yu.M. Ambivalence of the Eternal and the Future in Christian mysticism as a cryptomystical subtext of philosophical thought / Yu.M. Duplinskaya, V.A. Friauf // News of Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2022. – T. 22, No. 1. – P. 4–8.
17. Karamzin N.M. History of the Russian State: / N.M. Karamzin; [prepared text, preface V.B. Muravyova]. – Moscow: Moscow worker: Slog, 1993.
18. Dovgoplova O.A. Ambivalence as a characteristic of the image of someone else / O.A. Dovgoplova // International Journal of Cultural Research. – 2011. – No. 1(2). – pp. 26–31.
19. Andriainen S.V. Russian Imperial Guard at the end of the 17th – first half of the 19th centuries: main milestones of history. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State Economic University, 2020. 314 p.
20. Hegel G. V.F. System of Sciences. Part one. Phenomenology of spirit. St. Petersburg: Nauka, 1992. 443 p.
21. Rier Ya.G. On the initial stages of the formation of ancient Russian statehood // Bulletin of Slavic Cultures. – 2017. – No. 23. – P. 73–78.

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF THE ESSENTIAL CONTENT OF THE IMAGE OF A RUSSIAN WARRIOR

Petrukhin A.S.

Military University named prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

This article describes one of the components forming the national consciousness of Russia, where the army is represented as a form of conscious and one of the highest forms of realization of the social role of man. In particular, at each historical stage there were images and their representatives who preserved their fundamental foundations in the system of ethnocultural values and cross-cultural relationships. The relevance of the topic is determined by modern civilizational contradictions in the world, the ongoing information war against Russia and its army both in historical retrospect and at the present stage. Russophobia has become an instrument of this war, which is used, among other things, for the purpose of falsifying and discrediting the historically established image of a Russian warrior, his spiritual genesis, content and role.

Keywords: image of a Russian warrior, information war, Russophobia, discrediting, falsification.

References

1. Serebryannikov V.V. Wars of Russia: Social and political. analysis / V.V. Serebryannikov. – Moscow: Scientific. world, 1998. – 377 p.
2. Seryakov M.S. Ecumenical Law. The invisible axis of the universe. M.: Yauza Publishing House, Eksmo Publishing House, 2005. 352 p.
3. Mokeev G. Ya. Three hundred knights of Ares. On the origin of ancient Russian cities. // New book of Russia 2001 No. 10. pp. 52–56.
4. Seryakov M.S. Universal Law. The invisible axis of the universe. M.: Yauza Publishing House, Eksmo Publishing House, 2005. P. 83.
5. Timofeev A.V. Mikula Selyaninovich, representative of the land: Poem in 12 songs / Op. A.V. Timofeeva. Book 1–2. – St. Petersburg: type. or T. book V.V. Obolensky, 1876. – 2 t.; 24.Kn. 2. – [6], 300 p.
6. The Tale of Bygone Years [Text] / trans. D.S. Likhacheva, O.V. Tvorogova; comment A.G. Bobrova, S.L. Nikolaev, A. Yu. Chernov with the participation of A.M. Vvedensky and L.V. Voitovich; 129 ill. Myuda Mecheva. – St. Petersburg: Vita Nova, 2012. – 507 p.
7. Pososhkov I.T. Book about poverty and wealth and other works [Text] / I.T. Pososhkov; ed., [afterword] and comment. Dr. History Sciences B.B. Kafengauza. – Moscow: Publishing House Acad. Sciences of the USSR, 1951. – 409 p.
8. Atanov P.A. On the issue of the “Calling of the Varangians” / P.A. Atanov // Bulletin of St. Petersburg University. Story. – 2007. – No. 3.
9. Power and image: essays on potestary imagology / Rep. editor M.A. Boytsov, F.B. Uspensky. St. Petersburg: Aletheya, 2010. 384 p.
10. Volkova I.V. Russian army in Russian history: army, power and island: military. factor in Russian politics. empire / I. Volkova. – Moscow: Eksmo: Yauza, 2005 (JSC Mozhaisk Printing Plant). – 639 p.
11. Pavlovsky I.I. The image of the warrior prince: the origins of the formation of the image of Rus' / I.I. Pavlovsky // Bulletin of Moscow University. Episode 19: Linguistics and intercultural communication. – 2012. – No. 2. – P. 108–114.
12. Grebenkov V.N. Military culture of Russian society. – Stavropol: SSU Publishing House. – 2009. – 312 p.
13. Shaposhnikov L.E. History of Russian religious philosophy: a textbook for university students / L.E. Shaposhnikov, A.A. Fedorov. – Moscow: Higher. school, 2006 (Smolensk: Smolensk region typ. named after V.I. Smirnov). – 446 p.
14. Karamzin N.M. History of the Russian State. M.: Nauka, 1993. T. 5. 560 p.
15. Solovyov S.M. History of Russia since ancient times: in 18 books. M.: Golos, 1993. Book. 2. 768 pp.
16. Duplinskaya, Yu.M. Ambivalence of the Eternal and the Future in Christian mysticism as a cryptomystical subtext of philosophical thought / Yu.M. Duplinskaya, V.A. Friauf // News of Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2022. – T. 22, No. 1. – P. 4–8.
17. Karamzin N.M. History of the Russian State: / N.M. Karamzin; [prepared text, preface V.B. Muravyova]. – Moscow: Moscow worker: Slog, 1993.
18. Dovgoplova O.A. Ambivalence as a characteristic of the image of someone else / O.A. Dovgoplova // International Journal of Cultural Research. – 2011. – No. 1(2). – pp. 26–31.
19. Andriainen S.V. Russian Imperial Guard at the end of the 17th – first half of the 19th centuries: main milestones of history. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State Economic University, 2020. 314 p.
20. Hegel G. V.F. System of Sciences. Part one. Phenomenology of spirit. St. Petersburg: Nauka, 1992. 443 p.
21. Rier Ya.G. On the initial stages of the formation of ancient Russian statehood // Bulletin of Slavic Cultures. – 2017. – No. 23. – P. 73–78.

Ризома и «система»: концептуальное подобие и структурное сходство

Полозова Ирина Владимировна,

д.ф.н., профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье исследуется структурное соответствие концептов философии постмодернизма и морфологических особенностей молодежной субкультуры. Показывается влияние модели ризомы на субкультуру отечественных хиппи, расцвет которой приходился на 60–70-х годы XX века.

Ключевые слова: философия постмодернизма, ризома, молодежная субкультура, субкультура хиппи.

В нашей предыдущей статье [7], мы предложили рассмотреть онтологию различия и использование образа ризомы как матрицы, то есть исходной структурной модели для понимания морфологии молодежной субкультуры. Вместе с тем, наибольшее внимание мы смогли уделить теоретическим основам предполагаемого сопоставления, представленным в виде идей и концептов философии постмодернизма. В настоящей статье мы намерены продолжить параллель между концептом ризомы и молодежной субкультурой, показав проявление постмодернистских принципов и конструкций в субкультурной реальности.

В качестве субкультурного выражения принципов философии постмодернизма и структурного соответствия модели ризомы, мы рассмотрим субкультуру отечественных хиппи, возникшую в позднем советском обществе и получившую название «Система», ставшую в настоящее время предметом, в том числе, академических исследований [12]. Мы представим Систему хиппи как ризому и покажем, что ее следует рассматривать, прежде всего, исходя из принципов онтологии и социологии различия [3, 90]. В противном случае ее понимание не будет выходить за рамки эмпирических описаний и попытки ее теоретического истолкования будут вызывать значительные сложности и затруднения.

Важно отметить, что применительно к субкультуре отечественных хиппи само название «Система» не является ошибочным или в полной мере случайным. Как показывает исследователь данной субкультуры Ю. Фюрст, данное название перекликалось с существующей в Советском Союзе системой властных отношений, являясь по отношению к ним альтернативой, инверсией, но, вместе с тем, существующей с ней в теснейшем симбиозе. «Отношения между советской системой и Системой хиппи включали в себя отрицание, подражание, враждебность, зависимость, торг, использование и репрессии. Единственное, что оставалось неизменным, это сам факт отношений» [12, 24].

Таким образом, в субкультуре отечественных хиппи действительно представлена своего рода система, но представляющая собой несколько иной тип по отношению к существующей в обществе системе политической власти, предполагающей в качестве основного вертикальное измерение. В основании построения хиппи своей субкультурной «Системы» происходит утверждение альтернативных конструктивных принципов, восходящих к образу ризомы [6, 833].

Обе социальных системы, доминирующая и альтернативная, могут быть представлены, с помощью метафор теоретиков постмодернизма Ж. Делеза и Ф. Гваттари, через образы растительного происхождения, противоположные по своему типу. Господствующая социальная система описывается с помощью образа дерева, где однонаправленные связи выражают, в том числе, отношения власти и подчинения. Альтернативный образ ризомы предлагается к рассмотрению преимущественно горизонтального пласта отношений, представленного множественностью и разветвленностью связей [4, 83]. Принцип единства подчинен в ризоме идее множественности, организующее начало следует в ней за естественным развитием, проявляющемся в разнообразии многочисленных элементов.

Ризома, тем самым, противостоит самой идеи власти как вертикальной формы упорядочивания отношений в обществе [9, 24], представляя собой горизонтальный тип соединений, образуемый множеством переплетенных сетей и связей, ризома формирует идею альтернативной среды, позволяющую ее участникам по возможности меньше сталкиваться с внешней реальностью. Вместе с тем, несмотря на конструктивные различия, противоположные по своему характеру системы взаимно обуславливают друг друга. Молодежная субкультура в виде ризомы возникает на основе властной системы как часть ее ландшафта и существовать без нее не может [12, 26],

Образ ризомы, по мнению ее авторов, Делеза и Гваттари, предполагает наличие собственных методологических постулатов [4, 24]. Данным принципам удивительным образом соответствуют неписанные, обнаруженные и выделенные исследователями *post factum*, основы организации «Системы» отечественных хиппи.

Итак, ризома в качестве принципа своего существования не предполагает ни начальной, ни конечной точки. Действие данного принципа можно заметить и в отношении отечественных хиппи. Несмотря на сотни проведенных интервью с непосредственными участниками движения и многочисленные воспоминания участников, исследователями так не был получен определенный ответ на вопрос, кто же являлся первым хиппи в стране. Различные версии сохраняют, таким образом, право на существование, и делается вывод, что движение советских хиппи появилось не в каком-либо одном месте благодаря одному человеку, но одновременно по всей стране, в столичных и многих других городах Советского Союза [12, 48].

В отношении отечественных хиппи прослеживается также другой принцип ризомы, согласно которому она не предполагает определенной генетической или исторической обусловленности [12, 24]. Можно увидеть, что преемственность отечественных хиппи по отношению к их западным предшественникам является крайне неоднозначной. Возникновению отечественных хиппи действительно предшествовало появление подобной субкультуры на Западе, но идейные причины появления данной субкультуры в СССР не могли быть сходными. В начале движения хиппи на Западе лежал протест против начал буржуазной культуры, отечественные же хиппи находились в совершенно иной политической реальности, они осуществили протест против общества, которое само по себе уже представляло отрицание западных ценностей. Движение отечественных хиппи, таким образом, не было, во всяком случае, идеологически, связано с западным напрямую, но так или иначе соотносилось с ним, ему положило начало, например, знакомство с музыкой Битлз и получение информации о западных хиппи, которая иногда появлялась в советских журналах, например, «Вокруг света» [12, 72]. В качестве далеких идейных предшественников отечественных хиппи иногда называются альтернативные течения типа толстовства, с которым хиппи также не могли быть связаны напрямую.

Важнейшими конструктивными принципами ризомы, согласно мысли Ж. Делеза и Ф. Гваттари, выступают разнородность и соединение [4, 72]. Ризома как таковая, собственно, и представляет собой соединение и пересечение разнородных отростков и фрагментов, являясь символическим выражением идей социологии Г. Тарда, утверждающего, что в основе вещей заложено разнообразие, а не единство [8, 54]. По мнению Г. Тарда, ключом к социальному бытию служит идея различия, представляющая альфу и омегу Вселенной, и основан-

ный на ней принцип: «существовать значит различаться». [8, 48].

В «Системе» отечественных хиппи принцип разнородности был представлен многоликостью проявлений данной субкультуры в самых разных отношениях – структурном, идейном, источниковом. Ее образовывали коммуны хиппи и кафе, где собирались представители данной субкультуры, а также рок-музыканты, андеграундные круги, йоги, кришнаиты, фарцовщики и другие экзотические персонажи [12, 72]. Крайне разнообразными были также идейные и религиозные влияния: хиппи читали книги по буддизму, христианству, шаманизму, участвовали в экуменическом проекте, их интересовало учение Рериха, толстовство, взгляды русских религиозных философов. По воспоминаниям участников, путь в субкультуру был у каждого собственным и личным. К нему приводило, в первую очередь, осознание собственной уникальности, противостояние господствующему в обществе конформизму.

Качественную разнородность «Системе» придавало также то обстоятельство, что в качестве элементов данной субкультуры выступали не только сами хиппи, но и другие составляющие, включая те, присутствие которых было неявным, к их числу относился, например, «воображаемый Запад», без соотнесения с которым многие явления данной субкультуры просто немыслимы [12, 72]. В качестве элементов субкультуры следует назвать также и материальные вещи, которые выступали как своеобразные символы идентичности хиппи, среди которых джинсы, длинные волосы, рок-музыка.

Разнородность «Системе» хиппи придавала также ее способность нарушать границы установленной обществом нормальности. В этом смысле субкультура хиппи резонирует с идеями философии М. Фуко, который определяет душевное здоровье как признание устоявшихся структур господства и представляет образ «другого», как человека, не вписывающегося в формы социального порядка. Безумие рассматривается философом как угроза существующему общественному строю [10, 33].

Таким образом, тема безумия, особенно важная для понимания субкультуры хиппи, придает их сообществу разнородность особого порядка. Многие хиппи утверждали свое безумие, считая ненормальностью жизнь обычных людей. Образ жизни хиппи мог казаться безумным, но в нем они пытались обрести свободу от социальных норм. Хиппи стремились к иррациональности и нередко использовали различного рода стимуляторы, чтобы добиться изменения сознания и уйти от нормальности.

В большинстве случаев хиппи не боролись против психиатрического диагноза, но использовали его для того, например, чтобы избежать необходимости следовать нормам общества, в целях освобождения от карьеры, службы в армии. Но обратной стороной безумия являлось принудительное лечение. Официальное признание сумасшедшим означало лишение человека всех прав, и в этом смысле сумасшествие означало не только свободу, но и лишение свободы [12, 493].

В качестве другого организующего принципа ризомы выступает соединение по горизонтали, оно видится как единство, проявляющееся в субкультуре хиппи начиная с группового уровня. Центральным для сообщества хиппи было осознание чувства общности, переживание единства в любви и свободе, наделяемое ими особенной силой. Согласно воспоминаниям участников, сообщества хиппи объединяло чувство принадлежности, доверие, поиски глубоких и открытых форм общения. Вместе с тем, так понимаемое единство было скорее желаемым, чем реально существующим. Исследователи отмечают

определенный снобизм и элитаризм хиппи, говорят о существовании внутренней иерархии [12, 367].

В качестве более развернутого соответствия принципу соединения, лежащего в основе концепта ризомы, следует назвать практику налаживания связей и установления общения между существующими в разных городах разрозненными группами хиппи. Возникновение «Системы» и означало, собственно, формирование некой общности на основе отдельных разрозненных групп и малых сообществ хиппи [12, 239].

Импульс к формированию единой общности исходил снизу, и был основан на осознании важности субкультурного общения рядовыми носителями субкультуры. К появлению «Системы» хиппи привел поиск своей идентичности, осознание межгруппового единства, которому способствовали становившиеся регулярными встречи различных групп хиппи. Начиная со второй половины 1970-х, все больше хиппи стали собираться вместе каждое лето.

Сборка «Системы» началась с организации отдельных звеньев, связанных, как правило, с районами проживания. Определенные центры притяжения стали создаваться вокруг определенных мест и отдельных личностей. Самой крупной стала «Центровая система», возникшая в центре столицы и получившая название «Система Солнца» по имени ее лидера. Сама идея системы была неожиданной для неформальной молодежи и, казалось бы, вряд ли могла претендовать на популярность. Вместе с тем, региональные сообщества хиппи постепенно поддавались ее влиянию и постепенно входили в ее орбиту. Система распространялась все дальше от Москвы, захватывая преимущественно западные области страны. Со временем «Система» стала основной, а затем и единственной системой координат для советских хиппи [12, 121]. Распространению системы способствовало, в частности, характерного для нее сленга.

Основным способом установления связей между различными группами отечественных хиппи явились путешествия, сама дорога как образ жизни. Путешествия хиппи осуществлялись не только ради впечатлений, но, в значительной мере для того, чтобы скрываться от контроля властей. С помощью путешествий хиппи поддерживали социальные и информационные связи и контакты, осуществляли поиск единомышленников на местах и устанавливали связи между удаленными сообществами. Странствования хиппи, таким образом, способствовали формированию «Системы», а, в последующем, обеспечивали ее жизнеспособность.

Дорога рассматривалась хиппи как воплощение свободы, в чем проявлялось косвенное влияние на субкультуру битников и, в частности, Д. Керуака. Со временем трасса приобретает значение особого ритуала для хиппи, и становится важным моментом их самоидентификации [12, 239]. Особое значение для движения отечественных хиппи получил автостоп с его непредсказуемостью. Вселенная хиппи включала в себя ряд городов, преимущественно находящихся на территории европейской части СССР, где находились крупные общины хиппи. Путешествуя по стране, начиная с Ленинграда и заканчивая Средней Азией, молодые люди приобщались к системе хиппи и в зависимости от этого получали свое место в субкультурной иерархии. [12, 245]. Значительная часть хиппи связывали с данными поездками свой жизненный путь.

Со временем «Система» стала являться доминирующей по отношению к малым сообществам: все, кто не входил в нее, переставал считаться хиппи, и в этом смысле стала определяющей в самоидентификации сво-

их участников. [12, 121]. Внутри нее начали формироваться определенные правила. Кроме того, «Система» включала в себя собственные моральные и идеологические установки, эстетические, музыкальные и художественные критерии, собственный образ жизни. Система становится структурой со своей историей, пространством, ритуалами и легендами [12, 215].

Можно увидеть, что сложившаяся «Система» хиппи, представляла собой организацию типа ризомы, не являясь при этом гипотетической конструкцией, но имеющей вполне реальное существование. «Система» представляла собой связь людей, объединенных образом жизни, особенностями их внешнего вида, выражающими их внутренний протест против общества, и она также была связью людей, в значительной степени определяющей их образ жизни.

В «Системе», в соответствии со структурными принципами ризомы, преобладали горизонтальные связи, в ней отсутствовали формальные лидеры в привычном смысле слова. В этом смысле «Система» была недостаточно организована, что позволяло ей ускользать от контроля властей, но, с другой стороны, ее организации хватало для поддержания ее существования [12, 201]. Организация «Системы» не предполагала наличия формального центра, у нее не было иерархии, но было достаточно ритуалов и различий, чтобы обеспечить внутренний порядок [12, 262].

Система хиппи может быть рассмотрена, кроме того, как информационная сеть. По воспоминаниям ее участников, «Система» знала все, о книгах, которые необходимо читать, какую музыку слушать, какие фильмы смотреть [12, 252]. В Системе шел непрерывный обмен информацией, суждениями, оценками. В этом смысле ее можно сопоставить с эвристическими возможностями ризомы. [6, 583].

Со структурой типа ризомы во многом связана устойчивость «Системы», которая не зависела от конкретных личностей, потому что действовали механизмы, сделавших их присутствие необязательным. В этом отношении в «Системе» хиппи воплощались такие принципы ризомы, как, например, «не-означающего разрыва», предполагающего возможность ее разрыва в произвольном месте, а также возможность соединения любой точки ризомы с любой другой ее точкой, и, как следствие, появление новых сочетаний, порождающих новые импульсы и перспективы [4, 12]. Специфические основы «Системы», таким образом, смогли обеспечить ее выживаемость [12, 262].

Жизнеспособность Системы на протяжении нескольких десятилетий видится, в частности, в том, что ее можно было переосмыслить и интерпретировать в зависимости от времени и от различных потребностей. [12, 120]. Данное свойство «Системы» соотносится с представлениями о ризоме Делеза и Гваттари, утверждающих, что в качестве компенсации тупиковых линий в ризоме появляются перспективные, благодаря изобретательству, творчеству, эксперименту, происходит многократное увеличение числа возможных комбинаций. Ризома открывает возможности для того, чтобы увидеть невидимые связи и прочертить неведомые до сих пор траектории [5, 316].

Таким образом, концепты философии постмодернизма, такие как ризома, выступают в качестве категорий осмысления субкультурной реальности. Одновременность появления принципов постмодернистской философии и молодежной субкультуры позволяет предположить, что совпадение по времени данных реалий является не случайным, и что кажущиеся иррациональными категории постмодернизма на самом деле отражают некий

особый порядок и особую реальность, описание которой требует особого типа языка и онтологии.

Литература

1. Делез Ж. Критика и клиника. – СПб., 2002.
2. Делёз Ж. Логика смысла. – Москва: Академический проект, 2011.
3. Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб.: Петрополис, 1998.
4. Делез Ж., Гваттари Ризома. Тысяча плато, Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
5. Досс Ф. Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Перекрестная биография. – М.: Издательский дом Дело, 2021.
6. Полозова И.В. Ризома // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон, 2009.
7. Полозова И.В. Философия постмодернизма и молодежная субкультура: идейное влияние и структурное сходство // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 2.
8. Тард Г. Монадология и социология. – Пермь, 2016.
9. Фуко М. Археология знания. – М., 2020.
10. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – М., 2010.
11. Фуко М. Рождение клиники. – М., 2014.
12. Фюрст Ю. Цветы, пробившие асфальт. Путешествие в советскую хиппландию. – М., 2023.

RHIZOME AND “SYSTEM”: CONCEPTUAL SIMILARITY AND STRUCTURAL SIMILARITY

Polozova I.V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

The article examines the structural correspondence of the concepts of postmodern philosophy and the morphology of youth subculture. The influence of the rhizome model on the subculture of domestic hippies, which flourished in the 60–70s of the twentieth century, is shown.

Keywords: postmodern philosophy, rhizome, youth subculture, hippie subculture.

References

1. Deleuze J. Criticism and Clinic. – St. Petersburg, 2002.
2. Deleuze J. Logic of meaning. – Moscow: Academic Project, 2011.
3. Deleuze J. Difference and repetition. – St. Petersburg: Petropolis, 1998.
4. Deleuze J., Guattari Rizoma. A thousand plateaus, Capitalism and schizophrenia. – Ekaterinburg: U-Factoria; M.: Astrel, 2010.
5. Doss F. Gilles Deleuze and Felix Guattari. Cross biography. – M.: Delo Publishing House, 2021.
6. Polozova I.V. Rhizome // Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. – M.: Kanon, 2009.
7. Polozova I.V. Philosophy of postmodernism and youth subculture: ideological influence and structural similarity // Social and humanitarian knowledge. 2024. No. 2.
8. Tard G. Monadology and Sociology. – Perm, 2016.
9. Foucault M. Archeology of knowledge. – M., 2020.
10. Foucault M. History of madness in the classical era. – M., 2010.
11. Foucault M. The birth of the clinic. – M., 2014.
12. Furst Yu. Flowers that broke through the asphalt. Journey to Soviet hippland. – M., 2023.

Петрова Галина Ивановна,

кандидат философских наук, доцент кафедры экономики, менеджмента, маркетинга и технологий экономического образования, Институт гуманитарного и социально-экономического образования, Российский государственный профессионально-педагогический университет
E-mail: galinapetrova477@gmail.com

Пономарева Светлана Алексеевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента, маркетинга и технологий экономического образования, Институт гуманитарного и социально-экономического образования, Российский государственный профессионально-педагогический университет
E-mail: ponomareva.rsvpu@gmail.com

Можно ли утверждать, что, несмотря на все социально-экономические, политические и культурные преобразования, кризисные явления, происходящие в нашей стране в последние годы, система терминальных и инструментальных ценностей молодежи избежала той коррозии, о которой зачастую говорят представители старшего поколения? Динамичные отношения терминальных и инструментальных ценностей сегодня не являются чем-то из ряда вон выходящими. Динамика ценностной сферы молодого поколения объясняется возрастными задачами: преодолением зависимости от «опеки» старшего поколения и формированием автономии личности. В период взросления у каждого молодого человека происходит создание своей модели мира с точки зрения своего личного нарратива: то, что ему не близко, он преуменьшает, отбрасывает, а то, что считает своим, имманентным, – выделяет, развивает. Статья посвящена анализу трансформационных сдвигов в ценностной парадигме, зависящих от внешних глобальных и локальных факторов, проведенному на основе исследований ценностных ориентаций российской молодежи за последнюю четверть века.

Ключевые слова: нравственные ценности, базовые ценности, терминальные ценности, инструментальные ценности, трансформационные сдвиги, молодежь.

Введение

Перемены, которые с оглушительной скоростью происходят сегодня в социальном бытии нашей страны, затрагивают все сферы и плоскости в жизни общества в целом и в жизни каждого человека в частности. И вызвано это не только «новой четвертой технологической революцией», которая приносит фундаментальные изменения в общественную жизнь, «...перемены, которые изменят не только облик производства, – как отмечает С.Д. Бодрунов, – но и систему общественных отношений, систему потребностей и ценностей человека, мир культуры...» [1]. Скорость этих перемен повышается в связи с глобальной перестройкой миропорядка – перехода от однополярного мира к наличию и взаимодействию нескольких равноправных локальных цивилизаций. Кроме того, то, что происходит сегодня в нашей стране, требует от каждого из нас не только четкого определения своих нравственных приоритетов, но и политического выбора. Именно поэтому изучение нравственных ценностей молодых людей, роль которых в определении основных направлений современного развития нашего общества трудно переоценить, представляется особенно актуальным.

Материалы и методы

Методологическим основанием исследования является принцип системности, предполагающий представление совокупности ключевых личностных и профессиональных ценностей молодого поколения в качестве сложно устроенного и трансформирующегося целого. В тексте осуществлен анализ исследований российских ученых, направленных на изучение ценностных ориентаций молодежи в разные периоды развития общества. Для выработки собственной интерпретации результатов опросов, формулировании выводов, применялись синтез и обобщение.

Результаты

Конечно, тема формирования нравственных ценностей не нова. Во все времена она находилась под пристальным вниманием и психологов, и философов, педагогов, социологов. Сегодня интерес исследователей к аксиологической проблематике усилен не только внешними глобальными факторами. Социально-экономические преобразования, сопровождающиеся различными (экономическими, культурными и прочими противоречиями), привели к девальвации традиционных общественных ценностей. Поэтому понять, способствуют ли эти преобразования развитию нового ценностного сознания у молодого поколения, – задача сегодняшнего дня. Вместе с тем, необходимо учитывать, что как исследование этой проблемы, так и ее решение не могут рассматриваться в рамках какой-то одной плоскости. Именно поэтому мы рассматривали эту проблему, используя другой подход и в иной плоскости: с позиций формирования профессиональных компетенций студентов, получающих педагогическое образование. В частности, выявление места личной заинтересованности обучающихся в получаемой профессии [2].

Задача данного исследования несколько уже: нас интересует не сам процесс формирования ценностной сис-

темы молодежи, а как под воздействием новых вызовов времени меняется соотношение личных нравственных ценностей – фундаментальных и инструментальных.

Для решения этой задачи был проведен сравнительный анализ результатов исследований предыдущих лет, имевших целью выявление степени сформированности нравственных и духовных ценностей студентов различных вузов страны. Основное внимание при анализе было уделено трансформациям базовых ценностей.

Выбранные нами для сравнительного анализа исследования имели различные цели и различную респондентскую аудиторию, несмотря на это, складывающаяся картина дает представление о динамике ценностных изменений личности молодого поколения, перешагнувшего рубеж веков. Так, в 2000 году в рамках Тугариновских чтений член-корреспондент Российской Академии образования В.Т. Лисовский опубликовал результаты социологического исследования ценностных ориентаций постсоветской молодежи [3].

В качестве предмета исследования были выбраны фундаментальные ценности бытия, их иерархия и структура. Цель исследования – изучить способность личностных ценностей к изменениям, что было чрезвычайно актуально в период аксиологического кризиса в массовом сознании общества.

Исследование Лисовского проходило в очень сложный период ломки традиционных ценностей, потери духовно-нравственных ориентиров не только у молодежи, но и более старшее поколение находилось в растерянности. Менялась вся система ценностей человека, и буквально рушился фундамент его отношения к миру.

Представление о том, что кризис в какой-либо конкретной области означает снижение ее социальной значимости, является ошибочным. Скорее, такой кризис указывает на изменение социально-ценностной траектории, отход от идеализированного состояния и несоответствие между требованиями общества и преобладающими условиями. Одновременно это может свидетельствовать о переориентации в данной области, что приведет к переоценке и, возможно, повышению значимости явления [3].

Именно результаты этого исследования явились основой для сравнительного анализа произошедших за 20 лет изменений ценностных ориентаций молодежи с результатами опроса, который был проведен сотрудниками АНОО «Физтех-лицей» им. П.Л. Капицы в 2021 году [4].

В общенациональном опросе приняли участие 286 человек из 54 регионов России. Целью исследования было оценить самовосприятие участников и их принадлежность к разным поколениям. Это побудило участников определить две черты, которые, по их мнению, преобладают среди молодежи в целом и в них самих в частности, расставить приоритеты по пяти основным ценностям и выбрать три основные стратегии, которые, по их мнению, наиболее эффективны для достижения успеха [4].

Сравнительный анализ позволил сделать важные выводы. Очевидна трансформация приоритетов молодого поколения. Опрос показал, что на первом месте стоят «семья» и «здоровье», за которыми следует «свобода», исходя из частоты их выбора. Напротив, предыдущее исследование, проведенное В.Т. Лисовским, показало, что «здоровье» имеет первостепенное значение, а «материальный достаток», «семья» и «дружба» находятся на втором месте. В те времена акцент на материальном благополучии был обусловлен сложными социально-экономическими условиями в России и растущей волной индивидуализма, когда успех приравнивался к финансо-

вому благополучию. В настоящее время, с увеличением ресурсов и времени, внимание переключилось на здоровье и семейные обязательства [4].

Изменилось и отношение к такой инструментальной ценности, как образование. Исследование В.Т. Лисовского (напомним, что оно проводилось в период с 1999 по 2000 г.г.) выявило, что большая часть опрошенных были убеждены, что образование не дает им социальных гарантий, и в связи с этим не выбирали официальные учебные заведения для получения образования. Но и оставаться без каких бы то ни было подтверждающих документов, «корочек» тоже было безответственно. Кроме того, как утверждали исследователи, «образование стало фактором укрепления социального неравенства. Дети «власть имущих» и богатых имеют возможность попасть в узкую группу, которая в будущем получит доступ к рычагам власти в экономике и политике» [3].

Исследование от физико-технического лицея им. П.Л. Капицы показало другие результаты в отношении образования. Значительное большинство респондентов связывают образование с долгосрочными устремлениями и потенциалом успеха. Подавляющее большинство отвечающих стремились получить качественное образование (96%), получить престижную работу (93%), создать прочную семью (96%), реализовать свои увлечения (89%), преуспеть в профессиональном плане (79,5%) и путешествовать по миру (66,5%) [4]. Актуальным явился и анализ гражданских ценностей молодежи, которая все эти годы не чувствовала себя включенной в социальные связи. После принятия в 2003 году Болонской декларации у молодых людей появилась реальная возможность получить образование или работу за рубежом, что позволило открыто и более лояльно воспринимать западный мир. Но одновременно с этим стало снижаться чувство патриотизма, сопровождавшееся представлениями об ограниченности возможностей самореализации на родине.

Интересно, что популярность таких качеств, как «патриотизм» и «долг», как личностных качеств, снижается. Эта тенденция свидетельствует о нежелании молодого поколения подчинять свои собственные интересы коллективным заботам, в том числе государственным [4].

Тем не менее, исследователи заметили, что основные характеристики молодежи в основном остались неизменными [4], особенно в тех областях, где укоренившиеся ценности наиболее ярко выражены и устойчивы к изменениям в обществе, а именно в семье, образовании и культуре.

Надо отметить, что панельные исследования с целью выявления степени сформированности нравственных и духовных ценностей студентов вузов проводятся крайне редко, поэтому у нас нет возможности проследить, на каком этапе личного развития студента происходят те или иные изменения ценностных ориентаций. В связи с этим мы попробуем проследить динамику изменений личностных ценностей, опираясь на результаты исследований, проведенных в разных регионах страны и в разные годы.

В 2007 году Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук опубликовал аналитический доклад чрезвычайно интересного исследования [5].

Учитывая, что молодежь не является гомогенной группой с единой системой ценностных ориентаций, исследователи сосредоточили свое внимание на сравнении понимания различных терминальных ценностей и средств достижения личных целей разных возрастных групп молодежи и людей старшего возраста, прожива-

ющих в разных регионах нашей страны, как городской, так и сельской местности.

В ходе исследования были изучены различные аспекты: отношение молодых людей к идеалам; их культурная склонность к российскому или западному влиянию; их предпочтение проживания в России по сравнению с проживанием за рубежом; взгляды молодого и старшего поколений на актуальность моральных норм; мнения относительно оправданности нарушения моральных принципов; и отношение к аморальным поступкам в разных возрастных группах.

Краткие выводы исследования свидетельствуют об уменьшении уважения к традиционным представлениям о морали и этике среди многих граждан, особенно молодежи, которые часто считают их устаревшими и препятствующими успеху. Феномен моральной коррозии в обществе характерен не только для молодежи; значительный процент пожилых участников также признают, что моральные нормы устаревают перед лицом современных норм и темпа жизни.

Исследования показывают, что жизненные трудности заставляют многих, особенно молодежь, пересмотреть свои ценности. Большинство признает, что успех часто зависит от готовности поступиться личными принципами, что согласуется с мнением о том, что для процветания в суровом мире иногда необходимо отодвинуть на второй план моральные нормы. И наоборот, меньшая часть молодежи твердо придерживается мнения, что успех не может быть оправдан, если он достигается ценой моральной неприкосновенности.

В данном случае этический «дефицит» молодого поколения совершенно очевиден. Если сравнивать точки зрения старшего поколения, то значительное большинство (63%) придерживаются незыблемости моральных норм, в отличие от меньшей части (36%), которые считают допустимым пренебрегать ими. Тем не менее, примечательно, что более трети представителей «родительского» поколения, перед которыми, по сути, поставлена задача прививать нравственную мудрость своим детям, также склонны пренебрегать моральными принципами [5].

Изучение различий в отношении к неэтичному и сомнительному поведению среди молодежи и людей среднего возраста выявляет заметное несоответствие. Современная «молодежь», похоже, отстает от своих «старших», особенно в усвоении норм, регулирующих взаимодействие между людьми, таких как неприятие наживы за чужой счет, невежливость, ненадежность в торговле и откровенный антагонизм по отношению к представителям разных этнических групп [5].

В 2013 году преподаватели Ярославского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ) провели исследование с целью определения уровня этических и духовных ценностей среди студентов ярославских вузов [6]. В ходе опроса изучалось восприятие и оценка студентами фундаментальных моральных понятий, включая счастье, дружбу, любовь, их удовлетворенность различными аспектами жизни (например, общая удовлетворенность жизнью, их взгляд на страну, отношения с семьей, опыт получения образования, взаимодействие со сверстниками и т.д.), а также то, что они больше всего ценят лично и в других людях. Она также была направлена на то, чтобы точно определить основные факторы, влияющие на индивидуальный рост участников.

Результатом опроса явился обобщенный нравственный портрет студенчества города. Не вдаваясь в детали данного анализа и несмотря на естественную неоднородность мнений респондентов, необходимо отметить,

что «наибольшую ценность для большинства студентов представляет здоровье (средний балл – 4,51). На втором месте наличие хороших и верных друзей (4,46), а на третьем – любовь (4,34)» [6].

Как видно, в сравнении с итогами исследований предыдущих лет в качестве приоритетной ценностной категории оказалось здоровье (как и в опросе В.Т. Лисовского). Возможно, что отчасти объяснение этому можно найти в активизации государственной молодежной политики, а также набирающей обороты пропаганде здорового образа жизни.

Стремление к жизненному успеху и материальному благополучию не только не было отодвинуто на второй план, но и занимало видное место в системе ценностей современного студента. Результаты исследования показали, что значительная часть студентов строила свою жизненную траекторию, исходя из собственных возможностей. Тем не менее, это стремление сопровождалось оговоркой, поскольку более половины опрошенных указали на готовность преступить этические границы [6].

Исследователи подчеркнули эволюцию, присущую как содержанию моральных ценностей, так и их общим определениям. Проанализировав собирательный образ ярославских студентов, они пришли к выводу, что духовно-нравственное состояние молодежи находится в состоянии постоянного изменения. Моральные ценности, укоренившиеся с советских времен, оставались влиятельными, в то время как рост либеральных ценностей стал более заметным. Оба набора ценностей имеют свои достоинства и недостатки. Насущная задача на данном этапе состоит в том, чтобы культивировать наиболее альтруистические элементы каждой моральной системы [6].

Параллельное исследование под названием «Положение молодежи Вологодской области», проведенное в 2012 году, подтвердило эти выводы относительно фундаментальных ценностей. В исследовании, охватывающем весь регион, включая крупные города Вологду и Череповец, а также 26 районов, приняли участие 2923 человека [7]. Здоровье, семья и материальная обеспеченность заняли первые три места в списке ценностей. Как и их ярославские сверстники, студенты, участвовавшие в этом исследовании, сделали ставку на свою личную инициативу для достижения успеха. Однако возник контраст: ярославская молодежь может нарушать моральные нормы ради карьерного роста, в то время как вологодская молодежь считает честность и личную ответственность важными ценностями.

В российском коллективном сознании глубоко укоренилось представление о полной утрате и необратимости как социальных, так и этических норм, порождающее страхи перед надвигающимся духовным упадком или, выражаясь более жестко, культурным вырождением России. Молодежь часто называют наиболее восприимчивой группой к этим негативным моральным изменениям [6]. Следовательно, внимание как общественных, так и государственных органов к этой важнейшей проблеме остается неизменным.

Последующие исследования выявили изменения в инструментальных ценностях коллективного сознания молодежи. Такие изменения обсуждаются в статье Владимира Рувинского «Чем ценности молодых отличаются от ценностей старших поколений». Наблюдения В. Рувинского основаны на исследованиях М.Н. Яковлевой из Института социологии Российской академии наук. Был сделан вывод, что молодые москвичи и петербуржцы придерживаются ряда основных ценностей, которые находят отклик у старшего поколения, пережившего советскую эпоху. Тем не менее, они придают большее зна-

чение аспектам, которые их предшественники считали менее важными, таким как самореализация, достойный доход и свобода самовыражения [8].

М.Н. Яковлева в своем анализе отмечает: для новых поколений возможность самореализации приобретает первостепенное значение. Основные сдвиги связаны с более прагматичным подходом к жизни, ослаблением моральных и этических норм и склонностью к более индивидуалистическим ценностям. Эти тенденции особенно ярко проявляются на уровне инструментальных ценностей, обнажая противоречие между фундаментальными жизненными целями молодых людей и реалиями нынешнего социально-экономического ландшафта [9].

Выше мы отмечали, что те преобразования в социальной, экономической, культурной, а также религиозной сферах в жизни общества нашей страны сопровождаются различными противоречиями, что приводит к девальвации моральных ценностей. Однако все данные исследования показали, что терминальные ценности в минимальной степени подвержены изменениям, тогда как ценности инструментального порядка претерпевают самую серьезную перестройку, оказывая серьезное влияние на содержательную наполненность базовых ценностей. Подтверждением этому является и одно из последних исследований 2022 года, проведенного Институтом изучения детства, семьи и воспитания РАО [10].

Выборка данного исследования была огромной: всего в анкетировании задействовано более 78 тысяч школьников и 74 тысяч родителей, более 44 тысяч педагогов и более 11 тысяч представителей молодежи из 85 регионов Российской Федерации [10].

Результаты данного исследования были представлены директором Института изучения детства, семьи и воспитания РАО Натальей Агре в докладе о ценностных ориентациях современной молодежи на Всероссийском семинаре-совещании руководителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Наталья Агре отмечает влияние инструментальных ценностей у 5% опрошенных на такую базовую категорию, как семья: «Обязательным условием для вступления в брак для большинства становится финансовая и профессиональная состоятельность» [10]. Совершенно не случайно появился в жизни молодых семей такой, ставший уже привычным формат, как гостевой брак. Молодые люди не готовы вести совместное хозяйство, иметь общий бюджет и вместе воспитывать детей. Спорадический родитель освобожден в такой «семье» от ответственности любого порядка, что приводит, как отмечает автор, к подмене понятий «ценности» и «качества личности».

Подчеркнем, что такая трансформация наблюдается лишь у 5% опрошенных. Для большинства респондентов создание семьи является актуальным: «Успех в жизни для современных детей – это создание крепкой семьи, интересная работа, карьера, здоровье и верные друзья» [10]. И, как видим, здоровье и дружба уступили свои приоритетные позиции работе и карьере, что согласуется с позицией тех 5% опрошенных, не желающих создавать семью, если нет финансовой и профессиональной стабильности.

Довольно неожиданными оказались результаты в отношении такой ценности, как высшее образование: «51% детей до 18 лет не считают высшее образование необходимым для современного человека. Профессиональный выбор молодежи в большей степени зависит от желаемой высокой заработной платы и личных интересов. Мотив служения людям в выборе профессии детьми и молодежью прослеживается крайне редко» [10].

И еще, что является очень важным моментом в данном исследовании и что нельзя не отметить (опрос проводился летом 2022, то есть после начала СВО), – это гражданская позиция молодежи. «Нет осознания гражданской ответственности, интереса к участию в делах страны, хотя для 51% детей до 18 лет и 62% молодежи 19–35 лет проявлять свою гражданскую позицию важно» [10].

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на все социально-политические, экономические, культурные и прочие преобразования, противоречия и катаклизмы, происходящие в нашей стране в последние годы, система базовых ценностей молодежи избежала той коррозии, о которой свойственно говорить старшему поколению. Конечно, в ценностной парадигме происходят трансформационные сдвиги, зависящие от внешних глобальных и локальных факторов, изменяя содержательную наполненность некоторых терминальных ценностей. Это происходит в силу тех ценностных противоречий, при которых аксиологический вектор личных достижений в жизни молодежи вступает в противоречие с пониманием такой ценности, как социальное благополучие. Динамичные отношения терминальных и инструментальных ценностей сегодня не являются чем-то из ряда вон выходящими. Как и во все времена, можно сказать, что эта динамика ценностной сферы молодого поколения объясняется возрастными задачами: преодолением зависимости от «опеки» старшего поколения и формированием автономии личности. В период взросления у каждого молодого человека происходит создание своей модели мира с точки зрения своего личного нарратива: то, что ему не близко, он преуменьшает, отбрасывает, а то, что считает своим, имманентным, – выделяет, развивает. Наше аксиологическое Я, наши ценностные ориентации детерминируют и социальное самочувствие, и, в конечном итоге, социальный статус личности.

Литература

1. Бодронов С.Д. От ЗОЖ к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 109–118. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2011 (дата обращения: 01.03.2024).
2. Дёмина Ю.В. К проблеме интерпретации сквозной компетенции: ценностный аспект в подготовке педагогов профессионального обучения / Ю.В. Дёмина, Г.И. Петрова, С.А. Пономарева, Е.А. Фоминых. – Текст: непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2023. – № 6. – С. 41–54.
3. Лисовский В.Т. Ценности жизни и культуры современной молодежи (социологическое исследование) // Серия «Мыслители», Тугариновские чтения. Выпуск 1 / Материалы научной сессии Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С.40–44. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/lisovskiy-vt/cennosti-zhizni-i-kultury-sovremennoy-molodezhi-sociologicheskoe-issledovanie> (дата обращения: 01.02.2024)
4. Булгаков Г., Ивкин А., Мосиенко И., Околелова А. Ценностные ориентации современной учащейся молодежи // Старт в инновации: Материалы XX научно-практической конферен-

ции, Московская область, г. Долгопрудный, 2021 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://anoo.ftl.name/upload/images/start-v-innovatsii/chel/7.%20%D0%91%D1%83%D0%B%D0%B3%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%98%D0%B2%D0%BA%D0%B8%D0%BD%20%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%2C%20%D0%9E%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0_10_%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81_27.02.2021.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

5. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. – Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_1.html#:~: text=%D0%9C%D0%BE%D0%B%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D1%8C%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%3A%20%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5,%D0%B%D0%BE%2019%25%20%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%B%D0%B8%20%D0%B2%D0%B7%D1%8F%D1%82%D0%BA%D0%B8](https://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_1.html#:~:text=%D0%9C%D0%BE%D0%B%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D1%8C%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%3A%20%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5,%D0%B%D0%BE%2019%25%20%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%B%D0%B8%20%D0%B2%D0%B7%D1%8F%D1%82%D0%BA%D0%B8) (дата обращения: 11.02.2024).
6. Жолудева В.В., Панарский Н.С. Нравственные ценности современной российской молодежи: результаты социологического исследования. Статистика и Экономика. 2013. № 2. С. 137–141. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://statecon.rea.ru/jour/article/view/148?locale=ru_RU (дата обращения: 11.02.2024).
7. Ласточкина М.А. Нравственные ценности современной молодежи (региональное исследование) // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2014/08/7535> (дата обращения: 25.02.2024).
8. Чем ценности молодых отличаются от ценностей старших поколений – Ведомости, 17 июня 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/06/18/773015-tsennosti-molodih-starshih> (дата обращения: 20.02.2024).
9. Яковлева М.Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог. исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Т. Цибилова – М.: РГГУ, 2018. С. 212–219. Режим доступа: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6073 (дата обращения: 12.02.2024).
10. Аналитический отчет «Итоги мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи 2022». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nios.ru/node/28772> (дата обращения: 03.02.2024).

TRANSFORMATIONAL SHIFTS IN THE VALUE PARADIGM OF RUSSIAN YOUTH

Petrova G.I., Ponomareva S.A.

Russian State Vocational Pedagogical University

Can we say that, despite all the socio-economic, political and cultural transformations, crisis phenomena that have been taking place in our country in recent years, the system of terminal and instrumental values of young people has avoided the corrosion that representatives of the older generation often talk about? The dynamic relationship between terminal and instrumental values is not something

out of the ordinary today. The dynamics of the value sphere of the younger generation is explained by age-related tasks: overcoming dependence on the “guardianship” of the older generation and the formation of personal autonomy. In the period of growing up, each young person creates his own model of the world from the point of view of his personal narrative: what is not close to him, he minimizes, rejects, and what he considers his own, immanent, he highlights and develops. The article is devoted to the analysis of transformational shifts in the value paradigm that depend on external global and local factors, carried out on the basis of studies of the value orientations of Russian youth over the past quarter of a century.

Keywords: moral values, basic values, terminal values, instrumental values, transformational shifts, youth.

References

1. Bodrunov S.D. From ZOO to ZOO: man, society and production in the context of a new technological revolution // Questions of philosophy. 2018. No. 7. pp. 109–118. [Electronic resource]. Access mode: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2011 (date of reference: 03/01/2024).
2. Demina Yu.V. On the problem of interpretation of cross-cutting competence: a value aspect in the training of teachers of vocational training / Yu.V. Demina, G.I. Petrova, S.A. Ponomareva, E.A. Fominykh. – Text: direct // Pedagogical education in Russia. – 2023. – No. 6. – pp. 41–54.
3. Lisovsky V.T. The values of life and culture of modern youth (a sociological study) // Series “Thinkers”, Tugarinovskiy readings. Issue 1 / Proceedings of the scientific session St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2000. pp.40–44. [electronic resource]. Access mode: <http://anthropology.ru/ru/text/lisovskiy-vt/cennosti-zhizni-i-kultury-sovremennoy-molodezhi-sociologicheskoe-issledovanie> (date of application: 02/01/2024)
4. Bulgakov G., Ivkin A., Mosienko I., Okolelova A. Value orientations of modern student youth // Start in innovation: Materials of the XX scientific and practical conference, Moscow region, Dolgoprudny, 2021 [Electronic resource]. Access mode: https://anoo.ftl.name/upload/images/start-v-innovatsii/chel/7.%20%D0%91%D1%83%D0%B%D0%B3%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%2C%20%D0%98%D0%B2%D0%BA%D0%B8%D0%BD%2C%20%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%2C%20%D0%9E%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0_10_%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81_27.02.2021.pdf (date of application: 02/14/2024).
5. The youth of the new Russia: lifestyle and value priorities. – Information and Analytical Bulletin of the IS RAS, 2007. [electronic resource]. Access mode: [https://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_1.html#:~: text=%D0%9C%D0%BE%D0%B%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D1%8C%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%3A%20%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5,%D0%BF%D0%BE%2019%25%20%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%20%D0%B2%D0%B7%D1%8F%D1%82%D0%BA%D0%B8](https://www.isras.ru/analytical_report_Youth_7_1.html#:~:text=%D0%9C%D0%BE%D0%B%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D1%8C%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8%3A%20%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5,%D0%BF%D0%BE%2019%25%20%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B8%20%D0%B2%D0%B7%D1%8F%D1%82%D0%BA%D0%B8) (accessed 02/11/2024).
6. Zholudeva V.V., Panarsky N.S. Moral values of modern Russian youth: results of a sociological study. Statistics and Economics. 2013. No. 2. pp. 137–141. [electronic resource]. Access mode: https://statecon.rea.ru/jour/article/view/148?locale=ru_RU (date of reference: 02/11/2024).
7. Lastochkina M.A. Moral values of modern youth (regional research) // Humanitarian scientific research. 2014. No. 8 [Electronic resource]. Access mode: <https://human.snauka.ru/2014/08/7535> (date of application: 02/25/2024).
8. How the values of the young differ from the values of the older generations – Vedomosti, June 17, 2018. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/06/18/773015-tsennosti-molodih-starshih> (date of application: 02/20/2024).
9. Yakovleva M.N. Dynamics of value orientations of modern youth // The meanings of life of the Russian intelligentsia /

RSUH, Sociologist. The fact is, the Center is a sociologist. research. Under the general editorship of J. T. Toshchenko. Editor-compiler D. T. Tsibikova – M.: RSUH, 2018. pp. 212–219. Access mode: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6073 (date of reference: 02/12/2024).

10. Analytical report “Results of monitoring the value orientations of modern youth 2022”. [electronic resource]. Access mode: <http://nios.ru/node/28772> (date of application: 02/03/2024).

Позитивные сценарии развития человечества в контексте цифровой цивилизации: социально-философский анализ

Равочкин Никита Николаевич,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии; профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Леопя Александр Владимирович,

доктор философских наук, доцент, заведующий лабораторией военной истории и военной педагогики Сибирского федерального университета
E-mail: alleora@mail.ru

Мельникова Татьяна Витальевна,

доктор философских наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Сибирского федерального университета
E-mail: mtv-10@mail.ru

Рахинский Дмитрий Владимирович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого; профессор кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета
E-mail: siridar@mail.ru

В статье через призму социальной философии рассматриваются позитивные сценарии развития человечества в реалиях цифровой цивилизации. Приводятся позиции классиков и современников, раскрывающие различные взаимосвязи между человеком и техникой. Показывается, что оптимистично настроенные интеллектуалы предлагают многочисленные пути достижения человечеством своего бессмертия и целый набор инструментов для минимизации, а то и вовсе нивелирования дефектов социального бытия. Демонстрируется, что получивший наиболее широкое распространение трансгуманизм руководствуется нововременной рациональностью и допускает абсолютное познание человека в целях обеспечения его бессмертия в контексте осуществленного перехода к цифровой цивилизации. Отмечены вероятностные характеристики, которые могут быть положены в основу человечества будущего, чье бытие приходится на координаты цифрового мира. В заключение сформулированы выводы, дополняющие современное социально-философское знание в аспекте футурологического изучения трансформаций образов человечества в контексте наступления цифровой цивилизации, что может быть использовано в теоретико-методологическом и прикладном аспектах.

Ключевые слова: человечество, общество, цифровизация, будущее, трансформации, цифровая цивилизация, трансгуманизм.

В результате повышения интенсивности развертывания процессов цифровизации современное человечество пребывает не только в многообразии информации, но и усложняющихся комбинациях культурных, политических, экономических и других параметров, что усложняет траектории его самоопределения и не позволяет отчетливо увидеть перспективы дальнейшего развития. На протяжении внушительного периода одной из актуальных философских проблем является проблема поисков смысла бытия и места человека в мире будущего. Постинформационное общество предлагает множество путей и способов определения перспектив, при этом каждый из имеющего плюрализма вариантов социального развития не претендует на истинность.

Начнем с того, что истоки взаимосвязи между человеком и техникой, а именно отождествление с машиной, усматриваются еще в древних государствах, «которые более 5000 лет тому назад имели такие социальные структуры, которые во многом напоминают общественное устройство в странах современной Европы и Северной Америки» [5, с. 443]. В российском дискурсе обращает на себя внимание Н.А. Бердяев, полагавший, что техника открывает для человечества практически безграничные возможности, обеспечивая господство в мире, овладение природой, временем и пространством. Техника позволяет умножать блага жизни, учит достигать большего результата при меньшей трате сил: «единственной сильной верой современного цивилизованного человека остается вера в технику, в ее мощь и ее бесконечное развитие. Техника есть последняя любовь человека, и он готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви» [2, с. 247]. Благодаря технике индивиды начинают овладевать пространством и временем. Сегодня машины и искусственный интеллект позволяют оптимизировать производственные процессы, повышая их качество и результативность, а также снижают нагрузку на индивидов, снижая вероятность наступления человеческой ошибки.

В дальнейшем идеи достижения физического бессмертия получили развитие во второй половине XX века в логике концепции «иммортотгуманизма», сторонники которой провозгласили практическое бессмертие высшей ценностью. Иммутология основывается на последних достижениях в области биологии, медицины и информатики. В конце прошлого столетия западным интеллектуалам также удалось выработать идеи трансфера человечества на качественно иной уровень развития – трансгуманизма. Данное течение сосредоточивается вокруг понимания того, что человек не является венцом творения и вершиной эволюции, что идеи гуманистов эпохи Возрождения, которые поставили человека в центр мироздания, в условиях развития науки и техники, сегодня утратили свою актуальность. От выдающихся мыслителей прошлого сохраняется восприятие человека как творца, но, по мнению трансгуманистов, сегодня силами человека «можно создать существо, превосходящее человека во всех физических и интеллектуальных возможностях» [3, с. 178].

Во многом в основании концепции трансгуманизма – рационализм, научность Нового времени, восприятие

человека в научном аспекте, «очищение» восприятия от «пережитков» религиозных верования, идеалистической философии [3, с. 188]. По сути, понимание человека в логике трансгуманизма является материалистическим, при котором формируется убеждение в том, что, когда тело будет изучено до конца. В качестве положительных результатов развития современных наук и технологий философы-«оптимисты», прежде всего, называют продление жизни, улучшение «физиологических» аспектов человека, преодоление неизлечимых на сегодняшний день заболеваний. Последние научные достижения в области техники и медицины, внедрение систем искусственного интеллекта позволяют отдельным ученым и исследователям надеяться, что уже в ближайшее время человечество вступит в «эру Технологической Сингулярности – эру гигантских вычислительных мощностей, искусственного интеллекта и самосовершенствования техники и технологий» [3, с. 4].

В одном из предельных вариантов наступает век реально возможного выхода человеком за границы мыслимых наукой законов, суть такой эры, когда человек сможет преодолеть все ограничения физического тела, любых существующих сегодня законов и ограничений и получить поистине безграничную власть как над собой, так и над пространственно-временными категориями, обрести способности, которые сегодня кажутся сверхчеловеческими.

Необходимо отметить, что течение трансгуманизма не однородно, в его структуре можно выделить несколько основных направлений, каждое из которых сосредотачивается на детальном изучении трансформаций образа человека будущего [3, с. 10]:

1. Аболиционизм, который ставит во главе угла борьбу с болезнями, патологиями, физическими страданиями личности (Д. Пирс). Представители этого течения подчеркивают, что уже в ближайшем будущем человек может быть избавлен от физических и психологических страданий [7]. В процессе избавления от страданий могут использоваться следующие технологии:
 - a) стимуляция током, которая позволит снизить длительность и интенсивность травмирующих переживаний;
 - b) медицинские препараты, позволяющие ощутить не только гедонистическое наслаждение, но и различного рода;
 - c) генная инженерия.
2. Либертарианство – течение, которое пропагандирует неограниченное право каждого человека на «модернизацию» собственного тела (Р. Бейли, Г. Рейнольдс). Представители указанного направления уверены, что технологии способны исцелить человека и однозначно помогают в восстановлении какой-либо утраченной целостности тела. Иными словами, сторонники трансгуманизма нацелены не столько на раскрытие внутреннего потенциала человека, его избавление от физических и духовных страданий, но на создание «сверхчеловека», «неочеловека», обладающего возможностями и способностями, которые сегодня человеку не доступны;
3. Технокоммунизм – течение, нацеленное на позитивизацию возможностей нанотехнологической революции, способствующей ликвидации труда и одновременному достижению всеобщего процветания и самого разнородного изобилия (А.В. Лазаревич);
4. Сингуляризм – область научного поиска, основная фокусировка которой осуществлена на предвидении неконтролируемых следствий умножающихся возможностей компьютеров и осуществлении трансфе-

ра сознания на небиологические носители (А.А. Болонкин, Н. Бостром, Г. Моравек, Э. Юдковский). Представители этого направления рассматривают человека как своеобразный прообраз компьютера: голова = «процессор», место обработки и хранения данных, информации, органы чувств = «датчики». Оптимальное существование не подразумевает наличие органического тела в качестве основы для достижения бессмертия и отсутствия физических страданий.

Выходит, применительно к телу и телесности, можно выделить две основные тенденции развития человека будущего: 1) модернизация тела (трансплантация, имплантация, киборгизация, чипизация; 2) отказ от тела (его голографирование, цифровизация) [1;4]. При этом важно подчеркнуть, что трансгуманисты видят своими интенциями предложить человеку аргументированный выбор самых различных оптимальных стратегий по поводу модификации людьми тела, вплоть до отказа от него. Представители этого направления философской мысли в наиболее упрощенном виде стремятся к замене биологического=несовершенного небиологическим=совершенным ради сохранения информации, содержащейся в мозге человека.

Наиболее яркие представители трансгуманизма отмечают, что в задачи трансгуманистов входит ликвидация старения, смерти, а также значительные трансформации человека, усиление его физических, умственных, психологических возможностей, способностей человека. Иными словами, несмотря на то, что стратегия трансгуманистов нацелена на личность, сформулированные ими задачи свидетельствуют о стремлении «создать разум, превосходящий разум человека» [3, с. 184]. Разумеется, сегодня национальные государства на законодательном уровне стараются регулировать деятельность научных центров, стремятся минимизировать риски проведения биологических экспериментов над человеком. К примеру, в России действует запрет на технологирование человека. Но сегодня наука и техника развивается столь стремительно, что законодательство просто не успевает адекватно реагировать на все научные открытия. В частности, существует запрет на клонирование, однако вопросы чипирования, модернизации тела человека, киборгизации остаются за пределами внимания законодательных органов, т.е. гипотетически возможны.

На мировоззренческом уровне человек будущего обладает глубокими познаниями природы, его преобразовательная деятельность носит творческий, конструктивный характер, направлена на гармонизацию взаимодействия между природой и социумом. Меняется сама сущность человека, который становится неотъемлемым компонентом открытых, саморазвивающихся, сверхсложных систем, комплексов «человек – ПК», «человек – Всемирная паутина». В цифровом мире с господством техники как средства придания рациональности, стабильности системе социальных взаимодействий человек руководствуется исключительно рациональными категориями. Стремление к рациональному познанию и преобразования мира обусловлено во многом развитием науки, «ведь наука составляет сущность современного прогресса, она базис технического освоения мира и обеспечения массового потребления» [5, с. 458]. Получается, что в процессе познания и преобразования социокультурной окружающей среды человек будущего рационален.

Душевно-духовный мир человека будущего не ограничен социальными, религиозными, идеологическими любыми иными нормативами, он полностью свободен

в своем выборе, но его свобода проявляется в выборе социально одобряемых поведенческих паттернов, включая наличие сострадания, любовь к ближнему, стремление к конструктивной самореализации в системе профессиональных и социальных взаимодействий, соблюдение законов. Абсолютно свободный человек будущего не испытывает страха, он может быть ученым, творцом, его деятельность не ограничивается рамками, но при этом всегда социально одобряемы коррелирующие между собой индивидуальные и общественные идеалы. Человечество будущего в контексте цифровой цивилизации может быть дефинирован как коллективный субъект, «кристаллизующий социально и индивидуально значимые ценности и служащий ориентиром на пути в процессе развития» [3, с. 23].

В результате дальнейшего развития технологий, новых научных открытий и овладения личностью новыми знаниями, возможностями появится неочеловечество, интегральное сложение образов которого отображает весь сложный характер его развития, сконструированный благодаря сочетанию «кодов науки, религии, мифологии, истории, философии и права» [3, с. 79]. Люди будущего, обладающие абсолютной свободой, возможностями самореализации и самовыражения, осуществляют самосозидание, которое выражается не в бездумном копировании и слепом переносе социальных образцов, но в поиске собственных ориентиров развития [3, с. 27].

В идеальном мире будущего не будет преступлений, поскольку личность осознанно и свободно выбирает конструктивные, социально одобряемые стратегии поведения, а наличие возможностей самореализации в творческой, научной деятельности сделает ненужной саму возможность преступления, поскольку «в преступлении следует видеть не слабость или болезнь, а бурлящую энергию, «взрыв протеста во имя человеческой индивидуальности», что, несомненно, объясняет странную чарующую силу преступления» [6, с. 425–426]. Следовательно, отсутствие необходимости, возможности индивидуального бунта повлечет за собой отсутствие преступлений. Разумеется, в любом обществе во все времена будет представлена протестно настроенная часть населения, однако в ситуации полной свободы выбора, защиты индивидуальности и свободы выбора необходимость в применении насильственных средств обеспечения и защиты своих прав отсутствует. Иными словами, в результате появления нового человека полностью изменится уклад жизнедеятельности социума в общепланетарном масштабе:

- 1) Смена наличной массовой безработицы повсеместной вовлеченностью человеческих ресурсов в трудовую деятельность;
- 2) Невысокий уровень дохода и сопутствующий ему уровень жизни будут заменены изобилием;
- 3) Тотальное оздоровление человечества вместо болезней, инвалидности и патологий;
- 4) Социальные пороки, включая преступность, уйдут со сцены ввиду отсутствия самой необходимости совершения различных противоправных деяний, достижение социального равенства и благосостояния, гармонизация интересующих взаимовзаимодействий;
- 5) Ограничения и необходимости выполнения рутинных профессиональных обязанностей заменятся абсолютной свободой, вовлеченностью в реализацию творческой, научной деятельности [3, с. 78].

Соответственно, позитивные прогнозы по поводу будущего человечества в контексте цифрового мира свидетельствуют, что в скором времени люди будут избавлены от физических и душевных страданий, обладая возможностями безграничного совершенствования

и самореализации. Человек будущего обладает ничем не ограниченной свободой, но при этом всегда выбирает социально одобряемые, добродетельные стратегии поведения, взаимодействия с другими. Его отношение к природе конструктивно, основывается на глубоких знаниях и понимании природы. В профессиональном плане он избавлен от необходимости трудиться физически, может посвятить себя творческой, научной деятельности. В целом, образ человека будущего при таком подходе вписывается в логику поступательного эволюционного процесса.

Литература

1. Баева Л.В. Образ киберчеловека в современной науке и культуре // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2015. № 1. С. 56–69.
2. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) (извлечение)// Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 246–256.
3. Дыдров А.А. Человек будущего в контексте инновационных стратегий: дисс. д-ра филос. наук. Челябинск, 2020. 354 с.
4. Климкина А.Г. Чипизация населения Земли // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2018. Т. 2. № 4 (14). С. 328–330.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2015. 618 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
7. Pearce D. The Hedonistic Imperative [Электронный ресурс]. URL: <http://happymutations.com/ebooks/david-pearce-the-hedonistic-imperative.pdf> (Дата обращения: 29.01.2024).

POSITIVE SCENARIOS FOR THE DEVELOPMENT OF HUMANITY IN THE CONTEXT OF DIGITAL CIVILIZATION: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Ravochkin N.N., Leopa A.V., Melnikova T.V., Rakhinsky D.V.

Kuzbass State Agricultural Academy, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Siberian Federal University, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk State Agrarian University

The article, through the prism of social philosophy, examines positive scenarios for the development of humanity in the realities of digital civilization. The positions of classics and contemporaries are presented, revealing various relationships between man and technology. It is shown that optimistic intellectuals offer numerous ways for humanity to achieve its immortality and a whole set of tools for minimizing, or even completely leveling out the defects of social existence. It is demonstrated that transhumanism, which has become the most widespread, is guided by modern rationality and allows for absolute knowledge of man in order to ensure his immortality in the context of the transition to digital civilization. Probabilistic characteristics are noted that can form the basis of the humanity of the future, whose existence falls on the coordinates of the digital world. In conclusion, conclusions are formulated that complement modern socio-philosophical knowledge in the aspect of the futurological study of transformations of images of humanity in the context of the onset of digital civilization, which can be used in theoretical, methodological and applied aspects.

Key words: humanity, society, digitalization, future, transformation, digital civilization, transhumanism.

References

1. Baeva L.V. The image of the cyberman in modern science and culture // Philosophical problems of information technologies and cyberspace. 2015. No. 1. pp. 56–69.

2. Berdyaev N.A. Man and machine (the problem of sociology and metaphysics of technology) (extract) // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSAL). 2022. No. 4. pp. 246–256.
3. Dydrov A.A. Man of the future in the context of innovative strategies: diss. Doctor of Philosophy Sci. Chelyabinsk, 2020. 354 p.
4. Klimkina A.G. Chipization of the Earth's population // Current problems of aviation and astronautics. 2018. T. 2. No. 4 (14). pp. 328–330.
5. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. M.: AST, 2015. 618 p.
6. Foucault M. Supervise and punish. The birth of a prison. M.: Ad Marginem, 1999. 480 p.
7. Pearce D. The Hedonistic Imperative [Electronic resource]. URL: <http://happymutations.com/ebooks/david-pearce-the-hedonistic-imperative.pdf> (Accessed: 29.01.2024).

Взаимовлияние концептов правовой культуры и правового нигилизма в российском обществе

Сирин Сергей Анатольевич,

кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: tkocmina@gmail.com

Статья посвящена исследованию феноменов правовой культуры и правового нигилизма. В контексте взаимосвязи концептов «идеи», «традиции» и «менталитета» в классической русской философии, автором ставится вопрос о существовании возможности формирования правового менталитета, адаптированного к современной культуре метамодернизма, в рамках которого будет доминировать идея общесоциального правосознания, правопонимания, правопринятия. Аргументируя взаимосвязь и взаимовлияние правового нигилизма и правовой культуры, автор приходит к выводу о необходимости смещения баланса сил средствами инициативных действий исполнительных органов власти, инициатирующих программные и проектные решения в области образования и просвещения. Предпринимая попытку интеграции новой идеи в национальное самосознание, возможно формирование новой культурной традиции, пронесенная через поколения сможет преобразовать национальный правовой менталитет, в основу которого будет заложен не скепсис и безразличие, а «правильное» правовое мировоззрение и мировосприятие. Такая метаморфоза позволит активировать синергию гражданского и публичного участия, а впоследствии и плодотворное взаимодействие, нацеленное на превращение государства в действительно социальное образование, социальный институт.

Ключевые слова: правовой нигилизм, идея, традиция, социальное государство.

Отечественная философия всегда пребывала в поисках ответа на вопрос о характерных чертах национально-го характера, в том числе об отношении к закону и, в целом, к праву русского человека.

Правовой менталитет формируется в течение определенных темпоральных циклов, смена которых зависит от широкого спектра факторов, включая религию, социально-экономические отношения и культуру.

Чаадаев П.Я. в XIX веке писал, что идея для того, чтобы считаться достоянием человечества, пройти должна через определенное число поколений. Иначе говоря, идея только в качестве сформировавшейся традиции выступает всеобщим достоянием.

Вышеуказанные идеи транслируются не только через различные письменных источники. Они благодаря микро- и макросоциальным коммуникациям проникают в самое «сердце» народа, массовизируются посредством СМИ.

Учитывая то, что в современных условиях, когда в обществе сформировалась кардинально отличающаяся от предыдущих эпох, метамодернистская культура, в рамках которой правовая традиция формируется и развивается исключительно в результате трансляции субъективного мировосприятия [9], возникает вопрос о том, существует ли возможность формирования нового правового менталитета, в рамках которого будет доминировать идея общесоциального правосознания, правопонимания, правопринятия.

Поиск ответа на этот вопрос предпринимается учеными различных отраслей научного знания, экспертами, аналитиками на протяжении нескольких десятилетий (П.А. Астафичев, В.В. Белкин, П.Е. Бойко, С.К. Буряков, Р.Е. Быков, С.Н. Гаврилов, И.В. Жильцова, А.В. Иглин, Д.А. Кузнецова, Н.Ф. Медушевская, В.В. Оксамытный, М.М. Османов, И.А. Хакимов, Т.В. Цветикова, А.В. Швецов, С.П. Швецов и др.).

Однако, в большинстве своем они сходятся во мнении о том, что для начала «культурной революции», необходимо избавиться от идеи, которая, как отмечает профессор С.Н. Бабурин, еще с советских времен выделяет выраженной запретом любой общеобязательной (государственной) идеологии триумф нигилизма [1, с. 130].

В целом, с позицией автора можно согласиться, т.к. изучая отечественную историю, можно утверждать, что российское государство не было никогда «открытым» государством с провозглашенным диктатом права.

Воля народа, несмотря на легитимность данного правила, интуитивно вторична. Это отнюдь не субъективная точка зрения, а лишь фактическая характеристика конкретного этапа исторического развития Российского государства.

Из этого следует, что оно реализовывать не может в рамках правоприменительной практики такие отношения, которые характерны исключительно для «открытых» государств.

После распада СССР реформирование российского государства отличалось непоследовательностью, без объективных на то причин посредством интеграции зарубежного опыта, что в результате привело лишь к механической адаптации страны к новой реальности.

Как отмечает С.В. Бурмистров, итогом этих реформ стали обнищание народа и крах народного хозяйства, вследствие чего общественностью любая реформа воспринималась как стремление с себя снять все обязательства.

Все общественные ресурсы контролировались либо перераспределялись группой людей, приближенных к правящей власти [2, с. 119]. Соответственно, идея, сформировавшаяся как реакция общества на решения советской власти, со временем прекратилась в традицию, которая, в свою очередь, спустя десятилетия, приняла масштаб национального правового менталитета, фундаментом которого является правовой нигилизм.

Давая характеристику этому явлению С.К. Буряков и А.Г. Филимонов [2, с. 223], отмечают его доминирование и в XXI в., называя его особым феноменом русского государства, который отличается моноцентричностью, основанной на особой структуре отношений в сфере права.

Под правовым нигилизмом следует понимать составляющую общественного сознания, которая выражается недоверчивым (безразличным, пренебрежительным и др.) отношением к закону и законности, праву и государству, т.е. в отрицании их общественной значимости.

С субъективной позиции это, в первую очередь, определенное состояние ума, базирующееся на отрицании некоторого правового явления, интегрированном в идеологический корпус национального самосознания.

И, как совершенно справедливо замечают К.Д. Гончаренко и соавторы, в отсутствие принятия кардинальных корректирующих мер, направленных на элиминацию человеческого скепсиса и безразличия, нигилизм может перерасти в экстремизм, а нигилист в экстремиста, для которого есть только вера в культ одиночества и социальной пассивности, исключительность определенного сообщества, культ личности [5, с. 112].

Данная характеристика, безусловно, подпадает под крайнюю степень нигилизма, источником которого выступает тотальный нигилизм, основанный на отказе от норм (ценностей), в частности правовых, включая отставание личного права в действиях и мыслях на волю.

Синтез ситуационного правового и морального нигилизма – источником вышеуказанной установки. Он предполагает негативное отношение к правовым нормам и ценностям, принятым в определенном социуме [11, с. 18].

В свою очередь, отправной точкой, на наш взгляд, будет являться выраженный полным отсутствием правового (морального) сознания пассивный нигилизм. Он является результатом несформированной или слабо сформированной правовой культуры. Исходя из этой мысли правовой нигилизм и правовая культура являются взаимообусловленными явлениями.

Как совершенно справедливо отмечает Т.В. Цветикова, под правовой культурой следует понимать важнейший элемент общественной культуры, выступающим индикатором уровня знаний, а также объективного отношения к правовой сфере в общества, что находит выражение в системе формируемых в рамках человеческой жизнедеятельности правовых знаний (убеждения, нормы, установки и др.) [12, с. 16].

Мир людей при полном отсутствии какой-либо правовой культуры не смог существовать, поскольку существа «разумные» уподобились бы своим «животным» предшественникам.

Возникновение разнообразных мнений о значимости существования в мире правовой культуры доказывает вышеприведенный тезис.

Безусловно, истиной служит следующий тезис: качество правовой культуры как индикатор позитивной правовой традиции, зависит от эффективности принимаемых решений, а также целенаправленного взаимодействия правительства, органов государственной власти, негосударственных институтов, предпринимательства, социальных групп и граждан, направленного на выработку правотворческих инициатив, принятие регулирующих в разнообразных хозяйственных отраслях социальные отношения нормативно-правовых актов.

Однако, реальность такова, что идеологически безупречное нормотворчество – это миф, т.к. государство выступает всегда основным идеологом доктрины права, тогда как гражданам отводится только роль исполнителей [7].

Стоит сказать, что взгляды представителей научного сообщества на смысл и содержание феномена правовой культуры кардинально различаются, что в определенной степени не позволяет четко проследить взаимосвязь (взаимообусловленность) между ней и правовым нигилизмом.

Так, например, Медушевский Н.А. [10] роль правовой культуры в обществе связывал с существованием различных видов терпимости в государстве.

Грунтовский И.И. [6] раскрыл уровень развития в социуме и государстве правовой культуры посредством анализа отношения к обязанности охраны безопасности и целостности государства военнослужащих.

Лазарев В.В. [8] выделяет многогранность такой категории, как правовая культура. С точки зрения ученого, данная категория включает:

- формирование правосознания как отражения правовых реалий;
- создание системы норм, выражающих волю государства в законах;
- реализация через общественные организации и государственные органы правовой культуры;
- воздействие на правовую деятельность (поведение) правовой культуры (законотворческий процесс).

Власенко Н.А. [4], кроме структурных составляющих исследуемой категории, выделил юридическую науку и источники права как воздействующие на правовую культуру основания.

Акцент в настоящем исследовании сделан на процесс воспитания правовой культуры, основанный на формировании правового мировоззрения у субъекта социальных отношений.

Поддерживая позицию Власенко Н.А., мы склонны полагать, что начинать создавать «правильную» идею (которая, как неоднократно было сказано выше, преобразится в традицию) и формировать новое правосознание и правосприятие необходимо именно с подрастающего поколения.

Таким образом, первичной задачей общественных институтов, и общества в целом, должно стать эффективное правовое образование молодых граждан, при этом, в обязательном порядке коррелирующее и иными формами профилактики и предупреждения распространения правового нигилизма в молодежной среде и его формовыражений (начиная с перехода улицы в положенном месте). Данное положение доказывается отсутствием взаимосвязи между практикой интеграции правового обучения подрастающего поколения в международные и национальные программы и степенью проявления правового нигилизма и его форм.

На наш взгляд, приоритетной задачей органов исполнительной власти является нормативное обоснование методологии и практической целесообразности изучения, сперва общественнознания, затем права в федераль-

ных государственных образовательных стандартах всех ступеней обучения; следующим логичным действием является вменение образовательным организациям обязанности инициации и последующего включения в учебные программы таких дисциплин, как «Нормотворческая деятельность в Российской Федерации», «Гражданское общество» и др.

Только таким образом, на наш взгляд, предпринимая попытку интеграции новой идеи в национальное самосознание, окажется возможным формирование новой культурной традиции, которая, будучи пронесена через поколения, сможет преобразовать национальный правовой менталитет, в основу которого будет заложен не скепсис и безразличие, а «правильное» правовое мировоззрение и мировосприятие.

Иными словами, обществу удастся «запустить» процесс ликвидации правового нигилизма путем формирования нового поколения со сформированным с самого детства, «правильным» мировоззрением и мировосприятием. Подобная метаморфоза позволит активировать синергию гражданского и публичного участия, а впоследствии и плодотворное взаимодействие, нацеленное на превращение государства в действительно социальное образование, социальный институт.

Литература

1. Бабурин С.Н. Значение ценностной динамики российского конституционализма XX в. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 5 (81). С. 130–136.
2. Бурмистров С.В. Учение о правовом нигилизме в российской правовой мысли второй половины XIX века – начала XXI в.: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Грозный, 2020. – 205 с.
3. Буряков С.К., Филимонов А.Г. Природа русского государства и правовой нигилизм российского общества // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. № 2 (85). С. 218–225.
4. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 156 с.
5. Гончаренко К.Д., Салганова Е.И. Тараданов А.А. Экстремизм – религия нигилизма // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 107–112.
6. Грунтовский И.И. Мнение молодежи о престиже военной службы. // Научный журнал «Сервис PLUS». № 2. 2010. С. 1–7.
7. Жигулин А.А. Правовая культура личности как форма правосознания // Территория науки. 2012. № 3. С. 98–106.
8. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 521 с.
9. Медушевская Н.Ф. Русский идеал правды в отечественном правосознании // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 25–28.
10. Медушевский Н.А. Основы толерантности и правовой культуры. – 2-е изд. изм. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 408 с.

11. Селехова О.О., Киреев Е.И. Нигилизм как черта современной социальной реальности // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 84. С. 15–20.
12. Цветикова Т.В. Аксиологическое значение категории «правовая культура» в современном обществе // Юридическая наука. 2021. № 8. С. 16–21.

MUTUAL INFLUENCE OF THE CONCEPTS OF LEGAL CULTURE AND LEGAL NIHILISM IN RUSSIAN SOCIETY

Sirin S.A.

Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of Russia

The article is devoted to the study of the phenomena of legal culture and legal nihilism. In the context of the relationship between the concepts of “idea,” “tradition» and «mentality» in classical Russian philosophy, the author questions the existence of the possibility of forming a legal mentality adapted to modern culture of meta-modernism, within which the idea of a general social legal consciousness, legal understanding, and acceptance will dominate. Arguing the relationship and mutual influence of legal nihilism and legal culture, the author concludes that it is necessary to shift the balance of forces by means of initiative actions of executive authorities initiating program and project decisions in the field of education and education. Trying to integrate a new idea into the national identity of a new idea, it is possible to form a new cultural tradition, carried through generations will be able to transform the national legal mentality, which will be based not on skepticism and indifference, the «correct» legal worldview and worldview. Such a metamorphosis will activate the synergy of civil and public participation, and subsequently fruitful interaction aimed at turning the state into a truly social education, a social institution.

Keywords: legal nihilism, idea, tradition, legal consciousness.

References

1. Baburin S.N. The significance of the value dynamics of Russian constitutionalism of the twentieth century // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2021. No.5 (81). pp. 130–136.
2. Burmistrov S.V. The doctrine of legal nihilism in Russian legal thought of the second half of the XIX century – the beginning of the XXI century: dissertation ... cand. Jurid. sciences': 12.00.01. – Grozny, 2020. – 205 p.
3. Buryakov S.K., Filimonov A.G. The nature of the Russian state and the legal nihilism of Russian society // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2021. No.2 (85). pp. 218–225.
4. Vlasenko N.A. Reasonableness and certainty in legal regulation: monograph. – M.: INFRA-M, 2014. – 156 p.
5. Goncharenko K.D., Salganova E.I. Taradanov A.A. Extremism – the religion of nihilism // Bulletin of SUSU. Series: Social and Humanitarian Sciences. 2021. No. 1. pp. 107–112.
6. Gruntovsky I.I. The opinion of young people about the prestige of military service. //Scientific journal “Service PLUS”. No. 2. 2010. pp. 1–7.
7. Zhigulin A.A. Legal culture of personality as a form of legal awareness // The territory of science. 2012. No. 3. pp. 98–106.
8. Lazarev V.V., Lipen S.V. Theory of state and law. – 5th ed., ispr. and add. – M.: Yurayt Publishing House, 2021. – 521 p.
9. Medushevskaya N.F. The Russian ideal of truth in the domestic legal consciousness // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No.5. pp. 25–28.
10. Medushevsky N.A. Fundamentals of tolerance and legal culture. – 2nd ed., ed. and add. – M.: LENAND, 2015. – 408 p.
11. Selekhnova O.O., Kireev E.I. Nihilism as a feature of modern social reality // Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities. 2019. No.84. pp. 15–20.
12. Tsvetkova T.V. The axiological meaning of the category “legal culture” in modern society // Legal science. 2021. No.8. pp. 16–21.

Ценностные основания направленности социальной активности студенческой молодежи

Тазов Петр Юрьевич,

старший преподаватель кафедры маркетинга ФБГОУ ВО
«Государственный университет управления»
E-mail: vetr@yandex.ru

В статье рассматриваются аксиологические аспекты социальной активности студенческой молодежи. Доказывается, что эта активность – это форма социальной реализации ценностных ориентаций в социуме. Социальная активность выступает важным компонентом социального развития студенческой молодежи, в ходе которой раскрывается ее социальный потенциал и гражданская позиция. В качестве ценностных оснований социальной активности выделяются ценности, связанные со стратегией самореализации и ценности, связанные со стратегией «социального серфинга». С этой точки зрения выделяются два типа социальной активности – «инновационная» и «базовая». «Инновационная» стратегия направлена на активное достижение субъектом статусной социальной позиции в опоре на собственные ресурсы и гражданскую позицию. «Базовая» социальная активность не имеет под собой четкой профессиональной и личностной стратегии действующих акторов и отчасти является стратегией «социального серфинга», лишенной устойчивой гражданской позиции.

Ключевые слова: ценностные ориентации, ценности, жизненные стратегии, социальная активность, студенческая молодежь.

В современных условиях крайне актуальным становится анализ и выделение механизмов формирования гражданской позиции, патриотических и духовно-нравственных ценностей, социальной активности личности. В тоже время, анализ ценностных ориентаций заканчивается, как правило, простой констатацией. Подчас не совсем ясно, на что обратить внимание при модернизации молодежных программ, как использовать полученные выводы? В этом контексте следует пристальнее всмотреться в тренды динамики ценностных ориентаций студенческой молодежи для выделения рисков, факторов социального развития студенческой молодежи, повышение ее социальной активности. В этом случае, непосредственная реализации молодыми людьми собственных ценностных приоритетов заключается в социальной активности, направленность которой (деструктивная или позитивная) отражает реальные ценности и нормы, которые регулируют поведение молодых людей. Таким образом, социальная активность самым непосредственным образом связана с ценностями ориентациями. При этом, выделение факторов повышения социальной активности на уровне трендов динамики ценностных ориентаций студенческой молодежи позволит заполнить пробел между анализом и планированием программ социального развития студенческой молодежи.

Важность рассмотрения ценностных оснований социальной активности студенческой молодежи обусловлена тем, что ценностные ориентации, формируя кристаллизацию смыслов личности, отражают и их темпоральные характеристики. Так, любая ценностная ориентация обуславливает определенную направленность смысловой сферы в будущее. Эта направленность отражается и в социальной активности. Так, значимость ценностной ориентации «семейное счастье» для студентов отражает ряд смыслов и представлений о семье и ее месте в жизни человека, а также временные установки и задачу достижения этой ценностной ориентации в определенные временные отрезки. Вера в возможность реализовать ценность в ближайшей и долгосрочной перспективе формирует планирование и реализацию целей и задач, вытекающих из ценностной иерархии в ее темпоральном значении.

В гуманитарном дискурсе социальная активность рассматривается в широком контексте: «соответственно своему статусу, методологические (гносеологические) основания теории социальной активности представляют собой синтез философских, общенаучных, естественнонаучных и социогуманитарных оснований, отражающих сложную специфику рассматриваемого феномена» [13, с. 155].

Изучением социальной активности занимались такие ученые как: Е.А. Ануфриев, Г.С. Арефьева, Л.П. Буева, Н.Е. Воробьев, В.З. Коган, О.М. Коморникова и др. [1; 2; 4; 5; 10; 11].

Социальная активность отражает процесс самореализации, самовыражения действующего актора. Е.А. Ануфриев, точно отмечает, что социальная активность самым непосредственным образом связана с творчеством, с самовыражением в общественной де-

тельности: «Социальная активность сродни творчеству. Это творческая созидательная деятельность, которая характеризуется стремлением внести свой, личный вклад в ход того или иного общественного процесса, в развитие общественной жизни» [1]. Определяя социальную активность, Е.А. Ануфриев выделяет в ней как сознательное, творческое отношение к трудовой и политической жизни, так и глубокую и полную самореализацию личности. В стремлении к знаниям Е.А. Ануфриев видит основу формирования социальной активности. В этом контексте важная роль принадлежит вузам [1]. Социальная активность безусловно связана с общественными целями и задачами. Т.Н. Мальковская, считает, что социальная активность является интегральным общественным свойством, характеризующим состояние субъекта в процессе взаимодействия с другими индивидами (обществами, коллективами, группами) в деятельности, необходимость которой обусловлена общественно значимым интересом и целями [17]. Роль внешнего воздействия субъекта на предметы внешней реальности отмечает В.З. Коган: «Социальная активность – это сознательная и целенаправленная деятельность личности и ее целостно социально-психологические качества, которые, будучи диалектически взаимообусловлены, определяют и характеризуют степень или меру персонального воздействия субъекта на предмет, процессы и явления окружающей действительности» [10].

Меру персонального воздействия на предметы окружающей действительности стоит рассматривать в контексте ценностных ориентаций. Так, Д.Е. Фролов, считает, что ценностные ориентации определяют те или иные виды социальной активности, их направленность, уровень интенсивности и пр. [23]. Мы согласны с позицией О.А. Коморниковой, которая утверждает, что существует взаимообусловленность социальной активности и ценностных ориентаций: «С одной стороны, ценностные ориентации пронизывают деятельность субъектов во всех сферах социальной активности, определяя ее направленность и содержание. С другой стороны, составляющие поле социальной активности практики, ценности оказывают воздействие на формирование ценностных ориентаций индивидов, групп» [11]. Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод: социальная активность отражает процесс реализации ценностных ориентаций в социальной жизни акторов.

На социальную активность студенческой молодежи самым непосредственным образом влияют ценностные ориентации, которые реализуются в жизненных стратегиях. Например, переход к «постмодернистским» ценностным ориентациям в ценностном сознании студенческой молодежи влечет за собой развитие социальной активности в тех областях общественной жизни, которые связаны с самореализацией.

Таким образом, социальная активность – это форма конструктивной социальной реализации ценностных ориентаций в социуме. Социальная активность выступает важным компонентом социального развития студенческой молодежи, в ходе которой раскрывается ее социальный потенциал. В каждой из сфер социальной активности – образовательные, волонтерские, социальные программы и др. актуализируются специфические ценностные ориентации, выступающие смысловыми направляющими социальной деятельности молодых людей. Важными факторами формирования социальной активности будут являться социальные потребности и интересы [7].

Социальный потенциал можно рассматривать как характеристику резервов и возможностей студенческой молодежи как особой социально-демографической груп-

пы. В этом контексте, немаловажную роль в формировании социального потенциала играют ценностные ориентации, отражающие «темпоральные» характеристики ценностного сознания. Раскрытие социального потенциала в ходе социальной активности способствует социальному развитию студенческой молодежи. Социальное развитие нами понимается как процесс раскрытия социального потенциала студенческой молодежи в ходе ее социальной активности и деятельности по воспроизводству ценностей и норм традиционной культуры.

На наш взгляд, на формирование социальной активности студенческой молодежи оказывают влияние такие элементы как: социальная позиция молодых людей, выраженная в когнитивно-поведенческой установке по отношению к социальным процессам и явлениям; ценностные ориентации; адаптационные стратегии; институт высшего образования; социальные роли; профессиональная социализация; стратегия саморазвития, как жизненная стратегия студенческой молодежи.

Таким образом, можно выделить как внешние (институциональные) факторы формирования социальной активности (институт высшего образования), так и внутренние (адаптационные стратегии, стратегия саморазвития, социальная позиция, социальные роли, ценностные ориентации).

В этом контексте процесс формирования социальной активности студенческой молодежи – сложный процесс деятельностного самовыражения, который включает в себя как ролевые особенности субъекта, так и смысловые, ценностные элементы, отражающие значимость тех или иных предметов внешнего мира. Сформулированные подходы к взаимодействию с обществом, выраженные в социальных стратегиях (адаптации, самореализации и др.) являются главными источниками социальной активности личности студента. Чем больше социальные группы студентов ориентируются на стратегию самореализации, тем выше их социальная активность, выше вклад в общество. Необходимость быть эффективным и социально активным во многом объясняет то, что для почти половины опрошенной студенческой молодежи очень важны социальные связи и контакты. Это объясняет то, что в сознании современных студентов нужные связи и знакомства выступают одним из главных факторов достижения успеха согласно современным исследованиям студенческой молодежи [8].

Интересным будет рассмотреть результаты исследования «Ценностные ориентации российского студента», проведенного Научно-учебной лабораторией политических исследований ГУ ВШЭ в период 19.02.2017–27.03.2017 (n = 6055 респондентов из 109 российских вузов). Важным для успеха 41% опрошенных отметили «Связи, знакомства», при этом 55% опрошенных отметили «Сильную волю, целеустремленность», 47% – «Ум, талант, способности», 44% – «Упорную работу» [24]. Значимость этих факторов для достижения успеха и реализации социальной активности отражает выбор адаптационной модели в условиях социальных трансформаций. Если социальная активность является деятельностным проявлением ценностных ориентаций, то форма социальной активности отражает в том числе адаптационные стратегии молодых людей. Ум, способности, целеустремленность, связи и знакомства являются элементами «человеческого капитала», чем он больше, тем выше социальная активность молодых людей и их «адаптивность» на рынке труда.

Уверенность, готовность к риску, ориентация на саморазвитие и самореализацию, стратегия накопления своего «человеческого капитала» – все это отражает высокую социальную активность, позволяет формировать

траектории профессионального развития, быть конкурентным на рынке труда. Это отражает высокий социальный потенциал студенческой молодежи.

Для более содержательного анализа социальной активности имеет смысл выделить ее типологию. С.С. Барча, О.В. Давыдова, Т.Н. Ключникова на основе анкетного опроса (N = 367 учащихся школ, техникумов, вузов г. Орла) предлагают три типа социальной активности. В основе первого типа лежит стремление к вертикальной мобильности и получению знаний (ученики общеобразовательных школ); в основе второго типа – общественная, гражданская позиция (студенты вузов); в основе третьего типа – досуговые и коммуникативные устремления без проявления интереса к освоению профессии [9].

А.В. Сапронов выделяет две основные формы проявления социальной активности: адаптивную и творческую. Адаптивная социальная активность характеризуется приспособлением индивидов к условиям окружающей среды. При этом формами адаптивной активности могут выступать, например, рекреационная, потребительская и др. [16].

На основе анализа теоретического и практического материала, выделим два типа социальной активности – «инновационную» и «базовую». «Инновационная» стратегия направлена на активное достижение субъектом статусной социальной позиции в опоре на собственные ресурсы и гражданскую, патриотическую позицию, связанные с реализацией своей социальной активности на благо России. Этот тип социальной активности тесно связан со стратегией «саморазвития», в рамках которой также может наблюдаться активность в области «социального альтруизма» – благотворительных, волонтерских, патриотических проектах и пр. «Базовая» социальная активность не имеет под собой четкой профессиональной и личностной стратегии действующих акторов и отчасти является стратегией «социального серфинга», без устойчивой гражданской и духовно-нравственной позиции. Результатом подобной стратегии может являться нестабильное положение субъекта в обществе, отсутствие социальной защищенности, что характеризует представителей класса «прекариата». Прекариат по Ж.Т. Тощенко «объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей» [21, с. 12]. Кроме того «прекариат лишен перспективы, не видит будущего при нынешнем устройстве общества и государства. На деле это означает отказ от профессиональной карьеры, профессионального роста, от профессиональной перспективы» [21, с. 12].

По Ж.Т. Тощенко данный класс формируется как результат «общества травмы». Ученый определяет травму общества как «длительное состояние неопределенности трансформации общественных отношений, характеризующееся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющих непредвиденные социальные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные силы для реализации программы действий и преодоления деструктивных изменений» [22, с. 331]. По Г. Стэндингу неустойчивость статуса членов прекариата перманентное состояние, обусловленное в том числе расширением аутсорсинга, системы краткосрочных контрактов, свертыванием социальных гарантий для работников [18].

Необходимо выделить ряд проблемных точек, которые на наш взгляд возникают в процессе повышения

социальной активности – важного ресурса социального развития студенческой молодежи. Прежде всего, это деструктивные процессы, препятствующие духовно-нравственному развитию студенческой молодежи как на макро-, так и на микроуровне [19]. Гиперпрагматизм, отраженный в желании студентов получать только на те знания, которые могут быть в кратчайшие сроки использованы на практике не способствует реализации воспроизводственной функции образования, тормозит накопление интеллектуального и культурного потенциала студенческой молодежи. При этом, существует риск потери популярности высшего образования в обозримом будущем для старшекласников. Последнее время среди опрошенных 18–24 лет РФ процент не согласных с тем, что для успешной карьеры необходимо иметь высшее образование растёт с 20 в 2008 г. до 47 в 2018 г. [6]. Это означает риск подмены высшего образования краткосрочными курсами, в том числе, дистанционными, что может негативно сказаться на реализации воспроизводственной функции института высшего образования, депрофессионализации студенческой молодежи.

При этом, как верно отмечает В.В. Радаев, современному поколению студентов присущи слабые корпоративные приверженности (профессии, группе, организации); прокрастинация; желание быстрого успеха и признания (материального и личного) в условиях замедления социальных лифтов; стремление к самореализации путем индивидуальных креативных проектов (стать блогером, рэпером и т.д.) [15]. Поэтому, для развития социальной активности студентов в области обучения необходимо опираться на ключевую стратегию «саморазвитие» через проектирование профессиональных траекторий, использование потребности в самостоятельности в рамках проектной работы, а также использовать методы имитационного моделирования, модели поискового обучения. В рамках использования ресурса жизненной стратегии «саморазвитие» для повышения социальной активности, необходимо создавать социально-значимые проекты в партнерстве с государственными, волонтерскими и бизнес-структурами. Развитие социальной активности должно идти в опоре на духовно-нравственные и патриотические ценностные ориентации [20]. Кроме того, целесообразно чаще проводить конкурсы индивидуальных креативных проектов и практических занятий в партнерстве с крупными бизнес-структурами и муниципальными органами власти.

Предложенные способы призваны перевести студента из пассивного состояния восприятия учебного материала в состояние активного участника учебно-исследовательской деятельности, повысив, таким образом, его социальную активность. При этом, важно использовать ценностные тренды.

В рамках разработанной нами модели, каждый тренд динамики отражает направленность ценностного сознания студенческой молодежи. Ценностные ориентации задают условия реализации социальной активности очерчивая границы её реализации в социальном пространстве. Учёт каждого из трендов динамики ценностных ориентаций направлен на формирование более эффективных программ по повышению социальной активности. Тренд на самореализацию следует использовать для формирования материальных и структурно-институциональных условий, направленных на предоставление возможности самовыражения студенческой молодежи в условиях вуза и за его пределами (в рамках внеучебной, волонтерской, общественной, политической деятельности). Учёт «прагматизации» ценностного сознания и важность качеств «деловой эффективности» способствует формированию программ, направ-

ленных на формирование социальных связей студенческой молодежи с представителями бизнес-сообщества, общественных организаций и других гражданско-политических структур.

В тоже время вызывает беспокойство высокая популярность установки на достижение цели любыми способами. Эта тенденция отражает вымывание из ценностного сознания ряда духовно-нравственных регуляторов социальной активности. Поэтому повышение ее уровня без формирования духовного и ценностных регуляторов создает социальные риски, ведет к расширению типа «прагматиков», хорошо адаптированных и лишь ритуально разделяющих ценности традиционной культуры.

Тренд на повышение популярности альтруистических ценностей стоит использовать для формирования программ по вовлечению студенческой молодежи патристические и волонтерские активности.

Тот факт, что в среде студенческой молодежи существует высокий запрос на социальную стабильность вместе с высокой тревогой и невозможности прогнозирования собственной жизни на среднесрочной долгосрочной перспективе влечёт за собой необходимость формирования ряда программ, связанных с льготными ипотеками, социальными контрактами, гарантиями для будущих выпускников в области трудоустройства.

В тоже время существует и барьеры в процессе повышения уровня социальной активности в рамках вуза. На организационном уровне это отсутствие организационных, материальных и других возможности для развития социальной активности. На социокультурном уровне – это пропаганда ценностей и норм, направленные на обесценивание и обесмысливание социальной активности, утрате доверия к проводимым социальным программам, а также к субъектам реализации этих программ как на уровне государственных структур, так и на уровне общественных объединений, формирование установки на невозможность реализовать традиционные ценности в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Риски и барьеры на социокультурном уровне в процессе повышения уровня социальной активности студенческой молодежи также заключается в популярности ценностных ориентаций контркультур, подверженности студенческого сознания ряда негативным влиянием из информационной среды и ряда других. Данные процессы отражают недостаточно сформированное ядро традиционных нравственных ценностных регуляторов социальной активности студенческой молодежи. В этих условиях развития добровольческих и патристических программ, а также реализации программ по духовно-нравственному развитию студенческой молодежи имеет главной целью снижения уровня ритуализации общественных целей в сознании молодых людей.

Повышение доверия студенческой молодежи к данным программам необходимо осуществлять с привлечением базовых институтов, обеспечивающих социализацию подрастающего поколения и референтных личностей из социальных медиа.

Становится очевидным что реализация программы по сохранению духовно-нравственных ценностей в вузе становится залогом сохранения и развития студенческой молодежи как важнейшей задачи в области национальной безопасности.

В свою очередь, «человеческий капитал» является значимым фактором высокой социальной активности, формирование которого опирается на анализ собственного адаптационного потенциала и представлений о будущем согласно нашей модели. Формирование ценностных ориентаций в условиях социальных трансформаций отражает адаптивную направленность структуры цен-

ностных ориентаций студенческой молодежи в разрезе их социальной активности. Отсюда прагматизм как направленность ценностного сознания студентов во многом направляет развитие социальной активности студенческой молодежи. Как верно отмечает А.Э. Пилипенко, «доминирующим мотивом деятельности является прагматическая цель – формирование компетенций, которые могут быть реализованы в качестве ресурсов на рынке труда и капитализированы в поствузовский период профессиональной деятельности» [14, с. 20]. Именно поэтому образ, к которому стремятся студенты, это уверенный в себе человек, материально независимый, готовый к риску.

Согласимся с мнением А.И. Балог о том, что «основополагающими мотивами реальной социальной активности представителей молодого поколения является стремление к самоутверждению, к материальной и ресурсной выгоде, к накоплению социокультурного потенциала на перспективу» [3, с. 11]. Однако несмотря на то, что согласно результатам исследований у подавляющего числа представителей студенческой молодежи стратегия саморазвития по популярности на первом месте, часть выпускников в «обществе потребления» начинают проявлять в сфере труда стратегию пассивно-потребительского характера, рассматривая труд как источник получения материальных благ, не захотев или не сумев достичь самореализации в труде. Как верно замечает И.В. Королев «Ценности характера «активно-достигательного», когда молодой индивид ценит работу за ее творческий характер, за возможность саморазвития в труде, возможность проявлять инициативу, ответственность, уходят на второй план» [12, с. 8].

Существенное влияние на социальную активность оказывают позиции студенческой молодежи в отношении смысла жизни. Согласно данным исследования А.А. Овсянникова на межрегиональной выборке доля респондентов, отмечающих эстетические и нравственные ценностные ориентации в 1991 г. была выше, чем в 2013 г. Так, в 1991 г. в поиске истины видели смысл жизни 42% опрошенных, а в 2013 г. – 37%; в 1991 г. видели смысл в служении идеалам добра и красоты 51% респондентов, а в 2013 г. – 35%, согласно исследованию среди студентов ФГБОУ ВО ГУУ (2018 г., база исследования: 150 респондентов) с утверждением, что смысл жизни заключается в поиске истины полностью согласны 21% опрошенных, 42% – частично согласны, в служении идеалам добра и красоты – 9 и 35% соответственно. И это тоже стало некоторой неожиданностью для нас, так как ранее исследователи фиксировали охлаждение студентов к таким категориям как: истина, добро, красота. Что же показывают эти изменения в ценностном сознании студенческой молодежи? Если рассматривать эти изменения в контексте повышения социальной активности молодых людей в области благотворительности и популярности ценностей социального альтруизма, связанных с помощью другим людям, то можно предположить – есть некоторое движение от индивидуализма к ценностям социальной справедливости. Вероятнее, происходит становление ценностных ориентаций «альтруизма», но уже на новом этапе развития идентичности молодого человека и фундамента ценностных ориентаций. Это обусловлено тем, что молодые люди начинают осознавать возможность принятия участия в социальных изменениях. Тем не менее, альтруистические ценностные ориентации – важное основание социальной активности.

Социальная активность самым непосредственным образом связана с карьерными устремлениями студенческой молодежи. Ценностная ориентация «Карьера»

становится менее популярна для студентов (в 2007 г. почти каждый третий (32,5%) присваивал ей 1–3 ранг, тогда как в 2018 г. каждый пятый (22,1%). Связано это, по-видимому, с тем, что современные студенты недооценивают фактор получаемых в результате учебной деятельности знаний в развитии будущей карьеры, которая для многих не стоит на первом месте. Также немаловажен и тот факт, что в результате так называемого «калькулятора ЕГЭ», который позволяет менять специальность при недоборе баллов ЕГЭ, некоторые поступают не на ту специальность, которую планировали, что не может не сказываться на мотивации обучения.

Таким образом, социальная активность – это форма социальной реализации ценностных ориентаций в социуме. Социальная активность выступает важным компонентом социального развития студенческой молодежи, в ходе которой раскрывается ее социальный потенциал и гражданская позиция. Динамика ценностных ориентаций различных социальных групп молодежи отражает повышение их социальной активности и показывает усиление жизненной стратегии саморазвития; гедонистической установки, адаптационной стратегии (качества, необходимые для того, чтобы быть успешным, а также получение диплома о высшем образовании и формирование профессиональных компетенций в рамках накопления «человеческого капитала»), при этом традиционные ценностные ориентации, связанные с семьей, сохраняются. Вместе с тем стабилизация социально-экономических процессов формирует условия для перехода к «постматериальным» ценностным ориентациям.

Литература

1. Ануфриев Е.А. Социальная активность личности. – М.: Знание, 1969. – 45 с.
2. Арефьева Г.С. Социальная активность – М.: Высшая школа, 1974. – 142 с.
3. Балог А.И. Социальная активность студенчества как фактор роста социокультурного потенциала российской молодежи: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / ННГУ. – Н. Новгород, 2018.
4. Буева Л.П. Социальная детерминация и активность личности. – В кн.: Социализм и личность. М., 1979.
5. Воробьев Н.Е. К вопросу о критериях социальной активности. – Волгоград, 1976.
6. Высшее образование: путь к успеху или лишняя трата времени и денег? [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor-vysshee-obrazovanie-put-k-uspekhu-ili-lishnyaya-tratavremeni-i-deneg> (дата обращения 10.12.2023)
7. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986. – 221 с.
8. Иванова Д.В., Тазов П.Ю. Векторы динамики ценностных ориентаций современной студенческой молодежи в условиях социальных трансформаций // Вестник МИРБИС. 2022. № 1 (29). С. 169–178. DOI: 10.25634/MIRBIS.2022.1.22
9. Ключникова Т.Н., Давыдова О.В., Барча С.С. Типы социальной активности разных групп учащейся молодежи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-sotsialnoy-aktivnosti-raznyh-grupp-uchascheysya-molodezhi> (дата обращения: 20.05.2022).
10. Коган В.З. Общественная активность личности как социально-психологическая проблема: Автореф. дисс. канд. психол. наук. – М., 1970. – 22 с.
11. Коморникова О.М. Социальная активность и ценностные ориентации // XVIII Международная конфе-

- ренция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19–20 марта 2015 г., г. Екатеринбург. – Екатеринбург: [УрФУ]. – 2015. [Электронный ресурс]. – URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/32456> (дата обращения: 18.01.2021).
12. Королев И.В. Трудовая активность современной российской молодежи: социологический анализ: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 22.00. – М., 2009.
 13. Песоцкая Елена Николаевна К проблеме построения теоретико-методологических оснований теории социальной активности личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-postroeniya-teoretiko-metodologicheskikh-osnovaniy-teorii-sotsialnoy-aktivnosti-lichnosti> (дата обращения: 13.03.2024).
 14. Пилипенко А.Э. Социальная активность студенческой молодежи ростовской области: институциональные условия формирования и барьеры при конвертации в профессиональные ресурсы: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук (22.00.04) / ЮФУ. – Ростов-на-Дону – 2022.
 15. Радаев В.В. Портрет обучающегося миллениала (из опыта преподавателя): доклад в рамках семинара Института образования НИУ ВШЭ «Актуальные исследования и разработки в области образования», 2018, 27 марта [Электронный ресурс]. – URL: <https://inlnk.ru/agGG9P> (дата обращения: 04.04.2023).
 16. Сапронов А.В. Социальная активность как конструктивная основа образа жизни молодежи в условиях социокультурных трансформаций: Дисс. ... канд. социол. наук. Курск, 2007. С. 221.
 17. Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования / ред. В.А. Кругликова. – Москва: ИФ РАН, 1995. – 529 с.
 18. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
 19. Тазов П.Ю. Социокультурные условия формирования духовно-нравственных ценностей студентов вуза // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 2. [Электронный ресурс]. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28724> (перечень ВАК от 12 февраля 2019 г. № 21-р).
 20. Тазов П.Ю. Формирование духовно-нравственных ценностей студентов // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 3. [Электронный ресурс]. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28944>.
 21. Тощенко Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 12.
 22. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). – М.: «Весь Мир», 2020. – С. 331.
 23. Фролов Д.Е. Ценностно-оценочная концепция социальной активности личности // Вестник МГУ. 1991. № 4.
 24. Ценностные ориентации российского студенчества. Научно-учебная лаборатория политических исследований. [Электронный ресурс]. – URL: <https://politinst.hse.ru/data/2020/08/27/1578489417/Ценностные%20ориентации.pdf> (дата обращения: 20.08.2020).

THE VALUE BASES OF THE ORIENTATION OF THE SOCIAL ACTIVITY OF THE STUDENT YOUTH

Tazov P.Yu.
Marketing State University of Management

The article examines the axiological aspects of the social activity of students. It is proved that this activity is a form of social realization of value orientations in society. Social activity is an important component of the social development of students, during which their social potential and civic position are revealed. The values associated with the strategy of self-realization and the values associated with the strategy of "social surfing" are highlighted as the value bases of social activity. From this point of view, two types of social activity are distinguished – "innovative" and "basic". The "innovative" strategy is aimed at actively achieving the subject's status social position based on its own resources and civic position. The "basic" social activity does not have a clear professional and personal strategy of the acting actors and is partly a strategy of "social surfing", devoid of a stable civic position.

Keywords: value orientations, values, life strategies, social activity, student youth.

References

- Anufriev E.A. Social activity of the individual. – M.: Knowledge, 1969. – 45 p.
- Arefieva G.S. Social activity – M.: Higher school, 1974. – 142 p.
- Balog A.I. Social activity of students as a factor in the growth of the sociocultural potential of Russian youth: Author's abstract. diss. ...cand. sociol. Sciences: 22.00.04 / UNN. – N. Novogorod, 2018.
- Bueva L.P. Social determination and personality activity. – In the book: Socialism and personality. M., 1979.
- Vorobyov N.E. On the question of criteria for social activity. – Volgograd, 1976.
- Higher education: a path to success or a waste of time and money? [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-put-k-uspekhu-ili-lishnyaya-trata-vremeni-i-deneg> (date accessed 12/10/2023)
- Zdravomyslov A.G. Needs. Interests. Values. – M.: Politizdat, 1986. – 221 p.
- Ivanova D.V., Tazov P. Yu. Vectors of the dynamics of value orientations of modern student youth in the conditions of social transformations // Bulletin of MIRBIS. 2022. No. 1 (29). pp. 169–178. DOI: 10.25634/MIRBIS.2022.1.22
- Klyuchnikova T.N., Davydova O.V., Barcha S.S. Types of social activity of different groups of students // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2020. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-sotsialnoy-aktivnosti-raznyh-grupp-uchaschetsya-molodezhi> (date of access: 05/20/2022).
- Kogan V.Z. Social activity of the individual as a socio-psychological problem: Author's abstract. diss. Ph.D. psychol. Sci. – M., 1970. – 22 p.
- Komornikova O.M. Social activity and value orientations // XVI-II International Conference in Memory of Prof. L.N. Kogan "Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research", March 19–20, 2015, Yekaterinburg. – Ekaterinburg: [Ural Federal University]. – 2015. [Electronic resource]. – URL: <https://elar.ufu.ru/handle/10995/32456> (access date: 01/18/2021).
- Korolev I.V. Labor activity of modern Russian youth: sociological analysis: Author's abstract. diss. ...cand. sociol. Sciences: 22.00. – M., 2009.
- Pesotskaya Elena Nikolaevna On the problem of constructing theoretical and methodological foundations for the theory of social activity of the individual // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2010. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-postroeniya-teoretiko-metodologicheskikh-osnovaniy-teorii-sotsialnoy-aktivnosti-lichnosti> (date of access: 03.13.2024).
- Pilipenko A.E. Social activity of student youth in the Rostov region: institutional conditions of formation and barriers to conversion into professional resources: Abstract of thesis. diss. ... cand. sociol. Sciences (22.00.04) / SFU. – Rostov-on-Don – 2022.
- Radaev V.V. Portrait of a millennial student (from the experience of a teacher): report at the seminar of the Institute of Education of the National Research University Higher School of Economics "Current research and developments in the field of education", 2018, March 27 [Electronic resource]. – URL: <https://inlnk.ru/agGG9P> (access date: 04/04/2023).
- Sapronov A.V. Social activity as a constructive basis for the lifestyle of young people in conditions of sociocultural transformations: Diss. ...cand. sociol. Sci. Kursk, 2007. P. 221.
- Social philosophy and philosophical anthropology: Works and studies / ed. V.A. Kruglikova. – Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1995. – 529 p.
- Standing G. Precariat: a new dangerous class. – M.: Ad Marginem Press, 2014. – 328 p.
- Tazov P. Yu. Sociocultural conditions for the formation of spiritual and moral values of university students // Modern problems of science and education. – 2019. – No. 2. [Electronic resource]. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28724> (list of Higher Attestation Commission dated February 12, 2019 No. 21-r).
- Tazov P. Yu. Formation of spiritual and moral values of students // Modern problems of science and education. – 2019. – No. 3. [Electronic resource]. – URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28944>.
- Toshchenko Zh.T. The precariat is a new social class // Sociological Research. 2015. No. 6. P. 12.
- Toshchenko Zh.T. Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analysis). – M.: "The Whole World", 2020. – P. 331.
- Frolov D.E. Value-based concept of social activity of the individual // Bulletin of Moscow State University. 1991. No. 4.
- Value orientations of Russian students. Scientific and educational laboratory of political research. [Electronic resource]. – URL: <https://politinst.hse.ru/data/2020/08/27/1578489417/Value%20orientations.pdf> (access date: 08.20.2020).

Хачатрян Агаси Аванесович

доктор философских наук, профессор, кафедра философии и истории, Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана

Шафигуллин Василий Абдуллович

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и истории, Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана
E-mail: shafigullin@inbox.ru.

В статье представлена философская и общегуманитарная рефлексия процессов цифровизации общества. Отмечается проблема неразработанности теоретических и методологических аспектов того направления философского знания, которое занято вопросами цифровизации. Обозначена сущность, причины и последствия т.н. «цифрового разрыва» (*digital gap*). Выявлена специфика современного цифрового информационного пространства. Представлены подходы к определению понятий «фейк», «постправда». Обозначены некоторые направления исследований в области цифрового искусства.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое общество, цифровая гуманитаристика, homo digital, цифровая философия, искусственный интеллект, постправда, технократия.

Цифровизация привела к кардинальным изменениям в различных сферах деятельности человека, обусловила множество научных, технических, технологических и производственных достижений. Современное общество не успевает осмыслить реальные последствия цифровой трансформации. Цифровизация, указывает И.А. Сорочайкин, остро нуждается в философской и общегуманитарной рефлексии – в противном случае наше общество ждет дегуманизация, радикальная технократия, чрезмерный сциентизм и релятивизм. Мировоззренческая, этическая и гуманистическая подоплека всего сущего может оказаться под угрозой [13, с. 42]. В данной связи в рамках данной статьи мы опишем основные проблемы, существующие в области философского осмысления цифровизации общества.

Следует сказать, что первичной и одной из наиболее важных проблем в рассматриваемой нами проблемной области выступает **неразработанность теоретических и методологических аспектов того направления философского знания, которое занято вопросами цифровизации**. В попытках изучить предпосылки, причины, тенденции, последствия и риски цифровизации исследователи стали формировать самостоятельные научные направления, посвященные анализу «цифровой повестки». О.А. Малаканова с соавт. справедливо отмечает, что междисциплинарность является единственно возможным режимом изучения цифровизации: «рамки отдельных наук не позволяют адекватно описать разворачивающиеся изменения» [9, с. 3]. Одной из таких наук стала т.н. «**цифровая гуманитаристика**» (*Digital Humanities*) – междисциплинарная область теоретических и прикладных знаний, объединяющая опыт и практики уже существующих гуманитарных наук с техническими науками [13, с. 42].

Для того, чтобы обосновать подоплеку процессов тотальной цифровизации, исследователи ввели в научный оборот термин «**цифровая философия**». Изначально, в рамках узкого подхода, в основе цифровой философии лежало представление о мышлении как об акте вычисления, а мыслительных действий как процессов обработки и преобразования информации. Впоследствии, в рамках широкого подхода, цифровая философия стала пониматься в качестве совокупности взаимосвязанных философских идей касательно антропологии и онтологии существования человека в пределах цифровой культуры. По мнению М.А. Савушкиной, в фокусе «цифровых философов» оказались философские проблемы взаимодействия человека с цифровыми технологиями.

Четкой границы между цифровой гуманитаристикой и цифровой философией на данный момент нет; во многих исследованиях эти два понятия отождествляются и понимаются как массив междисциплинарных исследований цифрового общества [11, с. 60].

Терминологический аппарат в рассматриваемой нами области изысканий все еще не устоялся, не систематизирован, а для многих явлений в принципе отсутствуют научные терминологические категории. Следовательно, современные исследователи должны «договариваться о терминах», вырабатывать методологию для исследования цифровых трансформаций общества, формировать теоретико-методологический фундамент для дальнейших исследований [9, с. 3]. Е.Е. Елькина ука-

зывает, что тотальная цифровизация генерирует обширный и неуправляемый поток терминов: «дигитальность», «цифровая экономика», «цифровая революция», «цифровая культура», «цифровая цивилизация», «цифровая реальность», «цифровое государство», «цифровой человек» [6, с. 58–59].

А.Н. Сорочайкин и И.А. Сорочайкин, развивая данный тезис, говорят о том, что одним из важнейших терминов современной эпохи выступает категория «**цифровой дискурс**», ведь в эпоху цифровизации большая часть жизнедеятельности человека и общества связана с нахождением в виртуальном, мультимедийном пространстве, которому соответствует особый тип дискурса [12, с. 7]. По мнению авторов, колоссальные по объему и воздействию и неуправляемые по своему характеру потоки электронной информации, циркулирующие в современном обществе, можно назвать «цифровым цунами» или «цифровым потоком» [12, с. 7].

Семантическим ядром терминологического аппарата цифровой гуманитаристики и цифровой философии является **понятие «цифровой человек»**. Цифровизация приводит к формированию новых типов и механизмов социального устройства, к радикальной переоценке традиционных ценностей и конструированию новой системы аксиологических ориентаций. Все это порождает особый тип человеческий тип – «цифровой человек» (*homo digital*). По мнению И.А. Сорочайкина, ключевой чертой, отличающей *homo digital*, является то, что обязательным условием его эффективной и безопасной жизнедеятельности становится не владение продуктами питания, навыками их добычи, деньгами для их покупки, а свободное владение цифровыми и информационно-аналитическими технологиями [13, с. 43].

На первый взгляд *homo digital* может показаться экзистенциально пассивным, но на самом деле вся его активность заключена в пределы цифровых сред, где он развлекается, обслуживает собственные потребности, коммуницирует, зарабатывает деньги, продвигается по карьерной лестнице, ищет партнера для жизни. Е.Е. Елькина предлагает определять цифрового человека как человека, сформировавшегося «под влиянием конвергентных технологий, киберфизических систем и искусственного интеллекта» [6, с. 60]. По мнению исследователя, термин «цифровой человек» не способен отразить сущностные параметры личности, установок и образа жизни современного человека – он, скорее, «символизирует возможные риски утраты человеком собственной идентичности в результате недооценки роли искусственного интеллекта и ослабления общественного контроля за развитием цифровых технологий» [6, с. 60].

Философская наука с самого начала своего формирования обращалась к понятиям справедливости, общего блага, равенства. В цифровой философии эти проблемные аспекты также широко обсуждаются – но уже применительно к реалиям цифрового общества. Более 20 лет назад в англоязычной науке стали появляться публикации, посвященные т.н. «**цифровому разрыву**» (*digital gap*). Философы отмечали, что цифровизация общества, производства, экономики, масс-медиа приводит к усугублению «цифрового разрыва» – неравенства между имущими и неимущими – людьми, не имеющими доступа к использованию новых технологий.

Цифровое неравенство – это не только техническая, социальная и экономическая проблема, но и проблема, требующая философского осмысления. Следует согласиться с М.А. Дедюлиной в том, что в современном обществе наукоемкие технологии становятся все более важным компонентом экономики, именно обладание до-

ступа к технологиям в конечном итоге определяет объем знаний, поступающий к распоряжению той или иной группы населения [5, с. 3]. Стратификация общества, которая имела место до наступления эпохи цифровизации, существенно усилилась после перехода к новому технологическому укладу.

Изначально, когда глобальная Сеть еще только начала распространяться в разных странах мира и все большее число людей могли иметь в распоряжении персональный компьютер, многие исследователи склонялись к оптимистической точке зрения на проблему неравенства. По их мнению, цифровизация способна уменьшить неравенство путем снижения барьеров на пути к информации. Люди смогут вне зависимости от своего финансового положения и статуса получить информацию образовательного или медицинского характера, найти работу, обеспечить качественный досуг и т.п. По мере укрепления тенденции сетевизации все большее число исследователей утрачивали изначальный оптимизм: реальная практика показала, что Интернет распространяется среди населения неравномерно, во многом диффузия этого нового вида «цифрового блага» повторяет существующие паттерны распространения иных социальных и материальных благ. Таким образом, тот, кто и ранее находился в привилегированном положении, укрепляет свой статус и лишает возможности неимущих перемещаться между социальными стратами.

На этапе становления первых систем на основе искусственного интеллекта некоторые исследователи говорили о том, что машинный разум является априори непредвзятым и объективным и он, следовательно, может сделать общество более справедливым, распределяя блага между всеми членами общества или, по крайней мере, пропорционально их реальным усилиям. Реальная практика позволяет опровергнуть эту гипотезу: так, например, алгоритмы, используемые в страховых компаниях, уже сегодня дискриминируют клиентов, обрабатываемых в кредитные или страховые компании, на основе их расовой или социальной принадлежности. Этот и другие примеры подчеркивают сложность и многоаспектность проблем социальной справедливости в цифровом обществе.

Изменение требований рынка труда в результате внедрения информационных технологий приводит к рискам появления цифрового неравенства в возможности трудоустройства и уровне оплаты. Кроме того, налицо неравный доступ к образованию, отсутствие равного качества цифровых обучающих программ в различных регионах и на разных уровнях образовательной системы [3, с. 19].

Р.Ф. Бурнашев указывает, что цифровое неравенство следует на сегодняшний день понимать более широко: неравенство проявляется и в том, насколько качественная информация доступна той или иной социальной группе [3, с. 19]. Цифровые медиа дают широкий простор для манипуляций, суггестии, искажения правды, и лица, не имеющие доступа к качественным источникам информации и аналитических навыков для разграничения истинного знания от т.н. «**постправды**» становятся объектом манипулятивного воздействия.

Все сказанное приводит нас к необходимости рассмотрения феноменов «постправда», «фейк» и иных искажений информационного поля. Человек ежедневно сталкивается с колоссальным потоком информации, и значительная ее часть является недостоверной, сфабрикованной, искаженной [8, с. 39].

Постправда – один из наиболее интересных феноменов цифровой эпохи. Постправда, указывает И.В. Третьяков, возникает при наступлении таких детерминант,

«при которых реальные, объективные и общеизвестные факты нивелируются, утрачивают свою значимость и актуальность в массовом сознании, а при формировании общественного мнения подменяются эмоциональными оценками, субъективными убеждениями» [14, с. 21]. По мнению многих отечественных и зарубежных философов, постправду следует считать «псевдоинтеллектуальным вирусом, закономерным порождением кризиса информационного общества, попыткой создания глобального гибридного сознания» [15, с. 95–110]. М.В. Черников указывает, что постправда не должна отождествляться с ложью, ведь она являет, скорее, реинтерпретацию правды, которая позволит обеспечить большую эмоциональную вовлеченность реципиентов [15, с. 107].

М.А. Айон, ссылаясь на Ф. Ницше, говорит о том, что в цифровом обществе априори не может быть абсолютной истины – есть только интерпретации. Каждое утверждение, убеждение, идея или философия привязаны к определенной точке зрения и, следовательно, субъективны (т.н. перспективизм). В современном обществе, ориентированном на технологии, где преобладают фейковые новости, дипфейки и дезинформация, постулаты, выдвигаемые в прошлом приверженцами перспективизма, вызывают глубокую озабоченность [16].

В попытках «очеловечить» цифровое общество исследователи ввели в употребление термин «**цифровой гуманизм**». Человечество и общество находятся в серьезном кризисе, и цифровизация является одной из причин этого кризиса. Гуманистический подход ко внедрению и использованию цифровых инструментов позволит человечеству нейтрализовать побочные эффекты цифровизации и продолжать вектор цивилизационного развития в гуманном ключе [17].

Одним из важных направлений философских изысканий является **цифровое искусство**. Цифровое искусство – особая форма искусства, создаваемого с использованием цифровых технологий – вызывает многочисленные дискуссии в философских кругах [2, с. 47], [7, с. 87].

Одним из ключевых вопросов, рассматриваемых в контексте цифрового искусства, является его статус. Философы спорят о том, целесообразно ли считать цифровое искусство аутентичной формой творчества, сопоставимой с традиционными искусствами – живописью, скульптурой, литературой. Одни исследователи говорят о том, что цифровое искусство является естественным результатом развития общества и технологий и его следует считать новой эпохой в развитии искусства, а приписывая ему уникальные характеристики и возможности, в то время как другие сомневаются в истинной художественной ценности цифровых произведений искусства.

Так, к примеру, А.С. Большакова говорит о том, что ранее неотъемлемыми составляющими искусства фотографии были следующие: обращение фотографа к своему внутреннему головному, рефлексия, поиск локаций и ракурса для снимка, физическое перемещение в пространстве, размышление над эстетикой будущей фотографии, вкладывание психологического смысла в снимок, «своеобразные ритуальные действия» фотографа – работу с фотоаппаратом, проявка, обработка изображений, экспозиция фотографий в альбоме или на выставке. В результате возникает художественная фотография – искусства на стыке реалистичного отображения мира и психоанализа [2, с. 47]. Цифровое фотоискусство на сегодняшний день лишено всех этих компонентов творческого процесса: сюжет для цифрового изображения генерируется машинным интеллектом, который сам же и обрабатывает готовый рисунок. Сегодня,

даже в случае, если фотограф лично ездит и производит съемку, все процессы являются автоматизированными – от автофокусировки аппарата до диффузии готового снимка посредством автопостинга.

То же можно сказать о музыке. Г.Ю. Квятковский с соавт. говорит о том, что сегодня мы наблюдаем драматическое «сужение диапазона репрезентации человеческого в музыке» [7, с. 89]. Артисты пытаются коммерциализировать музыку, предпринимают попытки добиться трендового звучания, предельно чистого звукоизвлечения, ритмически ровного и выверенного на предмет соответствия тенденциям музыкального рынка. В результате компьютерные программы преобразуют исходный материал до неузнаваемости, вследствие чего возникают стерильные, не несущие в себе следа человеческого композиции [7, с. 89].

Перечисленные выше проблемные аспекты цифровой философии – философии цифрового общества – не являются исчерпывающим списком. Исследователи, помимо прочего, обращаются к вопросам замещения человека искусственным интеллектом [1, с. 9], к вопросам ухудшения качества образования в пользу узких специализаций согласно требованиям цифрового общества [4, с. 72], сохранение за человеком контроля над цивилизационным развитием (вопросы т.н. «восстания машин»), вопросы о цифровом следе, о цифровом бессмертии и цифровом клонировании [10, с. 18] и многие другие.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- 1) Первичной и одной из наиболее важных проблем философской и общегуманитарной рефлексии цифрового общества выступает неразработанность теоретических и методологических аспектов того направления философского знания, которое занято вопросами цифровизации. Терминологический аппарат в рассматриваемой нами области изысканий все еще не устоялся, не систематизирован, а для многих явлений в принципе отсутствуют научные обозначения.
- 2) Одна из проблем цифрового общества – наличие «цифрового разрыва» (digital gap). Цифровое неравенство – это не только техническая, социальная и экономическая проблема, но и проблема, требующая философского осмысления.
- 3) Человек сталкивается с колоссальным потоком информации, и значительная ее часть является недостоверной, сфабрикованной, искаженной. В современном информационном пространстве все более актуальными становятся проблемы постправды и фейков.
- 4) Одним из важных направлений философских изысканий является цифровое искусство. Философы не пришли к единому мнению о том, целесообразно ли считать цифровое искусство аутентичной формой творчества, сопоставимой с традиционными формами искусства.

Литература

1. Беликова, Е.К. Современные проблемы соотношения естественного и искусственного интеллекта в парадигме культуры / Е.К. Беликова, Е.А. Попов // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 11. – С. 9–13.
2. Большакова, А.С. Этические темы цифровой эры в оптике философии фотографии / А.С. Большакова // The Scientific Heritage. – 2021. – № 80–6. – С. 46–51.
3. Бурнашев, Р.Ф. Философия информационного общества: проблемы социальной справедливости

в эпоху цифровизации / Р.Ф. Бурнашев // *Universum: общественные науки.* – 2024. – № 1 (104). – С. 10–14.

4. Гурьянова, А. В. О предназначении философии и гуманитарного знания в эпоху цифровизации / А.В. Гурьянова, А.В. Тимофеев // *Современные философские исследования.* – 2020. – № 3. – С. 70–76.
5. Дедюлина, М.А. Цифровое неравенство: философское осмысление / М.А. Дедюлина // *Studia Humanitatis.* – 2017. – № 2. – 8 с.
6. Елькина, Е.Е. Автотрофный проект – ответ на вызовы и глобальные риски цифровой эпохи / Е.Е. Елькина // *Мысль: журнал Петербургского философского общества.* – 2020. – № 22. – С. 57–70.
7. Квятковский, Г.Ю. Эффекты и перспективы цифровизации музыки: взгляд философа / Г.Ю. Квятковский, Е.Г. Прилукова, Д.В. Раковский // *Интеллект. Инновации. Инвестиции.* – 2022. – № 5. – С. 85–92.
8. Лукьяненко, А.А. Комическая и трагическая природа фейка как продукта цифровых технологий / А.А. Лукьяненко // *Общество: философия, история, культура.* – 2019. – № 11 (67). – С. 38–43.
9. Малаканова, О. А. «Огугленный» мир: цифровизация как технология, методология и смысл / О.А. Малаканова, Н.А. Масленкова, М.В. Михейкина // *Вестник магистратуры.* – 2020. – № 6 (105). – С. 3–4.
10. Назарова, Ю.В. Проблема бессмертия в контексте цифровой этики / Ю.В. Назарова // *Общество: философия, история, культура.* – 2021. – № 11 (91). – С. 17–21.
11. Савушкина, М. А. «Цифровая философия»: проблема использования термина в социально-философских исследованиях / М.А. Савушкина // *Вестник ЧелГУ.* – 2023. – № 4 (474). – С. 59–63.
12. Сорочайкин, А.Н. Формирование цифровой философии и цифрового человека в цифровой реальности / А.Н. Сорочайкин, И.А. Сорочайкин // *Основы ЭУП.* – 2021. – № 4 (29). – С. 7–10.
13. Сорочайкин, И.А. Человек в эпоху цифровой реальности / И.А. Сорочайкина // *Эксперт: теория и практика.* – 2021. – № 4 (13). – С. 42–45.
14. Третьяков, И. Л. криминально-криминогенные феномены эпохи постправды / И.Л. Третьяков // *Мониторинг правоприменения.* – 2020. – № 3 (36). – С. 21–24.
15. Черников, М.В. Проблема правды в современном обществе / М.В. Черников, Л.С. Перевозчикова // *Философия и общество.* – 2019. – № 1. – С. 95–110.
16. Ayon, M.A. Nietzschean Philosophy in the Digital Age: The Impact of Technology on Society / M.A. Ayon // *Medium.* – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://medium.com/@mashrur_ayon/nietzschean-philosophy-in-the-digital-age-the-impact-of-technology-on-society-a8d4be19d51. – Дата доступа: 24.04.2024.
17. Fuchs, C. Digital Humanism: A Philosophy for 21st Century Digital Society / C. Fuchs // *The Institute for a Global Sustainable Information Society.* – 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gsis.at/2022/09/21/digital-humanism-a-philosophy-for-21st-century-digital-society/>. – Дата доступа: 24.04.2024.

PHILOSOPHY OF THE DIGITAL SOCIETY

Khachatryan A.A., Shafigullin V.A.

Kazan State Academy of Veterinary Medicine named after. N.E. Bauman.

The article presents a philosophical and general humanitarian reflection on the processes of digitalization of society. The problem of undeveloped theoretical and methodological aspects of that direction of philosophical knowledge that is occupied with issues of

digitalization is noted. The essence, causes and consequences of digital gap are indicated. The specifics of the modern digital information space are revealed. Approaches to defining the concepts “fake” and “post-truth” are presented. Some areas of research in the field of digital art are outlined.

Keywords: digitalization, digital society, digital humanities, homo digital, digital philosophy, artificial intelligence, post-truth, technocracy.

References

1. Belikova, E.K. Modern problems of the relationship between natural and artificial intelligence in the cultural paradigm / E.K. Belikova, E.A. Popov // *Social and humanitarian knowledge.* – 2023. – No. 11. – P. 9–13.
2. Bolshakova, A.S. Ethical themes of the digital era in the optics of the philosophy of photography / A.S. Bolshakova // *The Scientific Heritage.* – 2021. – No. 80–6. – P. 46–51.
3. Burnashev, R.F. Philosophy of the information society: problems of social justice in the era of digitalization / R.F. Burnashev // *Universum: social sciences.* – 2024. – No. 1 (104). – pp. 10–14.
4. Guryanova, A.V. On the purpose of philosophy and humanitarian knowledge in the era of digitalization / A.V. Guryanova, A.V. Timofeev // *Modern philosophical studies.* – 2020. – No. 3. – pp. 70–76.
5. Dedyulina, M.A. Digital inequality: philosophical understanding / M.A. Dedyulina // *Studia Humanitatis.* – 2017. – No. 2. – 8 s.
6. Elkina, E.E. Autotrophic project – a response to the challenges and global risks of the digital era / E.E. Elkina // *Thought: journal of the St. Petersburg Philosophical Society.* – 2020. – No. 22. – P. 57–70.
7. Kvyatkovsky, G. Yu. Effects and prospects of digitalization of music: a philosopher’s view / G. Yu. Kvyatkovsky, E.G. Prilukova, D.V. Rakovsky // *Intellect. Innovation. Investments.* – 2022. – No. 5. – pp. 85–92.
8. Lukyanenko, A.A. The comic and tragic nature of fakes as a product of digital technologies / A.A. Lukyanenko // *Society: philosophy, history, culture.* – 2019. – No. 11 (67). – pp. 38–43.
9. Malakanova, O. A. “Googled” world: digitalization as technology, methodology and meaning / O.A. Malakanova, N.A. Maslenkova, M.V. Mikheykina // *Bulletin of the Master’s degree.* – 2020. – No. 6 (105). – P. 3–4.
10. Nazarova, Yu.V. The problem of immortality in the context of digital ethics / Yu.V. Nazarova // *Society: philosophy, history, culture.* – 2021. – No. 11 (91). – pp. 17–21.
11. Savushkina, M. A. “Digital philosophy”: the problem of using the term in social and philosophical research / M.A. Savushkina // *Bulletin of ChelS U.* – 2023. – No. 4 (474). – pp. 59–63.
12. Sorochaykin, A.N. Formation of digital philosophy and digital man in digital reality / A.N. Sorochaykin, I.A. Sorochaykin // *Fundamentals of EUP.* – 2021. – No. 4 (29). – P. 7–10.
13. Sorochaikin, I.A. Man in the era of digital reality / I.A. Sorochaikina // *Expert: theory and practice.* – 2021. – No. 4 (13). – pp. 42–45.
14. Tretyakov, I.L. Criminal and criminogenic phenomena of the post-truth era / I.L. Tretyakov // *Monitoring of law enforcement.* – 2020. – No. 3 (36). – pp. 21–24.
15. Chernikov, M.V. The problem of truth in modern society / M.V. Chernikov, L.S. Perevozchikova // *Philosophy and Society.* – 2019. – No. 1. – P. 95–110.
16. Ayon, M.A. Nietzschean Philosophy in the Digital Age: The Impact of Technology on Society / M.A. Ayon // *Medium.* – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://medium.com/@mashrur_ayon/nietzschean-philosophy-in-the-digital-age-the-impact-of-technology-on-society-a8d4be19d51. – Access date: 04/24/2024.
17. Fuchs, C. Digital Humanism: A Philosophy for the 21st Century Digital Society / C. Fuchs // *The Institute for a Global Sustainable Information Society.* – 2022 [Electronic resource]. – Access mode: <https://gsis.at/2022/09/21/digital-humanism-a-philosophy-for-21st-century-digital-society/>. – Access date: 04/24/2024.

Содержание гимнографии богослужебной книги «Постная Триодь» как источник богословского дискурса: на примере службы Великого Вторника

Болдырев Андрей Андреевич,

Иерей, магистр теологии, аспирант III года обучения,
Сретенская духовная академия
E-mail: andreyboldvrev@yandex.ru,

В статье рассматривается возможность использования текстов Триоди Постной как богословского источника. Цель данной статьи – показать, что тексты Триоди Постной могут быть источником для богословского дискурса. В ней последовательно раскрываются богословские идеи, которые заложены в текстах Великого Вторника, а именно библейский контекст, догматический контекст и представлены выводы по этим темам. Тексты Триоди Постной содержат множество догматических тем, последовательно раскрывающихся на протяжении всего Великого Поста. Помимо этого, текст имеет глубокую связь с текстом Священного Писания и последовательно его преподносит, и дополняет. Это позволяет взглянуть на Триодь Постную не только как на богослужебный текст, но и как на полноценный богословский источник.

Ключевые слова: гимнография, жанры, триодь постная, именование, церковное пение, богослужение, литургическая традиция, православие, великий пост, церковнославянский язык, религиозная поэзия, псалтырь, литургика.

Триодь Постная – книга, которая используется в православном богослужении во время Великого поста. В ней последовательно раскрывается богословие поста, необходимые инструменты, а также цель поста. Помимо этого, в Триоди Постной используются образы из Священного Писания для того, чтобы погрузить верующих в историю спасения.

Прот. Григорий Дьяченко о причинах установления поста пишет, что «первая причина установления св. четырёхдесятницы есть та, чтобы мы могли подражать, по силе нашей, Иисусу Христу, Который ест глава наша. Пребывая в посте, иы подражаем Самому Господу, постившемуся нас ради 40 дней» [3. С. 400].

Главные мотивы, которые проходят через все тексты Триоди постной, изложил Дмитриевский А.А.: «Три главные мотива составляют содержание всех песнопений, входящих в нашу Постную Триодь, а именно: покаяние, молитва и пост. Все эти мотивы разработаны в совершенстве святыми братьями Студитами» [2. С. 4].

Триодь постная важный текст и по этой причине незнание текстов Постной Триоди может стать сильным препятствием для настоящего поста. Прот. А. Шмеман пишет: «Незнание Триоди – главная причина, почему в христианском сознании постепенно иначе стали пониматься смысл и значение Поста, что мало-помалу обратило Пост в соблюдение чисто формальных «предписаний» и ограничений в пище. Подлинное вдохновение и призыв Великого Поста в настоящее время почти утеряны, и единственная возможность их вновь приобрести – это внимательное слушание всех песнопений Триоди» [10. С. 36].

Во вторник Страстной недели Церковь отмечает воспоминание двух притч, которые связаны со Вторым пришествием Христа. Первая из них – притча о десяти девах [8. С. 199].

В текстах Великого Вторника эта тема отражена в следующих текстах:

«Жениха́, бра́тие, возлю́бим, свещи́ сво́я украси́м, в добродёте́лех сия́юще и ве́ре пра́вой, да я́ко му́дрья Госпо́дни де́вы гото́ви вни́дем с Ни́м на бра́ки. Жени́х бо да́ры, я́ко Бог, все́м подаёт нетле́нный вене́ц» [7. Л. 406].

«Се, Жени́х грядёт в полуно́щи» [7. Л. 395].

«Душе́вною лено́стию воздрама́вся, не стяжа́х, Жени́ше Христе́, горя́ща свети́льника и́же от добродёте́лей, и де́вам уподобихся бу́им, во вре́мя де́лания глумля́ся» [7. Л. 408].

«Жени́ше, добро́тою кра́сный па́че все́х челове́к, призва́вый нас к трапе́зе духо́вной черто́га Твоего́» [7. Л. 408].

Через эту притчу Церковь призывает верующих встретить Христа, вооружившись светильниками добродетелей, быть всегда готовыми, наполненными верой и милосердием. Вторая – притча о талантах, подчеркивает нашу ответственность умножать полученные дары, быть усердными и подготовленными к развитию

духовных дарований. Эти истории указывают на неизбежность пришествия Христа и затрагивают темы духовного бодрствования, заботы, терпения и мудрости. Далее, в Евангелии, предваряющем этот день, рассказывается о Страшном суде и Втором пришествии Господа.

Карабинов И. указывает на то, что эти темы содержатся в Триоди Постной еще с IV в. Он пишет: «Сильвия Аквитанка в своем путешествии описывает не только такие крупные праздники, как воскрешения Лазаря, входа Господня в Иерусалим, но даже и памяти первых трех дней страстной седмицы: так, во вторник, по ее словам, на вечерне в храме на Елеонской горе епископ читал то место из евангелия Матвея, где Господь говорит: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас (24, 4), т.е., очевидно, зачало о втором пришествии» [5. С. 7].

Входя в Иерусалим и приближаясь к своим добровольным страданиям, Иисус Христос много беседовал со своими учениками, чтобы подготовить их к предстоящим событиям. Среди них были притчи, направленные на порицание и обличение книжников и фарисеев, а также притчи с эсхатологическим смыслом, относящиеся к Царству Небесному и ожиданию Второго пришествия Христа:

«Совѣт, Спасе, беззаконный на Тя, священницы и книжницы завистию собравше люте, в предательство подвигоша Иуду» [7. Л. 406].

«Скрывшаго талант осуждение слы шавши, о душе, не скривай словесе Божия, возвещай чудеса Его, да уможаючи дарование, виднеше в радость Господа твоего» [7. Л. 408].

Свт. Афанасий (Сахаров), в своем труде «Настроение верующей души по Триоди Постной» пишет о дарованиях, которые Господь дает каждому человеку: «Христиане при самом вступлении своем в ограду Христову получили великие дарования. Их они должны с пользою употребить в дело. Не уподобляясь лукавому рабу, пренебрегшему дарованием, но как добрые рабы должны они усердно служить своему Владыке, многоусугубляя полученные таланты благодати: ов убо мудрость да приносит дела благими, ов же службу светлости да совершает. Да приобщается же словом верный тайны ненаученному, и да расточает богатство убогим другий (Великий Вторник, стихира на стиховне)» [1. С. 265].

Одна из притч, рассказ о десяти девах, была представлена для того, чтобы вдохновить верующих на добрые дела и одновременно научить быть готовыми к неизбежной встрече со смертью. Эта притча подчёркивает важность чистоты и добрых дел, напоминая, что никто не должен пренебрегать милостыней. Ведь жизнь проходит быстро, и смерть, часто называемая сном, может наступить внезапно. В притче рассказывается, как в полночь раздался громкий голос, возвещающий прибытие Жениха, и как мудрые девы, имевшие при себе достаточно масла, то есть добродетелей и милосердия, встретили Его и вошли вместе с Ним, в отличие от неразумных дев, которым не хватило масла.

Притча учит, что одной добродетели, даже великой, недостаточно без заботы о других. Те, кто пренебрегают милосердием, не смогут войти в вечную жизнь с Христом и будут оставлены с позором. Это напоминание о печали и позоре, которые испытывает тот, кто предпочёл любовь к деньгам над духовными ценностями. Церковь напоминает об этом уроке через свои гимны, подчёркивая, что Христос может прийти внезапно, как в момент смерти каждого из нас, так и при Втором пришествии, и будет искать от нас отчёт за наши деяния, даже самые малые [6. С. 417]:

«Егда приидеши во славе со ангельскими силами, и сядеши на престоле, Иисусе, разсуждения, да мя, Па-

стырю Благой, не разлучиши, пути бо десныя веси, развращен иже суть шуии. Да не убо с козлищи грубаго мя грехом погубиши, но десным мя сочетава овцам, спаси, яко Человеколюбец» [7. Л. 408].

Гимны особо подчеркивают урок, извлекаемый из притчи о десяти девах, подчеркивая её значимость, особенно в контексте Страстной седмицы. В этот период часто повторяется возглас: «Жених идет, выйдите Ему навстречу». Это напоминание о том, что Жених, символизирующий Господа и Его обещание спасения человечества в Церкви, приближается. Символический брак с Женихом представляет собой вступление в Царство Божие и наслаждение вечными духовными благами, которые Бог предлагает тем, кто духовно пробужден и готов.

Духовная готовность и бодрствование в этом контексте становятся мерилем нашей достойности вступить в «брак» с Женихом, то есть обрести вечное блаженство с Богом. Это требует неустанной борьбы за сохранение желания быть с Богом, чтобы свет веры оставался ярким, и чтобы ничто не могло отдалить нас от Христа — ни грех, ни сомнения, ни неверие.

Эти уроки, взятые из притчи о десяти девах, являются частью более обширного учения, которое Христос дал своим ученикам на Елеонской горе за несколько дней до своих страстей. В этом учении содержатся важные предсказания о будущем, включая разрушение Иерусалима и конец мира. Христос подчеркнул необходимость постоянной готовности к Его пришествию, поскольку время Его возвращения остается неизвестным.

Библейский контекст

Как было отмечено ранее, в Великий вторник Церковь вспоминает две знаменательные притчи из Евангелия от Матфея (25:1–30): притчу о десяти девах и притчу о талантах [4. С. 27]. Эти притчи легли в основу песнопений богослужений и несут важное послание: они призывают верующих подготовиться к встрече с Богом, словно невесты, готовящиеся к свадьбе. Эта подготовка заключается в том, чтобы жизнь каждого сияла добродетелями и была наполнена верой. Притча о десяти девах предостерегает верующих от лени и равнодушия, напоминая о необходимости иметь «горяща светильника иже от добродетелей» [7. Л. 408]. Притча о талантах развивает эту тему, уча нас ценить и приумножать дары, данные нам Богом, через благие дела и вклад в общество:

«Данный тебе талант трудолюбно делай, окаянная» [7. Л. 406].

Подобные уроки продолжают и в следующих главах Евангелия от Матфея (25–26), где рассказывается о событиях, предшествующих страданиям Христа. В частности, описывается незаконный созыв совета книжников и фарисеев, планировавших предательство Иисуса:

«Совѣт, Спасе, беззаконный на Тя, священницы и книжницы завистию собравше люте, в предательство подвигоша Иуду» [7. Л. 406].

Эти эпизоды подчеркивают важность верности и праведности на протяжении всей жизни верующего. История о предательстве Иуды служит строгим напоминанием о последствиях скупости и предательства, показывая, как личные амбиции могут привести к гибели души:

«Иуда разумом сребролюбствует, на Учителя враждебно подвизается, советует, поучается преданию, света отпадает, тьму приим, соглашает цену, продаёт Безценнаго» [7. Л. 406].

Наконец, рассказ о судьбе Иуды, который за свои деяния был награжден мучительной смертью через повешение, подчеркивает справедливость возмездия: «тем-

же и давлѣние, возмѣздие ѣже содѣя, обрѣтаѣт окаян- ный и лютую смерть» [7. Л. 406].

Центральной темой Великого вторника является предвкушение Второго пришествия, что полностью соответствует библейской традиции. Авторы гимнов напоминают о моменте, когда Христос вернется в своей славе с ангельскими воинствами, чтобы занять престол судии: «Егда приидеши во славе со ангельскими силами, и сядеши на престоле, Иисусе, разсуждения, да мя, Пастырю Благий, неразлучиши, пути бо десныя вѣси, развраще ниже суть шуии» [7. Л. 408]. Они также молят Христа поставить их среди праведных, которые будут стоять по правую руку от Него, а не среди грешников, находящихся по левую сторону: «Да не убо с козлищи грубаго мя грехом погубиши, но десным мя сочетав овцам, спаси, яко Человеколюбец» [7. Л. 408]. Такое изложение соответствует описанию Страстной недели у евангелиста Матфея.

Засохшая смоковница, упомянутая в библейском тексте, символизирует эсхатологический урок о необходимости плодотворной жизни. Авторы гимнов акцентируют внимание на этом символе в Великий вторник, обращаясь к душе верующего с призывом к деятельной благотворительности и преданности делу, чтобы не потерпеть духовной смерти, дар, данный человеку, необходимо ценить и приумножать через добродетель и труд, чтобы не стать бесплодным, подобно засохшей смоковнице [7. Л. 406].

Для кающегося грешника выздоровление после тяжелой болезни и продолжение жизни есть продолжение милости Божией человеку. За такую милость Божию должен он из глубины своей души благодарить Бога [9. С. 517].

Христология

Центральная тема Великого вторника – это Второе пришествие Христа, имеющее эсхатологический характер. Эта тема призывает верующих готовиться к пришествию Христа, что иллюстрируется через притчи о десяти девах и талантах. Под Вторым пришествием имеется в виду не только конец исторических событий, но и конец времён в более широком смысле, подразумевая глубокие духовные преобразования.

Этот период не столько означает разрушение мира, сколько его обновление и преобразование, подобно тому, как человек не разрушается, а обретает новое состояние. Таким образом, история не просто завершается, а переходит на новый уровень существования, где жизнь наполняется новым смыслом и ценностями.

Во время Второго пришествия Христос придѣт судить живых и мѣртвых. В этот момент ожидается не только суд, но и полное восстановление праведности и вечное царство мира и справедливости.

Также важно отметить, что эсхатологические ожидания не отделяют христиан от настоящего, поскольку даже в текущем времени святые уже вкушают радости Царства Божьего. Это напоминает верующим, что обещание Второго пришествия Христа уже начинает проявляться в жизни, предвосхищая грядущее обновление всего сотворѣнного.

Христологический смысл «брака» находит свое продолжение в Великий вторник и среду, как было упомянуто ранее. Особенно подробно это значение раскрывается песнописцами во вторник, поскольку в этот день вспоминается притча о десяти девах. В этой притче Жених, символизирует Бога и Христа, призывает к себе, подчеркивая, что Жених является божественным. Жених описывается как непревзойденно прекрасный, а Христос

выступает в роли Учителя и Спасителя. Христос изображается как тот, кто любит людей («как человеколюбец»), является «добрым Пастырем» и «милосердным», а также тот, кто дарует свет («Светодавец»).

Сотериология

Центральной темой двух притч, рассматриваемых в этот день, является спасение человека. Авторы гимнов подчеркивают, что для достижения спасения необходимо быть готовым встретить этот момент осознанно: придти на свадьбу в подобающем наряде и душевном состоянии:

«Во светлостех святых Твоих, како вниду недостойный? Аще бо дерзну совнѣти в чертог, одежда мя обличает, яко несть брачна, и связан извержен буду от ангелов. Очисти, Господи, скверну души моея, и спаси мя, яко Человеколюбец» [7. Л. 408].

Свт. Афанасий (Сахаров) пишет, комментруя эту тему пишет: «Грешник знает, что смерть не прекратит его бытия. И если его злые дела даже здесь, на земле, не всегда приносят удовлетворение, а чаще причиняют только муки разочарования и неудовлетворенности, то в будущей жизни, где уже никакой цены не будет иметь то, что на земле иногда дает еще некоторое удовлетворение, хотя, быть может, и ложное, – что будет он чувствовать там, в брачном чертоге Жениха Христа, не имея одеяния брачного?» [1. С. 250].

Тексты говорят о важности войти на свадьбу подготовленным, облачиться в праведную одежду, символизирующую чистоту и готовность к встрече с Богом («хитон обличает меня»), и быть достойным вступления в брачный чертог Христа. Так, чтобы Бог мог принять верующих в число своих избранных, включить в стадо своих верных («и в стадо избранных Твоих»), и отнести к тем, кто будет стоять по правую руку от Него, что символизирует особую благодать и милость.

Выводы

Тексты Великого Вторника напоминают о необходимости всегда быть готовым, когда Христос призовет в свое Небесное Царство.

Важные аспекты этого ожидания включают:

- Необходимость быть готовыми вступить в Царство Божье, подобно мудрым девам, которые готовы в любой момент. Это требует наличия чистой души и добродетелей.
- Осознание того, что жадность является тяжким грехом, который может стать причиной исключения из Царства Божьего. Пример Иуды, который движим жадностью, идет против своего Учителя и это предупреждение всем верующим.
- Важность развивать таланты, данные Богом. Верующим следует с энтузиазмом и готовностью прилагать усилия в служении Спасителю, используя свои уникальные дары во имя добра и прогресса в вере.

Литература

1. Афанасий (Сахаров), еп. Настроение верующей души по Троицы Постной // Славы Божия ревнитель: жизнеописание и труды исповедника епископа Афанасия (Сахарова). М.: Сретен. монастырь, 2006. 495 с.
2. Дмитриевский А.А. Троица Постная – училище благочестия. Киев, 1904.
3. Дьяченко Г., прот. Уроки и примеры христианской любви: опыт катехиз. хрестоматии. М.: Паломник, 1998. 740 с.

4. Ильин В.Н. Запечатанный гроб. Пасха нетления: Объяснение служб страстной недели и Пасхи. Париж, 1926. 125 с.
5. Карабинов И. Постная триодь. Исторический обзор. СПб., 1910. 294 с.
6. Леонов В. Основы православной антропологии. М.: Издательство Московской Патриархии, 2016. 458 с.
7. Триодь Постная. М.: Правило веры, 2003.
8. Шиманский Г.И. Литургика. М.: Учеб. ком. Русской Православной Церкви, 2002. 350 с.
9. Шиманский Г.И. Учение Святых Отцов о страстях и добродетелях. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2006. 672 с.
10. Шмеман А., протопр. Великий Пост. М.: Московский рабочий, 1993. 57 с.

THE CONTENT OF THE HYMNOGRAPHY OF THE LITURGICAL BOOK “LENTEN TRIODION” AS A SOURCE OF THEOLOGICAL DISCOURSE: USING THE EXAMPLE OF THE HOLY TUESDAY SERVICE

Boldyrev A.A.

Sretensky Theological Academy

This article examines the possibility of using the texts of the Lenten Triodion as a theological source. The purpose of this article is to show that the texts of the Lenten Triodion can be a source for theological discourse. It consistently reveals the ideas that are embedded in these Lenten texts, namely the biblical context, the dogmatic context, and presents conclusions on these topics. The author concluded that the texts of the Lenten Triodion contain many dogmatic themes that are consistently revealed throughout Lent. In addition, the text has a deep connection to the text of Holy Scripture and con-

sistently presents and complements it. Themes such as entering the kingdom of God through the explanation of the parable of the ten virgins, also the concept of the greed that Judas showed during his betrayal, and the need to develop God-given talent are all raised here. This allows us to look at the Lenten Triodion not only as a liturgical text, but also as a source of doctrine for believers.

Keywords: hymnography, genres, Lenten Triodion, naming, church singing, worship, liturgical tradition, Orthodoxy, Great Lent, Church Slavonic language, religious poetry, psalter, liturgics.

References

1. Athanasius (Sakharov), Bishop, Mood of the believing soul according to the Lenten Triodion // Glory of God zealous: biography and works of the confessor Bishop Athanasius (Sakharov). Moscow: Sreten Monastery, 2006. 495 p.
2. Dmitrievsky A.A. The Lenten Triodion – a school of piety. Kiev, 1904.
3. Dyachenko G., Fr. Lessons and Examples of Christian Love: Experience of Catechism Chrestomathy. Moscow: Pilgrim, 1998. 740 p.
4. Ilyin V.N. Sealed Coffin. Easter of incorruption: Explanation of the services of Holy Week and Easter. Paris, 1926. 125 p.
5. Karabinov I. Lenten Triodion. Historical review. St. Petersburg, 1910. 294 p.
6. Leonov V. Fundamentals of Orthodox anthropology. Moscow: Moscow Patriarchate Publishing House, 2016. 458 p.
7. Lenten Triodion. Moscow: Rule of Faith, 2003.
8. Shimansky G.I. Liturgics. M.: Study Com. Russian Orthodox Church, 2002. 350 p.
9. Shimansky G.I. Doctrine of the Holy Fathers on Passions and Virtues. Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2006. 672 p.
10. Shmemann A., Protopr. Lent. Moscow: Moskovsky Rabochiy, 1993. 57 p.

Связь онтологии сетевой теории с исследованием социально-политических отношений

DOI 10.34823/SGZ.2024.04.52048

Отдел исследования социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН совместно с редакцией журнала «Социально-гуманитарные знания» в марте 2024 года провели «круглый стол» по теме «Связь онтологии сетевой теории с исследованием социально-политических отношений». Далее мы публикуем выступления его участников в сокращении.

Михайленок Олег Михайлович, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель отдела исследования социально-политических отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Mikhaylenok O.M., doctor of political science, professor, chief researcher, head of the Department of socio-political relations research, Institute of sociology, FCTAS RAS

Под онтологией понимают раздел философии, включающий учение о сущем, о бытии как таковом, о фундаментальных принципах бытия – его наиболее общих сущностях и категориях, структуре и закономерностях.

В современной науке используется и другое определение понятия «онтология». Так, американский философ Уиллард Куайн в своей работе «Онтологическая относительность» определяет онтологию как содержание некоторой теории, т.е. как совокупность объектов, которые постулируются данной теорией в качестве существующих.

Особенностью онтологического состава теории (в частности, согласно исследованию И.В. Красавина «Гиперреализм и пределы метафизического мышления») является то, что общие понятия (и их разновидности), будь то «слово», «природа», «число», «материя», «время», «общество», «сознание», «рынок» и подобные, не дедуцируются из других понятий, а просто вводятся как метафоры.

Используя обзоры концептуального инструментария философа и социолога Бруно Латтура, можно выявить некоторые фундаментальные черты онтологии как варианта его сетевой теории. Главная цель и задача теоретических изысканий Б. Латтура – переопределить онтологический базис социологии.

Особенность онтологии сетевой теории, эксплицируемой Б. Латтуром в «Пересборке социального», в том, что она является «плоской» (как называют подобные конструкции в работах современных исследователей). Б. Латтур использует для описания связей между акторами метафору сетей, подчёркивая, что сеть – это «инструмент, помогающий в описании чего-то другого, а не предмет описания». Сетевая логика описывает всё существующее, действующее в той мере, в какой акторы обладают способностью действовать.

Своеобразие конструктивистского подхода Б. Латтура заключается в признании реальности сконструированных актор-сетей. Бесспорно, реальны не только материальные объекты, но и литературные образы, ценности, воспоминания, стремления. В этом смысле Б. Латтур не уделяет в полной мере внимания необходимости прояснения онтологического смешения различных уровней (или типов) реальности.

Современные авторы обращаются к феноменам разнообразия типов объектов, их множественности

и говорят о различных видах реальности. Исследователи проблем онтологии утверждают, что в последние годы в социальной теории фиксируется «онтологический поворот». К примеру, такой подход характерен для А.Ю. Долгова (см. его «Политическая онтология как область исследования и теоретико-методологический подход к изучению политики: аналитический обзор»).

Отмечается также определяющая роль онтологического сдвига от интерпретации бытия как стабильной метафизической структуры к онтологии становления. Онтология субстанций трансформируется в онтологию отношений, реляционную теорию бытия. По мнению ряда авторов, это относится как к социальной теории, так и к политической онтологии как области исследования.

Сегодня достаточно популярна точка зрения, состоящая в том, что доминирующие процессы в социальной сфере всё больше оказываются организованными на сетевых принципах. Именно сети составляют новую социальную морфологию, а распространение сетевой логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах развития процессов, связанных с экономикой, политикой и культурой.

В публикациях можно встретить справедливое утверждение, что нелинейность, ризоматичность социальных структур, многообразно ветвящихся, запутанных, сопротивляющихся вертикальному упорядочиванию, представляет собой многовариантный образ социального бытия.

Что касается политической теории, то, по мнению значительной части авторов, для неё также существенно положение о том, что онтологию следует рассматривать в одном ряду с эпистемологией, методологией и другими общетеоретическими принципами. Усиливающаяся «онтологизация» в современных политических исследованиях связана прежде всего с тем, что за политической онтологией признаётся системообразующая роль в разработке политической теории, усиление её теоретико-методологического потенциала в деле понимания сущности политической реальности.

Несмотря на существенные изменения в политической науке, как и раньше, актуальным является поиск ответа на дискуссионный вопрос о природе политического, о специфике политологии как науки.

Следует отметить, что философия и социальная теория имеют различные цели в политической науке и формируют различные концепции онтологии. Философия, социология и политология, являясь разными дисциплинами, исходят из разных традиций и целей.

Брега Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Политические отношения – это всегда результат взаимодействия субъектов и участников политического процесса, которое разворачивается в континууме, образующемся как пересечение социальных иерархий, структур и сетей. Поиск баланса между иерархиями и горизонталями общественного устройства во многом отражает сущность современной политики, которая, так или иначе, соотносится с концепцией общественного договора, где поиск компромисса выступает, с одной стороны, основной целью, с другой – инструментом политических отношений.

В настоящее время ввиду нарастания турбулентности во многих странах и регионах мира идея компромисса начинает терять свою привлекательность, поскольку чаще обнаруживается стремление разрешить нарастающие противоречия методами «разрубания гордиевого узла». Как заметил генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, перед лицом множества проблем компромисс стал «ругательным словом». И далее: «Но миру нужен глобальный компромисс <...> Политика – это компромисс. Дипломатия – это компромисс. Эффективное лидерство – это компромисс. На лидерах лежит особая ответственность за достижение компромисса в построении общего будущего, в котором будут царить мир и процветание». Другими словами, современные отношения государства и общества находятся под влиянием запроса на новый общественный договор, который должен основываться на новых реальностях существования самого общества и функционирования государства.

Безусловно, одним из важнейших аспектов существования такой реальности являются процессы сетевизации политических, социальных, экономических и других отношений. Разумеется, осмысление этих реалий связано с применением сетевого подхода, в котором характерным является фокус не на участников сети как таковых, а на взаимоотношения между ними.

С определённой долей условности сеть следует рассматривать как продукт прежде всего неформальных взаимосвязей, удовлетворяющих потребности тех или иных социальных групп. В дальнейшем часть из них в процессе институционализации обретает устойчивость, образуя структуру. В результате на практике мы имеем «совместное» существование сетей и иерархий. Поскольку сеть в каком-то смысле первична по отношению к структуре, то адаптация сетей, как правило, происходит быстрее, чем структур. Ибо последние являются воплощением институтов со своими устойчивыми нормами и практиками.

При этом отметим, что скорость изменений современного мира такова, что, с одной стороны, структуры создают устойчивость, обеспечивая стабильность общественных отношений, но с другой – выступают тормозом в адаптации к меняющемуся миру. Поэтому сетевые отношения всегда предопределяли структуру, зачастую являясь латентной формой их функционирования, или заменяли её, когда структура ещё не устоялась.

В этом смысле институты, как правило, более инертны в своих изменениях и адаптации к внутренней и внешней среде общества. В свою очередь, сети в силу меньшей формализации отношений и большей латентности способны стремительнее реагировать на меняющуюся обстановку и тренды. В основе политики лежит удовлетворение жизненных интересов больших социальных групп и слоёв. Именно под эту потребность создаются определённые институты и структуры, которые обеспечивают удовлетворение тех или иных социальных

потребностей. В дальнейшем они функционируют в основном нормативно-правовом поле, т.е. в определённой «колее» решений и действий. Более того, бюрократическая система, которая эксплуатирует систему, ориентируется на правила и на корпоративный интерес.

В реальной политике сети «власти» и сети «общества» всегда имеют некоторое рассогласование, т.е. не имеют той сопряжённости, которая представляется в известных структурно-функциональных моделях, описывающих политические системы. Политическая власть – это отношение господства одних социальных слоев над другими. Изначально истоки решений находятся во властной сети, и только потом эти решения воплощаются формальным образом.

Думается, что для онтологии понимания мотивации функционирования сетей власти и общества всё ещё будет востребован веберовский подход. Так, сеть власти преимущественно ориентируется на целерациональные, а затем на ценностно-рациональные и традиционные действия. В свою очередь, сеть общественных отношений – преимущественно на традиционные, ценностно-рациональные и аффективные действия. Другими словами, практика показывает, что имеется некоторое рассогласование в действиях по продвижению своих интересов.

В рамках структуры сложнее достичь компромисса; сеть в силу своей гибкости имеет больше потенциальных возможностей в поиске и налаживании согласия. С другой стороны, отношения в сети в силу изначально более слабой институциональности менее формализованны, что позволяет в латентном режиме достигать компромиссов.

Успешным примером выстраивания такого компромисса, сочетающего в себе преимущества вертикальных и горизонтальных связей в политике, может служить японский опыт «совмещения» сетей и институтов «сингикай» – консультативные советы, объединяющие государственных и общественных представителей. В стране существует несколько сотен таких консультативных советов. Они проводят исследование и составляют доклады по любой воображимой проблеме общественной политики – от узких, касающихся повседневных вопросов (например, регулирование работы транспорта), до широчайших и возбуждающих активные дискуссии (например, реформа электоральной системы).

Иначе говоря, сингикай стали средством гармонизации различного рода противостоящих интересов. Диверсификация японского общества породила ощутимый рост потребностей в координации как сопереживающих частных интересов, так и частных и общественных интересов. Япония рассматривается многими наблюдателями как единственный успешный пример эффективного взаимодействия политической и общественной систем, а способность японского правительства гармонизировать интересы в значительной степени объясняется детальным учётом общественных и частных проблем в этой стране.

В идеале сингикай включает представителей противостоящих интересов и вырабатывает взаимно приемлемую политику. Даже когда совет оказывается не в состоянии разрешить конфликт, обсуждения точно отражают суть конкурирующих подходов и заставляют участников прояснять и аргументировать свои позиции, позволяя заинтересованным сторонам высказывать свои мнения. Советы служат правительству в качестве полезной станции прослушивания: вместо того чтобы навязывать решения сверху, японские министерства обычно заслушивают заинтересованные стороны и разрабатывают основу новых инициатив. Со своей стороны, сингикай

предоставляют организациям, принимающим в них участие, ценный канал выяснения взглядов и планов министерств и других групп интересов, с которыми они обычно взаимодействуют. Наконец, консультации облегчают исполнение. В качестве цены за официальное предварительное изложение своих взглядов группы интересов обязаны разделить определённую меру ответственности за успех той политики, которую они помогали выработать.

Значимость консультативных советов часто недооценивается, поскольку дискуссии на заседаниях сингайки, как правило, имеют характер отлаженной церемонии. Реальные переговоры между чиновниками министерств и представителями частных интересов проходят вне зала заседаний, и сессия совета нередко завершается формальным одобрением соглашения, достигнутого в другом месте. Необходимо, однако, иметь в виду, что участие в сингайке и прямые переговоры между заинтересованными сторонами дополняют друг друга, а не существуют сами по себе. Министерства используют советы для того, чтобы указать, чьи взгляды они хотят выслушать, для чего создают структуру как для формальных, так и для неформальных консультаций указанных лиц. Формальные заседания и разговоры по сути вопроса продвигаются параллельно, поскольку это два колеса на одной оси.

Понятно, что использование опыта японской модели консультаций как в других странах, так и в России связано с тем, что достаточно репрезентативное представительство различных общественных интересов в консультативных советах может быть обеспечено исключительно в условиях развитого гражданского общества, то есть при наличии разветвлённой сети авторитетных и влиятельных неправительственных и негосударственных структур, отражающих основной спектр приоритетов важнейших социальных групп. Но главное препятствие – это априори императивное отношение власти к общественным инициативам. Каждое общество имеет свой исторический опыт взаимодействия сети и иерархий. Соответственно, задача политики – поиск оптимального сочетания сети и структур, исходя из готовности к этому власти и гражданского общества.

Мальшева Галина Анатольевна, научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Malysheva G.A., research fellow, Institute of sociology, FCTAS RAS

Онтологию связывают с выявлением сущностных характеристик того или иного общественного феномена и с изначальным выбором гипотез для его научного анализа и создания объяснительных моделей. Онтология определяет концептуальный подход к исследуемому объекту. Политическая онтология имеет дело с характером и природой властных отношений в рамках той или иной политической реальности, а также с пониманием того, каким образом в этой реальности реализуются концепции и практики, рассматриваемые в непрерывном процессе развития и взаимовлияния. В качестве научной базы для анализа социальных изменений в цифровую эпоху может быть использована теория сетевого общества.

Политическая онтология признаёт как сосуществование разнохарактерных практик, так и множественность политических реальностей. Политический феномен может истолковываться как совокупность динамически взаимодействующих явлений и процессов. Он представляет собой комплекс, состоящий из различных сущностей, которые могут иметь как человеческую, так и не-человеческую природу. Иными словами, политиче-

ская онтология допускает, что неодушевлённые сущности, т.е. субъекты материального мира, в том числе технологические компоненты реальности, могут рассматриваться в качестве полноправных участников социально-политических отношений, которые оказывают воздействие на акторов-людей и в известной мере определяют ход борьбы за влияние и политическую власть.

В методологическом плане такому подходу в онтологии соответствует акторно-сетевая теория, позволяющая совмещать исследования в области технауки с анализом социальных и политических проблем. Последнее особенно важно в случае, когда объектом изучения является общество цифровой эпохи, которое формируется в процессе гибридного социально-технологического развития.

Хотя теория цифрового общества на данный момент находится в стадии становления, однако применительно к этому феномену правомерно вести речь о его сетевой природе. Прежде всего потому, что новейшая технологическая революция, особенно в её гуманитарных аспектах, носит сетевой характер. Цифровые технологии способствуют тому, что значительная часть социальных и политических взаимодействий переносится в виртуальное поле, структурированное по сетевому принципу. Таким образом, в условиях цифровизации усиливаются сетевые черты общественного устройства в целом и его политической сферы в частности.

Политические коммуникации реализуются на пространстве онлайн-социальных медиа в той же мере, что и в физическом мире политики, т.е. в так называемой первой политической реальности. Физическая и виртуальная реальности находятся в перманентном сосуществовании и взаимопроникновении, образуя смешанную или дополненную политическую реальность цифрового общества. Функции государственно-политического управления также в значительной степени виртуализируются и переносятся на сетевую инфраструктуру цифровых платформ и в облачные хранилища больших данных.

Платформизация, датификация и алгоритмизация относятся к числу системообразующих признаков цифрового общества. Платформы обеспечивают инфраструктурную основу цифрового трафика, дата-базы предоставляют её информационное наполнение, а алгоритмы определяют порядок и способы передачи данных. Функционально все они предполагают наличие сетевого пространства и сетевых коммуникационных структур: полного компьютерного сетевого покрытия, центральных серверов для сбора и обработки информации, системы стандартов программного и аппаратного обеспечения и т.д. То есть уже сам материально-технический фундамент цифрового социума детерминирует его сетевой характер.

Если же говорить о социальной природе цифрового общества, то по многим своим онтологическим маркерам это общество постмодерна. Об этом свидетельствуют такие его характеристики, как гибридизация социально-политической реальности, коррозия традиционных институтов и ценностей, дробление больших социальных структур и идентичностей, образовывавших общество модерна, социокультурное разукоренение и рост индивидуализма, распространение консьюмеристских и гедонистических паттернов социального поведения. Исходя из данной совокупности качеств, социальное устройство, формирующееся в эпоху цифровой трансформации, можно охарактеризовать как *общество цифрового постмодерна*.

Поиск свободы самовыражения и одновременно потребность контактировать с близкими по духу и интере-

сам людьми, что далеко не всегда реализуемо в офлайне, побуждают граждан активизироваться в виртуальных сетях, где, впрочем, их поджидают многочисленные ловушки цифрового контроля. Критерии, по которым та или иная тематика, в том числе политической направленности, признаётся социально неприемлемой и табуируется, определяются не только целенаправленным цензурованием цифрового контента на платформах социальных сетей, но и посредством самоцензуры в сообществах пользователей интернета.

Зигмунт Бауман в работе «Индивидуализированное общество» упоминает о том, что можно было бы назвать *парадоксом цифровой постсовременности*. По его словам, общество XXI века не слишком отличается от общества эпохи модерна, от той его фордистско-бюрократической разновидности, которой была свойственна тенденция к вынужденному единообразию. Постсовременность создаёт собственную систему механизмов, которые лишают человека свободы выбора. Присущие ей формы насилия проистекают не столько от государства, сколько от неутрализованных «как бы сообществ», которые заполняют политическое пространство и определяют характер индивидуальной и групповой идентичности. Общий объём индивидуальной свободы не столько увеличивается, сколько перераспределяется и поляризуется. Свобода в онлайн-сетях, по сути, иллюзорна и оборачивается тотальной несвободой в цифровом «следающем» обществе.

Распространение мобильных устройств сделало чрезвычайно востребованными сервисы мгновенного обмена сообщениями – мессенджеры и новостные блоги на их платформе. В связи с этим отмечается, что всеобщее увлечение мессенджерами, а также популярными приложениями для коротких видео требует корректировки инструментов цифрового политического маркетинга. Коммуникационная модель мессенджеров работает несколько иначе, чем на традиционных сетевых мегаплатформах. Она, в частности, породила большое количество закрытых групп пользователей, которые представляют собой замкнутые информационные пространства. И если на открытых массовых интернет-площадках растёт пассивное потребление развлекательного контента, то обсуждение политических новостей всё чаще перемещается в относительно малочисленные групповые чаты, на которые раскалывается онлайн-медиа среда. В результате подобного дробления виртуальной аудитории не только усиливается эффект информационных пузырей, но и создаются значительно более сложные условия для политического мониторинга и рекламы.

Кроме того, на политическое наполнение социальных медиа существенно влияет такой фактор, как взрывное развитие генеративного искусственного интеллекта и увеличение числа цифровых дипфейков в интернете. Хотя их реальная роль в формировании идейных ориентаций граждан пока не очень ясна, цифровые ИИ-технологии заставляют модифицировать стратегии компьютерной пропаганды, а также актуализируют проблему доверия к информации, распространяемой в онлайн-сетях.

Таким образом, рассматривая политическую реальность цифрового общества, необходимо учитывать весь комплекс онтологических признаков этой разновидности социального устройства – прежде всего его гибридную техногуманитарную природу, тесную корреляцию социальных процессов с динамикой технологического развития, а также особую роль сетевых структур в построении социальных и политических коммуникаций.

Назаренко Алексей Владимирович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Nazarenko A.V., candidate of political science, leading researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

Во второй половине XX века традиционные политические и социальные модели, с помощью которых человек описывал окружающий его мир, перестали соответствовать реальности. Причиной этому явилась аберрация человека от социальной принадлежности, приведшая к расширению его символических рамок, собственно «Я». Неслучайно, что именно в этот период научное сообщество начало вести поиск новых способов детерминации реальности, включая и места самого человека в ней. Очевидно, что это так или иначе затронуло два столь не явно детерминируемых до настоящего момента феномена – духовное сознание и материальное бытие. Надо заметить, что, несмотря на несомненный прогресс в понимании сущности человека и его места в мире, идея представления «Я» человека в качестве своеобразного связующего звена духовного и материального миров представляется скорее как иллюзия, как научно критикуемый миф. Тем не менее в предложенном нами сетевом взгляде на производство субъективности посредством отношений именно этот момент может оказаться ключевым для понимания сетевой онтологии.

Поскольку узлом сети отношений является действующий человек, объединяющий в себе духовное и материальное начало, производящий субъективность своего окружения и одновременно воспроизводящий собственную «Я»-субъективность, целесообразно обратить внимание на него как на некий символ. Далеко не секрет, что только благодаря символической функции можно образовать некий универсум, внутри которого всё человеческое может быть упорядочено. Согласимся с лакановским утверждением о том, что субъект полагает себя действующим, человеческим и одновременно уникальным «Я» лишь с того момента, как появляется символическая система. Вся человеческая история изобилует многочисленными примерами, достаточно лишь вспомнить нацистский лозунг 1930-х годов «Один народ, один рейх, один фюрер».

В пользу возрастания значимости символической системы свидетельствуют три стратегических поворота в онтологии. Первый из них – переход от анализа абстрактного человеческого сознания к анализу его проявления в качестве языка, знаков в контексте образов или видимых действий, заставивший изменить стратегию философской герменевтики и принять во внимание исторические, идеологические, психологические, социальные обстоятельства создания знаков. Второй – отход от непосредственно духовной жизни человека, от его сознания в пользу механизмов действия человеческого бессознательного, языковой структурированности и семиотики. Третий – лингвистический поворот, затрагивающий проблему границ языка и знака в культурных практиках. Заметим, что слова и знаки со стороны других – материальных объектов, людей, родителей, соседей, любой структурированной социальности – обволакивают субъекта со всех сторон, формируя таким образом не только соответствующий символ, но и бытийность человека. Это могут быть и властные установки, и законы, предопределяющие и канализирующие союзы, в которых люди сочетаются между собой, создающие символы и называющие их.

Невозможно не заметить, как работают и какую значимость обретают знаки в современном мире. Мы видим их и в качестве реальных знаков, картинок, граффити,

муралов, сопровождающих диалоги в виртуальной сфере мемов и эмодзи, несущих в себе не только информационную составляющую, но (что более важно, на наш взгляд) эмоциональную. Достаточно вспомнить человеческую реакцию на знаменитые граффити Бэнкси и их обратное воздействие на взирающего на них человека. То есть речь следует вести о символическом как о своеобразной форме нейрологического феномена – синестезии, – при котором ощущения, исходящие от одного сенсорного органа, начинают проявляться в другом и человек видит и чувствует на вкус звуки, а цвета, буквы и цифры начинают обретать определённые оттенки.

Следствием этого стало то, что идея предопределённого и предустановленного индивидуального развития человека, проходящего через определённые этапы, будет разрушена в силу потенциальной пульсации его символического, явленного нам в качестве знака. Это, в свою очередь, заставляет задуматься о течении времени в сети отношений. Поскольку речь идёт о новом восприятии человека как символического субъекта и символического бытия, в котором перемешано воображаемое и реальное, остро встаёт вопрос о соотношении традиционных и реальных механизмов абстрагирования от реальности, составляющих глубинную сущность процесса производства или уничтожения собственного «Я» субъекта.

Заметим, что в решении огромного числа проблем, встающих перед человеком, развиваемая им богатая система предпочтений, запретов, указаний, установлений, обычаев всегда подчиняет себе область гораздо более широкую, чем это происходит в формах комплексных, социальных. Поэтому по мере возвращения к элементарному, к отдельному человеку всё большую значимость будут приобретать структурная разработанность, широта и усложнённость создаваемой им символической системы номенклатуры – антропологической и психологической.

В результате символический опыт можно считать аналитическим опытом, обнаруживаемым в разных аспектах – физиологических, личностных, межличностных. Он всегда не завершён, расщеплён и замедлен. Пока человек не определит своего отношения к возникающим и исчезающим знакам и речи с определённой чёткостью, перенос символического остаётся для него непонятен. То есть можно согласиться с лакановским тезисом о том, что формула субъективности может быть определена в качестве организованной системы, претендующей на то, чтобы охватить всю совокупность опыта, одушевить её, дать ей смысл.

Процесс производства символической субъективности, в котором присутствует лакановское воображаемое и реальное в различных их пропорциях, видится ключевым с точки зрения как движущей политической силы, так и принципа для постоянной переборки социальной организации. Посредством символического, становящегося своеобразным ключом, воображаемое и реальное не сталкиваются напрямую, порождая таким образом шизофрению, а балансируют на грани невроза, стремясь примерить между собой рациональное невежество и иррациональную любовь.

Согласимся с гваттариеским утверждением о том, что «лучше иметь народ невротиков, чем удавшегося шизофреника, не ставшего при этом аутистом». Эта ключевая фраза в полной мере раскрывает онтологию сети отношений, высвечивая должным образом значимость символического. Для того чтобы человек обрёл возможность повышать свою символическую значимость и привлекательность, ему необходимо оставаться

невротиком, вступая в различные отношения с другими людьми.

Сложность процесса производства символической субъективности, развитие и постоянное совершенствование децентрализованных каналов коммуникации – мессенджеров социальных сетей и коммуникационных платформ, – а также развитие способов и инструментов рендеринга (визуализации) предметов и процессов, создаваемых и запускаемых человеком в виртуальном мире, позволяют ему конструировать и создавать политические аватары, вступающие в отношения с политическими аватарами избираемого им окружения. Все это, с одной стороны, усложняет, а с другой стороны, наоборот, способствует интенсификации выработки и апробации оптимального символического «Я», а также стратегии дальнейшего поведения человека и его коммуникативности с другими.

Очевидно, любая опора на исторически обоснованные моральные и нравственные ортодоксальные стратегии формирования символического человека существенным образом сужает спектр его бытия и поведения до рамок конкретной исторической формации или социальности. В результате этого «перенос» из реальности существующих механизмов ограничений человеческого на его аватар существенным образом обедняет и даже уничтожает эволюционный потенциал человека. В то же время обратный «перенос» хотя потенциально и опасен с точки зрения систематизации символического, но всё же способствует его дальнейшей эволюции. Единственным ограничителем и в первом, и во втором случае становится принадлежность человека к символическому общечеловеческому сообществу. Возникает своеобразная коллизия «элементарный человек – универсальное человеческое», предполагающая пересмотр смыслового содержания таких символических политологических понятий, как общество, нация, государство, цивилизация, чья глубинная элементарная сущность, очевидно, будет сближаться до тех пор, пока не замкнётся на конкретном человеке.

Благодаря сетевому подходу, в основе которого лежит символический человек, на наш взгляд, может быть преодолена как ортодоксальная гиперспециализация объектов и людей, определённая и направленная сверху операциональность поведения, детализация, гиперсигнификация символического знака, столь характерная для отдельного человека. Ведь она постоянно стремится выйти за его рамки и стать, с одной стороны, универсальным лейтмотивом человеческой повседневности, а значит, и главным недугом всех систем коммуникации, информации, производства и разрушения в контексте их финальности, а с другой – вызвать истерию причинности, стирающую истоки и первопричины в процессе бесконечного поиска их оснований.

Обращение к сети отношений как основе производства символической субъективности, вероятно, способно предотвратить нагромождение существующих друг с другом и друг за счёт друга референций и придать им определённый смысл, создав уникальную интерпретационную систему, соотносимую с целью эволюции человека и человеческого. Можно говорить о том, что нужен рост, а не разрастание, нужна скорость эволюции, но никак не инерция, толкающая человечество к его финальности.

Исходя из этого, сформулируем гипотезу: любой символический порядок, а в нашем случае речь идёт о сетевом порядке, всегда полагающий себя как некая цельность, формирующая независимый универсум, отличный от существующего мира, сам должен быть и может быть структурирован как целостность, представляя

собой независимую, полную диалектическую структуру, тянущую за собой остальной мир. Ведь человеческий мир характеризуется как раз тем, что политически создающая и создаваемая символическая политическая функция участвует в его существовании в каждый момент и на всех уровнях. Так было всегда, и поэтому *изучение производства символической субъективности видится определяющей для понимания и объяснения всех остальных процессов, происходящих в современной сетевой реальности.*

Никовская Лариса Игоревна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Nikovskaya L.I., doctor of sociology, main researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

Сетевой подход к исследованию политики и управления формирует свою исследовательскую стратегию с учётом нового характера отношений между государством и обществом, между публичной и частной сферами общественной жизни. Политико-административный формат, предусматривающий опору на примат иерархических начал управления, не может эффективно «схватывать» и решать проблемы, вырастающие из многообразия и сложности современного общества, усиления роли и фактора социального капитала, диверсификации процессов информатизации социума, влияния феноменов неопределённости и кризиса и пр.

Иными словами, сетевой подход закладывает многокритериальное измерение сложности общественно-политических явлений и отношений как исходную составляющую в процесс современного государственного/муниципального управления. Теория сетей трансформирует понимание властно централизованной политики в направлении политики взаимной ответственности и обязательств. Сетевая призма анализа указывает на то, что в современных условиях именно *кооперация* является наилучшим способом достижения общественно значимых целей, позволяющим конвертировать ресурсы участников взаимодействия в общий результат.

Таким образом, подчёркивая возрастание значимости «горизонталей» в общественном развитии, сетевой подход обозначает ограничения иерархически организованного политико-административного управления, противопоставляя ему концепцию управления «governance», в которой интенсивность отношений государства и общества рассматривается в качестве основы повышения эффективности публичного управления с одной стороны, и его демократичности – с другой. Как подчёркивают эксперты, преобладающий взгляд состоит скорее в том, что общественные институты в качестве выразителей общественного интереса могут и должны играть лидирующую роль в межсекторальной мобилизации ресурсов и в совместном определении цены совместных усилий. Административные институты и, соответственно, современная госслужба вынуждены существовать в ситуации размывания жёстких границ между управлением и политикой и двигаться к модели эффективной координации, посредничеству и креативным действиям, требующим инициативности при решении социально значимых проблем. Государство всё больше приобретает характер координирующей структуры, которая интегрирует и пытается регулировать расширяющиеся и дифференцирующиеся сетевые сообщества на основе универсальных публичных ценностей для решения специфических проблем различного уровня.

Иными словами, нарастание фактора сетевых обществ, значимости новых способов коммуникации и доверия существенно меняет характер государствен-

ного/муниципального управления в сторону усиления общественно-государственного управления и возрастания принципов и технологий публичной политики.

Сегодня, в условиях ужесточения кризисности геополитических отношений, в достаточно сильной степени возрастает грамотное разрешение чувствительного для социума противоречия между потребностью в суверенном, политически крепком монолите политической власти и сохранении, удержании плюрализма, многообразия различных общественных интересов (сетевого и иерархического начал). Исследователи на Западе отмечают формирование смешанной или *переходной формы управления*, определяемой как «сетевое управление в тени иерархий». Однако современный мир оказался в гораздо большей степени зависимым от государственного управления. В такой ситуации, как замечает французский социолог А. Турен, возрастает значение разведения смысла, функций, задач гражданского общества и государства. И это переопределение носит ныне экзистенциальный характер.

Решающая роль в процессе трансформации должна принадлежать государству, потому что «именно в государственной сфере возможна поддержка идентичности социального целого в его движении от прошлого к будущему». При этом А. Турен особо подчёркивает, что природа и смысл гражданского общества совершенно иные. Гражданское общество, которое представляет собой естественное поле множественности мозаичных конфликтов и переговоров, не может выполнять жизненно важную функцию сохранения социально-исторической идентичности.

Для нас индикативным значением в этом смысле выступает феномен публичной политики, который позволяет «снять» информацию об управленческом контуре власти, т.е. умение работать с обратной связью, опираясь на основные ожидания больших целевых групп. С другой стороны, показательны особенности общественного участия основных акторов и субъектов публичного пространства и возможности их влияния на власть со стороны «горизонталей» (поскольку публичная политика – это концепт рамочный).

Муниципальная публичная политика (далее МПП) – это программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учётом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества, т.е. малого и среднего бизнеса, некоммерческих и общественных организаций, через их представителей. Именно на местном уровне публичная политика получает своё полное выражение. Главный акцент при изучении МПП делается на гражданском и деловом участии в решении социально-экономических проблем местного сообщества во взаимодействии с властью.

Основная научная проблема заключается в поиске оптимума между набирающей обороты «централизацией», «административизацией» местного самоуправления и потребностью в развитии гражданского участия местного сообщества, которое демонстрирует большую гибкость и чувствительность в диагностировании и урегулировании назревших проблем на территории в условиях кризиса и геополитической турбулентности.

Степень и качество публичной политики на местном уровне являются важным фактором, определяющим социальное равновесие и стабильность локального порядка и местного сообщества, особенно в кризисных условиях. Публичный принцип взаимодействия с гражданским обществом выступает существенным ресурсом развития территорий и формирования доверия к деятельности власти, тем самым создавая условия для общественного диалога и улучшения качества гражданско-

го участия, что существенно минимизирует возможную десинхронизацию власти и общества.

Начавшееся с 2018 года «тихое» встраивание МСУ в единую систему вертикальной власти (отмена всенародных выборов глав муниципалитетов, перераспределение полномочий в пользу субъектов Федерации), как показали наши исследования, привело к тому, что «просела» гражданская составляющая местного самоуправления. Иными словами, анализ институционального дизайна МПП по критерию *состоятельности* в целом показал, что институты и механизмы, посредством которых *общество может влиять на местную власть*, не отличаются высокой дееспособностью, а инструменты, с помощью которых власть может управлять местным сообществом, напротив, доминируют. Качественный анализ выявил запрос представителей гражданской и деловой инициативы на улучшение функционирования институтов и механизмов публичного взаимодействия муниципальной власти и активных групп местного сообщества в направлении нарастания интенсивности и действенности диалоговых и переговорных площадок на местном уровне, усиления респонсивности муниципальной власти.

Нынешний этап реформы местного самоуправления чётко обозначил политико-смысловую развилку его встраивания в единую систему публичной власти. С точки зрения интересов развития гражданской самоорганизации, «низовых» общественных инициатив, углубления диалоговых и партнёрских практик, что является сутью феномена публичной политики, несомненно тревогу вызывает стремление через понятие «единство публичной власти» сделать органы местного самоуправления нижним уровнем государственной власти, что может сказаться на качестве публичной сферы и реализации принципов МПП. Усиление административных подходов в реформировании МСУ с большей опорой на административно-бюрократические рычаги преобразований может вызвать существенные изменения в публичном пространстве территорий страны и, соответственно, скажется на качестве реализации публичной политики. Ибо, как показывают многолетние исследования Института социологии РАН, публичная политика очень чувствительна к характеру организации коммуникативных и дискурсивных практик между властью и обществом.

Ключевым приоритетом осуществлённых и предполагаемых изменений в организации публичной власти на региональном и местном уровне является закрепление системы вертикального политического и ресурсного контроля вышестоящих уровней публичной власти над нижестоящими. В качестве основных ожидаемых эффектов функционирования данной конструкции выступают расширение политического контроля над общественными процессами, а также политико-управленческое обеспечение общенациональной экономической и социальной политики, основанной на перераспределении ресурсов, аккумулируемых в федеральном центре, вниз по «вертикали» через «проектные» и «программные» инструменты. Данные тренды в настоящий момент имеют тенденцию к усилению в связи с переключением хозяйственной, социальной и общественной жизни страны под задачи СВО. Проблемными характеристиками такой конструкции являются умаление региональных и местных интересов, сложности при принятии решений об оптимальном распределении ресурсов, отчуждение граждан от процесса выработки и реализации государственной/муниципальной политики, искажение информации при превалировании «вертикального» политико-управленческого контроля.

Выход из этого «амбивалентного» противоречия (между монолитом суверенной власти и растущим многообразием гражданской и деловой инициативы) состоит не в ослаблении государственных начал регулирования общественными процессами. Как показал недавний опыт 90-х годов XX века, да и нынешней непростой социально-экономической, кризисной ситуации, этот путь ведёт к потере российской идентичности, к анархии и распаду. А в перспективах – к эволюционной адаптации типичной для России ригидной системы вертикального доминирования государства над обществом к нарождающимся снизу практикам сетевых взаимоотношений гражданских и предпринимательских организаций с органами власти. Из этих практик может вырасти горизонтальная сеть «низовых», инициативных связей, укрепляющих вертикаль власти и вместе с нею определяющих публичную политику. Это будет, несомненно, сильное государство, мощь которого зиждется не на репрессивно-силовых атрибутах власти, а на разветвлённой корневой системе реальной «низовой» народной инициативы гражданского и социального свойства.

Таким образом, формирующееся сетевое общество неумолимо предопределяет вектор изменения традиционного государственного управления в направлении модели общественно-государственного управления, или – управления «через сообщества».

Воронкова Ольга Алексеевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Voronkova O.A., candidate of political science, senior researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

Пока остаётся в силе тот факт, что политические отношения в России не перешли в качественно иную стадию развития, т.е. прямого и легального участия гражданского общества в политических процессах, принятии *политических решений*. Однако в политической сфере на разных уровнях заметно некоторое оживление. В новой технологической реальности, когда создаётся мощная база для развития сетевой коммуникации, голос социума обретает всё более уверенное звучание, несмотря на усиленные попытки политической элиты затормозить и заблокировать это развитие. *Сетевой дискурс меняет когнитивный контекст, а вслед за этим и онтологический: сейчас не просто «бытие» определяет «сознание», но и качество «бытия» определяется уровнем зрелости общественного сознания.*

Новая технологическая среда обитания постепенно меняет ментальные установки и практики. Молодёжь уже с раннего возраста попадает в множественные и комплексные «ассоциированные среды», предлагающие новые пути «первичной социализации». А более зрелое поколение обретает обновлённые пути «вторичной социализации». Через множественность внутренних сетевых миров социализирующийся субъект создаёт свои ориентировочные установки, на которых строится его *комплексная* идентичность. Комплексная сетевая реальность переопределяет параметры становления идентичности. Она определяется уже не через формальные характеристики – пол, возраст, образование, принадлежность к статусной или этнической группе и пр., – а через внутреннюю личностную ассоциацию с определённо сложившимся потоком смыслов и значений.

Сетевая коммуникация, затягивая интернет-пользователя в свой круговорот, превращает его из «пользователя» в «актора». Сетевым актором, по определению Б. Латтура, тот, кто побуждается к действию множеством других акторов. В сетевых условиях механизмы пробуждения осознания того, что происходит, подкрепляются возникшей ежедневной потребностью, перерас-

тающей в *необходимость*, в поиске новой информации и коммуникативному обмену с другими акторами. Сетевая интериоризация – глубокое вовлечение в сетевую среду – неизбежно со временем трансформирует пассивного молчаливого читателя и слушателя в активного коммуникатора и критика, а затем в субъект социальной реконструкции реальности – пересмотра традиций, устоев, мешающих развитию, поиска новых форм социальных взаимосвязей и способов решения проблем. Эти акторы, поставляющие в сетевой дискурс противоречивые мнения и оценки происходящих ситуаций, заставляют пользователя «раскрывать» и проявлять его сознательные и подсознательные резервы мышления.

В многомерной сетевой реальности налаживание связей и отношений происходит по принципу дискретности, т.е. не предполагает долговременной закреплённости ни во времени, ни в пространстве. Жизненная реальность становится более многомерной, гибкой и менее предсказуемой. Технологическое обновление социальных и политических сред меняет потребности, требует адаптации к новым реалиям, поиску новых связей для облегчения адаптационных процессов. На каждом этапе «сетевой жизни» возникают *необходимости* в формировании интерсубъектностей, или «конструктов отношений», т.е. смыслового взаимопонимания, отношений партнёрства, кооперации для решения задач новых жизненных проектов.

Когнитивный и экзистенциальный аспекты в реализации «проектов» сливаются воедино. Для освоения технологических новшеств требуется напряжение мыслительных усилий, актуализация когнитивного аппарата сознания, вся структура которого перестраивается с установок на ожидание инструкций «сверху» и распоряжений «руководства» на самостоятельность мышления и поведения. Тем не менее мышление не может быть полностью освобождено от среды. Оно встраивается в новые тренды и течения – интермедийные мейнстримы, задающие фоны и тоны «ассоциированных сред».

Подобные интермедийные мейнстримы могут менять как отношение к тем или иным конкретным событиям внешней среды, так и сознание в более общем плане. Происходит зарождение «критического сознания», «экологического сознания»; возникают явления «трансгуманизма», «трансверсальности», меняющие политическое мышление с ощущения себя как «винтика системы», «маленького человека», части «великой империи» до «человека мира», мобильного и коммуникабельного, способного донести свою жизненную позицию до других и изменить мир во взаимодействии с другими. И эти новые тренды и течения запускают новые механизмы управления социальной практикой.

Такие процессы, происходящие в социокультурной сфере, начинают активно подталкивать к изменениям традиционно выстроенные политико-административные системы. Социокультурные интермедийные мейнстримы объективно работают на регенерацию здравого смысла, полностью «изгнанного» из приверженного традиции массового сознания и политики в 20-х годах XXI века.

К. Гирц, антрополог и социолог, определяя «здоровый смысл» как социокультурную систему, придавал ей не меньшую значимость, чем системам религии и идеологии. «Существует множество причин, – говорил К. Гирц, – по которым рассмотрение здравого смысла в качестве относительно организованного мыслительного комплекса, а не просто индивидуализированного инструмента освоения мира способно привести к полезным выводам». Социокультурная система «здравого смысла» отличается от систем религии и идеологии тем, что её выводы есть продукт непосредственного опыта,

а не наоборот – жизнь подгоняется под набор постулатов. Если религия основывается на вере, наука на методе, идеология на структурно-функциональной иерархии и соответствующем ценностно-нормативном фундаменте, то здравому смыслу претендующий на догму фундамент не нужен. Сам жизненный мир и накапливаемый в нём практический опыт и прагматическое сознание выступают здесь в качестве фундамента.

Именно в «тональностях» состояния общественного сознания нужно искать «дифференциалы здравого смысла». «Говоря о том, что кто-то выказывает здравый смысл, мы предполагаем, что этот персонаж не просто пользуется своими глазами и ушами, но делает это осознанно, умно, рефлексивно, и, делая это, он способен справляться с повседневными проблемами повседневными способами и с заметной степенью эффективности». А когда речь идёт о нехватке здравого смысла, то это говорит о том, что индивид или группа не справляются с теми задачами, которые ставит перед ними жизнь, и не способны на базе опыта признавать и исправлять ошибки и делать адекватные выводы. О здравом смысле можно говорить применительно к тому остатку, когда более структурированные и артикулированные символические системы – религия, идеология – исчерпывают свои функции. «Здравый смысл – это то, что остаётся от разума, когда его наиболее изощрённые достижения отодвигаются в сторону».

В современной противоречивой реальности под «изохрёнными достижениями разума» нужно понимать полное вырождение способности адекватно оценивать происходящее. Или иначе – полный застой рефлексивного процесса в элитарно-политической сфере. Тем не менее события последних месяцев несколько всколыхнули этот процесс, а в социокультурной сфере артикулировался запрос на возрождение «здравого смысла». И хотя по-прежнему предпринимаются попытки силового подавления этих процессов, они набирают обороты, хотя и происходит это в «параллельном измерении».

Однако заметное оживление сетевого социума всё же вселяет надежду на то, что такие процессы в какой-то момент найдут точки пересечения с трендами изменений в пока доминирующем политическом пространстве. *Сетевой социум, так или иначе, но во всё большей мере начинает определять политическую реальность.*

Щенина Ольга Геннадьевна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Shchenina O.G., candidate of political science, leading researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

Применение сетевого подхода представляется, на наш взгляд, весьма продуктивным для исследования политических отношений. Однако применение междисциплинарного подхода к изучению столь сложного феномена, как политические отношения, позволит раскрыть сущность и смыслы, охарактеризовать их многоуровневый характер, используя при этом математические методы. Ибо сочетание методологий наук разных областей научного знания создаёт возможность трактовки сложностоставных, амбивалентных, гибридных процессов новой реальности, в том числе и в области политики. Исследователям предстоит также учесть множество самых разных факторов в процессе анализа политических отношений и на основе сетевого подхода.

Мы рассматриваем сети политических отношений как разновидность форм социальных взаимодействий, и для их исследования, думается, уместно применение методологии топологии. Топологическая оптика изучения социальных взаимодействий в ракурсе простран-

ства, а также многообразия их форм и с учётом темпоральных аспектов позволяет проводить количественный и качественный анализ политических отношений. Ведь отношения между людьми – общественные, социальные, политические и др. – многолики и изменчивы, динамичны и мобильны. Элементы топологии (границы, рёбра, узлы) сегодня активно используются в целом ряде современных теорий. Например, в теории графов, а также в сетевой теории, предлагающей объяснительные модели развития сетевого общества.

Рассмотрение в оптике сетей многих явлений и процессов политической действительности позволяет исследователям приблизиться к пониманию сущности и механизмов функционирования политических отношений в условиях сетевого, цифрового общества.

Сетевая онтология пространства социально-политических отношений предлагает сетевой ракурс исследования новых контуров современного общества. К основным концептам, характеризующим происходящие в социуме перемены, относятся: сложность и нелинейность развития, амбивалентность, гибридность форм (рассматриваемая как симбиоз двух реальностей – социальной и виртуальной), а также возрастающее по экспоненте влияние эффектов развития технологий и реформативное на этой основе пространства коммуникаций. Происходит трансформация бытия человека, преобразуются формы его жизнедеятельности в связи с динамично развивающимся социумом.

Практики взаимодействия субъектов и акторов политических отношений представляют широкую палитру форм коммуникации в пространстве политики. На наш взгляд, применение трёхмерной формы в качестве онтологической модели возможно и для анализа политических отношений в сетях. Многоугольник (пятигранник – две грани параллельны) выступает в качестве основы построения модели, т.е. это треугольная призма с тремя боковыми гранями (которые мы рассматриваем как пространство, время, формы). Боковые поверхности треугольной призмы объединены, а в её основании лежат две грани (или, как их ещё называют, верхняя и нижняя грани призмы), которые конгруэнтны, равны, а многоугольники параллельны друг другу. Отметим, что наличие в предлагаемой модели вершин, граней и рёбер у призмы позволяет говорить о её сходстве с узлами сетей.

При построении этой теоретической модели и попытках её применения к анализу сферы политических отношений возникает ряд вопросов. Политические отношения проходят сквозь пространство – время (треугольную призму). Рассмотрим, как это происходит и под влиянием каких факторов изменяются их формы. В данном контексте сквозь призму, т.е. с учётом факторов, на основе выявления критериев и возможных перспектив изучения процессов, явлений действительности.

Однако следует учитывать ещё одну составляющую: преломление сквозь призму (оптическая призма – например, луча света) позволяет наблюдать более широкий спектр цветовой гаммы (рассеивание под определённым углом). В связи с этим можно предположить, что подобное произойдёт и в случае политических отношений при анализе их в контексте одной из моделей – трёхмерной или тетраэдральной призмы.

Уместно будет вспомнить, что многие явления и события в жизни современный человек рассматривает сквозь призму опыта, эмоций, истории, идей и т.п. «Мы можем через Божественную призму рассматривать всё – научные формулы, любые феномены», – писал Александр Владимирович Мень (1935–1990).

Политические отношения реализуются в пространстве сетей политических и неполитических. Что собой

представляет пространство сетей в сетевом обществе? Только ли пространство потоков информации, отношений? Принципиально иную трактовку пространства предлагает квантовая теория, в рамках которой мир рассматривается прежде всего на основе взаимодействий. «Вещи (кванты) не населяют пространство, но располагаются по отношению друг к другу, а пространство – это ткань из соседских отношений. <...> Иллюзия, будто мы окружены непрерывным пространством и временем, есть результат рассмотрения издала плотного роя элементарных процессов», – считает один из авторов квантовой теории гравитации К. Ровелли.

Возможно ли рассмотрение в этом ракурсе социальных взаимодействий в целом и политических отношений в частности? Представляется, что на этот вопрос может быть дан положительный ответ, поскольку сформировалось научное направление исследований в политических науках – так называемый квантовый подход. При использовании междисциплинарного подхода в последние десятилетия идёт активный научный поиск объяснительных моделей и онтологий.

Пространственная организация сетей, в том числе и политических, позволяет предположить, что на основе применения методологии топологии возможно не только описание элементов, её составляющих, но и объяснение происходящих в них процессов. Существуют и иные точки зрения, подходы к обсуждаемой проблематике, однако применение методологии топологии расширяет спектр исследований.

Люблинский Виктор Викторович, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Lyublinsky V.V., doctor of political science, main researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

Сетевая онтология, рассматриваемая в контексте тематики данного «круглого стола», означает, что социально-политическая реальность формируется сетями, т.к. именно они инициируют социально-политические процессы, определяют и направляют политику. А это могло бы означать не что иное, как глубинную трансформацию самого механизма развития политических процессов, устройства политики и управления обществом. В реальности же если и имеют место изменения, то они не столь значительны.

Необходимо учитывать и то, что сфера социально-политических отношений весьма консервативна и с большими усилиями может поддаваться переустройству. В теории сети политических отношений функционируют на основе неформальных статусов и взаимодействия, в отличие от традиционных (классических) институтов, которые наделены властью и осуществляют «производство политики». Сторонники сетевой теории считают, что сети принципиально меняют суть вещей в развитии общества; они исходят из того, что политика формируется и реализуется на основе горизонтальной кооперации участников, обладающих влиянием, компетенциями и ресурсным потенциалом (так называемая ресурсозависимая концепция политики). Но одновременно они признают и то, что политика – это процесс с весьма сложной организацией, требующий больших усилий и времени. И её результаты определяются «структурой коалиций» в конкретных областях: долгосрочные отношения между группами интересов трансформируются в сложные сетевые взаимодействия государственных и частных структур.

Некоторые изменения, которые позволяют рассматривать вопрос в таком ключе, действительно имеют место, но в то же время не стоит переоценивать роль сетевого момента в социально-политическом развитии.

Не учитывается главное – то, что никакие сети не могут изменить сущность общества и политики, которая в нём проводится. Примечательно в этом отношении исследование нетократии, проведённое А. Бардом и Я. Зодерквистом. «Новые революционные технологии, – отмечают они, – приведут к изменению самих основ жизни общества, культуры и экономики... Но фундаментальный конфликт между классами и группами людей не собирается исчезать, принимая всё более замысловатые и малопопулярные формы».

Не учитывается и то, что сетевой фактор обезличивает человека в нём не видно; он растворяется в сетевом пространстве. Одновременно происходит определённая девальвация роли «личности в политике». При этом политика не становится более эффективной, будучи построена на приоритетах социально-политических сетевых групп, которые и обладают реальной властью.

Подлинная сущность сетей в том, что они отражают трансформацию сферы коммуникаций. Именно этот момент главный. Возникает новая система взаимодействий между структурами власти, социальными группами и гражданами в обсуждении и решении социально-экономических и политических проблем. И именно этим определяется их роль в современном обществе. Конечно, интернет воплощает революцию в технологическом развитии, когда человек расширяет границы своей деятельности, открывая и осваивая виртуальное пространство. Но не более того! Сети не могут отменить бюрократию, а она иерархична и фактически вечна, ибо существует тысячелетия, возникнув с момента появления самого общества.

Поэтому с развитием сетей жизнь и отношения людей принципиально не могут измениться. Через «бетонные» стены бюрократической системы с её особым положением и привилегиями никаким сетям не пробиться. Тем более что бюрократия, политические классы, формирующие бюрократию, во многих странах успешно адаптировались в новой (сетевой) реальности. И бюрократия может направлять развитие на укрепление собственной власти. Отсюда следует, что сетевизация политики не является фактором, фундаментально преобразующим социально-политический порядок и соотношение сплочённости/конфликтности общества. То, что отношения доверия и взаимности, как считают адепты сетевой теории, противодействуют бюрократическим правилам и являются источником консенсуса на основе общих ценностей и ресурсной зависимости, – скорее иллюзия или предположение, чем реальность.

Ещё один важный момент. В контексте рассматриваемого вопроса весьма спорно получившее широкое распространение утверждение о том, что сети способствуют демократии. Формально, возможно, это и выглядит таким образом. Кажется, что сетевое общество, а значит, и новые технологии поддерживают и расширяют её. Но в реальности демократии и справедливости не становится больше. Забота о человеке и справедливость – в большей мере формальные элементы любой политической стратегии, особенно предвыборных программ, которые стали их обязательным элементом. Фактически в современных условиях доступ в сферы высокой политики, где решения разрабатываются, крайне ограничен. Высшие сети со временем трансформируются и устанавливают непреодолимые препятствия для участия, которое формально декларируется. Нельзя не согласиться с А. Бардом и Я. Зодерквистом в том, что политические решения больше не определяются демократическими процедурами: «через выборы, парламент или через интернет-референдум, но исключительно членами закрытых сетей, которые, как и члены средневековых

гильдий, выбираются из среды себе подобных по уровню влияния. Нетократические принципы приходят на смену этатизму».

Поэтому «горизонтальный момент» политических отношений, во многом второстепенный и декоративный, в лучшем случае консультативный, не играет существенной роли в системе принятия политических решений и политического управления. Подобная модель политической власти, которая получает всё большее распространение в мире, напоминает сглаженную пирамидальную конструкцию с сетевыми элементами на каждом уровне.

Мы слишком спешим, говоря о трансформации социально-политических отношений на фоне «экспансии» сетей. А есть ли она, эта трансформация их сущности? Начнём с того, что политику определяют те же структуры, что и прежде. Определяется она в закрытых сообществах «избранных», куда доступ крайне ограничен. Представляется, что внешние/посторонние сети (а значит, и люди, в них участвующие) имеют небольшие шансы туда пробиться.

Другой вопрос, становятся ли такие сети «проводниками» позиций различных социальных групп, чьи структуры, формирующие политику, вынуждены в условиях новой реальности учитывать? В некоторых случаях это происходит; фактор позиции общества принимается во внимание. Но консолидация в таком обществе не может быть устойчивой, она – недолговременная. Демократии, по сути, они не способствуют. Это в большей степени видимость или предположение. На самом деле ситуация в этом плане противоречивая.

Существуют сети различного типа. За властной иерархией, как правило, стоят закрытые сети, которые определяют характер власти и направления политики. Именно они осуществляют назначения на наиболее важные политические и административные должности. Именно закрытые сети высшего уровня составляют реальную власть, которая не афишируется, находится в тени. А те, кто находится в публичном пространстве, – исполнители воли «топовых» политических сетей. Западное общество и политика всегда были организованы именно таким образом.

Современная реальность такова, что усиливается борьба в мировом коммуникационном пространстве за господство и глобальную власть. Она совпала с трансформацией миропорядка, которая началась и завершится нескоро и сопряжена со значительными издержками и потерями, но и приобретениями. Но новый порядок, если он состоится, с высокой вероятностью может оказаться отнюдь не более устойчивым, справедливым и нацеленным на интересы человека. Историческая закономерность такова, что одна модель миропорядка с одним типом господства сменится другой моделью, с другим типом господства. И только.

В связи с этим сетевая политическая реальность оставляет немного шансов на то, что наступит «эра согласия» в мировой политике. Напротив, она усиливает потенциал конфликтности. Основная борьба разворачивается за господство и ресурсы. А это усиливает манипулирование общественным мнением и стремление подавить оппозиционные настроения. Ярким свидетельством этого являются политические процессы в США, ЕЭС и ряде других стран. Мир медленно, но верно, по вине правящих кругов Запада, скатывается к катаклизму глобального масштаба. И Россия делает всё возможное, чтобы этому противостоять.

Итак, по сути, сетевые сообщества не оказывают на политику, я имею в виду «большую политику» (и адекватную ей модель социально-политических отношений),

существенного влияния. И, как мне представляется, общество постепенно избавляется от иллюзий, что сетевой фактор в его современном «исполнении» открывает путь к подлинной демократии, благополучию, справедливости во всех аспектах. Постепенно уходит убеждение в том, что через сетевые взаимодействия человек-гражданин получает возможность влиять на политику властей предрержащих.

По-прежнему перед обществом стоит доселе неразрешённая нигде проблема – его деbüroкратизации и формирования модели политически отечественной бюрократии. А в связи с этим и проблема переустройства политики как таковой.

Несмотря на то что политика занимает центральное положение в обществе, она в отличие от других сфер не обязывает её акторов выполнять предвыборные обещания. Политика устроена таким образом, что претензии со стороны граждан власть всегда может парировать, аргументируя тем, что изменилась ситуация, возникли новые обстоятельства. Однако в условиях подлинной политической конкуренции такое поведение власти могло бы оборачиваться для неё серьёзными проблемами в политической перспективе. Но чаще всего этого не происходит, ибо конкурирующие политические силы, сменяя друг друга, по многим вопросам проводят схожую политику, что особенно характерно для социально-политического развития стран Запада.

Шиманская Эльвира Степановна, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Shimanskaya E.S., senior research fellow, Institute of sociology, FCTAS RAS

Сегодня мир сотрясается в конкурентной борьбе за образ будущего. Ставка делается на сохранение темпов развития и технологическую сингулярность. Ведущие политические акторы активно включаются в глобальную конкуренцию смыслов, идей, программ, стратегий. Вызовом для России в этом процессе является необходимость определения своей роли и места в условиях сетевой политической реальности. Это базовая задача как для государства, так и для интеллектуальной элиты. Думается, участие в общественном дискурсе, который затрагивает вопросы сетевой онтологии строительства российского государства, экономики, политики, общества, будет содействовать критическому осмыслению происходящих изменений, в том числе и в области политических отношений.

Исходным является целеполагание, когда под воздействием средств массовой коммуникации (СМК) формируется виртуальное глобальное информационное пространство, в которое вовлекаются различные составляющие политической деятельности (включая и политические отношения), тем самым уравнивая опытные политические силы со вновь вовлечёнными в неё. В качестве примера можно привести функционал некоторых НКО, которые используют интернет для распространения и популяризации своих идей, смыслов и ценностей.

Со своей стороны, политическая власть получает возможность воздействовать на общество в целом и отдельного человека в частности, поддерживая интерактивный диалог и способствуя тем самым укоренению режима информационного плюрализма. Как результат, постепенно выстраивается одна из основных моделей политической коммуникации – диалог между «управляющими» и «управляемыми» при условии равноправного обмена информацией о политических явлениях и процессах.

В этом случае можно говорить о трансформации политических механизмов управления в условиях информационного общества посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Это обстоятельство является убедительным свидетельством возрастающей роли научного познания новой политической реальности, при которой достоверная, качественная информация становится средством функционала власти, осуществления её влияния на развитие политического процесса в целом.

Представляется уместным напомнить один пассаж из теоретических размышлений Б. Латура о природе власти. В своей работе «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию» он писал о том, что «власть, претендующая на вечность, не состоит из социальных отношений». По мысли автора, если она (власть) «вынуждена опираться только на них, то удержится недолго». И далее он поясняет: «Социальное – это название типа преходящей (кратковременной) ассоциации, характеризующейся тем способом, каким она собирается в новые формы. <...> Хотя вполне обоснованно обозначать словом «социальное» повсеместный феномен межличностных отношений».

Изменение механизмов и методов управления неизбежно ведёт к возрастанию властных полномочий, а власть по-прежнему остаётся элитарной; возникает новый вид политических субъектов и отношений. Наиболее распространённая трактовка этого явления, как правило, представляется в виде общественной сетевой пирамиды. В её нижней части, как нетрудно догадаться, находятся потребители информации – так называемый консьюмеризм, а в верхней – нетократы, т.е. те, кто производит и потребляет знание и для кого в большей мере значение имеет качество информации. Именно нетократия признаётся западным экспертным сообществом сетевой элитой (по А. Барду и Я. Зодерквисту). Она образует сети «высшего уровня», контролирует знание/информацию и концентрирует власть, влияние и связи.

Заметим, что подобный теоретический посыл дискутируется и в российском научном сообществе. Характерным примером могут служить идеи, нашедшие отражение в издании под названием «Вызов-2035». Его авторы рассматривают происходящие изменения в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как предтечу формирования нового общественного уклада: ожидаются глубокие, фундаментальные изменения в обществе, его структуре, в мотивации работы основных субъектов общества, соотношении глобальной и национальных повесток дня и многом другом. Это не может не оказывать существенного влияния как на технологическое развитие, так и на систему управления.

Подобного рода изменения несут в себе угрозу сохранению подлинного суверенитета общества и государства в лице глобальных корпораций, с одной стороны, и неформальных сетевых структур – с другой. Избежать негативных последствий для России возможно, если она, во-первых, станет успешным игроком на поле технологического развития, найдя свою собственную нишу; во-вторых, станет сильным игроком и даст собственные ответы на ключевые вызовы будущего, в том числе антропологического характера. Иначе говоря, речь идёт о совершенствовании человека – того человека, который займёт сущностные позиции при строительстве будущего государства. Эта мысль прослеживается как основополагающая и в Послании Президента РФ Федеральному собранию в феврале 2024 года.

Однако было бы неправомерно не учитывать такую особенность современного развития, как нарастающий

индивидуализм во всех сферах человеческой деятельности. Широкое и стремительное развитие ИКТ позволяет приблизить индивидуализацию уже не только производимой промышленной продукции и собственно ИКТ-продуктов. Дальнейшими шагами в этом направлении легко представить, среди прочего, персонализацию получаемой информации, что уже проявляется на базе социальных сетей, где человек во всё большей степени оказывается способным создать свою собственную, отвечающую его интеллектуальным, профессиональным, этическим и прочим критериям информационную среду. При этом, как отмечают отечественные исследователи, данный процесс чреват существенными рисками, связанными с диссоциацией единого прежде социума на отдельные локальные сообщества, каждое из которых формирует свои, присущие только этому социальному образованию идентичности, «принимаящие информацию, усиливающую сложившуюся коллективную идентичность и отторгающую любую альтернативную».

Таким образом, можно говорить, что экспоненциальное развитие новых технологий ведёт к качественному перерождению общества, экономики и человека. А это требует скорейшего ухода от иерархических к сетевым принципам в коммуникациях, политике, управлении, экономике. В этой связи стоит обратить внимание на теоретическое обоснование формирующейся реальности. Так, к примеру, бытует довольно популярная версия, согласно которой лидерами изменений становятся наиболее «продвинутые» в научно-технологическом плане сообщества (кластеры), так называемые «кремниевые долины». Они являют собой образ общества будущего – креативное, техно-интегрированное, в котором преобладают роботизированные производства, сервисы, транспорт, стартап-экономика; а в политике – прямая демократия.

С помощью привлечения основ мир-системной теории Иммануила Валлерстайна новая модель предполагает деление мира на символические круги, похожие на мир-системы «ядро – полупериферия – периферия». Экономическая сила кластеров ведёт их к обособлению от окружающих территорий своих и других стран. Предлагается следующий вариант: в центре – кластер «кремниевая долина», ближайший к ней – «зелёный пояс», в котором культура и политика формируются из «кремниевых долин», а национальные особенности стираются и унифицируются. Внутри «кремниевых долин» с большой вероятностью тоже произойдёт движение от индивидуальных культурных особенностей к некоторой «общекремниевой».

Вокруг «зелёного» формируется «жёлтый пояс» – развивающиеся регионы и страны, ориентированные на обеспечение «кремниевых» и «зелёных» регионов (человеческие и материальные ресурсы, часть производств). Зона «жёлтого пояса» поддерживается в комфорте товарами «зелёного пояса», отток талантов компенсируется производством и импортом новых из ещё худшего пояса. Стабильность в «жёлтом поясе» поддерживается национальными культурами и правительствами.

В свою очередь, вокруг «жёлтого пояса» существует «красный». Этот пояс называют поясом управляемой нестабильности, активного освоения, разрушения национальных («традиционалистских») правительств, превращения человеческого капитала и ресурсов в «сверхтехкучие». Таланты перемещаются в виде рабочих в «жёлтый» и «зелёный» пояса, в виде талантов – в «зелёный» и «кремниевый» пояса, ресурсы – в максимально переработанном виде в «жёлтый» и «зелёный» пояса. В «кремниевые долины» из них попадают уже только вы-

сокоуровневые компоненты и специально упакованные сложные материалы высокого уровня передела.

Особенность данной трансформации видится в том, что вместо иерархии структурно подобных друг другу национальных экономик, где на вершине пирамиды располагается развитый сектор, а внизу – ресурсный, происходит глобальное преобразование привычного странового мироустройства в новый мир, в основе которого субрегионы и сообщества. И в котором национальные правительства и экономики теряют контроль над потоками товаров, талантов и ресурсов. Попытка национальных правительств «удерживать» вертикаль передела ведёт к маргинализации соответствующего государства, утечке бизнесов и талантов, формированию жёсткой конкуренции за ресурсы. Формирование описанной конструкции ведёт к появлению противоречий – и, соответственно, источников глобальной нестабильности.

Фактически ведущая роль в процессе перемен принадлежит не национальным государствам, а развитым мегаполисам и ТНК. Социальные лифты отдельного человека теперь связываются с его личными успехами и жизнью в обособленном мегаполисе, а не с его национальным государством.

Социальный статус человека в информационном обществе будет определяться его членством и статусом в сети, который будет постоянно изменяться как с течением времени, так и в зависимости от территории и обстоятельств. Развитие личности идёт по пути реализации всех возможных состояний человека, создания прагматичного союза различных темпераментов и черт характера. Такой тип человека вправе рассматривать себя как систему связей, как сеть, зависимость от других сетей, непрерывно перерабатывающую информацию с целью постоянного обновления желаемой виртуальной идентичности.

В нетократической сети информация сама по себе имеет ограниченную ценность. Но ценится способность избегать ненужной информации, тем более что не во всех сетях есть знание и понимание, необходимые для оптимального использования информации. На этом фоне, как предсказывается, политика постепенно будет терять реальную власть, в то время как будут цениться динамизм и развитый социальный интеллект. Только те, кто готов постоянно изменяться, могут выжить в непрерывно мутирующем мире, считают разработчики данной модели сетевого общества будущего. Высказывается также предположение, что кураторы сетей примут на себя функцию государства по контролю за соблюдением норм морали, нарушение которых чревато наказанием, вплоть до исключения из сетей, что означает прежде всего ограничение доступа к информации и, в конечном счете, потерю статуса, репутации, капитала доверия, внимания, т.е. гораздо большее, нежели материальные ценности.

Таковы вероятные перспективы развития сетевой онтологии политической реальности.

Макушина Лариса Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Makushina L.V., candidate of history, associate professor, senior researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS

В наше время соревнование между крупнейшими странами всё больше сводится к достижению первенства в области современных технологий. Особую роль в процессе революционных технологических изменений играет социальный контекст, в котором они происходят и которым формируются. Согласно М. Кастельсу, обще-

ства организуются вокруг социальных процессов, структурированных и исторически детерминированных производством, опытом и властью, и взаимодействуют с социальными идентичностями. При этом поиск идентичности оказывает на эти изменения не менее существенное воздействие, чем технико-экономические инновации.

Сегодня на повестке трансформация социально-экономической сферы на принципах устойчивого развития, и как следствие – повышение конкурентоспособности страны. Предполагается, что рост эффективности экономики обеспечивается, в том числе, через развитие человеческих ресурсов. При этом структурная перестройка экономики неизбежно приведёт к изменениям на рынке труда, т.к. в настоящее время возникает много причин для дестабилизации и самого рынка, и в целом сложившейся системы социально-трудовых отношений.

В нашей стране доля тех, чья профессия никак не связана с полученным образованием, по данным ВЦИОМ, в 2019 году составляла около 50%. В результате налицо глобальная потеря работниками своей профессиональной идентичности – ведущей характеристики профессионального развития человека. Именно она свидетельствует «о степени принятия избранной профессиональной деятельности в качестве средства самореализации и развития, об осознании человеком своей тождественности с группой, оценке значимости членства в ней, об ощущении собственной профессиональной компетентности».

Ещё одним фактором, ведущим к потере работников профессиональной идентичности, становится широкое распространение в последнее время нестабильной занятости, такой как платформенная, дистанционная, временная, неформальная и др., а также организации труда по принципу коворкингов. Вследствие этого массовый характер приобретает так называемое профессиональное выгорание работников: падает их интерес к содержанию работы, приоритетным становится уровень оплаты труда, уменьшается доля тех, кто планирует своё дальнейшее профессиональное развитие.

По М. Кастельсу, поиск идентичности, коллективно-и/или индивидуально-приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений. Современный исторический период характеризуется широким распространением деструктурирования организаций, делегитимизации институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений. При этом социальные группы и индивиды отчуждаются друг от друга, увеличивается социальная фрагментация. Вследствие этого идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов.

Думается, решить проблемы, обострившиеся в последнее время в сфере занятости, было бы возможно при активном взаимодействии всех субъектов процесса формирования трудового потенциала страны: системы профессионального образования, властей всех уровней, бизнеса, науки, самого человека, но только при условии кардинального изменения сложившейся системы их взаимодействия на сетевой формат.

Ответ на вызовы кадрового кризиса заключается в переходе к принципу *человекоцентричности* при формировании трудового потенциала страны. Суть его состоит в восприятии человека не только и не столько как пассивного потребителя образовательных услуг и носителя рабочей силы, но как активного гражданина и создателя экономических благ. Ключевая задача нового взаимодействия – предоставить работникам максимально широкие возможности для обучения и трудоустройства, а от работника, в свою очередь, ожидать ответ-

ственности за максимальную реализацию собственного потенциала.

Человекоцентричный подход – это необходимое условие конкурентоспособности компании на новом рынке труда. Сегодня для успеха компании уже недостаточно продемонстрировать только высокий уровень доходности. Важный параметр – общественное благо, та польза, которую бизнес способен принести социуму. В России крупнейшие работодатели формируют Альянс человекоцентричных компаний с принципиально новым подходом к управлению персоналом. В марте 2023 года госкорпорация «Росатом» представила результаты масштабного исследования индекса человекоцентричности компаний и выступила инициатором создания Альянса человекоцентричных организаций, в который в качестве первых соучредителей вошли ПАО «Газпром нефть» и РАН-ХиГС.

Само появление термина «человекоцентричность» в стратегии крупнейших компаний России задаёт тренд на новую модель работы с сотрудниками – гуманизацию менеджмент-системы. Предполагается, что ключевыми направлениями работы Альянса станут проведение исследований в области человекоцентричности и формирование экспертного сообщества для обсуждения дальнейших путей развития подобного управления в мире. На повестке реализация нового национального проекта под названием «Кадры», цель которого на практике укрепить связку всех уровней образования – от школы до вуза. Они (эти учреждения) должны работать в единой логике, на общий результат. И здесь важно участие будущих работодателей.

Тенденции к трансформации мышления и мировосприятия приводят к изменению парадигмы политических отношений. По мысли О.М. Михайленка и А.В. Назаренко, налицо переход от «конкуренции» и «конфронтации» <...> к активному поиску «гармонии» и «единого будущего» субстантивно множественных субъектов, а лейтмотивом новой эпохи видятся «коммуникация и кооперация».

Реализация политических целей перехода России на качественно новый уровень развития предполагает, в первую очередь, достижение технологического суверенитета страны за счёт интенсификации научно-технологического и инновационного развития. Эта цель может быть достигнута только при постоянном развитии и повышении эффективности использования трудового потенциала каждого работника, отдельного предприятия, региона и всей страны в целом. Статистика свидетельствует, что в странах с высоким показателем ВВП на душу населения и инновационной экономикой доля высококвалифицированных работников является самой высокой в мире, т.е. без развития трудового потенциала страны невозможны ни дальнейший технический прогресс, ни решение социально-демографических проблем, ни соответствующие преобразования в области культуры.

Изменение условий сетевого взаимодействия влечёт за собой новые требования к способностям и мотивации человека, а также создаёт для него новые перспективы на рынке труда, что даёт возможность рассматривать *человекоцентричные сети как принцип выстраивания государственной кадровой политики*. Мы согласимся с коллегами О.М. Михайленком и А.В. Назаренко в том, что сетевизация предполагает включение человека в политику на индивидуальном уровне, одновременно снижая его политическую активность в рамках конвенциональных социально-политических объединений (партии, профсоюзы и пр.). Это, в свою очередь, ведёт к изменению самой сути «человека политического» – «более автономной и самостоятельной личности в политической жизни».

Митрофанова Анастасия Владимировна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Mitrofanova A.V., doctor of political science, leading researcher, Institute of sociology, FCTAS RAS; professor of the Financial University under the Government of Russia

Выступление представляет собой обзор существующих подходов к политической темпоральности с обозначением перспективных направлений исследований. Предлагается рабочее *определение темпоральности как социально обусловленного восприятия существования во времени*. Подчеркнём, что истоком современных исследований темпоральности является распространение идеи относительности времени из области физики на общественные науки. Большинство исследователей темпоральности отдаёт приоритет немецкому историку Р. Козеллеку, который в 1970-е годы первым, или одним из первых, заявил об относительности времени с позиций своей дисциплины. С темой темпоральности до сих пор работают в основном историки и антропологи, значительно меньше – социологи, совсем редко – политологи.

Приблизительно в конце 1980-х годов в оборот входит термин «хронополитика», который получил различные варианты трактовки. Постмодернистские критики теории международных отношений (к примеру, Дж. Дерриан) заявили об «исчезновении» в информационную эпоху пространства и о замене геополитики хронополитикой, поскольку вопросы власти решаются за счёт скорости распространения информации. Ранние варианты этого подхода можно найти в работе П. Вирильо «Скорость и политика» (1977).

К началу 2020-х годов количество публикаций, посвящённых политической темпоральности, стало достаточным для выделения закономерностей в подходах разных авторов. Некоторые из них обозначены Ф. Эспозито и Т. Бекером во введении к специальному выпуску журнала «History and Theory» (2023). На основе анализа существующей научной литературы авторами предложены три подхода к хронополитике: *политика времени, политическое время и политизация времени*.

Исследования *политики времени* посвящены изучению времени как объекта политики (его регулирование, синхронизация или распределение). В рамках данного подхода можно рассматривать календарные реформы, изменения продолжительности рабочего дня и другие подобные проблемы. С нашей точки зрения, данный подход предоставляет меньше всего возможностей для исследования политической онтологии времени.

Более интересным представляется изучение *политического времени* (по определению П. Осборна, объектом в данном случае являются темпоральные структуры социальных практик), когда предлагаются концепции кризисного и переломного времени, выделение определённых временных моментов и интервалов как решающих для политического действия (можно вспомнить известные слова В.И. Ленина о революции) и т.д. В данном контексте исследования политического времени были проведены М.В. Ильиным с середины 1990-х по середину 2000-х годов. Сюда же можно отнести идею темпоральных «червоточин», позволяющих обойти естественный ход истории, высказанную К. Верхувеном в ходе анализа позиции большевиков о возможности перехода России к социализму непосредственно, без проживания полного цикла развития капитализма.

Наибольшее перспективны для исследователей предоставляет, на наш взгляд, изучение *политизированно-*

го времени, т.е. столкновений по вопросам власти и доминирования между темпоральными, сформированными по принципу временной принадлежности группами. Хотя данный подход представляется нестандартным по сравнению с обычным для политологии выделением пространственных (например, государств) или социальных (классов, этносов) групп, осмелимся предположить, что непривычной является, скорее, исследовательская оптика.

Вполне возможно, что привычные конфликты групп всегда имели темпоральный аспект, но до недавнего времени он не считывался исследователями. В частности, Ф. Эспозито и Т. Бекер предлагают рассматривать столкновение консерваторов и прогрессистов как простейший пример темпорализации границ между политическими группами. В качестве групп для проведения линий политического раскола могут выступать также предки и потомки, во имя которых проводится определённая политика. В этой связи предлагаем вернуться к понятию «невидимых масс» у Элиаса Канетти («Масса и власть»), под которыми он понимает как раз предков и потомков, выступающих, несмотря на физическое отсутствие, как полноценные политические акторы.

Из многочисленных возможностей для выделения темпоральных групп на основе определённых режимов темпоральности сосредоточимся на *использовании времени как орудия господства*, что предполагает пересечение политологического анализа онтологии времени с устоявшейся тематикой постколониальных исследований.

Тема деколонизации и постколониальности, роль Советского Союза в крушении колониальной системы Запада, в последние годы актуализирована и во внешней политике России. В данном контексте интересна позиция К. Кларка, который обозначает темпоральность как эпифеномен власти. Понятие исторических и неисторических, развитых и отсталых народов демонстрирует то, каким образом темпоральные различия наделяются политическим смыслом. Определённые группы людей могут быть вытеснены из доминирующего темпорального режима и обозначены как несовременные, внеисторические, слабо развитые, догоняющие и т.д. Современные общественные науки отказываются от колониального наследия и выдвигают идею плюрализма темпоральных режимов.

Со своей стороны, обозначим связь темпоральных исследований с идеей «множественных современностей» Ш. Айзенштадта, которые можно интерпретировать так же, как «множественные темпоральности». В 2020 году группа исследователей (Д. Эдельштейн, С. Геруланос и Н. Уитли) предложила *концепцию хроноценоза* (по аналогии с биоценозом), или *темпоральной экосистемы*, т.е. комплексного сосуществования различных темпоральных режимов без выделения господствующего режима и без подавления остальных.

Ключевым для изучения онтологии времени считаем понятие *темпорального режима*, который определяет в первую очередь темпоральную ориентацию общества (доминирование прошлого, будущего или настоящего – презентизм, и приписывание этим компонентам разной ценности), а также закономерности изменения данной ориентации. Однако авторы введения к влиятельному сборнику политико-исторических работ «Breaking up time» (2013) Б. Бевернаге и К. Лоренц предлагают более сложную концепцию темпорального режима, касающуюся принципов проведения границ между прошлым, настоящим и будущим. Речь идёт о тех случаях, когда такие границы проводятся в принципе, т.к. для текущего периода, например, характерно постоянное «присутствие» прошлого в настоящем, так же как для более ран-

них периодов (первая четверть XX века) было типично аналогичное постоянное присутствие будущего.

А. Ассман выделяет в своих работах две основные причины актуализации прошлого: ностальгию и травму. Очевидно, что многие современные политические движения проистекают из стремления исправить, или хотя бы признать, последствия травмирующих событий, пережитых в прошлом различными группами (рабство, геноциды, войны и т.д.). Учитывая это, А. Ассман вводит понятие «темпоральный режим травмы», который характеризуется парадоксальным представлением об обратимости прошлого, хотя бы в символической сфере.

Политическую проблему представляет момент перехода прошлого в настоящее. Его можно понимать как своего рода естественный процесс, связанный со сменой поколений (на этом понимании строится закон об открытии российских архивов по прошествии 75 лет), но не исключается и альтернативное понимание данного процесса как результата сознательной деятельности политических акторов. Это, в свою очередь, открывает возможность для изучения вероятных агентов политического контроля, среди которых, разумеется, нужно назвать не только государство, но и негосударственных акторов, включая сетевых. Последние могут использовать различные модели взаимодействия с доминирующим темпоральным режимом – от встраивания в него до создания параллельных режимов, а также до открыто подрывных действий в отношении господствующей темпоральности.

В связи с этим закономерным является вопрос о параметрах темпорального контроля: если пространственный контроль на сегодняшний момент полностью прозрачен (нам знакомы пространственные границы и возможности символического доминирования в пространстве), то методы и признаки темпорального контроля не так очевидны. Происходящий в современных общественных науках «музейный бум», т.е. постоянно возрастающее количество исследований, посвященных функционированию музеев, что раньше считалось узкоспециальной темой, может свидетельствовать об осознании высокой значимости музеев для обеспечения темпорального контроля.

Плюрализм темпоральных режимов, полагаем, ставит исследователей перед проблемой их классификации. В первую очередь можно выделить глобальные, национальные и локальные режимы, в каждом из которых складывается собственная система взаимодействующих акторов. Возможно также выделение синхронного (с наложением темпоральных отрезков друг на друга) и диахронного (темпорально последовательного) режимов. Представляется реалистичным также выделение кризисного или мобилизационного режима темпоральности как отдельного объекта политического исследования.

Михайленок О.М.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что основная цель нашего обсуждения заключается в выявлении возможности описания современных политических феноменов (политика, политическая реальность, политическое отношение) в терминах и понятиях акторно-сетевой теории (АСТ).

Отмеченная тенденция к активизации исследования онтологического аспекта теоретического знания в социологии, а также в политической науке связана со значительным числом теоретических проблем.

Прежде всего встаёт вопрос о прояснении статуса АСТ как полной и непротиворечивой теории. Критики сетевой теории указывают на то, что сетевая теория – это некий гибрид различных методологических подходов, часто слабо связанных друг с другом.

Как бы то ни было, по убеждению авторов, работающих в этой парадигме, АСТ основывается на неклассических онтологических моделях, гносеологических программах и философских методологиях.

Что касается неклассических онтологических моделей, то, как считает Б. Латур, если раньше вещи представляли разные онтологические регионы и логические классы и для их описания использовались различные языки (философские, научные, обыденные и т.д.), то в сетевой теории эти гетерогенные объекты находятся в одной онтологической плоскости. Все эти сущности – акторы, действующие на других акторов и, в свою очередь, испытывающие воздействия, определяющие их судьбу.

Б. Латур говорит о «реляционной онтологии» (или «онтологии гибридного мира»). По Б. Латуру, акторы совмещают в себе характеристики индивидуальных эго, коллективных совокупностей, стадных автоматов и рациональных субъектов». При этом для его построений характерна неоднозначная трактовка понятий «актор», «актант», а также соотношения понятий «актор», «личность», «индивид».

«Поворот к онтологизации» привёл к росту числа публикаций, в которых «онтологическое» как атрибут связывают с самыми разными объектами. Например, говорят об онтологии государственности, но, может, тогда и о партийности? Или об экономической, о «политической онтологии»?

Вообще, нередко авторы, пишущие на тему сетевизации, сетевого подхода, не совсем адекватно, на наш взгляд, истолковывают содержание понятий, связанных с сетевой теорией и, в частности, со взаимоотношением сетей и иерархий.

Например, корректно ли утверждение, что внутри иерархий существуют сетевые структуры, что в социальной структуре наблюдается взаимодействие сетевых и иерархических структур? Сколько ни повторяли мантру Б. Латура, что сеть – это не вещь, не предмет, а способ познания, всё равно широко распространённым является понимание сети как структуры, как части социальной структуры. Но как можно представить себе структуру, включающую (в качестве элемента) вирус гриппа, скелет динозавра, запах розы или автомат Калашникова, группу детского сада – да и всё остальное. Все эти вещи могут быть актантами, но не элементами системы.

В целом, как показывают дискуссии по данной проблематике, обновление политической науки в связи с онтологией сетевой теории (которая сама по себе достаточно проблематична) включает в себя выяснение того, что такое политика, политические отношения, каков интерпретативный потенциал сетевой теории в отношении таких политических феноменов, как политическое действие, политическая деятельность, язык политики и т.д.

Николенко Анастасия Алексеевна,

кандидат политических наук, доцент, Владивостокский
государственный университет
E-mail: Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru

Современный мегаполис это – сложная, зачастую неустойчивая система, которая потенциально может становится полигоном для отработки разного рода воздействий, а также потенциальное пространство идеологической войны и культурной экспансии. Высокое распространение достаточно давно получили фейки и дезинформация. Кроме прочего современный контент манипулирует проблемами политического и бытового характера изменяя социализацию детей и подростков, навязывая шаблоны аполитичности и социальной агрессии. Также культурная экспансия предполагает выхолащивание смысла самих процессов агломерационного характера, где процессы дезинтеграции и депрофессионализации становятся критическими и необратимыми. Затрагивая широкие массы псевдоидеи, напрямую угрожают безопасности и стабильности государства не просто как управленческой системы, но и как жизнеобеспечивающего организующего начала. Какие последствия у данных процессов и в чем причины такого парадоксального стечения обстоятельств. В чем состоит угроза для общества и как развитые методики культурной экспансии повлияют на информационные технологии. Все эти вопросы как никогда актуальны. Задача данной статьи создать аналитические предпосылки для дальнейшего изучения материалов, проследить эволюцию методов дезинформации и противодействие им в уплотняющейся среде мегаполиса.

Ключевые слова: «цивилизация», локальная цивилизация, общественный процесс, власть, особенности политического процесса, цивилизационный подход.

Такие термины как: «гибридная война», «информационная война», «культурный иммунитет», «мягкая сила», «ментальная безопасность», говорят об одном процессе внутри крупных региональных образований и локальных цивилизаций. В то же время подобная терминология свидетельствует о наличии сложного комплекса проблем, связанных в том числе, с развитием мегаполисов. Наличие методик культурной экспансии, достаточно не новая константа социального бытия, но тем не менее, дискурс вокруг новейших средств пропаганды стремительно развивается именно сейчас. Это связано как с горячими фазами различных конфликтов, так и с процессом стягивания большого количества социальных ресурсов и населения в крупные города, обозначаемый как «мегаполизация» или третья волна урбанизации.

Кроме прочего развитие средств связи и киберпространства делает вопрос защиты от пропаганды разного масштаба и свойств первоочередной задачей не только государства, но и всего общества в целом. Так как интересы самоорганизации и локальных сообществ становятся интересами большинства, вопрос о направленности идеологии стоит остро. Также ситуация нарастания экзистенциального кризиса и кризиса утраты социальных смыслов, придает особое значение проблеме.

В свою очередь, необходим процесс теоретического осмысления феномена, согласно мнению автора Бартош А.В. «Стратегические цели применения «мягкой силы»: лишение противника воли к сопротивлению агрессии; создание и наращивание пятой колонны во всех значимых сферах социально-экономического и повседневного национального бытия; стирание исторической памяти; формирование необходимого общественного мнения о государстве и его лидерах; насильственное заполнение мира своими образами и ценностями; культурная оккупация, формирование педагогической среды и психологической атмосферы, необходимых для политической и военной экспансии» [1].

То есть данный вид ведения военных действий не менее разрушителен, в своих последствиях чем классические боевые действия на территории «противника».

Также следует учесть, что «По определению американских военных экспертов, термин «гибридная война» подразумевает необъявленные, тайные военные действия, в ходе которых воюющая сторона атакует государственные структуры или регулярную армию противника с помощью внутренних сепаратистов, поддерживаемых оружием и финансами из-за рубежа или некоторыми внутренними структурами» [1].

Усложняет ситуацию и наличие крупных социальных структур, которые не поддаются переориентировке или контролю со стороны государства, в том числе находящиеся на территории экспансируемой с помощью «мягкой силы» страны.

Особую среду распространения методов культурной экспансии представляет современный мегаполис или же любой крупный город. Сама схема существования мегаполисов предполагает экспансионистские действия «мягкого» характера, и наименее заметное проникновение идей разрушительного характера в социум.

По мнению Кандаурова Б.И. «Рассматривать «информационные войны» невозможно без изучения понятия «мягкой силы». Появилось большое количество на-

учных трудов, в которых проводятся параллели между информационными», «гибридными войнами» и «мягкой силой». Суть концепции заключается в применении методов «мягкой силы» и мирного воздействия в тех случаях, когда жесткие, военные методы неприемлемы или объективно невозможны. «Мягкая сила» призвана привлечь противника на свою сторону мирными, бескровными методами. Ориентирована она чаще всего на ценности, мифы, символы, идеи и т.д.» [2, с. 25]. Но как свидетельствует современная практика зачастую такое воздействие ставит целью спровоцировать народные волнения или открытый бунт, а также переформатировать сознание граждан таким образом, чтобы сопротивление действующей власти стало паттерном поведения, даже если это не выражается в открытом протесте, а становится систематическим повреждением инфраструктуры или передачей данных врагу.

Данная технология возникла во время «холодной войны» и разрабатывалась несколько десятилетий, сначала как теоретическая, а позже, как практическая методика ведения экономических и политических конфликтов. Очень долгое время использовалась как инструмент для экспансии стран, где произошли коренные изменения политического устройства или большой системный кризис. Чуть позже технология распространилась и внутрь сообществ, которые применяли технологию, но уже для сглаживания внутренних противоречий и социальной напряженности.

Новые термины, касающиеся подобной проблематики связаны с феноменом идеологии. Все чаще научный дискурс обращается к понятию «идеология» и «идеи», а также «ценности», что продиктовано необходимостью создания безопасной информационной среды и противостоянию расширению экспансии чужеродных идеи. Современная политическая обстановка предполагает новое направление развития методов купирования и противостояния «гибридным технологиям», так возникает термин – «Идеологическая безопасность» – это часть политической безопасности. В то же время она играет критически важную роль в поддержании политической безопасности. Ядром национальной политической безопасности является безопасность режима и политической системы. Более того, поле идеологии всегда первым подвергается вызову со стороны внешних сил против безопасности режима и политической системы» [3, с. 176]. Идеологические проблемы все чаще соприкасаются и с темой культуры и развития культурных взаимосвязей и взаимодействий. Если в эпоху «тотальной свободы», любое взаимодействие воспринималось как потенциально полезное, то современная ситуация показывает необходимость закрепления более четких границ как самого «культурного», так и интерпретации «культуры отмены». Технология, которая очень поздно начала применяться в России как регулятор не просто идеологического, но ценностного фильтра. На пути развития данной стратегии все еще не существует четких параметров и критериев, что усложняет возможности ее применения. «Сложившаяся ситуация в сфере культурного взаимодействия России с рядом стран связана с «отменой русской культуры» за рубежом и, как следствие, снижением российского культурного влияния [4, с.58–59].

Хотя речь не идет о противопоставлении культур как таковых, методики эффективной культурной дипломатии должны становится все менее имитационными, все более продуктивными и качественными. Вопрос состоит и в качестве контента, который выходит за рамки Российской Федерации как культурная продукция. Для современного мира связь мегаполиса и культурной дипломатии становится вопросом репрезентативным, от того

насколько культура или цивилизация мегаполиса покажет себя с наиболее привлекательной стороны, зависит и множество аспектов восприятия страны в международном пространстве. Некогда «западному миру» удалось презентовать себя как «сияющий град на холме», ныне данная задача стоит перед всеми крупными акторами политики, хотя есть некоторое противоречие между идеей «града на холме» и многополярного мира. По словам исследователей Монахова О.Н., Павлова А.Л. «Необходимо сосредоточить основные усилия на формировании позитивного образа Российской Федерации во внешнеполитической сфере. Для этого следует актуализировать приоритетные направления Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года с учетом сложившейся внешнеполитической ситуации. В выстраивании траектории российской «культурной» дипломатии» [4, с.58–59].

Стратегия государственной культурной политики, является достаточно сложным явлением. Вопрос и проблема, которая возникает снова и снова в российском культурном и гражданском дискурсе это преодоление «проклятий прошлого», что также свидетельствует о наличии мучительных противоречиях мегаполизации всего пространства страны, слияния в единое тело. Так «Провал радикально-либеральных реформ привел к тому, что Президент России Б.Н. Ельцин поспешил поставил задачу ускоренного создания и насильственного «внедрения» новой объединительной национальной идеи, поскольку сущность проводимой на тот момент в России политики, по данным многочисленных компетентных исследователей, можно было обозначить позорной триадой: «безнравственность, волюнтаризм, космополитизм»» [5, с.24–25]. То есть идея создания имитации единения под знаком чужеродных ценностей положила начало абстрактному телу мегаполиса, которое было, однако, поражено и полностью строилось на экспансии культурного пространства. Где, однако, существовала мысль «борьбы с проклятым прошлым», так что можно отметить некое неприятие и цикличность этого самого неприятия. Современная ситуация усложняется еще и наполнением городов, и отсутствием «потребителей» новой культурной политики. Предыдущие поколения выросли в «пространстве экспансии», современные подрастающие находятся между двух миров, а потенциальные граждане – это еще и часть демографической проблемы.

Так, например «Численность населения, сложным образом зависит от трех групп факторов – культуры, институтов и экономики (технологий). Это обстоятельство выдвигает свои требования к стратегии демографического доминирования России в Евразии. Это и обеспечение институциональной стабильности, и восстановление традиционных семейных ценностей, и осуществление масштабной экономической модернизации. Без взаимоскоординированных мер в указанных направлениях невозможно осуществить требуемый цивилизационный скачок» [6, с. 33]. В таком случае возникает абсолютно новая модель существования взаимосвязанных феноменов, развивающихся в мегаполисе, где идеология, культура и демография составляют большой комплекс явлений, усложняющий инфраструктуру и вопросы регулирования самой сущности и элементов распространения информации и ее качества.

Тогда информация из простого явления или товара становится частью инфраструктуры и частью жизнеобеспечения общества в крупном объединении, чтоб бросает вызов технологическому уровню и возможности реализации не просто равенства среди граждан, но и политической жизни как таковой. Где невозможно с одной

стороны допустить принципа муравейника и тотальной коллективности, а с другой для процессов управления требуется все более сложный и стабильный механизм. В ситуации, когда существует культурная экспансия со стороны, данный механизм управления не ограничивается запретами или противодействием, но идеологически должен быть спланирован на осознание наибольшим числом граждан себя принадлежащими «телу мегалополиса».

До сих считалось, что, «...процесс мегалополизации, начавшийся на Западе, к настоящему времени достиг там своих «пределов», в отличие от развивающихся стран, где он только разворачивается. При этом мегалополизация развивающихся стран имеет свои структурно-содержательные особенности, существенно отличающиеся от развитых стран. Причины же различий – социально-экономическая и социокультурная неоднородность и неодинаковый стадийный уровень урбанизации. На западе города и урбанизированные поселения уже окончательно превратились в среду обитания большинства населения, тогда как в развивающихся странах города, и особенно мега-города, все еще остаются своеобразными, современными, продвинутыми в развитии анклавными, «центрами тяжести» в окружении деревень, до сих пор не затронутых модернизацией. Поэтому разрастание городов-гигантов и образование огромных урбанизированных пространств в развивающихся и высокоразвитых странах происходит по-разному – по двум принципиально различным направлениям.» [7, с. 198]. Современный опыт показывает, что все больше мегалополисов не однородны по своей внутренней наполняемости и менее похожи на анклавные, чем на союз локаций с очень разным социальным составом внутри самих себя или однородны по отсутствию противоречий. Напротив, чем больше мегалополис, тем более сегрегирована социальная и культурная среда внутри.

До недавнего времени элитарная часть современных городов вне западной цивилизации скорее имитировала западные ценности и образ жизни, в то время как по мере удаления от «элитарности», эта принадлежность к «европейской универсалии» становилась более дисперсной.

Важно отметить, что концепция «мягкой силы» имеет устойчивую репутацию порожденной атмосферой окончания холодной войны, двумя десятилетиями активной глобализации (1990–2000-е гг.), когда произошло, с одной стороны, некоторое ослабление роли суверенных государств в международных отношениях, а с другой стороны, усиление роли разнообразных негосударственных акторов» [8, с. 35].

Но на смену «цивилизованной экспансии» пришли такие понятия как «культурный иммунитет» и принцип «антропоцентризма», две парадигмы которые имеют отчасти симмулятивный оттенок [9, с. 38], но при этом отвечают запросу как феномена «новой этики», так и запросу на большую социальную ориентацию основных политических акторов.

Учитывая крах глобалистского проекта и некоторый откат в политических практиках к более архаичным формам взаимодействия цивилизаций, сам принцип «культурного поглощения», ставится под вопрос, так как не отвечает и веяниям времени и объективной реальности, разворачивающейся во времени. Кроме прочего возникает необходимость четкой программы воспитательных мер для молодежи подростков, так как, не имея критического мышления и жизненного опыта, именно молодежь наиболее сильно подвергается влиянию «мягких» воздействий, в том числе через популярную культуру.

Еще одну опасность составляют новейшие негосударственные акторы, которые управляют общественным дискурсом в зависимости от частных интересов «Причем новые информационно-коммуникационные технологии массового воздействия ныне доступны не только государствам, но и транснациональным корпорациям и негосударственным акторам» [10, с. 27].

Таким образом можно сделать выводы что технологии гибридных войн не остаются прежними, множество бывших в употреблении совсем недавно терминов устарело, процессы мегалополизации и культурной экспансии взаимосвязаны как методики, но также, как и сущностные процессы. Наличие собственной «мягкой силы», не гарантирует стране её успешность без выработки у населения «ментального иммунитета». Важным представляется работа с молодежью и новая воспитательная модель, культурная деятельность и влияние прежде всего, но собственное население. Современное состояние цивилизации можно обозначить как цивилизация мегалополисов, где принадлежность к той или иной культурной стратегии становится не просто выбором, но и отчасти признаком, по которому можно определить степень идеологизации, например, социальной группы, её потенциальную «живучесть». Происходящие изменения вопросы идеологии и её распространения в мегалополисах, в том числе культурной значимости политических решений возрастает. Общий уровень проблем, связанных с плотностью проживания и самой идеей супер-города, которая создавалась как некий инструмент экспансии в рамках холодной войны, становится все более высоким. Сама по себе идея и её реализация были из-под контроля только одной цивилизации, и стала скорее символом не просто метрополии, но и осознания себя многими сообществами не просто национальными государствами, но цивилизациями.

В таком случае не менее важной задачей становится создание нового идеологического дискурса, который отвечал бы новейшим реалиям, и не был воспринят негативно, так как за прошедшие десятилетия слово «идеология» приняло негативный оттенок. Все это становится вызовом на пути развития мегалополисов как ментальных систем, так как любой крупный город не просто совокупность инфраструктурных объектов, но и морально-идеологический комплекс. Задача формирования здоровой идеологии и психологических установок в России становится как никогда актуальной.

Литература

1. Бартош А.В. Вычисляем будущие конфликты. Исходные модели прогнозирования гибридной войны требуют детальной проработки // Военно-промышленный курьер. 2021. № 2.
2. Кандауров Б.И. Информационные войны в гибридном измерении / Б.И. Кандауров. – // The Newman in Foreign policy. – 2022. – № 65(109). – С. 24–26.
3. Килимник Е.В. Идеологическая безопасность России / Е.В. Килимник. – Текст: непосредственный // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2023. – № 6–2. – С. 175–178.
4. Монахов О.Н. Концепт культурного влияния в современной мировой политике / О.Н. Монахов, А.Л. Павлов. – Текст: непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2023. – № 44. – С. 50–61. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.50>
5. Осипова Н.Г. Идеологическое воздействие на социальное поведение: теоретико-методологические аспекты / Н.Г. Осипова. – Текст: непосредственный

ный // Вестник Московского университета. – 2023. – № 29(2). – С. 7–31. DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-7-31

6. Белецкий Е.В. Перспективы демографической экспансии России: экономика, институты, культура. / Е.В. Белецкий, Н.А. Екимова. – Текст: непосредственный // Terra Economicus. – 2023. – № 21(2). – С. 23–37. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-2-23-37
7. Майснер Т.Н. Урбанизация и экология городской среды: риски и перспективы устойчивого развития / Т.Н. Майснер. – Текст: непосредственный // Гуманитарий Юга России. – 2020. – № 3. – С. 190–201. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.3.14>
8. Шмидт С.Ф. Конфронтационная трактовка «мягкой силы»: трансформация американской концепции в России // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 39. С. 22–36.
9. Голобородько, А.Ю. Культурный иммунитет как основа формирования новой реальности в треугольнике «государство-общество-человек»: от отключения культуры до отмены ренессанса сущности антропоцентризма / А.Ю. Голобородько, С.С. Камышанская. – // Власть. – 2022. – № 3. – С. 58–64.
10. Ильницкий А.М. Ментальная война России // Военная Мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
11. Апрыщенко В.Ю. Возвращение идеологии? // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 2. С. 8–20. DOI 10.18522/2500–3224–2023–2–8–20 / Апрыщенко В. Ю. Return of Ideology, in Novoe Proshloe / The New Past. 2023. No. 2. p.p. 8–20. DOI 10.18522/2500–3224–2023–2–8–20.

MEGAPOLIZATION AND CULTURAL EXPANSION. ANALYSIS AND FORECASTS

Nikolenko A.A.

Vladivostok State University

The modern metropolis is a complex, often unstable system, which can potentially become a testing ground for testing various kinds of influences, as well as a potential space for ideological war and cultural expansion. Fake news and disinformation have been widespread for quite some time now. Among other things, modern content manipulates problems of a political and everyday nature, changing the socialization of children and adolescents, imposing patterns of apoliticality and social aggression. Also, cultural expansion involves the emasculation of the meaning of the agglomeration processes themselves, where the processes of disintegration and deprofessionalization become critical and irreversible. Affecting the broad masses, pseudo-ideas directly threaten the security and stability of the state, not just as a management system, but also as a life-supporting or

ganizing principle. What are the consequences of these processes and what are the reasons for such a paradoxical combination of circumstances. What is the threat to society and how developed methods of cultural expansion will affect information technology. All these questions are more relevant than ever. The purpose of this article is to create analytical prerequisites for further study of materials, to trace the evolution of disinformation methods and counteraction to them in the densifying environment of the metropolis.

Keywords: «civilization», local civilization, social process, power, features of the political process, civilizational approach.

References

1. Bartosh A.V. Calculating future conflicts. The initial models for predicting hybrid warfare require detailed study // Military-industrial courier. 2021. No. 2.
2. Kandaurov B.I. Formational changes in the hybrid dimension / B.I. Kandaurov – // A new man in foreign policy. – 2022. – № 65(109). – Pp. 24–26.
3. Kilimnik, E.V. Ideological security of Russia / E.V. Kilimnik. – Text: direct // Greater Eurasia: development, security, cooperation. – 2023. – No. 6–2. – pp. 175–178.
4. Monakhov O.N. The concept of cultural influence in modern world politics / O.N. Monakhov A.L. Pavlov. – Text: direct // Proceedings of Irkutsk State University. The Political Science series. Religious studies. – 2023. – No. 44. – pp. 50–61. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.50>
5. Osipova N.G. Ideological impact on social behavior: theoretical and methodological aspects / N.G. Osipova. – Text: direct // Bulletin of the Moscow University. – 2023. – № 29(2). – Pp. 7–31. DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-2-7-31
6. Bely E.V. Perspective demographic studies of Russia: encyclopedia, institutes, culture. / E.V. Bely N.A. Ekimova. – Text: independent // Terra Economicus. – 2023. – № 21(2). – Pp. 23–37. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-2-23-37
7. Meisner T.N. Urbanization and ecology of the urban environment: risks and prospects for sustainable development / T.N. Meisner. – Text: direct // Humanities of the South of Russia. – 2020. – No. 3. – pp. 190–201. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.3.14>
8. Schmidt S.F. The confrontational interpretation of “soft power”: the transformation of the American concept in Russia // Izvestiya Irkutsk State University. The Political Science series. Religious studies. 2022. Vol. 39. pp. 22–36.
9. Goloborodko A. Yu. Cultural immunity as the basis for the formation of a new reality in the triangle “state-society-man”: from the shutdown of culture to the abolition of the Renaissance of the essence of anthropocentrism / A. Yu. Goloborodko, S.S. Kamyshanskaya. – // Power. – 2022. – No. 3. – pp. 58–64.
10. Ilitsky A.M. The mental war of Russia // Military Thought. 2021. No. 8. pp. 19–33.
11. Aprienko V.H. The revival of ideology? // A new past. 2023. No. 2. pp. 8–20. DOI 10.18522/2500–3224–2023–2–8–20 / Aprishchenko V. Yu. The return of ideology in the New Past. 2023. No. 2. pp. 8–20. DOI 10.18522/2500–3224–2023–2–8–20.

Трансформация феномена терроризма в условиях глобализации: аспекты воздействия на политические процессы

Романов Юрий Александрович,

доцент, Государственный университет технологий и управления
E-mail: georgeorff@mail.ru

В статье осуществляется попытка проведения исследования и оценки вопроса терроризма в рамках актуальных глобальных процессов. Сейчас рассматриваемая проблематика становится одной из основных. Кроме того, в статье также указывается описание данной проблемы, базируясь на исторической, общественной, религиозной, расовой и национальной связях. Тут учитываются особенности развития и изменения такого феномена, изучаются различные аспекты деятельности людей, а также смена стандартной системы политического регламента. Требуется отметить, что у глобализации есть как положительная, так и отрицательная сторона. Позитивная сторона дает возможность разрешить множество остро стоящих сейчас вопросов. Негативная сторона приводит к усилению прочих проблем и создает немало новых, влияющих на жизнь общества в наше время.

Ключевые слова: терроризм, глобализация, различные угнетаемые группы, «новый мировой порядок», государственный суверенитет.

Глобализация касается практически всех аспектов деятельности людей. Она влияет на изменение стандартного системного политического регламента. Указанные условия отображают, что практически все происходящее в мире нельзя относить исключительно к локальному уровню. Это распространяется сразу на весь мир и затрагивает различные области жизни. Таким образом, происходит изменение организации и ориентации согласно оси «местного и всеобщего» [1, с. 27]. Таким образом, нюансы рассматриваемого процесса состоят в том, что происходит расширение стабильности и плотности в определяемых практическим способом глобальных и региональных сетях взаимосвязи и их масс-медийной самостоятельной идентификации. Тут же учитываются общественные пространства, потоки СМИ, которые затрагивают военное, хозяйственное, политическое культурное и финансовое пространства [1, с. 28].

Стоит отметить, что у глобализации есть несколько аспектов. Рассматривая положительные стороны, можно отметить возможность решения востребованных современных вопросов, что происходит благодаря существенному ускорению поток информации. Негативные стороны приводят к появлению дополнительных проблем и обострению некоторых новых. Именно с этой позиции и будет изучаться вопрос глобального терроризма.

Терроризм является достаточно сложным явлением, которое обладает разными вариантами проявления в разных странах. Все зависит от разных конфессиональных и культурных традиций, общественной культуры и прочих важных факторов. В результате данного разнообразия возникают сложности в определении понятия на общем уровне. Также стоит отметить многозначность термина. Он представлен в роли деятельности людей, концепции, вида преступления, методики для запугивания. В то же время, с нашей точки зрения, все же можно выделить несколько общих характеристик:

а) наличие этического оправдания применения насилия;

б) присутствие мифологизации в сознании людей, причастных к терроризму;

в) обращение к социуму, а также к его вопросам.

Новую суть рассматриваемого явления, которая появилась на рубеже 20–21 столетий, можно обозначить как «международную». Тот факт, что данное развитие феномена связано с глобализацией, отмечают как иностранные, так и отечественные исследователи. Также тут прослеживается связь с выстраиванием нового мирового порядка. Основной идеей здесь выступает то, что неподдерживающие нас люди выступают против. А. Неклесса отмечал ранее, что именно в данном направлении будет происходить политическое и общественное изменение глобального контекста, приводящего к выходу терроризма на международный уровень. Это касалось изменения полномочий власти с государственного нового общества. В рамках данной концепции северные страны объединяются между собой, они могут вступать в противостояние с южными государствами. Экономические и политические задачи соединяются для достижения стратегического сотрудничества и общего контроля изменения власти государства. Также сюда стоит отне-

сти уменьшение публичного значения политики имеющихся органов управления [2, с. 103–104].

С точки зрения У. Бека, под понятием глобального терроризма стоит понимать его транснациональную разновидность. Она не ограничивается только мусульманским течением. Тут могут присутствовать самые различные идеи, задачи, а также основы. С иной точки зрения, требуется разделить террор, который применяется в качестве инструмента национального освободительного движения, с новыми международными сетями. В первом случае все ограничивается определенными территориями и нациями. Во втором действия выходят за границы определенного государства, что приводит к утрате ценности военной политики стран [3, с. 13].

Глобализация способствует переменам в международной экономической и политической деятельности. Она влияет на состояние безопасности социума. Эту точку поддерживает Е. А. Сатановский. Он является президентом Института изучения Израиля и Ближнего Востока [4, с. 18].

Актуальное в нынешнее время проявление рассматриваемого феномена сопряжено с рядом трансформаций. Они связаны с происходящими в мире процессами. Глобализация привела к появлению общего пространства в экономике. Большая часть мировых стран вступает во взаимодействие с другими государствами в производственной сфере. В политике можно отметить формирование новых типов организации. В частности, это касается транснациональных, интернациональных, макрорегиональных, внутригосударственных, микрорегиональных, городских, локальных. Данная административная лестница непосредственно связана с рабочими сетями союзов, мировых организаций, а также организаций неправительственного типа [5, с. 123–124]. Исходя из этого, они обладают значительным потенциалом для транспортировки экономических и информационных ресурсов в разные страны. Соответственно, всем организациям неправительственного типа отводится определенная роль в формировании правового порядка мирового гражданства. Они представляют собой социальные институты, которые осознают собственную ответственность и солидарность на мировом уровне [6, с. 295].

Сформировавшееся в итоге глобальных процессов явление международных компаний приводит к тому, что внутренние государственные экономики постепенно разрушаются. Работа таких предприятий обеспечивает высокий уровень производства. В итоге государства с недостаточно развитым потенциалом устраняются из производственной сферы, обрастают долгами и утрачивают возможность развивать внутреннюю экономику. Все это связано с несравнимо более низким уровнем производства их предприятий. Ситуация становится более трудной из-за того, что она не приводит к уменьшению напряженности в общественных и политических противостояниях. Тут наблюдается обратная ситуация с их обострением. Также становятся более опасными и духовные нерешенные вопросы. Рост глобализации приводит к утрате уровня интеллектуализации социума. Ранее человечество не обладало столь высоким потенциалом для обогащения духовного мира. При этом общий уровень интеллекта никогда не был столь низким [7, с. 84].

Процессы глобализации в рамках мирового терроризма, а также разрушительные силы, которые стоят за ним, выступают в роли инициатора источников финансовой, общественной и политической дестабилизации. Они же становятся очагом вооруженных конфликтов, милитаризации социума, а также мирового пространства.

Основой нового порядка становится восприятие тех лиц, которые не оказывают поддержку, в качестве противников. Это можно понимать как схему однополярного мироустройства. Соответственно, все страны и нации должны понимать собственную роль, выполняя общую цель международных сил. Данная задача в рамках международного масштаба решается странами, которые поддерживают теорию «золотого миллиарда». В первую очередь это касается наиболее экономически развитых стран, тайных структур олигархов, которые становятся политической надстройкой в современных процессах. Глобальный терроризм применяется в качестве результативного метода в мировой политике. Поэтому его следует изучать в качестве политического и общественного явления.

Мировой терроризм является результатом, разрушающей нормой, методикой всеобщего развития общественной и политической сфер. Соответственно, он является универсальным, новым общественным и политическим явлением. Оно выступает угрозой для определенных наций, регионов, а также для всего мира. Тут присутствуют свои особенности.

С нашей точки зрения, А. О. Бельков прав. Он утверждает, что терроризм как общественный феномен является определенной идеологией, общественной и политической практикой для сил, которые нацелены на реализацию общественных и политических изменений с использованием нелегальных методик с элементами насильственных проявлений [8, с. 18].

Разные группы людей, которые находятся в рамках угнетения по общественным, расовым, национальным и религиозным причинам, стараются поменять собственное положение при помощи всех возможных методик и инструментов, включая элементы запугивания. Вне зависимости от мотивации террористов, они стараются сделать вызов для социума, чтобы заявить о собственном существовании.

Открывается вопрос моральной основы данной деятельности. Осуществляется самостоятельное возвышение человека или группы людей, а также разделение их на основе нравственного принципа. Не стоит из этого вопроса исключать и символизм. Террористы стараются показать свою точку зрения в качестве возможной и правильной.

Глобализация обернулась появлением новых субъектов в рамках международной арены. Сюда относятся транснациональные компании, организации неправительственного типа, волонтерские международные центры, религиозные организации. Все они оказывают определенное воздействие, в результате которого начинается отступление государства. Политика становится приватизированной, а государственная независимость, как и внутренняя политика, отходит на второй план [9, с. 63–64]. Государства с развитой экономикой проводят попытки унифицировать людей из стран, которые находятся на более низком уровне развития. Если при этом ущемлять независимость таких стран, то это приведет к появлению террористических групп. Примером такой реакции стало образование «Аль Каида», ИГИЛ и т.д. Данные группы ведут борьбу за собственную национальную и культурную идентичность. При этом они отвергают демократические ценности. Подтверждением данного развития событий становится ситуация в Афганистане, Ираке, североафриканских государствах в 2011–2012 гг.

Стоит отметить, что данные действия не являются оправданием терроризма. Можно рассуждать о том, что уменьшение его уровня (в первую очередь это касается мусульманского проявления, которое обладает достаточно большими экономическими, демографическими,

религиозными проявлениями потенциала) позволяет достаточно быстро и умело использовать слабости демократии, политкорректность и терпимость в своих целях. Процесс минимизации, исходя из описанных выше факторов, является длительным. Сложно предположить, когда именно он сможет завершиться.

Таким образом, современная трансформация термина «терроризм», его расхождение в рамках научного понимания, а также изменения в рамках политической и общественной составляющих приводят к появлению международного терроризма. Теперь это явление не является исключительно внутригосударственным, не затрагивает только противостояние определенным нациям и этносам. На данный момент под рассматриваемым понятием воспринимается доля системы негосударственных противостояний, у которых имеется тайная геополитическая цель. Таким способом свою политику могут реализовывать международные компании, олигархи и прочие действующие лица в глобальной системе мировых взаимоотношений. При этом терроризм является несимметричным ответом стран с низким уровнем развития экономики, к которым относятся исламские государства, на попытки привнести в них западные ценности, не обращая внимания на культуру, религию и национальные особенности. Образование описанной ранее реальности становится доказательством расширения глобализации. Монополия в данном случае приводит к тому, что в этом противостоянии есть проигравшие, которые используют в итоге террористические методики. Отсутствие ограничений во власти внутри государства, на мировом и прочих уровнях является не только аморальным, но и преступным явлением. Данное положение носит такой же криминальный характер, как и явление терроризма. Если существует монополия власти, то террористы предпринимают отчаянные попытки и действуют от безысходности. В рассматриваемом контексте вольный выбор является противопоставлением монополизированной власти. Это касается и противопоставления терроризму.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибка глобализма – ответы на глобализацию. – М., 2001.
2. Неклесса А. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений Мировая экономика и международные отношения – 2002 – № 9.
3. Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 5.
4. Сатановский Е. Глобализация терроризма и ее последствия Международная жизнь. – 2001. – № 9–10.
5. Бек У. Что такое глобализация? Ошибка глобализма – ответы на глобализацию. – М., 2001.
6. Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. – М., 2002.
7. Гобозов И.А. Кризис современной эпохи и философия постмодернизма // Философия и общество. 2000. № 2. С. 80–98.
8. Бельков О.А. Международный терроризм – слова и смыслы Власть. – 2002. – № 2.
9. Международный терроризм и право: Реф. сб. ИНИОН РАН. – М., 2002

TRANSFORMATION OF THE PHENOMENON OF TERRORISM IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: ASPECTS OF THE IMPACT ON POLITICAL PROCESSES

Romanov Yu.A.

Siberian State University Technology Management

In the presented article, an attempt is made to analyze and evaluate the problem of terrorism in conditions when the processes of globalization in the modern world bring this issue to the forefront for humanity. The article also provides a comparative description of this issue based on an attempt to link it with historical, economic, social, religious and national-racial criteria for the emergence, development and transformation of this phenomenon, affecting all aspects of human activity, transforming the traditional systemic-political order. It is also necessary to emphasize the fact that globalization as a phenomenon has two sides. One, positive, helps to solve many pressing problems of our time, and the other shows that globalization not only aggravates old ones, but also creates new problems in the life of the modern world.

Key words: terrorism, globalization, various oppressed groups, “new world order”, state sovereignty.

References

1. Beck U. What is globalization? The error of globalism – responses to globalization. – М., 2001.
2. Neklessa A. Controlled chaos: movement towards a non-standard system of world relations World Economy and International Relations – 2002 – No. 9.
3. Beck U. Political dynamics in a global risk society World economy and international relations. – 2002. – No. 5.
4. Satanovsky E. Globalization of terrorism and its consequences International life. – 2001. – No. 9–10.
5. Beck U. What is globalization? The error of globalism – responses to globalization. – М., 2001.
6. Nazarchuk A.V. Ethics of a globalizing society. – М., 2002.
7. Gobozov I.A. The crisis of the modern era and the philosophy of postmodernism // Philosophy and Society. 2000. No. 2. P. 80–98.
8. Belkov O.A. International terrorism – words and meanings Power. – 2002. – No. 2.
9. International terrorism and law: Ref. Sat. INION RAS. – М., 2002

Проявление когнитивных искажений в процессе принятия политических (государственных) решений

Сайфатова Альбина Рустамовна,
студент МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: SayfatovaAR@spa.msu.ru

В эпоху информационного изобилия и социальных медиа, когда люди ежедневно сталкиваются с огромным объемом информации и воздействиями различных интересов, понимание того, как человеческий разум обрабатывает и интерпретирует данные, становится ключевым для эффективного управления обществом. Политические деятели должны быть осведомлены о когнитивных искажениях, чтобы избежать принятия решений, основанных на предвзятости или эмоциональном влиянии, а также чтобы быть более устойчивыми к манипуляциям и воздействиям со стороны различных лобби. В силу этого, автором в данной статье были рассмотрены проявления таких когнитивных искажений, как «недооценка бездействия», «эвристика доступности», «эффект иллюзии правды», «эффект Барнума-Форера», «эффект якоря», «эффект фрейминга», «предвзятость подтверждения» и «эффект Земмельвейса» через призму процесса принятия политических (государственных) решений.

Ключевые слова: когнитивные искажения, недооценка бездействия, эвристика доступности, эффект иллюзии правды, эффект Барнума-Форера, эффект якоря, эффект фрейминга, предвзятость подтверждения, эффект Земмельвейса.

Для большинства людей характерно ощущение удовлетворения при мысли о том, что они принимают свои решения на основе рациональных и логических соображений. Однако этот путь мышления может быть обусловлен заблуждением, скрывающим настоящие когнитивные механизмы, лежащие в основе мыслительных процессов.

Профессор Дэниел Канеман, изучая человеческое мышление, внес существенный вклад в понимание его природы, стимулируя революцию в этой области и получив за свои достижения Нобелевскую премию [10]. Его исследования основаны на выявлении систематических ошибок в мышлении, часто остающихся незамеченными. Вместе с коллегой Амосом Тверски они выделили две системы мышления: «систему 1», ответственную за интуитивные и быстрые решения, и «систему 2», обеспечивающую глубокий анализ и требующую значительных усилий. В повседневной жизни люди часто полагаются на «систему 1», так как она более быстрая и автоматизированная, в то время как «система 2» требует больше усилий и времени [5]. Ошибки возникают, когда в важных ситуациях человек полагается на спонтанную и интуитивную систему принятия решений, однако весомые вопросы лучше рассматривать через медленную и более рациональную умственную часть.

Для разработки стратегий и технологий, направленных на снижение влияния когнитивных искажений на человеческую деятельность, необходимо оперировать исследованием их проявлений. Это позволяет прийти к пониманию того, как ошибки когнитивного характера влияют на решения и действия как в повседневной жизни, так и в профессиональной сфере.

Первое когнитивное искажение, предлагаемое автором в данной статье к рассмотрению, является «недооценка бездействия», которое описывает явление недостаточной оценки последствий отсутствия активных действий или отсрочки в принятии решений. Этот паттерн поведения объясняется несколькими нейрокогнитивными механизмами. Во-первых, индивидуум часто считает, что бездействие менее рискованно, чем активное действие. Во-вторых, при наличии времени для принятия решения существует тенденция откладывать его в силу иллюзии о том, что в будущем этот акт будет проще совершить. В-третьих, ряд решений могут быть неприятными или трудными, и их отсрочка может давать человеку ложное убеждение, что проблема разрешится сама собой [15]. Реальное проявление «недооценки бездействия» можно увидеть в событиях, предшествующих кризису в Руанде в 1994 году. В 2019 году президентом Франции Э. Макроном было поручено известному историку В. Дюклеру составить анализ указанных исторических событий, оперируя секретными архивами. Основным выводом, сделанный Дюклером, указывает на тяжелую и безусловную ответственность Франции за геноцид тутси. В документе подчеркивается, что Париж относился к руандийскому конфликту как к «этническому» и не проявлял активности в предотвращении готовившегося геноцида. Доклад подчеркивает, что французские власти долгое время оставались слепы в отношении расистского, коррумпированного и жестокого режима [11]. Таким

образом, недооценка серьезности ситуации и неспособность принять адекватные меры предосторожности привели к трагическим последствиям, которые могли быть предотвращены при более решительных действиях ЛПР.

Существует психологический феномен, известный как «эвристика доступности», который описывает склонность людей оценивать ситуации на основе легкости доступа к соответствующей информации [7]. Этот термин был введен в 1973 году для описания того, как люди оценивают вероятность событий, исходя из легкости вспоминания примеров, подтверждающих или опровергающих их предположения. Эксперименты, проведенные Д. Канеманом, П. Словиком и А. Тверски, подтвердили влияние этого феномена. Например, в одном из экспериментов участникам предлагались списки имен известных и менее известных личностей, и они должны были вспомнить, какие имена чаще встречаются. Несмотря на то, что менее известные имена были фактически более распространены, участники чаще вспоминали известных личностей, что подтверждает воздействие «эвристики доступности» на человеческое мышление [3]. Что касается реального примера данного когнитивного искажения, то уместно упомянуть, что в результате масштабного медийного освещения терактов 11 сентября 2001 года в США, информация о террористической угрозе стала более доступной в общественном сознании. Это вызвало усиление ощущения угрозы и повышенный уровень тревоги среди населения. В ответ на эту угрозу администрация президента Джорджа Буша приняла ряд мер, включая военные операции в Афганистане и Ираке [1]. Однако эти действия были, по крайней мере частично, мотивированы «эвристикой доступности», которая создала иллюзию угрозы извне, превышающей реальные масштабы.

«Эффект иллюзии правды», также известный как «эффект повторения», представляет собой когнитивное искажение, при котором склонность к вере в достоверность информации возрастает после ее многократного воспроизведения. Этот феномен обусловлен тем, что знакомая информация легче воспринимается и анализируется. Термин данного когнитивного искажения был введен в 1977 году в ходе исследования, проведенного в университетах Вилланова и Темпла. В рамках этого исследования участникам предъявлялись утверждения, которые они должны были оценить на истинность или ложность, а затем те же утверждения предъявлялись через некоторое время в другом порядке. С каждым последующим показом степень уверенности участников в истинности утверждений увеличивалась, что демонстрирует «эффект иллюзии правды» [8]. Пример проявления данного когнитивного искажения можно увидеть в контексте референдума о выходе Великобритании из Европейского союза (Брексит), который состоялся в 2016 году. В ходе предвыборной кампании сторонники выхода из ЕС активно использовали утверждения о том, что Великобритания теряет больше, чем получает, оставаясь в этом международном альянсе. Эти утверждения повторялись многократно в различных СМИ и на публичных мероприятиях. Несмотря на то, что многие из этих утверждений были опровергнуты экономическими исследованиями и аналитикой, они все же оказались весьма убедительными для значительной части избирателей [2]. В результате референдума более половины голосовавших высказались за выход из ЕС, что привело к историческому решению о Брексите. Этот пример иллюстрирует, как повторяемость и акцентирование определенных утверждений могут создать иллюзию их правдивости и влиять на принятие важных политических решений.

Еще одним когнитивным искажением, способствующим некритическому восприятию утверждений как правдивых, является «эффект Барнума-Форера». Этот феномен обусловлен тем, что люди обычно проявляют интерес к неизвестным факторам, которые не имеют явного объяснения. Американский шоумен Финеас Тейлор Барнум внимательно наблюдал за этим психологическим аспектом и использовал его в своих цирковых представлениях, умело манипулируя предрассудками и распространяя слухи, чтобы привлечь внимание зрителей [20]. Эта способность заинтересовать общественность чем-то неизвестным стала основой для формирования психологической теории, получившей название в его честь. Однако термин «эффект Барнума» также известен как «эффект Форера», так как американский психолог Б. Форер является инициатором концептуальной разработки данного когнитивного искажения. В 1948 году Форер провел эксперимент, в ходе которого студентам был предложен «тест на определение личности», состоящий из обобщенных утверждений, взятых из гороскопов газеты. Несмотря на общий характер этих утверждений, студенты охотно идентифицировали себя с ними, что свидетельствует об их склонности доверять вещам, не имеющим прямого отношения к реальности. Эффект Барнума-Форера также проявляется в других областях, таких как стриминговые сервисы и социальные сети, предлагающие персонализированные рекомендации. Пользователи этих платформ могут доверять автоматическим алгоритмам, считая, что рекомендации являются индивидуальными, хотя на самом деле они могли быть предложены тысячам других пользователей [18].

Одними из широко известных когнитивных «ошибок», влияющих на процесс мышления и отражающих эффект привязки, выступают «эффект якоря» и «эффект фрейминга». В первом случае на решение может быть оказано влияние через призму порядка представленной информации, тогда как во втором случае – формулировкой этой информации. Важно подчеркнуть, что «якорь» не обязательно привязан к конкретной задаче, что было впервые продемонстрировано в 1974 году Д. Канеманом и А. Тверски. В своем исследовании они представили рулетку, на которой было показано число 10 для одной группы участников и число 65 – для другой. После этого всем участникам предложили оценить долю африканских стран в составе ООН, предполагая, насколько оно меньше или больше чисел, выпавших на рулетке. Выбранные числа на рулетке значительно повлияли на оценки: среди тех, кто увидел число 10, средняя оценка составила 25%, в то время как у тех, кто увидел число 65, оценка составила почти вдвое больше – 45% [6].

Целесообразно осознавать, что описываемое явление привязки может воздействовать на принятие решений не только обычными индивидами, но и профессионалами. К примеру, научные исследования показывают, что опытные судьи подвержены этому когнитивному искажению так же, как и неспециализированные присяжные. В проведенном психологом Б. Энглихом из Университета Вюрцбурга эксперименте судьям в Германии предлагалось рассмотреть фиктивное дело о краже в магазине. Перед вынесением решения им предоставлялась возможность предположить, какое наказание прокурор запросит, используя игральные кости. Игральные кости были подготовлены так, что одной группе судей выпадали только высокие числа (3 или 6), а другой – только низкие (1 или 2). Судьи, у которых выпадали низкие числа, в среднем выносили более снисходительные приговоры (порядка 5 месяцев) по сравнению с теми, у кого выпадали высокие числа (порядка 8 месяцев). В то время как

средний фактический срок, назначаемый за подобные правонарушения, составлял 6 с половиной месяцев [14].

Показательным историческим примером данного когнитивного искажения является механизм протекания переговоров между советской и американской сторонами. Во время переговоров между США и СССР по вопросам разоружения в период Холодной войны, представители стран использовали «эффект якоря», предлагая определенные начальные условия и требования, чтобы влиять на ход переговоров и выгодно сформировать общественное мнение как внутри своих стран, так и за их пределами. Например, при подписании СНВ-1 (Договор о сокращении стратегических наступательных вооружениях) в 1991 году, обе стороны предложили определенные численные ограничения на ядерное вооружение, которые стали отправной точкой для дальнейших переговоров [9]. Эти начальные условия стали «якорями», определяющими общий курс переговоров и оказывающими влияние на формирование позиций сторон. Такое явление может приводить к тому, что участники переговоров придадут большее значение параметрам, упомянутым в начале, даже если они не являются наиболее релевантными для достижения общего результата.

Под воздействием «эффекта фрейминга» принятие решения индивидом зависит от способа формулировки задачи. Например, человек склонен выбирать дезинфицирующие салфетки, если представлена информация гласит, что они «устраняют 95% микробов», вместо варианта, в котором указано, что они «оставляют живыми лишь 5% микробов» несмотря на то, что действие продукта равнозначно. Чтобы наглядно продемонстрировать этот эффект, Д. Канеман и А. Тверски использовали аналогию с визуальным восприятием: так же, как две горы одинаковой высоты могут выглядеть по-разному из-за изменения угла обзора, так и выбор, который мы делаем, может изменяться в зависимости от того, как сформулирована проблема, даже если варианты одинаково привлекательны [13]. Точно так же «эффект фрейминга» действует в политической повестке. Например, представление результатов голосования на выборах может варьироваться в зависимости от того, как они будут сформулированы и преподнесены обществу. Если афишировать, что «подавляющее большинство избирателей проголосовало за», это может создать впечатление о широкой поддержке того или иного кандидата. Однако, если сообщить, что «кандидат был избран с небольшим отрывом в голосах», это может вызвать представление о спорной ситуации.

Важным является и то, что люди обычно подвергают информацию анализу с учетом собственных предпочтений и убеждений, склоняясь к выбору данных, соответствующих их точке зрения, и игнорируя противоположные данные. Этот процесс представляет собой когнитивное искажение, известное как «предвзятость подтверждения». Как отмечал Рэймонд Никерсон, профессор Университета Тафта и специалист по психологии познания, предвзятость подтверждения занимает значимое место среди проблем человеческого мышления [16]. Большая часть информации остается в подсознании и не подвергается систематическому анализу. При первом восприятии информации активизируется процесс осмысления и анализа, после чего она сохраняется в подсознании как основной резервуар памяти, позволяя человеку автоматически обрабатывать ее в будущем. Например, когда человек запоминает маршрут до работы, в дальнейшем он перемещается по нему однотипным образом. Аналогично, государственный деятель, уверенный в правильности определенной политики, склонен искать и использовать только ту информацию и иссле-

дования, которые подтверждают его убеждения, игнорируя или отвергая те, которые противоречат его точке зрения. Например, во время администрации президента Джорджа Буша-младшего (2001–2009 гг.) было много дискуссий о существовании оружия массового уничтожения в Ираке. Видение администрации, вероятно, было подвержено «предвзятости подтверждения», когда она интерпретировала различные разведывательные данные и сведения таким образом, чтобы подтвердить свою уже сформированную позицию о необходимости военных действий против Ирака. Даже несмотря на то, что инспекторы ООН не нашли убедительных доказательств существования такого оружия, а некоторые аналитики сомневались в его наличии, администрация Буша продолжала утверждать обратное. Это привело к началу войны в Ираке в 2003 году, хотя позднее оружие массового уничтожения не было найдено [4].

Существуют ситуации, когда индивиды удерживают свои убеждения, отвергая новые данные, которые противоречат их предварительным представлениям. Этот паттерн поведения характеризуется как «эффект Земельвейса», который выражается в уклонении от признания новой научно обоснованной информации. Характерной особенностью этого эффекта является агрессивное отрицание и даже осуждение автора новых идей. Иллюстративным примером может служить случай Джордано Бруно, который был осужден на смертную казнь путем сожжения за его гипотезу о бесконечности вселенной и возможном существовании множества миров с потенциальной жизнью [12]. Также и политические лидеры могут пренебрегать новыми подходами или рекомендациями, основанными на научных исследованиях, если они не соответствуют традиционным или устаревшим методам. Примером служит отношение к изменению климата в политике. До недавнего времени нефтяной гигант Exxon Mobil систематически снижал значение изменения климата в своих публичных заявлениях и оплачивал деятельность исследователей в части предоставления искаженных данных [17]. Эти действия привели к усилению сомнений в научном согласии относительно климатических угроз среди широкой публики, в частности, за счет освещения этой темы в СМИ. В результате вред, наносимый глобальным потеплением человечеству, часто представляется в медиа как спорный и недостаточно исследованный вопрос. Однако большинство аспектов данной теории подтверждаются почти единодушным согласием в научном сообществе. Около 97–98% научных исследований поддерживают идею антропогенного влияния на климатическое изменение, как описано в отчетах Межправительственной группы экспертов по изменению климата ООН (МГЭИК) [19].

Таким образом, когнитивные искажения представляют собой важнейшие факторы, оказывающие влияние на процесс принятия политических (государственных) решений. Несмотря на то, что в статье были рассмотрены несколько проявлений таких когнитивных деформаций, их количество переваливает за сотни. В силу этого, на сегодняшний день остается актуальным дальнейшее исследование того, как государственные деятели принимают решения под воздействием таких когнитивных искажений. Но очевидным остается одно – важно развивать критическое мышление для более эффективной минимизации влияния «ошибок» когнитивного типа на процесс принятия решений.

Литература

1. Бартенев В.И. Влияние событий 11 сентября 2001 г. На политику США в сфере содействия международ-

ному развитию // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3.

2. Беспалова Е.О. Brexit: спасение или ошибка? // Вестник НАСА. 2020. № 1 (16).
3. Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / пер. с англ. – Х.: «Гуманитарный Центр», 2005. – С. 203–204.
4. Дериглазова Л.В. Война в Ираке 2003 г. Как продолжение войны США против терроризма // Вестн. Том. гос. ун-та. 2004. № 281.
5. Игнатенко А.В., Дорофеева Е.А. Политические метафоры в контексте стереотипизации и когнитивных искажений // Политическая лингвистика. 2022. № 3 (93).
6. Канеман Д. Думай медленно. Решай быстро. – М.: АСТ, 2016. – С. 91–93.
7. Кашапова Э.Р., Рыжкова М.В. Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2015. № 2 (30).
8. Ловушка для внимания: Как вызвать и удержать интерес к идее, проекту или продукту / Бен Парр; пер. с англ. – М.: Альпина Паблшер, 2016. – С. 88–90.
9. Новиков А.А., Медведков С.А. Международные обязательства в сфере ограничения ядерных вооружений // Военная мысль. 2021. № 9.
10. Поляков В.Е., Самутина М.Д. Институциональный анализ механизмов принятия решений // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 4–2.
11. Почему организаторам геноцида в Руанде удалось скрыться. – Текст: электронный // Российская газета [сайт]. – URL: <https://rg.ru/2021/04/06/pochemu-organizatoram-genocida-v-ruande-udalos-skrytsia.html> (дата обращения: 10.03.2024).
12. Эффект Земмельвейса, или почему отторгаются новые идеи. – Текст: электронный // 4BRAIN [сайт]. – URL: <https://4brain.ru/blog/effekt-zimmelvejsa-ili-pochemu-ottargajutsja-novye-idei/#:~:text=Что%20такое%20эффект%20Земмельвейса%3F,какой%20либо%20проверки%20или%20эксперимента> (дата обращения: 11.03.2024).
13. Amos Tversky, Daniel Kahneman. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice. *Science* 211. 1981. pp. 453–458.
14. Englich B, Mussweiler T, Strack F. Playing dice with criminal sentences: the influence of irrelevant anchors on experts' judicial decision making. *Pers Soc Psychol Bull.* 2006 Feb; 32(2): 188–200.
15. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: an analysis of decision under risk. *Econometrica*. Vol. 47, No. 2. 1979, pp. 263–292.
16. Raymond S. Nickerson. Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises. *Tufts University. Review of General Psychology*. 1998. Vol. 2, 175–220.
17. Supran G., Oreskes N. Accessing ExxonMobil's climate change communications (1977–2014). *Environmental Research Letters*, Vol. 12, No. 8. 2017.
18. Barnum Effect: The reason Why We Believe Our Horoscopes. – Текст: электронный // Neurofied [сайт]. – URL: <https://neurofied.com/barnum-effect-the-reason-why-we-believe-our-horoscopes/> (дата обращения: 10.03.2024).
19. Climate Change 2021: The Physical Science Basis. – Текст: электронный // IPCC [сайт]. – URL: <https://www.ipcc.ch/report/sixth-assessment-report-working-group-i/> (дата обращения: 11.03.2024).
20. P.T. Barnum Isn't the Hero the 'Greatest Showman' Wants You to Think. – Текст: электронный // Smith-

sonian Magazine [сайт]. – URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/true-story-pt-barnum-greatest-humbug-them-all-180967634/> (дата обращения: 10.03.2024).

THE MANIFESTATION OF COGNITIVE DISTORTIONS IN THE PROCESS OF MAKING POLITICAL (STATE) DECISIONS

Sayfatova A.R.

Lomonosov Moscow State University

In the era of information abundance and social media, when people are faced with a huge amount of information and the impact of various interests on a daily basis, understanding how the human mind processes and interprets data is becoming key to effective management of society. Politicians should be aware of cognitive distortions in order to avoid making decisions based on bias or emotional influence, as well as to be more resistant to manipulation and influences from various lobbies. Because of this, the author in this article considered the manifestations of such cognitive distortions as «omission bias», «availability heuristic», «illusory truth effect», «Barnum-Forer effect», «anchoring effect», «framing effect», «confirmation bias» and «Simmelweis effect» through the prism of the process of making political (state) decisions.

Keywords: cognitive distortions, omission bias, availability heuristic, illusory truth effect, Barnum-Forer effect, anchoring effect, framing effect, confirmation bias, Semmelweis effect.

References

1. Bartenev V.I. The impact of the events of September 11, 2001 on US policy in the field of assistance to international development // *Bulletin of Moscow University. Episode 25. International relations and world politics*. 2011. No. 3.
2. Bespalova E.O. Brexit: salvation or mistake? // *NASA Bulletin*. 2020. No. 1 (16).
3. D. Kahneman, P. Slovik, A. Tversky. Decision making in uncertainty: Rules and prejudices / trans. from English – Х.: “Humanitarian Center”, 2005. – P. 203–204.
4. Deriglazova L.V. War in Iraq 2003. As a continuation of the US war against terrorism // *Vestn. Volume. state un-ta*. 2004. No. 281.
5. Ignatenko A.V., Dorofeeva E.A. Political metaphors in the context of stereotyping and cognitive distortions // *Political linguistics*. 2022. No. 3 (93).
6. Kahneman D. Think slowly. Decide quickly. – М.: АСТ, 2016. – P. 91–93.
7. Khashapova E.R., Ryzhkova M.V. Cognitive distortions and their influence on individual behavior // *Vestn. Volume. state un-ta. Economy*. 2015. No. 2 (30).
8. The Attention Trap: How to generate and maintain interest in an idea, project or product / Ben Parr; lane from English – М.: Alpina Publisher, 2016. – P. 88–90.
9. Novikov A.A., Medvedkov S.A. International obligations in the sphere of limiting nuclear weapons // *Military Thought*. 2021. No. 9.
10. Polyakov V.E., Samutina M.D. Institutional analysis of decision-making mechanisms // *Economics and business: theory and practice*. 2022. No. 4–2.
11. Why the organizers of the genocide in Rwanda managed to escape. – Text: electronic // *Rossiyskaya Gazeta* [website]. – URL: <https://rg.ru/2021/04/06/pochemu-organizatoram-genocida-v-ruande-udalos-skrytsia.html> (access date: 03/10/2024).
12. The Semmelweis effect, or why new ideas are rejected. – Text: electronic // 4BRAIN [site]. – URL: <https://4brain.ru/blog/effekt-zimmelvejsa-ili-pochemu-ottargajutsja-novye-idei/#:~:text=What%20is%20the%20Semmelweis%3F%20effect,what%20is%20check%20or%20experiment> (date of access: 03/11/2024).
13. Amos Tversky, Daniel Kahneman. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice. *Science* 211. 1981. pp. 453–458.
14. Englich B, Mussweiler T, Strack F. Playing dice with criminal sentences: the influence of irrelevant anchors on experts' judicial decision making. *Pers Soc Psychol Bull.* Feb 2006; 32(2): 188–200.

15. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: an analysis of decision under risk. *Econometrica*. Vol. 47, No. 2. 1979, pp. 263–292.
16. Raymond S. Nickerson. Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises. Tufts University. *Review of General Psychology*. 1998. Vol. 2, 175–220.
17. Supran G., Oreskes N. Accessing ExxonMobil's climate change communications (1977–2014). *Environmental Research Letters*, Vol. 12, No. 8. 2017.
18. Barnum Effect: The reason Why We Believe Our Horoscopes. – Text: electronic // Neurofied [site]. – URL: <https://neurofied.com/barnum-effect-the-reason-why-we-believe-our-horoscopes/> (access date: 03/10/2024).
19. Climate Change 2021: The Physical Science Basis. – Text: electronic // IPCC [website]. – URL: <https://www.ipcc.ch/report/sixth-assessment-report-working-group-i/> (access date: 03/11/2024).
20. P.T. Barnum Isn't the Hero the 'Greatest Showman' Wants You to Think. – Text: electronic // Smithsonian Magazine [website]. – URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/true-story-pt-barnum-greatest-humbug-them-all-180967634/> (access date: 03/10/2024).

Информационно-коммуникационные технологии как источник формирования новых мегатрендов

Ермаков Кирилл Александрович,

советник по юридическим вопросам, Общество с ограниченной ответственностью «АПЕК-консалтинг»
E-mail: profadvmos@mail.ru

В статье рассматривается трансформация международных отношений, произошедшая под воздействием стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), использующих глобальную сеть интернет. С использованием системного метода проводится анализ характера и причин происходящих изменений. Делаются выводы о повышении роли интернета в трансляции компонентов «мягкой силы», цивилизационном противоборстве, создании дезинформационной виртуальной реальности, использовании интернет пространства в военных целях. Отмечается рост вредоносного трафика, генерируемого средствами искусственного интеллекта (ИИ). Рассматривается правовое положение интернет пространства как предметной области, информационно-коммуникационные технологии как источник формирования новых мегатрендов, влияние мегатрендов на трансформацию системы международных отношений. Делается вывод о наличии устойчивого субтренда на использование интернет пространства в военных целях и формировании нового мегатренда глобального политико цивилизационного противоборства в информационном пространстве.

Ключевые слова: международные отношения, США, информационно – коммуникационные технологии, глобальная сеть интернет, «мягкая сила», социальные сети, искусственный интеллект, мегатренды, глобальное политико цивилизационное противоборство в информационном пространстве.

Уход СССР в историческое небытие дал возможность США как единственному оставшемуся глобальному актору, отказаться от существовавшей Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и перейти к обустройству однополярного мира. Концепция однополярного Pax Americana как неизбежности теоретически была обоснована в трудах Р. Кеохейна, Д. Хелда, Ф. Фукуямы. Так, в 1992 г. в книге «Конец истории и последний человек», высказано мнение об окончательном торжестве концепции либеральных ценностей, своего рода «конце истории», окончании периода глобальных противоречий, войн и революционных потрясений [4] Высказанное в этой книге утверждение о необходимости распространения в мире западных либеральных ценностей напрямую соответствовало внешнеполитическому курсу, взятому Соединенными Штатами и направленного на формирование однополярной системы мироустройства. Методология трансляции либеральных ценностей была ранее разработана Дж. Наем, получила название «мягкой силы» и предполагала подчинение других стран и трансляцию политической и культурной парадигм американского образа жизни на их территорию без прямого использования военной силы. В 1994 году занимая пост заместителя министра обороны США по международной безопасности Дж. Най принимал непосредственное участие в разработке «Стратегии национальной безопасности и расширения», в которой его идеи были непосредственно использованы для подготовки оперативно-стратегических планов [11]. Указанную стратегию можно считать основополагающим документом, формирующим концепцию всеобъемлющего превосходства англосаксов. Постепенно переходя к повсеместному использованию «мягкой силы», США диверсифицировали способы воздействия на страны реципиенты. Способы воздействия перестали ограничиваться только финансовыми инструментами, направлением гуманитарной помощи, организацией деятельности различных неправительственных организаций, формированием касты преданных адептов из числа лиц, облеченных властными полномочиями различного рода, использованием возможностей «фабрики грёз», а значительно расширились за счет повсеместного использования ИКТ (информационно-компьютерных технологий). Одна из ведущих ролей в поистине взрывном характере их распространения принадлежит интернету и связанным с ним технологиям. За 50 лет интернет прошел путь от эксперимента: способа проводного обмена информацией между 2 компьютерами до информационного спрута, фактически опутавшего весь мир. Анализируя прошедшие события можно заметить, что начало взрывного развития интернет технологий по времени совпадает с окончательным формированием однополярного мира. С ростом числа пользователей «всемирной паутины», увеличились возможности трансляции компонентов

«мягкой силы». Рассмотрим фактическое положение вещей на настоящий момент. В интернете пользователи трудоспособного возраста проводят в среднем более шести с половиной часов, причём 57,8% из них обращаются за поиском информации [15]. По данным отчёта Global Digital за последние 10 лет число интернет-пользователей выросло более чем в 2 раза, и к 2023 году с учетом годового прироста в 1,9% составило 5,16 миллиарда человек, что составляет 64,4% населения Земли [6]. Стоит отметить, что процент проникновения интернета даже в крупных экономиках неоднороден, варьируясь от 99% в Ирландии до 32,7% в Кении. Ведущий идеолог цифрового общества и коммуникативных преобразований цифрового будущего М. Кастельс в 2003 году в предисловии к русскому изданию своей книги «Галактика интернет...» иронизировал о «бытующих в СМИ разнообразных слухах и мифах о возможном негативном воздействии интернета» [2, с. 2]. События последующих лет показали абсолютную неуместность такого легковесного отношения к глобальной сети. За прошедшие 20 лет ситуация изменилась следующим образом. Интернет из «белой и пушистой», самоуправляемой площадки, используемой для всемирной интеграции, коммуникации и свободного обмена мнениями, превратился в информационного монстра, способного кардинально воздействовать на международные отношения. В виртуальном пространстве с использованием ИКТ активно идут процессы межцивилизационного противостояния, не прекращаются действия США и их спутников по продвижению своей либеральной цивилизационной парадигмы. Создается новое информационное пространство-пространство фейков, направленное на противодействие формированию полицентрической системы мироустройства. Целями формирования такой дезинформационной виртуальной реальности являются: достижение США и союзниками политического и экономического доминирования в ключевых точках, обеспечение привлекательности англосаксонской модели мироустройства, изменение цивилизационных и морально-нравственных установок населения стран оппонентов, смену неугодных политических режимов. Для их достижения в глобальной сети используется описанный коллективом авторов арсенал невоенных методов силового воздействия на страну реципиента, включающий в себя совокупность следующих инструментов: дезинформационно-агитационные, санкционно-финансовые, политико-организационные, культурно-гуманитарные и т. д. [3, с. 386]. Широко используется такой сетевой инструментарий как различного рода боты, позволяющие с использованием технологий искусственного интеллекта проводить действия согласно установленным сценариям. Согласно опубликованному 10 мая 2023 года отчету компании Imperva, в 2022 году 47,4% всего трафика, сгенерированного в сети, было создано с использованием технологий ИИ. При этом в 2022 году примерно 30,1% совокупного трафика принадлежало различного рода инструментам, которые можно использовать для производства в сети вредоносных действий, таких как распространение вирусного ПО, DDoS – атаки, спам рассылки и прочее [10]. Кроме того, нельзя не упомянуть о наличии целого слоя глубинного интернета, так называемого DarkNet, преимущественно используемого для проведения незаконных операций и ведения противозаконной деятельности. Глобальная сеть активно используется пользователями для поиска информационно-новостного контента. Исследования, проведенные GlobalWebIndex, показывают, что так поступают 57,8% от числа лиц, заходящих в интернет, то есть практически 6 из 10 человек [15]. Соответственно, легко представить,

какие выводы делает потребитель дезинформационного событийно-новостного контента. Происходит активное навязывание единственного «правильного» мнения, не допускаются какие-либо отклонения от единой линии. Высокая степень концентрации собственности в области СМИ и новостных агрегаторов ведёт к появлению фактической цензуры, высказыванию консолидированной, выгодной англосаксам точки зрения, обеспечения функционирования целой индустрии «фейк-ньюс» и манипулирования общественным мнением. Хорошо известны технологии адресной фильтрации трафика в зависимости от страны и региона откуда поступает запрос. 49,7% пользователей, использующие интернет с целью поиска развлекательного контента (кино, сериалы, ролики, видеоблоги и т. д.), также являются мишенью для воздействия одного из инструментов «мягкой силы». Рассматривая влияние интернета на международные отношения нельзя пройти мимо феномена социальных сетей. 2004 год можно считать отправной точкой начала их формирования в том виде, который они приобрели в настоящее время. По данным британской компании GlobalWebIndex за последние 10 лет пользователи социальных сетей стали проводить в них в 1,56 раза больше времени, доведя среднесуточное время пребывания до 2 часов 31 минуты [16]. При этом рост числа пользователей социальных сетей составил за прошедший год 3%, а совокупная аудитория 4,76 миллиарда, что составляет около 60% всего населения. Такое положение вещей делает социальные сети отличным инструментом для организации «цветных революций» по методике, разработанной Дж. Шарпом [8]. Особенно наглядно это видно при изучении технологий организации протеста в период украинского евромайдана в 2014 году, протестов и дестабилизации ситуации в Москве в 2019, попытки отстранения А. Лукашенко от власти и смены политического режима в Беларуси летом 2020 года, январских событий 2022 года в Казахстане. Несмотря на всё возрастающее влияние интернета на характер, содержание и структуру международных отношений, интернет как предметная область не имеет не только общепризнанного правового регулирования, но и отсутствует равноправный международный процесс управления интернетом. С 2017 года предпринимались попытки сделать международным органом, управляющим интернетом, МСЭ (Международный Союз Электросвязи), являющийся специализированным учреждением ООН. Однако, США активно противодействуют этому процессу. Например, при помощи Декларации о будущем интернета, подписанной 28 апреля 2022 года [17]. Им очень выгодна имеющаяся правовая и организационная неопределенность. Из 13 корневых серверов, критически важных для функционирования глобальной сети, 10 находятся на территории Соединённых Штатов. Причем, 3 (три) из них в государственных учреждениях: Министерство обороны США, Американская армия (Сухопутные войска), Национальное управление по авионавигации и исследованию космического пространства (НАСА). Организация, занимающаяся регулированием процесса назначения доменных имен (ICANN), была создана в 1998 году при непосредственном участии Министерства торговли США, имеет штаб-квартиру в Лос-Анжелесе и в своей деятельности подчиняется американским законам. Соединенные штаты активно продвигают своих ставленников в руководство специализированных учреждений ООН. Так, во время прошедшей в Бухаресте осенью 2022 года 22-й Полномочной конференции МСЭ, Генеральным секретарём на следующий 4-х летний срок была избрана и с 1 января вступила в должность гражданка США Дорин Богдан-Мартин, а заместителем стал уро-

женец Литвы Томас Ламанаускас. При этом до прихода в МСЭ новый Генеральный секретарь МСЭ работала в Министерстве торговли США, которое как раз отвечает на территории Соединенных Штатов за вопросы функционирования интернета. В итоговой резолюции Бухарестской конференции получили отражение вопросы корректного применения технологий искусственного интеллекта, обеспечения устойчивого развития и доверия в космосе, необходимости расширения прав и возможностей женщин и девочек в ходе цифровой трансформации, климатической повестки, защиты от глобальных эпидемий и другие, по всей видимости первоочередные для рассмотрения данной организацией вопросы глобальной повестки [9]. Следует отметить, что Генеральная ассамблея ООН еще 26 июня 2018 года приняла резолюцию 72/284, в тексте которой отражена необходимость повышения роли Организации Объединенных Наций и специализированных учреждений, в рамках их мандатов, в осуществлении Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций, содержащейся в ее резолюции 60/288 от 8 сентября 2006 года [18]. Вызывает удивление, что МСЭ – специализированное учреждение ООН, одним из направлений деятельности которого являются вопросы международной государственной политики в области интернета, напроочь игнорирует проблемы использования глобальной сети в целях организации кибервойн, пропаганды и ведения международной террористической деятельности. Еще в 80-х годах прошлого века Д. Нэйсбит ввел понятие мегатрендов, как «основных направлений движения, которые меняют облик и суть современного общества» [13]. Российские исследователи определяют мегатренды как «крупномасштабные, долгосрочные процессы мирового развития, определяющие качественное содержание текущего этапа эволюции миросистемы» [7]. И отмечая в качестве одного из них глобализацию, заявляют о наличии мегатренда «становления информационного общества», который стал результатом революционных изменений в области ИКТ, сопровождающихся виртуализацией и дематериализацией [1]. Оба указанных мегатренда являются факторами, оказывающими существенное влияние на системы политического управления и международных отношений, в свою очередь определяя субтренды способов гибридного противостояния. Военный теоретик Карл фон Клаузевиц в своем крылатом выражении определил войну как продолжение политики с применением иных средств. По итогам состоявшегося в июне 2022 года Мадридского саммита стран членов НАТО, было принято решение создания и применении виртуального потенциала быстрого реагирования на злонамеренную кибердеятельность [19]. В конце мая 2023 года Министерство обороны США сообщило о разработке новой секретной киберстратегии (classified 2023 DoD Cyber Strategy), основанной на предыдущем опыте операций в киберпространстве, позволяющей в условиях крупномасштабных конфликтов оказывать на противников адекватное воздействие с учетом сложившейся геополитической обстановки [20]. Пентагон и НАТО выражают готовность использования глобальной сети интернет для ведения полномасштабной кибервойны, как одного из способов ведения гибридных войн. Еще в мае 2020 года Пентагон и компания Space X Илона Маска подписали соглашение о тестировании сети интернета Starlink в военных целях [12]. В настоящее время изначально задуманный как гражданская система, призванная обеспечить связь в труднодоступных местах, Starlink активно используется ВФУ (Вооруженными формированиями Украины). По сделанным в декабре 2023 года заявлениям представителей властей Украины на Украине

используются более 47 тыс. терминалов указанной сети, которые используются как на линии боевого соприкосновения, так и для управления беспилотниками [14]. С началом СВО на Украине страны НАТО перешли к формированию информационной виртуальной реальности. Одной из новых форм психологического воздействия стали масштабные провокационные акции, описывающие зверства российской армии. Указанные действия направлены как на продвижение «культуры отмены», так и на дальнейшее формирование образа врага. Западные аналитики отметили эффективность организованной медиа компании, продвижения необходимого новостного контента в социальных сетях, формирования сообществ и каналов в мессенджерах в «качестве весьма эффективного инструмента влияния на мировое и внутривнутриполитическое общественное мнение в пользу Украины, пропагандистской демонстрации внутривнутриполитической консолидации» [5].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о наличии устойчивого субтренда на использование интернет пространства в военных целях, который будет только укрепляться с ростом числа пользователей сети и наличии нового мегатренда глобального политико цивилизационного противоборства в информационном пространстве.

Литература

1. Егоров В., Штоль В. Глобальные мегатренды: актуальное прочтение. -URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2787>
2. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об интернете, бизнесе и обществе/Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
3. Роман В. И., Кузин В.А., Кащеев А.М. Влияние международных отношений на обороноспособность государства Тенденции развития системы международных отношений и их влияние на управление национальной обороной Российской Федерации Сборник материалов круглого стола 19 августа 2022 г. М. УМЦ.
4. Фукуяма Фр. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; [пер. с англ. М.Б. Левина,]. А С Т 2015; Москва; 259 с.
5. Хетагуров А. Новый инструментарий США и НАТО для информационного и киберпротивоборства с Россией в Восточной Европе. -URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyuy-instrumentariy-ssha-i-nato-dlya-informatsionnogo-i-kiberprotivoborstva-s-rossiey-v-vostochnoy/>
6. Чуранов Е. Статистика интернета и соцсетей на 2023 год – цифры и тренды в мире и в России. -URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>
7. Шаклеина Т., Байков А. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке: Изд. второе, испр. и доп. М.: АСПЕКТ ПРЕСС, 2014. 448 с.
8. Шарп Дж. От диктатуры к демократии Ультра. Культура, 224 с.
9. Сборник основных текстов Международного союза электросвязи, принятых полномочной конференцией Год выпуска: 2022 -URL: <http://handle.itu.int/11.1002/pub/81d9ee99-en>
10. Статья: Интернет-трафик (мировой_рынок) -URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>
11. Стратегия национальной безопасности США/ССША: экономика, политика, идеология. – 1994.-№ 11

12. Brodtkin J. -URL: <https://arstechnica.com/information-technology/2020/05/spacex-and-us-army-sign-deal-to-test-starlink-broadband-for-military-use/>
13. Naisbitt J. MEGATRENDS 1982, 1984
14. Varenysia I. -URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/20589497>
15. Режим доступа -URL: <https://www.gwi.com/core>
16. Режим доступа -URL: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html>
17. Режим доступа -URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/declaration-future-internet>
18. Режим доступа -URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/198/83/PDF/N1819883.pdf?OpenElement>
19. Режим доступа -URL: www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm?selectedLocale=en
20. Режим доступа -URL: www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3408707/dod-transmits-2023-cyber-strategy/

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A SOURCE OF FORMATION OF NEW MEGATRENDS

Ermakov K.A.

Limited liability company "APEK-consulting"

The article examines the transformation of international relations that occurred under the influence of rapidly developing information and communication technologies (ICT) using the global Internet. Using the system method, the analysis of the nature and causes of the changes is carried out. Conclusions are drawn about the increasing role of the Internet in the transmission of components of "soft power", civilizational confrontation, the creation of disinformation virtual reality, the use of Internet space for military purposes. The growth of malicious traffic generated by artificial intelligence (AI) is noted. The legal position of the Internet space as a subject area, information and communication technologies as a source of formation of new megatrends, the influence of megatrends on the transformation of the system of international relations. It is concluded that there is a stable sub-trend towards the use of the Internet space for military purposes and the formation of a new megatrend of global political and civilizational confrontation in the information space.

Keywords: international relations, USA, information and communication technologies, global Internet, "soft power", social networks, artificial intelligence, megatrends, global political and civilizational confrontation in the information space.

References

1. Egorov V., Stoll V. Global megatrends: an actual reading. -URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2787>
2. Castels M. Galactica Internet: Reflections on the Internet, business and society/Yekaterinburg: U- Factoriya, 2004.
3. Roman V. I., Kuzin V. A., Kashcheev A. M. The influence of international relations on the defense capability of the state Trends in the development of the system of international relations and their impact on the management of the national defense of the Russian Federation Collection of materials of the round table August 19, 2022 M. UMTS.
4. Fukuyama Fr. The End of History and the Last Man / Francis Fukuyama; [trans. from the English by M. B. Levin,]. A S T 2015; Moscow; 259 p.
5. Khetagurov A. New tools of the USA and NATO for information and cyber confrontation with Russia in Eastern Europe. -URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyj-instrumentarij-ssha-i-nato-dlya-informatsionnogo-i-kiberprotivoborstva-s-rossiej-v-vostochnoy-/>
6. Churanov E. Internet and social media statistics for 2023 -URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>
7. Shakleina T., Baykov A. Megatrends. The main trajectories of the evolution of the world order in the XXI century: Second edition, ispr. and additional M.: ASPECT PRESS, 2014. 448 p.
8. Sharp J. From dictatorship to Ultra Democracy. Culture, 224 p.
9. Collection of the main texts of the International Telecommunication Union adopted by the Plenipotentiary Conference Year of issue: 2022 -URL: <http://handle.itu.int/11.1002/pub/81d9ee99-en>
10. The article: Internet traffic (world market) – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>
11. The US National Security Strategy//USA: economics, politics, ideology. – 1994.-№ 11
12. Brodtkin J. -URL: <https://arstechnica.com/information-technology/2020/05/spacex-and-us-army-sign-deal-to-test-starlink-broadband-for-military-use/>
13. Naisbitt J. MEGATRENDS 1982, 1984
14. Varenysia I. -URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/20589497>
15. Access mode -URL: <https://www.gwi.com/core>
16. Access mode -URL: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html>
17. Access mode -URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/declaration-future-internet>
18. Access mode -URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/198/83/pdf/N1819883.pdf?OpenElement>
19. Access mode -URL: www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm?selectedLocale=en
20. Access mode -URL: www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3408707/dod-transmits-2023-cyber-strategy/

Николенко Анастасия Алексеевна,

кандидат политических наук, доцент, Владивостокский
государственный университет
E-mail: Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru

Российская локальная цивилизация все больше закрепляется как геополитический феномен, однако не лишенный противоречий как внутри самого себя, так и имеющий геополитические противоречия. Современная стратегия внешней политики напрямую связана с геополитическим балансом и развитием событий вне контекста государства. Как таковая традиция политического поведения не имеет предписанного сценария развития, современные процессы предполагают изменение и разрушение старых правил «большой игры», а геополитические сдвиги неизбежны. В связи с этим остро стоит вопрос безопасности и тенденций развития цивилизационной системы в рамках геополитического контекста. Именно сейчас важно определить особые свойства общества-цивилизации и разграничить идеалистические концепции и возможные реальные шаги по продвижению геополитических и геостратегических интересов. Кроме прочего закономерности перераспределения сфер влияния на современном этапе уже сейчас позволяют говорить о некотором наличии «незападных» обществ с явными преимуществами, которые потенциально являются не только союзниками и соперниками. В таком случае геополитическая стратегия должна строиться вокруг перспективы конкуренции с ближайшими союзниками в том числе. Данная статья призвана оценить возможные варианты развития событий и направления политической деятельности требующие внимания исследователей различных направлений.

Ключевые слова: «цивилизация», локальная цивилизация, общественный процесс, власть, особенности политического процесса, цивилизационный подход.

Цивилизация как геополитическая единица всегда устремлена к укреплению независимости в различных направлениях, невзирая на тенденции глобализации многие современные общества «незападного» мира, стремятся укрепить геополитическое положение. В этом процессе важную роль играет политическая воля и идеология, национальная безопасность и приоритеты, экономика, информационная безопасность и отношения с потенциальными конкурентами, а также союзниками, которые имеют некий уровень дестабилизации внутри себя.

По мнению экспертов одной из серьезных угроз по-прежнему остается санкционная политика «Санкции оказали серьезное воздействие на российскую экономику. Они привели к снижению экспорта и инвестиций, значительной девальвации рубля и ужесточению условий кредитования. Таким образом, хотя экономические санкции против России привели к издержкам, они также обеспечили западным странам инструмент для воздействия на российскую экономику и политику» [1, с. 40]. Здесь уместно говорить о многоэтапной геостратегической военной кампании западных стран против Российской Федерации, и такая стратегия была разработана достаточно давно. Изменяя баланс на постсоветском пространстве, западным геополитикам удалось запустить сценарий «искусственной истории» в СНГ. Каждый этап был сложным и продуманным, санкции лишь часть запланированного как удар по экономике.

Еще одна зона геополитического противостояния – это северные территории и Северный морской путь. Последние события привели к необходимости форсировать развитие и на данном направлении, так «Внимание безопасности северных рубежей государства, развитие Северного морского пути (СМП) и повышение жизненного уровня населения АЗРФ. 11 декабря на предприятии «Севмаш» в Северодвинске российский президент дал команду на поднятие флага на атомной подводной лодке «Красноярск» и атомном подводном крейсере «Император Александр III» (В.В. Путин разрешил поднять... 2023) и провёл серьёзный разговор на тему укрепления боевой мощи отечественного ВМФ.

В этот же день вечером в Центре управления регионом в Мурманске президент провёл совещание по развитию закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) и населённых пунктов в Арктической зоне России (Совещание по развитию ... 2023)» [2, с. 94].

Тем не менее развитие системы безопасности на постсоветском пространстве остается проблемным и в других регионах и рубежах. «С началом 1990-х годов, распад Советского Союза и формирование независимых государств столкнули их с новыми вызовами безопасности. В ответ на эти вызовы ОДКБ стал ключевой структурой для координации усилий в области безопасности среди стран-членов. Сегодня ОДКБ продолжает совершенствовать свои механизмы сотрудничества и участвовать в различных инициативах для обеспечения безопасности своих членов. Она остается важным элементом общей системы безопасности на постсоветском пространстве, призванной справляться с вызовами и угрозами в современном мире» [3, с. 200]. Но как показывает политическая практика не всегда подобные стратегии могут быть продуманными до конца. В феврале текущего года Армения приостановила действие договора ОД-

КБи планирует постепенный выход, данный прецедент показывает с одной стороны необходимость развития договорного процесса в рамках систем обеспечения национальной безопасности, с другой необходимость расстановки приоритетов во взаимодействии с различными потенциальными союзниками, и в-третьих очерчивает цивилизационные границы где может распространяться геополитическое влияние страны, а также проблемные зоны такого влияния, на которых необходима усиленная работа с помощью новейших политических технологий и осуществления политической воли.

Именно в таком ключе должна также рассматриваться информационная безопасность и возможности информационного воздействия на зоны потенциального геостратегического планирования. Кроме того «...эволюция угроз в области информационной безопасности представляет собой сложные проблемы и возможности для специалистов по кибербезопасности. В последние годы в сфере угроз информационной безопасности появились несколько заметных тенденций. Одной из таких тенденций является растущая изолированность кибератак, чему способствует распространение современных постоянных угроз (АПТ) и хакерских групп, спонсируемых национальными государствами. Еще одной заметной тенденцией является сближение киберпреступности и кибервойн, стирающее границы между традиционной преступной» [4, с. 192]. Все это приводит к необходимости осмысления влияния и взаимовлияния цивилизаций и информационных противостояний, которые рано или поздно приводят к принятию определенных политических решений в том числе, и на международном уровне. Например, одним из ведущих союзников России на данном этапе является Китай, развития связей с данным государством обусловлены взаимной выгодой, но проблемой является разный уровень экономической динамики и практическая невозможность влиять информационно на соседнюю цивилизацию по ряду естественных причин, в том числе исторических. «Асимметричный характер развития КНР и РФ в экономическом плане обуславливает различные диапазоны задач и целей руководства данных государств. КНР обладает устремленностью к инновационному развитию и совершенствованию собственной промышленности, тогда как ключевым ориентиром РФ выступает реализация ресурсов, которых у нее немало, по оптимальной стоимости» [4, с. 199]. Инициатива Китая «Один пояс-Один путь», может в таком контексте оказаться и перспективой и угрозой для России, кроме того проекты на реке Туманной и осуществление на данной территории сначала туристических проектов, а затем и торговых, может нанести урон экономике не только Дальнего Востока и транссибирской магистрали как торговому пути, но и в целом отрезать страну от ситуации культурного и экономического «посредничества» между востоком и западом, что усилило бы позиции единственной стороны – Китая. Так нынешний союзник, может стать соперником, а затем и противником.

Но безопасность геополитических интересов и продвижение цивилизации во вне на достаточную долю зависит от внутренних процессов. Проблема терроризма и повышенная криминогенная обстановка внутри страны может стать питательной средой для угроз внешних. На данном этапе важной проблемой становится формирование системы предупреждения социально-опасного поведения и ранее предупреждение террористических угроз. Романтизация терроризма и опасного поведения в медиапродуктах ведет к трудностям, социокультурные тренды и отсутствие идеологического базиса свидетельствуют об отсутствии системы профилактики

подобных угроз, также отражают реальность взаимопроникновения противостоящей западной цивилизации и мировоззрения через саму систему медиаконтента. Особенной проблемой становится ситуация возникновения псевдоидеологий и имитирующих религий, а также мошенничества через блоггинг и социальные сети, все это представляет угрозу обществу в целом. «Вследствие чего возникает реальная угроза криминологической безопасности, которая, в свою очередь, является частью общей национальной безопасности государства. Современность вынужденно актуализирует проблемы безопасности человека, общества, государства и цивилизации в целом, поскольку количество и масштабы различного рода угроз и вызовов увеличиваются, многие из них имеют криминальное проявление. Меры виктимологической профилактики преступности обеспечивают усиление мер криминологической безопасности страны и формируют основу для планомерного развития общества в современных условиях глобальной неопределенности и развития новых способов совершения преступлений» [6, с. 15].

Данные проблемы связаны и с отсутствием идеологии, которая должна стать основой единого цивилизационно-геополитического комплекса мировоззрения и принятия политических решений. «В области идеологии существует зияющая пустота. Конституция Российской Федерации не предусматривает, чтобы государство имело и навязывало гражданам свою идеологию. Но если официально провозглашен отказ от идеологии, неофициально она, тем не менее, существует и активно проводится через СМИ и рекламу. Это – идеология культа потребления, насилия, гедонистического отношения к жизни, презрения к честному труду, морального нигилизма и цинизма. Всё это совершенно не соответствует серьезности задач, стоящих перед российским обществом и государством» [7, с. 6]. При этом идеология патриотизма все еще остается размытой концепцией, которая не применима даже к определенной части элит, и это разрушительная тенденция, может стать серьезной угрозой для целостности государства и возможной геостратегии.

Но главной тенденцией и вызовом для геополитического развития становится попытка старого гегемона вернуть в мировом масштабе состояние близкое к сценарию окончания холодной войны, когда Россия воспринималась как сырьевая база, чему неплохо способствовала идея не только глобализации, но и «заражение» социально-культурным «вирусом» жесткой внутренней конкуренции и индивидуализации сознания, отказа от коллективизма как ценности проявления солидарности общества относительно самого себя.

Диктат потребления, однако, кончился рядом цветных революций, ухудшением качества жизни в большинстве регионов мира и практической атомизации национальных государств до уровня феодальной раздробленности в «незападном мире» и дестабилизации социального процесса внутри западного мира.

Таким образом геополитические тенденции развития российской локальной цивилизации несут на себе отпечаток проблем предыдущих исторических эпох, в своем основании, как и любые тенденции являются по сути проблемами и отчасти вызовами. Основные из них это противоречивость феноменов соперничества и союзничества, проблемы безопасности в том числе информационной, некое отставание в развитии собственных технологий «мягкой силы», а также идеологии. Стоит отметить, что большинство локальных цивилизаций сталкиваются с подобными проблемами, так как геополитическое лидерство и влияние одновременно полно противо-

речей и шансов для политической воли и политической жизни в целом. Пограничное состояние современной российской цивилизации говорит о ее относительной «молодости», но также нельзя не отметить явных успехов в формировании стратегии самоопределения и потенциального геополитического рывка.

Литература

1. Бердышев, А.В. Экономические санкции против России: экспансия нерыночной конкуренции / А.В. Бердышев, Ю.Н. Коровкина, В.Д. Сергеева // Финансовые рынки и банки. – 2024. – № 1. – С. 37–41.
2. Журавель В.П. Арктика в 2023 г.: международный и российский аспекты // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. № 1. С. 90–105. DOI:10.15211/vestnikieran1202490105
3. Этапы становления системы региональной безопасности России на постсоветском пространстве / С.Е. Жарков, А.А. Самбилова, М.С. Набойченко [и др.] // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 1. – С. 201–203.
4. Алламурадова М.К. Эволюция угроз в области информационной безопасности: анализ современных тенденций и перспективы защиты // Вестник науки № 3 (72) том 4. С. 315–319. 2024 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/13490> (дата обращения: 16.04.2024 г.)
5. Цуй Ханьюй Геополитические аспекты международной инициативы «Один пояс, один путь» / Ханьюй Цуй, Юй Би // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 2. – С. 197–199.
6. Качурова Е.С. Определение значения виктимологических мер предупреждения преступности в структуре обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Е.С. Качурова // Глаголь правосудия. – 2024. – Т. 1, № (35). – С. 16–18.
7. Горлова, И.И. Проблема жизнеспособности российской цивилизации перед лицом вызовов XXI века / И.И. Горлова, А.Л. Зорин // Культурологический журнал. – 2019. – Т. 3, № 37. – С. 1–8.

GEOPOLITICAL TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LOCAL CIVILIZATION

Nikolenko A.A.

Vladivostok State University

Russian local civilization is increasingly becoming entrenched as a geopolitical phenomenon; however, it is not without contradictions both within itself and having geopolitical contradictions. The modern strategy of foreign policy is directly related to the geopolitical balance and the development of events outside the context of the state. As such, the tradition of political behavior does not have a prescribed development scenario, modern processes involve changing and destroying the old rules of the “big game”, and geopolitical shifts are inevitable. In this regard, the issue of security and trends in the development of the civilizational system within the framework of the geopolitical context is acute. It is now important to identify the special properties of society-civilization and to distinguish between idealistic concepts and possible real steps to promote geopolitical and geostrategic interests. Among other things, the patterns of redistribution of spheres of influence at the present stage already allow us to talk about the presence of some “non-Western” societies with clear advantages, which are potentially not only allies and rivals. In this case, the geopolitical strategy should be built around the prospect of competition with the closest allies, including. This article is intended to evaluate possible scenarios and areas of political activity that require the attention of researchers in various fields.

Keywords: “civilization”, local civilization, social process, government, features of the political process, civilizational approach.

References

1. Berdyshev, A.V. Economic sanctions against Russia: expansion of non-market competition / A.V. Berdyshev, Yu.N. Korovkina, V.D. Sergeeva // Financial markets and banks. – 2024. – No. 1. – pp. 37–41.
2. Zhuravel V.P. The Arctic in 2023: international and Russian aspects // Scientific and analytical Bulletin of IE RAS. 2024. No.1. pp. 90–105. DOI:10.15211/vestnikieran1202490105
3. Stages of the formation of the Russian regional security system in the post-Soviet space / S.E. Zharkov, A.A. Sambilova, M.S. Naboichenko [et al.] // Socio-humanitarian knowledge. – 2024. – No. 1. – pp. 201–203.
4. Allamuradova M.K. The evolution of threats in the field of information security: analysis of current trends and prospects for protection // Bulletin of Science No.3 (72) volume 4. pp. 315–319. 2024. ISSN 2712-8849 // Electronic resource: <https://www.vestnik-nauki.RF/article/13490> (date of reference: 04/16/2024)
5. Cui Hanyu Geopolitical aspects of the international initiative “One Belt, one Road” / Hanyu Cui, Yu Bi // Socio-humanitarian knowledge. – 2024. – No. 2. – pp. 197–199.
6. Kachurova E.S. Determining the significance of victimological crime prevention measures in the structure of ensuring national security of the Russian Federation / E.S. Kachurova // Glagol of Justice. – 2024. – Vol. 1, No. (35). – pp. 16–18.
7. Gorlova I.I. The problem of the viability of Russian civilization in the face of the challenges of the XXI century / I.I. Gorlova, A.L. Zorin // Culturological Journal. – 2019. – Vol. 3, No. 37. – pp. 1–8.

Политические инструменты разрешения международных проблем водопользования: на примере Центральной Азии

Сизов Андрей Андреевич,

к.т.н., докторант, кафедра международных отношений,
МГИМО МИД России
E-mail: golovanivskaya@gmail.com

Цель статьи – раскрыть значение водных ресурсов в международной политике. Исследовательские задачи: охарактеризовать проблемы и перспективы использования водных ресурсов, их влияние в международной политике. Методологическая основа исследования – комплексный подход, синтезирующий достижения политологии, теории международных отношений, геополитики, геоэкономики, глобалистики, синергетики. Значение водных ресурсов в международной политике раскрыто на примере межгосударственных взаимодействий в разрешении проблем водопользования в Центральной Азии. В этом регионе у России есть ряд преимуществ, позволяющих ей выполнять роль посредника при разрешении межгосударственных противоречий. Российская Федерация обладает обширной научно-технической базой в области пользования водно-энергетическими ресурсами и может участвовать в документировании прав отдельных стран на определенный объем воды. В числе институциональных механизмов, способствующих разрешению межгосударственных противоречий в Центральной Азии, следует отметить такие организации, как ОДКБ, ЕАЭС и Евразийский банк развития.

Ключевые слова: водные ресурсы, международная политика, трансграничное регулирование водопользования, Россия, Запад, Восток, энергетическая безопасность.

В последние десятилетия потребление водных ресурсов во всем мире непрерывно растёт, в том числе в развивающихся странах темпы водопользования возрастают в процессе индустриализации. Также значительные водные ресурсы расходуются вследствие урбанизации в странах, где происходит экономический рост. По оценкам специалистов Стокгольмского международного института водных ресурсов, разрыв между водоснабжением и спросом на воду в мире прогнозируется на уровне 40% в 2030 году, при этом мировой спрос на питьевую воду может увеличиться на 70% [1]. По мнению экспертов ООН, в XXI веке вода станет более важным стратегическим ресурсом, чем нефть и газ [2]. Согласно расчётам Организации экономического сотрудничества и развития, к 2050 году 2,5 млрд человек будут жить в местах с острым дефицитом воды [3].

В обозримом будущем многие регионы рискуют столкнуться с невозможностью удовлетворить спрос на питьевую воду. Особенно острой ситуация складывается в государствах Центральной Азии, Магриба, в африканских странах южнее Сахары. Связано это с тем, что в этих регионах исторически наблюдается нехватка воды, а со временем ситуация будет только ухудшаться.

В Центральной Азии ситуация обостряется из-за высыхания Аральского моря. Это вызвало климатические изменения в регионе. Кроме того, Узбекистан, Таджикистан и Киргизия спорят об использовании выходы Сырдарьи и Амударьи. Если Ташкенту требуется ресурс для орошения земель, то Бишкеку и Душанбе – для усиления энергетического сектора. Ситуация усугубляется экологическим неудовлетворительным состоянием гидросистем. Сооружение плотины в верховьях крупных рек может приводить к гидрологическому дисбалансу во всей системы в целом. К 2028 году сочетание климатических изменений, наступления маловодного периода приведут регион к острому хроническому дефициту водных ресурсов [4].

Региональные проблемы водопользования в Центральной Азии можно свести к следующему.

1. Изменение климата (прежде всего высыхание Аральского моря) повлекло увеличение частоты засушливых и паводковых периодов.
2. Устаревшая ирригационная и дренажная инфраструктура.
3. Отставание стран региона по показателям воды на душу населения и ВВП.
4. Трансграничный статус водных ресурсов.
5. Активный прирост населения.
6. Отсутствие компетенций и обмена знаниями в области водопользования.

Таджикистан, Киргизия, Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан, как молодые суверенные государства, не обладают достаточным опытом урегулирования водных проблем. В СССР спорные ситуации решались централизованно из Москвы. На современном этапе ситуация осложняется тем, что указанные страны несколько десятилетий находятся в фазе социально-экономического и политического кризиса. Кроме того, не выработана межгосударственная водная стратегия для стран Центральной Азии.

Первый шаг к совместным действиям государств в Центральной Азии был сделан по проблематике Аральского бассейна. В 1999 году было создано Агентство международного фонда спасения Арала. На этой площадке разрабатываются проекты, которые согласовываются правительствами Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана [5]. Позже появилась дискуссионная площадка на базе Региональной Программы по охране окружающей среды для устойчивого развития Центральной Азии. Она должна стимулировать стороны вести диалог по водоохранной деятельности в контексте новых экологических вызовов, действия Парижского соглашения по климату и т.д. [6]. Указанные усилия оказались недостаточными. Проблема Аральского бассейна вышла за пределы региона и была признана катастрофой мирового масштаба [7].

Необходимо учитывать, что международные противоречия в сфере применения водных ресурсов обостряются из-за несовершенства правовой основы управления использованием трансграничных рек и озер во всем мире. При этом среди ключевых достижений по международному регулированию водопользования можно отметить:

Первую конференцию ООН по водным ресурсам (1977), в ходе которой был принят План действий по обеспечению государства мира питьевой водой к 1990 году [8];

Форум ООН по окружающей среде (1992). Участники Форума определили решение водных проблем в качестве необходимого условия устойчивого развития и включили эти параметры в документ «Повестка дня на 21 век» [9];

Конвенцию о праве несудоходных видов использования международных водотоков (1997), регулиующую право использования международных водотоков и определяющую международный правовой механизм содействия справедливому и устойчивому водопользованию [10];

Вторую конференцию ООН по водным ресурсам (2023). Заместитель генерального директора Международного института управления водными ресурсами Р. МакДоннелл в ходе конференции признала, что ООН не смогла выработать эквивалент Парижского соглашения по климату, который бы структурировал задачи по использованию и обеспечению водными ресурсами. Кроме того, было отмечено отсутствие ведущего органа, который бы занимался отслеживанием процессов в этой сфере [11];

Итоговый доклад ООН о мировом развитии водных ресурсов за 2023 год, в котором особое внимание уделяется взаимосвязи водопользования, климатических изменений и здоровья людей. В докладе указывается, что странам необходимо четко определить риски, связанные с климатом, разработать меры по их снижению. Для этого нужно наладить кооперацию между гидрологами, инженерами, экономистами, политиками, дипломатами и другими специалистами, принимающими решения в сфере водопользования [12].

Заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов, экс-посол Российской Федерации в Саудовской Аравии А.Г. Бакланов подчёркивал, что Россия как крупнейшая водная держава мира, должна играть более весомую роль в международных усилиях в сфере водной дипломатии, и, в выработке мер по улучшению ситуации с обеспечением населения водой. Москве стоит выработать практико-ориентированные рекомендации в сфере водной дипломатии, развития, международного сотрудничества в вопросах рационального использования водных ресурсов [13].

Для России широкое окно возможностей открывается в посредничестве при разрешении межгосударственных противоречий в Центральной Азии. У Москвы есть понимание специфики госуправления государствами региона, так как Узбекистан, Таджикистан и Киргизия были в составе СССР, а в настоящее время между странами налажено тесное экономическое сотрудничество. Со времен Советского Союза накоплен большой архив по специфике ресурсной составляющей в Центральной Азии и прогнозам развития ситуации. Россия может участвовать в разработке формул водозабора и создании технических средств транспортировки воды.

Из сильных сторон России в сфере водопользования можно выделить:

значительные запасы водных ресурсов и опыт регулирования использования данных ресурсов;

конструктивные отношения со многими сопредельными странами, включая государства Центральной Азии; обширная научно-техническая и правовая база в области использования водных ресурсов;

опыт посредничества в разрешении межгосударственных конфликтов.

Актуальность участия России в решении водного кризиса в странах Центральной Азии объясняется тем, что политически, исторически и экономически регион тесно связан с Россией. Важно также, что через ОДКБ и ЕАЭС Москва выступает гарантом военной и экономической стабильности азиатской части постсоветского пространства [14].

Урегулировать проблему водопользования в Центральной Азии возможно с использованием механизмов многосторонней водной дипломатии и международного водного сотрудничества. Регион нуждается в консолидированном межгосударственном подходе. Так, в 2023 году Евразийский банк развития (доля России составляет 44,79%) предложил создать в Центральной Азии водно-энергетический консорциум. Предполагается, что консорциум сосредоточится наравне с энергетическими на выполнении ирригационных проектов. Его создание облегчит взаимодействие и диалог многосторонних банков развития с государствами региона. Для решения оперативных задач можно создавать международные консорциумы под строительство отдельных гидротехнических сооружений в Центральной Азии, необходимо развить совместные механизмы управления водными ресурсами, наладить форматы государственно-частного партнёрства [15].

Россия может качественно изменить положение в Центральной Азии, выступив гарантом не только продовольственной, но и водной безопасности региона. Основой для более продуктивных взаимоотношений между странами может стать сотрудничество именно в этой сфере.

Стоит отметить, что помимо России, США, Евросоюз, Китай, а также отдельные международные структуры (Европейский банк реконструкции и развития, Исламский банк развития, ШОС и др.) также занимаются водной проблематикой региона. Однако сотрудничество нельзя назвать эффективным, так как кризис в отношениях Российской Федерации со странами Запада, а также конфликт между Западом и Китаем за влияние в мире уводит на второй план региональные проблемы, что не способствует их своевременному решению.

КНР – крупнейший торговый партнёр с пятёркой стран региона (Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Туркмения). Пекин рассматривает Центральную Азию как транспортный коридор на европейские рынки. Очевидно, что Россия и КНР не будут идти на конфронтацию в вопросе ресурсного развития Центральной

Азии, так как у обеих держав нет взаимоисключающих стратегий. И, скорее всего, реализация проектов будет идти по схеме взаимодополняемости.

В 2016 году Министр сельского хозяйства России Александр Ткачёв заявлял, что Москва готова предложить Пекину проект по переброске пресной воды из Алтайского края в один из районов КНР. По словам чиновника, объём мог составить до 1 млрд кубометров в год. Китай, пытаясь решить проблему дефицита воды для северных регионов и мегаполисов, в 2002 году начал поворачивать реку Янцзы в бассейны Хуанхэ и Хай. Проект должен быть завершён к 2030 году. До конца просчитать, насколько экономический эффект перевесит экологические риски и последствия, пока не представляется возможным.

Научный руководитель института водных проблем РАН, гидролог В.И. Данилов-Данильян отмечает, что Китай, испытывая серьёзный дефицит пресной чистой воды, будет стремиться решить свои проблемы за счёт российских ресурсов. И здесь задача официальных властей грамотно выстроить взаимоотношения с соседом, так как интересы сторон вероятнее всего не совпадут. Например, между Россией и Китаем заключено Соглашение о сотрудничестве в области охраны, регулирования и воспроизводства живых водных ресурсов в пограничных водах рек Амур и Уссури [16]. Но это соглашение не регулирует забор воды. Несмотря на указанный недостаток, подобное соглашение необходимо подписать в трёхстороннем формате между Россией, Китаем и Казахстаном) по поводу пользования ресурсами Черного Иртыша [17].

В.И. Данилов-Данильян выступает за существенные ограничения экспорта питьевой воды из России [17]. Государство вправе вводить такие запреты, так как контролирует внешнюю торговлю. Можно сделать вывод, что и торговля пресной водой за границу выглядит рискованной. Так как относительно лёгкий способ прихода на рынок может снизить потребность в развитии собственных технологий для производства водоёмких товаров. В перспективе такой вид торговли становится выгоден только покупателю за счёт невысокой стоимости сырья, но не выгоден для России в роли поставщика.

Для России, прежде чем принимать обязательства по оказанию помощи странам Центральной Азии, необходимо получить подтверждение, что сами страны готовы к переговорам и принятию мер, а также российскому участию. Сами государства Центральной Азии выказывают заинтересованность в участии Москвы. Глава Центра стратегических решений «Аппликата» в Казахстане К. Рахимов констатирует, что в работе Водно-энергетического консорциума не хватает России. Причем Москва может выступать в двух ролях: медиатором в спорах и поставщиком ценных водных ресурсов [18].

Поворот на Восток и Юг вследствие деградации отношений с Западом даёт возможность России занять лидерские позиции по разрешению ряда актуальных проблем современности, в том числе, в вопросах экологии и водопользования. Если наша страна сможет сформулировать альтернативные догматичным западным «зелёным идеям» темы развития, будет предлагать реальное решение проблем загрязнения природы, в том числе водных ресурсов, то может получить значительные политические и экономические выгоды. России следует избирательно относиться к идеям устойчивого развития, экологии и т.д., самостоятельно или совместно с другими развивающимися странами искать природосберегающие решения, но не в ущерб экономике.

Для обеспечения водно-энергетической безопасности международное сотрудничество должно вклю-

чать в себя не столько экспортно-импортные операции по купле-продаже сырья, сколько сотрудничество по разработке и внедрению в практику новых технологий. Очевидно, что эти задачи должны решать совместно ученые, энергетики, экономисты, дипломаты, политики.

Одним из перспективных направлений международного сотрудничества в сфере водопользования является обмен данными геокосмических наблюдений. Российскими специалистами накоплен значительный опыт в развитии методов дистанционного зондирования для оценки экологического состояния водных объектов. Спутниковый мониторинг считается составной частью этого процесса. При этом использование спутниковых данных отвечает принципам трансграничного сотрудничества. Указанные принципы отражены в Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и озёр [19]. Важно отметить, что для осуществления наблюдения за трансграничными объектами, не требуется разрешения сопредельного государства.

Граница Российской Федерации проходит по акватории пяти озёр и одного водохранилища (см. таблицу). 34% площади водосборных бассейнов трансграничных рек расположено за пределами России в 17 государствах. Потому в контексте трансграничного регулирования водопользования такой мониторинг становится важнейшей составляющей развития международного сотрудничества в данной сфере.

Таблица. Трансграничные озёра и водохранилища России

Озера/водохранилища	Площадь бассейна км ²	Площадь водоема км ²	Пограничные страны	Площадь водоема в погр. странах км ²
Оз. Пюхяярви	804	248	Россия Финляндия	41 207
Оз. Сайма	69500	61054	Россия Финляндия	9158 51896
Оз. Нуйямайярви	112	7,65	Россия Финляндия	4,92 2,73
Нарвское водохранилище	55848	191	Россия Эстония	40 151
Оз. Чудско-Псковское	47815	3555	Россия Эстония	1993,87 1561,13
Оз. Ханка (Синкай)	17500	4190	Россия Китай	3030 1160

Источник: Шикломанов И.А. Водные ресурсы России и их использование. М.: Государственный гидрологический институт, 2008.

В рамках трансграничного регулирования водопользования между сопредельными странами происходит обмен имеющейся текущей информацией. Это повышает уровень доверия и способствует решению задач, связанных с водопользованием. Спутниковый мониторинг актуален в целях прогнозирования состояния гидротехнических сооружений, гидрологической обстановки. Безопасность таких объектов в России регулируется Федеральным законом от 23 июня 1997 года «О безопасности гидротехнических сооружений», а также подзаконными нормативными правовыми актами.

Космические аппараты позволяют получать данные в удалённых и труднодоступных районах. Из актуальных примеров использования дистанционного зондирования можно отметить мониторинг Северного морского пути. Дистанционное зондирование помогает обеспечить постоянный контроль, детально изучать экологическое состояние объектов, оперативно отслеживать аварийные ситуации, прогнозировать погоду и т.д. [20].

У России есть возможность играть ведущую роль в сфере обеспечения заинтересованных стран данными геокосмических наблюдений, включая результаты дистанционного зондирования. Это будет вклад в формирование дипломатии водных данных, которая может оказать помощь в решении проблемы прогнозирования сложных ситуаций в виде паводков, наводнений. Такой подход позволит оперативно оценивать нагрузку на все водные объекты. Внедрение дипломатии водных данных поможет Российской Федерации усиливать свою роль в качестве медиатора решения конфликтных ситуаций на международной арене. Кроме того, это расширяет базу для научных исследований в области климатических изменений.

Аналогичные проекты являются перспективными, например, в сотрудничестве с Ираном в отношении мониторинга состояния Каспийского моря. Информационные и космические технологии находятся в России на высоком уровне. Свои услуги наша страна может предлагать для решения задач управления ресурсами, производить оценку очагов загрязнений, изменения ландшафта, прогнозировать развитие.

Наличие водных ресурсов влияет на жизнеспособность энергопроектов и должно учитываться при выборе вариантов использования энергии. А зависимость водоснабжения от наличия энергии повлияет на обеспечение питьевой водой. В настоящее время Россия недостаточно активно продвигает себя в качестве инициатора «водного дискурса» на международной арене. Можно предположить, что для нашей страны будет стратегически оправданным выйти на более прочные позиции в вопросах решения региональных и мировых водных проблем.

Литература

1. The competition for water is getting worse. URL: <https://siwi.org/latest/competition-water-getting-worse/> (дата обращения: 10.03.2024).
2. Water is more than a strategic resource. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/water-water-everywhere-so-why-dont-we-pay-it-more-attention/> (дата обращения: 10.03.2024).
3. Acting together so the world doesn't go thirsty. URL: <https://www.oecd.org/about/impact/addressing-water-scarcity.htm> (дата обращения: 10.03.2024).
4. Эффективная ирригация и водосбережение в Центральной Азии. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/effektivnaya-irrigatsiya-i-vodosberezhenie-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 10.03.2024).
5. Положение Международного фонда спасения Арала. URL: https://aral.uz/p_ifas.php (дата обращения: 10.03.2024).
6. Региональная программа по охране окружающей среды для устойчивого развития Центральной Азии. URL: <http://www.eecca-water.net/file/02032021/mame-dov.pdf> (дата обращения: 10.03.2024).
7. В ООН состоялась презентация Фонда по оказанию помощи жителям Приаралья. URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/11/1343611> (дата обращения: 10.03.2024).
8. UN Water Conference: Agreement on Goals and Action Plan. URL: <https://www.jstor.org/stable/4312280> (дата обращения: 10.03.2024).
9. Сохранение качества ресурсов пресной воды и снабжение ею: применение комплексных подходов к освоению водных ресурсов, ведению водного хозяйства и водопользованию. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch18.shtml (дата обращения: 10.03.2024).
10. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21 мая 1997 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (дата обращения: 10.03.2024).
11. The World Faces a Water Crisis, and 4 Powerful Charts Show How. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/the-world-faces-a-water-crisis-and-4-powerful-charts-show-how/> (дата обращения: 10.03.2024).
12. The United Nations World Water Development Report 2023: partnerships and cooperation for water. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384655> (дата обращения: 10.03.2024).
13. Бакланов А.Г. Российская инициатива по разблокированию водных конфликтов на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня. М., 2021. № 12. С. 5–11.
14. В Узбекистане модернизируют ГЭС с участием компании из России. URL: <https://geoenergetics.ru/2022/02/10/v-uzbekistane-moderniziruyut-gess-uchastiem-kompanii-iz-rossii/> (дата обращения: 10.03.2024).
15. Винокуров Е. Эффективная ирригация и водоснабжение Центральной Азии. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/effektivnaya-irrigatsiya-i-vodosberezhenie-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 10.03.2024).
16. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области охраны, регулирования и воспроизводства живых водных ресурсов в пограничных водах рек Амур и Усури. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901168> (дата обращения: 10.03.2024).
17. Виктор Данилов-Данильян: Государство должно сдерживать людей, готовых продавать абсолютно все ради получения дохода. URL: [https://www.iwp.ru/about/news/viktor-danilov-danilyan-gosudarstvo-dolzhen-sderzhivat-lyudey-gotovyyh-prodavat-absolyutno-vse-radi-/?ysclid=ls3meuwsaf902230142](https://www.iwp.ru/about/news/viktor-danilov-danilyan-gosudarstvo-dolzhen-sderzhivat-lyudey-gotovyyh-prodavat-absolyutno-vse-radi-polucheniya-dokhoda) (дата обращения: 10.03.2024).
18. Надежда на сибирские реки: страны Центральной Азии вновь делят воду. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19740749> (дата обращения: 10.03.2024).
19. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (дата обращения: 10.03.2024).
20. Мониторинг Северного морского пути. URL: <https://innoter.com/articles/monitoring-severnogo-morskogo-puti/> (дата обращения: 10.03.2024).

POLITICAL INSTRUMENTS FOR RESOLVING INTERNATIONAL WATER USE PROBLEMS: THE EXAMPLE OF THE CENTRAL ASIA

Sizov A.A.
MGIMO

The purpose of the article is to reveal the importance of water resources in international politics. Research objectives: to character-

ize the problems and prospects of water resources use, their impact in international politics. The methodological basis of the research is an integrated approach synthesizing the achievements of political science, theory of international relations, geopolitics, geoeconomics, globalism, and synergetics. The importance of water resources in international politics is revealed by the example of interstate interactions in resolving water use problems in Central Asia. In this region, Russia has a number of advantages that allow it to act as a mediator in resolving interstate contradictions. The Russian Federation has an extensive scientific and technical base in the use of water and energy resources and can participate in documenting the rights of individual countries to a certain amount of water. Among the institutional mechanisms contributing to the resolution of interstate contradictions in Central Asia, organizations such as the CSTO, the EAEU and the Eurasian Development Bank should be noted.

Keywords: water resources, international policy, transboundary regulation of water use, Russia, West, East, energy security.

References

1. The competition for water is getting worse. Available at: <https://siwi.org/latest/competition-water-getting-worse/> (Accessed March 10, 2024).
2. Water is more than a strategic resource. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/water-water-everywhere-so-why-dont-we-pay-it-more-attention/> (Accessed March 10, 2024).
3. Acting together so the world doesn't go thirsty. Available at: <https://www.oecd.org/about/impact/addressing-water-scarcity.htm> (Accessed March 10, 2024).
4. Efficient irrigation and water conservation in Central Asia. Available at: <https://eabr.org/analytics/special-reports/effektivnaya-irrigatsiya-i-vodosberezhenie-v-tsentralnoy-azii/> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
5. The position of the International Fund for Saving the Aral Sea. Available at: https://aral.uz/p_ifas.php (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
6. Regional Environmental Protection Program for the Sustainable Development of Central Asia. Available at: <http://www.eecca-water.net/file/02032021/mamedov.pdf> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
7. The presentation of the Fund for Assistance to residents of the Aral Sea region took place at the UN. Available at: <https://news.un.org/ru/story/2018/11/1343611> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
8. UN Water Conference: Agreement on Goals and Action Plan. Available at: <https://www.jstor.org/stable/4312280> (Accessed March 10, 2024).
9. Preservation of the quality of freshwater resources and its supply: the application of integrated approaches to the development of water resources, water management and water use. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch18.shtml (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
10. Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses. Adopted by General Assembly resolution 51/229 of May 21, 1997. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
11. The World Faces a Water Crisis, and 4 Powerful Charts Show How. Available at: <https://www.scientificamerican.com/article/the-world-faces-a-water-crisis-and-4-powerful-charts-show-how/> (Accessed March 10, 2024).
12. The United Nations World Water Development Report 2023: partnerships and cooperation for water. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384655> (Accessed March 10, 2024).
13. Baklanov A.G. Russian initiative to unblock water conflicts in the Middle East. *Asia and Africa today*. Moscow, 2021, No. 12, pp.5–11. (in Russian)
14. Uzbekistan is modernizing hydroelectric power plants with the participation of a company from Russia. Available at: <https://geoenergetics.ru/2022/02/10/v-uzbekistane-moderniziruyut-ges-s-uchastiem-kompanii-iz-rossii/> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
15. Vinokurov E. Efficient irrigation and water supply in Central Asia. Available at: <https://eabr.org/analytics/special-reports/effektivnaya-irrigatsiya-i-vodosberezhenie-v-tsentralnoy-azii/> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
16. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on Cooperation in the Field of Protection, Regulation and Reproduction of Living Water Resources in the Border Waters of the Amur and Ussuri Rivers. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/1901168> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
17. Viktor Danilov-Danilyan: The state should restrain people who are ready to sell absolutely everything in order to earn income. Available at: <https://www.iwp.ru/about/news/viktor-danilov-danilyan-gosudarstvo-dolzno-sderzhivat-lyudey-gotovykh-prodat-absolyutno-vse-radi-/?ysclid=ls3meuwsaf902230142> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
18. Hope for Siberian rivers: Central Asian countries are sharing water again. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19740749> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
19. Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (Accessed March 10, 2024) (in Russian)
20. Monitoring of the Northern Sea Route. Available at: <https://innoter.com/articles/monitoring-severnogo-morskogo-puti/> (Accessed March 10, 2024) (in Russian)

Ближневосточная политика США подвергается серьезному испытанию

Фань Тяньян,

аспирант, кафедра «Международные отношения и мировая политика», Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 525993349@qq.com

Маркушина Наталья Юрьевна,

доктор политических наук, профессор кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

В современном мире Ближний Восток остается одной из наиболее сложных и важных регионов, где осуществляется активная внешнеполитическая деятельность США. Ближневосточная политика американского государства является одной из ключевых составляющих его внешней политики. Она направлена на обеспечение национальных интересов Соединенных Штатов и решение глобальных задач, связанных с безопасностью, стабильностью и экономическим развитием региона.

Успешная ближневосточная политика имеет огромное значение для США и требует постоянной адаптации и развития стратегии. США должны продолжать работать над достижением стабильности и прогресса в регионе, учитывая интересы местных народов и сотрудничая с другими государствами и международными организациями. Важно помнить, что эта задача не является простой, но с грамотным подходом и сотрудничеством она может быть решена в интересах США и мирового сообщества.

Ключевые слова: внешняя политика, Ближний Восток, США, политические процессы, политический реализм, политический режим, политическая элита.

Прежде чем перейти к анализу значимости ближневосточной политики для США и мировой арены, необходимо разобраться в самом понятии «ближневосточная политика». Ближневосточная политика США включает в себя широкий спектр дипломатических, экономических и военных мер, направленных на поддержание и укрепление влияния Соединенных Штатов в регионе Ближнего Востока. Она также включает в себя разработку и проведение стратегий по решению конкретных проблем и испытаний, с которыми сталкивается регион.

Значение ближневосточной политики для США и мировой арены трудно переоценить. Ближний Восток является ключевым регионом с точки зрения энергетической безопасности и геополитического влияния. США имеют значительные экономические и политические интересы в регионе, включая обеспечение поставок нефти и газа, борьбу с терроризмом, поддержку союзников и защиту национальной безопасности. Ближневосточная политика США имеет прямое отношение к глобальной безопасности и стабильности, поскольку многие проблемы региона имеют потенциал для распространения на другие части света.

Несмотря на важность и сложность ближневосточной политики США, в настоящее время она сталкивается с рядом серьезных испытаний. Среди них можно выделить рост противоречий и конфликтов в регионе, включая вооруженные конфликты в Сирии, Ираке и Йемене, нарастание влияния Ирана, террористическую угрозу со стороны ИГИЛ и других экстремистских группировок, а также проблемы, связанные с мирным урегулированием израильско-палестинского конфликта. Все эти факторы создают сложную и динамичную ситуацию, которая требует постоянного внимания и адаптации со стороны США.

Данная статья будет посвящена изучению ближневосточной политики США, ее значимости и текущим испытаниям. Будут рассмотрены основные аспекты и цели политики, а также анализироваться сложности и проблемы, с которыми сталкивается США в регионе. В результате статья позволит лучше понять и оценить роль Соединенных Штатов в Ближнем Востоке и их вклад в мировую арену.

Современная ближневосточная политика США подвержена постоянным изменениям и корректировкам, обусловленным различными факторами. Однако, основными причинами этих изменений являются изменения в геополитической ситуации Ближнего Востока и внутренние факторы, влияющие на политику США.

Геополитическая ситуация на Ближнем Востоке является одним из основных факторов, влияющих на политику США в этом регионе. Ситуация в регионе подвержена постоянным изменениям, связанным с различными конфликтами, геополитическими интересами, экономическими факторами и религиозными противоречиями.

Одним из основных изменений в геополитической ситуации Ближнего Востока является появление новых государств и перемены в их политическом курсе. Например, распад СССР и создание новых независимых государств в Центральной Азии и Кавказе привело к изменению влияния России на регион и возникновению новых геополитических игроков, таких как Китай.

Также, конфликт в Сирии и Ираке, а также активное вмешательство Ирана во внутренние дела региона, создали новые вызовы и угрозы для США и их интересов на Ближнем Востоке. Это привело к необходимости пересмотра и корректировки своей политики в регионе.

Внутренние факторы также играют важную роль в изменении политики США на Ближнем Востоке. Внутренние факторы включают в себя политические и экономические интересы, общественное мнение и внутреннюю политическую ситуацию в Соединенных Штатах.

Политические интересы США на Ближнем Востоке включают обеспечение безопасности Израиля, борьбу с терроризмом, поддержку демократических процессов и защиту своих экономических интересов. Изменение внутренней политической ситуации в США может привести к пересмотру этих интересов и соответственно изменению политики.

Экономические интересы США на Ближнем Востоке связаны с доступом к энергетическим ресурсам и поддержкой экономического развития в регионе. Изменения в мировой экономике, такие как снижение зависимости от нефти и развитие возобновляемых источников энергии, могут привести к пересмотру приоритетов США на Ближнем Востоке.

Общественное мнение также играет важную роль в формировании политики США на Ближнем Востоке. Общественность часто реагирует на конфликты и кризисы в регионе, выражая свое мнение через выборы и массовые протесты. Это может оказывать давление на политических лидеров и приводить к изменению политики.

Внутренняя политическая ситуация в США также имеет влияние на политику в Ближнем Востоке. Изменение власти, выборы, различные политические фракции и внутриполитические конфликты могут привести к изменению приоритетов и политического курса США в регионе.

Изменения в геополитической ситуации Ближнего Востока и внутренние факторы, такие как политические и экономические интересы, общественное мнение и внутренняя политическая ситуация в США, являются основными причинами изменений в ближневосточной политике США. Понимание и учет этих факторов необходимы для разработки эффективной политики США в Ближнем Востоке и достижения своих национальных интересов.

Современная ближневосточная политика США представляет собой сложный и многогранный вызов. Однако, Соединенные Штаты активно разрабатывают и реализуют разнообразные стратегии и действия для преодоления этих испытаний и достижения своих национальных интересов в регионе.

Одной из ключевых стратегий является дипломатические усилия и сотрудничество с международными организациями. США сотрудничают с Организацией Объединенных Наций, Арабской лигой и другими международными организациями для нахождения мирного решения конфликтов и установления стабильности в регионе. Дипломатические миссии и переговоры проводятся с участием высокопоставленных дипломатов и политиков, чтобы достичь соглашений и договоров, направленных на преодоление конфликтов и установление мира.

Военная поддержка и контроль региональных конфликтов также являются важной составляющей стратегии США в ближневосточной политике. США предоставляют военную помощь своим союзникам в регионе и активно вмешиваются в конфликты, чтобы поддержать стабильность и безопасность. Военные операции проводятся с использованием современных технологий и во-

оружий, чтобы эффективно справиться с вызовами и угрозами.

США также осуществляют экономическое влияние и финансовую помощь в ближневосточном регионе. Экономические связи и инвестиции помогают создавать рабочие места, развивать инфраструктуру и стимулировать экономический рост. Финансовая помощь направлена на поддержку различных проектов, включая образование, здравоохранение и развитие гражданского общества.

Поддержка демократических процессов и гражданского общества в регионе является еще одной важной стратегией США. Соединенные Штаты поддерживают реформы и развитие демократических институтов, а также финансируют неправительственные организации, которые работают на благо граждан и укрепление гражданского общества.

В целом, действия и стратегии США в ближневосточной политике объединяют дипломатические, военные, экономические и социальные аспекты. США стремятся достичь стабильности, безопасности и процветания в регионе, а также защитить свои национальные интересы. Эти усилия и стратегии продолжают развиваться и приспосабливаться к изменяющейся обстановке, чтобы обеспечить долгосрочные положительные результаты в ближневосточной политике США.

Прогноз будущих изменений и вызовов для ближневосточной политики США является сложным заданием, в связи с нестабильностью и сложностью региона. Однако, можно выделить несколько ключевых факторов, которые будут оказывать влияние на политику США в Ближнем Востоке в ближайшем будущем.

Во-первых, регион продолжает оставаться эпицентром конфликтов и напряженности. Терроризм, региональные споры, гражданские войны и геополитические противоречия будут продолжать вызывать сложности и требовать от США активного вмешательства и поиск решений.

Во-вторых, изменение геополитической ситуации в регионе, в том числе в связи с изменениями внутри США и в отношениях с другими глобальными игроками, такими как Россия и Китай, может повлиять на приоритеты и подходы США к Ближнему Востоку.

В-третьих, экономические факторы, включая энергетическую зависимость от региона, изменения в мировом рынке нефти и газа, а также экономическое развитие стран Ближнего Востока, будут иметь важное значение для прогнозирования будущих изменений и вызовов.

С учетом указанных факторов, будущее ближневосточной политики США будет требовать от страны нового подхода и стратегии, которая будет учитывать сложность региона и сосредоточиться на достижении долгосрочной стабильности и мира.

В заключение можно сказать, что рассмотрение важной темы успешной ближневосточной политики для США позволило подвести итоги и подтвердить тезис о серьезном испытании, которое она представляет для американского правительства. Ближневосточный регион и его проблемы имеют огромное значение для США, и успешная политика в этом направлении может существенно повлиять на интересы и безопасность американского народа.

Закономерно, что США стремится к стабильности в Ближнем Востоке, так как от этого зависят его экономические интересы, энергетическая безопасность и безопасность стран-союзников. Кроме того, регион является важным фактором в геополитической борьбе за влияние между США, Россией и Китаем. Поэтому разработка и внедрение успешной ближневосточной политики для

США является одним из приоритетных заданий для американского правительства.

Следует отметить, что перспективы развития и важность адаптации стратегии в этом регионе остаются очень сложными и многогранными. Ближневосточный регион постоянно меняется, появляются новые вызовы и угрозы, и США должны быть готовы адаптироваться к этим изменениям. Важно учитывать, что необходимо учесть не только свои интересы, но и интересы местных народов и стремиться к созданию устойчивого мира в регионе.

В свете этих вызовов и перспектив развития, американскому правительству следует продолжать разрабатывать и реализовывать стратегии, которые будут способствовать достижению стабильности и прогресса в Ближнем Востоке. Это может включать в себя дипломатические усилия, экономическую поддержку, военное присутствие и сотрудничество с союзниками в регионе. Однако, необходимо помнить, что решение всех проблем Ближнего Востока не входит в исключительные полномочия США, и сотрудничество с другими государствами и международными организациями также является важным фактором для достижения устойчивого мира.

Таким образом, успешная ближневосточная политика имеет огромное значение для США и требует постоянной адаптации и развития стратегии. США должны продолжать работать над достижением стабильности и прогресса в регионе, учитывая интересы местных народов и сотрудничая с другими государствами и международными организациями. Важно помнить, что эта задача не является простой, но с грамотным подходом и сотрудничеством она может быть решена в интересах США и мирового сообщества.

Литература

1. Безруков А.О., Сушенцов А.А. Феномен Д. Трампа и сценарии развития российско-американских отношений // Сравнительная политика. 2018. № 1.
2. Вавилов А.И. Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран. Опыт критического анализа. Москва, 2009.
3. Гришин О.Е. Энергетическая политика Ирака: проблемы и перспективы // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. Материалы международной научно-практической конференции X Научно-образовательного форума. Под ред. В.В. Бобылева. Москва: Перо, 2017.
4. Гурбангельдиев А.М. Роль США в реструктуризации Ближнего Востока // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 3.
5. Истомин И.А. Влияние религиозных групп на международную деятельность государства // Вестник МГИМО. 2014. № 1(34).
6. Кривов С.В., Рыжов И.В. Политика США и баланс сил на Ближнем Востоке: от ключевых очагов воздействия к нейтрализации радикальных режимов // Вестник ННГУ. 2014. № 1–1(1).
7. Мурад Абдель Джалиль. Россия на пути к доминированию над средиземноморским газом. URL: <https://www.enabbaladi.net/archives/276168> (дата обращения 11.01.2019).
8. Нестеров А.К. Особенности реализации американской стратегии сдерживания на современном этапе // Вестник дипломатической академии МИД России. 2018. № 3(17).
9. Ноздрин А.В. Политика двойных стандартов в международных отношениях // Актуальные проблемы

современных международных отношений. 2013. № 1.

10. Петросян А. Американская стратегическая культура и внешняя политика США на Ближнем Востоке // 21-й век. 2017. № 1(42). С.98–109.
11. Подцероб А.Б. Ближневосточная политика США. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/05-0208b.htm> (дата обращения 12.01.2019).
12. Сыздыкова Ж.С. Большой Ближний Восток в глобальной политике США // Армия и общество. 2013. № 5 (37).
13. Тодорова Р.В. Новое геостратегическое партнерство и геоэнергетическое значение черноморского региона в XXI веке // Национальные интересы и внешняя политика России: история и современность. Сборник материалов VI-й Всероссийской научной конференции. Отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара, 2018.

US MIDDLE EAST POLICY IS BEING SERIOUSLY TESTED

Fan Tianyang, Markushina N.Yu.
St. Petersburg State University

In the modern world, the Middle East remains one of the most complex and important regions where active US foreign policy activities are carried out. The Middle East policy of the American state is one of the key components of its foreign policy. It is aimed at ensuring the national interests of the United States and solving global problems related to security, stability and economic development of the region.

A successful Middle East policy is of great importance to the United States and requires constant adaptation and evolving strategy. The United States must continue to work to achieve stability and progress in the region, taking into account the interests of local peoples and cooperating with other states and international organizations. It is important to remember that this task is not simple, but with the right approach and cooperation it can be solved in the interests of the United States and the world community.

Keywords: foreign policy, Middle East, USA, political processes, political realism, political regime, political elite.

References

1. Bezrukov A.O., Sushentsov A.A. The phenomenon of D. Trump and scenarios for the development of Russian-American relations // Comparative Politics. 2018. No. 1.
2. Vavilov A.I. US policy in the Muslim world using the example of Arab countries. Experience of critical analysis. Moscow, 2009.
3. Grishin O.E. Energy policy of Iraq: problems and prospects // Socio-political and historical-cultural aspects of the modern geopolitical situation. Materials of the international scientific and practical conference of the X Scientific and Educational Forum. Ed. V.V. Bobyleva. Moscow: Pero, 2017.
4. Gurbangeldiev A.M. The role of the United States in the restructuring of the Middle East // Bulletin of RUDN University. Series: International relations. 2015. No. 3.
5. Istomin I.A. The influence of religious groups on the international activities of the state // MGIMO Bulletin. 2014. No. 1(34).
6. Krivov S.V., Ryzhov I.V. US policy and the balance of power in the Middle East: from key centers of influence to neutralization of radical regimes // Bulletin of UNN. 2014. No. 1–1(1).
7. Murad Abdel Jalil. Russia is on its way to dominate Mediterranean gas. URL: <https://www.enabbaladi.net/archives/276168> (accessed January 11, 2019).
8. Nesterov A.K. Features of the implementation of the American containment strategy at the present stage // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. 2018. No. 3(17).
9. Nozdryn A.V. The policy of double standards in international relations // Current problems of modern international relations. 2013. No. 1.
10. Petrosyan A. American strategic culture and US foreign policy in the Middle East // 21st century. 2017. No. 1(42). P. 98–109.

11. Podtserob A.B. US Middle East Policy. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2008/05-0208b.htm> (access date 01/12/2019).
12. Syzdykova Zh.S. The Greater Middle East in US Global Policy // Army and Society. 2013. No. 5 (37).
13. Todorova R.V. New geostrategic partnership and geoenergy significance of the Black Sea region in the 21st century // National interests and foreign policy of Russia: history and modernity Collection of materials of the VI All-Russian Scientific Conference. Rep. ed. A.N. Drafts. Samara, 2018.

Дипломатическая стратегия России в контексте санкций США и Европы: анализ и перспективы

Юй Хань,

магистратура, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ)
E-mail: yuhancsc@mail.ru

Статья посвящена комплексному исследованию санкционной политики США и европейских стран в отношении России, которая на современной международной политической арене на данный момент имеет важное значение на фоне непростой геополитической ситуации в мире.

Прослеживается тот факт, что за сегодняшним санкционным давлением Запада стоят сложные и постоянно меняющиеся дипломатические отношения и геополитические факторы. Особое внимание уделено тому, что санкции, принятые Соединенными Штатами и европейскими странами, затрагивают ряд основных проблем, включая крымский кризис, кризис на Украине, нарушения прав человека, кибератаки и т.д. Эти факторы напрямую влияют на отношение и политический выбор западных стран в отношении России.

Автор приходит к выводу, что санкционная политика США и Европы против России – чрезвычайно сложный и важный вопрос международной политики. Перед лицом этих санкций Россия может принять ряд ответных мер, таких как укрепление сотрудничества с другими странами, в особенности в отношениях с такими странами, как Китай, чтобы уменьшить давление, вызванное санкциями.

В заключение раскрывается, что Россия может также активизировать усилия по реформированию собственной экономики, снижению зависимости от западных стран и поиску независимого пути собственного развития. Обосновывается мысль о том, что на сегодняшний день крайне важно понимать особенности влияния этой политики на внешнеполитическую стратегию России, тем самым прогнозируя возможные будущие тенденции на геополитической карте мира.

Ключевые слова: украинский кризис, санкции США и Европы, российские контрсанкции, дипломатическая стратегия, импортозамещение, геополитическая ситуация в мире.

В нынешнем международном политическом контексте США и страны ЕС с 2014 года стали вводить санкции против России, в феврале 2022 года последовали беспрецедентные по объему пакеты санкций, в результате чего этот политический конфликт привлек широкое международное внимание. Нужно отметить, что внешнеполитическая стратегия России формируется под влиянием ряда основных факторов, в свою очередь геополитические факторы имеют решающее значение в формировании российской внешней политики.

Для России, как страны с огромной территорией, стабильность и безопасность в соседних странах и регионах имеют ключевое значение, поэтому геополитические взгляды всегда оказывали влияние на ее внешнеполитические решения. Таким же образом структура международных отношений и споры между крупными державами оказывают глубокое влияние на дипломатическую стратегию России. Отношения с крупными державами, такими как США, Китай и Европа, а также ее роль в международных организациях, таких как Организация Объединенных Наций и Всемирная торговая организация, являются важными факторами, формирующими российскую дипломатию. Внутренние политические и экономические условия также оказывают влияние на внешнюю политику, поскольку правительствам необходимо сбалансировать внутренние и международные интересы. Целью данного исследования является изучение дипломатической стратегии России и ее реакции в контексте санкций США и Европы.

Предыстория и последствия санкций против России являются ключевыми политическими мерами, принятыми Соединенными Штатами и Европой для решения геополитических проблем, связанных с украинским кризисом

Предыстория и последствия санкций, введенных Соединенными Штатами и Европой в отношении России, – это вопросы, которые на сегодняшний день привлекают большое внимание и являются актуальными на международной политической арене. Истоки этих санкций можно проследить и до украинского кризиса, они включают в себя ряд сложных геополитических и экономических факторов. Нужно отметить, что влияние санкций охватывает многие области, включая политику, экономику и геостратегию [3, с. 5].

Кризис на Украине начался в 2014 году, когда прошел референдум, на котором жители Крыма проголосовали за воссоединение полуострова с Россией. Это привело к широкому международному осуждению, особенно резкой реакции со стороны США и Европы. Западные страны, включая США и Европейский Союз, ввели ряд санкций, включая адресные ограничительные меры (индивидуальные санкции), экономические санкции и дипломатические меры, направленные на ослабление экономического и политического влияния России [13, с. 76].

Безусловно, санкции оказали серьезное давление на российскую экономику, приведя к девальвации валюты, инфляции и снижению внутренней производитель-

ности. Экспорт энергоносителей из России также был ограничен, поскольку санкции сократили ее способность финансировать энергетический сектор. Санкции также способствовали изоляции России международным сообществом и ослабили влияние России на международной политической арене. Кроме того, санкционные меры усилили напряженность между западными странами и Россией, спровоцировав дипломатические споры и военную конфронтацию [11, с. 15].

При этом санкционное давление заставило Россию стремиться к более тесному сотрудничеству с развивающимися державами, такими, как Китай. Можно отметить, что все вышеперечисленные события оказали и продолжают оказывать глубокое влияние на глобальный геополитический ландшафт и постепенно изменяют баланс сил в международных отношениях. В целом, санкции, введенные Соединенными Штатами и Европой против России, призваны способствовать разрешению украинского кризиса, но они также вызвали ряд сложных геополитических и экономических последствий, которые оказали глубокое влияние на международные отношения и стали одним из важных вопросов на международной политической арене [4].

В условиях санкций, введенных США и Европой в отношении России, дипломатическая стратегия России сместилась в новом направлении

Действительно, санкционная политика США и Европы против России привела к новому сдвигу в дипломатической стратегии России. Эти санкции вынудили Россию пересмотреть свои международные отношения и принять ряд контрмер, чтобы справиться с внешним давлением. Основные новые сдвиги в дипломатической стратегии включают в себя ряд аспектов.

Во-первых, под влиянием западных санкций Россия укрепила сотрудничество со странами Азии, особенно с Китаем. Это новое стратегическое партнерство включает экспорт энергоносителей, военное сотрудничество и сотрудничество по геополитическим вопросам [8, с. 56]. Ожидается, что укрепление российско-китайского сотрудничества окажет важное влияние на геополитику и изменит баланс сил в международных отношениях. Во-вторых, Россия стремится усилить свое геополитическое влияние в соседних регионах, в особенности в Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Мы можем наблюдать то, как Россия на данный момент играет заметную роль в этих регионах, поддерживая сирийское правительство, работая с Турцией и Ираном над регулированием ситуации в Сирии и защищая свои собственные интересы, проводя специальную военную операцию на Украине [7, с. 53–54].

Кроме того, из-за изоляции от стран Запада Россия все больше склоняется к укреплению сотрудничества с другими странами и международными организациями. Это включает в себя укрепление отношений с БРИКС, членами Шанхайской организации сотрудничества и другими региональными и международными партнерами для защиты своих интересов в глобальных мировых проектах. Санкционная политика США и Европы заставила Россию пересмотреть свою дипломатическую стратегию и принять ряд мер по адаптации к новой геополитической реальности. Этот сдвиг может оказать глубокое влияние на международный политический ландшафт и глобальную геостратегию, запуская новую геополитическую динамику и модели сотрудничества [5, с. 156–160].

В целом санкционная политика США и Европы заставила Россию переосмыслить свою дипломатическую

стратегию и искать новые направления сотрудничества. Как было сказано ранее, эта стратегическая корректировка может оказать глубокое влияние на международный политический ландшафт и глобальную геополитику, запуская новые модели сотрудничества и политические ориентации.

Перспективы развития китайско-российских отношений

На сегодняшний день можно констатировать тот факт, что в новой международной ситуации развитие китайско-российских отношений открыло как новые возможности, так и новые риски. На экономическом уровне, в условиях многочисленных раундов санкций, совместно введенных Соединенными Штатами и Европой, российская экономика пережила кризис, из которого было достаточно трудно выйти и преодолеть экономическую стагнацию и рецессию за короткий период времени [1, с. 6].

Но можно утверждать, что санкции со стороны США и Европы способствовали сближению России и Китая. Санкционное давление значительно способствовало китайско-российскому экономическому и торговому сотрудничеству. Экономическая трансформация России, несомненно, открыла возможности для развития и углубления китайско-российского экономического и торгового сотрудничества [12, с. 165].

Кроме того, и Китай, и Россия, безусловно, сталкиваются с потребностями внутренних реформ и развития. В процессе дальнейшего открытия международного рынка обе стороны также столкнулись с определенными ограничениями и трудностями [9]. В настоящее время взаимодополняющие преимущества обеих сторон в экономическом плане постепенно становятся все заметней. В России явная нехватка трудовых ресурсов и отставание в легкой промышленности являются недостатками экономического развития. Однако Китай в свою очередь имеет огромные трудовые ресурсы и дешевое сырье для легкой промышленности, трансформируя свою модель экономического развития, подчеркивая важность и актуальность НИОКР и инноваций [6, с. 1266–1267].

Нужно отметить, что научно-технический уровень России относительно высок, как и уровень ее человеческих ресурсов. Эта сильная экономическая взаимодополняемость предоставляет Китаю и России возможности осуществлять экономическое сотрудничество во многих областях [2, с. 78]. На уровне политики и безопасности после начала специальной военной операции на Украине Россия столкнулась с новой дилеммой дипломатической безопасности, созданной Западом, в то время как Китай на протяжении многих лет постоянно подвергался стратегическому давлению со стороны США. Учитывая текущую ситуацию, исходя из общей стратегической необходимости и дальше развивать контрмеры против санкционного давления США и Запада, наращивая взаимное сотрудничество Китая и России, всесторонне укрепляя стратегическое партнерство [10, с. 356].

Заключение

Начало специальной военной операции на Украине и последующая эскалация ситуации бросили тень на отношения между Россией и западными странами, такими как США и Европа, а также оказали сильное влияние на нынешний международный политический ландшафт. При этом нужно понимать, что Россия находится в состоянии прямой конфронтации с США и Европой, и существен-

ного прогресса в украинском вопросе, который и на сегодняшний день остается в состоянии продолжающейся нестабильности, по-прежнему нет.

Показывая отпор западным странам, Россия демонстрирует политику умной силы; аналитики сохраняют осторожный, но оптимистичный взгляд на перспективы российской экономики России в ближайшем будущем. Стратегический сдвиг России принес много возможностей и Китаю, перед лицом постоянного стремления Соединенных Штатов к мировой гегемонии и бессмысленных провокаций, воспользовавшись этими возможностями, углубив сотрудничество с Россией в различных областях, Россия и Китай вместе работают над построением мирного, стабильного и процветающего Азиатско-Тихоокеанского региона, совместно способствуя установлению нового международного политического и экономического порядка, поддерживая и продвигая мир и стабильность во всем мире.

Литература

1. Айрапетян, Д.А. Россия и США: новая эра мировой политики в контексте геополитических стратегий // Проблемы управления, экономики, политики и права в глобализирующемся мире: Сборник докладов Фестиваля науки ЮРИУ РАНХиГС, Ростов-на-Дону, 15–20 апреля 2019 года. Том Часть II. – Ростов-на-Дону: Южно-Российский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУФ РАНХиГС), 2019. – С. 6–8.
2. Бочков, П.В. Налоговая политика РФ в период санкций недружественных стран Европы и США / П.В. Бочков, Е.С. Бровченко, И.П. Юхник // Финансовый бизнес. – 2022. – № 9(231). – С. 77–80.
3. Бушуев, Н.С. Влияние санкций США и Западной Европы на развитие транспортного комплекса России / Н.С. Бушуев, К.П. Мухина // Инфраструктура транспорта. – 2021. – № 2(2). – С. 5–9.
4. Кэтрин Хилле. Россия делает ставку на казино, чтобы оживить экономику на Дальнем Востоке. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.inopressa.ru/article/14Sep2015/ft/casino.html> (Дата обращения 02.04.2024) \ Financial Times, 14 сентября 2015 г.
5. Лукин, А.В. Возвышающийся Китай и будущее России [Текст]: работы о Китае и российско-китайских отношениях / А.В. Лукин. – М.: Международные отношения, 2015. – 789 с.
6. Масляева, Е.Р. Стратегия развития организации в условиях санкций Западной Европы и США (на примере АО «Русская медная компания») / Е.Р. Масляева // Весенние дни науки: Сборник докладов международной конференции студентов и молодых ученых, Екатеринбург, 20–22 апреля 2023 года. – Екатеринбург: ООО Издательский Дом «Ажур», 2023. – С. 1266–1268.
7. Сложные дипломатические узы: Россия, Китай и США в современном мировом порядке / М.А. Фомин, Н.Е. Садовиков, А.А. Ткач, В.И. Лаврова // Обществознание и социальная психология. – 2023. – № 9–5(39). – С. 53–56.
8. Тренин Д.В. Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. 2021 г., 461 с.
9. Эндрю Уилсон. Украинский кризис: что он означает для Запада \ Издательство Йельского университета, 2014–236 с.

10. Ли, Шуан. Российско-китайские отношения на современном этапе / Шуан Ли. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 15 (119). – С. 355–357.
11. Купянская, С.Р. Влияние секторальных санкций США и Европы в отношении России на импортно – экспортные отношения / С.Р. Купянская // ExLegis: правовые исследования. – 2021. – № 2. – С. 14–16.
12. Гусев, К.Н. Как Россия борется с санкциями, а Европа – с долларом / К.Н. Гусев // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 6(6). – С. 165–171.
13. Russian strategic thought toward Asia / ed. by Gilbert Rozman, Kazuhito Togo, a. Joseph P. Ferguson. – New York; Basingstoke, Hants.: Palgrave Macmillan, 2006. – VI, 263 с.

RUSSIA'S DIPLOMATIC STRATEGY IN THE CONTEXT OF US AND EUROPEAN SANCTIONS: ANALYSIS AND PROSPECTS

Yu Han

Moscow State University named after M.V. Lomonosov (MSU)

The article is devoted to a comprehensive study of the sanctions policy of the United States and European countries towards Russia, which in the modern international political arena is currently of great importance against the backdrop of the difficult geopolitical situation in the world.

It can be seen that behind today's sanctions pressure from the West are complex and constantly changing diplomatic relations and geopolitical factors. Particular attention is paid to the fact that the sanctions adopted by the United States and European countries affect a number of major issues, including the Crimean crisis, the crisis in Ukraine, human rights violations, cyber attacks, etc. These factors directly affect the attitude and policy choices of Western countries in relation to Russia.

The author comes to the conclusion that the sanctions policy of the United States and Europe against Russia is an extremely complex and important issue of international politics. In the face of these sanctions, Russia can take a number of countermeasures, such as strengthening cooperation with other countries, especially in relations with countries such as China, to reduce the pressure caused by the sanctions.

In conclusion, it is revealed that Russia can also intensify efforts to reform its own economy, reduce dependence on Western countries and find an independent path for its own development. The idea is substantiated that today it is extremely important to understand the peculiarities of the influence of this policy on Russia's foreign policy strategy, thereby predicting possible future trends on the geopolitical map of the world.

Keywords: Ukrainian crisis, US and European sanctions, Russian counter-sanctions, diplomatic strategy, import substitution, geopolitical situation in the world.

References

1. Airapetyan, D.A. Russia and the USA: a new era of world politics in the context of geopolitical strategies // Problems of management, economics, politics and law in a globalizing world: Collection of reports of the Science Festival of the YuRIU RANEPА, Rostov-on-Don, 15– April 20, 2019. Volume Part II. – Rostov-on-Don: South Russian Institute of Management – branch of the federal state budgetary educational institution of higher professional education Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (YURIUF RANEPА), 2019. – P. 6–8.
2. Bochkov, P.V. Tax policy of the Russian Federation during the period of sanctions of unfriendly countries in Europe and the USA / P.V. Bochkov, E.S. Brovchenko, I.P. Yukhnik // Financial business. – 2022. – No. 9(231). – P. 77–80.
3. Bushuev, N.S. The influence of US and Western European sanctions on the development of the Russian transport complex / N.S. Bushuev, K.P. Mukhina // Transport Infrastructure. – 2021. – No. 2(2). – P. 5–9.

4. Catherine Hille. Russia is banking on casinos to revive the economy in the Far East. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.inopressa.ru/article/14Sep2015/ft/casino.html> (Date of access: 04/02/2024) \ Financial Times, September 14, 2015
5. Lukin, A.V. Rising China and the future of Russia [Text]: works on China and Russian-Chinese relations / A.V. Lukin. – M.: International Relations, 2015. – 789 p.
6. Maslyaeva, E.R. Strategy for the development of an organization under the conditions of sanctions in Western Europe and the USA (using the example of Russian Copper Company JSC) / E.R. Maslyaeva // Spring Days of Science: Collection of reports of the international conference of students and young scientists, Ekaterinburg, April 20–22, 2023. – Ekaterinburg: LLC Publishing House «Azbur», 2023. – P. 1266–1268.
7. Complex diplomatic ties: Russia, China and the USA in the modern world order / M.A. Fomin, N.E. Sadovikov, A.A. Tkach, V.I. Lavrova // Social science and social psychology. – 2023. – No. 9–5(39). – pp. 53–56.
8. Trenin D.V. New balance of power. Russia in search of foreign policy balance. 2021, 461 p.
9. Andrew Wilson. The Ukrainian crisis: what it means for the West \ Yale University Press, 2014–236 p.
10. Li, Shuang. Russian-Chinese relations at the present stage / Shuang Li. – Text: immediate // Young scientist. – 2016. – No. 15 (119). – pp. 355–357.
11. Kupyanskaya, S.R. The influence of sectoral sanctions of the USA and Europe against Russia on import-export relations / S.R. Kupyanskaya // ExLegis: legal studies. – 2021. – No. 2. – P. 14–16.
12. Gusev, K.N. How Russia fights sanctions, and Europe fights the dollar / K.N. Gusev // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – No. 6(6). – pp. 165–171.
13. Russian strategic thought toward Asia / ed. by Gilbert Rozman, Kazuhito Togo, a. Joseph P. Ferguson. – New York; Basingstoke, Hants.: Palgrave Macmillan, 2006. – VI, 263 pp.

Формирование и развитие концепции «мягкой силы» в политической науке

До Тхи Ван Фыонг,

аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности (ИПиНБ РАНХиГС)
E-mail: dovanphuong.htqt@gmail.com

Нгуен Тхи Тхьонг,

аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)
E-mail: Ntthuong98@gmail.com

Ле Хуинь Дык,

аспирант кафедры истории права и государства, Институт права и национальной безопасности (ИПиНБ РАНХиГС)
E-mail: huynhduck25a@gmail.com

В рамках исследования рассматриваются исследовательские работы, касающиеся теоретических и практических основ процесса формирования и развития мягкой силы. Международные отношения в последние десятилетия постоянно меняются под влиянием множества различных факторов, оказывая тем самым существенное влияние на страны, регионы и весь мир. Таким образом, господство и конкуренция между странами становятся все сложнее. Сила страны уже не ограничивается только несколькими типичными направлениями, как раньше (политическими, военными, экономическими), но и зависит от многих других факторов, так называемых «мягких» факторов. Другими словами, мягкая сила все чаще рассматривается как один из важных факторов, определяющих силу страны. Поэтому изучение мягкой силы привлекает внимание многих отечественных и зарубежных ученых. Изучив ряд мнений ученых аналитическим и сравнительным методами, авторы пришли к выводу: в определенных случаях экономика и военная сила могут представлять собой источник мягкой силы; мягкая сила не может быть монополией государственных субъектов, в отличие от жесткой силы; важность принятия стратегии «мягкой силы» затрудняет ее реализацию, а ее последствия сложно переоценить.

Ключевые слова: мягкая сила, международное отношение, «мягкие» факторы, цифровое влияние, влияние компании, публичная дипломатия.

Введение

Концепция «мягкой силы» из-за своего диффузного и многогранного характера представляет собой особый тип влияния, который трудно измерить и однозначно проиллюстрировать. В связи с этим возникает необходимость определить составляющие этого влияния, чтобы различать случаи, когда взаимодействие между двумя стейкхолдерами действительно происходит в контексте мягкой силы, а когда оно обусловлено другими факторами. По этой причине работа, выполненная исследовательским коллективом SoftPower30 Portland и, в частности, Джонатаном МакКлори, предлагает типологию мягкой силы, выделяя шесть основных аспектов, определяющих ее. Этот аналитический подход к «мягкой силе» включает в себя культуру, образование, взаимодействие, цифровые технологии, правительство и, в конечном счете, бизнес [8].

Таким образом, культурное влияние может быть объяснено через культурные ценности, которые имеют универсальный характер и могут быть приняты другими обществами, что делает их привлекательными для других народов. Воздействие через образование включает в себя способность страны привлекать иностранных студентов на свою территорию, реализацию программ образовательного обмена, участие в развитии научных исследований и другие мероприятия. Исследование Макклори показывает, что «образование является мощным инструментом публичной дипломатии», способным изменить восприятие страны благодаря обратной связи иностранных студентов и исследователей, работающих в ней [8]. Во-вторых влияние через взаимодействие, также известное как дипломатическое влияние, включает в себя способность страны управлять своей внешней политикой, дипломатические отношения с другими странами и вклад в международное сообщество.

Способность актора сотрудничать с другими и стремиться стать источником ожидаемых результатов, будь то на двустороннем, межрегиональном или международном уровнях, участие в международных организациях или внесение своего вклада в развитие других государств, может рассматриваться как форма дипломатического влияния. Воздействие компании, также известное как влияние инноваций и бизнеса, может быть обусловлено привлекательностью, которую иностранный партнер может представлять для экономической модели, конкурентоспособности, способности к инновациям или способности страны стимулировать и развивать свой коммерческий сектор. Цифровое воздействие, как правило, подчеркивает увеличивающуюся привлекательность, которую страна может приобретать благодаря своим технологическим достижениям, их внедрению и присутствию в цифровом пространстве, а также активному участию в социальных сетях и цифровой дипломатии, которая становится возможной благодаря новым каналам коммуникации и обмена.

Наконец, влияние со стороны правительства включает в себя модель управления, которая формируется

из политических ценностей, устройства общественных институтов, человеческого развития и индивидуальных свобод, а также результатов, достигнутых правительством. Зарубежные страны более склонны к сотрудничеству и заимствованию модели страны с развитым государственным влиянием.

Таким образом, в данном исследовании мы фокусируемся на развитии влияния через дипломатию и взаимодействие, через предпринимательство и бизнес, а также через правительство, хотя культурные пробуждения также могут быть замечены через эти три типа влияния.

Основная часть

Для того, чтобы точно понять понятие мягкой силы, его необходимо сопоставить с концепцией жесткой силы, которая ему противопоставлена. В самом деле, если жесткая сила состоит из такого типа отношений, при котором достижение желаемых результатов достигается с помощью методов принуждения с использованием баланса сил, будь то военный или экономический, то мягкая сила определяется Джозефом Наем как «*способность влиять на других для достижения желаемых результатов с помощью средств сотрудничества, таких как установление повестки дня, убежденность и умение привлекать позитивных людей*» [9].

Най также выделяет три основных ресурса, на которых может быть построена мягкая сила страны. Прежде всего, его культура, степень влечения, которую могут иметь к нему внешние народы. Во-вторых, его политические ценности, когда они уважаются внутри страны и желанны за рубежом. Наконец, его внешняя политика, если она рассматривается иностранными государствами как легитимная и демонстрирующая своего морального авторитета по отношению к внешнему миру.

Более того, использование «мягкой силы» в своей стратегии влияния на государство или региональную организацию подразумевает не ошибку «*иметь власть над*», а «*власть с*» целевыми партнерами. Другими словами, в отношениях влияния, которые создаются между двумя сторонами. Обладание для актора ресурсами, позволяющими оказывать влияние, является предварительным шагом на пути к тому, чтобы быть в состоянии трансформировать свои ресурсы в поведенческие результаты в качестве объекта своей мягкой силы. Таким образом, актер может получить доступ к форме мягкого влияния, если у него есть необходимые цели и ресурсы для того, чтобы стать привлекательным, убедительным или стимулирующим в глазах своих целевых партнеров и, при необходимости, получить результаты путем тесного сотрудничества в соответствии со своими ожиданиями, не прибегая к принудительным процедурам.

Таким образом, обладание ресурсами, способными оказывать влияние, является необходимым, но недостаточным условием для достижения желаемых результатов. Обладание средствами, способными создать мягкое воздействие, не ведет непосредственно к его реализации. Най объясняет это в своей модели превращения ресурсов «мягкой силы» в результаты модели, которая станет общей нитью всего исследования и которую он выстраивает следующим образом: 1) Ресурсы (культура, политические ценности, внешняя политика,...) > 2) Политические инструменты (качества и цели) > 3) Навыки конверсии (отношения, сотрудничество, диалоги и т.д.) > 4) Целевая реакция (положительная или отрицательная) > 5) Результаты (конкретные или общие) [9].

Анализ интеррегионализма требует междисциплинарного теоретического подхода к явлению «мягкой си-

лы», поскольку вопросы, возникающие в связи с этим типом отношений, могут быть разнообразными. В контексте нашего исследования либеральные подходы при поддержке конструктивистских вкладов позволяют адекватно сформулировать всю дискуссию, развернутую ниже.

Анализируя либеральные подходы к понятию «мягкой силы», следует отметить, что международная арена, погруженная в контекст конкуренции, нуждается в средствах, позволяющих сотрудничать и устанавливать межрегиональные связи, способные преодолеть расхождения, существующие между различными регионами и различными государствами. Цель этого сотрудничества в рамках межрегионализма – гибридного или чистого – состоит в том, чтобы достичь общих целей и в то же время договориться о снижении барьеров, возникающих в развитии этого вида сотрудничества. Иными словами, создание альянсов, заключение соглашений о партнерстве, ратификация договоров между региональными блоками или с конкретными государствами способствуют, с одной стороны, укреплению внешнего имиджа, проецируемого субъектами сотрудничества, а с другой стороны, отдают предпочтение многостороннему подходу при обдумывании и принятии решений. Следует добавить, что либеральные подходы не имеют такого описательного характера, как другие течения в международных отношениях, и что они имеют нормативный вид. Как свидетельствует Вудро Вильсон, стоявший у истоков зарождения либеральной парадигмы, это теоретическое течение придает большое значение прекращению анархии, присутствующей на международной арене через систему международного права, сохранению и расширению демократической модели и связанных с ней ценностей для продвижения к системе международного управления, выступающей за многосторонность. Увеличение торговли путем прекращения экономического протекционизма и открытия границ для усиления взаимозависимости между странами или установления открытых и прозрачных дипломатических отношений.

Во-вторых, как заметил еще Джон Стюарт Милль в 1848 году: «*Торговля быстро делает войну ненужной, усиливая и умножая личные интересы, противостоящие ей... Быстрый рост международной торговли, являясь главным залогом мира во всем мире, составляет его великую постоянную безопасность*» [4]. Несколько десятилетий спустя, в 1970-х годах, Роберт Кеохейн и Джозеф Най, транснационалисты, а затем неолиберальные институционалисты, предложили понятие «комплексной взаимозависимости», которое определяет взаимное влияние, которое может существовать между двумя актерами из-за большого количества их отношений, транзакций и отношений, установленных между ними, уровня взаимозависимости, вытекающего из качества и важности этих отношений. Это явление характеризуется множественностью каналов обмена, умножением областей действия, которые совместно воспринимаются, и применением силы, выходящей из употребления одновременно.

По мнению А.Н. Ременцова, главным следствием этого явления является постепенное сокращение автономии государств, но с либеральной точки зрения это будет представлять собой привилегированный путь к все более мирному мировому порядку, склонному к высокому уровню взаимосвязей и сотрудничества, выгодному либеральным ценностям [1]. Однако в случае межрегиональных отношений между Европейским союзом и Японией не может быть и речи о том, чтобы избежать какого-либо конфликта через модель комплексной взаимозависимости. Это относится к направлению, в кото-

ром два актора могут двигаться в своих отношениях, и в то же время представляет собой модель отношений, с помощью которой мягкая сила может переходить от одного актора к другому.

Наконец, вклад Эндрю Моравчика в либеральную парадигму позволяет выйти за рамки идеологического и идеалистического характера, который критики придают либеральным теориям, хотя такой способ понимания международных отношений остается актуальным элементом в понимании исследуемой проблемы [6]. Как утверждает Моравчик в своем третьем постулате «Взаимозависимость и международная система», конфигурация взаимозависимых предпочтений государств определяет их поведение и помогает определять поведение других [6]. Действительно, если невозможно добиться своих предпочтений с помощью своей идеальной политики, актор на международной арене должен учитывать ограничения, налагаемые предпочтениями других акторов. Моравчик использует термин «политическая взаимозависимость» для выражения набора издержек и выгод, которые актор создает для других, когда он пытается достичь своих предпочтений и результирующего обмена политическими уступками посредством сотрудничества, переговоров или убеждения для достижения этой цели. Таким образом, игра влияния – как через сотрудничество, так и через убеждение – становится возможной, когда актор преследует свою цель реализации своих предпочтений [6].

Через призму конструктивизма межрегиональный феномен «мягкой силы» является разновидностью социально сконструированных отношений. В этом смысле межрегиональные отношения между стейкхолдерами являются социальными процессами, которые приводят к конструированию, укреплению или даже утверждению коллективной идентичности перед лицом других, чуждых процессу идентичностей. Совместное согласование общих норм и ценностей позволяет акторам межрегиональных отношений формировать общие интересы и, таким образом, взаимодействовать друг с другом для достижения желаемых результатов.

Опираясь на концепцию интерсубъективности, конструктивизм подчеркивает привилегированный характер отношений, которые создаются между обществами со сходными ценностями. Межрегиональные отношения становятся возможными только тогда, когда два актора признают ценности и нормы друг друга, основанные на одних и тех же стандартах, что при необходимости позволяет приписывать друг другу мирные намерения. Из этих доверительных отношений могут возникнуть всевозможные обмены (экономические, идеологические, культурные,...), продолжение которых может привести стороны, участвующие в сотрудничестве, к попыткам интернационализировать общие стандарты.

Если, на первый взгляд, Най понимает «мягкую силу» как ненасильственный механизм влияния, позволяющий актору достигать своих целей путем убеждения, сотрудничества или притяжения к другому актору, то игра влияния, заметная в отношениях между Европейским союзом и Японией, предполагает, как нам кажется, дополнительную траекторию влияния.

Действительно, в дополнение к общепринятому можно выделить и второй тип «мягкой силы», где может проявляться односторонняя «мягкая сила». Этот первый тип мягкой силы, хотя и может положительно модифицировать воздействующее, по крайней мере, с точки зрения воздействующего, не позволяет последнему быть действующим лицом в начале элемента, который он собирается интегрировать, тем самым наделяя его единственным характером получателя. С другой стороны,

второй тип «мягкой силы», который мы особо выделяем в отношениях между Европейским союзом и Японией, представляет собой набор дополнительных ценностей от преобладающей игры за влияние, от которой страдают эти два игрока, поддерживая длительные и прочные отношения, что приводит их к сложной взаимозависимости в смысле Ная и Кеохэйна. Таким образом, речь идет уже не о взаимной игре влияния, целью которой было бы только заставить другого придерживаться своих предпочтений и, таким образом, смоделировать систему, чуждую его собственным активам, а скорее о совместном сотрудничестве в разработке стратегии влияния, направленной на третьи стороны, цели которой были бы взаимно согласованы. Принимая во внимание теоретические элементы либерального и конструктивистского течений, которые мы выделили выше, Европейский Союз и Япония, хотя каждая из них продолжает оставаться мишенью односторонней мягкой силы друг друга, также будут иметь общие интересы, мобилизующие использование этого второго типа мягкого влияния, как мы увидим в последней части этого исследования. Если проанализировать более конкретно, то мы проанализируем панель отношений влияния, как односторонних, так и совместно сконструированных для акторов, не связанных с изначально допущенным сотрудничеством.

Растущее значение, которое государственные акторы придают мягкому влиянию в отношениях друг с другом, является реакцией на постоянно меняющийся глобальный контекст. Если в прошлом использование жесткой силы было возможным средством преобладания чьих-то предпочтений над предпочтениями других, то по наблюдению мы наблюдаем, что использование такого рода влияния все меньше и меньше мобилизуется в международных отношениях в пользу так называемых ненасильственных методов воздействия. Переход, который мир совершил в последние десятилетия от биполярного мира времен холодной войны к однополярному миру после распада СССР, а затем и к многополярному миру вплоть до сегодняшнего дня, демонстрирует, что сила остается временной характеристикой для тех, кто ее прикладывает, и, более того, что она должна передаваться от одного актора к другому.

Этот постоянно меняющийся контекст делает «мягкую силу» привлекательной для акторов на международной арене, как объясняет Макклори, различая две тенденции, которые способствуют тому, чтобы сделать ее незаменимой в контексте отношений между государствами [8]. С одной стороны, растущее значение взаимосвязи акторов в виде сетей, реальных движущих сил мировых дел, способствующих повсеместному распространению мягкой силы в этих местах обмена. С другой стороны, растущая и почти немедленная доступность информации, ставшая возможной благодаря технологической революции последних десятилетий, которая позволяет каждому мгновенно присваивать содержание зарубежных событий, культур и норм, тем самым способствуя одновременному прохождению всевозможных влияний.

Тереза Ла Порт добавляет, что использование «мягкой силы» во многом связано с недавним явлением глобализации. Действительно, по ее словам, последствия, вытекающие из этого современного процесса, с одной стороны, способствовали стиранию традиционных границ между государствами, но также в большей степени между местным, национальным и международным уровнями принятия решений, между различными культурами, моделями гражданства,... И даже размывание границы между реальным и виртуальным мирами. С другой стороны, как мы только что отметили, глобализация спо-

способствует становлению все более многополярного мира. Если эта многополярность выражается в возникновении некой формы баланса сил между государственными субъектами, то она также развивается в руках негосударственных акторов, таких как НПО, гражданское общество, аналитические центры, лобби или транснациональные корпорации, которых глобализация позволила внедрить в сферы влияния.

Более того, построение новой модели глобального управления в эпоху глобализации предполагает учет множества акторов, природа которых становится все более сложной и разнообразной. Для достижения этой цели Кристер Йонссон отмечает, что динамика акторов, которые намерены сыграть свою роль в развитии этой новой модели, мобилизует убеждение, привлечение и разработку норм международного масштаба для ее достижения, в то же время заставляя «жесткие» методы воздействия выйти из употребления. По мнению Йонссона, переговоры и установление сети контактов являются двумя ключевыми процессами, которые должны быть у актора, чтобы предоставить ему возможность оказывать влияние [7]. Вот почему дипломатический аспект государственных акторов стал таким распространенным в наше время. Филип Сейб помогает поддержать эту точку зрения, рассматривая публичную дипломатию государств как само воплощение их способности влиять через привлечение или убеждение. Най, говоря о контексте холодной войны и победы Соединенных Штатов, идет в этом направлении, говоря, что «*публичная дипломатия имеет долгую историю как средство продвижения мягкой силы страны и была необходима для победы в холодной войне*».

Кроме того, Ла Порт отмечает неспособность или даже неспособность государств бороться с международными угрозами, такими как терроризм, изменение климата и финансовые кризисы, на что Най предлагает первый возможный ответ своим конкретным наблюдением за случаем транснационального терроризма, который он описывает как борьбу за «*сердца и умы*», делающую «*чрезвычайное*» использование бесплодным «*от жесткой силы к мягкой со стороны государственных органов*».

Кроме того, представляется уместным подчеркнуть фактическую важность современного ядерного оружия, которое делает правдоподобными и применимыми «жесткие» стратегии, такие как стратегия взаимного гарантированного уничтожения или «стратегия ответного удара», и это лишь некоторые из них. Принимая как должное, с одной стороны, то, что эти вооружения способны свести применение войны к простой серии ядерных ударов с целью уничтожения противника, а с другой стороны, что глобализация все больше допускает взаимосвязь между государствами и вытекающее из этого изобилие альянсов, использование стратегии жесткой силы становится все более и более сложным, поскольку повсюду будет несоразмерно ставки в конфликте. Поэтому уместно предположить, что сегодняшние ядерные державы таковы, что они усложняют возможности применения жесткой силы. В то же время это приводит к негативному миру, в котором использование мягкой силы становится наиболее мыслимой возможностью влияния.

Принимая во внимание эти элементы, учитывая, что военная революция, вызванная, главным образом, ядерным оружием, сделает использование жесткой силы непоправимым или даже окончательным с точки зрения последствий для государств, которые рискнут ею, поэтому понятно, что во все более взаимосвязанном глобализованном обществе, где информация и знания других находятся в пределах досягаемости каждого, Там, где вызовы, которые мир ставит перед государственными

субъектами, должны решаться на многосторонней основе, где власть влияния больше не находится в руках немногих, а в руках множества акторов с принципиально разной природой, мягкая сила оказывается наиболее широко применимым типом влияния [2].

В последние десятилетия межрегиональное сотрудничество стало одним из наиболее фундаментальных элементов внешней политики Европейского союза. Союз является самым верным сторонником модели региональной организации практически во всех регионах мира. Таким образом, как мы уже отмечали, Европейский Союз намерен играть ведущую роль в построении новой системы глобального управления – с надеждой на то, что он сможет соответствовать тем ценностям и стандартам, которые мы можем ему приписать, – распространению региональной интеграции или, в меньшей степени, региональному сотрудничеству, составляющему, по мнению организации, наилучшее средство ее достижения.

В Глобальной стратегии Европейского Союза также напоминает, что создание региональных организаций «*является существенной основой для мира и развития самого ЕС*», поэтому «*в разных регионах мира ЕС будет стремиться к конкретным целям*». Действительно, Союз работает над своей видимостью и легитимностью в качестве глобального игрока, поощряя и поддерживая различные попытки посредством ряда технических, логистических, финансовых, институциональных и политических процессов, тем самым демонстрируя свое стремление позиционировать себя у истоков этих новых типов политических формирований. И это для того, чтобы распространить свой набор предварительных условий, позволяющих третьим сторонам создавать аналогичные учебные курсы. Более того, тот факт, что Европейский Союз позиционирует себя в качестве эталонной модели успешной региональной интеграции, способствует тому, что Уильям Эвери называет «*внерегionalным эхом*» и которое заключается в «*полном или частичном копировании интегративного поведения региональной группы группой государств вне региона, в частности инновационного поведения*», имея в виду здесь как мягкое влияние Найа, так и распространение инфекции Манерами [3].

Более того, как отметил Евросоюз, тупик в многосторонних попытках реализовать Дохийскую повестку дня Всемирной торговой организации обусловил необходимость использования интеррегионализма – как гибридного, так и чистого – для того, чтобы продолжать гарантировать доступ на рынки третьим сторонам и, в большей степени, упорствовать в стремлении к своим предпочтениям.

Заключение

В определенных случаях экономика может представлять собой источник мягкой силы, в зависимости от того, как правительство ее использует: если оно стремится «утвердить свою власть, используя свои экономические возможности», речь идет о жесткой силе. Если другие государства «привлекаются его ростом и экономической мощью и стремятся подражать ему или развивать партнерские отношения с ним из-за перспектив, предлагаемых его ростом», то это мягкая сила.

Военная сила также может стать источником «мягкой силы», особенно в том случае, когда военная сила помогает создать миф о непобедимости государства, заставляет другие государства восхищаться этой моделью и хотеть ей подражать. Мягкая сила может также возникнуть из военной мощи, когда государство практикует военное сотрудничество. Хотя «мягкая сила» стала важным понятием в международных отношениях, не-

которые ее характеристики затрудняют ее реализацию. Во-первых, мягкая сила не может быть монополией государственных субъектов, в отличие от жесткой силы. Мягкая сила может производиться и распространяться как правительствами, так и негосударственными субъектами (НПО, частные фирмы, гражданское общество и т.д.). Такое множество производителей «мягкой силы» затрудняет контроль над производством и распространением информации в одиночку государству. Например, большая часть американской киноиндустрии контролируется частным сектором и транслирует сообщения, которые иногда противоречат ценностям, отстаиваемым правительством. Най отмечает парадоксальный эффект такого разнообразия производителей: культурные элементы, производимые обществом, и ценности, которые они передают, даже если они противоречат целям правительства, позволяют укрепить доверие к нему в том смысле, что оно оставляет место для свободы выражения мнения, причем свобода выражения мнения является ценностью, позитивно воспринимаемой большинством населения.

Во-вторых, важность принятия стратегии «мягкой силы» затрудняет ее реализацию, а ее последствия трудно оценить. Действительно, не тот, кто стоит за принятыми мерами, а то, как они воспринимаются, определяет эти меры как подпадающие под мягкую силу. Мягкая сила даже в большей степени, чем другие формы силы, зависит от контекста: отправляемые сообщения «получаются и интерпретируются по-разному и с разными последствиями» в зависимости от стран и целевых групп населения. Таким образом, «мягкая сила» государства меняется с течением времени и в зависимости от целевого населения, а также внутри одной страны, в зависимости от различных социальных групп. Поэтому хорошее знание процесса приема так же важно, как и знание того, как реализовать стратегию «мягкой силы», чтобы иметь возможность корректировать ваше сообщение. По мнению Най, стратегии, реализуемые страной, обычно положительно воспринимаются странами или социальными группами, культуры и ценности которых схожи со страной-эмитентом.

Литература

1. Ременцов А.Н., Кожевникова М.Н. Сравнительный анализ основных параметров системы высшего образования в России и Вьетнаме // Мир русского слова, 2015. № 1.
2. Россия и Вьетнам намерены сотрудничать в строительстве Центра ядерной науки, – (Электронный ресурс) – URL: ria.ru/atomtec/20180908/1528090950.html (дата обращения 01.12.2023).
3. Россия и Вьетнам подписали меморандум о строительстве Центра ядерной науки во Вьетнаме, (Электронный ресурс), – URL: <https://tass.ru/ekonomika/64591311>, (дата обращения 01.12.2023).
4. Русакова О.Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. Т. 118. № 3. С. 52–61.
5. Русакова О.Ф. Soft power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. Т. 118. № 3. С. 52–61.
6. Соколов А.А. Российско-вьетнамское сотрудничество в области образования // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2014. № 25.

7. Jonsson C. Global Governance: Challenges to Diplomatic Communication, Représentation, and Recognition, *Global Governance and Diplomacy: World Apart?*, Palgrave Macmillan, 2008, p. 339, pp. 29–38
8. McClory J. The Soft Power 30 – A Global Ranking of Soft Power, *Portland*, 2019, p. 123
9. Nye, S. Public Diplomacy and Soft Power, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science, Public Diplomacy in a Changing World*, Sage Publications Inc., Vol. 616, 2008, p. 318, pp. 94–109

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF “SOFT POWER” IN POLITICAL SCIENCE

Do Thi Van Phuong, Nguyen Thi Thuong, Le Huynh Duc

ILNS RANEPА, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

The study examines research works related to the theoretical and practical foundations of the process of formation and development of soft power. International relations have been constantly changing in recent decades under the influence of many different factors, thereby having a significant impact on countries, regions and the whole world. Thus, dominance and competition between countries becomes increasingly difficult. The strength of a country is no longer limited to only a few typical areas, as before (political, military, economic), but also depends on many other factors, the so-called “soft” factors. In other words, soft power is increasingly seen as one of the important factors determining a country's strength. Therefore, the study of soft power attracts the attention of many domestic and foreign scientists. Having studied a number of opinions of scientists using analytical and comparative methods, the authors came to the conclusion: in certain cases, economics and military power can represent a source of soft power; soft power cannot be a monopoly of state actors, unlike hard power; The importance of adopting a soft power strategy makes it difficult to implement, and its consequences are difficult to overestimate.

Keywords: soft power, international relations, “soft” factors, digital influence, company influence, public diplomacy.

References

1. Rementsov A.N., Kozhevnikova M.N. Comparative analysis of the main parameters of the higher education system in Russia and Vietnam // *World of Russian Words*, 2015. No. 1.
2. Russia and Vietnam intend to cooperate in the construction of the Nuclear Science Center, – (Electronic resource) – URL: ria.ru/atomtec/20180908/1528090950.html (access date 12/01/2023).
3. Russia and Vietnam signed a memorandum on the construction of the Nuclear Science Center in Vietnam, (Electronic resource), – URL: <https://tass.ru/ekonomika/64591311>, (access date 12/01/2023).
4. Rusakova O.F. Soft power as a strategic resource and a tool for forming a state brand: the experience of Asian countries // *News of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*. 2013. T. 118. No. 3. P. 52–61.
5. Rusakova O.F. Soft power as a strategic resource and a tool for forming a state brand: the experience of Asian countries // *News of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences*. 2013. T. 118. No. 3. P. 52–61.
6. Sokolov A.A. Russian-Vietnamese cooperation in the field of education // *Southeast Asia: current problems of development*, 2014. No. 25.
7. Jonsson C. Global Governance: Challenges to Diplomatic Communication, Représentation, and Recognition, *Global Governance and Diplomacy: World Apart?*, Palgrave Macmillan, 2008, p. 339, pp. 29–38
8. McClory J. The Soft Power 30 – A Global Ranking of Soft Power, *Portland*, 2019, p. 123
9. Nye, S. Public Diplomacy and Soft Power, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science, Public Diplomacy in a Changing World*, Sage Publications Inc., Vol. 616, 2008, p. 318, pp. 94–109

К вопросу об оригинальности теории «мягкой силы»

Жарков Арсений Александрович,
аспирант Дипломатической академии Министерства
иностраных дел Российской Федерации
E-mail: senychzharkov@yandex.ru

«Мягкая сила» – один из наиболее важных на современном этапе инструментов, который пользуется заслуженным вниманием как со стороны государств, прибегающих к нему в их внешней политике с целью реализации своих национальных интересов, так и со стороны исследователей в области ТМО и мировой политики, многие из которых, тем не менее, довольно критически относятся к конвенциональной теории Дж. Ная и упрекают его в отсутствии оригинальности. Данная статья стремится исследовать это направление критики и выделить основные, более ранние идеи, которые составили своеобразный «базис» всей современной концепции «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила», «жёсткая сила», «оригинальность», «привлекательность», «оказание влияния», «культурная гегемония», «сила над мнением».

Концепция «мягкой силы» в современной политической науке

В современной системе глобальных международных отношений, которая характеризуется, по словам российского исследователя М.П. Тагворяна, продолжающимся усложнением и дифференциацией международных связей, распространением в процессе глобализации западных социально-экономических, политических и культурных институтов и идеологических мировоззренческих концепций [15], в том числе и важнейшей и наиболее эссенциальной из них, которую особенно выделял ещё в 1989 г. американский политолог Дж. Най – смещение акцента с разрешения и достижения государствами своих внешнеполитических целей посредством грубой военно-экономической силы на более изящные, цивилизованные способы, в частности, «способность через убеждение других желать того же, что желаете вы» – особое значение приобретает феномен так называемой «мягкой силы», вызывающий живейший интерес как у российских, так и западных исследователей. Концепция «мягкой силы» привлекает большое внимание исследователей и практических политиков и к настоящему времени стала общепотребительной во многих странах мира, давно став предметом отечественного и зарубежного политического и научного дискурсов.

В наиболее общем виде феномен «мягкой силы» подразумевает оказание скрытого, неявного влияния с целью достижения своих внешнеполитических целей. Рассматривая феномен «мягкой силы» в наших предыдущих публикациях на основе работ американского политолога Дж. Ная разработавшего и систематизировавшего её, мы определили, что условиях распада биполярной системы, утраты роли СССР в качестве прямого противовеса американской и западной мощи, на смену ей пришла новая конфигурация международных отношений, которая характеризуется доминированием Запада в политической, экономической, культурной, научной и военной сферах, и, по большому счёту, распространением либеральных и демократических институтов и способов ведения внешней политики, который, как указывал Най в своей публикации от 1990 г., характеризуется снижением роли «жёстких» способов достижения внешнеполитических целей, развитие международных отношений и менее очевидных, «мягких» способов защиты своих национальных интересов [9, 4]. Это положение подтверждается в дальнейшем в его другой статье – “Flexible power: The means to succeed in world politics”, – в которой Най ещё раз подчёркивает, что в действительности долгое время основными инструментами внешней политики государств в рамках Вестфальской системы служили военная мощь и дипломатия, «жёсткая сила», однако сейчас, в условиях роста «экономической взаимозависимости, ускорением научно-технического прогресс и появлением современных коммуникационных технологий на первый план выходит «мягкая сила» [9, 2].

Разделяя «жёсткую» и «мягкую» силы, Най вводит соответствующие им критерии «привлекательности» (“attraction”), которую характеризует как «основную «валюту» «мягкой силы», суть которой состоит в «апелляции к справедливости, общим разделяемым ценностям» и уверенности в правильности инвестирования ресурсов

и действий в этом направлении, и «принуждения» или «команды» – подкреплённого определёнными материальными инструментами влияния категорический приказ, при невыполнении которого последуют определённые неприятные последствия [2]. Иными словами, дифференциацию Най проводит на онтологическом уровне: в случае с «мягкой силой», «привлекательность» – это ключевой нематериальный (“intangible”) «компонент», который выражается в стремлении одного достигнуть тех же высоких социо-экономических, политических и культурных результатов, что и другой – своеобразная разновидность мимикрии, проистекающей из желания соответствовать «лучшему» и добиться того же результата, а в случае с «жёсткой силой», «принуждение» – прямое силовое вмешательство с целью коренного изменения поведения [2, 13]. И хотя «привлекательность», как указывает Най, далеко не всегда «определяет желания и предпочтения других», она гораздо более эффективно позволяет их конструировать на пути к достижению общей цели, ибо «зачем вообще прибегать к технике «кнута» и «пряника» и заставлять кого-то выполнить какое бы то ни было действие, если можно его убедить?» [2]. Следовательно, в подобной трактовке ярко противопоставляются две разновидности силы, которые, как признаётся сам политолог, хотя и «являются родственными в силу того, что обе позволяют достичь чьих-то целей путём изменения поведения других», но различаются в аспектах «функционирования и материальности ресурсов»: «мягкая сила» фактически становится синонимом «убеждения», а «жёсткая» – «запугивания».

Характеризуя «мягкую силу» как сложный конструкт, Най подчёркивает, что её основная цель заключается в том, чтобы создать у объекта «привлекательное восприятие иной культурной общности», достичь в процессе взаимодействия такого состояния, чтобы у него создалось впечатление в схожести его собственных целей и интересов с таковыми у иной социокультурной и политической общности. Иными словами, «мягкая сила» ставит своей целью через мягкое воздействие, представленное в виде убеждения, «достичь того, чтобы другие желали того же результата, который желаешь ты» [2].

Исходя из этого, подытоживает Най, «мягкая сила» – это способность достигать своих внешнеполитических целей и реализовывать проекцию силы, целенаправленно воздействуя на объект посредством его убеждения в привлекательности национальной культуры и идеологии субъекта, а не посредством угроз, подкупа и принуждения [3]. Её сущность фактически состоит в том, чтобы создать у объекта «привлекательное восприятие иной культурной общности», достичь в процессе взаимодействия такого состояния, чтобы у него создалось впечатление в схожести его собственных целей и интересов с таковыми у иной социокультурной и политической общности. Иными словами, «мягкая сила» ставит своей целью через мягкое воздействие, представленное в виде убеждения, «достичь того, чтобы другие желали того же результата, который желаешь ты» [3].

Критика концепции «мягкой силы»: к вопросу об оригинальности

Следует отметить, что вместе с широким интересом и распространением концепта «мягкой силы» у научного сообщества, занимающегося её всесторонним изучением, появилось огромное количество вопросов и уточнений как к самому понятию, так и к его сущностному наполнению. Так, в частности, многими исследователями, в том числе и О.Ф. Русаковой, в качестве своеобразных «слабостей» теории «мягкой силы» называются «наличие двух или более противоречивых подходов, отсутствие конвенционального определения понятия «мягкой

силы» и, конечно же, сама оригинальность теории «мягкой силы» [14].

К вопросу об «оригинальности» детища американского политолога обращаются в рамках политической и философской науки многие исследователи, причём саму «оригинальность» все воспринимают двояко: с одной стороны, очевидно, речь идёт о новизне и уникальности всего этого теоретического конструкта (иными словами, именно Дж. Най впервые заметил, разработал и описал определённые внешнеполитические механизмы в складывающейся новой системе глобальных отношений), с другой, некоторые обращаются, собственно, к так называемым «истокам»¹ феномена «мягкой силы» (иными словами, апологеты данного подхода пытаются доказать, что она существует фактически столько же, сколько существует сама человеческая цивилизация). Первое возражение, по словам М.М. Лебедевой, «является наиболее более используемым» – Наю часто указывают на полное или частичное отсутствие самобытности его теории: в частности, К.С. Гаджиев прямо пишет, что громадная заслуга Наю состоит лишь «в систематизации, институционализации и пропаганде своего детища», но никак не в единоличном создании новой системы [7, 12]. Второе возражение уже в большей степени характерно для более практико-ориентированного исторического интердисциплинарного подхода – обращаясь к историческому опыту, некоторые исследователи – к примеру, Ю.Г. Жеглова, и Д.М. Ковалёва – указывают, что «соответствующие технологии и подходы уже давно применяются на международной арене», о чём свидетельствуют, по мнению Ковалёвой, исторические описания в произведениях как античных греческих и римских авторов – Фукидида, Ксенофонта, Кассия, и Плутарха, – так и древнекитайских философов – Лао-Цзы [10, 11].

Принимая во внимание высказанные выше две критические точки зрения, отметим, что решающее значение в вопросе об оригинальности «мягкой силы» начинает играть тезис о том, что концепция «мягкой силы» в практическом смысле существовала задолго до обобщения и её систематизации Дж. Наю: так, например, К.С. Гаджиев и Ю.Г. Чернышов утверждают, что история изучения «мягкой силы» и её серьёзного теоретического осмысления относительно недолгая и традиционно считается, что своеобразной точкой отсчёта является 1990 год и публикация Дж. Наем статьи “Soft power” в журнале “Foreign Policy”, однако при этом исследователи подчёркивают, что, несмотря на то, что целостная теория «мягкой силы» была сформулирована в конце XX века, в каком-то широком и абстрактном протипическом необобщённом виде она существовала гораздо раньше, а А. Габриелян прямо указывает, что как «историческое, практическое явление «мягкая сила» существовала практически на протяжении всей истории государственного развития, даже задолго до появления терминологического определения данного феномена» [6, 7, 16].

Таким образом, крайне важным в вопросе об оригинальности становится поиск различных аналогичных идей, приёмов и проявлений того, что мы сейчас называем «мягкой силой», в концепциях более ранних политологов и философов, среди которых автор выделяет концепцию «культурной гегемонии» А. Грамши и теорию «трёх сил» Э. Карра, которые во многом повлияли

¹ Дословное значение понятия «оригинальный» от лат. “origo” – «первоначальный, первичный, т.е. имеющий какое-то начало, какой-то пример, «являющийся истоком» [Г.А. Крылов, «Этимологический словарь русского языка» – СПб: «Полиграфсервис», 2005. – 432 с.].

на становление и развитие современной теории «мягкой силы».

Идея «культурной гегемонии» А. Грамши

По мнению целого ряда политологов, впервые идеи, напоминающие современный взгляд на «мягкую силу», были озвучены выдающимся итальянским политическим деятелем ИКП, философом марксизма и создателем уникальной социалистической теории – А. Грамши в его «Тюремных тетрадах». В частности, уже упомянутый выше К.С. Гаджиев и его коллеги, Русакова О.Ф. и Ковба Д.М., усматривают начало теории «мягкой силы» именно в концепции «культурной гегемонии» А. Грамши [14].

Концепция «культурной гегемонии» Грамши построена на основе марксистской теории и учитывает взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на социальную революцию и коренное преобразование общества посредством смены социально-экономической формации и изменения в функционировании экономики, в результате которого будет совершён переход к коммунизму. Принимая за господствующее положение о том, что диалектические изменения в развитии экономики общества определяют её социальные надстройки (политику и культуру), итальянский философ выдвигает уникальную идею о ведущей роли национальной культуры как «носителя национального самосознания каждого народа, его традиций, морально-этических ценностей, определяющих весь строй мировоззренческих и идейно-политических ориентаций людей» [8, с. 132]. Выступая в качестве своеобразной табулы, содержащей в себе культурный код, Грамши указывает, что именно культура и искусство выступают в условиях кризиса политической и социальной систем в качестве главных объединяющих пролетариат с интеллигенцией факторов [7], и именно интегрированным носителем «табулы» он отводит ведущую роль в борьбе за культурную гегемонию. В понимании итальянского философа гегемония – «всякая система политических взаимоотношений, в которых ведущая роль авангарда выражается не в господстве над ведомыми, а в способности увлечь за собой, опираясь на добровольное признание нравственного авторитета» [8, с. 114]. Ключевой в данном определении является, без сомнения, последняя часть, в которой Грамши, опережая Дж. Наю на семьдесят лет, выдвигает идею об обеспечении и реализации во внешней политике интересов государства не через «грубую силу», т.е. военное и экономическое принуждение, а через развитие национальной культуры, идеологии, дипломатии и возможностей гражданского общества, которое у Грамши определяется как «сеть частных ... профессиональных, культурных и религиозных организаций» [8, с. 44]. Итальянский мыслитель подчёркивает, что конечной целью гегемонии является завоевание политической власти в сфере национальной культуры путём распространения основных мировоззренческих концепций и идеологием, причём, в отличие от конвенционального понимания «гегемонии» как насильственного подчинения, господства, подчеркнём ещё раз, Грамши не сводит задачу своей гегемонии к демонстрации господствующего положения социальной группы или государства; напротив, говорит он, фундаментальная разница состоит в демонстрации «полного слияния экономических, политических, интеллектуальных и моральных устремлений», осуществляемого определённой социально-политической группой, скреплённой общими культурой и идеологией [8, с. 274].

В целом, как нам кажется, идея Грамши о «культурной гегемонии» во многом отражает основные положения теории Дж. Наю. Итальянский философ, как справедливо

замечают Русакова О.Ф. и Ковба Д.М., во многом опередил американского исследователя, и можно сказать, что его концепция «культурной гегемонии» легла в основу теории Дж. Наю [14].

Идея «трёх сил» Э. Карра

Также внимания также заслуживают идеи другого философа и историка, Э. Карра, который в своей работе «Двадцатилетний кризис: 1919–1939» выдвинул идею о двух (у него – трёх) типах сил, получившую широкое распространение в современной политологии: военной, экономической (аналог современной «жёсткой силы») и т.н. «силой над мнениями» (“force over opinions”), выступающей прямым аналогом «мягкой силы» [1, с. 67]. Подходя к характеристике «силы над мнениями», Э. Карр называет её «навязчивым мнением» и указывает, что в неё входят такие понятия, как «культура, жизненный уклад, образ жизни, традиции, ценности, достижения в экономике и политике» [1, с. 73]. Связывая широкое распространение и укрепление тоталитарных режимов с широким и повсеместным использованием этими режимами возможностей «силы над мнениями», британский историк фактически приравнивает её к пропаганде и во многом вторит Х. Арендт, которая выделяла идеологию и пропаганду в качестве основных инструментов навязывания массам тоталитарного мировоззрения и мировосприятия [1, с. 75–79].

Автор полагает, что взгляд Карра не отличается особой оригинальностью, однако представляется важным потому, что он заметил взаимосвязь между «мягкой силой» и пропагандой, но, вместо проведения чётких разграничений и разведения этих двух понятий, он предпочёл уравнивать их, фактически сводя свою идею об оказании культурного влияния к насильственному распространению чужого мнения, ограничив сферу их применения исключительно тоталитарными режимами, широко применяющим насилие и террор для поддержания и распространения своей власти. Эта точка зрения, разумеется, не представляется верной, однако в будущем она ляжет в основу дифференциации «мягкой силы» и пропаганды, которую можно наблюдать на современном этапе.

Таким образом, в данной статье был рассмотрен вопрос об оригинальности теории «мягкой силы»: было приведено несколько мнений относительно самостоятельности конвенциональной теории «мягкой силы», разработанной Дж. Наем, и приведены основные более ранние идеи, которые, по мнению автора, фактически легли в её основу. Было указано, что особое влияние на становление и развитие современной теории «мягкой силы» оказали идеи итальянского деятеля коммунистического движения А. Грамши и английского историка и философа Э. Карра. В произведениях А. Грамши впервые была высказана предположение об использовании во внешней политике методов оказания влияния, отличных от «грубой силы и принуждения» и использования в качестве основного ресурса борьбы за гегемонию национальной культуры; в произведениях Э. Карра была впервые выдвинута гипотеза о дифференциации различных способов влияния и выделена «сила над мнениями» как определённая механика жёсткого навязывания своих социокультурных доминант другим.

Литература

1. Carr, E. The Twenty Years' Crisis: 1919–1939. – London: Macmillan and Co, 1946. – 239 p. – pp. 67–79. ISBN: 9780333963753.

Zharkov A.A.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

“Soft power” is on the most important phenomena within the current political framework. One that is being used by modern states as means of pursuing their national goals in their respective foreign policy and actively perused by researchers in the fields of international relations and world politics, most of whom are unanimously of the opinion that the conventional “soft power” theory coined by J. Nye is far from being original. The current article seeks to analyze this criticism and put forth some key ideas that, according to the author, have had a most serious impact on the development of the modern “soft power” theory.

Keywords: “soft power”, “hard power”, “originality”, “attractiveness”, “influence”, “cultural hegemony”, “force over opinions”.

References

- Carr, E. *The Twenty Years' Crisis: 1919–1939*. – London: Macmillan and Co, 1946. – 239 p. – pp. 67–79. ISBN: 9780333963753.
- Nye, J. *Flexible power: The means to succeed in world politics // Foreign Power*. – New York: Public Affairs, 2004. – 221 p. – pp. 191–397. ISBN: 58648–225–4.
- Nye, J. *Power in the global age information: Realism to Globalization // Journal of English for Academic Purposes*. 2004. pp. 4.
- Nye, J. *Soft power // Foreign Policy*. 1990. № 79 (80). С. 153–171.
- Nye, J. *What China and Russia don't get about “soft power” // Foreign Policy*. 2013. [Электронный ресурс]. – URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-konczepczii-myagkoi-sily-preminimost-na-evrazijskom-prostranstve-6436/> (дата обращения: 09.04.2024).
- Габриелян, А. *История возникновения и развития концепции «мягкой силы»: применимость на евразийском пространстве // Центр стратегических оценок и прогнозирования*. 2019. – URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-konczepczii-myagkoi-sily-preminimost-na-evrazijskom-prostranstve-6436/> (дата обращения: 09.04.2024).
- Гаджиев К. С. *О грамшианских корнях идеи «мягкой силы» // Вопросы политологии*. 2021. Т. 11. № 8 (72). С. 2214–2219.
- Грамши, А. *Избранные произведения в 3-х томах / перевод с итальянского*. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. Т. 1. – 319 с. – С. 44–274. ISBN: 000199_000009_005592544.
- Жарков А. А. «Имиджологическая парадигма» в комплексе «мягкой силы» // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2023. № 8(101). С. 3407–3414.
- Жеглова Ю. Г. *К вопросу о концептуализации «мягкой силы» // Вестник МГЛУ, общественные науки*. 2017. № 4 (788). С. 58.
- Ковалёва Д.М. *Концепт “soft power” как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитической стратегии // Научный ежегодник Уральского отделения РАН*. 2013. Т. 13. № 1. С. 118–119.
- Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // *Вестник МГИМО*. 2017. № 3 (54). С. 213–220.
- Михалёв А.В. *Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // Дискурс-Пи*. 2011. № 19. С. 133–135.
- РусакOVA О. Ф., Ковба Д.М. *Исследования мягкой силы в российской политической науке: анализ проблемно- тематических полей // Дискурс-Пи*. 2019. № 32. С. 43–44.
- Тагворян М. П. «Мягкая сила» как инструмент реализации внешней политики государств и её значение в эпоху глобализации // *Журнал СПбГУ «Political Sciences»*. 2019. С. 32.
- Чернышов Ю.Г. *Исторический опыт использования государствами «мягкой силы»: к итогам дискуссий // Известия АлтГУ, исторические науки и археология*. 2019. № 2 (106). С. 87–88.
- Carr, E. *The Twenty Years' Crisis: 1919–1939*. – London: Macmillan and Co, 1946. – 239 p. – pp. 67–79. ISBN: 9780333963753.
- Nye, J. *Flexible power: The means to succeed in world politics // Foreign Power*. – New York: Public Affairs, 2004. – 221 p. – pp. 191–397. ISBN: 58648–225–4.
- Nye, J. *Power in the global age information: Realism to Globalization // Journal of English for Academic Purposes*. 2004. pp. 4.
- Nye, J. *Soft power // Foreign Policy*. 1990. No. 79 (80). pp. 153–171.
- Nye, J. *What China and Russia don't get about “soft power” // Foreign Policy*. 2013. [Electronic resource]. – URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-konczepczii-myagkoi-sily-preminimost-na-evrazijskom-prostranstve-6436/> (date of access: 04/09/2024).
- Gabrielyan, A. *History of the emergence and development of the concept of “soft power”: applicability in the Eurasian space // Center for Strategic Assessments and Forecasting*. 2019. – URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/491/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-konczepczii-myagkoi-sily-preminimost-na-evrazijskom-prostranstve-6436/> (date of access: 04/09/2024).
- Gadzhiev K.S. *On the Gramscian roots of the idea of “soft power” // Questions of political science*. 2021. Т. 11. No. 8 (72). pp. 2214–2219.
- Gramsci, A. *Selected works in 3 volumes / translation from Italian*. – М.: Foreign Literature Publishing House, 1957. Т. 1. – 319 p. – P. 44–274. ISBN: 000199_000009_005592544.
- Zharkov A. A. «Imageological paradigm» in the complex of “soft power” // *Issues of national and federal relations*. 2023. No. 8(101). pp. 3407–3414.
- Zheglova Yu.G. *On the issue of conceptualization of “soft power” // Bulletin of MSLU, social sciences*. 2017. No. 4 (788). P. 58.
- Kovaleva D.M. *The concept of “soft power” as a subject of study of modern political science and the theoretical basis of foreign policy strategy // Scientific yearbook of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2013. Т. 13. No. 1. pp. 118–119.
- Lebedeva M. M. «Soft power»: concept and approaches // *MGI-MO Bulletin*. 2017. No. 3 (54). pp. 213–220.
- Mikhalev A.V. *The concept of “soft power”: a review of approaches in foreign science // Discourse-Pi*. 2011. No. 19. pp. 133–135.
- Rusakova O. F., Kovba D.M. *Research of soft power in Russian political science: analysis of problem-thematic fields // Discourse-Pi*. 2019. No. 32. pp. 43–44.
- Tagvoryan M. P. «Soft power» as a tool for implementing the foreign policy of states and its significance in the era of globalization // *Journal of St. Petersburg State University “Political Sciences”*. 2019. P. 32.
- Chernyshov Yu.G. *Historical experience in the use of “soft power” by states: to the results of discussions // News of Altai State University, historical sciences and archeology*. 2019. No. 2 (106). pp. 87–88.

Понятие «заинтересованной стороны» в политическом маркетинге: особенности и классификация

Самородов Артем Игоревич,

аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО
МИД России

E-mail: samorodov_a_i@my.mgimo.ru

В настоящее время политический маркетинг играет ключевую роль для политиков всего мира. Одним из основных элементов в рамках маркетинга является процесс коммуникации. Представляется крайне важным достоверно понимать, кто является составляющей частью той или иной аудитории, с которой происходит коммуницирование. Более того, самые действенные стратегии, такие, как брэндинг и позиционирование основаны на ориентации на конкретные сегменты общества. Получается, что центральным понятием политического маркетинга является «заинтересованная сторона» или «стейкхолдер». Четкое определение заинтересованной стороны, ее атрибутов и возможностей является ключевым. От этого может зависеть не только качество взаимодействия отдельного политика с аудиторией и степень его популярности, но и успех целой организации.

Цель настоящей статьи – выявить паттерны поведения различных видов заинтересованных сторон для последующего понимания наиболее эффективных стратегий взаимодействия с каждым из видов. Для достижения цели необходимым представляется: дать определение понятию «заинтересованная сторона»; классифицировать стейкхолдеров; проанализировать классификацию; выявить универсальные атрибуты заинтересованных сторон; отразить закономерности; понять, как эффективно можно взаимодействовать с каждым из определенных классов.

Так, под «заинтересованной стороной» можно понимать индивида или группу, который(ая) находится в зависимости от достижения той или иной организацией определенных целей. Наиболее универсально классифицировать стейкхолдеров можно с точки зрения обладания соответствующими атрибутами в виде власти, легитимности и наличия фактора времени (срочности). Необходимо постоянно производить анализ атрибутов, поскольку они являются величинами динамическими. Так, существуют скрытые стейкхолдеры, обладающие 1 атрибутом, выжидающие, обладающие 2 атрибутами и определенные, обладающие 3 атрибутами.

Ключевые слова: политический маркетинг, заинтересованные стороны, стейкхолдер, власть, сила, легитимность, срочность.

Политика, как и любая другая сфера, постоянно развивается. Однако, есть одна неизменная черта: политика – это, по своей сути, взаимодействие между актором (самим политиком) и избирателем. От того, как строится коммуникация, какие приемы используются для ее построения и определения линии поведения будет зависеть как политический успех, так и уровень власти, который получит политик.

Существует мнение, что главным для политического, общественного или иного деятеля является идея. Иными словами, неважно как, главное – что. Безусловно, «как» без «что» существовать не может. Невозможно великими изощренными путями транслировать пустоту. Однако, история помнит не столько великие идеи, сколько неординарные подачи идей. Примеров можно подобрать множество для каждой конкретной ситуации, временного отрезка, части света, страны, политической партии и политических взглядов. Политическая коммуникация, как составная часть политического маркетинга крайне важна. Однако, самым важным аспектом представляется не просто коммуникация, а процесс взаимодействия с заинтересованными сторонами. Понимание и четкое определение того, кто является заинтересованной стороной может помочь политикам быть достоверно услышанными, правильно понятыми, достойно представленными и плотно взаимодействующими с той или иной аудиторией [10].

Нередко политическая партия анализируется как субъект, действующий в коммерческой логике рынка [5]. Так, если рассматривать политические партии с точки зрения бизнеса, то, на манер компаний, они не будут являться в полной мере самостоятельными. Каждая компания, так или иначе, зависит от различных факторов. То же самое можно сказать и про партии. Они зависят от тех субъектов, которые заинтересованы в достижении той или иной политической цели с помощью партии или кандидата и таких субъектов, которые инвестируют различные ресурсы. Такие субъекты называются заинтересованными сторонами, стейкхолдерами или бенефициарами.

Исследователями были предприняты попытки классификации заинтересованных сторон [8, 12, 13, 14, 15, 16]. Практически все исследователи согласились, что заинтересованные стороны, несмотря на возможные различия, обладают какой-либо одной характеристикой: властью, легитимностью и актуальностью.

Интересная классификация представлена профессором Робертом Омродом. Он разбил бенефициаров на «покупателей/заказчиков» (customers), «клиентов» (clients), «партнеров» и отдельно выделил общество в целом.

- «Покупатели/заказчики»:
 - избиратели,
 - активные сторонники партии,
 - действующие члены партии.

Данная категория бенефициаров получает прямую выгоду от политического процесса, «вкладывая» в него голоса, усилия и деньги.

- «Клиенты».

Эта категория является косвенным бенефициаром политики, проводимой правительством, или же отдель-

ных решений, которые принимаются правительством, даже если люди, входящие в эту категорию, не принимали активного участия в избирательном процессе.

- «Партнеры».
- Все, вовлеченные в конкретные процессы политического маркетинга (начиная от разработчиков политической программы и политических консультантов, заканчивая средствами массовой информации и IT-специалистами).

Субъекты данной категории являются активными участниками избирательного процесса и, как следствие, процесса политического маркетинга.

- Общество.

Образно говоря, представлено как единый бенефициар и заинтересованная сторона позитивного исхода политического процесса.

Тут же возникает вопрос: чьи интересы должны быть соблюдены в первую очередь и должны ли быть соблюдены интересы всех заинтересованных сторон. Без сомнения, среди бенефициаров могут происходить формальные и неформальные «соревнования» за получение большей выгоды и обладание большим влиянием.

Однако, в идеальном мире политический маркетинг не должен выделять кого-то из бенефициаров. Он должен удовлетворять запросы всех заинтересованных сторон, участвующих на конкретном политическом рынке [6, 8].

Крайне важно понимать, кто составляет ту или иную аудиторию, и кто является бенефициаром в каждом конкретном случае, поскольку самые действенные и популярные стратегии, такие, как брендинг и позиционирование, основаны именно на ориентации на конкретные сегменты электората.

В 1997 г., в период расцвета коммерческого маркетинга и маркетинговых технологий, профессором Рональдом Митчелом и профессором Брэдом Эйглом была написана очень важная и, во многом основополагающая статья: «На пути к теории идентификации и значимости заинтересованных сторон: определение принципа того, кто и что действительно имеет значение» (Toward a theory of stakeholder identification and salience: defining the principle of who and what really counts) [12]. Статья обратила внимание на крайнюю степень важности заинтересованных сторон как для коммерческого маркетинга в общем, так и для правильного принятия решений в бизнес-структурах, в частности, а также подчеркнула необходимость руководящего состава правильно определять заинтересованные стороны и уметь с каждой из них эффективно работать.

Поскольку теоретическая сфера политического маркетинга в России не так хорошо развита, как на Западе, а такая важная сфера, как заинтересованные стороны, до сих пор не получила должного анализа, хотелось бы на данном этапе внести свой вклад в ее развитие проанализировать, адаптировать и дополнить статью известных авторов о коммерческом маркетинге для сферы политического маркетинга и, по итогам ее адаптации, сделать важные для всего исследования выводы.

Также невозможно не упомянуть еще одного автора, чей труд, де-факто, прочно укрепил саму концепцию стейкхолдеров, или же заинтересованных сторон, как в научную, так и управленческую среду. Речь идет о книге Эдварда Фримена «Strategic Management: A stakeholder Approach» [7]. В книге были рассмотрены различные аспекты заинтересованных сторон с практической точки зрения, однако сделаны они довольно широкими мазками. Во-многом это обусловлено и тем, что, как пишет сам автор, книга была написана им, в возрасте 30 с небольшим лет, когда он не обладал большими знаниями

и опытом в бизнесе, а целью же было не написать книгу как таковую, а связать воедино те статьи и наработки, которые у него были. Этот труд был воспринят очень позитивно, и «идея заинтересованных сторон» получила свое дальнейшее развитие, чего и хотел Эдвард Фримен. Тем не менее, книга может считаться основополагающей для тех, кто напрямую связан с консультированием или же управлением. Главное же, что с тех самых пор начало волновать различных управленцев, это вопрос идентификации и типологизации заинтересованных сторон. Э. Фримен под заинтересованной стороной (стейкхолдером) имел в виду индивида или группу, который(ая) находится в зависимости от достижения той или иной организацией определенных целей.

Необходимо сделать ремарку, дабы избежать дальнейших вопросов, само по себе определение понятия «заинтересованная сторона» должно быть широким, чтобы понимать, чем этот субъект отношений отличается от любого другого, в чем заключается его самая базовая характеристика. Более узкое универсальное определение понятия «заинтересованная сторона» не может быть дано, поскольку само по себе определение является очень динамическим. Например, компания «А» продает нефть на зарубежный рынок. Так, в зависимости от структуры самой компании и от конкретного временного отрезка, заинтересованными сторонами могут быть владельцы, акционеры, топ-менеджеры, наемные рабочие и т.д. В зависимости от положения компании на рынке и ее важности для государства заинтересованной стороной может быть, как само государство, в котором компания «А» ведет деятельность и на территории которого платит налоги, так и государство, которому компания «А» продает свою продукцию. Не всегда очевидно, что стейкхолдерами могут являться и конкуренты компании «А», которые пытаются потеснить ее на рынке. Заинтересованной стороной может являться и государственная элита, как поддерживающая компанию «А», так и пытающаяся помешать ее деятельности. Заинтересованной стороной может являться даже бывший председатель совета директоров, лишенный своих полномочий.

Та же ситуация обстоит в сфере политики. Да, можно согласиться с тем, что в число традиционных стейкхолдеров принято относить те или иные группы влияния или отдельных индивидов. Однако, для успешного проведения выборной кампании необходимо каждый конкретный раз четко понимать, кто является заинтересованной стороной, какое положение он/они занимают и как могут влиять на выборный процесс и процессы, происходящие внутри самой партии.

Также необходимо помнить, что есть как фактические, так и потенциальные заинтересованные стороны. И момент, когда потенциальные стороны могут стать фактическими и наоборот предсказать довольно непросто. Это та задача, которая обязательно должна прорабатываться и выполняться. Более того, такой процесс, управленец, ответственный за эту сферу, должен контролировать.

Помочь в определении является ли тот или иной субъект или организация в данной конкретной ситуации стейкхолдером могут присущие таковым характеристики, которые, что важно, будут являться универсальными. Так, можно выделить следующие атрибуты, характерные для заинтересованных сторон:

- наличие способности влиять на компанию (власть);
- легитимность отношений стейкхолдера и компании;
- срочность требований стейкхолдера к компании (иными словами наличие фактора времени у требований/задач/цели в отношениях стейкхолдера и компании) [12].

Именно эти характеристики являются базовыми и определяют круг заинтересованных сторон. Рассмотрим их подробнее.

Наличие способности стейкхолдера влиять на компанию. Иными словами, наличие у заинтересованной стороны достаточной власти, чтобы тем или иным способом оказывать воздействие на компанию. Сам аспект и концепцию власти рассматривали такие известные личности, как Макс Вебер [24] и Роберт Даль [1]. Джеффри Пффеффер, профессор Стэнфордского университета, не раз в своих трудах [18, 19] анализировал понятие власти. Так, он говорил о власти как о социальных отношениях, в рамках которых один субъект может заставить другой субъект сделать то, что последний, в противном случае, не сделал бы.

Сама же власть бывает разной как по своей природе, так и по направлению. Амитай Этциони в своих трудах предложил категоризировать власть в рамках деловых структур исходя из типа ресурса, который используется для реализации самой власти [12]:

- принудительная власть (сила принуждения) – основана на физических ресурсах (например, физическая сила (угроза применения физических санкций));
- прагматичная власть – основана на материальных ресурсах (например, финансы (использование материальных средств для последующего контроля));
- нормативная (нормативно-социальная) власть – основана на символических ресурсах (например, авторитет, престиж, уважение и даже любовь).

Далее идет легитимность. Одной из самых ранних трактовок понятия можно считать определение, которое дал Джон Маурер [11]. Он писал, что легитимация – это процесс, с помощью которого организация обосновывает перед системой свое право на существование. Джон Даулинг [4] и его коллеги, Джеффри Пффеффер [17], а также Джеральд Саланчик [20] делали акцент на культурно-ценностный аспект. Они утверждали, что легитимность – это соответствие между социальными ценностями, связанными с деятельностью организации или подразумеваемыми ею, и нормами приемлемого поведения в более широкой социальной системе. Джон Мейер [9] и Ричард Скотт [22] также описывали легитимность как соответствие между какой-то конкретной организацией и культурной средой. Однако акцент в данном случае, смещен в сторону когнитивной составляющей. Они утверждали, что организация является легитимной, когда она понятна, понимаема и объяснима, а не тогда, когда в ней возникает какая-либо потребность. Также утверждается, что легитимность организации – это степень, в которой массив устоявшихся культурных представлений дают обоснование существованию этой самой организации [21].

Профессор социологии Брауновского университета Марк Сушман [23] много лет посвятил изучению легитимности как в теории, так и на практике, используя весь свой опыт, дал свое определение. Так, легитимность – это обобщенное восприятие или предположение, допущение о том, что действия субъекта являются желательными, надлежащими или уместными, адекватными в рамках некоторой социально выстроенной системы норм, ценностей, верований, убеждений и понятий.

Можно сказать, что легитимность – это обобщенное понятие. Обобщенным оно является как с точки зрения множественного трактования сути (обобщение различных аспектов явления легитимности), так и с точки зрения оценочного суждения, так как представляет собой обобщенную оценку событий или организаций. Легитимность – это, во-многом, оценочное понятие, которое может быть устойчиво к каким-либо событиям, а может

зависеть от них, особенно в исторической перспективе. Ведь любая организация в какой-то период времени может отступать от социальных норм, но при этом сохранять легитимность. Такое может произойти, если отступления, расхождения либо одобряются обществом и/или системой, или остаются ими незамеченными. То есть, иными словами, легитимность – это своего рода восприятие, это реакция системы, наблюдателей на организацию и ее действия в том свете, в котором ее видят. Получается, что легитимность как состояние – объективно, но создается она субъективно.

Как известно, бизнес заинтересован в долгосрочной стратегии для получения постоянной прибыли. Для сферы политики и политических партий, кажется, что такая логика может быть всецело применима с одним исключением, помимо гипотетической прибыли партия получает намного больше благ. Как пишет профессор университета Аризоны Кит Дэвис [2], компания, которая наиболее чутко относится к нуждам своего сообщества, в конечном итоге получит лучшее общество, в котором сможет вести свои дела. Иными словами, для того, чтобы получать с общества прибыль, нужно закрывать базовые потребности этого общества, чтобы оно, впоследствии, смогло осознавать другие потребности, располагающиеся в иерархии выше.

Интересным было бы пусть и в идеальных условиях, теоретически, но рассмотреть этот механизм. Итак, возьмем, например, компанию «Груша», производящую бытовую технику или, скажем, устройства связи и затем продающую ее в определенном городе. Эта компания вкладывается в проекты по уменьшению преступности в городе, в проекты по улучшению сферы здравоохранения, а также в проекты, направленные на развитие сферы образования. Со временем, помимо дополнительной рекламы для компании от такой «социальной полезности», в городе станет меньше преступности, лекарства и различные медицинские услуги станут более доступными, численность граждан и продолжительность их жизни увеличится, а также будут доступны новые образовательные программы в следствии чего, жители будут более образованными и получат доступ к новым образовательным программам. Это значит, что компания «Груша» сможет нанимать более квалифицированный персонал, улучшать свою продукцию, расширять производство и увеличивать продажи. В то же самое время преступность снизится, что будет означать меньшие траты на охранные системы и оборудование. Появится возможность ярко и замысловато оформить витрины, которые не будут нуждаться в дополнительных охранных мероприятиях. Покупатели, в свою очередь, будут спокойны и перестанут бояться ограблений или кражи. Улучшенная сфера здравоохранения и более доступные медицинские услуги позволят высвободить лишние средства покупателей для приобретения «грушевой продукции», а увеличенная продолжительность жизни позволит одному отдельно взятому человеку купить продуктов компании больше в количественно-временном эквиваленте. Получается, что лучшее общество буквально производит лучшую атмосферу и окружение для ведения бизнеса, а концепция долгосрочного развития и планирования позволяет долгосрочно максимизировать прибыль.

Но что же касается политической сферы? Политическая партия, согласно трудам Энтони Даунса [5], – это политический субъект, который действует в логике рационального игрока в экономической среде. То есть старается получить наибольший возможный доход при использовании наименьших затрат. Иными словами, партии необходимы избиратели, чтобы заполучить власть. Для этого разумно было бы работать над улучшени-

ем различных сфер жизни общества и проявлять «социальную полезность», аналогичную описанной выше в примере. Однако, на практике, дабы минимизировать затраты, партии не проводят реальной работы с обществом, а ограничиваются лишь иллюзиями и обещаниями – то есть применяют политические технологии. Таким образом, можно сказать, что политические технологии – это, в каком-то смысле, есть средство минимизации расходов политической партии.

Однако, вернемся к сути легитимности. Китом Дэвисом и Робертом Бломстромом был сформулирован «Железный закон ответственности» [3]. Он гласит, что в долгосрочной перспективе тот, кто не использует власть таким образом, который общество считает ответственным (приемлемым), склонен эту власть потерять. Можно толковать его исходя из сферы социальной ответственности политических акторов или же коммерческих предприятий перед обществом. Имеется в виду то, что, если политик или, в меньшей степени, бизнесмен не будет считаться с социальными обязательствами по мере их возникновения, не будет брать на себя социальную ответственность, другие группы влияния могут вмешаться в ситуацию, взять на себя не только социальные обязательства, но и власть, которая неразрывно следует за ними.

Далее идет упомянутый выше фактор времени, или срочность. Если разбираться непосредственно с понятием, то трактовать его можно, как какой-либо неотложный вопрос или что-либо, требующее скорого (возможно немедленного) внимания. Что касается непосредственно вопроса отношений заинтересованного лица и компании, то срочность является достаточно многослойной конструкцией. Основу же ее составляют чувствительность ко времени, то есть степень, в которой те или иные задержки руководства к какому бы то ни было аспекту стейкхолдера неприемлемы для последнего. Второй неизменный атрибут – это важность для стейкхолдера того или иного аспекта, связи, сотрудничества или каких-либо отношений. Эти два аспекта составляют единое понятие срочности в отношениях стейкхолдера и компании.

Несмотря на кажущуюся простоту непременно нужно принимать во внимание один важный фактор. Рассматриваемая теория является динамической. Вышеописанные характеристики являются неотъемлемыми, но также являются и довольно динамическими понятиями. Каждая конкретная деталь, относящаяся к тому или иному атрибуту, может изменить соотношение категорий в общем отношении стейкхолдера и компании, политической партии – любого института, к которому применима данная теория. Иными словами, три главных атрибута являются, если сравнивать с точными науками, величинами переменными. Более того, необходимо отметить или даже скорее признать, что несмотря на объективный «каркас» понятий, их толкование и тем более использование на практике является субъективным. Что имеется в виду: каждый конкретный управленец или менеджер, если говорить о компании, будет по-своему чувствовать те или иные атрибуты и затем по-своему использовать эти ощущения для составления последующих шагов, планов и стратегий. В сфере политики, кажется, что ситуация выглядит идентичным образом. Поскольку в данном случае во главе угла стоят не объективные и догматичные истины, а человеческий фактор и фактор индивидуального восприятия и ощущения каждой конкретной ситуации.

Также стоит принимать во внимание такой простой аспект, как незнание. Если говорить о заинтересованном лице, то, отталкиваясь от субъективного восприятия, оно может не знать, что обладает одним из атри-

бутов стейкхолдера. Так же, как может и заблуждаться в том, что обладает каким-либо. Может думать, что обладает одним, но в действительности обладать совершенно другим. Вполне возможно, может обладать и всеми, но использовать такую тактику, которая позволит не выдать наглядное обладание одним или несколькими атрибутами. Вариаций здесь может быть много. В связи с этим можно сделать вывод о том, что поскольку каждый аспект будет зависеть от конкретных обстоятельств, можно рассуждать о стейкхолдерах только в каком-то конкретном случае и только в определенный момент времени.

Приведем несколько примеров для наглядности. Как упоминалось выше, власть может быть абсолютно разной: от физической и материальной до абсолютно нематериальной, основанной на субъективных ощущениях и чувствах. Каждый тип власти может быть, как один, так и использоваться в сочетании с другим. Но, что всегда необходимо помнить: власть – непостоянная величина. Ее можно как обрести, так и потерять. Также наличие власти абсолютно не подразумевает обязательное ее последующее использование. В той же степени обладание властью вовсе не значит адекватное ее восприятие, а также адекватное восприятие объективной действительности с ее помощью. И здесь мы подходим к одному интересному выводу. Поскольку выше упоминалось, что наличие власти – это неотъемлемый атрибут стейкхолдера, можно задаться вопросом: а что, если стейкхолдер обладает властью, но не использует ее по направлению к компании или же партии или чего бы то ни было – можно ли считать его истинной заинтересованной стороной? Если при этом учесть, что другими атрибутами данный субъект не обладает, ответ на поставленный вопрос, скорее всего, будет «нет, не является». Однако таковым он не будет являться только для компании или партии, но не для него самого. Поскольку со стороны объекта (партии/компании) власть заинтересованной стороны не будет проявляться отчетливо. А сама заинтересованная сторона может заблуждаться в наличии власти. Таким образом, можно сказать, что заинтересованная сторона только тогда будет таковой являться, когда свою власть (в том или ином виде) будет применять по отношению к объекту (организации). Более того, власть сама по себе не гарантирует высокой степени значимости во взаимоотношениях между заинтересованной стороной и лицом, принимающим решение в компании или партии (управленцем). Поскольку наиболее действенной властью получается тогда, когда к ней добавляется легитимность, что выливается в авторитет. А наиболее эффективно власть применяется только тогда, когда присутствует фактор времени, то есть срочность выполнения какого-либо действия.

В той же самой логике второй атрибут – легитимность также может являться величиной переменной. Сама по себе легитимность, в данном контексте, основана на общей нравственности и добродетели, которая приписывается обществом заинтересованной стороне в той же степени, в которой заинтересованная сторона воспринимает эти две характеристики. В данном случае речь идет скорее об имиджевой и авторитетной составляющей.

Само по себе наличие легитимности важно. Однако, наибольшую силой она обладает только вкупе с двумя другими атрибутами. «Легитимность обретает право благодаря власти, а голос – благодаря срочности» (фактору времени) [12].

Третьим атрибутом является время. Как известно, оно по своей природе не является статичным и постоянным. Фактор же срочности является не просто не ста-

тичным, но, наряду с другими двумя атрибутами, крайне субъективным. Этот фактор может варьироваться как в зависимости от конкретной ситуации и конкретных отношений между стейкхолдером и объектом (организацией), так и в зависимости от когнитивного восприятия этой самой ситуации и отношений заинтересованной стороной или же организацией. Иными словами, понятие срочности в данном контексте является так же, как и понятия власти и легитимности, социально сконструированным.

Так, например, мэр городка, расположенного около вулкана, который по прогнозам должен начать извергаться, может обладать и властью, и легитимностью, и даже авторитетом. Однако, из-за нехватки информации, личной неосведомленности или же незаинтересованности, такой управленец может не осознавать всей полноты ситуации, ее критичности, и нехватки времени, оставшегося до начала извержения. Из-за чего мэр не произведет действий, необходимых, например, для эвакуации населения.

Как уже упоминалось выше, значимость отдельных факторов не оспаривается. Однако эффективность увеличивается только тогда, когда факторы выступают в купе друг с другом. То же самое можно сказать и про фактор срочности. В сочетании с властью фактор срочности позволяет стейкхолдеру не бояться эту самую власть применить и призывает к началу действий. В сочетании же с легитимностью срочность способствует поиску и последующему доступу к каналам принятия решений. В сочетании и с властью, и с легитимностью получается взаимное признание желаний и действий стейкхолдера и организации.

Таким образом, можно сказать, что за динамизм факторов отвечают объективное наличие, субъективное восприятие и его качество, а также сами по себе сознание и сила воли, отвечающие за степень применения или неприменения тех или иных факторов и их сочетаний.

Думается, что после такого анализа нужно сделать оговорку. Выше по тексту для более простого понимания использовалось сочетание стейкхолдер – организация. В данном случае могло показаться, что стейкхолдер – это какое-либо одно лицо, которое является заинтересованной стороной в отношениях с каким-то объектом, будь то партия, компания или что-то еще. На самом же деле, любая организация, вне зависимости коммерческая она или политическая – это всегда будет объединение различных интересов. Но на эти интересы всегда будут влиять те, кто контролирует критически важные ресурсы и имеет расположение руководства [20]. То есть, по сути, «противостояние» стейкхолдер – организация – это вариативное выражение, в котором может изменяться как численность людей, так и интересов.

Теперь же стоит вернуться к мысли о том, что на интересы организации будут влиять те, кто контролируют ресурсы и имеют власть – то есть управленцы, лидеры или менеджеры. Допустим, что происходит взаимодействие одной организации с другой или же одной партийной структуры с другой, или же партии с обществом – то есть взаимодействие большого количества различных интересов с другим также немалочисленным количеством интересов. В таком случае именно лидеры будут решать, в чем же состоят те или иные интересы организации «А» и какими они являются во взаимодействии с организацией «Б». Но самое главное, именно лидеры будут определять те или иные заинтересованные стороны. Как в рамках своей организации, так и находящиеся в организации – контрагента.

Так, для упрощения и систематизации были приняты попытки классифицировать заинтересованные

стороны. Такая классификация будет основана на трех атрибутах, о которых шла речь выше.

Начать стоит с тех организаций или индивидов, которые не могут считаться стейкхолдерами. Такие субъекты не обладают ни одним из атрибутов: ни властью, ни легитимностью, ни срочностью (рис. 1).

Рис. 1.

Источник: Mitchell R.K., Agle B.R., Wood D.J. Toward a theory of stakeholder identification and salience: Defining the principle of who and what really counts //Academy of management review. – 1997. – Т. 22. – № . 4. – С. 853–886.

Цифрами 1, 2, и 3 обозначены так называемые классы низкой значимости. Их назвали «скрытыми стейкхолдерами». Такие заинтересованные стороны обладают только каким-то одним атрибутом. Низкой значимостью они обладают для тех управленцев, которые отвечают за выстраивание с такими заинтересованными сторонами отношений.

Цифрами 4, 5 и 6 обозначаются умеренно существенные или умеренно важные заинтересованные стороны. Умеренной или средней значимостью такие стейкхолдеры опять же обладают для управленцев. Такие стейкхолдеры обладают сочетанием двух любых факторов. Они названы «выжидающими».

Цифрой 7 обозначены такие стейкхолдеры, которые обладают всеми тремя атрибутами. Такие заинтересованные стороны являются наиболее заметными, наиболее важными и, вполне вероятно, наиболее опасными.

Первый класс – скрытые стейкхолдеры, обладающие только одним из атрибутов. На первый взгляд, они могут не представлять совершенно никакого интереса. Однако, в этом и может состоять их главная опасность. Управленцы могут недооценивать таких стейкхолдеров, давая им, тем самым, время, во-первых, осознать наличие какого-либо из факторов, во-вторых, максимизировать его полезность, в-третьих, обрести еще один или два фактора и, продумав тактику, в конце концов перейти в наступление. Если же мы говорим о втором варианте, когда мы пытаемся воздействовать, то, с одной стороны, действительно, такие субъекты не будут представлять большого интереса для управленца. С другой же стороны, они могут оказаться крайне полезным ресурсом. Если вступить с таким стейкхолдером в контакт и помочь ему в обретении остальных факторов для достижения обоюдной цели, то кроме, непосредственно, ее достижения, есть большая вероятность обрести лояльного союз-

ника или даже лояльного должника, что будет намного полезнее.

В классе скрытых стейкхолдеров состоят так называемые бездействующие (неактивные) стейкхолдеры. Единственный атрибут, которым они обладают – это власть (сила). Такие субъекты, благодаря власти, могут навязывать свою волю. Однако, из-за того, что они не являются легитимными, могут не состоять в законных, юридических отношениях, с фирмой или партией, а также не обладают какими-то срочными требованиями, их сила может оставаться неиспользуемой.

Сразу стоит сказать, что довольно сложно делать какие-либо предположения относительно того, какие из стейкхолдеров, состоящих в данной категории, обретут второй и/или третий атрибут и в какой момент времени это произойдет. В связи с этим «на карандаше» нужно иметь различные варианты.

Следующим классом можно выделить дискреционных стейкхолдеров. Такие заинтересованные стороны обладают лишь легитимностью, но при этом у них нет непосредственной возможности влиять на организацию или людей, принимающих решение в ее рамках, с помощью силы (власти). Также они лишены и второго атрибута: временного. То есть каких-то срочных дел или же необходимости вступать в какие-то срочные отношения с организацией нет.

Далее можно выделить класс так называемых требовательных стейкхолдеров. Такие субъекты будут обладать лишь нехваткой времени, то есть, срочностью. Иными словами, в отношениях между такой заинтересованной стороной и какой-либо организацией или другим субъектом отношений важную роль будет играть только срочная необходимость выполнения или невыполнения каких-либо действий. Как очевидно, такие стейкхолдеры не обладают ни властью, ни легитимностью. Главная же задача таких заинтересованных сторон состоит не в донесении своей немедленной просьбы до высшего «руководства», а обретение остальных атрибутов в виде легитимности и власти. Тогда и только тогда стейкхолдеры подобного типа будут не просто создавать шум, но действительно будут способны решать свои проблемы, иметь более широкий инструментарий для определения и реализации своих интересов и цели, а также смогут быть полезными для взаимодействия.

Далее рассмотрим типы стейкхолдеров, обладающих различным сочетанием двух из трех атрибутов. Логично, что чем большим количеством атрибутов обладает заинтересованная сторона, тем больше он становится интересен организации. Такие стейкхолдеры будут называться выжидающими. Так они называются неслучайно. Поскольку заинтересованные стороны только с одним атрибутом будут представлять небольшое значение для организации и иметь скрытые, слабые отношения, либо не иметь совсем отношений с руководящим составом. В данном же случае, стейкхолдеры, обладающие сочетанием двух атрибутов, будут обладать средней или высокой степенью значимости для руководящего состава. Наличие двух атрибутов вполне логично переводит их из разряда пассивных в разряд активных, способных и желающих действовать. Соответственно, уровень взаимодействия с руководящим составом и/или самой организацией будет куда интенсивнее, в следствие чего, стейкхолдеры уже могут ожидать каких-либо действий или же конкретных результатов. На данном этапе у стейкхолдера не стоит задача в срочном порядке обрести еще один атрибут. На данном этапе задача – начать воплощать свои цели. Таким образом, значимость стейкхолдера для организации будет тем выше, чем руководя-

щий состав будет воспринимать присутствие большего числа атрибутов.

Первым из линейки «ожидающих стейкхолдеров» является доминирующий (доминантный) тип стейкхолдера. Обладает властью и легитимностью. Такие заинтересованные стороны ввиду отсутствия фактора срочности могут начать действовать или продолжать бездействовать по своему усмотрению. В данном случае, как думается, фактор времени сыграл бы злую шутку, делая такой тип заинтересованных сторон более предсказуемым. В качестве примера для сферы бизнеса можно привести представителей владельцев фирмы, входящих в совет директоров (как правило, в бизнес-структурах не принято, чтобы сам владелец входил в совет директоров), или же, например, каких-то значимых инвесторов, которые также находятся в совете директоров компании.

На практике доминантных стейкхолдеров считают единственными заинтересованными сторонами, поскольку их набор атрибутов является очевидным для восприятия руководящего состава организации. В связи с этим такие заинтересованные стороны, в свою очередь, ожидают внимание к себе и своим потребностям.

Далее идут стейкхолдеры с набором атрибутов в виде легитимности и срочности. Такие заинтересованные стороны принято называть зависимыми. Зависеть же они могут как от более сильных «коллег» (других стейкхолдеров), так и от руководящего состава организации. Иными словами, они зависят от тех, кто обладает властью и силой.

Может показаться, что зависимые стейкхолдеры – это заведомо слабые стейкхолдеры. Ведь у них недостаточно власти и силы, чтобы исполнить свою волю. Однако, это не так. Такие стейкхолдеры могут по праву считаться одними из самых опасных и умных. Из-за отсутствия власти, но присутствия фактора срочности им приходится искать методы, которыми можно достичь свою цель или выполнить какие-либо задачи, при чем сделать это за определенное время. Так и происходит нахождение новых возможностей, обретение нужных и полезных связей, а также появляются различные манипуляторные способности, способности договариваться, придумываются различные схемы исполнения с привлечением тех, кто способен помочь ту или иную задачу решить. Можно сказать, что это, своего рода, серые кардиналы, умеющие пользоваться мягкой силой в самом широком смысле этого понятия.

Далее идет категория опасных стейкхолдеров. Думается, что сочетание факторов, свойственных для этой категории очевидно: власть (сила) и срочность. Поскольку опора идет именно на эти атрибуты, то вполне логичен и способ достижения результата. Учитывая наличие времени (вполне возможно короткого его отрезка), достигаться цель будет путем применения силы. То есть в данном случае время является ограничителем развития когнитивных процессов и буквально вынуждает опираться на жесткую силу и власть, игнорируя мягкую силу вследствие чрезмерных временных затрат, необходимых для ее практической реализации. Как уже упоминалось выше, сила может использоваться разная, например, сила принуждения или прагматическая сила. Как правило своеобразным сигналом, свидетельствующим об отсутствии легитимности, является именно сила принуждения. Все это в купе делает такого стейкхолдера опасным как для персонала управленческого корпуса, так и для организации в целом и вовлеченных в нее различных физических и юридических лиц.

К таким стейкхолдерам нужно относиться с особым вниманием, поскольку так или иначе будут существовать возможности как для эскалации, так и для деэскалации

и смягчения как ситуации, так и нравов подобной заинтересованной стороны. Также перед управленцами, особенно в политической организации, будет остро стоять вопрос о признании подобных стейкхолдеров и их методов действий. Это можно сравнить с практикой террора. В данном контексте подобным заинтересованным сторонам нельзя давать признание, поскольку это немедленно легитимирует как действия, так и самих субъектов. Более того, от управленческого состава, в случае противостояния подобным стейкхолдерам, потребуется значительная мобилизация ресурсов и качественная работа с окружающими людьми для разработки и реализации выигрышной стратегии. Таким образом, объективная идентификация этого класса крайне важна для устойчивого развития, благополучия и «здоровья» организации и ее составляющих.

Интересно отметить, что опасные стейкхолдеры являются своего рода раздражителями, представляют угрозу и другим классам стейкхолдеров. Как кажется, раздражителем выступает, в первую очередь, страх и непредсказуемость, которые окружают таких стейкхолдеров. В связи с этим определенное чувство дискомфорта будет навязываться окружающим, что может служить деструктивным фактором в построении отношений как у других стейкхолдеров между собой, так и в отношениях между стейкхолдерами и организацией. В связи с этим можно сказать, что идентификация и разработка стратегии действия являются приоритетными в отношении опасных стейкхолдеров не только со стороны управленческого коллектива организации, но и со стороны остальных видов заинтересованных сторон. Однако, идентифицировать и действовать нужно тонко, поскольку, любая легализация или легитимация действий, или самых субъектов может представлять еще большую опасность.

Без сомнения, если рассматривать заинтересованные стороны изнутри организации, коммерческой или политической – неважно, их значимость, их приоритет целиком и полностью зависят от оценки и анализа руководства. Таким образом, значимость стейкхолдеров для менеджеров будет тем выше, чем большим количеством атрибутов они обладают.

Как говорилось выше, стейкхолдер, который обладает властью и легитимностью будет являться приоритетной «целью» как для взаимодействия, так и влияния или противостояния – в зависимости от ситуации, стратегии и видения. На запрос такого заинтересованного лица организация и ее руководящий состав будут стараться отвечать максимально оперативно, наделяя его приоритетом.

Однако важно другое: запрос, который делает такая заинтересованная сторона, является олицетворением фактора срочности. Получается, что к власти, легитимности прибавляется еще и третий фактор, собирая все известные атрибуты воедино, и перенося доминантного (доминирующего) стейкхолдера в разряд определенных (окончательных). То есть тех стейкхолдеров, которые абсолютно точно являются таковыми. Однако, и здесь не все так гладко. Статус «определенный (окончательный) стейкхолдер» не может быть получен навсегда. Он получается только тогда, когда все три атрибута складываются воедино, что бывает временным событием. Ведь на каждый оперативный запрос от доминантного стейкхолдера будет та или иная реакция, которая, в той или иной степени, погасит возникшую срочность, переводя такую заинтересованную сторону из разряда определенных обратно в доминантные. С тем лишь отличием, что управленческий состав организации уже будет держать такого стейкхолдера «на карандаше», разрабаты-

вая дальнейшую в отношении него реакцию, план, тактику или стратегию. В связи с этим стейкхолдеру, обладающему и властью, и легитимностью, в свою очередь, также нужно понимать, когда и при каких условиях подключать фактор срочности, чтобы это было максимально для него выгодно и эффективно.

Все же, стоит подытожить, что несмотря на самый предпочтительный расклад для заинтересованных сторон в виде обладания властью и легитимностью, у каждого из вышеперечисленных стейкхолдеров есть шанс стать окончательным, обретая недостающий(ие) атрибуты. Так, например, стейкхолдеру, который обладает легитимностью не обязательно самому получать власть. Достаточно будет заручиться поддержкой того, у кого эта власть есть. То же самое действует и в обратном ключе. Но что еще более интересно, так это то, что фактор срочности может являться своего рода соединителем, ведь ничто не объединяет лучше, чем общая срочная проблема.

Хочется еще раз подчеркнуть, что в данной работе и рассматриваемой проблематике самым интересным качеством является постоянная динамичность. Она проявляется в каждой детали, начиная от восприятия руководством тех или иных атрибутов, и заканчивая переходом заинтересованных сторон из категории в категорию. Именно динамичность заставляет постоянно анализировать, думать, развиваться, улучшать те или иные особенности. Динамичность не позволяет стоять на месте. Поэтому людям, занимающим руководящие должности в политических структурах, консалтинговых организациях или же коммерческих компаниях нужно помнить, что ситуация вокруг постоянно меняется и заинтересованные стороны также способны меняться в своей значимости для организации. Этот процесс требует непрерывного внимания к атрибутам, обретаемым или теряемым стейкхолдерами, анализа потребностей заинтересованных сторон, сопоставления их с интересами организации, постоянной корректировки отношений между организацией и ее заинтересованными сторонами, постоянного анализа личных взаимоотношений управленца и заинтересованной стороны, а также в постоянном отслеживании значимости, которой наделяется тот или иной стейкхолдер. Самый важный момент со стороны управленца будь то коммерческой или политической сферы – нужно управлять бенефициарами. Переход последних из одной категории в другую, если он не находится под контролем, может быть опасен и грозить не только потерей позиции.

Литература

1. Dahl R.A. The concept of power // Behavioral science. – 1957. – Т. 2. – № . 3. – С. 201–215.
2. Davis K. The case for and against business assumption of social responsibilities //Academy of Management journal. – 1973. – Т. 16. – № . 2. – С. 312–322.
3. Davis K., Blomstrom R.L. Business, society, and environment: Social power and social response – 1971.
4. Dowling J., Pfeffer J. Organizational legitimacy: Social values and organizational behavior //Pacific sociological review. – 1975. – Т. 18. – № . 1. – С. 122–136.
5. Downs A. An economic theory of democracy // Harper and Row. – 1957. – Т. 28.
6. Egan J. Another false dawn? The liberal democrats 2005 // Journal of marketing management. – 2005. – Т. 21. – № . 9–10. – С. 959–978.
7. Freeman R.E. Strategic management: A stakeholder approach. – Cambridge university press, 2010.

8. Hughes A., Dann S. Political marketing and stakeholder engagement // *Marketing Theory*. – 2009. – T. 9. – № 2. – С. 243–256.
9. John W., Meyer, Scott W.R. Organizational environments: Ritual and rationality. – Sage publ., 1992.
10. Lees-Marshment J. Political marketing: Principles and applications. – Routledge, 2019.
11. Maurer J.G. Readings in organization theory: Open-system approaches // Random house. – 1971.
12. Mitchell R.K., Agle B.R., Wood D.J. Toward a theory of stakeholder identification and salience: Defining the principle of who and what really counts // *Academy of management review*. – 1997. – T. 22. – № 4. – С. 853–886.
13. Ormrod R.P. et al. Political marketing in untraditional campaigns: The case of David Cameron's Conservative Party leadership victory // *Journal of Public Affairs: An International Journal*. – 2007. – T. 7. – № 3. – С. 235–248.
14. Ormrod R.P. Political market orientation and its commercial cousin: close family or distant relatives? // *Journal of Political Marketing*. – 2007. – T. 6. – № 2–3. – С. 69–90.
15. Ormrod R.P. Political Market Orientation: In Introduction. – Department of Economics and Business Economics, Aarhus BSS, 2011.
16. Ormrod R.P. Understanding political market orientation. – Handelshøjskolen, Aarhus Universitet, 2009.
17. Pfeffer J. Management as symbolic action: the creation and maintenance of organizational paradigm // *Research in organizational behavior*. – 1981. – T. 3. – С. 1–52.
18. Pfeffer J. Understanding power in organizations // *California management review*. – 1992. – T. 34. – № 2. – С. 29–50.
19. Pfeffer J. Understanding the role of power in decision making // *Power in organizations*. – 1981. – T. 404. – С. 423.
20. Pfeffer J., Salancik G. External control of organizations – Resource dependence perspective // *Organizational Behavior 2*. – Routledge, 2015. – С. 373–388.
21. Powell W.W., DiMaggio P.J. (ed.). The new institutionalism in organizational analysis. Introduction – University of Chicago press, 2012.
22. Scott W.R. et al. Institutional theory: Contributing to a theoretical research program // *Great minds in management: The process of theory development*. – 2005. – T. 37. – № 2. – С. 460–484.
23. Suchman M.C. Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches // *Academy of management review*. – 1995. – T. 20. – № 3. – С. 571–610.
24. Weber M. The theory of social and economic organization. – Simon and Schuster, 2009.

THE CONCEPT OF “STAKEHOLDER” IN POLITICAL MARKETING: FEATURES AND CLASSIFICATION

Samorodov A.I.
MGIMO University

Currently, political marketing plays a key role for politicians around the world. One of the main concepts in marketing is the communication process. It seems extremely important to reliably understand who is an integral part of a particular audience that communication is aimed at. Moreover, the most effective strategies, such as branding and positioning, are based on targeting specific segments of society. It turns out that the central concept of political marketing is “stakeholder”. A clear definition of the stakeholder, its attributes and capabilities is key. This may affect not only the quality of an individual politician's interaction with the audience and the degree of his popularity, but also the success of the entire organization.

The purpose of this article is to identify patterns of behavior of different types of stakeholders in order to further understand the most effective strategies for interacting with each of the types. To achieve the goal, it seems necessary to: define the concept of “stakeholder”; classify stakeholders; analyze the classification; identify universal attributes of stakeholders; reflect patterns; understand how effectively it is possible to interact with each of certain classes. Thus, “stakeholder” can be understood as an individual or a group that depends on the achievement of certain goals by an organization. Stakeholders can be classified most universally in terms of having the appropriate attributes in the form of power, legitimacy and the presence of a time factor (urgency). It is necessary to constantly analyze attributes, since they are dynamic quantities. So, there are hidden stakeholders with 1 attribute, waiting ones with 2 attributes and certain ones with 3 attributes.

Keywords: political marketing, stakeholders, power, strength, legitimacy, urgency.

References

1. Dahl R.A. The concept of power // *Behavioral science*. – 1957. – T. 2. – No. 3. – pp. 201–215.
2. Davis K. The case for and against business assumption of social responsibilities // *Academy of Management journal*. – 1973. – T. 16. – No. 2. – pp. 312–322.
3. Davis K., Blomstrom R.L. Business, society, and environment: Social power and social response – 1971.
4. Dowling J., Pfeffer J. Organizational integrity: Social values and organizational behavior // *Pacific sociological review*. – 1975. – T. 18. – No. 1. – pp. 122–136.
5. Downs A. An economic theory of democracy // Harper and Row. – 1957. – T. 28.
6. Egan J. Another false dawn? The liberal democrats 2005 // *Journal of marketing management*. – 2005. – T. 21. – No. 9–10. – pp. 959–978.
7. Freeman R.E. Strategic management: A stakeholder approach. – Cambridge university press, 2010.
8. Hughes A., Dann S. Political marketing and stakeholder engagement // *Marketing Theory*. – 2009. – T. 9. – No. 2. – pp. 243–256.
9. John W., Meyer, Scott W.R. Organizational environments: Ritual and rationality. – Sage publ., 1992.
10. Lees-Marshment J. Political marketing: Principles and applications. – Routledge, 2019.
11. Maurer J.G. Readings in organization theory: Open-system approaches // Random house. – 1971.
12. Mitchell R.K., Agle B.R., Wood D.J. Toward a theory of stakeholder identification and salience: Defining the principle of who and what really counts // *Academy of management review*. – 1997. – T. 22. – No. 4. – pp. 853–886.
13. Ormrod R.P. et al. Political marketing in untraditional campaigns: The case of David Cameron's Conservative Party leadership victory // *Journal of Public Affairs: An International Journal*. – 2007. – T. 7. – No. 3. – pp. 235–248.
14. Ormrod R.P. Political market orientation and its commercial cousin: close family or distant relatives? // *Journal of Political Marketing*. – 2007. – T. 6. – No. 2–3. – P. 69–90.
15. Ormrod R.P. Political Market Orientation: In Introduction. – Department of Economics and Business Economics, Aarhus BSS, 2011.
16. Ormrod R.P. Understanding political market orientation. – Handelshøjskolen, Aarhus Universitet, 2009.
17. Pfeffer J. Management as symbolic action: the creation and maintenance of organizational paradigm // *Research in organizational behavior*. – 1981. – T. 3. – P. 1–52.
18. Pfeffer J. Understanding power in organizations // *California management review*. – 1992. – T. 34. – No. 2. – pp. 29–50.
19. Pfeffer J. Understanding the role of power in decision making // *Power in organizations*. – 1981. – T. 404. – P. 423.
20. Pfeffer J., Salancik G. External control of organizations – Resource dependence perspective // *Organizational Behavior 2*. – Routledge, 2015. – pp. 373–388.
21. Powell W.W., DiMaggio P.J. (ed.). The new institutionalism in organizational analysis. Introduction – University of Chicago press, 2012.

22. Scott W.R. et al. Institutional theory: Contributing to a theoretical research program // Great minds in management: The process of theory development. – 2005. – Т. 37. – No. 2. – pp. 460–484.

23. Suchman M.C. Managing leverage: Strategic and institutional approaches // Academy of management review. – 1995. – Т. 20. – No. 3. – pp. 571–610.

24. Weber M. The theory of social and economic organization. – Simon and Schuster, 2009.

Возможности и ограничения развития института общественной дипломатии в контексте международного политического процесса

Панкеева Алиса Андреевна,

студент факультета «Высшая школа управления»,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: alisa.pankeeva18@gmail.com

Свердлык Екатерина Алексеевна,

студент факультета «Высшая школа управления»,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: sverdlkk@mail.ru

Мясников Алексей Евгеньевич,

студент факультета «Высшая школа управления»,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 89165093717a@gmail.com

В статье рассматривается российский и зарубежный опыт законодательного регулирования общественной дипломатии, ключевые направления ее развития и мероприятия по усовершенствованию деятельности дипломатии в современном мире. В частности, авторами исследуются особенности тенденций и особенностей дипломатии на примере взаимодействия российских НКО с МИД России. Представлен сравнительный анализ законодательной базы Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в вопросе общественной дипломатии, выявлены различия и сходства, а также позитивные и негативные черты каждой из сопоставляемых стран. В том числе рассматривается влияние общественной дипломатии на укрепление международного сотрудничества, мировые взаимоотношения, уменьшение конфликтов государств и в целом на глобальную систему в рамках взаимодействия стран. Также авторами были предложены направленные мероприятия по совершенствованию реализации существования общественной дипломатии в условиях Российской Федерации, обеспечивающие повышение ее значимости как в условиях страны, так и мирового сообщества в целом.

Ключевые слова: общественная дипломатия; тенденции развития; развитие дипломатии; имидж государства; опыт зарубежной дипломатии; перспективные мероприятия.

Политическая, социокультурная и экономическая глобализация, плюрализм суверенитетов, стирание границ между внешней и внутренней политикой государства – в современном мире государство является уже не независимой единицей, способной существовать в изоляции, но частью мировой системы, которую невозможно игнорировать или избегать контакта. Углубление процесса глобализации ведет к тому, что национальные государства исчезают, претерпевая фундаментальные изменения, в которых существенную роль играют как транснациональные компании, имеющие значительный вес в экономическом пространстве, так и вступление в различные национальные союзы, предполагающие частичный отказ от национальной идеологии, а в некоторых случаях и частичное ограничение внешнего суверенитета страны. Подобная взаимозависимость между державами вынуждает выбирать менее агрессивные способы воздействия (так как само оказание воздействия и борьба друг с другом неизменны – государства по природе своей находятся в постоянном противостоянии друг с другом [8]), то есть – прибегать к «мягкой силе» в противовес жёсткой, что ведёт к росту популярности различных дипломатий, а также к их развитию и появлению новых черт – вплоть до того, что дипломатия становится методом воздействия не только государства, но и различных негосударственных организаций.

В современном мире крупные международные игроки (Китай, США) активно используют негосударственные организации для продвижения своей внешней политики и оказания влияния на другие государства, но даже те, кто избегает активного использования их в политике, всё же выработали свой национальный подход к определению места и роли негосударственных некоммерческих организаций (далее – НКО) во внешней коммуникации. В данной части статьи будет особое внимание уделяться именно «общественной дипломатии» – дипломатии, проводимой негосударственными НКО, целью которых является воздействие на внешнеполитическую ситуацию для достижения различных целей. Цель – выявление современных тенденций развития общественной дипломатии через проведение анализа их особенностей на примере российских негосударственных НКО и их взаимодействия с МИД России.

Первой особенностью является активное взаимодействие негосударственных НКО и государства в области обмена информацией: информирование российских властей о региональных или международных проблемах, внешней и внутренней политике различных государств, их взаимоотношениях друг с другом. Передача подобной информации в Министерство иностранных дел Российской Федерации (далее – МИД России) нередко осуществляется организациями, не связанными с государством. Так коллектив Института стран СНГ, занимающийся (среди прочего) сопровождением внешнеполитической деятельности Российской Федерации в ближнем зарубежье, в апреле 2023 года по заказу Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом провел фундаментальное исследование, основанное на анализе нормативных право-

Исследование выполнено в рамках временного творческого студенческого коллектива Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по теме «Инструменты общественной дипломатии и повышение её роли в современных условиях».

вых актов, регламентирующих использование русского языка в ряде стран. По итогам исследований Институт стран СНГ выпустил книгу «Правовое положение соотечественников, проживающих в странах постсоветского пространства: сравнительный анализ», составляющую интерес не только для обычных граждан, но и для государственных структур, занимающихся вопросами правовой защиты соотечественников, проживающих за рубежом. Помимо Института стран СНГ, в России функционирует Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия» – НКО, созданная в 2010 году выпускниками московских и региональных вузов, чья деятельность направлена на развитие контактов с общественными объединениями в странах СНГ, а также объединение молодых российских и зарубежных исследователей для проведения исследований в области международных отношений и внешней политики России.

Вторая черта – это участие негосударственных организаций в формировании внешнеполитического курса страны посредством консультативного сопровождения политики. Например, такой деятельностью занимается Центр политических исследований России – негосударственная НКО, специализирующаяся на изучении вопросов ядерного нераспространения, разоружения и противодействия вызовам и угрозам глобальной безопасности. Сейчас она активно работает с БРИКС, вырабатывая подходы и рекомендации для российских внешнеполитических ведомств по продвижению интересов России через механизмы БРИКС, поиск перспективных и приоритетных для России сфер сотрудничества в области безопасности, анализом позиций по ряду международных вопросов других стран-участниц и нахождением точек соприкосновения с позицией России. Однако, самым главным проектом Центра политического исследования России является «Россия и ядерное нераспространение», начавшийся еще в 1994 году и получивший широкое признание за экспертную проработку российских подходов к решению актуальных проблем международной безопасности, а также за работу с зарубежными организациями и предотвращение появления ещё большего количества государств с ядерным оружием. Помимо Центра политических исследований России, на базе Центра развития информационного общества, существует НКО «Институт современного развития», чья миссия состоит в формировании и поддержке инициатив, которые направлены на улучшение качества жизни россиян, и для этой цели Институт современного развития использует модернизацию российского общества и государства, в том числе посредством влияния на внешнеполитическую ситуацию.

Третья черта – участие в реализации внешнеполитического курса. Фонд «Русский мир», предоставляющий гранты на конкурсной основе организациям, занимается популяризацией русского языка и культуры и поддержку программ изучения русского языка (например, с помощью русского центра) и активно сотрудничающий с Федеральным агентством по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству (далее – Россотрудничество). Или же «Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом», предоставляющий гранты на поддержку соотечественников за рубежом.

Эти три черты воплощают собой три особенности общественной дипломатии (и её взаимодействия с МИД РФ), однако не являются единственным, что отличает её. Помимо этого, общественная дипломатия имеет следующие тенденции, которые присущи ей преимущественно

но в современном, цифровизированном мире, которые можно выявить в результате анализа выделенных черт:

1. Активное использование цифровых технологий, в том числе сети Интернет, для распространения информации, сбора информации для последующего анализа и передачи и публикации результатов в виде статей или книг. Многие методы взаимодействия были трансформированы в результате глобальной цифровизации, однако особому влиянию подверглись негосударственные НКО, для которых онлайн-платформы стали способом взаимодействовать с широкой аудиторией, проводить опросы и собирать пожелания либо мнения по определенным вопросам, волнующим население, а также заниматься мониторингом общественного мнения;
2. Укрепление роли гражданского общества и нормализация влияния на политическую обстановку и международную ситуацию не только государственных служащих и правительственных лиц, но и лицам, состоящим в НПО, что даёт гражданам возможность влиять на мир вокруг них и ощущать собственную ответственность перед происходящим. Подобное способствует росту самосознания и развитию гражданского общества;
3. Акцент на культурном обмене и межкультурном диалоге; обмен культурой, языками, традициями и идеями становится важным инструментом общественной дипломатии. Культурные программы, фестивали и образовательные проекты способствуют улучшению взаимопонимания между народами, что укрепляет отношения между странами и способствует глобализации и взаимообмену информацией и мнениями. Различные НКО нередко финансируют различные международные мероприятия, особенно способствующие обмену мнениями между студентами из различных стран, что также способствует лучшему пониманию друг друга и росту толерантности;
4. Учет интересов меньшинств. В современной общественной дипломатии все больше внимания уделяется защите прав и интересов меньшинств, включая мигрантов, беженцев, женщин, детей и других уязвимых группы; всё большее внимание уделяется более узконаправленным направлениям. Например, АНО «Центр социального обслуживания населения «Доброта» (поддержка семьи, материнства, отцовства и детства), НО «Региональный инновационно-инвестиционный фонд «Ямал» (охрана окружающей среды и защита животных), благотворительный фонд «Память поколений» (сохранение исторической памяти) – вплоть до существования НКО вроде «Кировский центр поддержки некоммерческих организаций», который занимается поддержкой некоммерческих организаций, решающих социально-значимые задачи, и чья миссия – это целью становления и развития гражданского общества.

Таким образом, можно выделить четыре основные тенденции развития общественной дипломатии, используя НПО, существующие на территории Российской Федерации, и их ключевые особенности во взаимодействии с МИД РФ.

При этом следует отметить, что в современном мире общественная дипломатия становится все более значимой для успешного ведения внешней политики. Ее роль заключается не только в урегулировании международных конфликтов и поддержании дружественных отношений между государствами, но и в построении общественного доверия, укреплении культурных связей и развитии экономического сотрудничества, что невозможно без совершенной законодательной базы – следование утверж-

денным нормативным правовым документам позволяет регулировать деятельность общественной дипломатии, и это в свою очередь является фундаментом для обеспечения эффективного функционирования данной сферы.

В современной геополитической обстановке, которая выделяется наличием большой полярности между внешнеполитическими институтами политической власти, установление общественной дипломатии для достижения общественно-значимых целей становится одним из стратегических направлений деятельности государств. Подходы к формированию общественной дипломатии характеризуются набором отличительных, специфических характеристик, которые присущи различным моделям разнообразных стран. Основу формирования таковых моделей общественной дипломатии устанавливает законодательная база, способная определить системообразующие характеристики и условия проведения соответствующей политики.

По результатам исследования многочисленных законодательных актов в сфере общественной дипломатии стран-членов Европейского Союза, Соединенных Штатов Америки, Российской Федерации, возможно подчеркнуть, что основной целью проведения политики общественной дипломатии заключается в формировании интегрированных общественных интересов, способных предотвратить международные конфликты, обеспечить устойчивое, равноценное развитие национальных экономик стран-партнеров и обеспечить нейтралитет, снизить политическую полярность.

Следует отметить, что, к сожалению, термин «общественная дипломатия» интерпретируется различными государствами по-разному, вследствие чего инструменты и цели реализации дипломатии также рознятся. Исследуя опыт общественной дипломатии на примере Соединенных Штатов Америки, необходимо подчеркнуть, что данный термин реализовывался под несколькими названиями, в зависимости от периода, в котором разрабатывалась соответствующая стратегия проведения политики – 1977 год «культурная дипломатия» – Доклад Комиссии Мэрфи по организации внешнеполитического аппарата, рубеж 1990-ых годов и начала 2000-ых – начало общественной дипломатии – разработка в 2015 году «Стратегии публичной дипломатии».

По результатам доклада комиссии Мэрфи по организации внешнеполитического аппарата в 1977 году было отмечено, что основой политики «культурной дипломатии» является информирование зарубежных культурных народностей с идеологией США и популяризация политических взглядов за рубежом. В 2015 году «Стратегия публичной дипломатии» диктовала распространение светских норм и ценностей за рубежом, формирование поддержки национальных интересов США в мировом пространстве [5].

Распространение идеологических норм и ценностей государств на мировое сообщество, нахождение поддержки за рубежом и формирование национально идентичных интересов является залогом успешной политики по формированию стратегических партнеров, но, зачастую, государства «западного альянса» пренебрегают национальной идентичностью государств и ставят собственные национальные интересы выше национальной идентичности других государств, прикрывая это «полной демократией».

Рассматривая опыт Российской Федерации в формировании «общественной дипломатии», первые отголоски ее наличия можно найти в Концепции внешней политики, разработанной в 2008 году и дополненной в 2010 году. Соответствующая концепция предусматривала развитие международных политических отношений, основанных

на гуманитарном и культурном содружестве, но лоббирование и масштабирование национальных интересов Российской Федерации предусмотрено не было [1].

Система управления общественной дипломатией в Российской Федерации на данный момент сформирована не полностью. Отдельные полномочия в области формирования и реализации политики «общественной дипломатии» переданы МИД России, Россотрудничеству, государственным агентствам, Общественной палате и региональным министерствам, ответственным за развитие внешнеэкономического и внешнеполитического взаимодействия. Управленческие решения в сфере развития общественной дипломатии принимает Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин.

Проводя соответствующую оценку положительных и отрицательных качеств сложившейся системы общественной дипломатии в Российской Федерации, можно отметить системообразующие отрицательные качества, сдерживающие ее развитие:

1. Высокая должностная и функциональная нагрузка профильных субъектов реализации политики «общественной дипломатии»;
2. «Сдерживающая» вертикаль власти;
3. Строгое соответствие национальным интересам.

Сопоставляя опыт Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в области реализации политики общественной дипломатии, следует отметить существенное отличие – наличие структурированной системы управления общественной дипломатией, наличие профильного отдела, ответственного за реализацию политики и соответствующее финансирование соответствующих национальных интересов, в соответствии со «Стратегией публичной дипломатии». Также при формировании и управлении общественной дипломатии в США одобряют учет мнения общественного сектора, формируемого представителями бизнес-сообщества и национальных структур [4].

Следует подчеркнуть, что мировой тренд на лоббирование национальных интересов государств набирает обороты с каждым годом – этому свидетельствуют объемы финансирования на проведение соответствующих мероприятий. Например, в Российской Федерации объем финансирования деятельности Россотрудничества с каждым годом только увеличивается. В Российской Федерации также ведется финансовая поддержка развития системы общественной дипломатии – проводится грантовая поддержка организациям, формируемым НКО для развития общественной дипломатии: выделяются через систему крупных фондов-распределителей президентские гранты на такие актуальные проекты некоммерческих структур (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ формирования общественной дипломатии в Российской Федерации и США

Критерий	Российская Федерация	США
Наличие закона об общественной дипломатии	Нет	Да
Уровень детализации законодательства	Низкий	Высокий
Роль государственных органов	Доминирующая	Координирующая
Участие НПО	Ограниченное	Активное
Финансирование	Недостаточное	Значительное

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что осознание важности формирования политического имиджа и развития системы общественной дипломатии является одним из стратегических направлений деятельности политических институтов власти государств. Российской Федерации необходимо детально проанализировать систему «общественной дипломатии» западных государств, рассмотреть функциональную структуру формирования политических институтов, провести анализ возможности применения соответствующего опыта в нашем государстве.

На сегодняшний день в Российской Федерации принимаются определенные меры в области общественной дипломатии. Например, инструментом является организация культурных и спортивных событий различного масштаба, они предоставляют уникальную возможность продемонстрировать культурное наследие и достижения России, а также предлагают площадку для обмена идеями и точками зрения с представителями других стран. Особое внимание уделяется проведению крупных спортивных международных соревнований, таких как Олимпийские игры и Чемпионат мира по футболу. Такие события дают возможность показать Россию как гостеприимную и инновационно развитую страну.

Другим аспектом публичной дипломатии России является укрепление дипломатических отношений с другими странами через взаимные культурные обмены и образовательные программы, например, многие ведущие российские университеты активно приглашают иностранных студентов из разных стран, предлагая им широкий спектр образовательных программ. Такой обмен помогает улучшить взаимопонимание и сотрудничество между студентами и учеными на международном уровне.

Например, рекомендуется создать профильное подразделение, деятельность которого была бы сконцентрирована на продвижении национальных интересов на международной политической арене, а также сформировать и своевременно дополнять документы стратегического планирования и определить целевую аудиторию для распространения соответствующих документов с целью осуществления эффективной управленческой деятельности.

Независимо от принятых мер важно признать, что общественная дипломатия является важным инструментом внешней политики, способствующим влиянию и продвижению национальных интересов страны и требует продолжения развития и усовершенствования, в связи с чем не будет лишним прибегнуть к опыту ведения зарубежной дипломатии. При наилучшем развитии сценариев общественная дипломатия должна учитывать интересы и ожидания других стран и на этой основе позволяет строить долгосрочные отношения на взаимном понимании и уважении обеих сторон.

В условиях «нового мирового порядка» общественная дипломатия должна стать одним из главных способов международных отношений. Основная проблема заключается в нехватке финансирования, что затрудняет ее эффективное функционирование и развитие. Отсутствие необходимых средств ограничивает возможности проведения мероприятий, обменов и инициатив, направленных на улучшение международного взаимодействия и понимания между странами и их гражданами. Общественная дипломатия играет важную роль в укреплении демократических институтов и обеспечении полного спектра прав и свобод граждан [12].

Общественные объединения освещают информационную деятельность России, ее культуры, политики, а также защиты исторической правды и международ-

ной стабильности. Современная общественная дипломатия включена в Концепцию внешней политики России и определяется как форма взаимодействия ее субъектов [2].

Целью мероприятий по повышению роли общественной дипломатии является укрепление международного сотрудничества, уменьшению конфликтов и создание условий для мирного сосуществования различных культур и наций. Учитывая вышеперечисленное, необходимо развивать международное культурное и гуманитарное сотрудничество, внедрять следующие мероприятия по повышению роли общественной дипломатии в условиях системы государственного и муниципального управления Российской Федерации, что возможно осуществить за счет ряда предлагаемых мероприятий:

1. Обеспечение создания комплекса мер по совершенствованию общественной дипломатии в правовом поле. В правовом поле необходимо закрепить основные определения в рамках общественной дипломатии. Развитие законодательного регулирования деятельности общественных организаций, в частности Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», включив деятельность НКО в область общественной дипломатии в перечень социально ориентированных видов деятельности. Развивать коммуникации между различными государственными и общественными структурами, занимающимися аспектами общественной дипломатии [3];
2. Усиление сотрудничества между институтами гражданского общества и зарубежными органами власти для улучшения международных связей и разработки программы развития общественной дипломатии на федеральном и региональном уровнях. Данное предложение направлено на эффективное использование финансовых ресурсов, развитие деятельности институтов гражданского общества, подготовку специалистов, а также на популяризацию волонтерства и идей общественной дипломатии среди граждан России. Одновременно с этим Правительству Российской Федерации необходимо осуществить более активную реализацию Концепции внешней политики Российской Федерации в части использования потенциала гражданского общества в области общественной дипломатии и рассмотреть возможности увеличения финансирования и числа организаций, проводящих конкурсы на гранты для проектов в этой сфере [11];
3. Усиление работы по привлечению институтов гражданского общества к сотрудничеству с зарубежными представительными органами власти с целью совершенствования международных общественных связей, а также создание единой программы развития институтов общественной дипломатии, включающая в себя, федеральный и региональный уровни, нацеленной на повышение эффективности освоения финансовых средств, развитие деятельности общественных объединений, подготовка и обучение специалистов, пропаганду волонтерских движений и идей общественной дипломатии среди граждан Российской Федерации, организация объединенной инфо-площадки международного сотрудничества. В этой связи Правительству Российской Федерации необходимо осуществить форсирование реализации Концепции внешней политики Российской Федерации в части использования ресурсов, потенциала и инициатив институтов гражданского общества в сфере общественной дипломатии в связи с возникающими возможностями и рисками. Ставить вопрос

об увеличении финансирования денежных средств, а также числа организаций, проводящих конкурсы по предоставлению грантов на реализацию проектов в области общественной дипломатии [11];

4. Обеспечение достаточной поддержки со стороны органов государственной власти общественных объединений, осуществляющих деятельность в рамках общественной дипломатии, большое внимание уделить молодежным и региональным, в международных контактах и взаимодействия с такими международными организациями как Общество Объединенных Наций, Советом Европы, Содружеством Независимых Государств, Шанхайской организацией сотрудничества, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, Евразийского экономического сообщества и другими, а также увеличить поддержку деятельности некоммерческим организациям, которые сотрудничают с этими организациями;
5. Внедрение цифровой дипломатии, основанной на активном использовании социальных сетей и онлайн-ресурсов с целью улучшения деятельности органов государственной власти по оказанию влияния на зарубежную аудиторию, а также включения использования «твиломаси», означающего использования персонализированных социальных сетей чиновниками на аудиторию за пределами страны;
6. МИД России представляется возможным проработать проект федеральной программы по развитию общественной дипломатии в Российской Федерации, куда в качестве исполнителей будут включены федеральные и региональные органы государственной власти, институты гражданского общества с целью консолидации и координации интересов государства и общества в области дипломатических инициатив [9];
7. Предлагается рассмотреть возможность учреждения региональных центров общественной дипломатии на уровне органов власти субъектов Федерации и муниципальных образований, в том числе с использованием сети Интернет, с целью организации различных встреч, семинаров или лекций.
8. Институты гражданского общества могут активно способствовать развитию общественной дипломатии, улучшая репутацию страны, продвигая ее достижения в науке, культуре и искусстве, а также объясняя ее важную роль в текущем мировом прогрессе. Они также могут защищать права российских граждан за рубежом и противодействовать агрессивному национализму, антисемитизму и ксенофобии. Главная задача – распространять интересы страны честно и объективно, распространяя информацию о ее позициях по международным вопросам, внешнеполитических инициативах, внутреннем развитии, а также о культурных и научных достижениях;
9. Активно вовлекать молодежь к общественной дипломатии, развивая у них навыки взаимодействия с представителями других стран, способность анализировать международные проблемы и предвидеть будущие ситуации, а также создавать и реализовывать проекты, способствующие развитию международного сотрудничества и дружбы между народами, в том числе основываясь на различных формах взаимодействия в виде семинаров, круглых столов, форумов, фестивалей.

Общественная дипломатия основана на предпосылке, что имидж и репутация страны являются общественными благами, которые могут создавать как благоприятную, так и неблагоприятную среду для отдельных лиц. Одновременно с этим дипломатия обладает способно-

стью влиять на людей и правительства посредством маркетинга, пропаганды, рекламы или общественных благ с целью достижения различных соглашений в сферах политики, экономики или общества, что делает ее гораздо более эффективной, чем традиционная дипломатия, использующая более архаичные и непопулярные процессы влияния.

Маркетинг и пропаганда в настоящее время осуществляются благодаря развитию сети Интернет и других технических средств. Преимущества современности считаются чрезвычайно важными для общественной дипломатии.

Благодаря маркетингу, репутации и особенно хорошей рекламе общественная дипломатия может только укрепить свое место в глобальной системе и влиять на широкий круг людей.

Имея это в виду, легко понять, почему общественная дипломатия оказывает такое влияние на глобальную систему, поскольку она может помочь отдельным лицам, корпорациям и странам оказывать влияние на других. Глобальная система всегда была областью, в которой различные субъекты хотят влиять и, возможно, даже контролировать других субъектов, и общественная дипломатия может быть идеальным инструментом для оказания влияния на кого-либо без какой-либо необходимости использовать жесткую силу, и это гарантирует важное и решающее место общественной дипломатии в глобальной системе управления [13].

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации [Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12.07.2008 № ПР-1440] // КонсультантПлюс: [сайт] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=131926> (дата 24.02.2024). – Текст: электронный.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации [Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт] URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата 24.02.2024). – Текст: электронный.
3. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ // СПС КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата 24.02.2024). – Текст: электронный.
4. Великая, А.А. Публичная дипломатия России и США: сравнительные аспекты двух систем и роль в развитии двустороннего диалога / А.А. Великая // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Международные отношения. – 2019. Т. 12. Вып. 4. – С. 500–517.
5. Гришанина Т.А. Механизм общественной дипломатии РФ: направления деятельности в контексте анализа концепций внешней политики РФ / Т.А. Гришанина // Международные отношения. – 2020. – № 4. – С. 60–71.
6. Вилков А.А. Проблематика общественной дипломатии в политическом и научном дискурсе современной России / А.А. Вилков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2018. – № 2. – С. 184–188.
7. Мухаметов, Р.С. Основные направления взаимодействия МИД РФ и некоммерческих организаций / Р.С. Мухаметов // Философия политики и политология. – 2017. – № 1. – С. 110–116.

8. Мысин, С.В. Роль и место некоммерческих неправительственных организаций в реализации внешнеполитических планов иностранных государств в отношении Российской Федерации / С.В. Мысин // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 1. – С. 147–152.
9. Секция об общественной дипломатии // Министерство иностранных дел Российской Федерации URL: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1810277/ (дата обращения: 24.02.2024). – Текст: электронный.
10. Развитие институтов общественной дипломатии в современных условиях: новостной сайт – URL: <http://cskp.ru/2023/05/02/razvitie-institutov-obshhestvennoj-diplomatii-v-sovremennyh-usloviyah/> (дата обращения: 24.02.2024). – Текст: электронный.
11. Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации // Парламентские слушания // «Общественная дипломатия: проблемы и пути их решения»: официальный сайт. – Москва, 2024. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29691/> (дата обращения 24.02.2024). – Текст: электронный.
12. Iztaeva, V., Abzhaparova, L. The purpose and methods of public diplomacy / V. Iztaeva, L. Abzhaparova // *Alinteri Sosyal Bilimler Dergisi*. – 2017. – № 1. – P. 43–51.
13. Loncar, K. The Role of Public Diplomacy in our Global System: Essay / K. Loncar // Pécs: University of Pécs. – 2014. – 7 p.

OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF PUBLIC DIPLOMACY IN THE CONTEXT OF THE INTERNATIONAL POLITICAL PROCESS

Pankeeva A.A., Sverdlyk E.A., Myasnikov A.E.

Financial University under the Government Russian Federation

The article examines Russian and foreign experience in the legislative regulation of public diplomacy, the key directions of its development and measures to improve the activities of diplomacy in the modern world. In particular, the authors examine the peculiarities of trends and features of diplomacy using the example of interaction between Russian NGOs and the Russian Ministry of Foreign Affairs. A comparative analysis of the legislative framework of the Russian Federation and the United States of America on the issue of public diplomacy is presented, differences and similarities are identified, as well as positive and negative features of each of the compared countries. It also examines the impact of public diplomacy on strengthening international cooperation, global relations, reducing conflicts between states and, in general, on the global system within the framework of interaction between countries. The authors also proposed targeted measures to improve the implementation of the existence of public diplomacy in the conditions of the Russian Federation, ensuring an increase in its significance both in the conditions of the country and the world community as a whole.

Keywords: public diplomacy; development trends; development of diplomacy; image of the state; experience of foreign diplomacy; prospecting events.

References

1. The concept of foreign policy of the Russian Federation [Approved by Decree of the President of the Russian Federation dated July 12, 2008 No. PR-1440] // KonturNormativ: [site] URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=131926> (date of access: 02.24.2024). – Text: electronic.
2. The concept of foreign policy of the Russian Federation [Approved by Decree of the President of the Russian Federation dated March 31, 2023 No. 229] // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation: [site] URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (date of access: 02.24.2024). – Text: electronic.
3. Federal Law “On Non-Profit Organizations” dated January 12, 1996 No. 7-FZ // SPS ConsultantPlus URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (date of access: 02.24.2024). – Text: electronic.
4. Velikaya, A.A. Public diplomacy of Russia and the USA: comparative aspects of the two systems and the role in the development of bilateral dialogue / A.A. Great // *Bulletin of St. Petersburg University. -International relationships*. – 2019. T. 12. Issue. 4. – P. 500–517.
5. Grishanina T.A. The mechanism of public diplomacy of the Russian Federation: areas of activity in the context of the analysis of foreign policy concepts of the Russian Federation / T.A. Grishanina // *International relations*. – 2020. – No. 4. – P. 60–71.
6. Vilkov A.A. Problems of public diplomacy in the political and scientific discourse of modern Russia / A.A. Vilkov // *News of Saratov University. New episode. Series Sociology. Political science*. – 2018. – No. 2. – P. 184–188.
7. Mukhametov, R.S. Main directions of interaction between the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and non-profit organizations / R.S. Mukhametov // *Philosophy of politics and political science*. – 2017. – No. 1. – P. 110–116.
8. Mysin, S.V. The role and place of non-profit non-governmental organizations in the implementation of foreign policy plans of foreign states in relation to the Russian Federation / S.V. Mysin // *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. – 2013. – No. 1. – P. 147–152.
9. Section on public diplomacy // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation URL: https://www.mid.ru/ru/about/social_organizations/association/1810277/ (date of access: 02.24.2024). – Text: electronic.
10. Development of institutions of public diplomacy in modern conditions: news site – URL: <http://cskp.ru/2023/05/02/razvitie-institutov-obshhestvennoj-diplomatii-v-sovremennyh-usloviyah/> (date of access: 02.24.2024). – Text: electronic.
11. Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation // Parliamentary hearings // “Public diplomacy: problems and ways to solve them”: official website. – Moscow, 2024. – URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/29691/> (date of access: 02.24.2024). – Text: electronic.
12. Iztaeva, V., Abzhaparova, L. The purpose and methods of public diplomacy / V. Iztaeva, L. Abzhaparova // *Alinteri Sosyal Bilimler Dergisi*. – 2017. – No. 1. – P. 43–51.
13. Loncar, K. The Role of Public Diplomacy in our Global System: Essay / K. Loncar // Pécs: University of Pécs. – 2014. – 7 p.

Сотрудничество в области «климатической повестки» Китая и США в контексте глобальной конкуренции

Чжан Госюань,

магистрант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: guoxuanz2001@gmail.com

Лю Сюаньцзя,

магистрант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: xuanjiali37843@gmail.com

Сунь Гуаня,

бакалавр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: 1534776518@qq.com

Статья исследует влияние стратегического соперничества на сотрудничество Китая и США в области климатического управления и подчеркивает вызовы, с которыми сталкиваются обе страны при углублении сотрудничества на фоне глобальных климатических изменений. Отмечено, что несмотря на определенный прогресс в сотрудничестве между США и Китаем в области борьбы с изменением климата, обе страны продолжают расходиться во мнениях относительно целей по сокращению выбросов парниковых газов. Авторы статьи признают срочность необходимости климатического управления, но отмечают, что текущее состояние стратегического соперничества негативно сказывается на совместных действиях. Также в статье акцентируется внимание на задачах нахождения общих интересов в области климатического управления и предлагаются рекомендации для будущего развития этой важной политической сферы. Отдельное внимание уделено тому, что в текущем климатическом сотрудничестве между Китаем и США существует конкурентная динамика в трех аспектах: технологии, правила и идеологические альянсы.

Ключевые слова: американо-китайские отношения, изменение климата, стратегическая конкуренция, Китай, США.

По мере того, как проблема глобального изменения климата становится все более серьезной, охрана окружающей среды превратилась в значительный вызов, с которым сталкивается все человечество. Изменение климата охватывает большую часть пространства человеческой деятельности и обладает явными характеристиками, выходящими за рамки государств, которые проникают во всех сферы и являются глобальными.

Как одни из крупнейших в мире производителей выбросов углерода, совместные действия, предпринимаемые Китаем и США в отношении изменения климата, имеют ключевое значение для глобального климатического управления. Китай и США считают климатическое управление приоритетом в своей политике. Китай обещал достичь пика выбросов CO₂ к 2030 году и стремиться к углеродной нейтральности к 2060 году [2]. США, во главе с Байденом, повторно присоединились к Парижскому соглашению в 2021 году, сделав борьбу с климатическим кризисом приоритетной задачей с акцентом на климатическую безопасность [7].

При этом, госсекретарь США Абрахам Блинкен в своей речи о приоритетах внешней политики США в апреле 2021 года назвал Китай одним из лидеров в развитии зеленой энергетики, отметим, что она является «главным геополитическим испытанием 21 века» [1]. Это заявление фактически доказывает, что США рассматривают вопросы климата как область фундаментального соперничества с Китаем.

В текущей ситуации усиливающегося стратегического соперничества, климатические изменения стали геополитической проблемой, осложняющей сотрудничество между Китаем и США. Это соперничество, усугубляемое различиями в идеологии, внутренней и внешней политике, а также экономическими и технологическими факторами, ставит под угрозу эффективность совместных усилий в области климата. Таким образом, данное исследование имеет актуальность.

В контексте современных международных отношений и всеобъемлющей игры между Китаем и США сотрудничество в области изменения климата постепенно превратилось в важную стратегическую область для двух стран в борьбе за влияние и дискурсивную власть на международной арене.

В период правления администрации Обамы, серьезность проблемы изменения климата достигла общего консенсуса среди академического сообщества и политических решающих кругов и была повышена до уровня приоритетной темы. Под двойным давлением восстановления экономического порядка и общественного мнения, неотложная необходимость корректировки ранее консервативной климатической политики становится все более очевидной. В 2009 году правительство США приняло «Американский акт о восстановлении и реинвестировании 2009 года» (ARRA), направив 118 миллиардов долларов США на прямые инвестиции в чистую энергетику и зеленые отрасли [6].

Ввиду глобального и срочного характера климатических изменений, международное сотрудничество имеет ключевое значение для управления климатом. Как главные игроки в глобальном климатическом управлении,

Китай и США несут ответственность за сотрудничество. Учитывая дополняющие друг друга экономические и технологические возможности Китая и США, в 2014 году они приняли совместное заявление о климатических изменениях, которое заложило фундамент для дальнейшего сотрудничества. В этот период обе страны рассматривали вопросы изменения климата как ключевой двигатель для прогресса в двусторонних отношениях.

После прихода Трампа к власти в 2017 году Соединенные Штаты изменили свою климатическую политику, отказавшись от Парижского соглашения и сократив свои климатические обязательства. В «Стратегическом отчете национальной безопасности США» Китай был провозглашен стратегическим соперником, что послужило поводом для инициирования судебных процессов в области интеллектуальной собственности и введения ограничений против китайских компаний. Эти действия привели к тупику в двусторонних отношениях и прервали совместные усилия по борьбе с изменением климата.

Инаугурация администрации Байдена в 2021 году привела к знаковым изменениям в соответствующей политике. Он активно поддерживает развитие индустрии возобновляемых источников энергии для обеспечения конкурентоспособности американской низкоуглеродной экономики, что призвано сохранить технологическое превосходство США в смежных областях. В 2022 году «Закон о снижении инфляции» (IRA) направил 369 миллиардов долларов на стимулирование чистой энергетики и климатически устойчивые проекты для укрепления зеленой инфраструктуры и сокращения выбросов [8].

Со времени вступления в должность администрации Байдена был проведен ряд обменов мнениями с китайским правительством по вопросам климата. В 2021 году специальный представитель Китая по вопросам климатических изменений Се Чжэнхуа и специальный представитель президента США по вопросам климата Джон Керри провели высокоуровневые переговоры в Шанхае, где обе стороны совместно подписали заявление о борьбе с климатическим кризисом и выразили готовность работать над реализацией Парижского соглашения [4]. 15 ноября 2023 года китайское Министерство экологии выпустило «Декларацию Солнечный город», направленную на укрепление сотрудничества в климатической сфере. В декларации указывается, что Китай и США решили запустить «Рабочую группу по усилению климатических действий в 20-х годах XXI века», провести диалог и сотрудничество, чтобы ускорить конкретные климатические действия в 20-х годах XXI века [3].

Но администрация Байдена также демонстрирует ярко выраженные черты ограниченного сотрудничества с приоритетом идеологии в международном климатическом сотрудничестве. Она стремится объединить западных союзников и восстановить международное лидерство, сохраняя при этом стратегию Индо-Тихоокеанского региона для усиления регионального сотрудничества. Администрация Байдена стремится изменить свой международный имидж и репутацию, присоединившись к Парижскому соглашению, восстановив финансовую поддержку Зеленого климатического фонда, возглавив многосторонний диалог и взяв на себя большую ответственность за сокращение выбросов парниковых газов.

Несмотря на определенный прогресс в сотрудничестве между США и Китаем в области борьбы с изменением климата, достигнутый при администрации Байдена, обе страны продолжают расходиться во мнениях относительно целей по сокращению выбросов парниковых газов. Как развивающаяся страна, Китай выступает за то, что развивающиеся страны должны выполнять обязательства по сокращению выбросов, исходя из сво-

их национальных условий, в то время как США требуют включить Китай в стандарты сокращения выбросов развитых стран и заставляют его скорректировать цели экономического роста.

В частности, в текущем климатическом сотрудничестве между Китаем и США существует конкурентная динамика в трех аспектах: технологии, правила и идеологические альянсы.

На техническом уровне, США реорганизуют цепочку поставок чистой энергии по причинам национальной безопасности, стремясь изменить свою зависимость от китайской технологической сети. В качестве примера можно привести индустрию электромобилей, согласно отчету «Командирские высоты глобальных перевозок» (The Commanding Heights of Global Transportation), опубликованному администрацией по иностранному обмену США (SAFE), Китай контролирует около 70% мирового рынка производства батарей для электромобилей (EV), в то время как доля Северной Америки составляет менее 10% [9]. В долгосрочной перспективе, США могут значительно отстать от Китая в этой области. В связи с этим, США склонны устанавливать множественные барьеры для торговли и технологического сотрудничества, чтобы предотвратить проникновение китайских продуктов и услуг в области чистой энергии на американский рынок.

На уровне формирования правил Соединенные Штаты для защиты своих преимуществ в области технологических разработок и противодействия технологическим вызовам со стороны Китая должны полагаться на всестороннюю поддержку правил и систем. Поэтому США систематически используют торговую защиту, технологическое давление и перестройку системы властных правил с центром в американских интересах для обеспечения технологического преимущества и развития пространства в индустрии чистой энергии. Сотрудничая с Европейским Союзом во многих областях, США пытаются помешать Китаю доказать свое право устанавливать правила в таких преимущественных областях зеленой индустрии, как ветроэнергетика и электромобили.

На идеологическом уровне, Соединенные Штаты выдвигают идею, что конкуренция между Китаем и США в сфере чистой энергии является воплощением идеологического соперничества между «авторитаризмом» и «демократией». Они подчеркивают, что развитие чистой энергии Китаем является «зеленым протекционизмом» и связывают развитие индустрии чистой энергетики с проблемами прав человека. Соединенные Штаты активно проводят дипломатию по климатическим ценностям, объединяя своих союзников для введения ограничений на отрасли, связанные с Китаем, и сочетая ее с торговыми ограничениями против Китая. Целью этих действий является охарактеризовать действия и воздействия Китая на климат как общий вызов западному миру и подчеркнуть единую позицию и действия по отношению к Китаю.

В общем, позиции стратегического соперничества ограничивают область сотрудничества между двумя странами в управлении климатом, что представляет вызов для эффективности климатических действий обеих сторон. Осознание соперничества подняло климатические проблемы на уровень национального противостояния, значительно увеличив сложность управления климатом. Стоит отметить, что текущее сотрудничество Китая и США в управлении климатом характеризуется совместным существованием «конкуренции и сотрудничества». Хотя позиции стратегического соперничества между двумя странами продолжают усиливаться, климатическое управление, как глобальная проблема,

по-прежнему требует совместных усилий обеих сторон. Таким образом, в условиях существующего соперничества, обе стороны по-прежнему будут своевременно корректировать свои политики в соответствии с собственными интересами, поэтому сотрудничество на уровне государств в области климатического управления между Китаем и США характеризуется динамичными изменениями.

Несмотря на разногласия по климатическим проблемам, США и Китай продемонстрировали эффективное сотрудничество на субнациональном уровне. В октябре 2023 года, во время встречи с губернатором Калифорнии Ньюсом, председатель Китая Си Цзиньпин указал, что «жизненная сила» китайско-американских отношений лежит на местном уровне и подчеркнул перспективы совместных действий в сфере зеленой энергетики и климата [5]. Калифорния и Гуандун уже запустили проекты по пути к углеродной нейтральности и озеленению инфраструктуры, предвещая новые направления в китайско-американских отношениях. Сотрудничество на уровне штатов и провинций продолжит играть ключевую роль в климатической политике двух стран.

В области международного сотрудничества по климату Соединенные Штаты выступают за создание механизма под руководством США и с участием группы стран, исключая Китай. В то же время Китай также активно отреагировал на действия США и стремится усилить свой голос в международных климатических вопросах. В этом контексте, учитывая структурные противоречия между национальными интересами Китая и США, игра по изменению климата между двумя странами будет обостряться.

В настоящее время обе страны стремятся занять доминирующее положение в глобальном управлении климатом, чтобы играть ведущую роль в формулировании климатических правил и защищать свои собственные интересы. Хотя между двумя странами все еще существуют разногласия во многих областях, они все еще могут развивать партнерство и конструктивный диалог на местном уровне в будущем для развития сотрудничества в области управления климатом.

В нынешних условиях развитие китайско-американского климатического сотрудничества во многом зависит от развития двусторонних китайско-американских отношений. Стоит отметить, что стратегическое соперничество является важным аспектом, влияющим на китайско-американское сотрудничество в этой области и в определенной степени формирующим поведение обеих сторон. Обе стороны стремятся к сотрудничеству, обеспечивая при этом свои интересы, однако такая позиция привела к застою в совместных действиях по некоторым ключевым вопросам. В настоящее время, хотя обе страны добились определенного прогресса в общении и действиях по климатическому сотрудничеству и первоначально создали механизм консультаций, влияние совместных действий на глобальную климатическую политику все еще требует дальнейших исследований и наблюдений.

Из приведенного исследования можно сделать вывод, что развитие сотрудничества Китая и США в области глобального управления климатом зависит от того, смогут ли обе стороны преодолеть ограничения стратегической конкуренции. И на этой основе странам следует и дальше расширять границы общих интересов, достигая консенсуса и предпринимать совместные действия в таких областях, как технологические инновации и развитие, развитие зеленой энергетики и климатические правила.

Литература

1. Матвеев В.А. Борьба с изменением климата – новая арена противоборства Китая и США // История и современность. 2022. № 4. С. 337–351, DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-337-351.
2. Ван Бо, Чжай Даю. Климатическая политика администрации Байдена: причины, характеристики и направление китайско-американского сотрудничества // Журнал Китайского нефтяного университета (издание для социальных наук) август 2022 г. Том 38, № 4. С. 38–44.
3. Китай и США усилят сотрудничество по борьбе с климатическим кризисом. // ТАСС. 15.11.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19284457> (Дата обращения: 04.03.2024).
4. США и Китай приняли совместное заявление по климату // ТАСС. 18.04.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11179611> (Дата обращения: 02.03.2024).
5. Чжоу Ижэнь Стратегическое мышление по развитию прагматического сотрудничества на местном уровне между Китаем и Соединенными Штатами, принимая в качестве предшественника область изменения климата // Цены в Китае. 2023. № 56. С. 3–6.
6. American Recovery and Reinvestment Act of 2009, Public Law 111–5, 111th Congress. // URL: <https://www.congress.gov/111/plaws/publ5/PLAW-111publ5.pdf>. (Дата обращения: 01.03.2024)
7. Fact Sheet: President Bidens Leaders Summit on Climate [EB/OL]. (2021–4–23). URR: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/23/fact-sheet-president-bidens-leaders-summit-on-climate/>. (Дата обращения: 04.03.2024)
8. Inflation Reduction Act Guidebook/ The White House, August 16, 2022. // URL: <https://www.whitehouse.gov/cleanenergy/inflation-reduction-act-guidebook/>. (Дата обращения: 01.03.2024)
9. The Commanding Heights of Global Transportation” SAFE, September 15, 2020. //URL: <https://secureenergy.org/wp-content/uploads/2020/09/The-Commanding-Heights-of-Global-Transportation.pdf>. (Дата обращения: 02.03.2024)

COOPERATION ON THE “CLIMATE AGENDA” OF CHINA AND THE UNITED STATES IN THE CONTEXT OF GLOBAL COMPETITION

Zhang Guoxuan, Liu Xuanjia, Sun Guangya
M.V. Lomonosov Moscow State University

The article explores the impact of strategic rivalry on China-U.S. cooperation on climate governance and highlights the challenges that both countries face in deepening cooperation against the backdrop of global climate change. It notes that despite some progress in U.S.-China cooperation on climate change, the two countries continue to disagree on targets for reducing greenhouse gas emissions. The authors recognize the urgency of the need for climate governance, but note that the current state of strategic rivalry has a negative impact on cooperative action. The article also emphasizes the challenges of finding common interests in climate governance and offers recommendations for the future development of this important policy area. Special attention is paid to the fact that the current climate cooperation between China and the United States is characterized by competitive dynamics in three aspects: technology, rules, and ideological alliances.

Keywords: US-China relations, climate change, strategic competition, China, USA.

References

1. Matveev V.A. Fighting climate change – a new arena of confrontation between China and the United States // History and

- Modernity. 2022. № 4. С. 337–351, DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-337-351.
2. Wang Bo, Zhai Dayu. Climate Policy of the Biden Administration: Causes, Characteristics and Direction of Sino-US Co-operation // Journal of China Petroleum University (Social Science Edition) August 2022 Vol. 38, No. 4. С. 38–44.
 3. China and the U.S. will strengthen cooperation to combat the climate crisis // TASS. 15.11.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19284457> (Date of access: 04.03.2024).
 4. The USA and China adopted a joint statement on climate // TASS. 18.04.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11179611> (Date of reference: 02.03.2024).
 5. Zhou Yizhen Strategic thinking on the development of pragmatic local-level cooperation between China and the United States, taking the area of climate change as a precursor // Prices in China. 2023. № 56. С. 3–6.
 6. American Recovery and Reinvestment Act of 2009, Public Law 111–5, 111th Congress. // URL: <https://www.congress.gov/111/plaws/publ5/PLAW-111publ5.pdf>. (Date of reference: 01.03.2024)
 7. Fact Sheet: President Bidens Leaders Summit on Climate [EB/OL]. (2021–4–23). URR: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/23/fact-sheet-president-bidens-leaders-summit-on-climate/>. (Date accessed: 04.03.2024)
 8. Inflation Reduction Act Guidebook/ The White House, August 16, 2022. // URL: <https://www.whitehouse.gov/cleanenergy/inflation-reduction-act-guidebook/>. (Date of reference: 01.03.2024)
 9. The Commanding Heights of Global Transportation” SAFE, September 15, 2020. //URL: <https://secureenergy.org/wp-content/uploads/2020/09/The-Commanding-Heights-of-Global-Transportation.pdf>. (Date of access: 02.03.2024)

Влияние миграции на развитие процессов межнационального сотрудничества

Чэнь Дуйдуй,

магистр, МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: duidui1999@mail.ru

В условиях глобализации XXI века проблемы миграции становятся ключевым вопросом в области международных отношений и глобального управления. Настоящее исследование фокусируется на роли миграционных процессов в контексте международных отношений и их влиянии на глобальное управление. В частности, анализируются воздействия международной политической экономики, международного права, прав человека и транснационального сотрудничества на миграционные потоки. Исследование показывает, что миграционные проблемы затрагивают не только национальную безопасность, экономическое развитие и социальную стабильность стран, но и касаются вопросов прав человека, международного сотрудничества и глобальной справедливости. В статье делается вывод о необходимости дальнейших исследований основных причин и последствий миграции, укрепления международного сотрудничества и многосторонних механизмов, а также о важности постоянного мониторинга и оценки эффективности миграционной политики. В исследовании используются методы обзора литературы и анализа кейсов для глубокого изучения влияния международной политической экономики, международного права, прав человека и транснационального сотрудничества на миграционные потоки. Научная новизна статьи заключается в системном анализе влияния проблем миграции на глобальное управление с точки зрения международных отношений, что предоставляет полезные идеи и предложения для разработки более эффективной международной политики и стратегий реагирования. Исследование показывает, что проблемы миграции затрагивают не только национальную безопасность, экономическое развитие и социальную стабильность, но также касаются прав человека, международного сотрудничества и глобальной. Статья предлагает, что будущие исследования и разработка политики должны сосредоточиться на глубоком изучении основных причин и воздействия миграции, укреплении международного сотрудничества и многосторонних механизмов, обращении внимания на разнообразие и особые потребности мигрантов, а также на постоянном мониторинге и оценке эффективности миграционной политики.

Ключевые слова: проблемы миграции, международные отношения, глобальное управление, международная политическая экономика, международное право, права человека, транснациональное сотрудничество, социальная стабильность, экономическое развитие, разработка политики.

Введение

В эпоху глобализации XXI века миграция стала все более выдающимся международным явлением, представляющим новые вызовы для глобального управления. Экономическая глобализация, геополитические конфликты и изменения окружающей среды стимулируют массовое перемещение населения через границы, создавая ряд сложных экономических, социальных и политических проблем между странами-приемниками и странами-источниками. [6] Например, согласно данным Международной организации по миграции ООН, глобальное число международных мигрантов выросло с 174 миллионов в 2000 году до 272 миллионов в 2020 году, многие из которых были вынуждены мигрировать из-за конфликтов, бедности и изменения климата. [5] Проблемы миграции затрагивают не только национальную безопасность и социальную стабильность, но также касаются прав человека, развития и международного сотрудничества. Поэтому анализ миграционных проблем с точки зрения международных отношений и их влияние на глобальную систему управления имеет важное значение для формирования эффективной международной политики и стратегий реагирования.

Цель данной статьи – исследовать проблемы миграции с точки зрения международных отношений и их вызовы для глобального управления. С ускорением глобализации миграция стала глобальным явлением, оказывающим значительное влияние на социальные, экономические и политические аспекты стран-приемников и стран-источников. Через всесторонний анализ проблем миграции данная статья стремится предоставить полезные идеи и предложения международному сообществу для преодоления миграционных вызовов. Основное внимание в исследовании уделяется влиянию политико-экономических факторов, международного права и прав человека, а также транснационального сотрудничества на миграционные процессы.

Исторический контекст и современное состояние миграционных вопросов

Миграция является важной частью истории человечества и ее корни уходят в глубокую древность. Ранние миграционные движения были обусловлены стремлением найти новые места для жизни, ресурсы и возможности для торговли. Например, древний Шелковый путь был примером ранней транснациональной торговли и культурного обмена. Со временем причины и формы миграции претерпевали изменения. В новое время, особенно в XIX и начале XX века, миграционные волны были вызваны промышленной революцией и колониализмом, когда множество европейцев мигрировали в Америку, Австралию и Африку. Этот период миграции был в основном обусловлен поиском экономических возможностей и улучшением условий жизни. Например, согласно историческим данным, с конца XIX века до начала XX века около 22 миллионов европейцев мигрировали в США в поисках лучшей жизни и рабочих мест.

К середине XX века, с изменением международного политико-экономического ландшафта и ускорением гло-

бализации, масштаб и сложность миграционных потоков значительно возросли. После окончания холодной войны политическое убежище и экономическая миграция стали основными типами миграции. Например, с 1990-х годов из-за конфликтов и политической нестабильности большое количество жителей Афганистана и Ирака были вынуждены стать беженцами и искать убежище.

В настоящее время глобальные миграционные тенденции и характеристики демонстрируют новые особенности. Во-первых, глобальное население мигрантов продолжает расти. Согласно данным ООН, мировое население мигрантов выросло с примерно 82 миллионов в 1970 году до почти 272 миллионов в 2020 году.[5] Во-вторых, причины современной миграции становятся все более разнообразными, включая экономические возможности, политическое убежище, семейное воссоединение, образование и изменения окружающей среды. Кроме того, географическое распределение глобальной миграции демонстрирует неравномерность, при этом некоторые страны и регионы (такие как Северная Америка, Европа и страны Персидского залива) становятся основными местами назначения мигрантов, в то время как другие регионы (такие как Африка, Азия и Латинская Америка) являются основными источниками миграции.

В глобальном миграционном ландшафте некоторые страны и регионы становятся основными приемниками мигрантов, в то время как другие страны являются основными источниками миграции. Например, США, Германия, Саудовская Аравия, Россия и Великобритания являются крупнейшими странами-приемниками мигрантов в мире, привлекая мигрантов со всего мира. Эти страны обычно обладают сильной экономикой и относительно стабильной политической ситуацией, предоставляя мигрантам больше возможностей и безопасности. В то же время Индия, Мексика, Китай, Филиппины и Египет являются крупнейшими странами-экспортерами мигрантов, чьи граждане мигрируют по различным причинам. Помимо транснациональной миграции, внутрирегиональная миграция также активна, например, внутри Европейского союза, между странами к югу от Сахары в Африке и между странами Юго-Восточной Азии.

Таким образом, анализируя исторический контекст и современное состояние миграционных вопросов, мы видим, что миграция является сложным глобальным явлением, развитие и динамика которого определяются экономическими, политическими, социальными и экологическими факторами. Понимание этих аспектов и тенденций имеет решающее значение для разработки эффективной миграционной политики и стратегий управления.[3]

Проблемы миграции в международных отношениях

Миграционные потоки глубоко затрагиваются факторами международной политической экономики. Во-первых, глобализация экономики привела к глобализации рынка труда, что создало больше возможностей для транснациональной миграции.[2] Спрос развитых стран на дешевую рабочую силу и стремление развивающихся стран к более высокому уровню дохода и жизни стимулируют миграцию населения из стран с низким уровнем дохода в страны с высоким уровнем дохода. Например, согласно отчету Всемирного банка, с 2000 по 2017 год общий объем денежных переводов мигрантов из развивающихся стран в их родные страны увеличился в пять раз и достиг почти 500 миллиардов долларов, что отражает значительное влияние глобализации на экономику миграции. Во-вторых, международная торговля и инвестиционная

политика также влияют на миграционные потоки. Например, подписание Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA) стимулировало трудовую миграцию между Мексикой, США и Канадой. Кроме того, политические конфликты, войны и политическое преследование являются важными причинами, заставляющими людей искать убежище и безопасность за границей. Например, гражданская война в Сирии привела к тому, что миллионы людей бежали из своих домов в поисках убежища в соседних странах и Европе.

Проблемы миграции занимают важное место в международном праве и внешней политике.[1] С одной стороны, международное право предоставляет основные рамки для прав беженцев и мигрантов. Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 года и ее Протокол 1967 года являются ключевыми международными юридическими документами, защищающими права беженцев и определяющими обязанности стран-приемников. Кроме того, различные международные договоры о правах человека также касаются прав мигрантов, такие как Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Например, эти договоры гарантируют мигрантам право на недискриминацию, свободу слова и справедливое судебное разбирательство. С другой стороны, проблемы миграции являются важной частью внешней политики многих стран, особенно в вопросах, связанных с безопасностью границ, двусторонними отношениями и международным сотрудничеством. Например, вопросы миграции на границе США и Мексикой всегда были ключевым аспектом дипломатических отношений между этими двумя странами.[8]

Для решения все более сложных глобальных миграционных вызовов международное сообщество создало множество транснациональных миграционных организаций и механизмов международного сотрудничества. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) является ведущим международным органом, ответственным за защиту беженцев и решение проблем беженцев. Международная организация по миграции (МОМ) стремится содействовать гуманитарному и порядочному управлению миграцией. Кроме того, различные региональные организации и инициативы, такие как общая миграционная и убежищная политика Европейского союза, региональное сотрудничество Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и другие, также прилагают усилия для решения миграционных проблем. Эти организации и механизмы содействуют решению миграционных проблем и защите прав мигрантов и беженцев путем предоставления технической поддержки, содействия обмену информацией и координации международных действий.

Таким образом, проблемы миграции в международных отношениях затрагивают множество аспектов, включая международную политическую экономику, международное право и внешнюю политику, транснациональные миграционные организации и механизмы международного сотрудничества. Эти факторы взаимосвязаны и вместе формируют глобальный миграционный ландшафт. На фоне глобализации международное сотрудничество и многосторонний подход становятся все более важными для решения миграционных проблем.[7]

Вызовы и возможности в глобальном управлении

Проблемы миграции представляют серьезные вызовы для национальной безопасности и социальной стабильности. Во-первых, масштабные миграционные потоки могут ус-

губить социальные противоречия в странах-приемниках, приводя к увеличению нагрузки на социальные службы, усилению конкуренции на рынке труда и культурным конфликтам.[9] Например, в ходе миграционного кризиса в Европе большое количество беженцев и мигрантов из Ближнего Востока и Северной Африки привело к ряду социальных и политических проблем, включая интеграцию общества, давление на рынок труда и проблемы общественной безопасности.[11] Во-вторых, нелегальная миграция и торговля людьми также представляют угрозу для национальной безопасности, усложняя управление границами и борьбу с преступностью. Например, проблемы нелегальной миграции и наркоторговли на границе между США и Мексикой постоянно являются важной темой национальной безопасности США. Кроме того, террористы могут использовать миграционные пути для проникновения в страны назначения, усугубляя нестабильность международной безопасности. Таким образом, правительствам стран необходимо найти баланс между экономическими интересами миграции и соображениями безопасности для обеспечения долгосрочной стабильности и безопасности государства.[4]

На фоне глобальной экономической интеграции связь между миграцией и рынком труда становится все более тесной. С одной стороны, мигранты предоставляют странам-приемникам гибкие трудовые ресурсы, особенно в развитых странах, сталкивающихся с проблемами старения населения и нехватки рабочей силы. Миграция может помочь заполнить пробелы на рынке труда и стимулировать экономический рост.[10] Например, активная миграционная политика Канады и Австралии направлена на привлечение квалифицированных рабочих и специалистов для поддержки экономического развития. С другой стороны, массовая миграция низкоквалифицированных рабочих может создавать конкуренцию для местных жителей с низким доходом, влияя на уровень заработной платы и возможности трудоустройства. Следовательно, разработка разумной миграционной политики, обеспечивающей баланс между потребностями рынка труда и социальной справедливостью, является важной задачей глобального управления.

В глобальном управлении защита прав мигрантов и гуманитарные вопросы являются значимой темой. Мигранты, особенно беженцы и лица, ищущие убежища, часто находятся в уязвимом положении и сталкиваются с проблемами безопасности, базовых жизненных потребностей и интеграции в общество. Международное сообщество несет ответственность за обеспечение защиты основных прав этих групп населения, включая предотвращение дискриминации, обеспечение доступа к образованию и медицинским услугам, а также гарантирование справедливых процедур предоставления убежища. Например, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и Международная организация по миграции (МОМ) играют ключевую роль в оказании гуманитарной помощи и защите прав беженцев. Кроме того, гуманитарная помощь является важным инструментом решения миграционных кризисов, особенно в ситуациях масштабных гуманитарных катастроф, таких как войны, стихийные бедствия и политическое преследование, приводящие к большому количеству перемещенных лиц. Международному сообществу необходимо укреплять сотрудничество, предоставлять эффективную помощь и поддержку для защиты основных прав и достоинства мигрантов.

Таким образом, проблемы миграции в глобальном управлении представляют как вызовы, так и возможности. Странам необходимо найти баланс между национальной безопасностью, экономическим развитием и за-

щитой прав человека, сотрудничая на международном уровне и через многосторонние механизмы для совместного решения глобальных миграционных вызовов.

Заключение

Проблемы миграции являются ключевым вопросом современных международных отношений и глобального управления. Они затрагивают не только национальную безопасность, экономическое развитие и социальную стабильность, но также касаются прав человека, международного сотрудничества и глобальной справедливости. На фоне глобализации сложность и транснациональный характер миграционных вопросов требуют от международного сообщества согласованных действий, укрепления многосторонних механизмов и международного сотрудничества для преодоления общих вызовов. Поэтому данная статья, исследуя проблемы миграции с точки зрения международных отношений и их влияние на глобальное управление, подчеркивает сложность и транснациональный характер этих вопросов. Основные выводы и вклад статьи включают: выявление влияния международной политической экономики, международного права и прав человека, а также транснационального сотрудничества на миграционные потоки; анализ вызовов и возможностей, связанных с миграцией, для национальной безопасности, социальной стабильности, рынка труда и защиты прав человека; предложение комплексных стратегий для решения глобальных миграционных вызовов, включая корректировку политики, укрепление международного сотрудничества и многосторонних механизмов, а также содействие интеграции мигрантов и мультикультурному сосуществованию.

Будущие исследования и разработка политики должны сосредоточиться на следующих аспектах: во-первых, глубокое изучение основных причин и воздействия миграции для формирования более эффективной политики; во-вторых, укрепление международного сотрудничества и многосторонних механизмов для совместного преодоления глобальных миграционных вызовов; в-третьих, уделение внимания разнообразию и особым потребностям мигрантов для разработки более инклюзивной и гуманной миграционной политики; в-четвертых, постоянный мониторинг и оценка эффективности миграционной политики с целью своевременной корректировки и улучшения в соответствии с меняющимися международными условиями. В целом, проблемы миграции представляют собой значительный вызов в эпоху глобализации, требующий совместных усилий международного сообщества и принятия комплексных и гуманных стратегий решения для создания более справедливого, безопасного и процветающего мира.

Литература

1. Агайрова, А.А. Правовые аспекты регулирования миграционного процесса на глобальном уровне // Актуальные проблемы социальных и трудовых отношений: Материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования Российской академии наук, Махачкала, 16 декабря 2022 года. – Махачкала: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических исследований Дагестанского научного центра Российской академии наук, 2023. – С. 170–172. – DOI 10.26159/APSTO.2022.10.10.051.
2. Бокова, Н.А. Теоретические основы миграции как формы международно-экономических отноше-

- ний // Современный научный вестник. – 2016. – Т. 5, № 1. – С. 75–80.
3. Голоктионова, Ю.Г. Современные проблемы международной миграции // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. – 2021. – № 14. – С. 11–13. – DOI 10.36683/2500–249X/2021–14/11–13.
 4. Концептуализация глобального управления безопасностью в международных отношениях // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 10. – С. 2579–2600. – DOI 10.18334/ep.12.10.116497.
 5. Международная организация по миграции (IOM). Всемирный доклад о миграции. – 2022. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/>
 6. Нехороших, И.Н. Международная миграция, тенденции развития // Регион: системы, экономика, управление. – 2020. – № 2(49). – С. 90–96. – DOI 10.22394/1997–4469–2020–49–2–90–96.
 7. Саая, А.Б. Проблемы миграции в мире // Лучшее научное исследование 2022: сборник материалов международного конкурса, Москва, 14 ноября 2022 года. – Москва: Научно-издательский центр «Империя», 2022. – С. 66–68.
 8. Хлопов, О.А. Проблема миграции в американо-мексиканских отношениях // Государство, общество, личность: история и современность: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 25–26 апреля 2019 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2019. – С. 78–82.
 9. Шустов, А.В. Этнические миграции, мусульманские диаспоры и проблемы безопасности в северных регионах Урала // Вестник социально-политических наук. – 2021. – № 20. – С. 122–129. – EDN RVZOU.
 10. Labour migration and forced labour in the context of economic integration: new challenges and realities: statement of the problem // Вестник Инновационного Евразийского университета. – 2020. – No. 4(80). – P. 56–61. – DOI 10.37788/2020–4/56–61.
 11. Mugadam, M.M. Security Challenges and Migration in the Central Africa // Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. – 2021. – Vol. 11, No. 5. – P. 191–204. – DOI 10.21869/2223–1501–2021–11–5–191–204.

THE INFLUENCE OF MIGRATION ON THE DEVELOPMENT OF PROCESSES OF INTERETHNIC COOPERATION

Chen Duidui

Lomonosov Moscow State University

In the context of globalization in the 21st century, migration issues have become a key concern in international relations and global governance. This study focuses on the role of migration processes in the context of international relations and their impact on global governance. In particular, it analyzes the effects of international political economy, international law, human rights, and transnational cooperation on migration flows. The research shows that migration issues not only affect national security, economic development, and social stability of countries but also involve human rights, international cooperation, and global justice. The article concludes that further research into the underlying causes and consequences of migration, strengthening international cooperation and multilateral

mechanisms, as well as the importance of continuous monitoring and evaluation of migration policy effectiveness, are necessary. The study employs literature review and case analysis methods to deeply explore the impact of international political economy, international law, human rights, and transnational cooperation on migration flows. The scientific novelty of the article lies in the systematic analysis of the impact of migration issues on global governance from the perspective of international relations, which provides useful ideas and suggestions for developing more effective international policies and response strategies. The research shows that migration issues not only affect national security, economic development, and social stability but also concern human rights, international cooperation, and global justice. The article suggests that future research and policy development should focus on a deep understanding of the root causes and impacts of migration, strengthening international cooperation and multilateral mechanisms, paying attention to the diversity and special needs of migrants, and continuously monitoring and evaluating the effectiveness of migration policies.

Keywords: Immigration issues, International relations, Global governance, International political economy, International law, Human rights, Transnational cooperation, Social stability, Economic development, Policy formulation

Reference

1. Agayarova, A. A.(2023) Legal aspects of regulation of the migration process at the global level. Actual problems of social and labor relations: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference dedicated to the 300th anniversary of the formation of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, December 16, 2022. Makhachkala: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Research of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 170–172. doi 10.26159/APSTO.2022.10.10.051.
2. Bokova, N. A. 2016 Theoretical foundations of migration as a form of international economic relations. Modern Scientific Bulletin. 5(1).75–80.
3. Goloktionova, Y. G.(2021). Modern problems of international migration. Education and Science without Borders: Fundamental and Applied Research, 14, 11–13. doi 10.36683/2500–249X/2021–14/11–13.
4. Conceptualization of global security governance in international relations.(2022). Economics, Entrepreneurship and Law,2(10), 2579–2600. doi: 10.18334/ep.12.10.116497.
5. International Organization for Migration (IOM). (2022). World Migration Report. Retrieved from: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2022-interactive/>
6. Nekhoroshikh, I. N.(2022). International migration, development trends. Region: systems, economy, management, 2(49), 90–96. doi: 10.22394/1997-4469-2020-49-2-90-96.
7. Saaya, A. B.(2022). Problems of migration in the world. The best scientific research 2022: collection of materials of the international competition, Moscow, November 14, 2022. Moscow: Scientific and Publishing Center “Imperia”, 66–68.
8. Khlopov, O. A.(2019). The problem of migration in U.S.-Mexican relations. State, society, personality: history and modernity: collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference, Penza, April 25–26, 2019. Penza: Penza State Agrarian University, 78–82.
9. Shustov, A. V.(2021). Ethnic migration, Muslim diasporas and security problems in the northern regions of the Ural. Vestnik of socio-political sciences, 20, 122–129.
10. Labor migration and forced labor in the context of economic integration: new challenges and realities: statement of the problem.(2020). Bulletin of Innovative Eurasian University, 4(80), 56–61. Doi: 10.37788/2020–4/56–61.
11. Mugadam, M. M.(2021). Security Challenges and Migration in the Central Africa. Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law, 11(5), 191–204. doi: 10.21869/2223–1501–2021–11–5–191–204.

Прецедентные тексты А.С. Пушкина как отражение аксиосферы молодежного лингвокультурного сообщества в виртуальной (сетевой) среде

Лысова Ольга Васильевна,

к.п.н., доцент Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: lysova_olga@inbox.ru

Абдуллина Амина Шакирьяновна,

д.ф.н., доцент Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: aminaabdullina@mail.ru

Нигматуллина Лейсан Андерзяновна,

к.ф.н., доцент Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: nigm4tullina.laysan@yandex.ru

Лысов Олег Игоревич,

студент Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий
E-mail: oleg-lysov@list.ru

Статья посвящена вопросам изучения прецедентных текстов А.С. Пушкина как отражение национального мировоззрения и русской культуры. Авторы работы в ходе свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди школьников и студентов, выявили степень узнаваемости пушкинских текстов в современном российском социуме. Результаты исследования, представленные в статье, подтверждают, что имена персонажей, названия произведений, строки стихотворений А.С. Пушкина входят в центр национального культурного пространства и являются актуальными для носителей современного русского языка.

Ключевые слова: прецедентные тексты, свободный ассоциативный эксперимент, А.С. Пушкин, аксиосфера, национально-прецедентные феномены.

Развитие информационных технологий в конце XX – начале XXI в. способствовало созданию новой социокультурной и языковой среды. Общение в коммуникативной среде Интернета является важной характеристикой современной культуры, поскольку молодежное сообщество является активным участником виртуальной (сетевой) среды, которая, по определению О.В. Лутовиновой, может рассматриваться как особая модель реальности, «возникающая на основе новых информационных технологий при помощи компьютерной и некомпьютерной техники» [2].

По данным опроса, проведенного среди учащихся 8–11 классов и студентов факультета филологии и межкультурных коммуникаций, в котором участвовало более 150 человек, из которых 128 (более 85%) назвали основным источником знакомства с произведениями А.С. Пушкина виртуальную (сетевую) среду. Общение в коммуникативной среде Интернета является важной характеристикой современной культуры, поэтому, на наш взгляд, необходимо рассмотреть коммуникативные стратегии участников виртуальной коммуникации, их ценности и функционирование прецедентных феноменов А.С. Пушкина в новой языковой среде.

Современный этап развития современной науки характеризуется стремлением раскрыть связь языка, мировоззрения, национальных ценностей определенного социума. Важным аспектом в изучении особенностей аксиосферы современного российского общества является рассмотрение базовых ценностей, являющиеся важными жизненными ориентирами для членов данного социума.

Национальная система ценностей формируется под влиянием религии, истории, культуры, литературы, науки на протяжении длительного развития данного социума и многих поколений. Прецедентные тексты входят в фонд исторической, культурной памяти социума (этнуса), составляют значительную часть фоновых знаний национальной культуры. Изучение и описание национально-культурного компонента прецедентных феноменов А.С. Пушкина, их восприятие современными читателями и функционирование в современном российском обществе, на наш взгляд, особенно актуально для российского общества в 2024 году, когда вся страна отмечает 225-летие со дня рождения поэта.

Прецедентные феномены рассматриваются современными исследователями в качестве ядерных элементов культурного пространства, способных репрезентировать ментальность народа как плода духовной деятельности носителей национальной культуры разных поколений [5, с. 292]. Прецедентные тексты выходят за рамки словесного искусства и становятся фактом культуры, составляют общекультурный фонд языка.

В истории каждого народа появляются такие уникальные личности, в которых в максимальной степени сфокусирована ментальность народа, характерные черты его культуры. Есть все основания утверждать, что к числу таких знаковых личностей, которые ярко и убедительно представляют Россию, по праву принадлежит Александр Сергеевич Пушкин. Как справедливо заме-

чает И.В. Кондаков, размышляя о месте Пушкина в русской культуре, что это «универсальный «ключ» к русской культуре в целом», русской культуре – и не только за последние два века, а за всю историю отечественной культуры [1, с. 164].

Далее исследователь, характеризуя роль поэта в русской культуре, обращает внимание на то, что Пушкин воспринимается как выражение самого постоянного, непреходящего, вечного в русской культуре: «...это метаисторическая мера русской культуры, мера русскости в культуре... <> воплощение самого менталитета русской культуры» [1, с. 165].

«Русский ассоциативный словарь» (1994–1999) под редакцией Ю.Н. Караулова, моделирующий вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя русского языка, включает в ряд представленных реакций на слова-стимулы прецедентные феномены, связанные с творчеством А.С. Пушкина. Так, в разделе «Литература» приведены примеры, полученные методом свободного ассоциативного эксперимента:

- название произведения: *старик – сказка о рыбаке и рыбке*;
- имя (обозначение) персонажа: *старик – и рыбака*;
- имя автора: *деревня – Пушкин*;
- цитата или выразительный намек на цитату из произведения: *повеса – летя на почтовых*; *звезда – пленительного счастья* и т.д.
- указание какого-то характерного предмета, существа, действия, места, явления, играющего важную роль в развитии сюжета произведения: *старик – месяц – сказка о мертвой царевне*, *борода – Черномора* и т.д. [4].

Как видим, предшествующие поколения высоко оценивали роль и значение А.С. Пушкина для развития русской культуры, и нам было интересно узнать, как изменилось в национальном сознании функционирование прецедентных феноменов, связанных с именем великого русского поэта. В ходе исследования мы решили выяснить, насколько актуально имя А.С. Пушкина, его значимость для современного носителя русского языка.

Цель нашего исследования – рассмотреть прецедентные тексты А.С. Пушкина как отражение национального мировоззрения и русской культуры, выявить степень их узнаваемости в современном российском социуме.

Для проведения свободного ассоциативного эксперимента среди учащихся 8–11 классов г. Бирска и студентов 1–2 курсов Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий были предложены следующие слова-стимулы, на которые нужно было указать не менее 3 ассоциаций к каждому из предложенным понятиям:

- самый известный поэт России*;
- самое известное имя литературного персонажа русской литературы (мужское)*;
- самое известное имя литературного персонажа русской литературы (женское)*;
- памятное поэтическое место (географическое название)*;
- самое известное произведение русской литературы*;
- самая известная стихотворная строка русской поэзии*.

В проведенном анкетировании участвовали более 120 респондентов от 15 до 24 лет разных национальностей (56% – русские, 23% – татары, 11% – башкиры, 7% – марийцы, 3% – другие национальности, проживающие на территории Республики Башкортостан).

Отвечая на вопрос: «Самый известный поэт в России», респонденты указали следующих известных русских поэтов: А.С. Пушкин, С.А. Есенин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, В.В. Маяковский. Количественное, соот-

ношение, приведенное на рис. 1, показывает, что имя А.С. Пушкина является универсально-прецедентным феноменом для данной возрастной группы, т.е. известно любому среднему представителю данного сообщества.

Рис. 1.

Отвечая на вопрос: «Самое известное имя литературного персонажа русской литературы (мужское)», респонденты указали следующих литературных героев: Евгений Онегин, Родион Раскольников, Петр Гринев, Иван, Пьер Безухов, Юшка, Герасим, Плюшкин. Анализ результатов к данному стимулу, приведенный на рис. 2, показывает, что для рассматриваемой возрастной группы литературные герои Евгений Онегин (75%) и Петр Гринев (5%) являются прецедентными именами, известными практически любому среднему представителю российского общества.

Рис. 2.

Среди самых известных женских персонажей русской литературы (стимул «Самое известное имя литературного персонажа русской литературы (женское)»), участники опроса назвали следующих литературных героинь: Татьяна Ларина (51%), Катерина (14%), Мария Миронова (13%), Наташа Ростова (11%), Анна Каренина (5%) и т.д. (рис. 3). Как видим, две героини произведений А.С. Пушкина – Татьяна Ларина и Мария Миронова – относятся к прецедентным феноменам, известным практически любому среднему представителю российского общества, закрепленные в народном сознании, являясь значимым, ядерным элементом современного культурного пространства, и представляя часть общекультурного российского менталитета.

Количественные результаты реакций на вопрос-стимул: «Памятное поэтическое место (географическое название)?» представлены на рис. 4. Школьники и студенты, участвовавшие в опросе, указали следующие поэтические места: Бородинское поле (50%), Кавказ (22%), Ясная поляна (8%), Петербург (5%), Царскосельский лицей (3%), Спасское-Лутовиново (3%), Дом-музей в селе Константиново (3%), Рязанщина (3%), Михайловское (3%). Среди перечисленных респондентами названий

(Кавказ, Петербург, Царскосельский лицей, Михайловское) связаны с именем А. Пушкина, что доказывает их актуальность в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане для современной языковой личности.

Рис. 3.

Рис. 4.

Отвечая на вопрос: «Самое известное произведение русской литературы», респонденты указали следующие произведения русской литературы: «Война и мир» (78%), «Горе от ума» (5%), «Тихий Дон» (3%), «Капитанская дочка» (3%), «Руслан и Людмила» (3%), «Евгений Онегин» (3%), «Преступление и наказание» (2%) и т.д.

Несмотря на то, что произведения А.С. Пушкина в данном списке не занимают лидирующие позиции, но тем не менее, в списке перечислены широко известные произведения, так называемые хрестоматийные, «Капитанская дочка», «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин», которые являются, несомненно, прецедентными текстами русской культуры, поскольку они хорошо знакомы любому среднему члену национально-культурного сообщества, что является одним из важных признаков прецедентного текста.

Рис. 5.

Кроме того, анализируя ответы на этот вопрос, следует учитывать, что А.С. Пушкин прежде всего ассоциируется в сознании русского человека как «великий русский поэт», о чем свидетельствуют результаты ответа на следующий вопрос, представленные на рис. 5.

Среди 9 самых известных поэтических строк, предложенных в ходе ассоциативного эксперимента, 5 принадлежат А.С. Пушкину: «У лукоморья дуб зеленый...» (31%), «Мороз и солнце день чудесный...» (23%), «Я вас любил, любовь еще быть может...» (17%), «Я помню чудное мгновенье» (6%).

Как видим, известные литературные цитаты, которые относятся к прецедентным высказываниям, хорошо известны практически всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, составляют пушкинские строки (более 70%) («Мороз и солнце день чудесный...», «У лукоморья дуб зеленый...», «Я помню чудное мгновенье», «Есть в осени первоначальной...», «Я вас любил, любовь еще быть может...», «Буря мглою небо кроет...»).

На наш взгляд, полученные нами результаты свидетельствуют о том, что система прецедентных феноменов творчества А.С. Пушкина является одним из способов передачи национально-культурного наследия русского народа от одного поколения к другому, тексты А.С. Пушкина и для читателей XXI века являются составной частью ментальной российской этнокультуры.

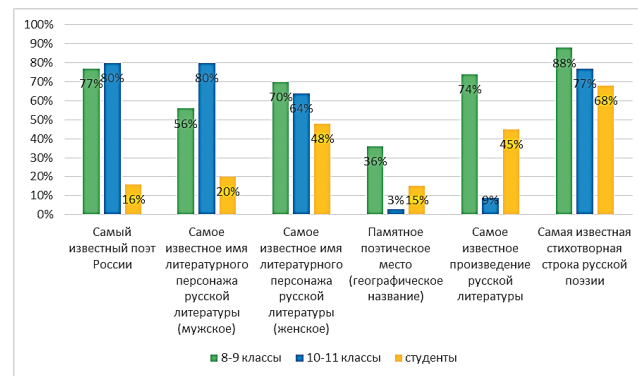

Рис. 6.

Сравнивая ответы респондентов, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента, проведенного для разных возрастных групп (студенты 1–2 курсов Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий, учащиеся 8–9 классов, учащиеся 10–11 классов), мы также отметили разные реакции, связанные, прежде всего, с общим культурным уровнем учащихся, возрастными особенностями и изученным программным материалом. Так, учащиеся 8–9 классов чаще среди литературных героев называли Юшку, Герасима, а 10–11-классники указывали чаще Родиона Раскольникова или Пьера Безухова, учащиеся 8–9 классов среди известных произведений русской литературы называли «Капитанская дочка», «Ревизор», а обучающиеся 10–11 классов называли «Война и мир», «Горе от ума». Учащиеся среднего звена среди литературных героинь русской литературы чаще называли Машу Миронову, а учащиеся старшего звена называли Наташу Ростову, Катерину. Эти особенности объясняются построением программы по литературе, в зависимости от класса обучения, учащиеся называют тех героев, те произведения, которые изучались не так давно. Интересным является упоминание во всех возрастных группах прецедентных феноменов, касающихся имени А.С. Пушкина, если для 8–9 классов изучение его творчества по времени довольно близко, то учащиеся 10–11 классов, студенты 1–2 курсов физико-математического и биологического факультетов

университета никак не связаны с изучением творчества данного поэта. Так, мы сравнили ответы по трем возрастным группам, которые представлены на рис. 6.

Таким образом, анализ реакций, полученных в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента, позволяет прийти к заключению, что тексты А.С. Пушкина и для читателей начала XXI века являются национально-прецедентными феноменами, которые составляют ядерные элементы языкового национально-сознания, транслируют знания о мире и языке всего лингвокультурного сообщества, являясь доминантой общенационального уровня.

Результаты опроса подтвердили, что Пушкин и его образы, строки определяют, доминируют в русском национальном сознании, оформились в качестве национально-прецедентных феноменов.

Материалы свободного ассоциативного эксперимента подтверждают наличие одних и тех же слов-стимулов, которые апеллируют к прецедентным феноменам в русском языке. Однако из-за возрастных, уровня образования и степени знакомства с творчеством А.С. Пушкина состав прецедентных феноменов является неодинаковым в разных лингвокультурных возрастных сообществах. Так, имена персонажей, названия произведений, строки стихотворений А.С. Пушкина входят в центр национального культурного пространства, составляют феномены, являющиеся достоянием большинства членов данного социума, при этом каждый из представителей данного сообщества свободно ориентируется в центральной, или ядерной, части национального культурного пространства.

Результаты данного опроса подтвердили, что «исследуемые прецедентные феномены актуальны для носителей языка» [3, с. 140] и представляют общую зону пересечения знаний и представлений всего российского национально-лингвокультурного сообщества.

Поэзия Пушкина для российского народа является тем, что объединяет нас, делая единым народом, из поколения в поколение передавая генетический код русского народа.

Литература

1. Кондаков И.В. Пушкин как феномен русской культуры // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 6. – С. 160–170.
2. Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе. Автореферат диссертации по филологии, специальность ВАК РФ 10.02.19. – URL: <https://cheloveknauka.com/yazykovaya-lichnost-v-virtualnom-diskurse>
3. Лысова О.В., Абдуллина А.Ш., Гайнетдинова Ф.М. Аксиологический аспект использования прецедент-

ных текстов А.С. Пушкина в речи учащихся 7–9 классов // *Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов Международной научной конференции (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.)*. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – С. 139–140.

4. Русский ассоциативный словарь [Текст] / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. – М., 1994. (Ассоциативный тезаурус современного русского языка / РАН. Ин-т рус. яз.)
5. Ягодкина М.В., Иванова А.П. Прецедентные тексты А.С. Пушкина в современной рекламной коммуникации // *Царскосельские чтения*. 2015. С. 291–294.

PRECEDENT TEXTS A.S. PUSHKIN AS A REFLECTION OF THE AXIOSPHERE OF YOUTH LINGUOCULTURAL COMMUNITY IN A VIRTUAL (NETWORK) ENVIRONMENT

Lysova O.V., Abdullina A.Sh., Nigmatullina L.A., Lysov O.I.
Ufa University of Science and Technology (Birk branch)

The article is devoted to the study of precedent texts by A.S. Pushkin as a reflection of the national worldview and Russian culture. The authors of the work, in the course of a free associative experiment conducted among schoolchildren and students, revealed the degree of recognition of Pushkin's texts in modern Russian society. The research results presented in the article confirm that the names of characters, titles of works, lines of poems by A.S. Pushkin are included in the center of the national cultural space and are relevant for speakers of the modern Russian language.

Keywords: precedent texts, free associative experiment, A.S. Pushkin, axiosphere, national precedent phenomena.

References

1. Kondakov I.V. Pushkin as a phenomenon of Russian cultures // *Social sciences and modernity*. – 1999. – No. 6. – P. 160–170.
2. Lutovinova O.V. Linguistic personality in virtual discourse. Abstract of the dissertation in philology, specialty of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation 02/10/19. – URL: <https://cheloveknauka.com/yazykovaya-lichnost-v-virtualnom-diskurse>
3. Lysova O.V., Abdullina A.Sh., Gainetdinova F.M. Axiological aspect of the use of precedent texts by A.S. Pushkin in the speech of students in grades 7–9 // *Axiological aspects of modern philological research: abstracts of reports of the International Scientific Conference (Ural Federal University, October 15–17, 2019)*. – Ekaterinburg: Publishing house “Azhur”, 2019. – pp. 139–140.
4. Russian associative dictionary [Text] / Yu.N. Karaulov, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov et al. – M., 1994. (Associative Thesaurus of the Modern Russian Language / RAS. Institute of Russian Language).
5. Yagodkina M.V., Ivanova A.P. Precedent texts by A.S. Pushkin in modern advertising communication // *Tsarskoye Selo Readings*. 2015. pp. 291–294.

Особенности развития корпоративного волонтерства в России в 2020–2023 годы

Гусева Екатерина Владимировна,

аспирант кафедры Методологии социологических и маркетинговых исследований, «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)

Корпоративное волонтерство – одно из самых перспективных направлений социальной ответственности в России в начале 20-х гг. 21 века. В данной работе рассматриваются ключевые моменты в развитии корпоративного волонтерства в России и определяется его место в институте корпоративной социальной ответственности. В качестве эмпирической базы используются открытые данные по развитию волонтерского движения в стране и статистика в режиме реального времени, опубликованные на портале Добро.гу, а также результаты социологических исследований, проведенных ВЦИОМ (2021) и аналитическим центром НАФИ (2024).

Ключевые слова: корпоративное волонтерство; корпоративная социальная ответственность; волонтерское движение в России; стейкхолдеры.

Корпоративное волонтерство – одно из самых перспективных направлений социальной ответственности в России в начале 20-х гг. 21 века. Оно представляет собой форму волонтерской деятельности, осуществляемой в рамках какой-либо организации. Характерной особенностью данного вида волонтерства является оплата времени, затраченного сотрудником на волонтерскую работу, компанией-работодателем. Выделенные работником часы для волонтерской деятельности должны быть включены в рабочее время сотрудника. В противном случае такое волонтерство не может быть признано корпоративным.

Такая форма волонтерства получила распространение в России не так давно. Согласно статистическим данным, опубликованным на официальном портале ДОБРО.РФ (законодательно закреплённая Единая информационная система в сфере развития добровольчества (волонтерства) [6], в 2019 году не было зарегистрировано ни одной корпоративной волонтерской организации из числа коммерческих компаний, работающих на территории РФ. А в 2023 году их число составило уже 976. Таким образом, можно говорить о формировании нового направления волонтерской деятельности. Целью данной работы является проследить ключевые моменты в становлении корпоративного волонтерства в России и определить его место в институте корпоративной социальной ответственности.

Рассмотрим место корпоративного волонтерства в общей структуре добровольческого движения в России в 2020-х годах 21 века. Почему был выбран именно этот период для анализа? Первая причина связана с техническими аспектами: официальный сбор статистики о структуре волонтерского движения в России начался с 2016 года. Регистрация волонтерских движений в единой системе (ДОБРО.РФ) происходила не сразу, требовался определённый период для распространения информации о портале и принятии управленческих решений о назначении ответственных за сбор и размещение статистических данных. Вторая причина содержательного характера. За последние годы произошли события, полностью изменившие жизненные установки и приоритеты населения, глобальные изменения во внутренней и внешней политике страны. В 2020 году произошли значительные изменения в социальной сфере, в результате борьбы с пандемией. Эти изменения включали перестройку системы здравоохранения, введение непривычных мер поддержки населения, переход школьников и студентов на дистанционное обучение, а также установление режима нерабочих дней для большей части работающего населения и ряд других. 2022 год принес новые поводы для глобальной трансформации российского общества. С этого периода стали звучать неожиданные для предшествующего периода развития страны лозунги о, например, «повороте на Восток», концепции «СССР 2.0» и др.

Изменения коснулись всех сфер жизни. В том числе можно констатировать и новое понимание значения роли и потенциала корпоративной социальной ответственности организаций (КСО), а следовательно, и роли корпоративного волонтерства, являющегося её

частью. По мнению экспертов [4] корпоративное волонтерство стоит далеко не на первом месте в системе ценностей корпоративной социальной ответственности. Большинство бизнес-структур понимают КСО прежде всего как правильную социальную политику в отношении к собственным сотрудникам, а также к местно-

му сообществу, где находится предприятие. С другой стороны, проекты, относящиеся к корпоративному волонтерству, по вложению денежных средств как правило самые дешёвые, а по «значимости мотивации подключения к ним сотрудников и полученным эффектам» [4] – ключевые (рис. 1).

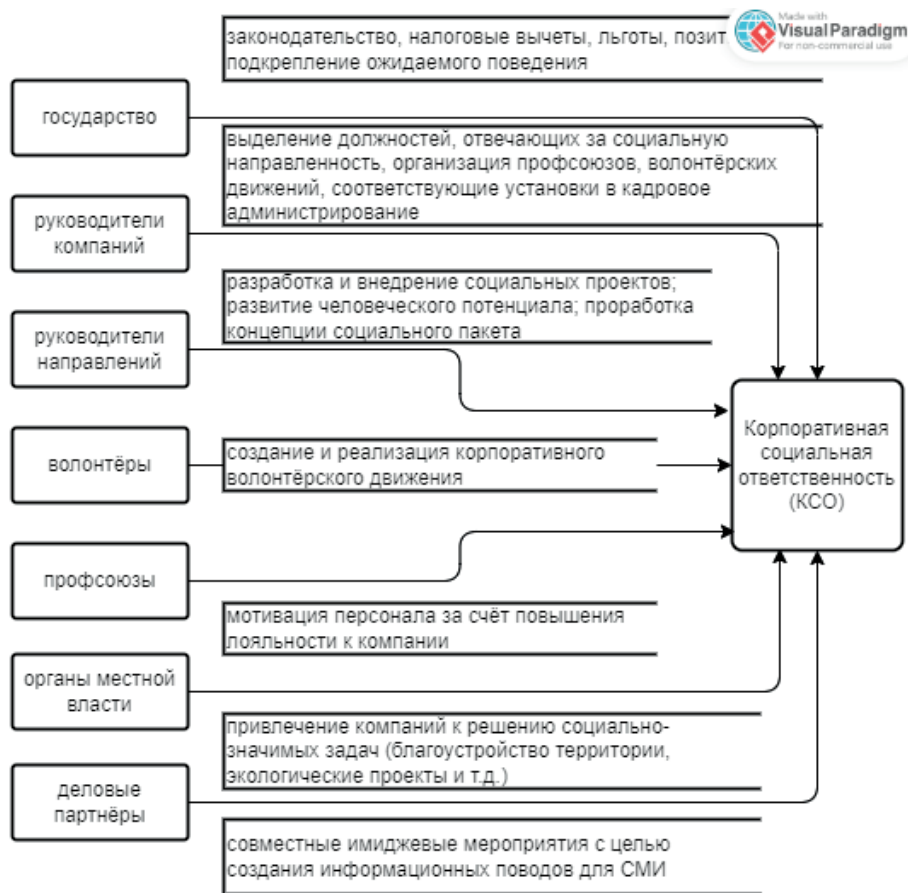

Рис. 1. Место корпоративного волонтерства в общей структуре КСО * (все таблицы и схемы в данной статье составлены автором)

Выше представлена схема субъектов, влияющих на формирование и реализацию концепции КСО. В классической научной теории подобные субъекты-заинтересованные лица получили название стейкхолдеров. Как известно, данная теория была разработана философом и преподавателем менеджмента Эдвардом Фриманом в 1984 и изложена в работе «Стратегический менеджмент: концепция заинтересованных сторон» [7].

Согласно этому подходу, рациональное использование ресурсов и устойчивое развитие организации зависят от разнообразных взаимоотношений с разными группами заинтересованных лиц. Корпоративные волонтеры также являются одной из «заинтересованных сторон» и оказывают влияние на реализацию КСО организации.

Согласно статистическим данным, опубликованным на официальном портале ДОБРО.РФ (законодательно закрепленная Единая информационная система в сфере развития добровольчества (волонтерства) [6] в 2023 году общее число участников волонтерских движений в России составило 1502064 человек, из них волонтеров из коммерческих компаний – 976. Сами по себе эти цифры мало о чём говорят, больший интерес представляет рассмотрение их в динамике и в контексте изменения количества участников основных субъектов волонтерского движения в России с 2020 по 2023 г. (табл. 1).

Таблица 1.

	2020	2021	2022	2023
Всего зарегистрированных волонтеров	911 192	888 222	1 358 126	1 502 064
Всего зарегистрированных организаторов	9 302	12 577	25 805	33 318
Организаторы – государственные учреждения	1 580	2 655	2 686	3 732
Организаторы – коммерческие организации	66	152	1 370	976
Школа	1 123	1 992	2 693	5 732
НКО	828	2 609	3 060	2 975
Общественные объединения	782	965	853	1 510
ВУЗы	188	327	388	395
ССУЗы	139	268	382	418
Органы власти	93	226	257	254

Проанализировав данные, представленные в таблице, можно выделить следующие закономерности:

1. Абсолютное число зарегистрированных волонтеров и организаторов постепенно увеличивается с каждым годом с 2020 по 2023 год.

2. Наблюдается значительный рост числа организаторов-коммерческих организаций с 2020 по 2022 год, после чего происходит незначительное снижение в 2023 году.

3. Среди организаторов преобладают школы, НКО (некоммерческие организации) и общественные объединения, при этом их количество также увеличивается с течением времени. Корпоративное волонтерство можно также отметить среди лидеров.

4. Можно говорить об активном участии ВУЗов и ССУЗов в волонтерской деятельности, при этом отмечается увеличение числа зарегистрированных волонтеров и организаторов из указанных учреждений к 2023 году.

5. Число участников, относящихся к корпоративным волонтерам, увеличивается на протяжении анализируемого периода. При этом к корпоративному волонтерству можно отнести и организаторов-государственных учреждений, и коммерческие организации. Доля их суммарного вклада в общее число волонтеров меняется следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

	2020	2021	2022	2023
Корпоративное волонтерство	1646	2807	4056	4708
Доля КВ в общем числе волонтеров	0,181%	0,316%	0,3%	0,313%

Анализируя данные, представленные в таблице 2, можно сделать следующие выводы:

1. Количество участников корпоративного волонтерства в России увеличивается с каждым годом, что свидетельствует о растущем интересе компаний к волонтерской деятельности.

2. Доля корпоративного волонтерства в общем числе волонтеров также увеличивается с 2020 по 2023 год, что указывает на рост значимости и вклада корпоративного сектора в общественные и благотворительные инициативы.

3. Значительное увеличение числа участников корпоративного волонтерства наблюдается в 2021 году, что может быть связано с повышенным вниманием к социальной ответственности бизнеса в условиях пандемии и социальных вызовов.

4. Несмотря на небольшие колебания в доле корпоративного волонтерства от года к году, общий тренд указывает на постепенный рост участия корпораций в волонтерских программах.

Далее рассмотрим, как менялись социально-демографические характеристики волонтеров с 2020 по 2023 год в России (табл. 3).

Таблица 3

	2020	2021	2022	2023
Женщины-волонтеры	73%	70%	65%	66%
Мужчины-волонтеры	27%	30%	35%	34%
Средний возраст волонтеров	30	24	24	23

На основе представленных в таблице данных можно выделить две основные тенденции:

Во-первых, это увеличение числа мужчин среди волонтеров с 27% до 34%. И вторая тенденция – снижение среднего возраста волонтеров с 30 лет (в 2020) до 23 (в 2023). Как видно из таблицы 1, вторая тенденция связана с резким увеличением в этот период числа школ-организаторов волонтерских движений, а следовательно и участников волонтеров юного возраста.

Чтобы лучше понять специфику происходящих процессов, целесообразно добавить к анализируемым данным информацию о процентном соотношении волонтеров разных возрастных групп также в динамике (табл. 4).

Таблица 4

	2020	2021	2022	2023
До 18 лет	8,09	28,78	40,77	51,39
18-24	39,28	43,52	26,12	20,65
25-34	19,47	9,59	11,77	9,17
35-44	18,55	9,34	12,39	10,38
45-54	9,77	5,25	5,68	5,35
55-64	3,65	2,52	2,33	2,21
65+	1,19	1,01	0,95	0,86

Мы видим, что резко изменилась доля участников в возрасте до 18 лет в 2021 году. Логично предположить, что должна быть весомая причина для подобных изменений. Действительно, в июне 2020 года Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при участии экспертного сообщества, Федерального агентства по делам молодежи и Ассоциацией волонтерских центров подготовили письмо «Методические рекомендации по осуществлению учёта добровольческой (волонтерской) деятельности в качестве индивидуального достижения при поступлении на обучение по программам высшего образования» [5]. В результате были разработаны методические рекомендации, согласно которым добровольческая (волонтерская) деятельность подростка учитывается в качестве индивидуального достижения при поступлении на обучение по программам высшего образования.

Дополнительно Департамент сообщал, что в период приемной кампании 2020 года образовательные организации высшего образования помимо указанных в методических рекомендациях баллов вправе начислять дополнительные баллы абитуриентам, участвующим в волонтерской деятельности, направленной на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Таким образом наблюдается прямая связь влияния новых социальных условий на развитие волонтерского движения в России, на приток более молодых участников. Также в данном примере хорошо видно влияние государства на процесс формирования волонтерского движения.

Далее рассмотрим, какая тематика является самой популярной среди волонтерских проектов в России и сравним с аналогичными данными по корпоративному волонтерству [6] (см. табл. 5).

Проведём анализ данных в таблице и выделим основные выводы и закономерности:

1. Наибольшее количество участников-волонтеров в течение периода с 2020 по 2023 год приходится на направления «Дети и молодежь» и «Образование». Эти направления остаются одними из самых популярных среди всех волонтерских проектов в России в 2020-е гг.

2. Некоторые направления, такие как «Культура и искусство», «Здравоохранение и ЗОЖ», «Ветераны и исто-

рическая память», «Люди с ОВЗ» и «Старшее поколение», также имеют стабильное количество участников-волонтеров в течение анализируемого периода и остаются стабильно востребованными, несмотря на незначительные колебания от года к году.

3. Наиболее четко можно проследить динамику изменения количества волонтерских проектов по двум направлениям – Наука и Коронавирус.

Таблица 5

Направления волонтерских программ	2020	2021	2022	2023
Дети и молодежь	8023	6362	12140	9040
Образование	3834	2869	5494	4159
Культура и искусство	3869	2760	5087	3699
Другое	2129	1664	3618	3416
Ветераны и историческая память	4050	1894	3501	3013
Здравоохранение и ЗОЖ	1934	2353	4031	2873
Экология	3054	1813	3382	2518
Люди с ОВЗ	2781	2102	3365	2476
Старшее поколение	3881	2663	3291	2467
Спорт и события	2202	1233	2895	2098
Интеллектуальная помощь	1787	900	1573	1215
Животные	1687	725	1441	1061
Урбанистика	913	614	1030	806
Наука	5	9	520	773
ЧС	780	285	713	757
Права человека	843	405	826	648
Поиск пропавших	537	201	435	338
Коронавирус	1254	747	636	336
Наставничество	42	39	51	166

В первом случае наблюдается резкое увеличение с 5 новых проектов в год в 2020 до 773 проектов в 2023 году, а в случае Коронавируса – обратная ситуация: уменьшение волонтерских проектов с 1254 за год в 2020 до 166 в 2023 году.

Аналогичной статистики по отдельно корпоративным волонтерским проектам найти не удалось, однако есть данные нескольких социологических исследований, изучающих мнения сотрудников организаций, в которых реализуются практики корпоративного волонтерства.

Так, согласно результатам социологического опроса, проведенного ВЦИОМ в 2021 году [2], были выделены следующие наиболее часто реализуемые направления корпоративного волонтерства:

- помощь взрослым и детям (бездомным, инвалидам, сиротам) – 48%;
- экологическая деятельность – 33%;
- благоустройство дворов, парков и улиц – 21%;
- образовательная деятельность – 21%;
- популяризация здорового образа жизни и содействии оказанию медицинской помощи – 17%.

При этом опрошенные сотрудники компаний считают, что в рамках программ корпоративного волонтерства наиболее значимые направления для реализации – это:

- социальные программы – 46%;
- экологические активности – 38%;
- профессиональное наставничество – 38%.

Согласно данным исследования, проведенного в марте 2024 года аналитическим центром НАФИ, наиболее популярные направления в рамках корпоративного волонтерства – это:

- патриотическое и экологическое волонтерство – по 33%;
- благотворительность и материальная помощь нуждающимся – 33%.

30% компаний вовлекают сотрудников в событийное волонтерство и помогают в проведении мероприятий массового, культурного или спортивного характера. Каждый четвертый работодатель (27%) организует акции социального волонтерства (помощь людям в сложной жизненной ситуации, пожилым, сиротам, проходящим лечение и др.). Каждый пятый (20%) привлекает персонал к образовательному волонтерству, а каждый шестой (17%) – к зооволонтерству, помощи бездомным животным, подопечным приюта [3].

Интересно, что такое направление, как наставничество (упоминаемое в числе приоритетных направлений в 2021 году среди опрошенных сотрудников компаний, реализующих программы корпоративного волонтерства) является наименее встречающимся среди всех волонтерских программ, реализуемых на территории РФ в 2020-е гг. А упоминаемое в лидерах среди корпоративных волонтерских проектов направление по экологии занимает только 7 место среди волонтерских программ. Зооволонтерство также входит в число наиболее востребованных направлений в системе корпоративного волонтерства, но не входит даже в десятку лидеров среди волонтерских программ в РФ. Таким образом, можно говорить о том, что расстановка приоритетных направлений в корпоративном волонтерстве не совпадает с приоритетными направлениями в целом волонтерского движения РФ, и имеет свои особенности [3].

Выводы

1. С 2020 наблюдается увеличения общего числа зарегистрированных волонтеров и организаторов волонтерских программ в России.
2. Государственные и коммерческие компании все чаще присоединяются к волонтерским проектам, интегрируя добровольческие программы в рамки корпоративной культуры и поощряя своих работников к участию в корпоративном волонтерстве.

3. За последние несколько лет (с 2020 по 2023 гг.) увеличилось число мужчин, принимающих участие в волонтерских программах (с 27% до 34%). Однако женщины традиционно более вовлечены в волонтерскую деятельность.
4. Наиболее значимые направления для реализации в корпоративном волонтерстве не полностью совпадают с самыми популярными направлениями в целом волонтерского движения в России и имеют свои особенности.
5. Внедрение корпоративного волонтерства имеет большой потенциал как с позиции развития человеческого потенциала, так и в целях формирования привлекательного имиджа работодателя как социально-ответственного бизнеса, повышение конкурентоспособности, улучшение связей с местным сообществом органами власти.

Реализация программ корпоративного волонтерства представляет собой инновационный метод инвестирования в человеческий капитал и имидж организации. Помимо вклада в решение общественных задач, добровольческие проекты приносят множество практических преимуществ для работодателя. Совместная волонтерская деятельность способствует укреплению внутреннего взаимодействия в коллективе, развитию навыков командной работы и мягких навыков, а также увеличению лояльности к работодателю. В этом контексте интересны цитаты из высказываний участников корпоративных волонтерских программ: «совместные дела сближают больше, чем совместные совещания» или «корпоративное волонтерство становится компенсацией за профессиональную неудовлетворённость работой».

Кроме того, данный аспект социальной ответственности компании укрепляет деловое доверие с партнерами, способствует развитию связей с местными сообществами и повышению ценности бренда для потенциальных сотрудников. Однако, можно говорить о положительном эффекте от внедрения корпоративного волонтерства только в том случае, когда направления волонтерских проектов отвечают интересам и потребностям сотрудников, связаны с актуальными проблемами конкретного региона, а мероприятия имеют системный характер и вписаны в стратегию развития компании.

Литература

1. Корпоративное волонтерство как перспективное направление социального партнерства // Корпоративное волонтерство в России. Сборник лучших практик URL: https://www.redcross-irkutsk.org/upload/catalog/files/products/korporativnoye_volonterstvo_Russia.pdf (дата обращения 27.04.2024)
2. Корпоративное волонтерство: актуальные тренды. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korporativnoe-volonterstvo-aktualnye-trendy-1> (дата обращения 28.04.2024)
3. Каждый третий работодатель реализует программы корпоративного волонтерства URL: <https://nafi.ru/analytics/kazhdyy-tretiy-rabotodatel-realizuet-programmy-korporativnogo-volonterstva/> (дата обращения 28.04.2024)
4. Корпоративное волонтерство как перспективное направление социального партнерства // Корпоративное волонтерство в России. Сборник лучших практик

тик URL: https://www.redcross-irkutsk.org/upload/catalog/files/products/korporativnoye_volonterstvo_Russia.pdf (дата обращения 10.04.2024)

5. Методические рекомендации по осуществлению учета добровольческой (волонтерской) деятельности в качестве индивидуального достижения при поступлении на обучение по программам среднего профессионального и высшего образования URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/Metodicheskie_rekomendatsii.pdf (дата обращения 15.04.2024)
6. Портал ДОБРО.РФ (законодательно закреплённая Единая информационная система в сфере развития добровольчества (волонтерства) URL: <https://dobro.ru/> (дата обращения: 01.04.2024)
7. Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. – First Edition. – Boston: Harpercollins College Div, January 1984. – 275 p. – (Pitman Series in Business and Public Policy).

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF CORPORATE VOLUNTEERING IN RUSSIA IN 2020–2023

Guseva E.V.

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara University)

Corporate volunteering is one of the most promising directions of social responsibility in Russia in the early 2020s of the 21st century. This paper examines the key points of corporate volunteering development in Russia and determines its place in the institute of corporate social responsibility. Open data on the development of the volunteer movement in the country and real-time statistics published on the portal Dobro.ru, as well as the results of sociological research conducted by VCIOM (2021) and the analytical center NAFI (2024), are used as an empirical basis.

Keywords: corporate volunteering; corporate social responsibility; volunteer movement in Russia; stakeholders.

References

1. Corporate volunteering as a promising area of social partnership // Corporate volunteering in Russia. Collection of best practices URL: https://www.redcross-irkutsk.org/upload/catalog/files/products/korporativnoye_volonterstvo_Russia.pdf (access date 04/27/2024)
2. Corporate volunteering: current trends. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korporativnoe-volonterstvo-aktualnye-trendy-1> (accessed 04/28/2024)
3. Every third employer implements corporate volunteering programs URL: <https://nafi.ru/analytics/kazhdyy-tretiy-rabotodatel-realizuet-programmy-korporativnogo-volonterstva/> (access date 04/28/2024)
4. Corporate volunteering as a promising area of social partnership // Corporate volunteering in Russia. Collection of best practices URL: https://www.redcross-irkutsk.org/upload/catalog/files/products/korporativnoye_volonterstvo_Russia.pdf (access date 04/10/2024)
5. Methodological recommendations for taking into account voluntary (volunteer) activities as an individual achievement when enrolling in secondary vocational and higher education programs URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/Metodicheskie_rekomendatsii.pdf (date accessed 04/15/2024)
6. Portal DOBRO.RF (legislatively established Unified Information System in the field of development of volunteering (volunteering) URL: <https://dobro.ru/> (access date: 04/01/2024)
7. Freeman R.E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. – First Edition. – Boston: Harpercollins College Div, January 1984. – 275 p. – (Pitman Series in Business and Public Policy).

Особенности геополитических и общественных процессов, происходящих на территории Украины

Кучерина Ирина Александровна,

аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

В статье раскрываются особенности геополитических и общественных процессов, происходящих на территории Украины. Для того чтобы достичь данную цель исследования, в статье были представлены особенности геополитических и общественных процессов, происходящих на территории Украины в 2014 году, историческое развитие и предпосылки концепции украинского национализма, современное состояние геополитических и общественных процессов, происходящих в 2022–2023 гг. В заключение было отмечено, что, несмотря на то, что ЕС пока не готов ответить на интеграционные стремления Украины, всё же воспринимает данное государство в качестве потенциального члена сложившегося объединения, с другой стороны, для России происходящие события стали вызовом для укрепления национальной безопасности. Одновременно с этим независимые восточно-европейские страны воспринимают Украину как альтернативную РФ модель геополитической ориентации и государственного устройства, у которой имеется потенциал к международному соперничеству с Россией.

Ключевые слова: геополитические процессы, общественные процессы, концепция украинского национализма, политический курс Украины, политическая элита, европейская интеграция, национальная безопасность.

Введение

Основополагающим фактором, обуславливающим приверженность элиты на территории Украины политическому курсу на дистанцирование от РФ и европейскую интеграцию, является парадигма украинского национализма, предпосылки к которой появились в 80-х гг. предыдущего столетия. Произшедший далее распад СССР, получение Украиной общественной и политической независимости политической элитой были поддержаны. Сочетание национально-ориентированного общества и партийной номенклатуры позволило утвердить новые общественные и геополитические ориентиры национального развития Украины, подразумевающие осуществление политического курса на разрыв с социокультурными ценностями и политическими основами существования СССР, а также возрождение концепции украинского национализма [6, с. 266–267].

Актуальность и проблематика вопроса украинского общественного и геополитического курса в настоящее время сохраняется, хотя в глобальной повестке дня приоритетность данного вопроса в связи с пандемией COVID-19, международной демократической политикой и экологической обстановкой в рамках принятия низкоуглеродной политики была ниже. Произшедшие в 2021–2022 гг. события подтверждают вышесказанное. Помимо этого, вопрос общественного и геополитического курса планомерно стал общеевропейским [8] и международным в некоторых аспектах. При этом он определенно не является новым, поскольку, по мнению некоторых исследователей [9], он уже носил латентный характер в рамках концепции, предложенной Х. Маккиндером [10].

Особенности геополитических и общественных процессов, происходящих на территории Украины в 2014 году

До событий, произошедших в 2014 году, отличительной особенностью геополитических и общественных процессов было существование баланса между «пророссийской» политической элитой и «проевропейской». Первая группа политической элиты была представлена игроками крупного сектора предпринимательства, функционирующего преимущественно в юго-восточной части территории Украины. Вместе с тем некоторые представители крупного сектора предпринимательства поддерживали политический курс на европейскую интеграцию, их предпринимательская деятельность была ориентирована на международные рынки. Остальные крупные игроки отмечали перспективы в предпринимательском развитии во взаимосвязи с получением от РФ поддержки. Последняя, «проевропейская» группа, вела Украину к тому, чтобы государство вступило в интеграционное объединение Европейского Союза (ЕС).

Политическая элита, расположенная на восточной части территории Украины, для того чтобы решить собственные задачи и одновременно с этим получить доступный финансовый капитал, геополитические рычаги воздействия, использовали настроения граждан, прожи-

вающих на восточной части территории Украины. Вместе с тем в группе «пророссийской» элиты, куда преимущественно входили игроки крупного сектора предпринимательства, не уделялось достаточного внимания вопросам разработки национальной идеологии, позволяющей решить проблемы национального развития. Представители «пророссийских» партий хорошо воздействовали на настроения граждан, проживающих на восточной части территории Украины, вместе с тем они преследовали достижение экономических целей.

В конечном итоге, в течение достаточно длительного временного периода автономного существования юго-восточных регионов на территории Украины национальная идеология на развивалась. Сохранение и поддержание тесного взаимодействия Украины и РФ, использование в речи русского языка представляли собой некоторый ориентир, способствующий самоидентификации граждан по направлению западных государств или РФ. В последнее время конкретные партии юго-восточных регионов на территории Украины, а также парламентская партия «Оппозиционная платформа – за жизнь» в существенной степени акцентируют внимание на решении общеэкономических вопросов, при этом общественные интересы были опущены.

В 2014 году произошло разрушение баланса между группами национальной политической элиты. При помощи действий, совершенных со стороны западных государств, государственная власть на территории Украины перешла к западной элите. Коренное население рассматривалось как единственное, обладающее правом на проживание на территории Украины [11, с. 9]. Поэтому национальная идеология превратилась в государственную.

Произошедший в 2014 году государственный переворот привел к тому, что западная политическая элита установила над государством полный всеобъемлющий контроль. Данный аспект способствовал значительным изменениям в проводимой внутри государства политике. Теперь западная политическая элита выстраивала концепцию «правильного» украинского государства. Так, в действительности существовавшие меньшинства в украинском обществе постепенно перестали функционировать в едином социокультурном пространстве. Принятое в сфере образования и культуры законодательство определило направления украинской политики в рамках формирования единой государственности, вместе с тем существовавшие у национальных меньшинств права были проигнорированы в государственных органах и Президентом.

Исторические предпосылки и ретроспектива концепции националистической территории Украины

Действующие в течение 2000–2023 гг. Президенты Украины, а также политические деятели, входящие в Парламент, при реализации функций руководства придерживались концепции формирования и развития националистической территории Украины. Основываясь на выше-сказанном, следует заметить, что замыслы Президентов и политических деятелей, включенных в Парламент территории Украины, не состояли в значительном изменении национального политического курса. Однако такие идеи приводят к увеличению вероятности конфликтных ситуаций на национальной территории.

При этом концепция формирования и развития националистической территории Украины, в целом ориентированная на государственное наследие предыду-

щего столетия в составе СССР, среди коренного населения юго-восточной националистической территории не принималась, для этих регионов было характерно другое мнение на историческое наследие и ретроспективу права и государственности, духовно-культурных и морально-нравственных традиций. К тому же, нужно акцентировать внимание на длительном увеличении числа украинских жителей на национальной территории, настроение которых совпадало с идеями концепции формирования и развития националистической территории Украины. Безусловно, мнения у украинских жителей стали меняться под воздействием агрессивной информационной пропаганды посредством различных СМИ. Советское население также сменилось поколением, которое стало на высоком уровне доверять политическим партийным деятелям и руководству национальной территории в вопросах государственной автономии и обороноспособности изучаемой страны. Это способствовало повышению привлекательности внутренних политических сил и элиты, идеи которых соотносились с концепцией формирования и развития националистической территории Украины [3].

На протяжении трёх десятилетий исторического развития концепции украинского национализма в стране практически ничего не было сделано в целях устранения либо уменьшения остроты складывающихся межрегиональных различий. После того, как произошёл распад СССР каждый Президент Украины только декларировал потребность уменьшения конфликтного межрегионального потенциала двух частей одной территории: западной и восточной. При этом политическое влияние расширялось представителями западно-украинского политического сообщества не только территориально, но и в системе государственного управления, которые стремились к полному контролю власти в государстве.

На практике словесная минимизация межрегиональных проблемных зон применялась политической элитой в собственных интересах. В течение агитационных кампаний конфликтный межрегиональный потенциал для политической элиты был наиболее востребованным, что способствовало совершению государственных переворотов: в 2004 году, однако в рамках произошедшей оранжевой революции конечная цель не была достигнута; в 2013–2014 гг. государственный переворот дал возможность отстранить Президента Украины от политической власти.

В течение многих лет политической независимости Украины политическая элита стремилась сохранить противоречия между регионами одной страны. В ней осталось низкое количество политических партий и деятелей, мнений которых придерживается коренное население. Любой кандидат в Президенты Украины ориентируется на настроения той территории, которая рассматривается им как своеобразный коридор власти. Подобный подход применяется всеми политическими деятелями Украины.

Отрицательное воздействие на межтерриториальные отношения на Украине, социально-экономическое развитие государства было обусловлено отсутствием общественного и геополитического механизма, с помощью которого можно было бы учитывать интересы конкретных территорий. Федерализация государства и реализация новой внутрирегиональной политики не смогли в полной мере разрешить упомянутую проблему, при этом могли бы уменьшить её проявление в межтерриториальных отношениях.

Конфликтная ситуация, получившая развитие и обострившаяся на территории Донбасса (ДНБ), была обусловлена столкновением двух групп (восточной и за-

падной) внутренней политической элиты, функционировавшей на национальной территории. Хотя с первого квартала 2014 года актуализацию приобрели вопросы децентрализации системы государственного управления, однако, к этому подтолкнул начавшийся в четвёртом квартале 2013 года геополитический кризис. Его основой стала борьба политических элит на межрегиональном уровне, которая скрывалась критиками и сторонниками европейской интеграции Украины. В процесс борьбы вмешались представители западных государств, что привело к трансформации международной внешней политики Украины. После завершения в 2014 году государственного переворота США и ЕС тесно взаимодействовали с политическими деятелями, подчинявшимися правящему политическому режиму, помимо этого, экономическое сотрудничество Украины расширилось. К концу первого квартала 2014 года административные единицы ДНБ осуществили некоторые шаги, ориентированные на устойчивость текущей ситуации и обеспечение собственных интересов [2]. Политический нового документа, определявшего осуществление шагов в сторону западно-европейской интеграции национальной территории, был подписан в конце марта 2014 года, который предусматривал расширение политического взаимодействия и борьбу с коррупцией и терроризмом.

К концу первого полугодия 2020 года было обнаружено, что пути урегулирования межрегионального конфликта целесообразно найти в ближайшее время. Безусловно, что деятельность исключительно Президента Украины не сможет провести регулирование межрегионального потенциала различных государств на территории Украины.

В настоящее время в различных регионах Украины остаётся доминирующей позиция государственных служащих и политических деятелей, так как для них формирование автономной Украины, дистанцирование от российских условий выступает основополагающей задачей. Особую роль будут играть выборы, при которых территория Украины может превратиться в синтез разных областных советов [5].

Политическая элита не готова изменить государственное и территориальное устройство на территории Украины, остаётся приверженность концепции украинского национализма, которая в большей степени ориентирована на реализацию курса на европейскую интеграцию. Преобладание в украинском обществе радикальных сил обусловило ситуацию, когда Президент страны и органы государственной власти ведут свою деятельность под воздействием мнения и настроений этих националистических групп. Впоследствии это приведет к существенному расколу современного общества и утрате конституционных, политических и социальных позиций Президента Украины.

При этом взгляды В. Зеленского не поддерживаются националистически настроенным украинским обществом. Кроме того, его текущие позиции по актуальным геополитическим и общественным проблемам невняты, поэтому радикальные силы используют это для критики Президента Украины. Более того, В. Зеленский не последователен в своих действиях, что повышает его уязвимость в политической системе.

Для того чтобы фактически начать процесс мирного урегулирования межрегионального конфликта, украинской стороне целесообразно признать автономию Донецкой и Луганской народных республик, тот факт, что для Украины они являются равноправными партнёрами, перестать их обвинять в сепаратизме и расколе государства, в конечном итоге, провести мирные переговоры. Тем не менее, до сих пор этого не произошло [7]. Помимо

этого, украинские органы власти должны признать, что начатый политический курс, базой которого выступает полное подчинение территорий Донбасса при помощи вооружённых методов борьбы, необходимо изменить.

Современное состояние геополитических и общественных процессов, происходящих в 2022–2023 гг.

В течение 2022–2023 гг. политические выборы на территории Украины не проводились. В целом правовая база, действующая в государстве, по-прежнему благоприятствует организации демократических политических выборов.

Что касается многоуровневого управления, продолжались достижения реформы децентрализации, при этом муниципалитеты выступали в качестве опоры устойчивости территории Украины. В целом, после успешного частичного завершения территориальной децентрализации другие элементы реформы ещё предстоит завершить.

В 2022 году большинство судов сохранили показатель раскрываемости (отношение количества решённых дел к количеству поступивших дел в данном году) на уровне 100% или выше [14].

В течение 2022–2023 гг. на территории Украины введено военное положение, что привело к некоторым ограничениям прав и свобод, но они до сих пор сохранялись и применялись пропорционально фактическим потребностям с осторожностью. Количество зарегистрированных дискриминаций против меньшинств, в том числе против представителей ЛГБТИК и национальных меньшинств, а также антисемитских действий в определённой степени сократилось. Дальнейшие усилия также необходимы для обеспечения того, чтобы люди с ограниченными возможностями могли пользоваться своими правами, предусмотренными в Концепции о правах инвалидов ООН.

По состоянию на январь 2022 года в Украине было зарегистрировано 370 политических партий. В мае 2022 года вступил в силу закон, запрещающий деятельность «пророссийских» партий. С тех пор суд запретил 16 партий. В 2020 году в результате широких консультаций и на основе совместного заключения ОБСЕ и Венецианской комиссии была подготовлена изменённая версия закона о политических партиях. Работа над черновиком закона было приостановлена после февраля 2022 года и возобновлена в сентябре 2022 года [12].

Система принятия политических решений отлажена не в полной мере. Секретариат Кабинета Министров осуществляет контроль качества и согласование проектов документов на завершающих стадиях процесса. Однако фактический потенциал правительства в плане разработки политики, основанной на фактических данных, остаётся недостаточным. Пояснительные записки, сопровождающие законодательные предложения, часто не соответствуют требуемым стандартам. Отраслевые министерства редко оценивают стоимость проектов программных документов и нормативных актов.

Не существует формальных требований или систематической практики мониторинга реализации политики и законодательства. Мониторинг среднесрочного плана действий и годового плана действий Секретариатом Кабинета Министров в основном проводится на разовой основе, без каких-либо показателей результатов или воздействия на население (общество). Присутствует необходимость надлежащего обеспечения стандартов как для предварительной, так и для последующей оценки регулятивного воздействия, в частности, для подго-

товки основы для решения проблем, связанных с восстановлением.

Имеются механизмы планирования и координации процесса европейской интеграции Украины. Однако Правительственному управлению по координации европейской и евроатлантической интеграции не хватает ресурсов для эффективного управления процессом внутри Кабинета министров, а возможности отраслевых министерств различаются. Функциональная основа, обеспечивающая включение структуры европейской интеграции в идеологию национального процесса принятия решений, еще не создана [13].

Глобальной политической проблемой является вопрос баланса между конфликтной ситуацией и мирным социально-экономическим развитием, который влияет на уровень государственного развития. Ключевая проблема конфликтной ситуации заключается в том, что она требует значительной финансовой поддержки, а также физических и интеллектуальных человеческих ресурсов. По данным Киевской школы экономики, общая стоимость разрушенной инфраструктуры составляет около 63 млн долл. [15]. Экологическая ситуация значительно ухудшилась по всей территории Украины. Совершено около 2303 военных преступлений, представляющих серьезную угрозу окружающей среде. По оценкам Госэкоинспекции, общий объем экологического ущерба, причиненного в результате конфликтной ситуации, составляет около 2 трлн. гривен [12].

Соответственно, текущий экономический и социальный уровень государства отражается на дестабилизации материального и духовного развития общества. По данным опроса Центра Разумкова, 55% респондентов считают экономическое положение Украины плохим, остальные занимают нейтральную позицию [12].

Эффективность социально-экономического развития измеряется оценкой благосостояния населения. По состоянию на февраль-март 2023 года уровень благосостояния населения находился на среднем (49%) и низком уровнях (35%) [12]. Такая ситуация связана с тем, что малый, средний и крупный бизнес продолжал работать и сохранять рабочие места. Однако, чтобы остаться на рынке, предприниматели начали сокращать расходы на заработную плату. В результате 53% респондентов отметили существенное снижение своих доходов, тогда как остальные не увидели никаких изменений или незначительно выросли. Помимо снижения заработной платы, происходит сокращение численности персонала и вакансий [2].

По данным Национального института стратегических исследований на территории Украины, безработными являются 4,2–4,8 млн человек [13]. Однако не исключаются факты проявления форм неофициального трудоустройства. Соответственно, материального обеспечения хватает лишь на покупку продуктов питания и необходимых недорогих вещей.

Помимо экономического положения государства, влияющего на уровень благосостояния и социального развития, важной составляющей социально-экономической политики является благоприятная гуманитарная ситуация. В ходе масштабной конфликтной ситуации на националистической территории Украины можно наблюдать существенное количество раненых и убитых военных и мирных жителей, эмиграцию за границу в результате боевых действий, проблемы с получением всех видов коммунальных услуг, низкий уровень гуманитарной помощи (60,1% респондентов в результате так и не получили гуманитарную помощь [12]). Все это свидетельствует о негативной гуманитарной обстановке.

Особую роль во время конфликтной ситуации играют медицинские учреждения. В настоящее время существу-

ет проблема с доступностью лекарств и высокой ценой на них, их сложно приобрести коренным жителям с низкими доходами. Из-за масштабной конфликтной ситуации на националистической территории Украины возросли государственные расходы на военную и оборонную сферу, что оказало негативное влияние на ВВП данного государства. В 2021 году расходы на оборону составляли 9% военного бюджета Украины [13], а в 2022 году – 37,6% [13]. Это привело к спаду ВВП Украины в 2022 году до 29,2%, тогда как в 2021 году наблюдался рост ВВП на 3,4%. Наибольшее снижение государственных расходов с 293,6 млрд гривен в 2021 году до 156,4 млрд. гривен в 2022 году произошло в экономической сфере.

Снижение экономического уровня напрямую влияет на социальное развитие страны и субъектов предпринимательства. В 2021 году государственные расходы Украины на социальную защиту и социальное обеспечение составили 23,6% [13], а в 2022 году – 15%. В ходе конфликтной ситуации основное внимание уделяется национальной безопасности государства, которая, в свою очередь, включает в себя защиту таких типов безопасности, как политической, экономической, военной, государственной, информационной, образовательной, экономической, финансовой, продовольственной, экологической и культурной безопасности. Соответственно, изменения в одной из этих сфер безопасности приводят к обновлению всех остальных.

Социально-экономическое развитие Украины зависит от социальной, экономической и экологической сфер. В современных условиях на социальном уровне можно наблюдать ухудшение социально-психологической обстановки, нестабильное состояние развития страны, вынужденную эмиграцию, высокий уровень преступности, социальное расслоение. На экономическом уровне – безработица, рост цен, низкие зарплаты и пенсии, высокие счета за коммунальные услуги. Основные экологические проблемы – рост радиации, выбросы токсичных веществ из-за обстрелов атомных электростанций и стратегически важных предприятий; добыча полезных ископаемых и загрязнение воздуха, загрязнение и разрушение водных объектов; пожары и разрушение экосистем. В частности, 24–25 февраля 2022 года радиационный фон увеличился до 7,6 раз. В настоящее время происходит постепенное уничтожение заповедников: конфликтная ситуация осуществляется на территории 900 заповедных объектов. В настоящее время под оккупацией остаются 8 украинских заповедников и более 10 национальных парков. Ущерб от ракетных ударов – это не только разрушение инфраструктуры и человеческие жертвы. Токсичные, ядовитые выбросы в воздух могут поразить любого, кто находится рядом с местом падения. В частности, во время крупного пожара в торговом центре в Кременчуге (умышленно атакованном в июле 2022 года) произошло возгорание пластика и синтетических материалов, что привело к ухудшению качества воздуха. Аналогично, в январе 2022 года в результате боевых действий в оккупированной Горловке произошел выброс химикатов.

Кроме того, боевые действия вызывают существенное число лесных пожаров из-за возгорания от обломков ракет [14]. Это не только влияет на загрязнение воздуха, но и приводит к уничтожению многих видов животных, растительности, усилению ветровой и водной эрозии. Политический конфликт – это борьба между различными общественно-политическими силами вследствие несоответствия политических интересов, культуры, целей и методов. Возникновение политического конфликта во многом зависит от типа политической системы и правового режима. Соответственно, российско-украинская

конфликтная ситуация – это столкновение двух государств с разными политическими взглядами и системами. Россия – государство со смешанным режимом, с формальным верховенством закона. Украина – экономика с демократическим режимом, использующим смешанные силы. В результате возникают противоречия, которые отражаются в специфике политических культур, типах лидерства, цели единоличного управления государством, различных ожиданиях между желаемым и действительным, противопоставлении систем коллективных и индивидуальных ценностей, социальном неравенстве людей, этнических групп, распространении пропаганды и отсутствии проверенной информации.

Причины конфликтной ситуации, происходящей на территории Украины, представлены ниже:

1. Низкий уровень международной и национальной безопасности;
2. Амбиции других государств (например, западных стран) в отношении властной структуры Украины;
3. Украина может быть полноправным соперником в международном сообществе.

По характеру геополитических противоречий можно наблюдать антагонистический конфликт, суть которого заключается в стремлении каждой из конфликтующих сторон победить в конфликтной ситуации, при этом она может иметь долгосрочный характер. Конфликт интересов связан с возникновением противоречий между существующими политическими и социально-экономическими интересами. По своей природе текущие российско-украинские отношения представляют собой глобальный политический конфликт, вызванный внутренними факторами развития Российской Федерации (также называемый эндогенным политическим конфликтом).

Глобальные политические проблемы XXI века включают международный мир, терроризм и региональные войны. Все эти факторы дестабилизируют социально-экономическое развитие государства на разных уровнях:

1. Демографические: низкая рождаемость; снижение продолжительности жизни; отток интеллектуально-го и физического капитала за границу;
2. Социальные: высокий уровень преступности и военных преступлений; отсутствие доступа к образованию и всем коммунальным услугам для обеспечения образовательного процесса; ненадлежащее функционирование медицинских учреждений, что проявляется в отсутствии необходимого оборудования, высоких ценах на лекарства;
3. Экономические: снижение уровня ВВП; высокий уровень безработицы; развитие теневой экономики; проблемы с производством и поставками сырья; проблема энергетики; социально-экономическая отсталость по сравнению со странами ЕС; пищевая промышленность; нестабильная логистика; высокие цены на продукты питания; падение экспорта продовольствия из Украины из-за низкого уровня возможностей экспорта зерна; сокращение производства растениеводства из-за добычи полезных ископаемых; снижение урожайности из-за ограниченного доступа к воде, удобрениям и т.д.;
4. Экологические: повышение уровня радиационного фона (нормальный уровень радиации составляет 0,3–1,2 мк³ в/ч. 24–25 февраля 2022 года она увеличилась в 7,6 раза); уничтожение заповедников; загрязнение водоемов и почвы; разрушения дорог из-за движения тяжелой военной техники; уничтожение растительности, усиление ветровой и водной эрозии; большое количество лесных пожаров и пожаров, вызванных обломками ракет; загрязнение воздуха химическими выбросами.

Таким образом, глобальные политические проблемы неотделимы от политических конфликтов. Установление мира и национальной безопасности возможно только в случае победы в политическом конфликте. В то же время Украина должна принять меры предосторожности, чтобы минимизировать негативные последствия во многих сферах жизни. Прежде всего, для стабилизации социально-экономического развития государству необходимо разработать меры по повышению уровня социальной защиты и улучшению благосостояния людей в районах, близких к местам конфликтной ситуации. Также необходимо представить практические примеры с учетом национальной безопасности государства для разрешения политического конфликта.

Выводы

Основополагающей характеристикой процесса внешне-политического позиционирования и общественной самоидентификации Украины в течение всего исторического развития и современного состояния происходящих геополитических и общественных процессов выступает достаточно высокая степень неопределенности, которая продиктована внутренними и внешними обстоятельствами, приверженностью концепции украинского национализма. В настоящее время современное состояние геополитических и общественных процессов, происходящих в 2022–2023 гг., показывает, что Украина придерживается политического курса, ориентированного на европейскую интеграцию. Вместе с тем следует заметить, что налаженные между Украиной и Россией взаимоотношения способны сократить степень неопределенности, однако взаимодействие Украины с ЕС и США, наоборот, усиливают проявление макроэкономической неопределенности.

На протяжении рассматриваемого временного периода при анализе произошедших событий крайне четко выявляется текущая геополитическая позиция Украины. Несмотря на то, что ЕС пока не готов ответить на интеграционные стремления Украины, всё же воспринимает данное государство в качестве потенциального члена сложившегося объединения, с другой стороны, для России происходящие события стали вызовом для укрепления национальной безопасности [15]. Одновременно с этим независимые восточно-европейские страны воспринимают Украину как альтернативную РФ модель геополитической ориентации и государственного устройства.

Литература

1. Вавилов А.Н. О некоторых тенденциях внутривнутриполитического развития Украины // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 2. – С. 68–93.
2. Жильцов С. Политический процесс на Украине: современный этап // Россия и новые государства Евразии. – 2020. – № II (XLVII). – С. 9–20.
3. Касьянов Г. Украина и соседи (1987–2018). – Москва: Новое литературное обозрение. 2019. – 632 с.
4. Мироненко В.И. Некоторые проблемы политического позиционирования Украины (2014–2021) // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 2. (114). – С. 25–48.
5. Попов И. Местные выборы: карантин плюс феодализация всей страны. 28.03.2020 [Электронный ресурс]. – URL: https://dt.ua/internal/miscevi-viborikarantin-plyus-feodalizaciya-vsiyeyi-krayini-342923_.html (дата обращения: 27.04.2024).
6. Симоненко П. Бедные и богатые. – Киев: АДЕФ-Украина, 2007.

7. Україна не перейде свої «червоні лінії» і не буде вести діалог з незаконними озброєними формуваннями – Кулеба. – Інтерфакс- Україна, 30.04.2020 [Електронний ресурс]. – URL: <https://interfax.com.ua/news/political/659199.html> (дата звернення: 27.04.2024).
8. Borko Yu.A. Russia's relations with Ukraine and the EU in the context of the Association agreement // European integration of Ukraine: prospects, consequences and policy of Russia / RAS, IE. – Moscow, 2015. – N 317. – P. 18–28.
9. Katchanovski I. East or West? Regional political divisions in Ukraine since the «Orange Revolution» and the «Euromaidan» // American political science association. – Washington, DC. – URL: https://www.researchgate.net/publication/265727117_East_or_West_Regional_Political_Divisions_in_Ukraine_since_the_Orange_Revolution_and_the_Euromaidan (date of access: 27.04.2024).
10. Mackinder H.J. The round world and the winning of the peace // Foreign affairs. – New York, 1943. – Vol. 21, Issue 4. – P. 595–605.
11. Націоналіст (Националист). 1991. Научно-публицистический ежемесячник / Ред. А.Шкиль. Львов. № 3 (6).
12. Когут В.Г., Нурышев Г.Н. Україна в геополітичній парадигмі // Політичне простір і соціальне час: стратегічний вектор суспільного розвитку в умовах поліцентричного світу. – 2022. – С. 110–118.
13. Хомич І.І. «Цивілізаційні революції» як інструмент геополітичної боротьби на прикладі сучасної України // Учені записки Кримського федерального університету імені В.І. Вернадського. Філософія. Політологія. Культурологія. – 2023. – Т. 9. – № . 2. – С. 142–157.
14. Карпіленя Н.В. К уточненню сутності геополітики в цілях забезпечення національної безпеки держави та його цивілізаційного розвитку // Велика Євразія: розвиток, безпека, співробітництво. – 2023. – № . 6–1. – С. 166–174.
15. Цыбаков Д.Л., Василенко І.К. Вивилення та загрози українського милітаризму для національної безпеки сучасної Росії // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2023. – № . 1 (850). – С. 37–44.

FEATURES OF GEOPOLITICAL AND SOCIAL PROCESSES OCCURRING ON THE TERRITORY OF UKRAINE

Kucherina I.A.

Lomonosov Moscow State University

This article reveals the features of geopolitical and social processes taking place on the territory of Ukraine. In order to achieve this research goal, the article presented the features of geopolitical and social processes occurring on the territory of Ukraine in 2014, the historical development and prerequisites of the concept of Ukrainian nationalism, the current state of geopolitical and social processes occurring in 2022–2023. In conclusion, it was noted that, despite the

fact that the EU is not yet ready to respond to Ukraine's integration aspirations, it still perceives this state as a potential member of the established association; on the other hand, for Russia, the current events have become a challenge for strengthening national security. At the same time, independent Eastern European countries perceive Ukraine as an alternative model of geopolitical orientation and government structure to the Russian Federation, which has the potential for international rivalry with Russia.

Keywords: geopolitical processes, social processes, the concept of Ukrainian nationalism, political course of Ukraine, political elite, European integration, national security.

References

1. Vavilov A.N. On some trends in the internal political development of Ukraine // Current problems of Europe. – 2020. – No. 2. – pp. 68–93.
2. Zhiltsov S. Political process in Ukraine: the modern stage // Russia and the new states of Eurasia. – 2020. – No. II (XLVII). – pp. 9–20.
3. Kasyanov G. Ukraine and neighbors (1987–2018). – Moscow: New Literary Review. 2019. – 632 p.
4. Mironenko V.I. Some problems of political positioning of Ukraine (2014–2021) // Current problems of Europe. – 2022. – No. 2. (114). – pp. 25–48.
5. Popov I. Local elections: quarantine plus feudalization of the entire country. 03.28.2020 [Electronic resource]. – URL: https://dt.ua/internal/miscevi-vibori-karantin-plyus-feodalizaciya-vsiyeyi-krayini-342923_.html (access date: 27.04.2024).
6. Simonenko P. Poor and rich. – Kyiv: ADEF-Ukraine, 2007.
7. Ukraine will not cross its “red lines” and will not conduct dialogue with illegal armed groups – Kuleba. – Interfax-Ukraine, 04/30/2020 [Electronic resource]. – URL: <https://interfax.com.ua/news/political/659199.html> (access date: 27.04.2024).
8. Borko Yu.A. Russia's relations with Ukraine and the EU in the context of the Association agreement // European integration of Ukraine: prospects, consequences and policy of Russia / RAS, IE. – Moscow, 2015. – N 317. – pp. 18–28.
9. Katchanovski I. East or West? Regional political divisions in Ukraine since the “Orange Revolution” and the “Euromaidan” // American political science association. – Washington, DC. – URL: https://www.researchgate.net/publication/265727117_East_or_West_Regional_Political_Divisions_in_Ukraine_since_the_Orange_Revolution_and_the_Euromaidan (date of access: 27.04.2024).
10. Mackinder H.J. The round world and the winning of the peace // Foreign affairs. – New York, 1943. – Vol. 21, Issue 4. – pp. 595–605.
11. Nationalist (Nationalist). 1991. Scientific and journalistic monthly / Ed. A. Shkil. Lviv. No. 3 (6).
12. Kogut V.G., Nuryshv G.N. Ukraine in the geopolitical paradigm // Political space and social time: strategic vector of social development in a polycentric world. – 2022. – pp. 110–118.
13. Khomich I.I. “Civilization revolutions” as a tool of geopolitical struggle using the example of modern Ukraine // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Culturology. – 2023. – T. 9. – No. 2. – pp. 142–157.
14. Karpilena N.V. To clarify the essence of geopolitics in order to ensure the national security of the state and its civilizational development // Greater Eurasia: development, security, cooperation. – 2023. – No. 6–1. – pp. 166–174.
15. Tsybakov D.L., Vasilenko I.K. Challenges and threats of Ukrainian militarism for the national security of modern Russia // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. – 2023. – No. 1 (850). – pp. 37–44.

Новый формат политической коммуникации через геймификацию избирательных кампаний

Аверьянов Андрей Сергеевич,

аспирант, кафедра «Политические институты процессы и технологии», РУДН
E-mail: andreyavt@mail.ru

В статье автор исследует влияние геймификации на поведение и психологическое восприятие людей с точки зрения политической коммуникации, анализируется применение игровых элементов, таких как очки, виртуальные награды и статусы, для стимуляции участия и повышения мотивации избирателей, так, геймификация демонстрирует свою эффективность в различных секторах, в том числе банковские услуги и организационную сферу, где она улучшает производительность и вовлеченность сотрудников.

Автор обращает внимание на риски применения, такие как возможное утомление и уменьшение интереса при чрезмерном использовании геймификационных элементов, в связи с этим освещается стратегическое проектирование геймификационных систем, чтобы поддерживать интерес пользователей на длительный период, используя механизмы, такие как непредсказуемые вознаграждения.

Приводятся примеры успешного использования геймификационных стратегий в политических кампаниях особенно в области обучения граждан и повышения их активности, которые помогают привлечению новых участников и повышению гражданской активности, в частности, среди молодежи; демонстрируется потенциал геймификации вдохновлять на участие в демократических процессах и обеспечивать вовлекающую коммуникацию между избирателями и политическими кампаниями.

В результате, в статье говорится о сочетании геймификационных техник с учетом культурных и социальных особенностей различных регионов для оптимизации политической коммуникации.

Ключевые слова: геймификация, политическая коммуникация, избирательные кампании, мотивация, психологическое воздействие, участие избирателей, игровые элементы, цифровые технологии, образовательные стратегии, социальное взаимодействие.

Геймификация влияет на психологическое восприятие и поведение людей, используя элементы игрового процесса для стимулирования определенных действий и укрепления мотивации, например, в сфере банковских услуг геймификация увеличивает вовлеченность клиентов, делая процесс коммуникации более увлекательным и менее утомительным, а применение геймифицированных элементов, таких как очки, виртуальные награды и статусы, позволяет повысить эмоциональную привязанность клиентов к сервисам, стимулируя их на активное использование банковских продуктов и услуг.

Анализируя с психологической точки зрения геймификацию, становится очевидным, что использование игровых механик улучшает производительность и мотивацию в профессиональной сфере, так как игровые принципы в организационной сфере позволяют сотрудникам погружаться в рабочий процесс и стремиться к достижению лучших результатов – это доказывает пользу геймификации в различных секторах экономики.

Исследования показывают, что эмоциональное вовлечение и мотивация улучшаются за счет использования игровых механик, которые создают интерес и соревновательность, ведь геймификация приносит элементы сюжета, вознаграждений, достижений и социального взаимодействия, которые усиливают обучение и повышают удовлетворенность задачами, но, с другой стороны чрезмерная геймификация может приводит к утомлению и снижению интереса, если элементы игры становятся навязчивыми или малоинтересными [2].

Главным принципом геймификации является создание структуры, которая предлагает как краткосрочные, так и долгосрочные цели для пользователя для того, чтобы поддерживать заинтересованность на протяжении длительного времени, плюсом является внедрение механизма непредсказуемого вознаграждения для элемента неожиданности и стимуляции постоянного участия.

Психологи, например такие как, Вербах и Хантер, Зикерманн и Каннингэм подробно описывают геймификационных механизмов, которые используются в геймификации, такие как: накопление баллов, когда они соответствуют целям системы, при этом баллы поддерживают подсчет результатов, обеспечивая оперативную обратную связь, создавая впечатление продвижения вперед и собирая значимые данные для разработчиков игр; значки, определенные Вербахом как “укороченная форма баллов” [11] и описываемые Зикерманном как “визуальные аналоги баллов” [12], имеют давнюю историю использования в военных и бойскаутских организациях и служат для визуального подтверждения достижений в геймифицированных системах; списки лидеров, позволяющие участникам оценивать свои достижения по сравнению с другими, по мнению Вербаха и Зикерманна, могут быть чрезвычайно стимулирующими, предлагая цели для превосходства, но также способны отталкивать пользователей, которые заметно уступают лидерам, который приводит к их отказу от дальнейшего участия в системе.

То есть эти три основных инструмента геймификации – Очки, Значки и Список лидеров Вербах и Хантер называют триадой PBL, выделяя их присутствие в пода-

вляющем большинстве геймифицированных систем; очки, в частности, выступают как один из самых популярных инструментов, сразу уведомляющих пользователя о корректности его действий, Зикерманн выделяет пять видов систем баллов, применяемых в геймификации, которые служат для разных задач – от отображения прогресса до вознаграждения и построения доверительных отношений между пользователями.

При применении теории психотипов игроков Ричарда Бартла расширяется понимание динамики мотивации через четыре категории игроков: карьеристы, исследователи, тусовщики и киллеры, каждая из которых – разные типы мотивации и вовлеченности в игровой процесс, например, карьеристы довольствуются достижениями и наградами, исследователи – новым опытом и открытиями, тусовщики ценят социальное взаимодействие, а киллеры стремятся к соревнованию и превосходству [4].

Геймификация в политике и общественной деятельности начинает приобретать все большее значение, объединяя приемы и методы, характерные для игровой индустрии, с целью повышения гражданской активности и участия в политических процессах. Здесь один из элементов геймификации – это создание систем, которые позволяют пользователям видеть свой прогресс и сравнивать его с достижениями других (могут быть рейтинги, таблицы лидеров или награды за выполнение определенных задач), примером может служить использование клубных карт или программ лояльности, которые как укрепляют связи между участниками и организаторами, так и мотивируют на повторные действия и более глубокое участие в политической жизни.

Если рассматривать применение геймификации в образовании и бизнесе, то заметен ее потенциал в политических процессах, например, в обучении геймификация используется для повышения мотивации студентов, соответственно это может адаптироваться для обучения граждан правам и обязанностям для участия их в демократических процессах [1].

Рост интереса к геймификации в сфере управления и политики особенно заметен с точки зрения современных технологических изменений, которые предоставляют новые инструменты и методы для организации и проведения политических кампаний, так как благоприятствуют целенаправленной коммуникации с избирателями и участниками политических процессов.

Использование геймификации в политических кампаниях предлагает преимущества, которые были изучены в недавних исследованиях, например, ее стратегии успешно применялись для привлечения и удержания новых участников в кампаниях гражданской науки, который демонстрирует потенциал метода вдохновлять на политическую активность среди новых демографических групп, особенно среди технологически подкованных миллениалов [5].

Цифровая геймификация в политике, которую называют «уберизацией политики», создает среду «открытых дверей», тем самым продвигая большую автономию и вовлеченность избирателей, данный метод приобрел популярность в России [10]. Хотя преимущества геймификации очевидны, но не стоит учитывать этические принципы, такие как потенциальная манипуляция или подрыв индивидуальной и политической автономии через психо-мотивационные стратегии вовлечения [8].

Примером успешного применения геймификации служит использование новых цифровых продуктов политиками и политтехнологами на федеральном и региональном уровнях в России, таких как информационные ресурсы «Лентач» и «Медуза» (признанные СМИ-иноагентом на территории РФ), в которых представляются

примеры геймифицированной журналистики и их продукты, newsgames, и активно используются для повышения гражданского участия [10].

Другой пример – кампании связанные с системой управления взаимоотношениями с клиентами (CRM), где геймификация используется для повышения удовольствия и предпочтений потребителей, так, в исследовании, проведенном, было обнаружено, что высокий уровень геймификации в CRM кампаниях увеличивает удовольствие участников и их благосклонность к кампании [7].

То есть геймификация в избирательных кампаниях используется для повышения вовлеченности избирателей с помощью игровых элементов, таких как очки, уровни и достижения, с помощью данной стратегии предполагается привлечение избирателей через занимательные действия, направленные на увеличение информированности и активности избирателей.

Сами по себе традиционные методы избирательных кампаний обычно опираются на одностороннее информирование через массовые медиа, встречи и дебаты, которые иногда ведут к низкому уровню вовлечения избирателей.

Если сравнивать, то определенно геймификация помогает коммуникации избирателей с кампаниями за счёт использования механик, которые делают участие более интересным и персонализированным, как например, успешные геймификации кампании Nike и Starbucks, где элементы игр используются для увеличения лояльности пользователей, такие как наполнение очков и открытие новых уровней за покупки или активное участие, точно также исследования показывают, что внедрение игровых элементов в политические кампании повышает интерес избирателей.

Во-первых, использование технологий и цифровых платформ для мобилизации избирателей, в том числе социальные сети, мобильные приложения и текстовые сообщения заывают к участию граждан в выборах, особенно молодёжь и стимулирует их к участию в голосовании.

Во-вторых, исследование, проведенное Массачусетским технологическим институтом, показывает, что информирование избирателей о надзоре за выборами, осуществляемом представителями партий увеличивает доверие к избирательному процессу и, как следствие, уровень участия избирателей. Эксперимент показал, что уведомление о двухпартийном надзоре повышает доверие к результатам выборов и склонность к участию в голосовании [6].

Также в работе Роговенко М.А. говорится, что сетевые инструменты коммуникации, в том числе элементы геймификации, стимулируют гражданскую активность населения, улучшая их отношение к выборам как социально-политическому институту [3].

Применение геймификации в различных культурных и политических сферах обусловлено тем что, стоит учитывать особенности и социальные нормы разных стран и регионов, например, в странах с высокой степенью индивидуализма, таких как США, геймификация часто затрагивает факторы соревнования и личных достижений, которые мотивируют участников через личные награды и признание, в таких кампаниях упор делается на достижение видимых успехов и вознаграждений – а это соответствует культурным предпочтениям местного населения.

С другой стороны, в странах с коллективистскими традициями, таких как Япония или Южная Корея, для геймификации больше отдают предпочтение использовать элементы группового сотрудничества, здесь она часто направлена на укрепление социальных связей и под-

держку общественного духа, где важен не столько индивидуальный успех, сколько вклад в общее дело [9].

Также в некоторых культурах, например в Нидерландах, высоко ценится умеренность и ненавязчивость успеха, данная специфика делает нежелательным слишком явное или агрессивное использование элементов соревнования и личного достижения в геймификации, то есть в таких случаях геймификация более сдержана и сфокусирована на внутренней мотивации, а не на внешнем признании и наградах.

Точно также немаловажным фактором при применении геймификации – это учет политических систем с разным уровнем технологического развития: в развитых странах, таких как США, она часто используется для повышения гражданской активности и участия в политических процессах, здесь геймификация используется через мобильные приложения и онлайн-платформ, которые стимулируют участие граждан через интерактивные задания и социальные сети, ведь данные технологии позволяют пользователям следить за своими достижениями, сравнивать их с достижениями других, получать награды за активность.

В странах с низким уровнем технологического развития, таких как некоторые развивающиеся страны, геймификация также находит применение, но в более простых формах, речь идет об использовании радиовещания, где слушатели приглашаются участвовать в викторинах с вопросами о гражданских правах или обязанностях, в которой происходит информирование аудитории, но в то же время образовательный процесс для регионов со сложным доступом к цифровым технологиям.

С точки зрения политических систем, геймификация меняется под специфику и потребности местного населения – в авторитарных или тоталитарных режимах геймификация направлена на повышение правосознания и участия в общественной жизни через образовательные кампании, тогда как в демократических странах она фокусируется на повышении прозрачности выборов и активности избирателей.

В заключении выделим, что геймификация в целом и целом применяется не только для увлечения избирателей, но и для обучения, увеличения доверия к политическим процессам и укрепления гражданской активности, несмотря на этические риски, такие как возможность манипуляции, преимущества геймификации в политике обусловлены её умением подстраиваться к культурным и политическим фонам, в то же время предлагая индивидуально настроенные решения для повышения активности избирателей.

Что касается успешного использования геймификации, то она зависит от проектирования системы, которая учитывает психологические стороны вовлечения, социальные и культурные особенности населения, ведь использование геймификационных элементов, таких как награды, очки и рейтинги, должно быть сбалансировано, чтобы избежать усталости и снижения интереса участников.

В конечном счете, геймификация – мощная возможность для инноваций в политической коммуникации, которая благоприятствует значимому участию граждан в демократических процессах и помогает развитию политических технологий путем повышения эффективности избирательных кампаний на глобальном уровне.

Литература

1. Болтышев М.Г. Геймификация цифрового обучения: актуальные проблемы // Информатика и образование. – 2022. – Т. 37. – № 3. – С. 28–34.

2. Ваганова О. И., Алешугина Е.А. Психологические аспекты реализации игровых технологий // Научен вектор на Балканите. – 2020. – № 2 (8). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-realizatsii-igrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 05.05.2024).
3. Роговенко М.А. Влияние сетевых инструментов коммуникации на отношение избирателей к выборам как социально-политическому институту // State and Municipal Management Scholar Notes. – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. – 2023. – Vol. 3. – P. 297–304.
4. Сидоров А. А., Корытова В.Е., Будрин А.Г. Исследование влияния жанров компьютерных игр и психотипов игроков на эффективность маркетинговых стратегий // Практический маркетинг. – 2023. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-zhanrov-kompyuternyh-igr-i-psihotipov-igrokov-na-effektivnost-marketingovykh-strategiy> (дата обращения: 03.05.2024).
5. Bowser A., Hansen D., He Y., Boston C., Reid M., Gunnell L., Preece J. Using gamification to inspire new citizen science volunteers // Proceedings of the First International Conference on Gameful Design, Research, and Applications. – 2013. – <https://doi.org/10.1145/2583008.2583011>.
6. Cao T., Athey S., Donner H. Voter Confidence and Electoral Participation. – 2023. – URL: <https://electionlab.mit.edu/articles/voter-confidence-and-electoral-participation>.
7. Li Y., Li Y., Zhou X., Ma K. Impact of Gamification on Consumers' Favorability in Cause-Related Marketing Programs: Between-Subjects Experiments // JMIR Serious Games. – 2021. – 11. – <https://doi.org/10.2196/35756>.
8. Loh W. The Gamification of Political Participation // Moral Philosophy and Politics. – 2019. – 6. – P. 261–280. – <https://doi.org/10.1515/mopp-2018-0037>.
9. Marques C.G., Pedro J.P., Araújo I. A Systematic Literature Review of Gamification in/for Cultural Heritage: Leveling up, Going Beyond // Heritage. – 2023. – 6. – P. 5935–5951. – <https://doi.org/10.3390/heritage6080312>.
10. Sergeeva O., Orekh E., Bogomiagkova E., Kolechnik N. Shift to digital gamification in political life (Russian cases) // Proceedings of the 4th International Conference on Smart City Applications. – 2019. – <https://doi.org/10.1145/3368756.3369057>.
11. Werbach K., Hunter D. For the win: How game thinking can revolutionize your business. – Philadelphia, PA: Wharton Digital Press, 2012.
12. Zichermann G., Cunningham C. Gamification by Design: Implementing Game Mechanics in Web and Mobile Apps. – O'Reilly Media, 2011.

A NEW FORMAT OF POLITICAL COMMUNICATION THROUGH GAMIFICATION OF ELECTION CAMPAIGNS

Averyanov A.S.
RUDN University

In the article, the author explores the influence of gamification on the behavior and psychological perception of people from the point of view of political communication, analyzes the use of game elements, such as points, virtual awards and statuses, to stimulate participation and increase the motivation of voters, so gamification demonstrates its effectiveness in various sectors, including banking and organizational services, where it improves productivity and employee engagement.

The author draws attention to the risks of use, such as possible fatigue and loss of interest with excessive use of gamification elements, in this regard, the strategic design of gamification systems is

highlighted to maintain user interest for a long period, using mechanisms such as unpredictable rewards.

Examples are given of the successful use of gamification strategies in political campaigns, especially in the field of educating citizens and increasing their activity, which help attract new participants and increase civic engagement, in particular among young people; demonstrates the potential of gamification to inspire participation in democratic processes and enable engaging communication between voters and political campaigns.

As a result, the article talks about the combination of gamification techniques, taking into account the cultural and social characteristics of different regions to optimize political communication.

Keywords: gamification, political communication, election campaigns, motivation, psychological impact, voter participation, game elements, digital technologies, educational strategies, social interaction.

References

1. Boltyshev M.G. Gamification of digital learning: current problems // Informatics and education. – 2022. – T. 37. – No. 3. – P. 28–34.
2. Vaganova O.I., Aleshugina E.A. Psychological aspects of the implementation of gaming technologies // Scientific vector in Balkanite. – 2020. – No. 2 (8). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-realizatsii-igrovyyh-tehnologiy> (date of access: 05/05/2024).
3. Rogovenko M.A. The influence of network communication tools on voters' attitudes towards elections as a socio-political institution // State and Municipal Management Scholar Notes. – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. – 2023. – Vol. 3. – P. 297–304.
4. Sidorov A. A., Korytova V.E., Budrin A.G. Study of the influence of computer game genres and players' psychological types on the effectiveness of marketing strategies // Practical Marketing. – 2023. – No. 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vliyaniya-zhanrov-kompyuternyh-igr-i-psihotipov-igrokov-na-effektivnost-marketingovyh-strategiy> (access date: 03.05.2024).
5. Bowser A., Hansen D., He Y., Boston C., Reid M., Gunnell L., Preece J. Using gamification to inspire new citizen science volunteers // Proceedings of the First International Conference on Gameful Design, Research, and Applications. – 2013. – <https://doi.org/10.1145/2583008.2583011>.
6. Cao T., Athey S., Donner H. Voter Confidence and Electoral Participation. – 2023. – URL: <https://electionlab.mit.edu/articles/voter-confidence-and-electoral-participation>.
7. Li Y., Li Y., Zhou X., Ma K. Impact of Gamification on Consumers' Favorability in Cause-Related Marketing Programs: Between-Subjects Experiments // JMIR Serious Games. – 2021. – 11. – <https://doi.org/10.2196/35756>.
8. Loh W. The Gamification of Political Participation // Moral Philosophy and Politics. – 2019. – 6. – P. 261–280. – <https://doi.org/10.1515/mopp-2018-0037>.
9. Marques C.G., Pedro J.P., Araújo I. A Systematic Literature Review of Gamification in/for Cultural Heritage: Leveling up, Going Beyond // Heritage. – 2023. – 6. – P. 5935–5951. – <https://doi.org/10.3390/heritage6080312>.
10. Sergeyeva O., Orekh E., Bogomiagkova E., Kolesnik N. Shift to digital gamification in political life (Russian cases) // Proceedings of the 4th International Conference on Smart City Applications. – 2019. – <https://doi.org/10.1145/3368756.3369057>.
11. Werbach K., Hunter D. For the win: How game thinking can revolutionize your business. – Philadelphia, PA: Wharton Digital Press, 2012.
12. Zichermann G., Cunningham C. Gamification by Design: Implementing Game Mechanics in Web and Mobile Apps. – O'Reilly Media, 2011.